СИЁСАТИ ҶИНОЯТӢ ДАР ҶОДАИ ТАМОЮЛҲОИ МУОСИРИ ҶАҲОНӢ

Маводи конференсияи байналмилалии илмӣ-амалӣ бахшида ба 20-солагии Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (ш. Душанбе, 25 майи соли 2018)

«УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ»

Материалы международной научно-практической конференции в честь 20-летия Уголовного кодекса Республики Таджикистан (г. Душанбе, 25 мая 2018 года)

**ВАЗОРАТИ КОРҲОИ ДОХИЛИИ
ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
АКАДЕМИЯ**

**МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
АКАДЕМИЯ**

СИЁСАТИ ҶИНОЯТӢ ДАР ҶОДАИ ТАМОЮЛҲОИ МУОСИРИ ҶАҲОНӢ

**Маводи конференсияи байналмилалии илмӣ-амалӣ
бахшида ба 20-солагии Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон
(ш. Душанбе, 25 майи соли 2018)**

«УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ»

**Материалы международной научно-практической конференции
в честь 20-летия Уголовного кодекса
Республики Таджикистан
(г. Душанбе, 25 мая 2018 года)**

Душанбе
«ЭР-граф»
2018

ББК 66.5+67.99 (2) 8
УДК 323+347 (575.3)
С-55

Узви ҳайати таҳририя:
Члены редакционной коллегии:

Юлдошев Р.Р. – сардори шуъбаи адъюнктураи Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ, дотсент, подполковники милитсия (начальник отдела адъюнктуры Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции);

Тошев А.М. – сардори шуъбаи ташкилӣ-илмӣ ва табъу нашри Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, номзади илмҳои ҳуқуқ, подполковники милитсия (начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, подполковник милиции);

Ҳусейнзода С.Ҳ. – сардори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2 Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, н.и.ҳ., подполковники милитсия (начальник кафедры уголовного права, криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, к.ю.н., подполковник милиции);

Каримова Л.М. – сарнозир оид ба робитаҳои байналмилалии Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, подполковники милитсия (главный инспектор по международным связям Академии МВД Республики Таджикистан, подполковник милиции).

Сиёсати ҷиноятӣ дар ҷодаи тамоюлҳои муосири ҷаҳонӣ : маводи конференсияи байналмилалии илмӣ-амалӣ // Зери назари умумии н.и.ҳ., дотсент Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе: «ЭР-граф», 2018. – 332 с.

Уголовная политика в контексте современных мировых тенденций : материалы международной научно-практической конференции // Под общей редакцией к.ю.н., доцента Ф.Р. Шарифзода. – Душанбе: «ЭР-граф», 2018. – 332 с.

Дар маводи конференсияи байналмилалии илмӣ-амалӣ суханҳои ифтитоҳӣ, маърӯзаҳо ва мақолаҳои илмии олимони варзидаи ҷумҳурӣ ва дигар давлатҳои аъзои ИДМ оид ба проблемаҳои актуалии илм ва амалияи сиёсати ҷиноятӣ ҷамъоварӣ гардидаанд.

Ақидаи ҳайати таҳририя метавонад ба нуқтаи назари муаллифони мақолаҳо мувофиқ наояд. Барои мазмуни мақолаҳо ва маълумотҳои саҳеҳ муаллифонашон масъул мебошанд. Мақолаҳо дар таҳрири муаллифон нашр карда мешавад. Ҳангоми пурра ё қисман чоп ё бо ҳар тарз истифода бурдани мавод, истинод ба сарчашма, муаллиф ва шумора ҳатмист.

В данном сборнике материалов международной научно-практической конференции представлены приветственные слова, выступления, научные статьи и доклады ведущих отечественных и других ученых государств-участников СНГ по актуальным проблемам науки и практики уголовной политики.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы материалов. Статьи публикуются в авторской редакции. При полной или частичной перепечатке или воспроизведении любым способом ссылка на источник обязательна.

ISBN 978-99975-69-25-7 ББК 66.5+67.99 (2) 8

© Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, 2018.
© Академия МВД Республики Таджикистан, 2018.

Мундарича

Содержание

Программа конференции *7*

Шарифзода Ф.Р. Приветственная речь 13

Конев А.Н. Приветственная речь 15

Абдуллаев Я.Дж. Вопросы обеспечения государственной защиты участников уголовного судопроизводства 16

Абдурашидзода А.А. (Абдурашидов А.А.) Политика Таджикистана в сфере исполнения уголовных наказаний 21

Алиева П.Х. Основы противодействия экстремизму в Таджикистане 25

Амиров А.А. Принсипи шаҳрвандии амали қонуни ҷиноятӣ дар макон 28

Архипцев И.Н. Общественная нравственность в области сексуальных отношений как объект уголовно-правовой охраны современного законодательства 30

Бабич А.А., Баргаринов А.Р. Кадровое обеспечение службы пробации 35

Баркарь А.В. Проблемы «пограничных состояний» в реализации уголовно-правовых запретов с использованием стоимостных критериев преступности деяний 38

Бедняк А.С. Использование инновационных технологий при проведении отдельных следственных действий в уголовном судопроизводстве Украины 41

Благута Р.И., Кунтий А.И. Реформирования органов досудебного расследования, путем создания института детективы в национальной полиции Украины 44

Богословская Е.В. Влияние досудебного соглашения о сотрудничестве на расследование уголовных дел в разумный срок 47

Бойко А.А. Современное состояние, проблемы и совершенствование исполнения наказаний в условиях реформирования УИС МВД Республики Казахстан 49

Борисенко К.А., Рясов А.А. О некоторых вопросах производства расследования преступлений в исправительных учреждениях 52

Буряковская Е.В. Об ответственности за доведение до самоубийства по уголовному законодательству Российской Федерации, Таджикистана, Турции и Судана 55

Бухориев Б.Р. Отграничение торговли людьми от использования рабского труда 58

Верещагина А.В. Окончание предварительного следствия с составлением обвинительного заключения в УПК РСФСР и УПК РФ: общее и особенное 61

Ветрова О.А., Гришин А.В. О проблемных вопросах выявления, раскрытия и расследования преступлений экономической и коррупционной направленности, затрагивающих конституционные права и свободы человека и гражданина 65

Владимиров С.В. Проблемы оценки действий водителя, совершившего наезд на пешехода на нерегулируемом пешеходном переходе, согласно правилам дорожного движения Российской Федерации и Республики Таджикистан 69

Владыкина Т. А. Уголовное преследование в Российской Федерации и Республике Таджикистан как юридическое понятие, процессуальный институт и уголовно-процессуальная деятельность 73

Власова С.В. Цифровая составляющая новой уголовной политики 76

Гаврилов Б.Я. Проблемы уголовно-правовой политики назначения наказания: позиция законодателя, мнение ученого и практика 79

Гайратов Т.М. Тенденции развития уголовного законодательства Республики Таджикистан о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства на современном этапе 84

Гришин А.В. Уголовная и уголовно-процессуальная политика по противодействию преступности в сфере экономической деятельности в контексте современных общемировых тенденций 88

Данилевская Ю.А., Данилевский А.А. Особенности уголовной ответственности за преступления в сфере оборота наркотиков и другие преступления против здоровья населения по УК Украины 95

Дворжицкая М.А. К вопросу об ответственности за прикосновенность к преступлению в некоторых государствах-участниках СНГ 99

Донанов Р.М. Организация выявления, раскрытия и расследования преступлений органами внутренних дел Республики Казахстан 102

Зеленцов А.А., Коломийченко Е.В. Наркоситуация в Республике Башкортостан: анализ показателей и меры противодействия 105

Какимбеков Р.Б. Эго-документы как источники изучения истории повседневности 111

Қаражан А.А., Ақылбекова А.Б. Мәжбүрлеп ұстау орындарындағы азаптаулардың алдын алу 115

Карпова О.В. Вопросы применения временного отстранения от должности по УПК Российской Федерации и УПК Республики Таджикистан 119

Коваленко Н.Р. Некоторые проблемы расследования посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних и пути их решения 121

Комиссаров С.А., Розовский Б.Г., Бочковой А.В. Общественный (публичный) порядок: проблемы и некоторые решения 124

Корж В.П. Криминалистический анализ экономических преступлений, совершаемых в условиях рыночных отношений 131

Қурбонзода Б.Ш. Экстремизм – таҳдиди миллӣ ва амнияти байналмилалӣ 135

Лянной Г.Г. Аннулирование лицензии на приобретение оружия и разрешения на хранение или хранение и ношение оружия, как мера административного принуждения, применяемая в сфере предпринимательской деятельности 138

Максименко А.В., Черняков С.А. Проблемы соотношения уголовной политики и уголовного права 143

Мардонов С.Р. Некоторые аспекты возникновения религиозно-политического экстремизма в Таджикистане 147

Маркосян М.М. Перспективы развития уголовно-правовой политики Республики Армения в сфере противодействия коррупционным преступлениям 150

Махмадзода Н. Субъективная сторона незаконного получения кредита 153

Меликсетян А.С. Уголовная ответственность за хищения сопряженные с насилием в Республике Армении: состояние и перспективы законодательной регламентации 156

Мирвода О.Н., Акимжанов Е.С. О некоторых вопросах совершенствования инновационных технологий в Академии 159

Мирвода О.Н. Основные пути совершенствования профессионального обучения сотрудников органов внутрених дел 161

Мирзоев Қ.Х. Ғоратгарӣ ҳамчун як шакли тасарруф 164

Музафаров С.З. Судимость и проблема ее учета при амнистии по уголовному законодательству Таджикистана и России 169

Мухтабаева Р.К. О государственной политике Казахстана по вопросу предупреждения пыток: итоги и перспективы 174

Назаров А.К. Понятие наказания в исламском праве 178

Нарзуллоев С.С. Табиати ҳуқуқии ҷиноятии вайрон кардани қоидаҳои ҳаракати роҳ ва истифодаи воситаҳои нақлиёт 182

Наумова А.А. Проблемы законодательного регулирования реабилитации в Украине 189

Нугаева Э.Д. О некоторых особенностях мошенничества в виде оказания оккультных услуг на дому 192

Осипова Н.В. О современном состоянии механизма правового регулирования противодействия экстремизму в России 197

Парфенов А.А. Проблемы разграничения процессуального статуса эксперта и специалиста в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан 197

Плетенец В.Н. Криминалистическое обеспечение преодоления противодействия уголовному судопроизводству: постановка проблемы 208

Политова А.С. Уголовный проступок в контексте современных тенденций уголовной политики Украины 212

Пьянников В.И. Некоторые аспекты борьбы с наркопреступлениями 217

Раҳмонзода М.Ҷ. Таҳлили ҳуқуқи ҷиноятии фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ тибқи қонунгузори ҷиноятии давлатҳои аъзои ИДМ 221

Родивилина В.А., Шаевич А.А. Современные мировые тенденции использования систем видеоконференц-связи в борьбе с преступностью 225

Сайфуллоев У.А. К вопросу о предмете взяточничества 228

Сафарзода А.И. Уголовно-правовая политика по защите предпринимательской деятельности в Республике Таджикистан: становление, современное состояние и перспективы развития 236

Сверчков В.В. О возрастном минимуме для привлечения виновного к уголовной ответственности 240

Ситдикова Г.З. Правовые основы противодействия экстремизму
в Российской Федерации и Республике Таджикистан 245

Скиба А.П. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации
и Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах,
исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»:
некоторые коллизии законодательства 250

Соловьёва Н.А., Перекрестов В.Н. Защита в судебных стадиях уголовного процесса 253

Сорокун Н.С. Преступления, нарушающие право несовершеннолетнего
в сфере профессиональной ориентации,
профессиональной подготовки и занятости 257

Тайшыбаева А.С., Сагынтаева А.А. Рекомендации по осмотру
и фиксации результатов по делам об авиационных катастрофах 261

Татьянина Л.Г., Лукомская А.С. Конституционные основы
правового положения потерпевшего в уголовном судопроизводстве России 266

Таюрская Е.А. Последствия как кримообразующий признак
состава преступления, предусмотренного ст. 267 УК РФ 271

Тимофеева Е.А. О мировом опыте применения
системы электронного мониторинга подконтрольных лиц 274

Титов А.Н. О реформировании органов предварительного расследования
в Донецкой Народной Республике 279

Третьякова Е.И., Рогов А.П. Современные тенденции регламентации
и производства обыска 284

Трофимов В.Е. Уголовно-правовая оценка состояния
опьянения водителя транспортного средства в свете его криминализации
современным уголовным законодательством 287

Ужахов А.С. Уголовное и криминологическое законодательство
Российской Федерации о предупреждении преступлений
как цели применения наказаний 291

Усачев А.А., Котлярова Л.Н. Производство следственных действий
до возбуждения уголовного дела 294

Федченко В.М., Павлова Н.В. Особености полномочий
Генеральной Прокуратуры Украины как субъекта
международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства 298

Шадрин О.Ю. Характерные черты мирового терроризма
и основные направления борьбы с ним
в современных геополитических условиях 302

Шаймуханов А.Х. Проблемные вопросы при проведении
оперативно-розыскных мероприятий 306

Шарифзода Ф.Р., Солиев К.Х. Адаптация уголовной политики
к современным условиям 308

Шинкарук В.М. Обеспечение состязательности на стадии
предварительного расследования 311

Щербич А.Н. Вопросы квалификации преступлений, связанных с организацией
либо содержанием притонов или систематическим предоставлением помещений
для потребления наркотических средств, психотропных веществ
или их аналогов: теория и практика 314

Юлдошев Р.Р. Уголовная политика Республики Таджикистан
в контексте современных тенденций 318

Резолюция конференции 329

«УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ»

международная научно-практическая конференция

в честь 20-летия Уголовного кодекса Республики Таджикистан

П Р О Г Р А М М А

Место проведения: г. Душанбе, Большой Зал Академии МВД Республики Таджикистан

Рабочие языки конференции: таджикский, русский и английский.

Для официального освещения хода конференции в зале присутствуют представители средств массовой информации

г. Душанбе

25 мая 2018 г.

09.30-09.50 Регистрация участников конференции

	Время
Открытие конференции: **ШАРИФЗОДА Файзали Рахмонали –** начальник Академии МВД Республики Таджикистан, генерал-майор милиции, кандидат юридических наук, доцент	**10.00 – 10.10**
Приветственные слова **КОНЕВ Андрей Николаевич** – начальник Академии управления МВД России, доктор технических наук, доцент, генерал-лейтенант полиции **УМЕТОВ Алижан Уметович –** начальник Института послевузовского образования Карагандинской академии МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, полковник полиции	**10.10 – 10.40**
СЕССИЯ I: **Реализация уголовной политики в контексте соблюдения прав и свобод человека и гражданина органами внутренних дел** **Модератор:** **САИДЗОДА Зикрулло Али** – заместитель начальника Академии МВД Таджикистана	
Доклад: **«Адаптация уголовной политики к современным условиям»** **Докладчик:** **СОЛИЕВ Карим Хаджиевич** – начальник ОИУ МВД Республики Таджикистан, полковник милиции, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Таджикистана	**10.40 – 10.50**
Обсуждение и обобщение темы: • представители правоохранительных органов Республики Таджикистан (суды, прокуратура, МВД, АКН, АГФКБК, ТК РТ и т.д.); • представители академических кругов Таджикистана; • представители учебных заведений государств-участников СНГ; • представители адвокатуры и неправительственных организаций; • представители аккредитованных в Таджикистане международных организаций.	**10.50 – 11.00**
Доклад: **«Уголовно-правовая политика по защите предпринимательской деятельности в Республики Таджикистан: становление, современное состояние и перспективы развития»**	**11.00 – 11.10**

Докладчик: **САФАРЗОДА Анвар Ислом –** заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук, доцент	
Обсуждение и обобщение темы: • представители правоохранительных органов Республики Таджикистан (суды, прокуратура, МВД, АКН, АГФКБК, ТК РТ и т.д.); • представители академических кругов Таджикистана; • представители учебных заведений государств-участников СНГ; • представители адвокатуры и неправительственных организаций; • представители аккредитованных в Таджикистане международных организаций.	**11.10 – 11.20**
Доклад: **«Уголовная политика Республики Таджикистан в контексте современных тенденций»** **Докладчик:** **ЮЛДОШЕВ Рифат Рахмаджонович** – начальник отдела адъюнктуры Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент, майор милиции	**11.20 – 11.30**
Обсуждение и обобщение темы: • представители правоохранительных органов Республики Таджикистан (суды, прокуратура, МВД, АКН, АГФКБК, ТК РТ и т.д.); • представители академических кругов Таджикистана; • представители учебных заведений государств-участников СНГ; • представители адвокатуры и неправительственных организаций; • представители аккредитованных в Таджикистане международных организаций.	**11.30 – 11.40**
Доклад: **«Тенденции развития уголовного законодательства Республики Таджикистан о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства на современном этапе»** **Докладчик:** **ГАЙРАТОВ Тимуршо Муборакшоевич** – старший преподаватель Высшей школы Государственного комитета национальной безопасности Республики Таджикистан, подполковник, кандидат юридических наук	**11.40 – 11.50**
Обсуждение и обобщение темы: • представители правоохранительных органов Республики Таджикистан (суды, прокуратура, МВД, АКН, АГФКБК, ТК РТ и т.д.); • представители академических кругов Таджикистана; • представители учебных заведений государств-участников СНГ; • представители адвокатуры и неправительственных организаций; • представители аккредитованных в Таджикистане международных организаций.	**11.50 – 12.00**

Фотоссесия	
ОБЕД	**12.00 – 13.00**
СЕССИЯ II: **Актуальные проблемы уголовного законодательства Республики Таджикистан и стран СНГ**	
Модератор: **ХУСЕЙНЗОДА Сино Хотами** – начальник кафедры уголовного права, криминологии и психологии Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, подполковник милиции	
Доклад: **«Уголовный кодекс Республики Таджикистан как основной источник определяющий преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия»** **Докладчик:** **ХУСЕЙНЗОДА Сино Хотами –** начальник кафедры уголовного права, криминологии и психологии Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, подполковник милиции	**13.00 – 13.20**
Обсуждение и обобщение темы: • представители правоохранительных органов Республики Таджикистан (суды, прокуратура, МВД, АКН, АГФКБК, ТК РТ и т.д.); • представители академических кругов Таджикистана; • представители учебных заведений государств-участников СНГ; • представители адвокатуры и неправительственных организаций; • представители аккредитованных в Таджикистане международных организаций.	**13.20 – 13.30**
Доклад: **«Развитие и проблемы уголовного законодательства в сфере противодействия экстремизму»** **Докладчик:** **САФАРОВ Хаёт Саидамирович** – начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии МВД Республики Таджикистан, кандидат юридических наук, доцент	**13.30 – 13.50**
Обсуждение и обобщение темы: • представители правоохранительных органов Республики Таджикистан (суды, прокуратура, МВД, АКН, АГФКБК, ТК РТ и т.д.); • представители академических кругов Таджикистана; • представители учебных заведений государств-участников СНГ;	**13.50 – 14.00**

• представители адвокатуры и неправительственных организаций; • представители аккредитованных в Таджикистане международных организаций.	
Доклад: **«Преступления, нарушающие право несовершеннолетнего в сфере профессиональной ориентации, профессиональной подготовки и занятости»** **Докладчик:** **СОРОКУН Николай Сергеевич** – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции	**14.00 – 14.20**
Обсуждение и обобщение темы: • представители правоохранительных органов Республики Таджикистан (суды, прокуратура, МВД, АКН, АГФКБК, ТК РТ и т.д.); • представители академических кругов Таджикистана; • представители учебных заведений государств-участников СНГ; • представители адвокатуры и неправительственных организаций; • представители аккредитованных в Таджикистане международных организаций.	**14.20 – 14.30**
Доклад: **«Процесс разработки, обсуждения и принятия Уголовного кодекса Республики Таджикистан 1998 г.»** **Докладчик:** **АЗИЗЗОДА Убайдулло Абдулло** – профессор кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета, доктор юридических наук, профессор	**14.30 – 14.50**
Обсуждение и обобщение темы: • представители правоохранительных органов Республики Таджикистан (суды, прокуратура, МВД, АКН, АГФКБК, ТК РТ и т.д.); • представители академических кругов Таджикистана; • представители учебных заведений государств-участников СНГ; • представители адвокатуры и неправительственных организаций; • представители аккредитованных в Таджикистане международных организаций.	**14.50 – 15.00**
Доклад: **«Классификация преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства»** **Докладчик:** **КУДРАТОВ Некруз Абдунабиевич** – заведующий кафедрой коммерческого права Таджикского государственного университета коммерции, кандидат юридических наук, доцент	**15.00 – 15.20**

Обсуждение и обобщение темы: • представители правоохранительных органов Республики Таджикистан (суды, прокуратура, МВД, АКН, АГФКБК, ТК РТ и т.д.); • представители академических кругов Таджикистана; • представители учебных заведений государств-участников СНГ; • представители адвокатуры и неправительственных организаций; • представители аккредитованных в Таджикистане международных организаций.	**15.20 – 15.40**
Доклад: **«Роль законодательного органа и отечественное законодательство при разработке, принятии и утверждении норм Уголовного кодекса Республики Таджикистан»** **<u>Докладчик:</u>** **ШАРИФЗОДА Шарифбек Мурод** – главный специалист отдела Аппарата Маджлиси милли Маджлиси Оли Республики Таджикистан	**15.40 – 15.50**
Обсуждение и обобщение темы: • представители правоохранительных органов Республики Таджикистан (суды, прокуратура, МВД, АКН, АГФКБК, ТК РТ и т.д.); • представители академических кругов Таджикистана; • представители учебных заведений государств-участников СНГ; • представители адвокатуры и неправительственных организаций; • представители аккредитованных в Таджикистане международных организаций.	**15.50 – 16.00**
Подведение итогов: Обсуждение проекта заключительного документа конференции и подведение итогов конференции	**16.00 – 16.30**
КОФЕ-БРЕЙК	

ПРИВЕТСТВЕННАЯ РЕЧЬ

НАЧАЛЬНИКА АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН, КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТА, ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА МИЛИЦИИ ФАЙЗАЛИ РАХМОНАЛИ ШАРИФЗОДА

Уважаемые гости и коллеги!

Рад искренне и сердечно приветствовать участников международной научно-практической конференции «Уголовная политика в контексте современных мировых тенденций», посвященной 20-летию Уголовного кодекса Республики Таджикистан. Данное событие представляет для нас особую ценность еще в силу того, что в работе этого значительного мероприятия принимают участие наши коллеги из Российской Федерации и Республики Казахстан. И в этой связи, для меня является большой честью представить Вам наших уважаемых гостей:

Конева Андрея Николаевича – начальника Академии управления МВД России, кандидата юридических наук, доктора технических наук, доцента, генерал-лейтенанта полиции;

Уметов Алижан Уметович – начальник Института послевузовского образования Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова, полковник полиции;

Агафонов Михаил Вячеславович – помощник начальника Академии управления МВД России по международному сотрудничеству, руководитель группы международного сотрудничества, майор полиции;

Ханнанов Радмил Рафкатович – старший преподаватель кафедры организации оперативно-разыскной деятельности Академии управления МВД России, подполковник полиции;

Радионов Дмитрий Валерьевич – слушатель факультета подготовки руководителей территориальных органов внутренних дел Академии управления МВД России, майор полиции;

Рахимов Серик Сапарович – старший преподаватель кафедры уголовного процесса Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова, майор полиции.

Формат нашей международной конференции не оставил равнодушным наших коллег, ученых и практиков из разных городов и ведущих ВУЗов Российской Федерации и ряда стран СНГ, а также дальнего и ближнего зарубежья. Многие коллеги в рамках нашего мероприятия участвуют заочно и с основным содержанием их докладов можно будет ознакомиться в сборнике материалов конференции, который планируется к изданию после окончания работы конференции.

Уважаемые гости и коллеги.

Уголовный кодекс Республики Таджикистан с момента принятия и введения в действие претерпел немало изменений и дополнений, которые существенным образом изменили уголовную политику. В последние годы в уголовном праве наметился ряд тенденций, которые требуют своего осмысления, поскольку затрагивают права и интересы граждан в сфере борьбы с преступностью.

Оценивая осуществление правовой реформы, проводимой в сфере законодательной регламентации борьбы с преступностью, следует подчеркнуть принципиальное значение принятых в ходе ее новых законодательных актов – в числе которых и Уголовный кодекс республики.

Он пришел на смену действовавшему ранее кодексу, который не только уже не соответствовал, но и во многом противоречил социально- политическим, экономическим и криминологическим реалиям, сложившимся в нашей республике в 90-е годы, и был призван обеспечить успешную деятельность правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

Столь крупное событие, как принятие в 1998 году Уголовного кодекса, знаменует собой реализацию важнейшего этапа правовой реформы, проводимой в Республике Таджики-

стан. В Уголовном кодексе должна быть реализована стратегия уголовно-правовой политики как составной части политики в сфере борьбы с преступностью.

Значительное влияние на нормотворческий процесс оказывают положения Конституции Республики Таджикистан о защите прав и свобод человека и международные правовые акты. Однако общие позиции о приоритетах уголовно-правовой защиты интересов личности, общества и государства, их сбалансированности на уровне разработки конкретных институтов и норм уголовного законодательства могут существенно различаться, что в конечном счете и повлияло на формирование нового Уголовного кодекса и, несомненно, оказывает воздействие на подготовку изменений и дополнений к нему.

Противоречивость правовых взглядов касается таких узловых вопросов содержания уголовно-правовой политики, как криминализация и декриминализация деяний, оценка их наказуемости.

Необходимо также отметить, что в ключевых документах в области уголовной политики, которые были приняты в Таджикистане, также отсутствует системность. В таких случаях, общие позиции могут отступать на второй план.

Подобных примеров можно привести немало. Уверен, что на конференции будут рассмотрены все эти проблемные вопросы и специалисты представят свои конкретные и обоснованные рекомендации по совершенствованию отечественного уголовного законодательства.

В этом контексте необходимо подчеркнуть, что любое государство существует не в изолированном пространстве и оценка уголовной политики и уголовного законодательства предполагает представление о современном мире и тенденциях его изменения.

По нашему глубокому убеждению, глобализация преступности, принимающей транснациональный характер, требует согласования действий государств всего мира.

Реальность такова, что география распространения конфликтов имеет тенденцию к расширению, глобальные вызовы сегодня оказывают давление на основы миропорядка и принципы международных отношений.

Дальнейшее продолжение этой ситуации может привести к углублению вызовов и угроз не только в политической, экономической и гуманитарной сферах, но также и в области безопасности.

В этой связи необходимо отметить, что в настоящее время наша страна предпринимает все зависящие от нее меры по формированию соответствующего внутреннего и внешнего потенциала для своевременного реагирования на глобальные вызовы и угрозы.

В этом процессе для Республики Таджикистан весьма важным является еще большая интеграция с мировым и региональным сообществом, налаживание широкого сотрудничества.

Как справедливо отмечал в своих выступлениях Основатель мира и национального единства, Лидер нации, Президент Республики Таджикистан, уважаемый Эмомали Рахмон, политика «открытых дверей», как краеугольный камень наших отношений с современным миром доказала свою реалистичность, правильность и прагматичность.

Именно эта политика позволила нам расширить круг партнеров и создала благоприятную основу для эффективного участия нашей страны в деятельности международных и региональных организаций.

В этой связи, членство нашей Академии в Ассоциации высших учебных заведений МВД (полиции) государств – участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции) является прекрасной возможностью для реализации планов по сближению нашего сотрудничества в области подготовки профессиональных сотрудников, способных решать задачи борьбы с преступностью не только в локальных, но и в межгосударственных масштабах.

В этой связи, особую надежду мы возлагаем на активное взаимодействие с Вами, уважаемые гости, так как мы имеем много общего в плане совместного сотрудничества во многих областях, в том числе, и в подготовке кадров для органов внутренних дел.

В заключении хочу еще раз отметить важность и необходимость проведения такого рода конференций и пожелать всем участникам сегодняшнего мероприятия плодотворных научных дискуссий, активного обсуждения наболевших и уже давно созревших проблем.

ПРИВЕТСТВЕННАЯ РЕЧЬ

НАЧАЛЬНИКА АКАДЕМИИ УПРАВЛЕНИЯ МВД РОССИИ, КАНДИДАТА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ДОКТОРА ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТА, ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА ПОЛИЦИИ КОНЕВА АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА

Уголовная политика в контексте современных мировых тенденции

Сегодня в Академии проводится конференция по, наверное, самой актуальной проблеме современности - по проблеме поиска новых форм и методов противодействия преступности. Ни для кого не секрет, что преступность является одной из угроз национальной безопасности. Поэтому целью любого государства является обеспечение безопасности личности, общества и самого государства от криминальных посягательств. Деятельность государства по достижению этой цели и составляет суть уголовной политики. В широком смысле, уголовная политика – это стратегия борьбы с преступностью, крупномасштабное направление деятельности государства по обеспечению безопасности граждан, общества и самого государства от криминальных посягательств, основанная на использовании уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных, оперативно-розыскных средств и методов.

Конференция носит международный характер и это не случайно, так как преступность не имеет границ, следовательно, и борьба с ней должна осуществляться совместными усилиями государств.

Борьба с преступностью не может осуществляться стихийно. Для ее проведения необходима постановка целей, задач, определение средств и методов. И от того, насколько правильно и своевременно это сделано, в последующем будет зависеть эффективность проводимой государством уголовной политики.

Следует подчеркнуть, что цели, задачи и приоритеты, определяемые и реализуемые государственной властью, не являются раз и навсегда установленными. Меняется состояние, структура, динамика преступности – должны меняться и средства, и методы борьбы с ней.

В последнее время значение уголовной политики, несомненно, возрастает. Дело в том, что в стабильном обществе уголовная политика находится как бы на втором плане, является вспомогательной, обеспечивающей по отношению к другим направлениям деятельности государства (экономической, социальной, информационной и т.д.). В условиях необходимости совершенствования политической, экономической, социальной и иных сфер общественных отношений она становится одним из основных средств стабилизации жизни общества в целом.

В Академии управления МВД России создана кафедра уголовной политики и более 20 лет преподается дисциплина «Уголовная политика», которая является необходимой составной частью профессиональной подготовки эрудированного специалиста широкого профиля – организатора управления в сфере охраны правопорядка и борьбы с преступностью. Такой специалист должен обладать глубокими и современными познаниями, умениями и навыками, с тем, чтобы на основе научно обоснованной оценки криминальной ситуации и тенденций ее развития, понимания задач правоохранительных органов в целом и отдельных подсистем их деятельности в частности, уметь принимать адекватные управленческие решения по эффективному применению уголовно-правовых средств, использованию соответствующих ресурсов, средств и методов.

Надеюсь, что наше общение в рамках сегодняшней конференции внесет свой вклад в дальнейшее развитие концептуальных основ уголовной политики и решение проблем ее реализации на различных уровнях.

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЗАЩИТЫ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Абдуллаев Я.Дж., доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции

Порядок осуществления государственного механизма, обеспечение прав и законных интересов граждан невозможно без решения задач правосудия. В реализации задач правосудия, особое значение приобретает укрепление правовой защищенности граждан, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. Проведение судебной реформы в России, усиление роли судов в обеспечении создания правового государства обусловили необходимость повышения действенности уголовно-правовой защиты лиц, осуществляющих и обеспечивающих правосудие.

Этими основными доводами и объясняется необходимость усиления уголовной ответственности за посягательства на интересы правосудия, в том числе участников уголовного процесса, которые по различным основаниям вовлекаются в сферу уголовно-процессуальных отношений.

В настоящее время круг посягательств на участников уголовного процесса определен действующим уголовным законодательством в гл. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [1].

Понятно, что целью судопроизводства законодателем признается равная общественная опасность посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование, а также иных участников уголовного судопроизводства, то есть интересы правосудия и интересы личности охраняются в равной степени, независимо от выполняемых ими функций в уголовном судопроизводстве.

Данную уголовно-процессуальную позицию законодателя, на мой взгляд, следует признать обоснованной, так как ценность человеческой жизни не может изменяться в зависимости от должностного положения того или иного лица.

В системе органов внутренних дел России, в соответствии с указом президента РФ от 06 сентября 2008 г. № 1316, функции по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, возложены на Центры по обеспечению государственной защиты МВД, ГУ МВД, УМВД по субъектам РФ. Данные Центры входят в состав оперативных подразделений ОВД системы МВД России и являются субъектами оперативно-розыскной деятельности. Основаниями применения мер безопасности являются данные о наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве.

С момента вступления в законную силу Федерального закона от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», и в последующем создания специальных подразделений по реализации мер, предусмотренных данным федеральным законом, установлены принципы осуществления и виды государственной защиты, включающие меры безопасности и социальной поддержки, определены органы, обеспечивающие государственную защиту, и порядок применения мер по обеспечению безопасности лиц участвующих в уголовном судопроизводстве [2].

Вопросы осуществления государственной защиты затрагивают сферы деятельности многих федеральных органов исполнительной власти, поэтому реализация Федерального закона в полной мере возможна только при условии, консолидации их усилий, по решению комплекса проблем обеспечения безопасности защищаемых лиц.

Это особенно актуально при небольшом практическом опыте следователей и сотрудников центров, по обеспечению безопасности лиц подлежащих государственной защиты по применению конкретных мер в соответствии с ФЗ № 119 от 20 апреля 2004 года.

В соответствии со ст. 86 УПК РФ, законодатель выделил три группы субъектов собирания доказательств:

а) государственные органы и должностные лица (дознаватель, следователь, прокурор и суд), уполномоченные осуществлять уголовное судопроизводство, которые наделены наиболее широкими правами доказывания путем проведения следственных и иных процессуальных действий;

б) участники уголовного процесса, чьи законные интересы и права обусловлены событием преступления (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец и гражданский ответчик, а также их представители), которые вправе собирать и представлять письменные документы и предметы для приобщения их к уголовному делу в качестве доказательств;

в) защитник, который вправе собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса частных лиц с их согласия; истребования справок, характеристик и иных документов из организаций, которые обязаны представлять запрашиваемые документы или их копии [3].

Субъектами посягательств на участников уголовного процесса могут быть любые лица, в той или иной степени заинтересованные в принятии незаконных решений по уголовным делам (подсудимые, подозреваемые, обвиняемые, их родственники или знакомые, не выявленные соучастники преступления, свидетели, и т.п.). В круг таких посягательств вовлекается достаточно широкий круг лиц, не имеющих непосредственного отношения к событию расследуемого преступления (например, специально нанятые для оказания противоправного воздействия лица). Таким образом, все чаще противоправное воздействие оказывается на лиц как носителей доказательственной информации о преступлении или, как на субъектов расследования и судебного разбирательства путем воздействия на их сознание, мышление, память (например, подкуп, угроза, шантаж, оказание физического воздействия, похищение близких, консультирование и др.). Известны факты, когда оказываемое воздействие на свидетеля, потерпевшего и иных участников уголовного процесса, в том числе и на следователя является дерзким и неприкрытым. В результате подобных противоправных деяний участники уголовного судопроизводства вынуждены давать ложные показания, делать заведомо ложные доносы о совершении преступлений.

Возможно, это связано с тем, что орган расследования зачастую на первоначальном этапе не фиксируют в процессе опросов (допросов) или получения иной информации о фактах давления и других противоправных действиях в отношении участников уголовного судопроизводства.

Также полагаю, что причиной тому является сложность своевременного, полного и более предметного сбора и закрепления доказательств, противоправного воздействия на участников уголовного судопроизводства. Безусловно, изложенные причины имеют субъективное оправдание, но они подлежат устранению. Законодатель предусматривает процессуальные и не процессуальные способы защиты участников уголовного судопроизводства от противоправного воздействия со стороны иных лиц, а своевременное и качественное закрепление противоправных деяний в последующем может являться основанием для возбуждения уголовного дела по признакам ст. 309 УК РФ.

Оперативно-разыскная деятельность является одной из форм правоохранительной деятельности, имеет исключительно государственный характер и направлена на добывание информации, выявление скрытых (скрываемых) преступлений, признаков и фактов преступной деятельности, их субъектов, розыск скрывшихся лиц. Такое направление деятельности строго определено и санкционировано государством.

Одним из оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий, согласно Федерального закона об оперативно-розыскной деятельности от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ, [4, ч.5 ст. 7], является постановление о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц, осуществляемых уполномоченными на то государственными органами в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации. Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, согласно ч. 6 ст. 14 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, обязаны содействовать обеспечению безопасности и сохранности имущества своих сотрудников, лиц,

оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, участников уголовного судопроизводства, а также членов семей и близких указанных лиц от преступных посягательств.

Считаю, что такая деятельность должна рассматриваться в тесной взаимосвязи с уголовно-процессуальной деятельностью. Это проявляется в том, что сотрудники подразделений государственной защиты, осуществляя деятельность по выявлению лиц, причастных к преступлению, установлению обстоятельств преступления, выявлению фактов противоправных деяний, фактических данных, свидетельствующих о происшедшем, добывая информацию, анализируют её, определяют обоснованность совершения противоправных деяний конкретными лицами, а впоследствии передают ее для дальнейшего принятия процессуального решения в следственные или в судебные органы.

Общая компетенция подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, определяется Конституцией Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.), Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», Федеральным законом от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов».

Кроме того, правовыми источниками регулирования правоотношений в области обеспечения безопасности лиц подлежащих государственной защиты являются: Уголовный кодекс РФ, обеспечивающий государственную защиту свидетелей путем установления уголовной ответственности за противоправные деяния (ст. 295, ч. 2 ст. 296, ст. 309, ст. 311 УК РФ), и УПК РФ.

Согласно ч. 3 ст. 11 УПК РФ уголовно-процессуальные меры обеспечения безопасности могут быть предприняты судом, следователем, органом дознания и дознавателем в пределах своей компетенции при наличии достаточных данных о том, что свидетелю или иному участнику уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями. В части 9 ст. 166 УПК РФ закрепляется право следователя при поступлении угрозы обоснованно обеспечить безопасность свидетеля, не оглашая данные о его личности в протоколе следственного действия, в котором участвуют свидетель или другой участник уголовного судопроизводства.

Одним из результативных способов допроса участников уголовного судопроизводства, в отношении которых, обосновано поступают реальная угроза, предусмотрено ч. 1;2;4 ст. 278 УПК РФ, где определено необходимость обеспечения безопасности свидетелей, их близких, родственников, суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, о чем суд выносит определение или постановление. В такой ситуации свидетель может давать показания из соседней комнаты или с использованием видеоконференции.

В случае заявления сторонами обоснованного ходатайства о раскрытии подлинных сведений о лице, дающем показания, в связи с необходимостью осуществления защиты подсудимого либо установления каких-либо существенных для рассмотрения уголовного дела обстоятельств, суд вправе предоставить сторонам возможность ознакомления с указанными сведениями.

Известны факты, когда оказываемое воздействие на свидетеля, потерпевшего и иных участников уголовного процесса, в том числе и на следователя, является дерзким и неприкрытым.

В результате совершения подобного преступления уголовные дела подлежат рассмотрению другим составом суда, где необходимо более предметно устанавливать объективную истину по делу (особенно по многоэпизодным, тяжким и особо тяжким преступлениям), что приводит к затягиванию принятия законного процессуального решения по делу. Здесь воз-

никает реальная возможность оказывать давление на участников уголовного судопроизводства, которые впоследствии вынуждены давать ложные показания, делать заведомо ложные доносы о совершении преступлений или вовсе менять показания.

Если взять за основу Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» то государственной защите подлежащие следующие лица:

Судьи всех судов общей юрисдикции и арбитражных судов, арбитражные заседатели, присяжные заседатели; прокуроры; следователи; лица, производящие дознание; лица, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность; сотрудники федеральных органов внутренних дел, осуществляющие охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности, а также исполнение приговоров, определений и постановлений судов (судей) по уголовным делам, постановлений органов расследования и прокуроров; сотрудники учреждений и органов уголовно-исполнительной системы; военнослужащие внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации, принимавшие непосредственное участие в пресечении действий вооруженных преступников, незаконных вооруженных формирований и иных организованных преступных групп; сотрудники органов федеральной службы безопасности; сотрудники органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ; судебные исполнители; работники контрольных органов Президента Российской Федерации, осуществляющие контроль за исполнением законов и иных нормативных правовых актов, выявление и пресечение правонарушений; сотрудники федеральных органов государственной охраны; работники таможенных и налоговых органов, федеральных органов государственного контроля, Федеральной службы по финансовому мониторингу и Счетной палаты Российской Федерации [5].

При этом данный Федеральный закон обоснованно предусматривает принятие следующих мер безопасности к вышеперечисленным должностным лицам.: Личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности; временное помещение в безопасное место; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах; перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы; переселение на другое место жительства; замена документов, изменение внешности. Очевидно, что данные меры безопасности требуют огромные финансовые затраты и в связи с этим в целях реализации предусмотренных в настоящей статье мер безопасности могут проводиться оперативно-розыскные мероприятия в порядке, установленном Законом Российской Федерации "Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации".

Защищаемое лицо, в отношении которого принято решение о применении мер безопасности, в соответствии с ФЗ обладает правами: знать о применяющихся в отношении его мерах безопасности; просить о применении или неприменении в отношении его конкретных мер безопасности, перечисленных в части первой статьи 5 настоящего Федерального закона; требовать от органа, обеспечивающего безопасность, применения в отношении его кроме осуществляемых иных мер безопасности, предусмотренных настоящим Федеральным законом, или отмены каких-либо из осуществляемых мер безопасности; обжаловать в вышестоящий по подчиненности орган, обеспечивающий безопасность, в прокуратуру либо в суд незаконные решения и действия должностных лиц, осуществляющих меры безопасности.

Что касается обязанностей защищаемого лица то оно обязано: выполнять законные требования органа, обеспечивающего безопасность; незамедлительно информировать указанный орган о каждом случае угрозы или противоправных действий в отношении его; бережно обращаться с имуществом, выданным ему указанным органом в личное пользование для обеспечения безопасности; не разглашать сведения о принимаемых в отношении его мерах безопасности без разрешения органа, осуществляющего эти меры. Понятно, что применяемые меры не носит постоянный характер и при реальном отсутствии угрозы подлежат отмене, и таким основанием является устранение угрозы безопасности защищаемого лица либо в случае возникновения иных оснований для отмены мер безопасности уполномоченным на это должностным лицом, выносится соответствующее мотивированное постановле-

ние, которое объявляется защищаемому лицу. Такое постановление может быть обжаловано заинтересованными лицами в порядке, предусмотренном частью четвертой статьи 14 настоящего Федерального закона.

Полагаю, что Российскому праву необходимо учитывать законодательный и практический опыт других государств, программы которых не ограничиваются защитой только лиц, участвующих в уголовном процессе, а распространяются и на других лиц, содействующих расследованию, независимо от их гражданства, национальности, пола, имущественного, должностного и социального положения, а также образования, принадлежности к общественным объединениям, отношения к религии и политическим убеждениям, причем в ряде случаев защита обеспечивается в течение довольно продолжительного времени, а в исключительных ситуациях - пожизненно.

В настоящее время необходима дальнейшая смена целевых ориентиров в деятельности правоохранительных органов – приоритетом должна стать не отвлеченная борьба с преступностью, а противодействие ей через защиту каждого гражданина от преступных посягательств (последовательная переориентация идеологии организации работы правоохранительных органов с карательной функцией на предоставление услуг по обеспечению безопасности и защите прав личности).

Список использованной литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: [федеральный закон: принят Государственной Думой 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018, с изм. от 25.04.2018) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

2. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (в ред. от 07.02.2017) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон: принят Государственной Думой 18 декабря 2001 г.: по состоянию на 23 апреля 2018 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

4. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 06.07.2016).

5. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов : федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ (в ред. от 25.12.2012) / Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 17, Ст. 1455.

ПОЛИТИКА ТАДЖИКИСТАНА В СФЕРЕ ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ

Абдурашидзода А.А. (Абдурашидов А.А.,) секретарь Учёного совета Академии МВД Республики Таджикистан, доцент кафедры уголовного права криминологии и психологии факультета № 2 Академии МВД Республики Таджикистан, к.ю.н., подполковник милиции

Уголовная политика Таджикистана в области назначения и исполнения уголовных наказаний развивается в направлении гуманизации системы мер уголовно-правового воздействия, повышения эффективности исполнения различных видов наказаний, в целях достижения поставленных перед ними целей. Функция исполнения наказаний является объективно необходимой для любого государства. Пока существует преступность, государство вынуждено обращаться к наказанию лиц, его совершивших. Органы и учреждения, исполняющие наказания в совокупности представляют собой определенную систему. В зависимости от особенностей политики государства в сфере исполнения наказаний, сложившихся традиций в различных странах данную систему определяют как тюремную, пенитенциарную. В настоящее время данная политика стала называться системой исполнения уголовных наказаний, а система, ее реализующая, соответственно, системой исполнения уголовного наказания Закон Республики Таджикистан «О системе исполнения уголовного наказания». На законодательном уровне данный термин нашел свое отражение в ст. 5 Закона Республики Таджикистан «О системе исполнения уголовного наказания» [1.]. Любой социальный институт, в том числе и система исполнения уголовных наказаний, создается для удовлетворения определенных социальных потребностей, которые характеризуют роль института в обществе. Цели и задачи системы исполнения уголовных наказаний важны для формирования ее структурных подразделений, функциональных обязанностей сотрудников. Общество же заинтересовано в системе исполнения уголовных наказаний, прежде всего, в качестве института, обеспечивающего защиту от преступности. В связи с этим нельзя не согласиться с В.И. Селиверстовым, который полагает, что уголовно-исполнительная система XXI века должна стать системой, свободной от узковедомственных интересов, ориентированной на конечную цель функционирования – защиту общества от преступных посягательств [2. 69 с.].

Важным признаком системы исполнения уголовных наказаний как социального института является ее функционально-структурное построение. Анализируемая система носит четко выраженный характер: она решает правоохранительные задачи (охрану осужденных, конвоирование, организует оперативно-розыскную деятельность, обеспечивает розыск бежавших осужденных), организует воспитательную работу с осужденными, производственно-хозяйственную деятельность, медицинское и материально-бытовое обеспечение.

Реформирование системы исполнения уголовных наказаний является составной частью государственной политики. Важным ее направлением является обеспечение прав человека в отношении осужденных, а также подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей. Необходимость реформирования системы исполнения уголовных наказаний обусловлена корректировкой карательной политики, дальнейшей гуманизацией уголовного, уголовно-процессуального и законодательства исполнения уголовных наказаний, расширением оснований для применения уголовных наказаний и мер пресечения, альтернативных лишению свободы или содержанию под стражей. В соответствии с Конституцией Республики Таджикистан 1994 г. «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» [6. ст.1]. Этот принцип положен в основу формирования политики исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан, обусловив систему мероприятий, направленных на гуманизацию обращения с осужденными. Принцип гуманизма уголовно-исполнительного права закреплен во многих институтах и нормах КИУН, международных актах о правах человека и об обращении с осужденными. Так, в ст. 10 Международного пакта о гражданских и политических правах он сформулирован следующим образом: «Все лица, лишенные свободы, имеют право

на гуманное обращение и уважение достоинства, присущего человеческой личности» [3.] Он отражен и в ряде статей КИУН, в частности, в ст. 10 подчеркивается, что «В процессе исполнения наказания к осужденному применяется минимум право ограничений, которые необходимы и достаточны для достижения целей наказания» [4.]. В ч. 2 ст. 10 КИУН указывается, что «Осужденного категорически запрещается подвергать пыткам или жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению, медицинским или любым другим научным экспериментам, даже с его согласия, способным поставить под угрозу опасности его жизнь и здоровье». Соглашусь с мнением И.К. Сабитовым, что гуманизация уголовной политики государства в первую очередь должна определяться гуманизацией ее пенитенциарной системы и повышения эффективности исполнения наказания в виде изоляции от общества [5. С.90]

Общее количество осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, остается стабильно высоким. Переполнение учреждений ведет к общему ухудшению условий содержания осужденных, нарушению предусмотренных законом прав и интересов осужденных, увеличивает нагрузку на работников системы исполнения уголовных наказаний, создает конфликтные ситуации. За несколько лет количество осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления значительно возросло и достигло к 2017 году 60 процентов общей численности осужденных к лишению свободы. Значительно возросла нагрузка на работников системы исполнения уголовных наказаний, участились связанные со служебной деятельностью случаи угроз в их адрес и нападений на них.

В Республике Таджикистан принимаются соответствующие меры в целях обеспечения прав, свобод и законных интересов осужденных.

Так, согласно информации Главного управления исполнения уголовных наказаний Министерства юстиции, в 2016 году медицинские работники выезжали в учреждения системы исполнения уголовных наказаний в целях установления заболеваний, обследования и лечения заключенных. Была оказана медицинская помощь 527 осужденным. Также 4587 человек были протестированы на наличие вируса иммунодефицита человека (ВИЧ/СПИД) и 3700 человек прошли обследование на выявление заболевания гепатитом.

Также десять медицинских работников Главного управления исполнения уголовных наказаний и 4000 осужденных прошли обучающие семинары по профилактике заболеваний ВИЧ, туберкулёз и наркомании.

В целях улучшения условий содержания в ряде учреждений исполнения уголовных наказаний, в том числе в исправительном учреждении ЯС 3/1 построена чайхана, в исправительном учреждении ЯС 3/4 построено жилое двухэтажное здание на 300 осужденных, в исправительном учреждении ЯС 3/6 построено новое здание для длительных свиданий, состоящее из 10 комнат. Начато строительство 2 столовых и санитарно-гигиенических комнат. Произведен капитальный ремонт и оснащены современным оборудованием баня и парикмахерская в исправительном учреждении ЯС 3/7, комнаты для длительных свиданий в исправительном учреждении ЯС 3/8, спальные места, место поклонения и спортплощадка в исправительном учреждении ЯС 3/10, лечебное отделение в исправительном учреждении ЯС 3/13.

В 2016 году в рамках реализации “Программы организации труда и развития промышленного производства в исправительных учреждениях Республики Таджикистан на 2015-2020 годы” были закуплены различного вида современные станки и оборудования, которые используются на производственных предприятиях исправительных учреждений. В результате почти 2000 заключенных были охвачены трудом.

В 2016 году был проведен мониторинг в изоляторах временного содержания городов Пенджикент, Нурек, Истаравшан и районах Айни и Рашт. Мониторинговая группа проверила состояние спальных мест задержанных, бытовых комнат, столовых, камер наблюдения, бань и прогулочных дворов. В общем, условия содержания в указанных учреждениях удовлетворительные.

Во время мониторингов проведены опросы 20 задержанных и 26 сотрудников изоляторов временного содержания. Анализ бесед показывает, что права задержанных на прогулку

на свежем воздухе, переписку с родственниками, при необходимости оказание юридической и медицинской помощи соблюдаются. Для написания жалоб и заявлений, ходатайств и писем они обеспечены бумагой и ручкой.

В ходе мониторингов выяснилось, что здания изоляторов в некоторых случаях частично, а в некоторых полностью отремонтированы. Для женщин, мужчин и несовершеннолетних задержанных выделены отдельные помещения. В изоляторах руководством утверждены Правила внутреннего распорядка, имеются книги регистрации задержанных лиц, водворения и освобождения задержанных, регистрации осмотра врачами, регистрации проверяющих лиц, жалоб и заявлений.

Случаев перенаселения задержанных не установлено. Санитарные условия камер удовлетворительные, температура в них соответствует установленным нормам.

Вместе с тем, в некоторых изоляторах временного содержания отсутствуют вытяжки, и места прогулок задержанных не имеют навеса и камер наблюдения.

В 2016 году также была проведена проверка состояния соблюдения прав человека в исправительных учреждения ЯС 3/1, 3/2, 3/4, 3/6, 3/13 и в Следственном изоляторе ЯТ 9/7 ГУИУН Министерства юстиции Республики Таджикистан. Проверка показала, что состояние соблюдения прав заключенных удовлетворительное, отношение сотрудников к осужденным хорошее.

В целях повышения профессиональных знаний сотрудников и военнослужащих Главного управления исполнения уголовных наказаний Министерства юстиции Республики Таджикистан в мае 2016 года Уполномоченный по правам человека Республики Таджикистан провел для них обучающий семинар на тему: “Международные и национальные стандарты обращения с осужденными”.

В 2016 году были проведены проверки в психиатрических больницах городов Курган-тюбе, Канибадам, Нурек, Истаравшан и района Рашт. Был проведен опрос 39 психических больных, 18 медицинских сотрудников и 30 сотрудников младшего медицинского персонала.

В ходе посещения были проверены спальные места больных, рабочие кабинеты медицинских сотрудников, бани, бытовые комнаты, столовые, камеры наблюдения.

Из результатов проверки следует, что в общем, условия содержания в этих учреждениях удовлетворительные, отношения сотрудников к больным хорошие. Больным оказывается необходимая помощь. Они обеспечены горячим питанием, санитарное состояние проверенных больниц удовлетворительное. Вместе с тем установлено, что в этих учреждениях имеет место нехватка врачей-психиатров.

Согласно распорядка указанных учреждений психические больные вне времени отдыха могут иметь свидание с родственниками. Хотя они обеспечены бумагой и ручкой, однако со слов сотрудников не было случаев написания ими жалоб [7. С.28-30].

Из бесед с больными выяснилось, что некоторые их родственники и близкие не навещают их, что становится причиной их переживаний.

Указанные обстоятельства обусловливают о необходимости разработки Концепции развития системы исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан на 2030 года. А также в целях улучшения состояния соблюдения прав человека в закрытых и полузакрытых учреждениях представляются следующие рекомендации:

- построение новых исправительных колоний (общего, усиленного и строгого режимов) для содержания примерно 2000 осужденных, соответственно увеличить рабочие места для работников системы исполнения уголовных наказаний;
- оснащение изоляторов временного содержания вытяжками;
- камерами наблюдения и навесом мест прогулок;
- повышение профессиональных знаний сотрудников закрытых и полузакрытых учреждений по вопросам международных стандартов и национального законодательства в области прав задержанных, осужденных и психических больных;
- принятие мер по подготовке специалистов в области психиатрии и обеспечение психиатрических больниц психиатрами.

Список использованной литературы:

1. Закон Республики Таджикистан «О системе исполнения уголовного наказания» Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 2004 год.

2. Селиверстов В.И. Теоретические проблемы правового положения лиц, отбывающих наказания. М., 1996., с.69.

3. Международный Пакт «О гражданских и политических правах», от 16.12.1966. ст.10.

4. Кодекс исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан. Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2001 г. ст.10.

5. Сабитов И.К. Права человека и пенитенциарная система России (историко-теоретический аспект): Дис. канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 90.

6. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года (в неё были внесены изменения и дополнения 26 сентября 1999, 22 июня 2003 и 22 мая 2016 гг.).

7. Доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Таджикистан за 2016 год. Душанбе, 2017 г.

ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Алиева П.Х., доцент кафедры уголовного процесса №2 факультета Академии МВД Республики Таджикистан, к.ю.н., майор милиции.

Терроризм и экстремизм, распространяясь в невиданных доселе масштабах, своими ужасающими и трагичными последствиями превратились в самую серьезную проблему человечества в XXI веке[1].

Впервые на международном уровне подобные явления получили законодательное закрепление в виде понятия «экстремизм» в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года. Таджикистан также не стоит в стороне от этого процесса, продолжается наше активное и эффективное сотрудничество с Шанхайской Организацией сотрудничества, начавшееся с совместной деятельности членов этой организации в деле борьбы с терроризмом, экстремизмом[2].

В настоящее время основным нормативно-правовым актом, регламентирующим противодействие экстремизму, является Закон Республики Таджикистан от 8 декабря 2003 г. № 69 «О борьбе с экстремизмом» (в ред. Закона РТ 5.03.2007 г. №226, от 27.11.2014 г. №1146). Данный закон определяет правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, а также устанавливает ответственность за её осуществление.

Необходимо также отметить, что ключевым документом, устанавливающим основы противодействия экстремизму, является Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года. Особое значение в предупреждении экстремизма имеет часть 2 статьи 30 Конституции Таджикистана, в силу которой «запрещается пропаганда и агитация, разжигающие социальную, расовую, национальную, религиозную и языковую вражду и неприязнь». Причем сама Конституция Республики Таджикистан определила, что ограничения прав и свобод человека и гражданина допускаются только с целью обеспечения прав и свобод других, общественного порядка, защиты основ конституционного строя, безопасности государства, обороны страны, общественной морали, здоровья населения и территориальной целостности республики, тем самым устанавливая возможные превентивные меры в отношении различных экстремистских проявлений.

В числе нормативных актов, направленных на борьбу с экстремизмом, следует назвать и Указы Президента Республики Таджикистан.

1. Указ Президента Республики Таджикистан от 28 марта 2006 года № 1717 «О единой Концепции Республики Таджикистан по борьбе с терроризмом и экстремизмом».

2. Указ Президента Республики Таджикистан от 14 января 2006 года №1673 «Об утверждении Соглашения между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом».

3. Указ Президента Республики Таджикистан от 26 августа 2008 года № 513 «О проекте Соглашения о порядке организации и проведении совместных антитеррористических учений государств-членов Шанхайской организации сотрудничества».

Важнейшей составляющей антиэкстремистского законодательства Республики Таджикистан является Уголовный кодекс Республики Таджикистан, принятый 1998 г. Законами Республики Таджикистан от 12 декабря 2002 г. №89; от 17 мая 2004 г. №35; от 30 июля 2007 г. №301; от 2 августа 2011 г. №750; от 13 июня 2013 г. № 965; от 25 декабря 2015 г. №1261; от 14 ноября 2016 г. №1359 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» в ряд статей были внесены изменения, касающиеся противодействия экстремизму.

Также на уровне стратегической программы государства Президентом Республики Таджикистан в 2016 году было поручено Генеральной прокуратуре совместно с другими со-

[1] Послание Президента Таджикистана уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 23 января 2015 г.

[2] Послание Президента Республики Таджикистан уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан Послание от 30 апреля 2007 г.

ответствующими государственными органами как можно скорее разработать и представить Национальную стратегию Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы[1], в результате чего 12 ноября 2016 года в Таджикистане была принята Национальная стратегия Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы. С учетом указанной Стратегии в Республике Таджикистан, одним из основных направлений деятельности, является противодействие использованию Интернета в экстремистских и террористических целях. Поскольку современные информационные технологии, в особенности сеть Интернет являются стратегическим фактором, используемым террористическими организациями и их сторонниками для ведения широкой экстремисткой пропаганды, привлечения в свои ряды новых членов, подготовки и руководства экстремистскими и террористическими действиями. В Таджикистане в настоящее время насчитывается около 3 миллионов пользователей Интернета, из которых свыше 80% вольно или невольно получают посредством социальных сетей доступ к материалам экстремистского характера (п.81 указанной Стратегии). В целях пресечения данных явлений государственными органами Республики Таджикистан проводится определенная работа по выявлению и блокировки сайтов, распространяющих экстремистские материалы (п.83 вышеназванной Стратегии). Ведь сам Комитет ООН по правам человека в общих замечаниях №34, касающихся статьи 19 Международного пакта об общественных и политических правах, отметил, что ограничение функционирования сайтов и блогов является абсолютно правомерным, если они экстремистские.

Еще в ноябре 2010 года власти Великобритании обратили пристально внимание на пресечение активной деятельности экстремистов в сети Интернет.

США в области противодействия экстремистским сайтам преуспело. Согласно отчету Google, американское правительство пытается контролировать потоки информации в Интернете гораздо чаще, чем правительство любой другой страны в мире. За 2013 год в США было подано более 2000 запросов на удаление виртуальных личных страниц.

В европейских странах Интернет регулируется как общими для Европейского Союза (ЕС) законами, так и законодательством отдельной страны-участницы ЕС. В частности, в Германии и Швейцарии приоритетом становится борьба с сайтами неонацистской и антисемитской направленности. Немецкая полиция и службы госбезопасности (нем. Verfassungsschutz) уже много лет уделяют огромное внимание улучшению методов выявления и уголовного преследования преступлений, совершаемых в интернете. В полицейских ведомствах создаются специальные подразделения, занимающиеся вопросами преступности в интернете. Службы полицейских регулярно отслеживают сетевые просторы, выявляя потенциальных нарушителей. Кроме того, полиция выпускает специальные справочники и брошюры, в которых с дотошной немецкой аккуратностью описываются правовые аспекты в интернете и даются рекомендации, как себя нужно вести и каким образом можно защититься от возможных виртуальных посягательств. Необходимо отметить, что правовая сфера российского интернета приближена к стандартам стран Западной Европы. В России с 2014 года вступила в силу поправка к закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которая допускает оперативную досудебную блокировку интернет-сайтов с экстремистским контентом. По предписанию генерального прокурора веб-сайт может быть заблокирован в течение одного часа, если на нем будет замечена экстремистская информация или же призывы подобного рода. Для того, чтобы разблокировать свой сайт, владельцу ресурса необходимо будет удалить проблемный контент. Только после этого Роскомнадзор оперативно восстановит доступ к веб-ресурсу. Эти законы не являются посягательством на свободу слова граждан страны. Наоборот, в сети Интернет закроются возможности для пропаганды экстремизма, терроризма и ксенофобии[2].

[1] Послание Лидера нации, Президента Таджикистана уважаемого Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан 20 января от 2016 г.

[2] Терешина Е.А. Опыт зарубежных государств в области противодействия молодежному экстремизму / PolitBook. 2014. №3 / https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-zarubezhnyh-gosudarstv-v-oblasti-protivodeystviya-molodezhnomu-ekstremizmu

На сегодняшний положительным фактором для нашей страны является то что Верхняя палата парламента Таджикистана 12 июля 2017 года поддержала инициативу депутатов нижней палаты парламента республики о наделении правоохранительных органов правом получать информацию о том, какие сайты посещают граждане страны[1].

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что сегодня в Таджикистане имеется надлежащая правовая база для борьбы с экстремизмом, которая основывается на нормах Конституции и международного права. В основе существующего комплекса нормативно-правовых документов лежит Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом», который определяет правовые и организационные основы противодействия ей, устанавливает ответственность за подобные деяния.

[1] Юлдашев А. Таджикистанцев в Интернете берут под контроль. Будьте бдительны / https://www.news.tj/ru/news/tajikistan/power/20170713/tadzhikistantsev-v-internete-berut-pod-kontrol-budte-bditelni 13 июля 2017 г. (дата обращения 14 июля 2017 г.).

ПРИНСИПИ ШАҲРВАНДИИ АМАЛИ ҚОНУНИ ҶИНОЯТӢ ДАР МАКОН

Амиров А.А.

Дар қонуни амалкунандаи ҷиноятии ҶТ принсипи шаҳрвандӣ дар қ. 1 м. 15 КҶ ҶТ муқаррар шудааст. Мутобиқи он, шаҳрванди Ҷумҳурии Тоҷикистон, инчунин шахси бешаҳрвандӣ доимо дар он истиқоматкунанда барои ҷиноятӣ дар ҳудуди давлати хориҷӣ содиркардааш мутобиқи КҶ ҶТ ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида мешавад, агар кирдори содиркардаи ӯ дар давлате, ки дар ҳудуди он ин кирдорро содир кардааст, ҷиноят эътироф карда шавад ва агар ӯ барои ин ҷиноят дар давлати хориҷӣ маҳкум нашуда бошад. Ҳангоми маҳкум кардани шахсони мазкур ҷазо набояд аз ҳадди болои санксияи пешбинӣ намудаи қонуни давлати хориҷие, ки дар ҳудуди он ҷиноят содир шуда буд, зиёд бошад[1].

Шаҳрвандони ҶТ, инчунин шахсони бешаҳрвандӣ доимо дар он истиқоматкунанда ӯҳдадоранд қонунҳои ҶТ – ро дар куҷое набошанд, аз ҷумла берун аз ҳудуди ҶТ низ риоя намоянд. Шаҳрвандони ҶТ, ки берун аз ҳудуди он қарор доранд аз ҷониби давлат ҳифз карда мешаванд, аз дигар тараф барои ҳуқуқвайронкуние, ки дар хориҷи кишвар содир намудаанд, аз рӯи қонунҳои давлати худ ба ҷавобгарӣ кашида мешаванд.

Принсипи шаҳрвандӣ дар ҳолатҳое истифода мешавад, ки бо ин ё он сабаб принсипи ҳудуд истифода шуданаш мумкин нест, яъне шахс барои ҷинояти содир кардааш дар ҳудуди давлати дигар маҳкум нашудааст. Дар КҶ ҶТ низ ҳамин гуна ибора истифода шудааст, яъне «агар ӯ барои ин ҷиноят дар давлати хориҷӣ маҳкум нашуда бошад». Аммо дурустар мебуд, агар ба ҷои ин ибора, ибораи «ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида нашуда бошад» истифода мешуд, чунки ҷавобгарии ҷиноятӣ ҳатман бо маҳкумнамоӣ алоқаманд нест. Аз ҷумла шахси ҷиноят содирнамуда мумкин аст дар асоси қонун аз ҷавобгарии ҷиноятӣ озод гардад[2].

Зарурияти воқеии татбиқи принсипи шаҳрвандӣ дар чунин ҳолатҳо пайдо мешавад:

- ҷиноят дар хориҷи давлат содир шудааст, аммо дар лаҳзаи ошкор шудани он аз тарафи мақомоти давлати хориҷа ё дар лаҳзаи муқаррар намудани гунаҳгор, ӯ дар ҳудуди ҶТ қарор дорад;

- шахс ҷиноятро дар хориҷа содир намудааст, аммо бо талаби ҶТ ба ӯ супорида шудааст.

Шарти дуюме, ки ҳангоми он мумкин аст принсипи шаҳрвандӣ истифода шавад аз он иборат аст, ки кирдори берун аз ҳудуди ҶТ содиршуда ҳам аз рӯи қонуни Тоҷикистон ва ҳам аз рӯи қонуни ҷои содиршавии ҷиноят, ҷиноят эътироф мешавад.

Қонунгузории ҶТ имконияти душаҳрвандиро низ пешбинӣ менамояд. Мувофиқи Қонуни Конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи шаҳрвандӣ» аз 8 августи соли 2015 ба шаҳрванди ҶТ мумкин аст аз рӯи дархости ӯ иҷозат дода шавад, ки шаҳрванди давлати дигарро, ки бо он шартномаи дахлдор баста шудааст, қабул намояд.[3] Бинобар он душаҳрвандӣ мушкилиҳои ҷиддиро ҳангоми ҳал намудани баҳсҳои ҳуқуқӣ ба миён меорад. Масалан, шахсе, ки дар як вақт ҳам шаҳрванди ҶТ ва ҳам шаҳрванди Россия аст дар ҳудуди Ӯзбекистон ҷиноят содир мекунад ва дар онҷо ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида нашудааст. Вобаста ба принсипи шаҳрвандӣ шахсро мумкин аст ҳам бо қонуни Тоҷикистон ва ҳам Россия ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашид. Кадоме аз ин қонунҳо дар ин ҳолат афзалияти бештар дорад, мушкилоти калон аст.

Шахсони ҳуқуқӣ, иттиҳодияҳои давлативу ҳуқуқӣ, ки шахсони воқеӣ ҳисоб намешаванд, қобилияти бурдани ҷавобгарии ҷиноятиро надоранд.[4] Субъекти ҷиноят аз рӯи қонуни ҷиноятии ҶТ танҳо шахсони воқеӣ шуда метавонанд. Аз ин нуқтаи назар тамо-

---

[1] Ниг: Кодекси Ҷиноятии ҶТ // дастрас сомонаи www.mmk.tj //

[2] Ниг: Уголовное право. Общая часть. Под ред. И.Я. Козаченко и З.А. Незнамова. М., 1997. –с. 49

[3] Ниг: Қонуни Конститутсионии ҶТ «Дар бораи шаҳрвандӣ» // дастрас сомонаи www.mmk.tj //

[4] Ниг: Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. А.Н. Тарбагаева. – Москва: Проспект, 2012. С. 78

ми субъектони ҷиноятро ба се категория ҷудо намудан мумкин аст: шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳрвандони хориҷӣ ва шахсони бешаҳрвандӣ.

Шаҳрвандӣ - робитаи устувори ҳуқуқии инсон бо давлат буда, ин робита дар маҷмӯи ҳуқуқу вазифа ва масъулияти ҳамдигарии онҳо ифода ёфта, дар асоси эътирофу эҳтироми қадру қиммат, ҳуқуқу озодиҳои асосии инсон қарор гирифтааст. Шаҳрвандии Ҷумҳурии Тоҷикистон мувофиқи Қонуни Конститутсионии Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи шаҳрванди Ҷумҳурии Тоҷикистон» аз 8 августи 2015 сол ба танзим дароварда мешавад.

Шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон мумкин аст ба ҷавобгарии ҷиноятӣ аз рӯи қонуни ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон, пеш аз ҳама дар асоси принсипи ҳудуд (агар ҷиноятро дар ҳудуди ҶТ содир карда бошанд) ва инчунин аз рӯи принсипи шаҳрвандӣ (агар ҷиноятро берун аз ҳудуди Тоҷикистон содир карда бошанд) кашида шаванд.

Мувофиқи Қонун «Дар бораи шаҳрвандии Ҷумҳурии Тоҷикистон апаридҳо, шахсоне эътироф мешаванд, ки ба шаҳрвандии Ҷумҳурии Тоҷикистон таалуқ надошта, далели таалуқ доштанашонро ба шаҳрвандии давлати дигар надоранд. Аз назари амали қонуни ҷиноятӣ нисбати доираи шахсон ҳамаи апаридҳо ба ду категория тақсим мешаванд: дар ҳудуди ҶТ доимо истиқоматкунанда, дар ҳудуди он доимо истиқоматнакунанда.

Ба категорияи аввал шахсоне дохил мешаванд, ки дар Ҷумҳурии Тоҷикистон ба ҳисоби миёна на камтар аз 183 рӯз дар тақвими солӣ истиқомат намудаанд. Аз рӯи вазъи ҳуқуқии худ онҳо қариб ба шаҳрвандони ҶТ баробаранд, аз ҷумла онҳо ба зери амали қонуни ҷиноятии ҶТ дар асоси принсипҳои ҳудуд ва шаҳрвандӣ меафтанд.

Шахсони бешаҳрвандӣ дар ҳудуди Тоҷикистон доимо истиқоматнакунанда, аз рӯи вазъи ҳуқуқиашон ба шаҳрвандони хориҷӣ баробар карда шудаанд ва аз рӯи КҶ ҶТ танҳо дар асоси се принсип: ҳудуд, универсиалӣ ва воқеӣ ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида шуданашон мумкин аст.

Шаҳрвандони хориҷӣ, шахсоне эътироф мешаванд, ки шаҳрвандии Ҷумҳурии Тоҷикистонро надошта, аммо шаҳрвандии давлати дигарро доранд. Амалии қонуни ҷиноятии ҶТ ба шаҳрвандони хориҷӣ танҳо дар асоси принсипи ҳудуд, принсипи воқеӣ ё универсалӣ ҷой дошта метавонад.

Ҳамин тавр, шаҳрвандони Ҷумҳурии Тоҷикистон, инчунин шахси бешаҳрвандӣ доимо дар он истиқоматкунанда барои ҷинояти дар ҳудуди давлати хориҷӣ содиркардааш мутобиқи КҶ ҶТ ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида мешавад, агар кирдори ӯ дар давлате, ки дар ҳудуди он ин кирдорро содир кардааст, ҷиноят эътироф шавад ва агар ӯ барои ин ҷиноят дар давлати хориҷӣ ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида нашуда бошад. Ҳангоми маҳкум кардани шахсони мазкур ҷазо набояд аз ҳадди болои санксияи пешбининашудаи қонуни давлати хориҷие, ки дар ҳудуди он ҷиноят содир шуда буд, зиёд бошад.

Рӯйхати адабиёти истифодашуда:

1. Уголовное право Таджикистана. Общая часть: учебник / под ред. В.П. Ревин, Х.С. Сафаров – Душанбе-Москва., 2010.
2. Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. А. И. Рарога. М., 2005.
3. Российское уголовное право: Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. – М., 1997
4. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. изд., испр. и доп. / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. М., 2007.
5. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. А.Н. Тарбагаева. – Москва: Проспект, 2012.
6. Уголовное право России. – М., 2016.
7. Комментарии к Уголовному кодексу Республики Таджикистан. – Душанбе: Глобус, 2006.
8. Блум М. И. Действие советского уголовного закона в пространстве. Рига, 1975.
9. Зюбанов Ю.А. Действие уголовного закона в пространстве. Москва, 2001.
10. Князев А.Г. Действие уголовного закона в пространстве. Ульяновск, 2006.
11. Мельников М.Г. Действие уголовного закона во времени и пространстве. Рязань, 1999.
12. Хаснутдинов Р.Р. Территориальное и экстерриториальное действие уголовного закона в пространстве. Казань, 2007.

ОБЩЕСТВЕННАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ В ОБЛАСТИ СЕКСУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Архипцев И.Н., преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, кандидат юридических наук, капитан полиции

Вначале следует отметить, что учитывая, что ценность охраны здоровья относится в Конституции к разряду социальных ценностей, законодатель в Уголовном кодексе 1996 г. предусмотрел ответственность за посягательства на эту социальную ценность и близкую к ней общественную нравственность, такие преступления систематизированы в самостоятельной главе 25 Особенной части. Такое решение продиктовано законодателю социально-правовой политикой государства. Видовым объектом преступлений против общественной нравственности является общественная нравственность, применительно к теме исследования общественная нравственность в области сексуальных отношений. Общественная нравственность покоится на системе норм и правил, идей, обычаев и традиций, господствующих в обществе и отражающих в себе «взгляды, представления и правила, возникающие как непосредственное отражение условий общественной жизни в сознании людей в виде категорий добра и зла, похвального и постыдного, поощряемого и порицаемого обществом, чести, совести, долга, достоинства».

Необходимо также учитывать то обстоятельство, что при совершении преступлений против общественной нравственности в ряде случаев ущерб может причиняться и дополнительным объектам. Вероятно в виду этого обстоятельства, и учитывая характер и степень общественной опасности рассматриваемых преступлений, а также характер совершаемых в процессе их совершения действий, законодатель большинство статей анализируемой главы сконструировал по принципу формальных составов, признавая преступления оконченными с момента совершения определенных действий (объективная сторона) независимо от наступления общественно опасных последствий, хотя сами действия и наносят урон общественной нравственности. С субъективной стороны преступления против общественной нравственности могут совершаться только с прямым умыслом. Диспозиции ряда статей (ст. 240, 242 УК) в качестве обязательного условия ответственности субъективного характера указывают или подразумевают наличие специальной (обособленной) цели, в частности корыстные мотивы не обязательны. Субъектом рассматриваемого преступления является вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Таким образом, преступления против общественной нравственности можно определить как умышленные общественно опасные деяния, причиняющие вред или ставящие под угрозу причинения такого вреда общественную нравственность[1].

С момента принятия Уголовного кодекса глава 25 содержащая перечень преступлений против общественной нравственности в сфере сексуальных отношений, подвергалась редактированию. Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. не просто дополнил гл. 25 УК РФ новыми составами преступлений, а уже существующие в нем нормы – новыми признаками, но также заставил существенно изменить подходы к квалификации отдельных преступлений против общественной нравственности в сфере сексуальных отношений.

В основном составе преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 240 УК РФ «Вовлечение в занятие проституцией», теперь выделены два общественно опасных деяния: вовлечение в занятие проституцией и принуждение к продолжению занятия проституцией.

Под вовлечением следует понимать шантаж, угрозу уничтожения, повреждения или хищения имущества; необоснованные действия по службе, влекущие неблагоприятные последствия для жертвы, любые ненасильственные действия, побуждающие к занятию проституцией хотя бы одного человека. Отказ от исчерпывающего перечня способов вовлечения (как это имело место в прежней ч. 1 ст. 240 УК РФ) фактически привел к криминализации

[1] Баштаков Л.Н., Безлепкин Б.Т. Уголовная ответственность за преступления против общественной нравственности. // Уголовное право № 6, 2008 (ноябрь – декабрь), с.75-77.

действий, побуждающих к занятию проституцией, которые ранее не признавались преступными: уговора, подкупа, обещания, совета, соблазнения. В прежней редакции рассматриваемой нормы эти действия имели юридическое значение только при вовлечении в проституцию несовершеннолетних, то есть законодатель последовательно идет по пути ужесточения ответственности, безальтернативно к возможности легализации[1].

Следует отметить, что само занятие проституцией уголовное законодательство не относит к разряду преступлений, ответственность за занятие проституцией предусмотрена статьей 6.11 КоАП РФ, также статьей 6.12 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за получение дохода от занятия проституцией, если этот доход связан с занятием другого лица проституцией. То есть законодатель относит такие деяния к административным правонарушениям, посягающим на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность.

До изменения ст. 240 УК РФ действия виновных, препятствовавших прекращению занятия проституцией, рассматривались как преступления против личности. Однако это не отражало адекватно объект преступного посягательства. Признание принуждения к продолжению занятия проституцией самостоятельным преступным деянием устраняет данное несоответствие и тем самым способствует решению проблемы квалификации определенных действий при судебном разбирательстве, расследовании или доследственной проверке. Часть 2 ст. 240 УК РФ предусматривает ответственность за вовлечение в занятие проституцией, совершенное при отягчающих обстоятельствах. Законодатель из всех способов вовлечения выделил в п. «а» ч. 2 ст. 240 УК РФ действия, отличающиеся повышенной общественной опасностью – насилие или угрозу применения насилия. Причинение побоев, легкого и средней тяжести вреда здоровью охватываются содержанием оценочного понятия «насилие» и квалифицируется по п. «а» ч. 2 ст. 240 УК РФ, а вовлечение, сопровождавшееся причинением тяжкого вреда здоровью, - по п. «а» ч. 2 ст. 240 УК РФ и ст. 111 УК РФ.

Проблему противодействия вовлечению в занятие проституцией и организации занятия проституцией следует считать международной, реальные масштабы противоправной деятельности в данной сфере приобрели для стран бывшего СССР в 90-е годы 20 века небывалую угрозу[2], официальных сведений о лицах, незаконно или путем обмана перемещенных через государственные границы нет, признаки таких преступлений выявляются до сих пор. Повышение ответственности за вовлечение в занятие проституцией связанное с перемещением потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации или с незаконным удержанием его за границей, осуществлено законодателем для приведении уголовного закона России в соответствие с Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 317 (IV) от 02.12.1949, принявшей Конвенцию о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами. Статья 17 рассматриваемой Конвенции требует от государств-участников выполнить обязанность принимать надлежащие меры для обеспечения наблюдения за железнодорожными станциями, аэропортами, портами и другими общественными местами для предупреждения международной торговли людьми, преследующей цели проституции. По нашему мнению в определенной части эти же цели преследует федеральный закон № 120 «О профилактике безнадзорности».

Дополнительная квалификация рассматриваемого преступления по ст. 322 УК РФ «Незаконное пересечение Государственной границы Российской Федерации» не является обязательной, так как в диспозиции ст. 240 УК РФ специальной оговорки нет. Здесь важен сам факт трансгосударственной преступной деятельности по использованию лиц для занятия проституцией.

Уголовное законодательство было дополнено также ст. 127.1 «Торговля людьми», которой предусмотрена ответственность за вербовку человека, совершенную в целях его экс-

[1] Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 15.12.2003, № 50, ст. 4848.

[2] Полянская М.П. Уголовно-правовая охрана общественной нравственности в сфере половой морали: дис. канд. юрид. наук. – Хабаровск, 2009. С. 32.

плуатации. Под эксплуатацией, согласно п. 2 примечания к ст. 127.1 УК РФ, понимается и использование других лиц для занятия проституцией.

Первоначально в редакции 1996 г статья 241 УК РФ «Организация или содержание притонов для занятия проституцией» предусматривала в качестве условия наступления уголовной ответственности субъекта наличие у него помещения – притона. К примеру если лицо арендовало квартиру, дом или иное помещение и использовало помещение как притон, то оно несло уголовную ответственность по ст. 241 УК РФ. Если же лицо занималось организацией занятия проституцией, не предоставляя клиентам и проституткам своего помещения, а пользовалось, к примеру номерами в гостиницах, саунах или направляло лиц оказывающих сексуальную «услугу» в квартиры самих клиентов, то состав преступления в его действиях отсутствовал. Это несовершенство правовой нормы было устранено и в современной редакции ст. 241 УК РФ криминализированы и такие действия, при этом следует обратить внимание, что статьей отчасти охватывается известное ранее уголовному законодательству сводничество. Статья 241 УК РФ «Организация занятия проституцией» также была существенно изменена и теперь имеет три части. Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 241 УК РФ, состоит из трех деяний, представляющих собой альтернативные признаки.

В ранее действовавшем законодательстве привлечение (понуждение) так называемых «свободных» проституток к нелегальной деятельности в организованных и контролируемых формах не считалось вовлечением в занятие проституцией, так как на момент такого понуждения они уже занимались проституцией. Не могли также такие действия быть квалифицированы как организация притона (ст. 241 УК РФ), так как оказание сексуальных услуг проститутками клиентам осуществлялось в разных местах. В настоящее время такие действия рассматриваются как «деяния, направленные на организацию занятия проституцией другими лицами». Если лицо вовлекает в занятие проституцией новичков и в последующем привлекает их для деятельности в организованной структуре, то деяние необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 240 УК РФ и 241 УК РФ.

В теории российского уголовного права под притоном обычно понималось помещение либо иное место, специально приспособленное или систематически используемое для занятий проституцией. Однако учитывая то обстоятельство, что законодатель разделил понятия притона и систематически предоставляемого помещения, следует считать верной позицию, которая определяет притон как специально созданное и оборудованное для занятия проституцией помещение.

Состав преступления ст. 241 УК РФ по своей конструкции усеченный, так как преступление считается оконченным с момента совершения любого подготовительного действия, включающего в себя:

- подбор (поиск и выбор, отбор) лиц, занимающихся оказанием сексуальных услуг;
- поиск и выбор определенной территории (места) где планируется осуществление деятельности и (или) круга клиентов;
- организация системы охраны и нейтрализации мер социального контроля, направленных на организацию занятия проституцией другими лицами. Не требуется оборудование притона или предоставление помещения более трех раз, как это предусматривалось в прежней норме и вызывало существенные сложности в доказывании таких преступлений.

Резолюция Генеральной Ассамблеи A/RES/54/263 от 25 мая 2000 г. приняла и открыла для подписания Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка[1], устанавливающей запрет на торговлю детьми, детскую проституцию и детскую порнографию. В пункте «с» ст. 3 протокола резолюции в качестве уголовно наказуемых названы:

- производство - под которым понимается серийное (промышленное, специализированное, с применением схем организационного построения) изготовление;
- распределение - сортировка по любому признаку: половому, стоимости, потребителям;
- распространение, передача любым способом и на любых условиях, в том числе дарение;

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018, с изм. от 25.04.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации.- 1996. - № 25. - С. 2954.

- импорт - вывоз из страны изготовления (нахождения);

- экспорт - ввоз в страну в любых целях;

- предложение – рекламирование любым способом, в том числе с использованием средств массовой информации;

- продажа или хранение в определенных целях детской порнографии.

Российский законодатель несколько лет не приводил уголовный закон в соответствие с требованиями международно-правовых актов, а существовавшая ст. 242 УК РФ «Незаконное распространение порнографических материалов или предметов» не дифференцировала ответственность в зависимости от содержания предмета преступления, с чем это было связано непонятно, возможно предполагалось, что совершенные деяния итак подпадают под действие иных составов преступлений, предусмотренных в УК РФ. В 2003 году УК РФ был дополнен ст. 242.1 «Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних».

В период действия УК РСФСР[1] порнографическая продукция не могла рассматриваться в качестве предмета контрабанды, поэтому при ее незаконном перемещении через государственную границу состав контрабанды отсутствовал. С принятием Уголовного кодекса 1996 г. перед правоохранителями встал вопрос: возможно ли перемещение детской порнографии в крупном размере через таможенную границу (при совпадении ее с государственной) способами, предусмотренными ст. 188 УК РФ[2], квалифицировать дополнительно как контрабанду? Согласно ч. 1 ст. 188 УК РФ предметом контрабанды могут быть любые товары, т.е. вещи, ценности, соответствующие юридическому понятию товара, а также те объекты, которые по действующим нормативно-правовым актам подлежат таможенному контролю, таможенной идентификации или декларированию. В статье 129 ГК РФ «Оборотоспособность объектов гражданских прав» предусмотрены исключения для вещей, изъятых из оборота или ограниченных в обороте. Изъятыми из гражданского оборота считаются объекты, которые не могут быть предметом сделок и иным образом переходить от одного к другому в рамках гражданско-правовых отношений. Такие объекты должны быть прямо указаны в законе. Поскольку УК РФ прямо устанавливает запрет на всякий сбыт порнографических материалов и предметов, то перемещение детской порнографии через Государственную границу РФ будет квалифицировано только по ст. 242.1 УК РФ.

Объективная сторона анализируемого состава в отличие от ст. 242 УК РФ не включает торговлю детской порнографией. Торговля является одной из форм ее распространения, поэтому нет необходимости выделять ее в самостоятельный состав преступления.

В 1997 г. на обсуждение Государственной Думы РФ группой депутатов был внесен проект Федерального закона «О государственном регулировании и контроле оборота продукции сексуального характера». Законопроект исходил из необходимости запрета порнографии и допустимости при соответствующих ограничениях и контроле оборота всех иных видов сексуальной продукции. В нем ст. 4 определяла основные понятия, в том числе зрелищные мероприятия сексуального характера - публичный показ в любой форме продукции сексуального характера и (или) сценические действия, целью которых является воплощение сексуальных действий. Предлагаемое содержание уместно использовать для толкования общественно опасного действия в ст. 242.1 УК РФ «привлечение заведомо несовершеннолетних в качестве исполнителей для участия в зрелищных мероприятиях порнографического характера».

Таким образом, как показывает проведенный анализ, реформирование норм, содержащихся в ст. 240 - 242.1 УК РФ, устранило отдельные пробелы в ответственности за посягательства на общественную нравственность в сфере сексуальных отношений.

---

[1] Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости ВС РСФСР.- 1960. - № 40. - Ст. 591.

[2] Статья декриминализирована.

Список использованной литературы:

1. Баштаков Л.Н., Безлепкин Б.Т. Уголовная ответственность за преступления против общественной нравственности. // Уголовное право № 6, 2008 (ноябрь – декабрь), с.75-77.

2. Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 15.12.2003, № 50, ст. 4848.

3. Полянская М.П. Уголовно-правовая охрана общественной нравственности в сфере половой морали: дис. канд. юрид. наук. – Хабаровск, 2009.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2018, с изм. от 25.04.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации.- 1996. - № 25. - С. 2954.

5. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1996) // Ведомости ВС РСФСР.- 1960. - № 40. - Ст. 591.

КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛУЖБЫ ПРОБАЦИИ

Бабич А.А., преподаватель кафедры организации социальной работы в органах внутренних дел Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, магистр юридических наук

Баргаринов А.Р., магистрант 2 курса научной и педагогической магистратуры Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, майор полиции

Эффективная деятельность по исполнению наказаний не связанных с изоляцией осужденных от общества в значительной степени зависит от кадрового обеспечения службы пробации, от тех требований, которые предъявляются к ее сотрудникам, от уровня их профессиональной квалификации.

Одной из задач Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017-2019 годы [1], в разделе Концептуальные направления социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, является развитие кадрового потенциала и научных основ процесса ресоциализации.

Целью данной стратегии является формирование национальной, комплексной и эффективной системы социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации.

Необходимо понимать, что развитие и использование кадрового потенциала пробации в современных условиях, должно отвечать требованиям времени. Суть заключается в том, что кадры пробации должны рассматриваться, как решающее условие достижения стратегических целей службы пробации. В связи с этим среди мер, призванных поднять эффективность функционирования подразделений пробации уголовно-исполнительной системы, первостепенное значение приобретает научно обоснованная организация работы с кадрами. Необходимость улучшения работы с кадрами обусловлена также потребностью модернизации всей государственной службы, интеграции органов, исполняющих наказания, в систему государственной правоохранительной службы. Появилась острая потребность в профессионалах, отвечающих требованиям международных стандартов, высококвалифицированных, широкообразованных, юридически грамотных, обладающих гражданской зрелостью и высокими морально-нравственными качествами.

В Законе Республике Казахстан «О пробации» определен статус службы пробации в уголовно-исполнительной системе. На сотрудников пробации возлагаются исполнительные и распорядительные функции по обеспечению исполнения уголовных наказаний без изоляции от общества, а также организации и функционированию пробации [2].

На сотрудников пробации возлагаются большие задачи в то же время, к ним предъявляются очень высокие требования: высокий образовательный уровень в сочетании с наличием определенных профессиональных качеств.

Для повышения квалификации сотрудников должно практиковаться проведение регулярных практических семинаров по обмену опытом. Сотрудники должны знать приемы и методы работы с группой осужденных к различным видам альтернативных наказаний, которые находятся на контроле службы пробации, среди которых в качестве элементарных, например, методика оказания психологического воздействия на лиц, не соблюдающих требования и др.

Сотрудник пробации должен уметь использовать в работе с подопечными различного рода рисунки, схемы, таблицы, пособия, наглядно и нетрадиционно демонстрирующие и иллюстрирующие, например, вред наркотиков и алкоголя. Разработанные на основе глубоко

знания психологии, материалы оказывают очень сильное эмоциональное и психологическое воздействие.

От уровня профессиональной подготовки сотрудников пробации зависит их способность в полном объеме справляться со своими служебными обязанностями. В настоящее время Комитетом уголовно-исполнительной системы принимаются меры по созданию эффективной системы управления подразделениями пробации, повышению их правового статуса, увеличению штатной численности персонала. Это невозможно без результативной кадровой политики и в целом эффективной системы профессиональной подготовки кадров.

В свете реализации вышеуказанной Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации предусматривающей придание работе подразделений пробации социальной направленности с акцентом на вовлечение осужденных в трудовую деятельность, приобретение профессии или переквалификацию, активизацию сотрудничества со структурами гражданского общества, способными оказать позитивное гуманитарное воздействие на осужденных, оптимизацию социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными, необходимость совершенствования деятельности КУИС по кадровому обеспечению подразделений пробации еще более актуализируется.

В дальнейшем требуется более широко взглянуть и тщательно научно проработать модель специалиста – сотрудника пробации. Необходимо четкое законодательное определение квалификационных требований, предъявляемых к сотруднику пробации.

Для образовательных учреждений МВД Республики Казахстан эта модель послужит базисом для принятия квалификационной характеристики выпускников по специализации «Организация деятельности службы пробации», определения целей и содержания обучения, разработки рабочих учебных планов. Модель специалиста службы пробации, на наш взгляд, содержит определенные элементы. Оптимальные личные качества представляют собой систему личностных характеристик, которые в наибольшей степени соответствуют выполняемой работе и служат психологической основой для успешного решения стоящих перед сотрудником задач. Деловые качества определяют общую профессиональную пригодность сотрудника. Специальные профессиональные качества включают в себя владение специальными знаниями, умениями и навыками, а также определенные личные качества, которые необходимы сотруднику для выполнения служебных обязанностей по конкретно занимаемой должности. В отличие от деловых качеств, которые носят более универсальный характер и являются необходимой основой специальных профессиональных качеств, последние определяют уровень профессионального мастерства конкретного сотрудника на конкретной должности.

В Плане мероприятий по реализации Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мет лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017-2019 годы», стоят конкретные задачии сроки их исполнения. Так, планируется создание на базе Костанайской академии МВД РК центров обучения специалистов пробации (пункт 20 плана), так же обеспечение повышения квалификации сотрудников службы пробации (пункт 29 плана) [3].

По реализации положений указанного плана по подготовке квалифицированных специалистов проводится большая работа, прежде всего связанная с модернизацией образования и обучения сотрудников службы пробации. Так, со 2 по 4 апреля 2018 года в Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, заместителем руководителя проекта EUCJ «Совершенствование уголовного правосудия в Казахстане» Беном Зенгеринком (Голландия, Амстердам) был проведен тренинг на тему: «Разработка образовательного курса для сотрудников системы пробации». В работе тренинга приняли участие сотрудники Костанайской академии и отдела по руководству службами пробации Департамента уголовно-исполнительной системы по Костанайской области КУИС МВД РК.

В ходе проведения тренинга, Б.Зенгеринк поделился международным опытом работы служб пробации. Преемственность зарубежного аналога пробационной деятельности, на базе национального законодательства Республики Казахстан, должно быть положено в основу

разработки образовательной программы для сотрудников пробации. Путем проведения совместных консультаций участников тренинга, была определена главная цель образовательной программы: «Чего должен достигнуть сотрудник пробации по окончанию курса обучения?». Профессиональные навыки и компетенции сотрудников службы пробации, обучающихся по указанной программе, должны будут соответствовать международным стандартам. Сотрудник службы пробации, согласно предложенного курса программы для сотрудников системы пробации должен обладать навыками XXI века: умением решать проблемы, креативно мыслить, мыслить критически, самоуправляемостью, социальными и культурными навыками, сотрудничеством, коммуникационными навыками, знанием медиа и IT технологий, вычислительного мышления, информационными навыками. Создание качественного курса обучения, для подготовки квалифицированного специалиста, достижения задач и целей пробации, с учетом отсутствия стигматизации осужденного и интеграции его в общество, были предметом обсуждения проводимого тренинга и целью разрабатываемой образовательной программы для подготовки и переподготовки сотрудников службы пробации.

Предлагается разработать систему профессиональных знаний, навыков и умений, компетентного сотрудника пробации. Сотрудник службы пробации должен быть настойчивым в достижении эффективного рабочего альянса с правонарушителем, комбинировать контроль и поддержку в отношении правонарушителя, уметь взаимодействовать с государственными органами и неправительственными организациями, являться психически устойчивым, особенно во время напряженных ситуаций, действовать на основе общих и этических стандартов, профессиональной ответственности перед обществом и законом.

Список использованной литературы:

1. Указ Президента Республики Казахстан от 8 декабря 2016 года № 387 Об утверждении Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мест лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017-2019 годы. https://tengrinews.kz/zakon/prezident_respubliki_kazahstan/ugolovnoe_pravo/id-U1600000387/

2. Закон Республики Казахстан «О пробации» от 30 декабря 2016 года № 38-V-I. https://online.zakon.kz/document/?doc_id=36232217#pos=124;-93

3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 29 декабря 2016 года № 912 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Комплексной стратегии социальной реабилитации граждан, освободившихся из мет лишения свободы и находящихся на учете службы пробации, в Республике Казахстан на 2017-2019 годы», с изменениями, внесенными постановлением Правительства РК от 24.07.2017 года № 443 https://tengrinews.kz/zakon/pravitelstvo_respubliki_kazahstan_premer_ministr_rk/natsionalnaya_bezopasnost/id-P16

ПРОБЛЕМЫ «ПОГРАНИЧНЫХ СОСТОЯНИЙ» В РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ЗАПРЕТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СТОИМОСТНЫХ КРИТЕРИЕВ ПРЕСТУПНОСТИ ДЕЯНИЙ

Баркарь А.В., адъюнкт кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России

На современном этапе развития государства и общества борьба с преступностью немыслима без права и, прежде всего, действующей внутри него системы запретов как особой формы государственно-властных повелений. Уголовно-правовой запрет указывает на недопустимость определенного им социально опасного поведения под угрозой привлечения нарушителя к ответственности. Запрет призван, если не исключить, то, по крайней мере, существенно ограничить проявления противоправной активности, направленной на реализацию интересов индивидуальных в ущерб интересам общественным, и тем самым создать условия для удовлетворения одобряемых интересов при положительной активности.

Какое-то социально нежелательное поведение становится преступлением только по достижении определенных масштабов, поддающихся материальному измерению. Другое поведение, являясь по природе уголовно наказуемым, при превышении заданных законодателем пределов несет большую общественную опасность и, соответственно, приобретает (особо) квалифицированный характер. Иное поведение, наоборот, хотя и является уголовно противоправным, однако, пока оно не превосходит установленных границ, характеризуется меньшей опасностью и влечет менее строгую ответственность. Такие материально-денежные масштабы, границы, рамки или пределы в уголовном праве принято именовать стоимостными критериями преступности деяний (далее – стоимостные критерии)[1].

Под **стоимостными критериями** предлагаем понимать *формально определенные или относительно определенные, исчисляемые в денежном выражении количественные или количественно-качественные показатели объективных признаков (предмета, деяния, последствий) преступлений, позволяющие оценить степень общественной опасности и отграничить преступления от иных правонарушений (включая малозначительные), а также основные составы преступлений от составов преступлений со смягчающими и отягчающими признаками*[2].

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) они представлены отчасти в виде категории *«тяжкие последствия»,* а также словосочетаниями из прилагательных *«существенный», «значительный», «(особо) крупный»* и существительных *«размер», «ущерб», «вред»* (в отношении убытков, стоимости, сумм, доходов, задолженности, кормовых запасов, лесных насаждений, драгоценных металлов, камней, водных биологических объектов, ресурсов и т. п.), характеризующими предмет преступного посягательства (соответствующие части ст. 158-159[3], 159[5]-163 УК РФ и т. д.), деяния (ст. 193, 193[1], 194, 198-199[4] УК РФ и т. д.) или их материальные последствия (ст. 165, 167, 176, 178, 180 УК РФ и т. д.).

Цель работы видим в рассмотрении проблемы и постановке перед научным сообществом для широкого обсуждения вопросов, связанных с «пограничными состояниями» деяний, преступность которых обусловлена стоимостными критериями. Несмотря на возрастающую

[1] В качестве альтернативы общеизвестному термину «стоимостные» предлагаем наиболее подходящий термин «эвальвационные» (от лат. «évaluation»), обозначающий исчисление, оценку. Подробнее см.: *Баркарь А.В.* Эвальвационные критерии преступности деяний в уголовно-правовом механизме обеспечения общественной безопасности // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (23 июня 2017 г.): в 2 т. / под общ. ред. С.А. Буткевича. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. Т. 1. С. 103-104.

[2] Подробнее о сущности стоимостных критериев см.: *Баркарь А.В.* Влияние стоимостных критериев преступности деяний на поведение граждан // Причины экономической преступности: выявление, обучение, противодействие: материалы Межвуз. межведом. науч.-практ. кругл. стола по обсужд. учебн. пособия И. М. Мацкевича «Причины экономической преступности» (26 мая 2017 г.) / под общ. ред. проф. В.М. Баранова. М.: Проспект, 2017. С. 289-295.

актуальность подобных исследований в условиях увеличения числа таких критериев, в обозначенном аспекте ранее они никогда не рассматривались[1].

Между тем проблему «пограничных состояний» можно обнаружить, если проследить, насколько эффективно стоимостные критерии как элемент уголовно-правовых запретов выполняют свои основные задачи и функции (отграничивающие, криминообразующие, квалифицирующие) в «критических точках», каковы пределы их ограничивающего воздействия, в каких случаях и в связи с чем оно подвержено снижению.

«Пограничными» в данной работе предлагаем считать «состояния», возникающие в связи с тем, что стоимостные критерии не предусматривают нижних или верхних границ деяния либо эти границы, хотя и закреплены, но подвергаются некоторому смещению в ту или иную стороны. Отсюда проблему «пограничных состояний» рассмотрим в следующих двух аспектах: 1) когда отсутствует нижний предел стоимостного критерия; 2) когда критерием не охвачен верхний предел. Отсутствие в Уголовном законе нижней границы преступности деяния при наличии верхней границы (характерно для большинства случаев, когда стоимостный критерий не является криминообразующим) создает два вида конкуренций: первая – когда нижняя граница преступности определяется верхней границей административной противоправности деяния (например, сопоставление норм ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ и ч. 1 ст. 158 УК РФ показывает, что неквалифицированное хищение становится уголовно наказуемым при величине ущерба, превышающей 2 500 руб.); вторая – когда нижнюю границу уголовной противоправности деяния необходимо соотносить с оценочными признаками малозначительности.

Если первая конкуренция отчасти устранима путем комплексного, системного толкования законодательства об ответственности (административной и уголовной), то вторая является более сложной, поскольку признаки малозначительности носят лабильный оценочный характер. Так, ст. 291^2 УК РФ определена верхняя граница – 10 000 руб., до которой деяние считается мелким взяточничеством, однако его нижняя граница не закреплена. Соответственно, уголовно наказуемым является практически любое деяние с размером взятки от самой мизерной до 10 000 руб. Кроме того, отягощение деяния, совершаемого в пределах верхней границы мелкого взяточничества, иными квалифицирующими признаками, предусмотренными основными составами взяточничества (ст. 290, 291 УК РФ), которые де-факто повышают общественную опасность, в мелком взяточничестве юридического значения не имеют. Минимальный размер непривилегированного состава взяточничества определяется максимальной границей мелкого взяточничества. Между тем логика законодателя по составам взяточничества не совпадает с таковой в отношении мелкого (ст. 158^1 УК РФ) и простого хищения: в независимости от его размера при наличии квалифицирующих признаков деяние является преступным и квалифицируется по соответствующим частям ст. 158 УК РФ. При этом Уголовный закон, в принципе, допуская признание малозначительности при мелком взяточничестве (например, в размере до 100 руб.), в то же время, по сути, исключает малозначительность по хищениям, так как фактически малозначительное хищение является административным правонарушением.

Решение обозначенной проблемы видится в закреплении в Уголовном законе нижних границ стоимостных критериев, насколько это возможно и где имеется такая необходимость (в частности, в отношении деяний, которые могут квалифицироваться как преступления и административные правонарушения). Проблема с отсутствием нижних границ преступности деяний также может разрешиться, если основные составы преступлений небольшой тяжести без стоимостных критериев будут выделены в категорию уголовных проступков (в свете одобренного Верховным судом Российской Федерации направления изменения УК РФ). Другая плоскость проблемы «пограничных состояний» кроется в отсутствии верхних и промежуточных границ преступности деяний, что усугубляется отсутствием эффективного ме-

[1] Единственное комплексное исследование стоимостных критериев датировано 1997 годом и не затрагивает поднятой нами проблематики. См.: *Мурзаков С.И.* Стоимостные критерии преступности и наказуемости деяний, совершаемых в сфере экономики: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Мурзаков Сергей Иванович. Н. Новгород: Нижегородский институт МВД России, 1997. 240 с.

ханизма борьбы преступлениями, сопряженными с существенным, многократным превышением нижней границы самого тяжкого деяния со стоимостными критериями, например, крупного размера (ущерба) при уничтожении или повреждении имущества по неосторожности (ст. 168 УК РФ), воспрепятствовании законной предпринимательской или иной деятельности (ч. 2 ст. 169 УК РФ), незаконной предпринимательской деятельности (ч. 1 ст. 171 УК РФ) либо особо крупного размера (ущерба) при нарушении авторских и смежных прав (ч. 3 ст. 146 УК РФ), краже (ч. 4 ст. 158 УК РФ), мошенничестве (ч. 4 и 7 ст. 159 УК РФ).

Правовая реальность зачастую складывается таким образом, что риски привлечения к ответственности и применения той или иной меры наказания явно несопоставимы с выгодами и преимуществами, которые за собой несет преступление. Так, лицо, замыслившее совершить мошенничество в особо крупном размере, в любом случае подвергаясь риску, при выборе предмета преступления склонно к максимальному увеличению размера хищения, поскольку верхние границы наказания от этого не зависят. Отсюда распространены хищения в суммах, в сотни раз превышающих установленный примечанием к ст. 158 УК РФ особо крупный размер (яркой иллюстрацией здесь может служить известное «дело Оборонсервиса» или «дело Васильевой» о мошенничестве, причинившем ущерб государству на общую сумму около 200 млн. руб.)[1].

Мы осознаем, что дифференцировать ответственность в зависимости от стоимостных критериев и множить их до бесконечности невозможно, расширять же границы существующих критериев без предварительного и всестороннего их изучения и поиска научной основы было бы неправильным. В связи с этим полагаем, что в данной плоскости проблема объективна и ее решение не зависит исключительно от стоимостных критериев преступности деяний. Вместе с тем, по нашему мнению, решение возможно, если найти оптимальное соотношение критериев преступности и наказуемости деяний. В частности, при существенном превышении деянием установленной нижней границы стоимостного критерия, наказание в виде штрафа могло бы быть увеличено и определено в сумме, кратной разнице между фактическим размером (ущербом) и критериальным (например, при таком подходе по «делу Оборонсервиса» сумма штрафа могла бы составить до 200 млн руб.). Вообще решение проблемы «пограничных состояний», как и других проблем стоимостных критериев видится нам в создании четкой, понятной и доступной обычному гражданину гибкой системы стоимостных критериев (нынешнюю систему с учетом многочисленных изменений, чаще однобоких, таковой считать не можем) и их закреплении для различных групп однородных преступлений в Общей части Уголовного закона, например в Разделе II о преступлении.

[1] См.: Приговор Пресненского районного суда г. Москвы от 06.05.2015 по уголовному делу № 1-37/2015 (1-245/2014) // URL: https://presnensky--msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number =322998022&delo_id=1540006&new=0&text_number=1/ (дата обращения: 12.11.2017).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ

Бедняк А.С., старший преподаватель кафедры криминалистики, судебной медицины и психиатрии Днепропетровского государственного университета внутренних дел, майор полиции

Всемирный прогресс предопределяет развитие самой разнообразной техники, без применения которой невозможна деятельность правоохранительных органов. Технические средства используются в течение всего процесса расследования преступлений и способствуют более полному представлению о событии преступления, получению доказательственной информации и т.д. Действующее законодательство не устанавливает ограничений относительно использования традиционной или современной техники. С точки зрения криминально-процессуального закона не важна технология формирования фотографического изображения. Решающим является получение качественных данных, которые отвечают требованиям принадлежности, допустимости и достоверности.

Отдельные аспекты применения технического оборудования неоднократно рассматривались учеными-криминалистами. Освещались вопросы относительно разработки и совершенствования методов и приемов фотографии, круг объектов съемки, перечня заданий. Однако, используемые на практике средства и методы криминалистической фотографии и видеозаписи, не всегда могут в полной мере удовлетворить требования уголовного судопроизводства.

Наряду с этим, в Стратегии развития Экспертной службы Министерства внутренних дел Украины среди основных проблем, которые нуждаются в решении, отмечен недостаточный уровень материально-технического и ресурсного обеспечения [3].

На фоне изменений в законодательстве в части обязательной аудио- и видео- фиксации во время проведения обыска жилья или другого владения лица использование новейших технологий приобретает еще большее значение. В частности, для непрерывного процесса и обеспечения фиксации таких важных для суда фактов, как: обеспечение процессуальных прав участников; круг присутствующих лиц и характер их действий; пути и последовательность входа-выхода к помещению; место нахождения тайников; момент выявления, исключения и фиксации объектов поиска, их состояние и так далее.

Результаты проведенного анкетирования работников органов Национальной полиции свидетельствуют, что в процессе расследования уголовных правонарушений применяется фотосъемка и видеозапись: во время осмотра места происшествия – 92 %, следственного эксперимента - 86 %, предъявления для опознания – 56 %, обыска - 36 %, допроса - 27 %. При этом в 72 % случаев применялось цифровое оборудование, которое не находилось на балансе МВД, в 28 % – цифровое оборудование, которое находилось на балансе МВД, в 0 % – аналоговая съемка.

То есть, какие бы отличия не существовали между цифровой и аналоговой съемкой, реалии нынешнего времени сами определяют выбор. Ведущие производители фототехники уже отказались от использования аналоговых фотокамер, фирмы-производители фотопленки резко сократили ее изготовление и сделали заявления об окончании выпуска фотопленки в недалеком будущем. В перспективе планируется выпуск только фототехнических пленок целевого назначения. Но и цифровая техника имеет определенные недостатки, а именно ее приложению могут препятствовать погодные условия, качество освещения, усложнено определение размеров объектов, а главное невозможно получить объемное изображение.

Научно-техническим средством, которое обеспечивает комплексную фиксацию окружающей обстановки с осуществлением точного отражения внешнего вида, формы, измерением расстояний между объектами, их взаимного расположения и размеров, есть лазерный 3d сканер. С помощью соответствующего программного обеспечения, использование 3d сканера позволяет в течение небольшого промежутка времени создать точную фотореалистиче-

скую модель участка местности, рассмотреть ее из любого ракурса и расстояния, как в целом, так и отдельных объектов. Важным является и то, что данное программное обеспечение дает возможность проводить реконструкцию объекта и осуществлять разного рода операции с отдельными объектами как в 3d модели, так и отдельно от нее, импортировать в 3d модель места, которое сканируется, другие трехизмеримые объекты для иллюстрации их расположения в определенные промежутки времени [5].

Позитивный опыт применения таких лазерных 3d сканеров отмечен во США, например, в криминалистических лабораториях полицейских управлений в Лос Анджелесе, штата Калифорния с 2006 года и Альбукерке, штат Нью-Мексико с 2008 года [6]. В Украине в Харьковском НДЕКЦ уже сегодня используется портативный лазерный сканер "Faro Focus 3d", который позволяет создавать трехмерную цифровую модель окружающего пространства и фиксировать мельчайшие детали; программа "Карат" для моделирования дорожно-транспортного события; система визуализации "Рувис", с помощью которой возможно выявить следы папиллярных узоров в ультрафиолетовом излучении и тому подобное.

Среди основных направлений таких инновационных приложений А.С. Непорада отмечает:

– визуализацию помещений с созданием наиболее реалистичной картины отсканированных пространств и возможностью с помощью соответствующих компьютерных программ проводить измерение для любой точки в пределах объекта сканирования;

– обзор места события из определенной точки: 3d-сканування позволяет проводить обзор места преступления из точки, в которой находился правонарушитель или его жертва, и наглядно продемонстрировать именно то, что было видно из этой точки;

– анализ следов крови: 3d-сканування позволяет криминалистам создавать изображение следов крови в трехмерном изображении, воссоздавать траектории брызг крови и пересматривать их в пределах места события;

– технику дактилоскопирования: 3d сканирование позволяет ускорить процедуру дактилоскопирования (сканер тратит меньше чем одну секунду на палец); в дальнейшем разработчики обещают увеличить его скорость за счет сканирования всех десяти пальцев за один раз. Отсутствие контакта со сканером уменьшает загрязнение поверхности стекла или "смазывания" оттиска через случайное дергание пальцем, а следовательно, повышает качество сканирования. В базе данных отпечаток хранится в виде трехмерной модели;

– баллистические экспертизы: эксперты имеют возможность изучать не плоское изображение пули, а ее полноценную 3d-модель, на поверхности которой четко воссоздаются желобки и бороздки, оставленные после выстрела, за которыми эксперты могут с достоверностью идентифицировать примененное оружие. Кроме этого, с помощью 3d-моделювання можно точно рассчитывать и наглядно продемонстрировать траекторию пули;

– реконструкцию ДТП: возобновление сценариев и причин дорожно-транспортных приключений, детальное изображение и сохранение всех повреждений и доказательной базы для дальнейшего расследования [4].

Невзирая на свои преимущества, современная техника также имеет свои недостатки. В частности, большая стоимость отмеченных устройств обусловливает весьма медленное внедрение их в практическую деятельность. Одним из вариантов решения этой проблемы предлагается проведение съемки одновременно несколькими видеокамерами с различных точек.

Выводы. Таким образом, в условиях развития науки и техники невозможно отказаться от современных достижений. В правоохранительных органах цифровые фотоаппараты и видеокамеры практически полностью вытеснили аналоговые. Наряду с этим, применение лазерных 3d-сканеров будет значительно способствовать более качественному поиску следов и обеспечит ряд преимуществ во многих направлениях, таких как дактилоскопия, баллистика, анализ следов крови, визуализация помещений.

Список использованной литературы:

1. Бирюков В.В. Цифровая фотография: перспективы использования в криминалистике: Монография. – Луганск: РИО ЛИВД, 2000. – 138 с.

2. Кримінальний процесуальний кодекс України чинне законодавство зі змінами та допов. станом на 17 серпня 2015 року : (офіц. текст). – К.: Паливода А.В. 2015.- 328с.

3. Наказ Міністерства внутрішніх справ України від 15 березня 2017 року N 229 Про затвердження Стратегії розвитку Експертної служби Міністерства внутрішніх справ України на період до 2020 року та Плану заходів щодо її реалізації. Режим доступу до ресурсу: http://www.cct.com.ua/2017/15.03.2017_229.htm.

4. Непорада А.С. Новітні технології в криміналістиці: 3D-сканування під час огляду місця події / Криміналістичний вісник : наук.-практ. зб. / [голов. ред. В.В. Чернєй] / ДНДЕКЦ МВС України; НАВС. — К. : ПК «Типографія від «А» до «Я», 2016. — No 2 (26). — с. 141-144

5. Официальный сайт компании Panorama Tools graphical user interface [Електронний ресурс]. — Режим доступу : http://www.ptgui.com.

6. Центр криміналістики: як працюють українські Холмси [Електронний ресурс] // Режим доступу: https://ukr.segodnya.ua/regions/kharkov/centr-kriminalistiki-kak-rabotayut-ukrainskie-holmsy-971702.html.

РЕФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ ДОСУДЕБНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ, ПУТЕМ СОЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ДЕТЕКТИВЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ УКРАИНЫ

Благута Р.И., профессор кафедры уголовного процесса факультета №1 ИПФПНП Львовского государственного университета внутренних дел, к.ю.н., доцент

Кунтий А.И., доцент кафедры уголовного процесса факультета №1 ИПФПНП Львовского государственного университета внутренних дел, к.ю.н.

Опыт европейских стран показал, что отечественная система проведения досудебного расследования уступает по уровню эффективности. И на это есть объективные причины: и недостаточное использование новейших технологий в расследованиях, и неравномерное распределение нагрузки, и ненадлежащая координация между подразделениями внутри структуры. Стало очевидно, что постсоветская система расследований в современном мире нуждается в модернизации.

С этой целью Национальная полиция Украины, совместно с консультативной миссией Европейского союза (EUAM) в Украине пришли к необходимости реформирования органов досудебного расследования системы полиции, путем создания института детективов. Целью которого стало получение эффективного использования профессионального потенциала оперативников, повышение ответственности каждого за конечный результат и распределение нагрузки и одинаковое расследования дел независимо от вида преступления [1]. Для этого в начале 2017 Консультативная миссия Европейского Союза и Национальная полиция Украина начали совместный пилотный проект на базе Бориспольского отдела полиции, объединивший функции оперативников и следователей под единое подчинение. Эксперимент ввели для того, чтобы найти оптимальный баланс между институтом следователей и институтом детективов. Однако, опыта, полученного во время проведения эксперимента на базе одного подразделения, оказалось недостаточно. Поэтому позже было решено ввести проект "Полицейские детективы" в 8 регионах Украины - в Киевской, Запорожской, Львовской, Одесской, Полтавской, Сумской, Харьковской и Хмельницкой областях.

На сегодня, Национальная полиция создала управления детективов в Главном следственном управлении, штат которого составляет 46 человек. Штат подразделения отобраны посредством проведения конкурса и 75% штата – это бывшие оперативные сотрудники [2].

После этого проведен конкурс на замещение должностей руководителей отделов детективов в областях и сейчас проходят конкурсы на замещение должностей самых детективов. Кандидаты должны пройти тестирование общих навыков и профессионального теста, после чего происходит собеседование с консультативной комиссией, по результатам которой комиссия принимает решение о целесообразности назначения кандидата на вакантную должность. В случае необходимости комиссия назначает кандидату тестирования на полиграфе. В таком случае решение о целесообразности назначения на вакантную должность принимается с учетом результатов тестирования на полиграфе. Требованиями к должности является то, что кандидаты должны бать:

- полицейскими;

- иметь высшее образование по специальности «Право» («Правоведение») образовательного степени «магистр» (образовательно-квалификационного уровня «специалист»);

- свободно владеть украинским языком и иметь Знание Конституции Украины, уголовного процессуального законодательства, законов Украины «О Национальной полиции», «О предотвращении коррупции», «Об оперативно-розыскной деятельности», акты законодатель-

ства, касающиеся деятельности органа досудебного расследования, указы Президента Украины, постановления Верховной Рады Украины, постановления и распоряжения Кабинета Министров Украины; распорядительные документы МВД и Национальной полиции, другие нормативно-правовые акты, инструктивные и методические документы, регулирующие деятельность следственных подразделений Национальной полиции.

- стаж работы по специальности на должностях руководителей должно быть не менее двух лет и опытом оперативной и следственной работы не менее пяти лет.

Кандидатам предлагают заработную плату от 15000 гривен; социальное обеспечение согласно действующему законодательству; профессиональную подготовку по международным стандартам; повысить образовательную степень высшего образования в высших учебных заведениях со специфическими условиями обучения, осуществляющих подготовку полицейских и перспективу карьерного роста [3].

Однако, несколько неурегулированным на законодательном уровне остается статус самого детектива в Национальной полиции. С этой целью в ряде законодательных инициатив появился проект Закона Украины №4753 от 02.06.2016 «О внесении изменений в Закон Украины «О Национальной полиции» (по выполнению рекомендаций, содержащихся в комментариях Генерального директората по правам человека и верховенства права Совета Европы)», внесенный в повестку дня Верховной Рады Украины по 2149-VIII от 03.10.2017, подготовленный народными депутатами Украины А.С. Сотник и другими.

Инициаторы законопроекта предлагают внесении изменений и дополнений в ряд статей Закона Украины «О Национальной полиции» и его Заключительных и Переходных положений, предлагается объединение полномочий органа досудебного расследования и криминальной полиции, а также присвоение специальных званий работникам криминальной полиции младший детектив полиции , детектив полиции, старший детектив полиции и Генеральный инспектор полиции. Данные звание в соответствии с заключительных и переходных положениях законопроекта предлагается приравнять в соотношении от рядового полиции до майора полиции - до детектива полиции; подполковник-полковник полиции - к старшему детектива полиции; звание высшего состава полиции к Генеральному инспектору полиции. В настоящее время указанный законопроект возвращен субъекту права законодательной инициативы на доработку [4].

Однако, несмотря на реформирование и создание института детективов, есть ряд недостатков законодательного его регулирования в контексте УПК Украины, так как согласно ч. 1 ст. 38 УПК Украины органом досудебного расследования является следственное подразделение Национальной полиции, а соответственно ст 40-41 УПК Украины предусматривает полномочия следователя и оперативного работника соответственно [5]. Представляется нам, что урегулированием этого вопроса будет предсказания нормы, которая предусматривала бы полномочия детектива Национальной полиции в УПК Украины.

По нашему мнению, инициатива по созданию института детективов есть беспрекословно интересной и полезной, так как представляется детектив будет должностным лицом следственного подразделения и занимать полномочия оперативного работника и следователя, бесспорно будет способствовать повышению эффективности досудебного расследования в Украине и системы уголовного судопроизводства в целом.

Список использованной литературы:

1. О реформы, а именно - проект «Полицейские детективы» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.facebook.com/sergii.knyazev/posts/225372991316602

2. Управление детективов появилось в Главном следственном управлении [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://mykyivregion.com.ua/2017/11/22/upravlinnya-detektiviv-zyavilosya-u-golovnomu-slidchomu-upravlinni/

3. Нацполиции объявила конкурс на 25 должностей в службу детективов [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://ukrainepravo.com/news/ukraine/natspolitsiya-ogolosila-konkurs-na-25-posad-u-sluzhbu-detektiviv-/

4. Проект Закона Украины №4753 от 02.06.2016 «О внесении изменений в Закон Украины «О Национальной полиции » (по выполнению рекомендаций, содержащихся в комментариях Генерального директората по правам человека и верховенства права Совета Европы)» [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=59281

5. Уголовный процессуальный кодекс Украины: утвержден Законом от 13.04.2013 г. (С изменениями и дополнениями) // Ведомости Верховной Рады Украины (ВВР), 2013, № 9-13 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/4651-17.

ВЛИЯНИЕ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ НА РАССЛЕДОВАНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В РАЗУМНЫЙ СРОК

Богословская Е.В., прокурор отдела по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних, младший советник юстиции

Проблема соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства является актуальной для российского уголовного процесса. Применение сокращенных производств, одним из которых является заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, позволяет ускорить процедуру осуществления правосудия. Но при этом также необходимо учитывать насколько всесторонне и всеобъемлюще удается установить детали совершения преступления, распределение ролей соучастников Автор предлагает усовершенствовать законодательство. Сделать прокурора ключевым субъектом, оценивающим целесообразность заключения досудебного соглашения, последствия его заключения и влияние на соблюдение прав участников процесса на осуществление уголовного судопроизводства в разумный срок.

Ключевые слова: разумный срок уголовного судопроизводства; досудебное соглашение о сотрудничестве, эффективная уголовно-процессуальная деятельность; справедливость; правосудие; прокурор.

За последние годы в целях сокращения сроков рассмотрения уголовных дел, а также облегчения раскрытия наиболее опасных преступлений получил широкое распространение институт досудебного соглашения. По данным Судебного департамента при Верховном суде России, за первое полугодие 2013 года число дел, по которым были заключены досудебные соглашения о сотрудничестве, выросло в полтора раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В 2017 г. судом рассмотрено 2393 уголовных дела, по которым заключены досудебные соглашения о сотрудничестве (в 2016 г. – 2425, в 2015 г. – 2594, в 2014 г. – 2611, в 2013 г. – 2253) [1]. Анализ официальной статистики показывает, что на практике обнаруживаются существенные пробелы и в деятельности органов предварительного расследования и в законодательном регулировании, которые в последующем приводят к необходимости возвращения судами уголовных дел прокурору либо последующего пересмотра судебными инстанции состоявшихся судебных решений, что приводит и к затягиванию сроков рассмотрения дел. При этом заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с подозреваемым, обвиняемым относится к исключительной компетенции прокурора, который является участником всего этапа уголовного преследования, в том числе до его окончательного завершения. От прокурора зависит утверждение обвинительного заключения (соглашение с объемом предъявленного обвинения) и последующее поддержание обвинения в суде, поэтому прокурор является гарантом выполнения досудебного соглашения со стороны обвинения. Учитывая это, невозможно согласиться с позицией А.А. Иванова [2], который полагает, что полномочие прокурора по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве не соответствует его надзорным функциям в уголовном судопроизводстве, поскольку привлечение подозреваемого и обвиняемого к сотрудничеству является вопросом тактики предварительного расследования, которое прокурор на досудебных стадиях уголовного процесса самостоятельно не осуществляет. Досудебное соглашение о сотрудничестве должно заключаться не прокурором, а самим следователем.

Сейчас подозреваемый, обвиняемый вправе обратиться с ходатайством о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве на имя прокурора через следователя. При этом следователь может вынести постановление об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, соответственно такое ходатайство не попадет к прокурору. Мотивы, по которым следователь может отказать в удовлетворении ходатайства могут быть различно, но в том числе не исключена коррупционная заинтересованность. Т.В. Топчиева [3] предлагает дополнить п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ предоставлением прокурору правомочия по отмене незаконного постановления следователя об отказе в удовлетворении ходатайства подозреваемого или обвиняемого о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Стоит согласиться с тем, что прокурор должен знать о подаче подозреваемым, обвиняемым такого ходатайства и иметь полномочия повлиять на решение следователя, иначе надзорная деятельность прокурора не сможет быть эффективной и полезной. В целях исключения принятия следователем незаконных решений целесообразно, чтобы все ходатайства о заключении досудебного соглашения направлялись сразу прокурору с приложением мотивированной позиции следователя и руководителя следственного органа о целесообразности его заключения. Также необходимо предусмотреть возможность обжалования принятого прокурором по ходатайству решения вышестоящему прокурору либо в суд, что сократит установленную в настоящее время в законе процедуру обжалования, которая предусматривает возможность обжалования решения следователя лишь руководителю следственного органа, а решения прокурора – вышестоящему прокурору. Это будет способствовать объективному установлению прокурором целесообразности заключения досудебного соглашения как с точки зрения раскрытия совершенных преступлений, изобличению лиц, виновных в совершении преступления, так и осуществлению права на доступ к правосудию потерпевших и завершению уголовного преследования в оптимально короткие сроки.

Порой следователи, добившись от готового к сотрудничеству лица необходимой информации, в дальнейшем не прилагают должных усилий к сбору других доказательств, в том числе и на тот случай, если соответствующее лицо откажется от дальнейшего сотрудничества, изменит свои показания. Прокурор при рассмотрении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве должен определиться не только с ценностью и реалистичностью тех обязательств, которые берет на себя подозреваемый, обвиняемый, но и с тем, как соглашение сработает в последующем в судебном разбирательстве и главным образом по основному делу. Иными словами, прокурор, как, впрочем, и следователь, в случае заключения соглашения о сотрудничестве должен ориентироваться не на обвинительное заключение, а на итоговые решения по основному и выделенному делам.

Ситуации, когда лица, заключившие соглашение о сотрудничестве, рассказывают лишь о своем участии в преступлениях или о роли тех, кого уже никогда не привлечешь к ответственности, например в связи со смертью, не столь и редки. Соглашения с преступниками, которые в реальности никакой значимой помощи властям не оказывают, ощутимо дискредитируют саму идею досудебного соглашения о сотрудничестве, сказываются на справедливости принимаемых решений в отношении подсудимых.

Прокурор должен исходить из того, что нецелесообразно заключать досудебные соглашения со всеми обвиняемыми по уголовному делу, хотя закон не содержит таких ограничений. В последующем при рассмотрении уголовного дела суд должен будет применить ко всем преступникам положения ч.ч. 2, 4 ст. 62 УПК РФ, т.е. назначить им более мягкое наказание, что не будет соответствовать установлению социальной справедливости и поощрению членов организованных преступных групп и сообществ активно сотрудничать со следствием, хотя в целом значительно сократит сроки уголовного судопроизводства.

Список использованной литературы:

1. Статистические данные Генеральной прокуратуры Российской Федерации об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2013–2017 гг. http://www.genproc.gov.ru/stat/data (дата обращения: 05.05.2018).

2. Иванов А.А. Теоретические и организационно-правовые аспекты реализации института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. дисс… канд. юрид. наук. Челябинск. 2013. – 25 с.

3. Топчиева Т.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. дисс… канд. юрид. наук. СПб. 2013. – 22 с.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ УИС МВД РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Бойко А.А., доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Костанайской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, подполковник полиции

Президентом Республики Казахстан Нурсултаном Назарбаевым, подписан Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности».

Закон принят в порядке законодательной инициативы Главы государства Республики Казахстан и предусматривает поправки в Уголовно-процессуальный кодекс, законы «Об оперативно-розыскной деятельности» и «О прокуратуре», направленные на:

- усиление защиты прав граждан в уголовном процессе и снижение его репрессивности;
- повышение состязательности в уголовном процессе, в том числе за счет расширения прав адвокатов;
- расширение судебного контроля на досудебной стадии;
- четкое распределение процессуальных полномочий;
- упрощение и экономичность уголовного процесса[1].

За годы независимости государством приняты меры по оздоровлению криминогенной ситуации в стране, ужесточению учета преступлений, гуманизации наказаний, в том числе по экономическим преступлениям, снижению тюремного населения, а также усилению ответственности за отдельную категорию преступлений.

В целом, совершенствование законов – это процесс постоянный. К нему нужно подходить вдумчиво, взвешенно, шаг за шагом. При этом не должен нарушаться баланс между правами человека и борьбой с преступностью.

Законопроект можно разделить на два блока:

1. Первый усиливает защиту прав человека.
2. Второй направлен на экономию процесса.

К новеллам в пользу прав человека отнесены – сокращение сроков задержания граждан без санкции суда с 72 до 48 часов, а несовершеннолетних до 24 часов; сокращение оснований применения меры пресечения в виде ареста по экономическим преступлениям; обязанность уведомления граждан о проведенных в отношении них НСД; расширение полномочий адвокатов по внесению ходатайств и сбору доказательств.

Одна из поправок обязывает следователя вести дело лишь в том объеме обвинения, по которому оно изначально зарегистрировано. В противном случае, прокурор либо суд будут прекращать такие дела. Это делается для того, чтобы преломить практику, когда органы расследования заводят дело по одному факту и, не найдя доказательств, начинают искать другие улики. Лишь бы найти зацепку для привлечения к ответственности.

К поправкам, способствующим экономии уголовного процесса, отнесены внедрение института приказного производства и перевод дел на электронный формат.

Цифровизация уголовного процесса позволит отбросить бюрократию, так как необходимые справки и согласования можно будет получить электронно, не выходя из кабинета, а также исключит факты утери и фальсификации материалов.

Самое главное - цифровизация усилит защиту прав человека. Весь процесс будет как на ладони. Возрастет прокурорский контроль. Уменьшится коррупция. IT-система намного облегчит работу и следователя, и прокурора, и судьи.

[1] Закон Республики Казахстан от 21 декабря 2017 года № 118-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам модернизации процессуальных основ правоохранительной деятельности» // Әділет: нормативно-правовая, электронная база РК.

Предлагается также передача суду всех санкций в уголовном процессе. Это установка Плана нации – 100 Шагов.

Другой момент, предлагаемый в законопроекте, – уведомление о проведении негласных действий. Тем, кого прослушивали, за кем следили, органы расследования будут сообщать об этом, чтобы они могли подать в суд, если делалось это необоснованно. Такого права у наших граждан никогда не было. Главная цель – повышение защиты конституционных прав человека. И органы, и суды теперь будут более серьёзно думать, назначать или нет негласные следственные действия. Предусматривается также снижение давления на бизнес. В частности, по экономическим преступлениям теперь предлагается не брать под стражу. Однако, это не коснётся рейдерства, подделки денег, контрабанды, финпирамид и ОПГ.

Также законопроектом вносятся поправки в Закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Сейчас специальные оперативные мероприятия можно проводить по всем преступлениям, даже по небольшой тяжести. Теперь их перечень существенно ограничится. Останутся только тяжкие, особо тяжкие преступления и ряд дел средней тяжести[1].

Рассмотрим пункт 4 статьи 12 «Условия проведения оперативно-розыскных мероприятий» Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в редакции от 21.12.2017 года:

- Специальные оперативно-розыскные мероприятия проводятся исключительно с санкции прокурора:

1) в целях выявления, предупреждения и пресечения тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступлений средней тяжести, предусмотренных статьями 116 (частью первой), 126 (частями первой и второй), 128 (частью первой), 134 (частью первой), 161 (частью первой), 185 (частями первой и второй), 188 (частью второй), 189 (частью второй), 190 (частью второй), 194 (частью первой), 195 (частью четвертой), 197 (частью третьей), 207 (частью второй), 210 (частью первой), 211 (частью второй), 213 (частью третьей), 216 (частью первой), 218 (частями первой и второй), 231 (частью первой), 232 (частью первой), 233 (частью второй), 234 (частью второй), 245 (частью первой), 272 (частью третьей), 283 (частью первой), 286 (частью первой), 287 (частью третьей), 288 (частью первой), 307 (частью второй), 308 (частью первой), 309 (частью первой), 315 (частью первой), 361 (частью второй), 362 (частью второй), 365 (частью второй), 366 (частью первой), 367 (частями первой и второй), 394 (частью второй), 399 (частью второй), 422 (частями первой и второй) Уголовного кодекса Республики Казахстан, и преступлений, совершенных преступной группой, в отношении проверяемого лица либо третьего лица, если есть сведения, что проверяемое лицо использует телефон или иное переговорное устройство третьего лица, или есть сведения, что третье лицо получает информацию для проверяемого лица либо от проверяемого лица для передачи другим лицам с использованием телефона и других переговорных устройств и фиксация ее содержания на материальном носителе[2].

Как мы видим в данной статье предусматривается полный перечень статей Уголовного кодекса Республики Казахстан, в части преступлений средней тяжести. Однако изучая и анализируя данную норму ст.12 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в редакции от 21.12.2017 года, возникает ряд вопросов.

Так, статья 100 «Оперативно-розыскная, контрразведывательная деятельность и негласные следственные действия в учреждениях» Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан, предусматривает в учреждениях осуществление оперативно-розыскной, контрразведывательной деятельности и проведение негласных следственных действий, задачами которых являются:

1) обеспечение порядка и условий исполнения наказаний, безопасности осужденных, персонала учреждений и иных лиц;

2) предупреждение, выявление, пресечение готовящихся и совершаемых, в учреждениях, уголовных правонарушений и нарушений порядка отбывания наказания;

---

[1] Сайт: https://www.zakon.kz/

[2] Закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 года № 154 – XIII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.12.2017 г) // Әділет: нормативно-правовая, электронная база РК.

3) розыск осужденных, совершивших побег из учреждений, а также осужденных, уклоняющихся от отбывания наказания в виде лишения свободы;

4) содействие в выявлении и раскрытии преступлений, совершенных осужденными до прибытия в учреждение;

5) предупреждение, вскрытие и пресечение разведывательных и (или) подрывных акций[1].

Схожие нормы регламентирует статья 2 «Задачи оперативно-розыскной деятельности» Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», регламентирует задачи оперативно-розыскной деятельности:

1) защита жизни, здоровья, прав, свобод, законных интересов человека и гражданина, собственности от противоправных посягательств;

2) содействие в обеспечении безопасности общества, государства и укреплении его экономического потенциала и обороноспособности;

3) выявление, предупреждение и пресечение преступлений;

4) поддержание в местах содержания под стражей или лишения свободы режима, установленного законодательством Республики Казахстан;

5) обеспечение безопасности подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных, персонала в местах содержания под стражей или лишения свободы и иных лиц;

6) обеспечение безопасности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность[2].

То есть мы видим, что на сотрудников оперативных подразделений учреждений УИС возложены существенные задачи, однако возникает существенная проблема в части их реализации путем проведения специальных оперативно-розыскных мероприятий, даже более невозможность их проведения.

Так санкции статей Уголовного кодекса Республики Казахстан, ст. 428 «Неповиновение законным требований администрации уголовно-исполнительного учреждения», ст. 429 «Угроза применения насилия в отношении сотрудника учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества, либо его близких, а также осужденного или посягательство на их здоровье или жизнь» относятся к преступлениям средней тяжести, однако исходя из пункта 4 статьи 12 Закона «Об ОРД» по данным статьям мы не можем проводить специальные ОРМ. Конечно же остаются негласные следственные действия, но стоит ли жизнь человека ждать регистрации в ЕРДР, или все таки, мы используем обязанность выполнения оперативными сотрудниками возложенных на них задач, и вышеуказанные преступления будут предотвращены в рамках дел оперативного учета с помощью специальных оперативно-розыскных мероприятий.

Вносимые изменения – это очередной шаг, который приблизит законодательство Казахстана к базовым принципам развитых европейских стран. Действуя сообща, мы выполним поручение Президента, данное на открытии Парламентской сессии, и сможем приблизить работу правоохранительных органов к международным стандартам.

---

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 234-V ЗРК // Әділет: нормативно-правовая, электронная база РК.

[2] Закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 года № 154 – XIII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.12.2017 г) // Әділет: нормативно-правовая, электронная база РК.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОИЗВОДСТВА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Борисенко К.А., преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, старший лейтенант внутренней службы

Рясов А.А., курсант очного обучения юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН России, сержант внутренней службы

В современных условиях криминогенная ситуация в России и мире в целом значительно обострилась. Возрастает противодействие раскрытию и расследованию преступлений со стороны правонарушителей. Обладая порой неограниченными материальными средствами и коррумпированными связями, эти лица идут на изощренные и жесткие способы воздействия на процесс выявления и расследования преступлений, участников судопроизводства, чтобы воспрепятствовать установлению объективной истины по уголовному делу.

Распространенность и активность таких действий объясняется стремлением субъектов противодействия расследованию не только вывести из сферы уголовного преследования отдельных участников преступной деятельности, но и обеспечить безопасность криминальной субкультуры и других членов преступных групп. Одновременно отмечается рост групповой, организованной, транснациональной преступности.

В этой связи, особую значимость приобретает исследование процесса расследования преступлений, что являет собой сложный, структурированный и комплексный спектр действий, в который вовлечено значительное число субъектов – сотрудников правоохранительных органов и ведомств, а также повышение его эффективности и качества производства. Не случайно, Президент Российской Федерации В.В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД России в феврале 2018 года отметил, что общий уровень раскрываемости преступлений в государстве снизился до 43 процентов [5].

В свою очередь, качественное и количественное изменение показателей преступности, противодействие которой остается основной задачей правоохранителей Российского государства, и требует, по мнению авторов, решительной законотворческой инициативы и серьезных преобразований в сфере применения уголовного закона и отправления правосудия в целом, что позволит обеспечить в полной мере реализацию принципа неотвратимости уголовного наказания.

Так, основными субъектами, осуществляющими уголовное преследование, то есть процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении противоправного деяния остаются органы предварительного следствия и дознания.

Анализ уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, а именно ст. 40 УПК РФ дает основания полагать, что в силу возникновения юридического факта (совершения преступления) процессуальные полномочия органа дознания могут возлагаться и на иные субъекты правоохранительной деятельности [2]. При этом, к примеру статус сотрудников учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания в аспекте осуществления процессуальной деятельности до конца не определен. Отсылка норм уголовно-процессуального закона к нормативно-правовому акту, регулирующему порядок осуществления оперативно-розыскной деятельности, который в п.8 ст.13 Федерального закона РФ от 12.08.1995 №144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» указывает на «органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность» и закрепляет в числе прочих Федеральную службу исполнения наказаний [3] и определяет, что органом дознания, по сути, являются те учреждения в штатном расписании и структуре которых предусмотрены должности оперуполномоченных и функционируют оперативные подразделения.

Указанные положения порождают множество способов и дискуссий среди исследователей и практиков о некорректности указанной формулировки закона, связанной с определением и разграничением процессуальных полномочий начальников исправительных учреждений, как начальников органа дознания и, к примеру, их заместителей.

Данные противоречия вызваны содержанием статьи 5 УПК РФ, которая к начальникам органа дознания приравнивает должностных лиц, возглавляющих соответствующий орган дознания, а также его заместителей. В этой связи спорной является компетенция и компетентность, к примеру заместителей по тылу и заместителей кадрам, деятельность которых в корне отличается от направления деятельности и спектра полномочий заместителей по безопасности и оперативной работе.

Кроме того, в соответствии Указанием территориальных органов Прокуратуры РФ по надзору за исполнением законов в исправительных учреждениях с 2013 года у уполномоченных лиц – сотрудников исправительных учреждений осталась лишь процессуальная функция проверки сообщений о совершенном преступлении в пределах компетенции и в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, а также передача указанных сообщений по подследственности в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ [4].

Положительным представляется опыт закрепления уголовно-процессуальных полномочий органа дознания в УПК Республики Таджикистан. Так, статья 40 уголовно-процессуального закона четко наделяет именно «руководителей исправительных учреждений» статусом органа дознания не позволяя интерпретировать норму никаким иным образом [1].

Также нами отмечается размытость норм уголовно-процессуального закона, управомочивающих отдельных должностных лиц на производство неотложных следственных действий в российских пенитенциарных учреждениях. Статья 157 УПК РФ наделяет начальников учреждений и органов УИС процессуальными полномочиями на производство неотложных следственных действий. При этом, остается спорным вопрос, почему заместителей начальников исправительных учреждений, которые в силу закона обладают потенциальным статусом начальника органа дознания лишили данных полномочий?

По нашему мнению, не стоит и исключать тот факт, что правонарушения и преступления могут совершаться и на территории других органов ФСИН России, в частности на территории образовательных организаций высшего образования, научно-исследовательских институтов ФСИН России, уголовно-исполнительных инспекций.

Так, 15.10.2012 по подозрению в покушении на незаконный сбыт наркотиков задержаны выпускники института ФСИН России – оперуполномоченный уголовного розыска отдела полиции по г. Владимиру 23-летний Дмитрий Сатаров и бывший оперуполномоченный отдела полиции УМВД по Кольчугинскому району, а также курсанты 4 курса высшего учебного заведения [6]. По версии следствия, в мае 2012 года, будучи курсантами, указанные лица, действуя совместно, продали лицу, содействующему в проведении оперативных мероприятий, психотропное вещество «амфетамин» массой 0,67 грамма. Аналогичные действия в мае и июне 2012 года задокументированы в отношении их соучастника, незаконно сбывавшего наркотическое средство «гашиш» общей массой свыше 6 граммов.

В свою очередь, заостряя внимание на уголовно-процессуальном статусе образовательных организаций высшего образования ФСИН России отметим, что, по общему правилу, к органам дознания они не относятся. Это объясняется тем, что структурных подразделений, в компетенцию которых входит производство оперативных мероприятий штатным расписанием не предусмотрено, а основной целью является подготовка высоко квалифицированных кадров для УИС. Подобная организация деятельности подразумевает недопустимым совершение преступлений как категорией обучающихся, так и профессорско-преподавательским составом. Поэтому при обнаружении признаков совершенного преступления проведение предварительной проверки материалов, а также последующее предварительное расследование осуществляется в соответствии с нормами УПК РФ сотрудниками других правоохранительных ведомств. Авторы убеждены, что такой алгоритм несет в себе явные негативные факторы.

Таким образом, видится целесообразным, по принципу действующего уголовно-процессуального закона Республики Таджикистан и с учетом современной практики борьбы

с преступностью внести определенные изменения в текущее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, в частности установления ст.40 УПК РФ раскрытого и полного перечня должностных лиц, включая начальников образовательных организаций ФСИН России, которые будут наделены процессуальным статусом органа дознания с целью недопущения возникновения коллизий и пробелов, двойственности понимания при осуществлении правоприменительной деятельности.

Список использованной литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Таджикистан. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : в ред. федер. закона от 18 апр. 2018 г. № 72-ФЗ] // Собр. Законодательства Рос. Федерации. –2001. – № 52, ч. 1, ст. 4921.
3. Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ : в ред. 6 июля 2016 № 374-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 3, ст. 3349.
4. Письмо Владимирской Прокуратуры по надзору за исполнением законов в исправительных учреждениях от 20.11.2013 № 2-18-2013. – документ официально опубликован не был.
5. Расширенное заседание коллегии МВД России. Официальные сетевые ресурсы Президента России. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/56949.
6. 18.10.2012. Официальный сайт УФСИН России по Владимирской области. URL: http://www.33.fsin.su/news/detail.php?month=5&year=2016&ELEMENT_ID=56548.

ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ТАДЖИКИСТАНА, ТУРЦИИ И СУДАНА

Буряковская Е.В., адъюнкт кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, майор полиции

Вопрос о самостоятельном прекращении своей жизни человеком, совершение самоубийства, не теряет своей актуальности и в настоящее время. Дестабилизация в экономической, политической и культурной жизни общества, кризисы и неустроенность – все эти факторы способствуют росту количества совершения суицидов.

Общественное порицание самоубийства обусловлено религиозными воззрениями.

Иудаизмом самоубийство осуждается, все тяготы и страдания, как душевные, так и телесные, должны быть преодолены стойко, не допуская помыслов о «завершении» жизненного цикла. При неопровержимых доказательствах преднамеренности и желаемого достижения смерти, процедура захоронения погибшего-самоубийцы проходит без соблюдения траурных обрядов.

Ислам, как и иудаизм, не принимает такое явление как суицид. Связано это скорее с тем, что Коран (Куран) – священная книга мусульман, выступает сводом высказываний и норм, регулирующих правила поведения мусульман. Основным фатумом является фраза «На все воля Аллаха», которая определяет жизненный уклад и устройство истинных мусульман. Самоубийство противоречит воле Творца, по причине чего и становится прямым нарушением свода правил [1, 40-43, 5-9].

В католических и православных церковных источниках, закрепляющих нормы поведения истинного христианина, акт самоубийства приравнивался к убийству. Служить заупокойную службу по самоубийце и возносить молитвы за спасение его души не дозволяется [5, 67].

Изучение зарубежного законодательства в контексте возникновения уголовной ответственности за доведение до самоубийства или причастность к совершению данного деяния, позволит оценить отношение общества иностранных государствах к рассматриваемому деянию, а также даст возможность провести сравнительный анализ уголовных норм, закрепленных в законодательстве зарубежных стран с нормами, предусмотренными УК РФ.

С момента принятия УК РФ в 1997 году и вплоть до 2017 года, ст. 110 «Доведение до самоубийства» УК РФ находится в неизменном состоянии: уголовной ответственности подлежат лица, совершившие доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего [10].

В 2017 году Президентом Российской Федерации В.В. Путиным подписан Федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению», согласно которому ст. 110 «Доведение до самоубийства» УК РФ дополнена частью второй, согласно которой предусмотрены квалифицирующие признаки доведения до самоубийства или до покушения на самоубийство: если они совершены в отношении несовершеннолетнего, беременной женщины, беспомощного лица, в отношении двух и более лиц либо носят организованный, групповой или публичный характер. Кроме того, УК РФ дополнен ст. 110^1 «Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства», выраженное через уговоры, предложения, подкуп, обман или иные способы при отсутствии признаков доведения до самоубийства, а также содействие в совершении самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранений препятствий к его совершению или обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства; третьей, четвер-

той и пятой частями ст. 110^1 предусмотрены квалифицированные составы. Ст. 110^2 УК РФ «Организация деятельности, сопряженной с побуждением граждан к совершению самоубийства» предусмотрена уголовная ответственность за организацию деятельности, сопряженной с побуждением граждан к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства [7].

17.07.2017 депутатами Государственной Думы РФ было инициировано внесение изменений и дополнений в ст. ст. 110^1 и 110^2 УК РФ в части ужесточения санкции по данным преступлениям, что и было законодательно установлено 29 июля 2017 года Федеральным законом от 29.07.2017 № 248-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

Таким образом, законодатель отреагировал на участившиеся случаи доведения до самоубийства малолетних и несовершеннолетних детей.

Уголовным кодексом Республики Таджикистан [9, 284], ст. 109, предусмотрена уголовная ответственность только за доведение до самоубийства. Несмотря на то, что в последние годы участились факты доведения до самоубийства [12] совершенные на почве домашнего насилия, тем не менее, указанная уголовно-правовая норма остается неизменной. Наказание, за совершение деяния предусмотренного ст. 109 УК РТ составляет лишение свободы от трех до пяти лет; то же деяние, совершенное в отношении лица, находившегося в материальной или иной зависимости от виновного, либо совершено по отношению к несовершеннолетнему – наказывается лишением свободы на срок от пяти до восьми лет.

С 1856 года на правовую систему Турецкой Республики распространяется европейское международное право [4]. Согласно ст. 454 Уголовного кодекса Турции [11, 285] ответственности подлежат лица, убеждающие кого-либо совершить самоубийство и помогающие в этом. Однако ответственность за эти действия наступает лишь в случае смерти потерпевшего и заключается в тяжком заключении на срок от трех до десяти лет.

Разительно отличается от рассмотренных уголовных законов Уголовный кодекс Судана.

Законодательство этого государства представляет собой мусульманскую правовую систему, основными источниками которой выступают религиозные убеждения, записанные в священной книге мусульман – Коране, которой заложены основы исламской религии, правила и нормы поведения истинных мусульман, соблюдение которых является обязательным для духовного развития человека. Несмотря на это, многие мусульманские государства приняли за основу светское законодательство (на примере Турции), тем самым отграничив его от религиозного влияния, утверждение о том, что мусульманское право отлично от права мусульманских стран, по этой причине, совершенно обосновано [2, 322-323].

Основными источниками мусульманского уголовного права являются: бесспорные (Коран, Сунна), рациональные (иджма, кияс, иджтихад, фетва), светским государствам характерно наличие как элементов исламских традиций и доисламских норм, а также обычное право, уголовное законодательство и Конституции (или Основные законы) [6, 83].

В УК Судана присутствует ст. 214 «Доведение до самоубийства ребенка или больного человека» [13], в которой предусматривается уголовная ответственность за подстрекательство к совершению самоубийства любого человека в возрасте до восемнадцати лет, психически нездорового, отстающего в развитии, находящегося в алкогольном опьянении. За совершение указанного преступления виновный приговаривается к пожизненному лишению свободы или выплате штрафа, либо к двум видам наказания одновременно.

УК Судана интересен тем, что в Главе XVI, которая рассматривает преступления, связанные со смертью, изложены еще две статьи, о доведении до самоубийства (ст. 213) и попытка самоубийства (ст. 215).

За подстрекательство к совершению самоубийства предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет или штраф, либо применение двух видов наказания одновременно.

Отдельного внимания заслуживает ст. 215 УК Судана. За покушение на самоубийство, суицидент приговаривается к лишению свободы на срок не превышающий одного года или к штрафу, либо к тому и другому видам наказания одновременно. Присутствие уголовно-

правовой нормы о покушении на самоубийство обусловлено тем, что преступность этого деяния определяется нормами мусульманского права.

Следует отметить, что в России при царствовании Петра I акт самоубийства также определялся как преступный, что было отражено в 164 воинском артикуле Воинского устава от 26 апреля 1715. Самоубийство и попытка совершения самоубийства на тот период времени признавались особо тяжкими преступлениями. За попытку самоубийства лицо приговаривалось к смертной казни, в случае совершения самоубийства, тело погибшего подвергалось надругательству: «то надлежит палачу тело его в безчестное место отволочь и закопать, волоча прежде по улицам или обозу, дабы, смотря на то, другие такого беззакония над собой чинить не отваживались» [8, 409-410].

На основании изложенного, автор приходит к выводу о том, что возникновение ответственности за доведение до самоубийства, покушение на его совершение, склонение и содействие в совершении самоубийства обусловлено не только с целью принятия необходимых мер для эффективного противодействия указанным преступным посягательствам, но также может быть тесно взаимосвязано с религиозными убеждениями и неприемлемости совершения самоубийства обществом, что наглядно подтверждено УК Судана.

Список использованной литературы:

1. Войцех В.Ф. Суицидология / В.Ф. Войцех. М.: Миклош, 2007; Моховиков А.Н. Суицидология: Прошлое и настоящее: Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М.: Когито-Центр, 2013.
2. Давид Р., Жоффе-Спинози К. Основные правовые системы современности. – М., 1999.
3. Елаян Г.Ф. Основы мусульманского уголовного права. – Махачкала, 2002.
4. Международное право. Особенная часть: учебник / отв. ред. Р.М. Валеев, Г.И. Курдюков. М.: Статут, 2010.
5. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. – М.: Новое литературное обозрение, 1999.
6. Петровский А.В. Мусульманское уголовное право и особенности уголовного законодательства мусульманских государств. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2013.
7. Российская газета. 09 июня 2017 - № 125 (7291).
8. Таганцев Н. С. О преступлениях против жизни по русскому праву, 2-е изд., Т. 2. С-Пб, 1873.
9. Уголовный кодекс Республики Таджикистан, – г. Душанбе: «Соф», 2015.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации. Москва: Проспект, 2017.
11. Уголовный кодекс Турции / Предисловие канд юрид. наук, доц. Н. Сафарова и докт. права Х. Аджара. Науч. ред. и перевод с турецкого Н. Сафарова и Х. Бабаева. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2003.
12. Электронный ресурс: https://iwpr.net/ru/global-voices/«эпидемия»-женских-самоубийств-в-таджикистане (дата обращения: 07.05.2018).
13. The Penal Code Act, 2008 // The Southern Sudan Gazette. - 2009. - Vol. I. - No.1. - P. 1-200.

ОТГРАНИЧЕНИЕ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ ОТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБСКОГО ТРУДА

Бухориев Б.Р., доцент кафедры уголовного права, криминологии и психологии Академии МВД Республики Таджикистан

Установление уголовной ответственности за торговлю людьми является наиболее важной мерой уголовно-правового характера в стратегии предупреждения данного преступления. От правильного законодательного закрепления и последующего ее применения, во многом зависит решение задачи предупреждения преступлений, поставленной в ст. 2 УК РТ.

Изучение уголовных дел и анкетирование сотрудников следственных подразделений РТ показало, что одной из актуальных проблем предупреждения торговли людьми является решение существующих проблем, связанных с отграничением ст. 130^1 УК РТ от смежных составов. Поэтому эффективное применение уголовно-правых мер предупреждения торговли людьми представляется невозможным без решения ряда актуальных вопросов, связанных с квалификацией данного преступления и уяснением критериев отграничением его от смежных составов.

Включение в 2003 г. в УК РТ новой статьи о торговле людьми не повлекло за собой одновременного изменения редакций статей, которые ранее предусматривали возможность привлечения к уголовной ответственности за аналогичные действия. Причем, в УК РТ до 2003 г. существовала только ответственность за торговлю несовершеннолетними. До криминализации торговли людьми в Республике Таджикистан общественно опасные деяния, подпадающие под признаки данного преступления, квалифицировались как похищение человека, незаконное лишение свободы, вовлечение в занятие проституцией, то есть вопреки принципу законности (ч. 3 ст. 4 УК РТ), уголовный закон применялся по аналогии. В этой связи, введение в УК РТ новой нормы представляется вполне оправданным. Однако установление уголовной ответственности за торговлю людьми породило целый ряд проблем, связанных с отграничением его от смежных составов.

Правильное законодательное закрепление ответственности за торговлю людьми является реализацией, с одной стороны, конституционного права человека на неприкосновенность личности, а с другой - международных обязательств РТ по предупреждению торговли людьми. Правильная регламентация уголовной ответственности за торговлю людьми влияет и на цели общего и частного предупреждения, т.к. в конечном итоге, виновные в торговле людьми лица должны понести справедливое наказание. На это указали большинство опрошенных потерпевших от торговли людьми РТ. Результаты анкетирования потерпевших от торговли людьми показали, что 68% из них не удовлетворены размером назначенного наказания в отношении виновных лиц. Аналогичные данные приведены и в работе Н.Э. Мартыненко, изучавшей мнения потерпевших о назначенном наказании в целом [1].

Одной из статей, которая вызывает проблемы при квалификации торговли людьми, является ст. 130^2 УК РТ «Использование рабского труда». Под рабством понимается положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все правомочия, присущие праву собственности [2], а под рабом понимается лицо, находящееся в таком состоянии или положении [3]. Формами рабского труда являются: долговая кабала[1], крепостное состояние, принудительный труд или услуги, извлечение органов, принудительная беременность, нецелевое использование деятельности призывников (рабство солдат) [4].

Объектом использования рабского труда является общественные отношения в сфере личной свободы (свобода передвижения, избрания места жительства и т.д.), дополнительным объектом признается порядок трудовой деятельности (свобода выбора трудовой деятельно-

[1] Положение или состояние, в результате которого должник в обеспечение долга закладывает свой личный труд или труд зависимого от него лица, если ценность выполняемой работы не засчитывается в погашение долга, либо если продолжительность этой работы не ограничена каким-либо сроком, либо если характер работы и размер оплаты труда не определены.

сти), честь и достоинство человека, жизнь и его здоровье [5]. Однако данная позиция не поддерживается всеми исследователями. Одни [6], под объектом данного преступления понимают свободу труда и запрет принудительного труда. Другие [7], рассматривают физическую свободу как основной объект, а право на свободу труда - как факультативный. В предмет нашего исследования не входит подробный анализ данной нормы, поэтому мы придерживаемся общепринятой точки зрения на объект как на совокупность общественных отношений в сфере личной свободы.

При торговле людьми видовым объектом является неприкосновенность личности, а непосредственным объектом его честь и достоинство. Объективная сторона ст. 130^2 УК РТ выражается в использовании труда человека, с которым распоряжаются как с рабом. Фактически происходит принуждение потерпевшего к выполнению определенных работ или услуг. Однако принуждение происходит с применением как физического (избиение и т.д.), так и психического насилия, когда потерпевшему больше ничего не остается, кроме как подчиниться воле преступника. В данном случае смиряясь со своим рабским положением, лицо дает согласие на рабство вопреки собственной воле.

Законодатель перечислил пять способов приготовления к торговле людьми, некоторые из которых образуют самостоятельные составы преступлений, но не включил главный признак деяния – куплю-продажу человека, т.к. торговля, исходя из этимологического значения этого слова, представляет собой куплю-продажу чего-либо [8]. Субъектом преступления в ст. 130^1 и 130^2 УК РТ является вменяемое физическое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста.

В Республике Таджикистан фактов привлечения к уголовной ответственности за использование рабского труда мало, о чем свидетельствует статистика по возбужденным и расследованным уголовным делам по ст. 130^2 УК РТ. В основном таджикистанцы становятся потерпевшими по данному преступлению за пределами республики, находясь в трудовой миграции (например, в России и Казахстане). Проведенный анализ следственной практики, связанной с применением ст. 127^2 УК РФ показал, что эксплуататорами в большинстве случаев (92%) являются мужчины [9].

Субъективная сторона использования рабского труда выражается в умышленной форме вины. Мотив – корыстный.

Субъективной стороной торговли людьми является вина в форме прямого умысла, также обязательным признаком субъективной стороны в данном преступлении выступает цель – эксплуатация человека.

Составы анализируемых преступлений формальный.

Лицо, совершающее анализируемое преступление фактически присваивает себе полномочия рабовладения. Под полномочиями понимаются официально предоставленные кому-либо права; право какой-нибудь деятельности, ведение дел. Определение понятия «право собственности» дано в ч.1 ст. 232 ГК РТ, т.е. право субъекта по своему усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом. Человек не является предметом гражданско-правового оборота и не является чьей-нибудь собственностью. Однако, как уже отмечалось, зависимое положение, в котором находится потерпевший, делает его «собственностью хозяина», поскольку жертва в силу боязни наказания, применяемого со стороны «хозяина» или других причин не может отказать в выполнении каких-либо работ (услуг).

Использованию рабского труда могут предшествовать и другие преступления, обладающими признаками эксплуатации. Например, похищение, купля-продажа или вербовка человека и в конечном итоге это и есть эксплуатация. Поскольку ст. 130^2 УК РТ не предусматривает похищение и вербовку как способы его совершения, то при похищении или вербовке человека, а в последующем использование его рабского труда деяния по правилам квалификации необходимо рассматривать по совокупности ст. 130 и 130^2 УК РТ или ст. 130^1 и 130^2 УК РТ.

Могут быть и случаи использования рабского труда и последующей продажи человека. Такие деяния также должны квалифицироваться по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 130^2 и ст. 130^1 УК РТ. Сложности в квалификации могут возникнуть в случае ко-

гда, потерпевший вначале был похищен, потом продан, а затем подвергнут эксплуатации. В данном случае по УК РФ деяния можно квалифицировать по совокупности преступлений ст. 126, 127^1 и 127^2, если эксплуатация была трудовая. УК РТ такой квалификации не предусматривает. Ст. 130^1 УК РТ не содержит таких действий как купля или продажа человека. Соответственно виновный будет нести ответственность по двум статья УК – ст. 130^1 и 130^2 УК РТ), а не по трем (ст. 126, 127^1 и 127^2 УК РФ) как в России. Соответственно, наказание виновным за совершение таких преступлений в РТ будет назначено меньше, чем в РФ.

Все вышеизложенное приводит к выводу о том, что для решения проблем квалификации торговли людьми и отграничения ее от использования рабского труда необходимо (с учетом опыта Российской Федерации) изменить редакцию ст. 130^1 УК РТ, указав в диспозиции, что торговля людьми является куплей продажей человека.

Список использованной литературы:

1. Мартыненко Н. Э. Уголовно-правовая охрана потерпевшего: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 255.
2. О практике применения законодательства о торговле людьми и торговле несовершеннолетними [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда Республики Таджикистан от 23 декабря 2011 г. № 12. URL: http://www.adlia.tj/spisdoc.fwx (дата обращения: 16.11.2015); О противодействии торговле людьми и оказанию помощи жертвам торговли людьми: закон Республики Таджикистан от 26 июля 2014 г. № 1096; Макаров С. Н. Реализация международно-правовых обязательств по борьбе с рабством и работорговлей в уголовном законодательстве России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 126.
3. Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли, институтов и обычаев, сходных с рабством [Электронный ресурс] (Женева, 7 сентября 1956 г.). URL: http://www.un.org (дата обращения: 16.11.2015).
4. Доклад Альваро Хиль-Роблеса, комиссара по правам человека, о его визите в Российскую Федерацию с 15 по 30 июля и с 19 по 29 сентября 2004 г. // П. 388–389. Страсбург, 2005. 20 апр.
5. Полянская Е. М. Проблемы предупреждения использования рабского труда и торговли людьми: дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. С. 21.
6. Уголовный закон в практике районного суда: науч.-практ. пособие / под ред. А. В. Галаховой. М., 2010. С. 115.
7. Иванчин А. В. Составы торговли людьми и использования рабского труда (ст. 127^1, 127^2 УК): проблемы совершенствования // Современные разновидности российской и мировой преступности: состояние, тенденции, возможности и перспективы противодействия: сб. науч. тр. / под ред. Н. А. Лопашенко. – Саратов, 2005. С. 159.
8. Семенов А.В. Этимологический словарь русского языка. Серия Русский язык от А до Я. // Издательство «ЮНВЕС» М., 2003. С. 704.
9. Доклад о состоянии борьбы с торговлей людьми в Российской Федерации (по материалам мониторинга уголовного законодательства, проведенного Межведомственной рабочей группой Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству) [Электронный ресурс] / под. ред. Е. Б. Мизулиной. URL: http://www.un.org/ru/rights/trafficking/human_trafficking_russia. pdf (дата обращения: 24.12.2015).

ОКОНЧАНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ С СОСТАВЛЕНИЕМ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В УПК РСФСР И УПК РФ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Верещагина А.В., заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Института права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, канд. юрид. наук, доцент

Окончанию предварительного следствия с составлением обвинительного заключения посвящено ряд исследований, в которых авторы сосредоточились на изучении некоторых пробелов регламентации и предложений по их устранению [3; 8; 9]. Работ, в которых бы сопоставлялась регламентация советской и современной моделей рассматриваемого института до настоящего времени не было.

Институт окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения в РСФСР состоял из двух компонентов: 1) ознакомление потерпевшего, гражданского истца и ответчика и их представителей и 2) обвиняемого и защитника.

Вкратце процедура включала: 1) уведомление лиц, имеющих на это право, об окончании производства по делу; 2) предоставление им возможности ознакомиться с ним; 3) составление протокола об ознакомлении или об отказе знакомиться с материалами уголовного дела; 4) разрешение заявленных ходатайств; 5) ознакомление с дополнительными материалами в случае удовлетворения (частичного удовлетворения) ходатайств; 6) разъяснение некоторых прав обвиняемого в связи с определением форм назначения уголовного дела к судебному разбирательству и судоговорения; 7) составление обвинительного заключения и направления уголовного дела с обвинительным заключением прокурору (ст.200-207 УПК РСФСР) [1].

Сопоставление означенной выше процедуры с имеющейся в действующем уголовно-процессуальном законе (ст.215 -220 УПК РФ) [2], позволяет прийти к следующим выводам.

1. В целом архитектоника института осталась прежней и совпадает с изложенной выше. Это подтверждает высказываемые нами неоднократно суждения о явном тяготении современной модели российской уголовной юстиции (особенно досудебного производства) к советскому аналогу [4; 5; 6].

2. Несмотря на редакционные изменения, смысл значительной части норм остался прежним (сравни нормы указанных выше статей в УК РФСР [1] с УПК РФ) [2].

3. Ухудшилась последовательность и логика изложения норм в УПК РФ в сравнении с предшествовавшим законом. Например, в УПК РСФСР чётко обозначалось, что сначала об окончании производства по делу уведомляется потерпевший, гражданский истец и ответчик и их представители (ст. 200 УПК РСФСР) [1], а затем эта же процедура производится в отношении обвиняемого и его защитника (ст. 201 УПК РСФСР) [1]. В действующем законе эти нормы объединены в ст. 215 УПК РФ [2] и изложены в ней достаточно хаотично. Складывается впечатление, что законодатель, отказавшись от принципиальных изменений содержания института, попытался придать ему флёр новизны за счёт ломки его структуры. В результате при первом приближении складывается впечатление о его обновлении, а при тщательном анализе это заблуждение рассеивается.

4. Появление в институте некоторых норм, которые по мысли законодателя одновременно должны достичь двух целей: оптимизировать движение уголовного дела на этом этапе и укрепить гарантии прав уголовно-преследуемого лица.

На оптимизацию движения уголовного дела направлено, например, следующее положение: при неявки без уважительных причин обвиняемого, не содержащегося под стражей, для ознакомления с материалами уголовного дела в течение 5 суток с момента окончания производства следственных действий или ознакомления с материалами уголовного дела дру-

гих участников следователь имеет право составить обвинительное заключение и направить его с оконченным производством прокурору (ч.5 ст. 215 УПК РФ) [2].

Заметим, что в изученной судебной практике Иркутского областного суда и Приморского и Хабаровского краевых судов (всего 150 апелляционных и кассационных решений, размещённых в ресурсах Судакт и Росправосудие за период с 2011 по 2017 гг.) не было ни одного акта, касавшегося обжалования подобного решения следователя. Это позволяет сделать вывод о «мёртвом» характере предписания, что не удивительно. Одним из оснований отмены приговора является лишение или ограничение прав участников уголовного судопроизводства, которые повлияли или могли повлиять на вынесение законного и обоснованного судебного решения (ч.1 ст. 389.17 УПК РФ) [2]. Такая, хотя и предусмотренная законом «вольность» следователя, всегда может быть расценена именно таким образом.

Сюда же можно отнести норму о принудительном прекращении ознакомления с материалами уголовного дела, если судом устанавливался срок ознакомления и обвиняемый и защитник без уважительных причин в этот срок не уложились (ч. 3 ст. 218 УПК РФ) [2].

А также два уточнения. Об ознакомлении обвиняемого с материалами дела в отсутствии защитника, если он отказался от защитника по назначению и не имеет права на обязательное участие защитника в деле (ч.4 ст. 215 УПК РФ) [2]. Право следователя по уголовным делам в отношении группы лиц устанавливать очередность ознакомления (ч.1 ст. 217 УПК РФ) [2]. На практике процедура очерёдности закрепляется специальным подготавливаемым следователем графиком ознакомления, хотя такой акт законом не предусмотрен. Однако при обжаловании решения об установлении срока ознакомления зачастую заинтересованная сторона пытается обосновать его некорректность [11]. Суд также анализирует выполнение этого графика участниками уголовного судопроизводства при принятии и решения об установлении срока ознакомления, и разрешении жалобы по этому вопросу [12].

К гарантиям уголовно-преследуемого лица следует отнести введение судебной процедуры установления срока ознакомления с материалами уголовного дела при установлении факта явного временного затягивания этой процедуры (ч.2 ст. 217 УПК РФ). В судебной практике встречаются случаи затягивания ознакомления с оконченным производством не только обвиняемым и его защитником [13;14].

Для других, имеющих право знакомиться с материалами уголовного дела лиц, закон предусмотрел такие же правила пресечения процедуры ознакомления (ч.2 ст. 216 УПК РФ).

5. В институте окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения появилась, пожалуй, единственная новелла. В соответствии с ч. 5 ст. 217 УПК РФ следователь должен разъяснить обвиняемому некоторые возможности по конкретизации процедур назначения дела к судебному разбирательству и его рассмотрения по существу.

Появление этих положений обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, законодатель попытался ввести в стадию назначения уголовного дела к судебному разбирательству элементы состязательности, закрепив институт предварительного слушания, и сохранив при этом традиционную для российского уголовного процесса процедуру, когда все вопросы в этой стадии судья решает самостоятельно без участия сторон. Необходимость введение начала состязательности на этой уголовно-процессуальной стадии обсуждалась ещё до революции [7, 97]. Во-вторых, появление предписаний ч. 5 ст. 217 УПК РФ обусловлено дифференциацией уголовно-процессуальной формы судебного разбирательства, детерминированной разными причинами, в том числе взаимоисключающими: оптимизировать процесс в целях уголовно-процессуальной экономии и одновременно укрепить независимость и самостоятельность суда.

Первая задача решается введением института особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (глава 40 УПК РФ). С применением данной процедуры в России разрешается большинство уголовных дел. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в 2017 г. из

916 266 уголовных дел, рассмотренных всеми судами России, в особом порядке принято решение по 636 448 уголовным делам, т.е. 69,46 % [15].

Несколько выходя за пределы предмета исследования отметим, что встреченный практиками насторожено особый порядок принятия судебного решения правоприменители постепенно приспособили под свои нужды. Он позволяет минимизироваать усилия стороны обвинения по доказыванию виновности, стороны защиты, поскольку она вполне объективно считает, что это бесплодно, т.к. только 0,37% в 2017 г. было оправдано [15]. Эта статистика достаточно устойчива. Наконец, в этом заинтересован суд, которому не надо исследовать и оценивать доказательства и излагать их в приговоре (ч.5, 6 ст. 316 УПК РФ) [2].

Невозможность обжаловать приговор по несоответствию фактических обстоятельств дела выводам суда (ст. 317, п.1 ст. 389.15 УПК РФ) [2] позволяет правоприменителям, вне зависимости от реализуемой уголовно-процессуальной функции, сосредоточить свои усилия не на обосновании обвинения, а на склонении обвиняемого к тому, чтобы он заявил ходатайство о применении этой формы рассмотрения уголовного дела.

Таким образом, институт окончания предварительного следствия с составлением обвинительного заключения фактически не претерпел никаких сущностных изменений в сравнении с имевшим место в советский период. При его регламентации законодатель исходил из априорности этой процедуры. Внесённые в него коррективы носят паллиативный характер.

Список использованной литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3275/ (дата обращения 09.05.2018). В тексте УПК РСФСР.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 23.04.2018 // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 09.05.2018) В тексте УПК РФ.

3. Алимамедов Э. Н. Направления совершенствования этапа окончания предварительного следствия с обвинительным заключением // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования. – М., 2016. - С. 282-286.

4. Верещагина А. В. Несколько вопросов по поводу Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» // Уголовное право. 2011. № 3. С. 121-126.

5. Верещагина А. В. Нужна ли реформа предварительного следствия? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2005. № 1 (258). - С. 160-168.

6. Верещагина А. В. Результаты реформы досудебного производства и перспектива дальнейшего совершенствования этой стадии процесса // Российское правосудие. 2011. № 4. С. 78-83.

7. Верещагина А. В. Судоустройственное и уголовно-процессуальное законодательство России конца XIX начала XX века: тенденции развития и идеи реформирования [Текст]: монография. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. - 250 с.

8. Голова С. И. Процессуальная деятельность следователя по уведомлению участников уголовного судопроизводства об окончании предварительного с обвинительным заключением // Общество и право. 2014. №3 (49). С. 166. - С. 166-170.

9. Олефиренко Т. Г. К вопросу о расширении полномочий руководителя следственного органа на этапе окончания предварительного следствия // 10. Актуальные проблемы борьбы с преступностью и иными правонарушениями. – Барнаул, 2013.- С. 170-172.

11. Апелляционное постановление Приморского краевого суда по материалу № 22-4012/2016 от 28.07.2016 // Электронный ресурс: http://sudact.ru/regular/doc/YBlUMHhjTVxl/ (дата обращения 09.05.2018).

12. Апелляционное постановление Приморского краевого суда по материалу № 22-4447/2016 от 19 июля 2016 года // Электронный ресурс: http://sudact.ru/regular/doc/Jcz7Py4pkVdT/?regular-txt=установление+срока&regular-case_doc=№+22-4447%2F2016+&regular-lawchunkinfo (дата обращения 09.05.2018).

13. Апелляционное постановление Иркутского областного суда по материалу № 22-3507/2017 от 17.10.2017 // Электронный ресурс: http://sudact.ru/regular/doc/QKfoZVFnVSNB/(дата обращения 09.05.2018).

14. Апелляционное постановление Хабаровского краевого суда по материалу № 22к-2668/2015 от 18.08.2015 // Электронный ресурс: http://sudact.ru/regular/doc/593oZQutYUHv/?regular-txt=&regular-case_doc=%E2%84%96+22%D0%BA-2668%2F2015&regular-lawchunkinfo (дата обращения 09.05.2018).

15. Данные судебной статистики. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации // Электронный ресурс: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения 09.05.2018) (дата обращения 09.05.2018).

О ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ ВЫЯВЛЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, ЗАТРАГИВАЮЩИХ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Ветрова О.А., старший преподаватель кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук

Гришин А.В., начальник кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук, доцент

В данной статье мы остановимся на проблемных вопросах выявления, раскрытия и расследования преступлений экономической и коррупционной направленности, в том числе касающихся разграничения уголовно наказуемого деяния и возникающих споров в сфере гражданско-правовых отношений, затрагивающих права и свободы человека и гражданина.

Актуальность обсуждаемого вопроса подтверждается тем, что в практической деятельности у следователей и оперативных работников возникает ряд вопросов при выявлении, раскрытии и расследовании экономических и коррупционных преступлений, в том числе в свете постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях». У следователей и оперативных работников возникают вопросы, связанные с отграничением подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа от проводимых на законных основаниях оперативно-розыскных мероприятий. Так как принятие должностным лицом при указанных обстоятельствах денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние, то в этом случае в содеянном отсутствует состав преступления (п.2 ч.1 ст.24 УПК РФ).

Проведенное общение показало, что наибольшие сложности вызывает применение пункта 34 данного постановления Пленума Верховного Суда РФ, в силу которого закреплено, что подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено.

Принятие должностным лицом при указанных обстоятельствах денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние. В этом случае в содеянном отсутствует состав преступления (п.2 ч.1 ст.24 УПК РФ), а содеянное рассматривается как гражданско-правовые отношения.

Вышеприведенные руководящие разъяснения вызвали разночтения и возникновение проблемных вопросов при документировании и расследовании преступлений коррупционной направленности.

Во втором полугодии 2013 года судами области вынесены два оправдательных приговора в отношении двух лиц (дела в отношении врача Х. и главы сельского поселения ХХ. по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч.3 ст.290 УК РФ и ч.4 ст.290 УК РФ соответственно) ввиду отсутствия в их действиях состава преступления.

Принятые решения суд неверно мотивировал совершением в отношении последних подстрекательских действий со стороны сотрудников полиции, нарушением требований ст.5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и отсутствием оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст.7 данного Федерального закона.

Впоследствии апелляционной инстанцией указанные приговоры отменены, уголовные дела направлены на новое рассмотрение. При повторном судебном разбирательстве на основании совокупности собранных доказательств, в том числе свидетельских показаний сотрудников УЭБиПК УМВД России по Орловской области, осуществлявших проведение оперативно-розыскных мероприятий, установлено, что вышеуказанные требования федерального законодательства не нарушены.

Проведению оперативно-розыскных мероприятий предшествовала поступившая в правоохранительные органы оперативная информация о получении главой администрации ХХ. денежных средств за незаконную регистрацию граждан, а также об осуществлении врачом р-ой больницы Х. продажи листков временной нетрудоспособности.

Наличие оснований для проведения ОРМ «оперативный эксперимент» по уголовному делу в отношении ХХ. подтверждалось выпиской из агентурного сообщения, согласно которой глава администрации П-ого сельского поселения Орловского района за денежное вознаграждение в доме своей дочери зарегистрировала фактически не проживающих там граждан.

О наличии оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий в отношении Х. свидетельствовали показания оперуполномоченного УМВД России по Орловской области, сообщившего, что в ходе предварительной проверки оперативной информации со слов родственника санитарки М-ой районной больницы, ему стало известно о причастности к совершению противоправных действий врача терапевта Х.

С учетом установленных обстоятельств при повторном судебном разбирательстве Х. и ХХ. признаны виновными, им назначены наказания в соответствии с санкциями инкриминируемых преступлений.

Вместе тем, результаты расследования по ряду уголовных дел показывают, что сотрудники оперативных подразделений УФСБ и УМВД России по Орловской области не смогли должным образом адаптироваться к изменениям судебно-следственной практики.

Так, следователем М-го МСО на основании п.2 ч.1 ст.24 УПК РФ прекращено уголовное дело №ххххххх и уголовное преследование в отношении заведующего терапевтическим отделением БУЗ ОО «М-ая ЦРБ» ХХХ. Данное уголовное дело возбуждено 31.01.2013 по признакам преступления, предусмотренного ч.1 ст.290 УК РФ, по факту получения ХХХ. от ХХХХ. (оперуполномоченного ОЭБиПК МО МВД РФ «…») «взятки» в размере 5 тыс. рублей за госпитализацию в терапевтическое отделение М-ой ЦРБ. Следствием установлено, что действия ХХХХ. носили подстрекательский характер, при этом -объективных данных, свидетельствующих о том, что умысел на получение взятки у ХХХ. возник бы без вмешательства сотрудников полиции, в ходе предварительного следствия получено не было. В связи с этим следователем обоснованно принято решение о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в отношении ХХХ. на основании п.2 ч.1 ст.24 УПК РФ.

По аналогичным основаниям решения о прекращении уголовных дел приняты еще в отношении ряда должностных лиц.

Отмечая вышеуказанную проблему, в том числе отсутствие единых критериев оценки законности оснований проведения ОРМ, представляется необходимым принять следующие меры, направленные на повышение эффективности взаимодействия правоохранительных органов области в рассматриваемой сфере, а именно:

1. При поступлении результатов оперативно-розыскной деятельности, содержащих признаки коррупционных преступлений в действиях должностных лиц либо лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих или иных организациях, незамедлительно в письменной форме обращаться в адрес надзирающего прокурора с ходатайством об изучении материалов дела оперативного учета и дачи оценки по вопросу наличия предусмотренных законом оснований для его заведения, соблюдения требований ст. 5 Федерального зако-

на от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» при проведении оперативно-розыскных мероприятий, в том числе на предмет провокационных либо подстрекательских действий со стороны сотрудников правоохранительных органов.

2. С целью недопущения фактов использования результатов ОРМ, проведенных при отсутствии достаточных на то оснований, требовать от оперативных работников описания соответствующих оснований, в следующих документах: в рапорте о необходимости проведения оперативного эксперимента, в описательной части постановления о его проведении, а также в описательной части постановления о представлении результатов ОРД. При производстве расследования по делу тщательно допрашивать оперативных работников по вопросу о том, какие из предусмотренных законом оснований имелись в их распоряжении до проведения ОРМ.

3. В целях соблюдения требований уголовно-процессуального законодательства при квалификации уголовно-наказуемого деяния и принятии итогового процессуального решения инициировать перед прокурорами районным и межрайонных прокуратур вопрос о более активном использовании возможностей постоянно действующей межведомственной рабочей группы правоохранительных органов области по вопросам борьбы с коррупцией, в рамках работы которой рассматривать конкретные материалы процессуальных проверок, а также уголовных дел коррупционной направленности, представляющих особую сложность.

4. В целях повышения эффективности выполнения требований уголовно-процессуального законодательства предлагается на федеральном уровне рассмотреть вопрос о разработке совместного с органами прокуратуры, МВД и ФСБ организационно-распорядительного документа, регламентирующего порядок проверки оснований и законности проведения оперативно-розыскных мероприятий до принятия решения о возбуждении уголовного дела, в том числе посредством обеспечения возможности изучения следователем дел оперативного учета.

Проведенным обобщением реализации положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», установлено, что в правоприменительной практике следственных подразделений следственного управления по Орловской области возникали и другие проблемные вопросы.

Так, согласно п.22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» совершение должностным лицом за взятку действий (бездействия), образующих самостоятельный состав преступления, не охватывается объективной стороной преступлений, предусмотренных статьей 290 и частями 3 и 4 статьи 204 УК РФ, и требует квалификации по совокупности преступлений по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, служебный подлог, фальсификацию доказательств и т.п.

Вместе с тем, на практике нередко возникают сложности в разграничении таких взаимосвязанных составов преступлений, как мошенничество и служебный подлог. Судебная практика идет по пути квалификации служебного подлога и хищения с использованием служебного положения как единого преступления, предусмотренного ч.3 ст.159 УК РФ.

Однако, проводимая аналогия с вышеуказанными разъяснениями постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» вызывает вопросы в обоснованности данной судебной практики.

С учетом вышеизложенного, предлагается рассмотреть вопрос об обращении в Верховный суд Российской Федерации с предложением о необходимости дополнить содержание постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» разъяснением порядка квалификации служебного подлога и хищения с использованием служебного положения.

Помимо того, неудачным, на наш взгляд, является указание закона на то, что преступления совершаются обязательно вопреки интересам собственной организации. В этом случае вне сферы уголовно-правового воздействия остаются многие общественноопасные деяния, связанные с причинением вреда другим лицам, когда интересы собственной организации не затрагиваются. Недоработкой действующего УК РФ следует признать отсутствие легального определения понятия «причинение существенного вреда», а также «тяжких последствий» (ч. 2 ст. 201 УК РФ), применительно к указанной группе преступлений. По нашему мнению, в содержание указанного признака необходимо включать случаи нанесения не только имущественного ущерба, но и морального вреда, равно как и причинение вреда деловой репутации. Отсутствие нематериального вреда в качестве конструктивного признака приведёт к неоправданному сужению сферы уголовно-правового воздействия, поскольку для борьбы с деяниями, способными причинить указанный вред, не всегда достаточно мер гражданско-правового характера. Нельзя признать обоснованной позицию законодателя о сокращении публичного начала уголовного преследования в случае причинения вреда интересам собственной организации, поскольку получение согласия на возбуждение уголовного дела будет во многом зависеть от лиц, совершивших преступление. Поэтому целесообразно предоставить возможность государственным органам в исключительных случаях возбуждать уголовное преследование даже при отсутствии заявления или согласия организации. Нуждается в усовершенствовании и конструкция состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 204 УК РФ. В рамках данного состава наиболее трудным является определение признака «незаконное получение» предмета подкупа. Действующее гражданское, да и трудовое законодательство предоставило лицам, выполняющим управленческие функции, полномочия определять порядок формирования собственных доходов. Таким образом, решение вопроса о законности или незаконности получения вознаграждения зависит от волеизъявления представителей управленческого персонала. Данное обстоятельство ставит под сомнение возможность применения ст. 204 УК РФ на практике [1].

Список использованной литературы:

1. Гришин А.В. Некоторые аспекты повышения эффективности борьбы с налоговыми преступлениями // Наука и практика №3 (68). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016 год. С.44-45.

ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ ДЕЙСТВИЙ ВОДИТЕЛЯ, СОВЕРШИВШЕГО НАЕЗД НА ПЕШЕХОДА НА НЕРЕГУЛИРУЕМОМ ПЕШЕХОДНОМ ПЕРЕХОДЕ, СОГЛАСНО ПРАВИЛАМ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Владимиров С.В., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ФКОУ ВО «Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», кандидат юридических наук

Не смотря на ежегодное снижение в Российской Федерации количества дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) и пострадавших в них людей, ситуация на дорогах по-прежнему остается острой. В 2017 году произошло 169432 ДТП, в которых пострадали 215374 человека и 19088 человека погибли. Большинство ДТП происходит по вине водителей транспортных средств (около 85 % случаев)[1]. Однако виновность водителя транспортного средства в совершении ДТП не всегда очевидна.

Наибольшую сложность представляет установление наличия нарушений Правил дорожного движения РФ (далее – ПДД РФ) в действиях водителя при расследовании наезда на пешехода в месте, где приоритет в движении имеет водитель. Следователи обычно сталкиваются с проблемами установления механизма ДТП, реже – с проблемами установления дорожной обстановки. Данные обстоятельства выясняются путем производства осмотра места происшествия, допросов водителя, пешехода, свидетелей, следственного эксперимента и некоторых других следственных действий. Тактические особенности производства данных следственных действий в криминалистической литературе освещены довольно широко, и останавливаться на них мы не будем. Во всех случаях таких наездов основной причиной ДТП выступают неосторожные действия пешехода, вышедшего на проезжую часть в недозволенном месте, не убедившись в отсутствии приближающегося транспорта. Наличие нарушений ПДД водителями, как правило, состоят в превышении скорости и (или) несвоевременном торможении при возникновении опасности, связанной с пешеходом. Данные нарушения устанавливаются путем назначения и производства ситуационной автотехнической экспертизы.

Расследование случаев наезда на пешехода в месте, где приоритет в движении имеет пешеход, как правило, носит упрощенный характер. Назначение ситуационной автотехнической экспертизы в большинстве случаев не требуется, правовую оценку действий водителя после установления механизма ДТП осуществляет следователь на основе анализа требований ПДД РФ. Но иногда расследование данного вида ДТП осложняется проблемами правового и правоприменительного характера.

На наш взгляд, существует проблема правовой оценки действий водителя, совершившего наезд на нерегулируемом пешеходном переходе, которая состоит в следующем.

Согласно п. 1.2 ПДД РФ под пешеходным переходом понимается участок проезжей части, трамвайных путей, обозначенный знаками 5.19.1, 5.19.2 и (или) разметкой 1.14.1 и 1.14.2 и выделенный для движения пешеходов через дорогу[2]. Аналогичное определение пешеходному переходу дают Правила дорожного движения Республики Таджикистан[3] (далее – ПДД РТ).

Проезд водителей транспортных средств через нерегулируемый пешеходный переход в Российской Федерации регламентируется п. 14.1 ПДД РФ, который дважды подвергался существенным изменениям. Первоначальная редакция рассматриваемого пункта обязывала во-

[1] Официальный сайт ГИБДД МВД России [Электронный ресурс]: http://stat.gibdd.ru (дата обращения: 10.06.2018).

[2] О Правилах дорожного движения: постановление Правительства Российской Федерации от 23 окт. 1993 г. № 1090 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.06.2018).

[3] О Правилах дорожного движения: постановление Правительства Республики Таджикистан от 29 июня 2017 г. № 323 [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.06.2018).

дителя транспортного средства «уступить дорогу пешеходам, переходящим проезжую часть по нерегулируемому пешеходному переходу». В Республике Таджикистан до июня 2017 года действовала аналогичная норма[1]. А согласно ч. 2 п. 10.1 ПДД РФ при возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства.

Такое содержание данных норм позволяло правоприменителю считать, что, во-первых, опасность для движения водителя возникала с момента выхода пешехода на проезжую часть (на пешеходный переход); во-вторых, в данный момент водитель обязан был применить меры к торможению вплоть до остановки транспортного средства. В то же время при расследовании наезда на пешехода вне пешеходного перехода, где приоритет в движении имеет транспортное средство, опасность следует считать наступившей также с момента выхода пешехода на проезжую часть, после чего водитель должен применить торможение, чтобы избежать наезда. Следовательно, возникал вопрос: «В чем же различие между нерегулируемым пешеходным переходом и любым другим участком проезжей части и представлял ли нерегулируемый пешеходный переход приоритет в движении пешеходу перед транспортными средствами?». Прямого ответа на этот вопрос российское законодательство не содержало.

Существовали и другие вопросы: с какой максимальной скоростью мог двигаться водитель при приближении к нерегулируемому пешеходному переходу, должен ли он предпринять дополнительные меры предосторожности во избежание наезда на пешеходов, увидев соответствующие дорожные знаки и (или) разметку? И главный вопрос: означает ли факт наезда на пешехода на нерегулируемом пешеходном переходе однозначную вину водителя? ПДД РФ на эти вопросы также не отвечали, но в них содержится норма, обязывающая водителя быть всегда внимательным и двигаться с безопасной скоростью (п. 10.1). Должен ли водитель избрать такую скорость движения, чтобы исключить наезд на пешехода на пешеходном переходе? Этот главный вопрос оставался открытым и в каждой конкретной дорожно-транспортной ситуации разрешался правоприменителем по-разному.

Изучение уголовных дел и анкетирование практических работников показало, одни следователи безоговорочно считали, что на нерегулируемом пешеходном переходе приоритет в движении имеют пешеходы, другие полагали, что приоритетного права в движении у них нет. Сторонники второй точки зрения обосновывали свою позицию наличием обязанности пешеходов выходить на нерегулируемый пешеходный переход только после того, как оценят расстояние до приближающегося автомобиля, его скорость и убедятся в безопасности перехода (п. 4.5 ПДД РФ).

С целью совершенствования правового регулирования организации дорожного движения ПДД РФ довольно часто подвергаются существенным изменениям. Для разрешения указанной проблемы в 2010 году п. 14.1 ПДД РФ подвергся существенным изменениям, новая редакция которого гласила: «Водитель транспортного средства, приближающегося к нерегулируемому пешеходному переходу, обязан снизить скорость или остановиться перед переходом, чтобы пропустить пешеходов, переходящих проезжую часть или вступивших на нее для осуществления перехода»[2]. Казалось бы, проблема была разрешена. Как отмечало руководство Департамента ОБДД МВД: «Новые поправки ликвидируют всю расплывчатость … теперь есть четкие рекомендации, и водители должны их строго выполнять»[3].

Но при детальном анализе данной редакции п. 14.1 ПДД РФ видно, что законодатель не только не устранил имеющиеся недостатки нормы, но и породил новые вопросы. Во-первых, в анализируемой норме отсутствовало императивное требование «уступить дорогу пешеходам». На наш взгляд, это положение должно было быть сохранено. Ранее мы уже предлагали

[1] О Правилах дорожного движения: постановление Правительства Республики Таджикистан от 27 декабря 1997 года № 565 (утратил силу) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.06.2018).

[2] О внесении изменений в постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090: Постановление Правительства РФ от 10 мая 2010 г. № 316 // Рос. газ. – 2010. – 20-26 мая.

[3] Официальный сайт ГИБДД МВД России [Электронный ресурс]: http://gibdd.ru/news/485 (дата обращения: 10.06.2018).

модернизировать п.14.1 ПДД РФ, но дополнив, а не изменив таким образом его содержание[1]. Да и сам термин «уступить дорогу» пешеходам, содержание которого раскрывается п. 1.2 ПДД РФ, более корректен и точен, чем термин «пропустить» пешеходов.

Во-вторых, было не ясно, должен ли водитель предпринимать какие-либо активные действия, увидев пешеходов, подходящих к пешеходному переходу, или просто находящихся перед ним за пределами проезжей части? В п. 14.1 ПДД РФ так и не было включено рекомендованное Венской Конвенцией о дорожном движении положение следующего содержания: «При приближении к нерегулируемому пешеходному переходу водители должны … снизить скорость, чтобы не подвергать опасности пешеходов, … вступающих на переход»[2], тем более что указанная Конвенция в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 апреля 1974 г. № 5938-VIII «О ратификации Конвенции о дорожном движении» одобрена Советом Министров СССР и ратифицирована. Совершенно очевидно, что п. 14.1 ПДД РФ нуждался в дальнейших изменениях.

Следующая (действующая) редакция п. 14.1 ПДД РФ обязала водителя транспортного средства, приближающегося к нерегулируемому пешеходному переходу, уступить дорогу пешеходам, переходящим дорогу или вступившим на проезжую часть (трамвайные пути) для осуществления перехода[3]. Данная редакция представляется более удачной. В ПДД РФ вновь появилось императивное требование «уступить дорогу пешеходам»; термин «проезжая часть» заменен на более широкий термин «дорога», которая помимо проезжей части включает в себя тротуары, обочины и др. (п. 1.2 ПДД РФ); участок дороги, размещающий в себе трамвайные пути, отнесен к пешеходному переходу. Но разрешают ли последние изменения все вопросы, о которых мы говорили выше? На наш взгляд, не разрешают. По-прежнему не ясно, с какой максимальной скоростью двигаться водителю при приближении к нерегулируемому пешеходному переходу?

Данная проблема в Республике Таджикистан была полностью разрешена изложением ПДД РТ в следующей редакции: «при подъезде к нерегулируемому пешеходному переходу водитель должен двигаться со скоростью, которая позволит уступить дорогу пешеходам, переходящим дорогу или вступивших на полосу движения в попутном направлении (трамвайные пути) для осуществления перехода» (ч. 171). Данная норма нам представляется более удобной для правоприменителя в квалификации действий водителя транспортного средства, допустившего наезд на пешехода на пешеходном переходе.

В последние годы в нашей стране практика расследования уголовных дел о ДТП, связанных с наездом транспортного средства на пешехода, идет по пути признания водителя виновным в совершении любого наезда, если он произошел в зоне нерегулируемого пешеходного перехода. Дорожно-транспортная ситуация зачастую не подвергается детальному анализу, а истинные причины ДТП не выясняются. Полагаем, что данная практика начала складываться под влиянием ряда факторов, среди которых: повышенное внимание общественности, органов государственной власти, средств массовой информации к состоянию аварийности, в том числе на нерегулируемых пешеходных переходах. Нередко мы можем наблюдать искусственный ажиотаж вокруг некоторых «громких» ДТП, создаваемый средствами массовой информации.

Данные факторы, несомненно, играют положительную профилактическую роль, на дорогах все больше наблюдается проявление уважения к пешеходам со стороны водителей. Но есть в этом, на наш взгляд, и отрицательные моменты. Данные обстоятельства напрямую формируют судебно-следственную практику расследования и рассмотрения дел о ДТП, влияют на оценку дорожно-транспортной ситуации и квалификацию действий водителя. Хо-

---

[1] См.: Владимиров С. В., Владимирова О. А. Расследование наезда транспортного средства на пешехода : монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 97.

[2] Конвенция о дорожном движении: подписана в г. Вене 8 нояб. 1968 г. и ратифицирована Указом Президиума Верхов. Совета СССР от 29 апр. 1974 г. № 5938-VIII // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. М., 1979. Вып. XXXIII. С. 385.

[3] О внесении изменений в Правила дорожного движения Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 14 нояб. 2014 г. № 1197 // Рос. газ. – 2014. – 24 нояб.

тя деятельность органов уголовной юстиции в данной сфере должна осуществляться только на основании закона (ст.17 УПК РФ). Именно поэтому формулировки статей Правил дорожного движения должны быть емкими, точными и не допускать двоякого толкования. От корректности формулировок напрямую зависит итоговое решение по уголовному делу. В этой связи считаем, что первоначальная редакция п.14.1 ПДД РФ в изменениях не нуждалась, была краткой, но в то же время максимально точной. Представляется, что последующие изменения рассматриваемого пункта ПДД РФ не устраняли пробелы, а только загромождали существующую норму. Но если законодателем принято решение изменить рассматриваемый пункт ПДД РФ, то изложить его следовало, на наш взгляд, в следующей редакции: «Водитель транспортного средства обязан уступить дорогу пешеходам, переходящим проезжую часть по нерегулируемому пешеходному переходу. При этом необходимо при подъезде к нерегулируемому пешеходному переходу двигаться со скоростью, которая позволит уступить дорогу пешеходам».

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН КАК ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ, ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Владыкина Т. А., кандидат юридических наук, судья в отставке, соискатель ученой степени доктора юридических наук кафедры судебной деятельности Уральского государственного юридического университета (г. Екатеринбург).

1. Понятие «уголовное преследование» и проблемы его отграничения от смежных понятий. Понятия, используемые в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации и Республики Таджикистан, являются способом объективирования уголовно-процессуальной реальности, а их определения – средством познания, позволяющим уяснить смысл этих понятий. С этих методологических позиций следует, на наш взгляд, рассматривать содержание ст. 5 УПК Российской Федерации (далее – УПК РФ) и ст. 6 УПК Республики Таджикистан (далее – УПК РТ). Указанные уголовно-процессуальные законы создали легальную терминологическую базу уголовно-процессуального права России и Республики Таджикистан. Одним из основных элементов такой базы является понятие «уголовное преследование». Сравнительный анализ его определения, изложенного в п. 55 ст. 5 УПК РФ и ст. 6 УПК РТ позволяет утверждать о значительном сходстве объединенных в него существенных признаков. Бесспорным является тот факт, что уголовное преследование – уголовно-процессуальная деятельность уполномоченных государственных органов и должностных лиц. Частный обвинитель в этом ряду – скорее исключение из общего правила (ст. 43 УПК РФ, ст. 43 УПК РТ). В отличие от положений ч. 7 ст. 246 УПК РФ уголовно-процессуальное законодательство РТ (ч. 10-11 ст. 279) предоставляет потерпевшему право участвовать в уголовном преследовании лица, в случаях отказа государственного обвинителя от обвинения.

Уголовное преследование начинается с момента возбуждения уголовного дела. Вместе с тем о его (уголовного преследования) существовании можно говорить также и в случае применения к лицу, подозреваемому в совершении преступления, принудительных мер, ограничивающих его свободу и личную неприкосновенность (принудительный привод или доставление в органы дознания или следствия и т.п.). Моментом окончания уголовного преследования в форме обвинения является постановление приговора или вынесение постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования. Моментом окончания уголовного преследования в форме подозрения выступает его трансформация в форму обвинения, либо вынесение постановления о прекращении уголовного преследования.

Что касается остальных существенных признаков изучаемого определения, то в авторской трактовке они разнятся весьма значительно. Например, Р. Р. Юлдошев полагает, что уголовное преследование – это процессуальная деятельность, осуществляемая в установленном законом порядке специально уполномоченными государственными органами, должностными лицами и направленная на: возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица; задержание лица по подозрению в совершении преступления; принятие решений о предоставлении лицу статуса подозреваемого и (или) обвиняемого; избрание и применение к подозреваемому, обвиняемому меры пресечения; производство следственных действий, связанных с уголовным преследованием лица; составление обвинительного заключения; утверждение прокурором обвинительного заключения и направление уголовного дела в суд [1, с. 8]. Это определение представляется не вполне точным. Во-первых, оно выглядит содержательно не полным, поскольку не учитывает уголовное преследование, осуществляемое по делам частного обвинения (ч. 2 ст. 20 УПК РФ, ч. 2 ст. 24 УПК РТ). Очевидно, что частный обвинитель не может быть отнесен ни к уполномоченным государственным органам, ни к должностным лицам. По этой же причине нами отвергается определение исследуемого понятия, сформулированное С. В. Горловой [2, с. 11]. Во-вторых, при формулировании опреде-

ления понятия важно учитывать определенные правила. Оно должно быть не только научно правильным, не содержать «порочного круга», иметь указание на ближайшее родовое понятие, не быть тавтологией, быть достаточным, но не избыточным.

По нашему мнению, **уголовное преследование – осуществляемая участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения в пределах полномочий, предоставленных уголовно-процессуальным законодательством, процессуальная деятельность по уголовному делу в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления.** Полагаем, что у предлагаемого нами определения понятия «уголовное преследование» будут не только сторонники, но и оппоненты. Возможно, в наш адрес будет высказан упрек об его чрезвычайной содержательной узости. Формулированию данного определения предшествовал анализ его составляющих, в соответствии с которым в русском языке слово «уголовный» означает имеющий отношение к преступлению, а «преследовать» - гнаться за кем-либо, настичь, захватить [3, с. 132, 634]. Вот почему акцент в определении сделан именно на изобличение лица в совершении преступления. Предназначение понятия «изобличение» состоит в том, «чтобы скрепить, связать, стянуть части» [4, с. 251], полученные при анатомировании понятия «уголовное преследование», выступить в качестве своеобразной точки приложения. В заявленном контексте под изобличением нами мыслится процессуальная деятельность стороны обвинения по обнаружению, собиранию, исследованию, оценке доказательств по уголовному делу, направленная на установление их достаточности для формулирования, предъявления и поддержания обвинения в отношении лица, совершившего преступление.

В развитии сказанного кратко оговорим соотношение понятий «уголовное преследование» и «обвинение». Определение последнего получило свое нормативное отражение в УПК РФ (п. 22 ст. 5), но отсутствует в УПК РТ, что не принижает его важности в уголовно-процессуальной практике Республики Таджикистан. Обвинение – это утверждение и последующее обоснование состоятельности обвинительного тезиса посредством доказательств по уголовному делу. Оно материализуется в обвинительном заключении (обвинительном акте). Но этим его значение для развития и разрешения уголовно-правового конфликта не исчерпывается. Судебное следствие начинается с изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения, а по уголовным делам частного обвинения – с изложения заявления частным обвинителем (ч. 1 ст. 273 УПК РФ, ч. 1 ст. 308 УПК РТ). Обвинение фигурирует в прениях сторон (ч.1 ст.292 УПК РФ, ч. 1 ст. 328 УПК РТ) и реплике, если право на нее государственным или частным обвинителем будет использовано (ч. 6 ст. 292 УПК РФ, ч. 4 ст. 328 УПК РТ). Именно обвинение, получившее подтверждение в судебном заседании, лежит в основе обвинительного приговора суда. Суд не является органом уголовного преследования (ч. 3 ст. 15 УПК РФ, ч. 2 ст. 20 УПК РТ). Его задача – рассмотреть и разрешить уголовное дело по существу, вынести по нему правосудный судебный акт. Важно отметить, что уголовное преследование не должно отождествляться с функцией обвинения. Не случайно законодатель в России и Республике Таджикистан утвердил равнозначность уголовного преследования виновных (ч. 2 ст. 6 УПК РФ, ч. 3 ст. 2 УПК РТ) защите граждан от необоснованного обвинения и осуждения, которую осуществляют как органы предварительного расследовании, прокуратура, так и суд (посредством вынесения оправдательного приговора и признания права на реабилитацию).

Другим смежным с уголовным преследованием понятием является понятие «предварительное расследование». Солидаризуясь с Е. Н. Бурнос, укажем, что в УПК РФ словосочетание «предварительное расследование» упоминается в контексте органа предварительного расследования, производства предварительного расследования, срока предварительного расследования, формы предварительного расследования, данных предварительного расследования [5, с. 13-14]. В УПК РФ определения понятия «предварительное расследование» не имеется. Нет его и в УПК РТ. Считаем, что его содержанием должна охватываться не только стадия уголовного судопроизводства, но и деятельность уполномоченных на то государственных органов и должностных лиц как вид уголовно-процессуальной деятельности.

Таким образом, к формированию понятийного аппарата уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан необходимо применить

принцип создания понятийных рядов, состоящий из основных юридических понятий, к которым относятся уголовное преследование, и субординированных к ним понятий, без которых первые утрачивают свой смысл и значение, например, обвинение. Практическое значение этого научного подхода заключается в том, что с его помощью можно выявить недостатки «понятийного фонда» уголовно-процессуального законодательства РФ и Республики Таджикистан и, в случае необходимости, пополнить его недостающими понятиями. В порядке постановки вопроса, подлежащего дополнительному научному изучению, нами предлагается дополнение ст. 6 УПК РТ определением понятия «обвинение».

2. Уголовное преследование как институт уголовно-процессуального права. Основными чертами уголовного преследования как института уголовно-процессуального права являются:

1) **однородность фактического содержания.** Предназначение данного правового института – урегулировать относительно обособленную группу общественных отношений, складывающихся в связи с изобличением стороной обвинения в процессуальном порядке подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления;

2) **юридическое и логическое единство правовых норм.** Уголовно-процессуальные нормы, составляющие содержание этого процессуального института едины, составляют систему;

3) **нормативная обособленность** – размещение уголовно-процессуальных норм, составляющих содержание этого процессуального института, в структурных частях уголовно-процессуального закона. С одной стороны, нормы, регламентирующие уголовное преследование, расположены в структурно обособленных главах – Гл. 3УПК РФ, Гл. 3 УПК РТ, что формально-юридически обеспечивает их обособленность, с другой – существуют и изолированно от этих глав, например, в Разделах VII («Возбуждение уголовного дела»), VIII («Предварительное расследование») УПК РФ, Разделах VI («Досудебное производство по уголовному делу»), VII («Дознание и предварительное следствие») УПК РТ. По своей правовой природе институт уголовного преследования является сложносоставным, смешанным, поскольку включает в себя не только уголовно-процессуальные, но и положения, регламентированные уголовным правом (касающиеся характера и степени тяжести совершенного преступления – ч. 1 ст. 20 УПК РФ, ч. 1 ст. 24 УПК РТ), что обусловлено функциональными связями материального и процессуального уголовного права.

Подытоживая сказанное, подчеркнем: современный этап развития уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан непосредственно обусловлен происходящими в этих государствах политическими и экономическими преобразованиями. Теоретические и прикладные проблемы, связанные с понятием уголовного преследования, его содержанием, особенно в досудебном производстве по уголовному делу, кругом, осуществляющих его участников остаются дискуссионными, и полагаем, еще неоднократно будут выступать сферой приложения научных усилий.

Список использованной литературы:

1. Юлдошев Р. Р. Уголовное преследование в досудебном производстве по уголовно-процессуальному законодательству Республики Таджикистан. Дисс…канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2013 – 212 с.

2. Горлова С. В. Уголовное преследование как проявление публичности в уголовном процессе. Автореферат дисс… канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск, 2006. – 24 с.

3. Толковый словарь русского языка. Изд. 3-е допол. М., 2010 – 762 с.

4. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. - 456 с.

5. Бурнос Е.Н. Теоретические и правоприменительные вопросы совершенствования предварительного расследования. Автореферат дисс… канд.юрид.наук: 12.00.09. Краснодар, 2008 -23 с.

ЦИФРОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ НОВОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Власова С.В., профессор кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции

Продолжая ранее уже затронутую мной тему развития цифровых технологий и модернизации уголовного судопроизводства на страницах научного журнала «Библиотека криминалиста», хочется еще раз подчеркнуть, что технологии предоставляют реальную возможность перехода от следственного типа уголовного процесса к состязательному. Поэтому назревает вопрос создания нового правового механизма применения уголовного закона, отличного от того, который существует на настоящее время. Современный организационно-правовой механизм применения уголовного законодательства сложился в эпоху классического правоведения [1, С. 9-18]. Та система следственных действий, которая существует в современной России построена на презумпции того, что следователем собираются сведения о следах преступления, он осуществляет фиксацию их в протоколах следственных действий и таким образом «формирует доказательство».

Цифровизация, применение технологии блокчейн выступают в качестве предпосылки к переходу на новый виток развития отечественного уголовного судопроизводства. На данном этапе активного развития цифровых технологий и применения технологии блокчейн уже значительным количеством государственных структур и ведомств [2] есть реальный шанс для создания реально новой процессуальной системы и проведения в жизнь с ее помощью новой уголовной политики. В настоящее время ведутся активные дискуссии о возможности и необходимости формирования новой уголовной политики [3]. Некоторые выступают за необходимость проведения коренных институциональных изменений в отраслях уголовного и уголовно-процессуального права и уголовной политики в целом, а некоторые убеждены в том, что предпосылок для смены правового механизма противодействия преступности вовсе нет. По мнению автора, в рамках реформы предварительного расследования [4, С. 115-116] необходимо обратить пристальное внимание на оцифровку досудебного производства.

Нижегородской школой процессуалистов в 2015 году был представлен интересный стартап «Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ» [5], который представляет собой инновационный проект реформы предварительного расследования на основе которого возможно осуществить цифровизацию уголовного судопроизводства, внедряя данные технологии в основные процедуры правового механизма противодействия преступности. Именно данный проект использовался в подготовке «Уголовная политика: дорожная карта (2017-2025 гг.)» и подготовке проекта реформы уголовного права [6].

Остановимся на некоторых моментах данного проекта.

Так как это модель уголовно-процессуального доказательственного права, то соответственно какие изменения должны произойти технологии доказывания? По какому порядку должно проходить формирование «фактического материала» и собственно его исследование?

Существующий следственный стандарт формирования доказательств изжил себя. Необходимо отказываться от протоколирования следственных действий, протоколы которых составляются следователем и которые являются главным источником доказательственной информации.

И сторона обвинения и сторона защиты должны наделяться правом фиксировать добытые ими фактические данные при помощи любых технических средств и потом передавать суду на любых носителях (в том числе электронных). Следственная власть заключается в следственной трактовке законом доказательств. Эти каноны необходимо переработать и вектор должен быть направлен в сторону состязательности, юридически факты должен устанавливать суд и только суд, а никак не следователь. Правом получения информации в том числе и цифровой в раках предмета спора наделяется и следователь, и стороны в деле, и третьи лица, однако формирование доказательства из данной информации должно происходить только в суде в рамках перекрестного исследования источников и содержимого информации.

Наше предложение заключается в переходе от следственной модели к состязательной модели получения-передачи информации, эпицентром которой будет являться судебный орган и открытое устное судоговорение. Информирование судьи будет осуществляться посредством устной речи, а не через собственно уголовное дело. Не важно каким способом была получена информация, главное, чтобы она была достоверна и полезна. На этот счет очень метко высказался Президент РФ в своем интервью агентству Bloomberg: «Разве это важно, кто взломал эти какие-то данные из предвыборного штаба госпожи Клинтон? … Важно, что является содержанием того, что было предъявлено общественности» [7]. Действительно по предоставленной суду цифровой информации может быть, при необходимости, проверена исключительно только «цепь законных владений» и только. Сторона, предоставившая суду цифровую информацию, если того потребует сторона-противник, должна будет вскрыть источник сведений, которые были предоставлены ею в качестве доказательств.

Способы получения доказательственной информации должны со временем деформализовываться, необходимо отказываться от существующей догмы на исключительное право следователя на производство следственных и иных процессуальных действий. Получение так называемых «больших данных», которые характеризую профиль как физического, так и юридического лица осуществляется не человеком, а исключительно машиной – интеллектуальным разумом, который обрабатывает эти данные обобщает и выдает итоговый результат человеку, в котором уже содержатся признаки состава преступления, в том числе совершенного как в информационной сфере, так и в сфере экономической или иной предпринимательской деятельности.

Развивая этот подход, профессор А.С. Александров предлагает ввести в Кодекс новое следственное действие: «Получение цифровой информации», проводимое гласно и негласно различными субъектами (не только должностными лицами, производящими расследование и иными сотрудниками органов внутренних дел, но и просто любыми лицами).

Выступая за деперсонализацию расследования по уголовному делу, свою позицию мы подкрепляем тем, что при расследовании информационных преступлений, да и ряда преступлений в сфере экономической деятельности, мы имеем дело с «информационными следами» и, поэтому наиболее квалифицированным субъектом по их обнаружению, фиксации и изъятию будет являться программист-информатик, специалист в области информационной безопасности, либо собственно робот в лице компьютера. Именно робот способен быстро и беспрепятственно провести действия по установлению IP-адреса, с которого подавались команды, повлекшие негативные преступные последствия, установить какие транзакции были осуществлены, предоставить информацию о динамике состояния денежной массы на счете фигуранта и т.д.

В настоящий момент существует консервативная модель расследования, в которой следователь выступает в качестве основного и как правило единственного субъекта доказывания, формируя и готовя основания для правоприменительного акта, который осуществляется судом либо самим следователем в случае прекращения уголовного дела. По-нашему мнению данная монополия должна быть ликвидирована. Следователь, являясь юристом, в первую очередь, и субъектом познания не может вступать в конкуренцию со специалистом в узком направлении как то программист – информатик. Специалист в области информационных технологий, попросту «хакер» может принести намного больше пользы на ниве собирания доказательств, нежели следователь.

Мы полностью поддерживаем позицию, изложенную в «Доктринальной Модели» относительно фигуры следователя, согласно которой следователь выступает всего лишь в числе одного из многих «собирателей и передатчиков» цифровой информации. Создатели «Доктринальной Модели» также выступают за децентрализацию и деформализацию институтов обвинения.

Итак, в качестве одного из основных моментов будущей реформы правовой организации уголовно-процессуальной деятельности является изменение модели доказывания преступления.

Необходимо осуществить децентрализацию права по расследованию преступлений – в качестве субъектов расследования могут на равных правах выступать и следователь, и со-

трудники органов внутренних дел, и частные лица. Всем этим субъектам должно быть делегировано право на получение сведений (цифровой информации), которые относятся к предмету доказывания. Возможно прямое и непосредственное использование данной информации судом при подтверждении ее аутентичности. Следственно-процессуальный стандарт доказательств должен быть оставлен позади, как и следственная технология формирования доказательств.

Список использованной литературы:

1. Власова С.В. К вопросу о приспосабливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1 (36). С. 9-18
2. См.: Приказ Генпрокуратуры России от 14.09.2017 № 627 "Об утверждении Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года" (вместе с "Концепцией цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 года") – URL:https://genproc.gov.ru/documents/orders/627.pdf 2035.media/wp-content/uploads/2017/02/Государство-как-платформа. Pdf
3. О государственной автоматизированной системе правовой статистики: доработанный текст проекта Указа Президента Российской Федерации (подготовлен Минюстом России 11.10.2016) / СПС «Гарант».URL:http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/56587365/#ixzz52SIxflcb(дата обращения: 19.04.2018).
4. Круглый стол, проведенный 13 декабря 2017 года Первым заместителем председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Алексеем Александровым на тему «Проблемы законодательного обеспечения проекта концепции уголовной политики» - http://www.council.gov.ru/events/news/87501/
5. Власова С.В. Уголовно-процессуальный механизм применения уголовного закона // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы шестнадцатой международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. – Ч. 1. – 314 с. - С.115-116
6. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права РФ и Комментарии к ней /А.С. Александров и др. М.: Юрлитинформ, 2015.
7. Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г. А. Есаков и др. М.: ЦСР Институты и общество – URL: http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/04/Report-CP.pdf

См.: Эксперты кудрина представили проект реформы уголовного права / РБК: https://openpolice.ru/pages/reform/diskussiya-o-reforme-ugolovnogo-processa/doktrinalnaya-model/rbk-eksperty-kudrina-predstavili-proekt-reformy-ugolovnogo-prava/

8. Интервью В. Путина агентству Bloomberg– URL:https://www.unian.net/world/1499714-razve-eto-vajno-kto-vzlomal-putin-oprovergaet-prichastnost-rossii-k-kiberatakam-v-ssha.html

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ: ПОЗИЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЯ, МНЕНИЕ УЧЕНОГО И ПРАКТИКА

Гаврилов Б.Я., профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, генерал-майор юстиции (в отставке)

Исследуя проблемы уголовно-правовой политики назначения наказания, автор считает возможным обратить внимание на существующую проблему в Российской Федерации законодательных иллюзий и реалий ее правоприменения, как и в целом уголовной политики, которая на протяжении последних десятилетий отличалась, нередко, волюнтаризмом в законодательном регулировании, от чего она не избавилась и сегодня [8].

Такое состояние современной российской уголовной политики Побегайло Э.Ф. назвал кризисом [10]. В своей работе «Российская уголовная политика: преодоление кризиса» [6] известные ученые-криминологи отмечают, во-первых, ее неадекватность криминальной ситуации, в которой оказалось российское общество, и во-вторых, обуславливают это радикально-либеральным подходом как к самой судебной реформе, так и к последующим реформам уголовного и уголовно-процессуального законодательства и, особенно, по оценке автора *(Б. Гаврилова)* – по вопросам назначения уголовного наказания.

Прямым следствием этого является то обстоятельство, что в качестве противодействия преступности предлагаются как законодателем, так и научным сообществом меры по усилению либо – в меньшей степени – ослаблению тяжести уголовного наказания за отдельные виды преступлений. Негативным примером этого является редакция ст. 7.27 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (при его введении в действие с 1 июля 2002 г.). Как результат ее действия в период с 1 июля по 4 ноября 2002 г. были декриминализированы почти 350 тыс. краж, в том числе с квалифицирующими признаками, путем повышения нижнего предела уголовной ответственности с 1 до 5 МРОТ. И, соответственно, после их криминализации Федеральным законом от 31.10.2002 №133-ФЗ [5] на следующий год произошел значительный рост (на 320 тыс.) краж чужого имущества.

Одновременно необходимо отметить, что отдельные решения в области уголовно-правовой политики Российского государства были вполне адекватной реакцией на складывающуюся правоприменительную практику:

- так, в 1988-1989 гг. в ходе предварительного расследования 450-480 тыс. граждан ежегодно заключались под стражу. В результате в местах лишения свободы оказался 1 млн. граждан, из них более половины – за кражи чужого имущества по ч. 2 ст. 158 УК, санкция которой (до 6 лет лишения свободы) приравнивала кражу, например, продуктов питания из сарая в подвале жилого дома» к тяжкому преступлению. Указанным выше Федеральным законом от 31.10.2002 №133-ФЗ эта норма закона была дифференцирована, что позволило на 100 тыс. сократить число ежегодно заключаемых под стражу подозреваемых, обвиняемых;
- или, Федеральным законом от 08.12.2003 №162-ФЗ [4] из УК был исключен квалифицирующий признак неоднократности, что позволило реализовать в уголовном законодательстве правило о возможности сложения наказания по совокупности преступлений, поскольку, например, за совершение и двух, и двух десятков краж чужого имущества наказание не могло превысить пределы максимальной санкции данной уголовно-правовой нормы (до 6 лет лишения свободы). Сегодня наказание может быть назначено в пределах полуторного размера этой санкции. В результате, приговоры за совершение нескольких особо тяжких преступлений назначаются в пределах 15, 20 и более лет лишения свободы.

Одна из причин сложившегося положения в том, что уголовно-правовая наука и ее уголовно-судебная составляющая, к сожалению, не всегда располагают достоверными сведениями о реальной опасности того или иного противоправного деяния. Последствием этого

явилась политика радикально-либерального подхода к назначению наказания в виде лишения свободы, особенно за коррупционные преступления.

Анализ в этой связи конкретных норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса представляется наиболее целесообразным с точки зрения:

- применения судами уголовно-правовых санкций за совершение отдельных видов преступлений, в т.ч. экономической направленности (взяточничество и хищения при квалифицирующих обстоятельствах);
- применения положений Общей части УК при назначении судами условного осуждения (ст.73 УК);
- реализации принципа сложения наказаний по совокупности преступлений (ст. 69 УК).

Автор, при этом, обращает внимание, что формированию негативной практики назначения наказания в последние годы способствовали, нередко, следующие обстоятельства.

Первое, это исключение приведенным выше Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ из санкций абсолютного большинства преступлений средней тяжести и части тяжких преступлений нижних пределов наказания в виде лишения свободы, что привело к разрыву до 30-ти раз и даже более между верхним и нижним размерами данного вида уголовного наказания.

Дальнейшая либерализация Федеральным законом от 28.12.2008 № 280-ФЗ [3] уголовно-правовых санкций увеличили этот разрыв до 40-60 раз.

И, наконец, Федеральным законом от 07.03.2011 № 26-ФЗ [2] сняты ограничения нижнего предела уголовного наказания в виде лишения свободы еще с 68 составов преступлений, в т.ч. за отдельные виды особо тяжких преступлений (например, ч. 4 ст. 111 УК РФ, по которой этот разрыв достиг 90-кратной величины).

Указанные различия уголовно – правовых санкций привели, по мнению автора, к явным несоразмерностям в размерах назначенных судами наказаний и нарушают уголовно-правовой принцип справедливости [7, с. 110]. Одновременно данное явление заведомо несет в себе коррупционную составляющую непосредственно уголовного закона. Налицо явный парадокс, что после ряда публичных выступлений автора было замечено и органами законодательной власти [9].

Другое обстоятельство, способствовавшее формированию столь радикально-либеральной политики назначения наказания, заключается в том, что законодатель значительно расширил возможности проявления коррупционной составляющей в правоприменительной деятельности в виде предоставления суду права назначать условное наказание в виде лишения свободы на срок до 8 лет, включая не только тяжкие, но и особо тяжкие преступления (ч. 1 ст. 73 УК), а начиная с 2011 г. – и кратного штрафа как альтернативного лишению свободы [1]. Так, в Ставропольском крае была осуждена к 7 годам лишения свободы условно и штрафу 24 млн. руб. заместитель Главы администрации г. Зеленокумска Т. Новикова, получившая взятку 400 тыс. руб. за предоставление земельного участка.

Формулируя указанный тезис, автор учитывал, что когда суд при постановлении обвинительного приговора за преступления *небольшой и средней тяжести* постановляет считать назначенное подсудимому наказание *условным*, то это адекватно воспринимается как потерпевшим, так и гражданами, и обществом (в 2017 г. подвергнуты условному осуждению к лишению свободы 180343 подсудимых или 46,4% от всех осужденных к лишению свободы).

Одновременно крайне негативно среди граждан и в целом в общественном сознании воспринимается ситуация, связанная с судейским усмотрением при *назначении наказания*, которая складывается на протяжении последних 15 лет при назначении судами уголовного наказания *за экономические преступления*.

Так, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2004-2016 гг. положения ст. 73 УК об условном осуждении применены судами в отношении от 67,0% до 85,2% лиц, преданных суду за квалифицированные виды хищений по ст. 160 УК.

Сведения о числе осужденных лиц по ч. 3 и 4 ст. 160 УК (за 2004 гг. – ч. 3 ст. 160 УК) [11]

	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2007	2005	2004
Осуждено (всего)	*4565*	*4374*	*3864*	*3172*	*2760*	*3012*	*3456*	*3260*	*6519*	*7157*	*5317*
Из них к лишению свободы	*571*	*504*	*356*	*290*	*265*	*373*	*371*	*322*	*552*	*751*	*333*
То же (в %)	*12,5*	*11,5*	*9,2*	*9,1*	*9,6*	*12,4*	*10,7*	*9,9*	*8,5*	*10,5*	*6,3*
С применением ст. 64 УК	-	-	-	-	-	-	*28*	*13*	*76*	*34*	*37*
То же (в %)	-	-	-	-	-	-	*0,8*	*0,4*	*1,2*	*0,5*	*0,7*
С применением ст. 73 УК	*3017*	*2888*	*2514*	*2099*	*1848*	*2071*	*2462*	*2466*	*5296*	*5929*	*4528*
То же (в %)	*66,1*	*66,0*	*65,1*	*66,2*	*67,0*	*68,8*	*71,2*	*75,6*	*81,2*	*82,8*	*85,2*

Одновременно из приведенных ниже статистических данных Судебного департамента усматривается, что при назначении уголовного наказания за мошенничество, квалифицируемое по ч.ч. 3, 4 ст. 159 УК, санкция за которое в виде лишения свободы аналогична ст. 160 УК, осуждение к реальному лишению свободы применяется почти в 4 раза чаще, а с применением ст. 73 УК – на треть реже, чем к совершившим хищение должностным лицам, что позволяет усомниться в соблюдении принципа справедливости и равенства граждан перед законом.

Сведения о числе осужденных лиц по ч. 3 и ч. 4 ст. 159 УК (2001 г. – ч.3 ст.159 УК)

	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2005	2001
Осуждено (всего)	*8399*	*9521*	*7693*	*6996*	*8644*	*7972*	*7374*	*4639*	*6369*	*3761*	*2964*
Из них к лишению свободы	*3422*	*3385*	*2688*	*2283*	*2600*	*2695*	*2682*	*1234*	*2577*	*1184*	*1579*
То же (в %)	*40,7*	*35,6*	*34,9*	*32,6*	*30,1*	*33,8*	*36,4*	*26,6*	*40,5*	*31,5*	*53,3*
С примен. ст. 64 УК	-	-	-	-	-	-	*153*	*36*	*151*	*88*	*404*
То же (в %)	-	-	-	-	-	-	*2,1*	*0,8*	*2,4*	*2,3*	*13,6*
С примен. ст. 73 УК	*4087*	*4835*	*3964*	*3793*	*4920*	*4350*	*3948*	*2582*	*3290*	*2356*	*1136*
То же (в %)	*48,7*	*50,8*	*51,4*	*54,2*	*56,9*	*54,6*	*53,5*	*55,6*	*51,7*	*62,6*	*38,3*

Еще более негативная ситуация сложилась с *назначением наказания за взяточничество*. Так, за получение взятки при квалифицирующих обстоятельствах судами в 2001-2011 гг. к *лишению свободы условно* ежегодно приговаривались от 60-80 % от числа осужденных.

Статистические данные за 2012-2017 гг. свидетельствуют, что условное наказание за взяточничество фактически заменено (частично) назначением штрафа, что уже получило негативную оценку в обществе.

Сведения о числе осужденных за получение взятки (ч. 2-6 ст. 290 УК, 2001, 2004 гг. – ч.ч. 2-3 ст. 290 УК)

	I пол. 2017	2016	2015	2014	2013	2011	2010	2009	2008	2007	2005	2004	2001
Осуждено (всего)	*492*	*1216*	*1510*	*1376*	*1191*	*1423*	*1428*	*1250*	*1107*	*1050*	*863*	*747*	*1029*
Из них к лишению свободы	*208*	*388*	*399*	*316*	*188*	*234*	*385*	*356*	*340*	*223*	*175*	*131*	*231*
То же (в %)	*42,3*	*31,9*	*26,4*	*23,0*	*15,8*	*16,4*	*27,0*	*28,5*	*30,7*	*21,2*	*20,3*	*17,5*	*22,4*
С применен. ст. 64 УК		-	-	-	-	-	*58*	-	*48*	*99*	*67*	*64*	*106*
То же (в %)		-	-	-	-	-	*4,1*	-	*4,3*	-	*7,8*	*8,6*	*10,3*
С применен. ст. 73 УК	*125*	*243*	*374*	*328*	*272*	*899*	*989*	*855*	*757*	*817*	*683*	*612*	*646*
То же (в %)	*25,4*	*20,0*	*24,8*	*23,8*	*22,8*	*63,2*	*69,3*	*68,4*	*68,4*	*77,8*	*79,1*	*81,9*	*62,8*
Штраф	*123*	*581*	*736*	*729*	*725*	-	-	-	-	-	-	-	-
То же (в %)	*25,0*	*47,8*	*48,7*	*53,0*	*60,9*	-	-	-	-	-	-	-	-

И, наконец, *еще одно обстоятельство* заключается в широком распространении судейского рассмотрения и *при назначении судами наказания по совокупности преступлений.* Так, по приговору Басманного районного суда г. Москвы Е. был осужден за совершение 25 преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК, (25 преступлений), 18 преступлений – по ч. 2 ст. 159 УК и 16 преступлений – по ч. 1 ст. 159 УК к шести годам лишения свободы, при условии, что «только по каждому из 25 преступлений по ч. 4 ст. 159 УК наказание в виде лишения свободы назначено сроком на 5 (пять) лет». Тем самым по совокупности преступлений в соответствии с ч. 3 ст. 69 УК наказание Е. могло быть назначено до 15 лет лишения свободы.

Изложенное позволяет автору сформулировать вывод о необходимости разработки предложений по изменению границ уголовно-правовых санкций и правил назначения судом наказания, которые должны, с одной стороны, быть научно-обоснованными, а с другой стороны, вполне обозримыми для участников уголовного процесса. При этом назначенное судом наказание должно быть понятно и для граждан, особенно по уголовным делам о преступлениях коррупционной направленности.

В вопросе состояния уголовно-правовых санкций и их реализации при вынесении приговоров автору представляется заслуживающим внимания опыт, например, США, в которых с 1 ноября 1987 г. с целью преодоления имевшихся существенных различий в назначении наказания в различных штатах за один и тот же вид преступления (от 6 лет лишения свободы «условно» до 10 лет «тюремного наказания»), в качестве обязательных элементов при назначении наказаний была введена специальная шкала наказаний (сегодня ее обязательность исключена), предусматривающая абсолютно-определенные санкции (например, от 144 до 158 месяцев лишения свободы или разница не более 10%. В России, например, по ч. 1 ст. 356 УК РФ эта разница составляет 120 раз (от 2-х месяцев до 20 лет лишения свободы). Это правило призвано обеспечить баланс публичных интересов общества и конкретной личности в сфере реализации государством уголовно-судебной политики назначения наказания.

Тем самым, уголовно-правовые санкции в УК нуждаются в детализации именно обстоятельств, которые должны учитываться судом при назначении наказания в пределах конкретной санкции уголовно-правовой нормы. Этими обстоятельствами призваны стать:

- не совокупность квалифицирующих признаков преступления, которых в диспозициях конкретных статей Особенной части УК содержится от 2 до 7, а непосредственно учет каждого из них как самостоятельного и непосредственно влияющего на назначение наказания;
- установление при назначении наказания четких правил учета всех квалифицирующих признаков, особенно таких, как применение насилия при совершении уголовно-наказуемого деяния, оружия и других предметов используемых в этом качестве, размер причиненного ущерба (вреда) и др. с изложением степени влияния каждого признака на размер наказания;

- существование обязательного, а не формального правила сложения наказаний по совокупности совершенных преступлений (примеры чего приведены выше), что является абсолютным условием реализации положений «шкалы наказаний»;
- корректное установление соотношения между факторами, реально влияющими на тяжесть противоправного деяния и его общественную опасность, включая смягчающие и отягчающие вину подсудимого обстоятельства;
- законодательное установление, что при назначении наказания суд не вправе выходить за установленные такими правилами пределы наказания, иначе судебное решение подлежит отмене. Но суду, при этом, следует предоставить возможность отойти от установленного законом наказания и мотивированным решением назначить более мягкое наказание, хотя и в пределах санкции уголовно-правовой нормы.

Предлагаемые автором научной общественности и практикующим юристам конкретные меры по снижению риска коррупционности уголовного закона при назначении наказания направлены на разработку мер в области борьбы с коррупцией, где весьма актуальной является также и проблема имплементации в российское законодательство антикоррупционных конвенций [12].

Список использованной литературы:

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: федеральный закон от 04.05.2011 №97-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 2011. №19. ст. 2714.
2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 07.03.2011 № 26-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 11. Ст.1495.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 года и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 года и принятием Федерального закона «О противодействии коррупции»: Федеральным законом от 28.12.2008 № 280-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. №52 (ч. 1). Ст. 6235.
4. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2003 №162-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. №50. Ст. 4848.
5. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 31.10.2002 №133-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. №44. Ст. 4298.
6. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. – М.: Норма, 2006. – 144 с.
7. Гаврилов Б.Я. О соотношении уголовно-правовых принципов и судейского усмотрения при назначении наказания / Монография «Современная уголовная политика России: цифры и факты». М.: Проспект, 2008. – 208 с
8. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты: Монография – М.: Проспект, 2008. – 208 с.
9. Материалы Правового управления Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации парламентским слушаниям на тему «Совершенствование законодательства в сфере уголовно-правовой политики» (исх. от 8.11.2013 №51-03/2753).
10. Побегайло Э.Ф. Кризис современной российской уголовной политики // Уголовное право. 2004. № 4. С. 112-117.
11. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ по ф. 10.3 // URL: http://www.cdep.ru.
12. Хабриева Т.Я. Правовые проблемы имплементации антикоррупционных конвенций // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 4. С. 16-17.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ ОСНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Гайратов Т.М., старший преподаватель Высшей школы ГКНБ Республики Таджикистан, подполковник, кандидат юридических наук

Актуальность исследования тенденции развития уголовного законодательства Республики Таджикистан о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства на современном этапе не вызывает сомнений. Это обусловлено, прежде всего, произошедшими изменениями в политической и общественно-экономической жизни страны. После приобретения независимости в деле укрепления государственного суверенитета нашего государства особое значение имеют основы конституционного строя, нуждающиеся в эффективном механизме охраны от преступных посягательств уголовно-правовыми нормами.

Анализ политических процессов происходящих на фоне системного кризиса, в котором находилась наша страна в начале 90-х годов XX века, повлекший в дальнейшем гражданское противостояние, свидетельствует о том, что наряду с негативными социально-экономическими процессами имело место и ярко выраженное вмешательство извне.

В складывающейся обстановке одним из основных мер противодействия угрозам основам конституционного строя являются уголовно-правовые, которые в свою очередь могут быть наиболее действенными при условии предметно-исторического исследования, а также при учете современных тенденций изменений социально-политических процессов в обществе.

Системно-структурный анализ уголовно-правовых норм позволяет сделать нам вывод о том, что до 1998 года уголовное право было достаточно ужесточенным и не всегда обоснованным. Уголовный кодекс Таджикской ССР 1961 года сочетал в себе по отношению к УК Таджикской ССР 1935 года две тенденции: это гуманизация отдельных видов преступлений и расширение сферы применения смертной казни.

Так, в УК Таджикской ССР 1961 года за совершение действий, предусмотренных «ст. 61 измена Родине, ст.62 шпионаж, ч. 2. ст.63 террористический акт, ч. 2. ст.64 террористический акт против представителя иностранного государства, ст.65 диверсия, ст. 69 организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации, ст. 70 особо опасные государственные преступления, совершенные против другого государства трудящихся, ч. 2 ст.75 действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, ч.2 ст. 79 уклонения от призыва по мобилизации, ч. 2 ст. 85 изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, ч.2. ст. 86 нарушение правил о валютных операциях»[8] предусматривалась исключительная мера наказания – смертная казнь.

На протяжении 37 лет на территории Таджикистана действовал УК Таджикской ССР 1961, который был заменен принятым 21 мая 1998 г. и вступившим в силу с 1 сентября 1998 г. Уголовным кодексом РТ. При разработке и его принятии законодателем были учтены рекомендации модельного Уголовного кодекса для государств-участников СНГ, требующий, по нашему мнению, дальнейшего системного и последовательного анализа составов «преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства». С принятием УК РТ 1998 г. и последующей кодификации уголовного законодательства система исследуемых составов, как и в целом УК РТ, претерпел кардинальные изменения. Так, если на момент принятия было 29 составов, осталось 13, также законодатель отказался от деления на «особо опасные государственные преступления» и «иные государственные преступления».

Проведенные правовые реформы, прежде всего, закрепленные в нормах конституции Республики Таджикистан провозгласившие, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью»[2, с.37] существенно повлияли на систематизацию уголовного зако-

нодательства. Так, если в УК Таджикской ССР 1961 г. глава «Государственные преступления» была первой в Особенной части УК, то теперь Особенная часть УК РТ открывается разделом 7 «Преступления против личности», а глава 29 УК РТ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства» в системе Особенной части УК РТ помещена в раздел 13 «Преступления против государственной власти».

Вдействующим УК РТ впервые были закреплены принципы Уголовного закона, где особое место занимает принцип гуманизма. Так, согласно ст. 9. Принцип гуманизма «Лицу, совершившему преступление, должно быть назначено наказание или применена мера уголовно-правового характера, необходимая и достаточная для его исправления и предупреждения новых преступлений. Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» [5].

«Согласно словарю С.И. Ожегова, гуманизм это гуманность, человечность в общественной деятельности, в отношении к людям. В уголовном законе подчеркнуты две стороны принципа гуманизма: с одной стороны, он предполагает надежную охрану от преступных посягательств направ и законных интересов законопослушных членов общества; с другой стороны, гуманизм выражается в определенном смягчении карательного воздействия на преступника при наличии в деле смягчающих обстоятельств и предполагает тот минимум правоограничений, который необходим для обеспечения всесторонней охраны интересов общества и защиты прав граждан от преступных посягательств и достижения целей уголовно-правового воздействия» [3].

Мы присоединяемся к мнению Б.В. Волженкина о том, что «Основные направления развития уголовного права в XXI в., обоснованные доктриной уголовного права, будут определять такие факторы, как:

1) процессы мировой глобализации, влекущей интернационализацию преступности, сближение национальных правовых систем;

2) стремительный научно-технический прогресс, приводящий к появлению новых угроз безопасности, видов и форм общественно опасного поведения;

3) требование последовательного развития и реализации принципов, провозглашенных в УК» [4].

Результатом реализации принципа гуманизма в УК РТ стало, прежде всего, исключения высшей меры наказания за выше перечисленные преступления.

Существенные изменения коснулись структуры и видов наказаний, особенностей назначения наказания, освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Другой тенденцией развития уголовного законодательства Республики Таджикистан о преступлениях против основ конституционного строя и безопасности государства на современном этапе стала складывающая социально-политическая обстановка как в регионе так и в Республике Таджикистан в начале XXI века, которая была связана с усилением радикализационных процессов, плавно перерастающих в экстремистские, объектом посягательств которых выступают, прежде всего, общественные отношения в сфере обеспечения внутренней безопасности государства. Она вызвала объективную необходимость в установлении уголовной ответственности за «ст. 307^1, публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и публичное оправдание экстремизма, ст. 307^2 организация экстремистского сообщества, ст. 307^3, организация деятельности экстремистской организации, ст. 307^4, организация учебы или учебной группы религиозно-экстремистского характера» [6].

Необходимо отметить, что в современной юридической литературе по уголовному праву, единый подход при определении понятий преступлений экстремистской направленности отсутствует, и соответственно существуют различные точки зрения.

Не вдаваясь в дискуссию относительно данного вопроса считаем, что нормы, предусматривающие уголовную ответственность за преступления экстремисткой направленности, с технико-юридической точки зрения четко определяют юридическую природу экстремистской деятельности, конкретизируя ее рамки.

В редакции нового УК РТ 1998 года ответственность за измену государству устанавливалась на срок от двенадцати до двадцати лет, что по нашему мнению не являлось соразмерной характеру и степени его общественной опасности.

Восполняя эту историческую несправедливость законодатель Законом Республики Таджикистан от 14.11.16 г., №1359 в ч. 2 ст. 305 УК РТ за совершение измены государству совершенную «*повторно, военнослужащим, с использованием служебного положения, в боевой обстановке или в военное время, при опасном или особо опасном рецидиве предусмотрел наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати пяти лет или пожизненного лишения свободы*» [7].

«Высокая общественная опасность государственной измены заключается в том, что из владения государства уходят сведения, составляющие государственную тайну, которые, попадая в руки иностранных спецслужб, других иностранных организаций или их представителей и будучи использованными против интересов государства, наносят большой, а иногда невосполнимый, ущерб: сводят на нет многолетний труд больших научно-производственных коллективов по созданию оригинальных технологий, новых видов вооружений, разработке планов обороны страны в особый период и т.п.» [1, с.34].

Во все времена действия изменников каралась наиболее жестким образом одновременно вызывая у граждан особое презрение. По словам А.М. Горького, «предателя сравнить не с чем и не с кем, и даже тифозная вошь обидится, если ее сравнить с предателем» [9, с.11].

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы и заключения:

- процесс установления уголовной ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства напрямую зависит от уголовно-правовой политики, направленную на гуманизацию уголовного закона;

- на современном этапе развития уголовного законодательства за исследуемые преступления четко прослеживаются две тенденции. Во первых, процесс гуманизации всех институтов уголовного права и прежде всего наказания. Во вторых, законодатель своевременно и достаточно жестко реагирует на появляющиеся новые вызовы и угрозы на примеры преступлений экстремистского характера.

- эффективность уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, во многом зависит от ее научного обеспечения.

Список использованной литературы:

1. Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. - СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009.С.34.

2. Конституция Республики Таджикистан. -Душанбе, «Нашриёти Ганҷ» 2016.-72с.

3. Понятие гуманизма [Электронный ресурс] // URL: http://www.grandars.ru/college/pravovedenie/principy-up.html. (дата обращения: 12.03.17).

4. См.: Волженкин Б. В. Российское уголовное право: традиции, современность, будущее. СПб., 2005. С. 20.

5. Уголовный кодекс Республики Таджикистан (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1998 г., №9, ст. 68, ст. 69, №22, ст. 306; 1999 г., №12, ст. 316; 2001 г., №4, ст. 149, ст. 167; 2002 г., №11, ст. 675, ст. 750; 2003 г., №8, ст. 456, ст. 468; 2004 г., №5, ст. 346, №7, ст. 452, ст. 453;2005 г., №3, ст. 126, №7, ст. 399, №12, ст. 640; 2007 г., №7, ст. 665; 2008 г., №1, ч. 1, ст. 3, №6, ст. 444, ст. 447, №10, ст. 803, №12, ч. 1, ст. 986, №12, ч. 2, ст. 992; 2009 г., №3, ст. 80, №7-8, ст. 501; 2010 г., №3, ст. 155, №7, ст. 550;2011 г., №3, ст. 161, №7-8, ст. 605; 2012 г., №4, ст. 258, №7, ст. 694; 2013 г., №6, ст. 403, ст. 404, №11, ст. 785, №12, ст. 881; 2014 г., №3, ст. 141, №7, ч. 1, ст. 385, ст. 386; 2015 г., №3, ст. 198, ст. 199, №11, ст. 949, №12, ч. 1, ст. 1107;2016 г., №3, ст. 127, №5, ст. 355, ст. 356, №7, ст. 608, ст. 609, №11, ст. 874, №11, ст. 875; 2017 г., №2, ст. 2, ст. 3; Закон РТ от 28.08.2017 г., №1467).

6. Уголовный кодекс Республики Таджикистан (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1998 г., №9, ст. 68, ст. 69, №22, ст. 306; 1999 г., №12, ст. 316; 2001 г., №4, ст. 149, ст. 167; 2002 г., №11, ст. 675, ст. 750; 2003 г., №8, ст. 456, ст. 468; 2004 г., №5, ст. 346, №7, ст. 452, ст. 453;2005 г., №3, ст. 126, №7, ст. 399, №12, ст. 640; 2007 г., №7, ст. 665; 2008 г., №1, ч. 1, ст. 3, №6,

ст. 444, ст. 447, №10, ст. 803, №12, ч. 1, ст. 986, №12, ч. 2, ст. 992; 2009 г., №3, ст. 80, №7-8, ст. 501; 2010 г., №3, ст. 155, №7, ст. 550;2011 г., №3, ст. 161, №7-8, ст. 605; 2012 г., №4, ст. 258, №7, ст. 694; 2013 г., №6, ст. 403, ст. 404, №11, ст. 785, №12, ст. 881; 2014 г., №3, ст. 141, №7, ч. 1, ст. 385, ст. 386; 2015 г., №3, ст. 198, ст. 199, №11, ст. 949, №12, ч. 1, ст. 1107;2016 г., №3, ст. 127, №5, ст. 355, ст. 356, №7, ст. 608, ст. 609, №11, ст. 874, №11, ст. 875; 2017 г., №2, ст. 2, ст. 3; Закон РТ от 28.08.2017 г., №1467).

7. Уголовный кодекс Республики Таджикистан (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 1998 г., №9, ст. 68, ст. 69, №22, ст. 306; 1999 г., №12, ст. 316; 2001 г., №4, ст. 149, ст. 167; 2002 г., №11, ст. 675, ст. 750; 2003 г., №8, ст. 456, ст. 468; 2004 г., №5, ст. 346, №7, ст. 452, ст. 453;2005 г., №3, ст. 126, №7, ст. 399, №12, ст. 640; 2007 г., №7, ст. 665; 2008 г., №1, ч. 1, ст. 3, №6, ст. 444, ст. 447, №10, ст. 803, №12, ч. 1, ст. 986, №12, ч. 2, ст. 992; 2009 г., №3, ст. 80, №7-8, ст. 501; 2010 г., №3, ст. 155, №7, ст. 550;2011 г., №3, ст. 161, №7-8, ст. 605; 2012 г., №4, ст. 258, №7, ст. 694; 2013 г., №6, ст. 403, ст. 404, №11, ст. 785, №12, ст. 881; 2014 г., №3, ст. 141, №7, ч. 1, ст. 385, ст. 386; 2015 г., №3, ст. 198, ст. 199, №11, ст. 949, №12, ч. 1, ст. 1107;2016 г., №3, ст. 127, №5, ст. 355, ст. 356, №7, ст. 608, ст. 609, №11, ст. 874, №11, ст. 875; 2017 г., №2, ст. 2, ст. 3; Закон РТ от 28.08.2017 г., №1467).

8. Уголовный кодекс ТССР 1961 г.

9. Цит. По: Игнатьева А.А. Особо опасные государственные преступления. Киев, 1975. С.11.

УГОЛОВНАЯ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕМИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Гришин А.В., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова

Уголовно-процессуальная политика традиционно входит в систему уголовно-правовой политики государства.

Содержанию, юридической сущности и основным направлениям уголовно-процессуальной политики, равно как и уголовной политики нашего государства, её влиянию на преступность посвящено немало исследований[1] и фундаментальных научных работ[2].

Под уголовной политикой общепринято понимать часть политики государства в сфере борьбы с преступностью. Уголовная политика реализуется как в законодательной, так и в правоприменительной деятельности, а также в деятельности государственных и общественных органов по общему предупреждению преступлений и правовому воспитанию граждан[3].

Современный мир невозможно представить без предпринимательской деятельности. Каждый третий гражданин имеет собственное дело, это может быть как мелкий бизнес, так и крупный. С развитием общественных отношений в сфере предпринимательства, возрастает количество преступлений, направленных против предпринимательской деятельности (это касается как отношений с участием предпринимателей, так и всех других участников гражданских отношений, которые, так или иначе, вступают с предпринимателями в различные правовые отношения гражданско-правового характера). Теоретически в практике уголовного судопроизводства и в российском обществе в целом неоднократно отмечалось, что права и законные интересы потерпевших в уголовном судопроизводстве не равнозначны.

Часто преступления в сфере экономики "маскируются" под "гражданско-правовые отношения". Следовательно, необходимо выявить механизмы борьбы с экономическими преступлениями в изучаемой области, и проанализировать правовые акты, отражающие особенности возникновения и правовой ответственности, регулятивных, правоохранительных органов в механизме противодействия экономическим преступлениям, напрямую связанных с

---

[1] См., например: Ляхов Ю.А. Сущность и тенденции развития уголовно-процессуальной политики Российской Федерации: дис. …д-р. юр.наук. СПб., 1994; Босхолов С.С. Уголовная политика современной России в условиях конституционно-правового реформирования: дис. …докт.юрид.наук. М., 1999; Лесников Г.Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы): дис. …д-р. юр. наук. М., 2005; Александрова И.А. Современная уголовная политика по обеспечению экономической безопасности и противодействию коррупции. дис. …докт.юрид.наук. Нижний Новгород., 2015. Зайцев О.А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления // Вестник ТвГУ. Серия "Право". Выпуск 35. Москва: Московская академия экономики и права, 2013 год. С.92 -99. Мусаитов Т.А. Современная уголовно-процессуальная политика по противодействию преступности в сфере экономической деятельности // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2013, № 21. С. 226-230.

[2] См. фундаментальные монографии: Алексеев А.И., Журавлев М.П., Сухарев А.Я. Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель. М.: «Норма», 1997. Босхолов С.С. Основы уголовной политики. М.: Библиотека «ЮрИнфорР», 1999. Тер-Акопов А.А. Уголовная политика Российской Федерации. М., 1999. Зубков А.И. Карательная политика России на рубеже тысячелетий: В связи с проектом Федерального закона «О внесении в некоторые законодательные акты Российской Федерации изменений и дополнений по вопросам уголовно-исполнительной системы». М.: «Penal Reform International (PRI)», 2000. Воронин М.Ю. Уголовная политика: понятие, история возникновения и развития. М., 2000. Лесников Г.Ю. Уголовная политика Российской Федерации (проблемы теории и практики). М., 2004. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: «Норма», 2006. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М.: Издательство «Проспект», 2008. Лопашенко Н.А. Уголовная политика. М.: «Волтер Клувер», 2009.

[3] Зайцев О.А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления // Вестник ТвГУ. Серия "Право". Выпуск 35. Москва: Московская академия экономики и права, 2013 год. С.92 -99.

осуществлением предпринимательской деятельности, компетенцию правоохранительных органов в борьбе с рассматриваемых преступлений.

Одним из правовых средств государственного регулирования предпринимательства выступает административное, гражданское и уголовное законодательство. Уголовно-правовые нормы являются охранительными. А вот нормы гражданского законодательства регулируют отношения с участием лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность.

Защита прав предпринимателей представляет собой совокупность нормативно установленных мер либо механизмов по признанию или восстановлению нарушенных или оспариваемых прав и интересов их обладателей. Нарушенные или оспариваемые права и законные интересы являются предметом защиты в сфере предпринимательской деятельности.

В УПК РФ имеется ряд статей, посвящённых специфике уголовного преследования с участием профессиональных участников гражданского оборота, которыми, как правило, выступают предприниматели (статья 23 УПК РФ «Привлечение к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации»; статья 28.1.УПК РФ «Прекращение уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности»).

Установлена административная ответственность за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без лицензии (ст. 14.1 КоАП РФ), незаконное использование товарного знака (ст. 14.10), незаконное получение кредита (ст. 14.11), фиктивное или преднамеренное банкротство (ст. 14.12), неправомерные действия при банкротстве (ст. 14.13 КоАП РФ) и другие правонарушения в области нормального функционирования экономики. Аналогичные составы преступлений закреплены и в уголовном законе, в котором преступлениям в сфере экономической деятельности посвящена гл. 22 УК РФ. Соответствующая глава Модельного Уголовного кодекса для государств-участников Содружества Независимых Государств, принятого 17 февраля 1996 г. Межпарламентской ассамблеей СНГ называется «Преступления против порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности», что более соответствует содержанию данной главы.

Сферы экономической деятельности в контексте современных общемировых тенденций, напрямую касается и гражданское законодательство. 26 июля 2017 года федеральным законом № 199-ФЗ в ч. 1 ГК РФ были внесены следующие изменения: 1) в абзаце третьем пункта 1 статьи 2 слова "лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке" исключить, дополнить предложением следующего содержания: "Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом." Пункт 1 статьи 23 изложен в следующей редакции: "1. Гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, за исключением случаев, предусмотренных абзацем вторым настоящего пункта. В отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя"[1].

Не буду делать скорых выводов о правильности или неправильности решения рассматриваемой проблемы подобным образом. Однако отмечу, что исключение из официального определения предпринимательской характеристики "лица, зарегистрированные в этом качестве в соответствии с законом", как видно, не до конца решает дилемму того, что принять, а что не признать предпринимательской деятельностью. Ведь остальные "оставшиеся" признаки даже в их совокупности, и трудно понять, с чем мы имеем дело здесь: "бизнес", "другие экономические" или что еще.

[1] «Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», Международная науч.-практическая конф. (2017 ; Орёл). Международная научно-практическая конференция «Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования», 19–20 октября 2017 года : [к 300-летию российской полиции и 100-летию советской милиции : сборник материалов] / редкол. : А. В. Гришин [и др.]; Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова. – Орёл : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017. С. 152-153.

Новая уголовно-правовая стратегия, направленная на модернизацию действующего законодательства и удовлетворяющая современным потребностям общества, последовательно реализовывается в настоящее время.

Вместе с тем, «недостаточная правовая регламентация взаимодействия ОВД с налоговыми органами приводит к использованию не всех возможностей этого механизма. Возбуждение уголовных дел непосредственно по материалам налоговых органов, направляемых в подразделения СК РФ, затруднительно в связи с тем, что они не содержат необходимой доказательственной базы по преступлениям, предусмотренным ст. ст. 198-199.2 УК РФ. Такие признаки состава преступления, как субъективная сторона (умысел), налоговые органы вообще не рассматривают в ходе налоговых проверок, ссылаясь на отсутствие законодательно установленной обязанности осуществлять юридическую квалификацию по признакам составов налоговых преступлений»[1].

В настоящее время наиболее остро стоит проблема расследования преступлений в сфере предпринимательской деятельности[2] (это касается как отношений с участием самих предпринимателей, так и всех остальных участников гражданских правоотношений, которые, так или иначе, вступают с предпринимателями в различные правоотношения гражданско-правового характера). В теории, практике уголовного судопроизводства и в российском обществе в целом неоднократно отмечалось, что обеспечение прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, в уголовном судопроизводстве находится не на должном уровне[3].

Содержание, правовой характер и основные направления уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной политики нашего государства, ее влияние на преступность являются предметом многих исследований и фундаментальных исследований.

Актуальность проблематики обусловливается, во-первых, новыми угрозами для экономической безопасности России, которые проявились за последнее десятилетие на фоне неблагоприятных изменений во внешней и внутренней обстановке, во-вторых, назревшей необходимостью научного исследования проводимой уголовно-процессуальной политики по обеспечению экономической безопасности и эффективности её результатов.

Уголовно-правовая политика реализуется как в законодательной, так и правоприменительной деятельности, а также в деятельности государственных и общественных органов по общему предупреждению преступлений и правовому воспитанию граждан.

Несмотря на господствовавший в советское время в нашей стране идеологический подход, уровень большинства теоретических исследований и прикладных исследований был очень высоким. Этот факт позволил создать научную теорию уголовной политики, разработать ее основные понятия, принципы и направления.

За последние десятилетия уголовно-процессуальная политика претерпела серьезные изменения, отразившиеся на модернизации судебной системы и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Система уголовно-процессуальной правовой политики Российской Федерации должна определять стратегию, цели, задачи, основные направления деятельности правоохранитель-

---

[1] Гришин А.В. Некоторые аспекты повышения эффективности борьбы с налоговыми преступлениями // Наука и практика №3 (68). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016 год. С.44.

[2] См.: Обзор деятельности районных судов Орловской области по рассмотрению судебных дел за 12 месяцев 2015 года (в сравнении с аналогичным периодом 2014 года) // Материалы к совещанию по подведению итогов работы районных судов и мировых судей судебных участков Орловской области за 2015 год. Орел 2016г. Коммерческое (торговое) представительство: состояние, защита от противоправных посягательств и применение правовых презумпций: монография / А.В. Гришин, М.В. Гришина. – Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. – 437 с. Защита конституционных прав граждан в Российской Федерации (правовые и процессуальные аспекты) : монография / А.В. Гришин. – Орел : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2013. – 187 с. Возмещение (компенсация) вреда в уголовном судопроизводстве. Гражданский иск в уголовном процессе: монография / А.В. Гришин, С.В. Мельник. – Орел: ОрЮИ МВД России, 2012. – 197 с. и др.

[3] См., напр.: Леви Е. Положение потерпевшего в уголовном процессе : нужна конкретизация // Законность. 2009. № 2; Дмитриева Л.З. Обеспечение безопасности потерпевших как важное условие активности их участия в уголовном преследовании // Законность. 2010. № 8; Винокуров С. В. Приоритетная роль потерпевшего в новой парадигме права // Рос. юстиция. 2013. № 12. С. 49–53.

ных органов нашей страны по разработке и применению форм реализации норм уголовного права в сфере уголовного судопроизводства. Кроме того, уголовно-процессуальная политика должна предусматривать обеспечение условий и критериев ее эффективности, а также условий и предпосылок для внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство. В ряде законодательных пакетов Президента РФ последовательно реализуется новая стратегия уголовного права, направленная на модернизацию действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства в части удовлетворения текущих потребностей общества.

Основой уголовной политики является Концепция судебной реформы от 24 октября 1991 года, в которой определены основные направления развития уголовно-процессуального законодательства.

В России был принят ряд Федеральных законов, которые направлены на гуманизацию ответственности за экономические преступления. Был принят новый Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, вступивший в силу с 1 июля 2002 года. Позднее был введён запрет на задержание предпринимателей (часть 11 статьи 108 УПК РФ). Следующий блок законодательных актов по значимости стал самым крупным и касался изменений в большинстве статей Уголовного кодекса РФ.

Обсуждение и практическое применение нового уголовно-процессуального законодательства показало, что правовое сообщество России неоднозначно относится к содержанию этого документа. Правовое сообщество разделилось на его сторонников, которые в целом одобрили Уголовно-процессуальный кодекс, выступали за "американизацию" российского уголовного процесса, а также противников многих историй, призывающих сохранить существующий внутренний уголовный процесс в соответствии с континентальной традицией, характерной не только для нашей страны, но и для Европы.

С момента введения УПК РФ в действие к настоящему времени, в его адрес высказываются довольно много обоснованной критики со стороны ученых и практиков. Действительно, новый закон далек от совершенства, так как есть неточности, а иногда и весьма сомнительные положения. Не случайно за короткий промежуток времени, до введения Уголовно-процессуального кодекса, и в ходе его применения, на законодательном уровне было внесено более 1500 различных дополнений и изменений.

Добавим сюда и несистемный подход законодателя к реформированию действующего законодательства, что хорошо прослеживается на последних изменениях кодифицированного законодательства РФ в целом. На протяжении ряда лет законодатель делал разовые попытки (не всегда удачные) исправить их, но принципиальных изменений и дополнений в поименованные акты в этой до сих пор не внесены. В последнее время наметилась тенденция появления в федеральных законах большего количества «бланкетных», то есть отсылочных норм, вместо того, чтобы на уровне кодифицированного нормативного акта, максимально обобщать и систематизировать действующие положения. В качестве примера можно привести изменения УПК РФ апреля 2017 г., направленные на «корректировку отдельных положений УПК РФ, касающихся статуса адвоката». Так, в редакции Федерального закона от 17.04.2017 № 73-ФЗ ч. 3 и 4 статьи 50 УПК РФ, касающейся приглашения, назначения, замены и оплаты труда защитника, соответственно дополнены словами "в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов" и "в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов". Следовательно, такой порядок, как вытекает из буквального понимания не прописан в самом тексте УПК РФ, а «отдан на откуп» совету Федеральной палаты адвокатов. При этом, как гласит ч.1 ст. 1 УПК РФ: «порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации».

Теперь остановимся на проблемных вопросах выявления, раскрытия и расследования преступлений экономической и коррупционной направленности, в том числе касающихся разграничения уголовно наказуемого деяния и возникающих споров в сфере гражданско-правовых отношений, затрагивающих права и свободы человека и гражданина.

Актуальность обсуждаемого вопроса подтверждается тем, что в практической деятельности у следователей и оперативных работников возникает ряд вопросов при выявлении,

раскрытии и расследовании экономических и коррупционных преступлений, в том числе в свете постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

Анализ правоприменительной практики показывает, что одним из наиболее актуальных остается вопрос применения отдельных положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», вызвавших неоднозначную их трактовку сотрудниками оперативных подразделений УФСБ и УМВД России по Орловской области с одной стороны и районных судов Орловкой области с другой.

У следователей и оперативных работников возникают вопросы, связанные с отграничением подстрекательских действий сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа от проводимых на законных основаниях оперативно-розыскных мероприятий. Так как принятие должностным лицом при указанных обстоятельствах денег, ценных бумаг, иного имущества или имущественных прав, а равно услуг имущественного характера не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние, то в этом случае в содеянном отсутствует состав преступления (п.2 ч.1 ст.24 УПК РФ).

В качестве оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий судами Орловской области приняты анонимные заявления и информация, полученная одним оперативным сотрудником от другого.

Вместе с тем, необходимо неукоснительно руководствоваться пунктом 34 данного постановления Пленума Верховного Суда РФ, в котором закреплено положение о том, что подстрекательские действия сотрудников правоохранительных органов состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы, и преступление не было бы совершено.

Следователи зачастую сталкиваются со сложностями при разграничении таких составов преступлений, предусмотренных ст. 159 и 292 УК РФ, как мошенничество и служебный подлог. Так как согласно п.22 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» совершение должностным лицом за взятку действий (бездействия), образующих самостоятельный состав преступления, не охватывается объективной стороной преступлений, предусмотренных статьей 290 и частями 3 и 4 статьи 204 УК РФ, и требует квалификации по совокупности преступлений по соответствующей статье Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающей ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, служебный подлог, фальсификацию доказательств и т.п.

Поэтому, на основании сложившейся в Орловской области судебной практики рекомендуем квалифицировать служебный подлог и хищение путем обмана или злоупотребления доверием с использованием служебного положения как единое преступление, предусмотренное ч. 3 ст.159 УК РФ.

При расследовании преступлений в сфере экономической деятельности необходимо также руководствоваться положениями Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации: от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», от 18 ноября 2004 г. № 23 (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 № 31, от 07.07.2015 № 32) «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве».

Учитывая современные общемировые тенденции, среди основных направлений современной уголовно-процессуальной политики Российской Федерации в сфере экономической деятельности необходимо выделить следующие:

-закрепление дополнительных процессуальных гарантий защиты прав и законных интересов всех лиц, вовлеченных в производство по уголовным делам;

-совершенствование механизмов предоставления квалифицированной юридической помощи по уголовным делам потерпевшим и свидетелям;

-более широкое применение упрощенных процедур предварительного расследования;

-создание условий для расширенного применения мер пресечения, альтернативных аресту (в том числе залога);

-развитие согласительных процедур в уголовном судопроизводстве;

-введение новых институтов восстановительного правосудия, основанных на примирении сторон и возмещении причиненного вреда;

-расширение категорий уголовных дел, по которым уголовное преследование и обвинение в суде может осуществляться в частном и частно-публичном порядке;

-совершенствование уголовно-процессуального порядка рассмотрения уголовных дел судом присяжных заседателей и др.[1]

Ввиду вышеизложенного, а также учитывая сложившуюся в нашей стране общественно-политическую, экономическую и правовую ситуацию, в настоящее время назрела необходимость не просто корректировки действующих механизмов уголовного преследования за совершение преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, но и существенной их модернизации с учётом усиления процессуальных полномочий и гарантий прав лиц, пострадавших от преступлений. Обозначенная проблема в настоящее время актуальна как для действующего УПК РФ, так и УК РФ.

Список использованной литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (действующая редакция). Первоначальный текст документа опубликован в изданиях: "Парламентская газета", № 241-242, 22.12.2001, "Российская газета", № 249, 22.12.2001, "Собрание законодательства РФ", 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921, "Ведомости Федерального Собрания РФ", 01.01.2002, № 1, ст. 1. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» http://www.consultant.ru.

2. Уголовно - процессуальный кодекс Республики Таджикистан // 2003—2017 СоюзПравоИнформ. URL: http://www.base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=30692 (Дата обращения: 09.04.2018).

3. Ветрова О.А. Некоторые особенности проведения допроса и очной ставки с участием несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве. // Научный вестник Орловского юридического института МВД России №3. Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2015 год. С.23.

4. Ветрова О.А. Роль правосознания сотрудников ОВД в правоприменительной деятельности // Вестник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 2014. №. 12. С. 196.

5. Винокуров С. В. Приоритетная роль потерпевшего в новой парадигме права // Рос.юстиция. 2013. № 12. С. 49–53.

6. Возмещение (компенсация) вреда в уголовном судопроизводстве. Гражданский иск в уголовном процессе: монография / А.В. Гришин, С.В. Мельник. – Орел: ОрЮИ МВД России, 2012. – 197 с.

7. Гришин А.В. Гришина М.В. Актуальные проблемы, связанные с осуществлением расследования преступлений, совершённых коммерческими (торговыми) представителями либо контрагентами в случае злоупотреблений правом // Научный вестник Орловского юридического института МВД России №3 (68). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016 год. С.40-41.

8. Гришин А.В. Некоторые аспекты повышения эффективности борьбы с налоговыми преступлениями // Научный вестник Орловского юридического института МВД России №3 (68). Орел: ОрЮИ МВД РФ, 2016 год. С.43-45.

[1] Зайцев О.А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления // Вестник ТвГУ. Серия "Право". Выпуск 35. Москва: Московская академия экономики и права, 2013 год. С.92 -99.

9. Дмитриева Л.З. Обеспечение безопасности потерпевших как важное условие активности их участия в уголовном преследовании // Законность. 2010. № 8.

10.Жириновский В.В. Экономические проблемы России. Пути решения. М., 1999. С. 22.

11.Зайцев О.А. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации: содержание и основные направления // Вестник ТвГУ. Серия "Право". Выпуск 35. Москва: Московская академия экономики и права, 2013 год. С.92 -99.

12.Защита конституционных прав граждан в Российской Федерации (правовые и процессуальные аспекты) : монография / А.В. Гришин. – Орел :ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2013. – 187 с.

13.Коммерческое (торговое) представительство: состояние, защита от противоправных посягательств и применение правовых презумпций: монография / А.В. Гришин, М.В. Гришина. – Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. – 437 с.

14.Леви Е. Положение потерпевшего в уголовном процессе: нужна конкретизация // Законность. 2009. № 2.

15.Мусаитов Т.А. Современная уголовно-процессуальная политика по противодействию преступности в сфере экономической деятельности // Вестник Нижегородской академии МВД России, 2013, № 21. С. 226-230.

16.Обзор деятельности районных судов Орловской области по рассмотрению судебных дел за 12 месяцев 2015 года (в сравнении с аналогичным периодом 2014 года) // Материалы к совещанию по подведению итогов работы районных судов и мировых судей судебных участков Орловской области за 2015 год. Орел 2016г.

17.Ответственность за неисполнение обязательств по перевозке: характерные черты и практика применения. Роль ГИБДД в обеспечении условий реализации гражданско-правовой ответственности: Монография / А.В. Гришин. – Орел: ОрЮИ МВД России, 2011. – 188 с.

18.Правовая природа страхования и организация страховой деятельности. Страхование в деятельности ГИБДД: Монография / А.В. Гришин. – Орел: ОрЮИ МВД России, 2009. – 298 с.

19.Правовое регулирование защиты прав потребителей: история и современность: Монография / А.В. Гришин, О.В. Федотова. – Орел: ОрЮИ МВД России, 200. – 161 с.

20.Шамба Т.М. Предпринимательство и право. Историко-правовой очерк. М., 1999. С. 44.

21.Яни П.С. Методическое обеспечение надзора за исполнением законодательства об ответственности за экономические и должностные преступления // Законность. 1993. № 12. С. 2-5.

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ ОБОРОТА НАРКОТИКОВ И ДРУГИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ ПО УК УКРАИНЫ

Данилевская Ю.А., заведующая аспирантурой Донецкого юридического института МВД Украины, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

Данилевский А.А., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Донецкого юридического института МВД Украины, кандидат юридических наук, доцент

Преступления, связанные с оборотом наркотиков, и другие преступления против здоровья населения занимают в Украине в структуре преступности второе место среди всех зарегистрированных преступлений после преступлений против собственности. Указанная ситуация наблюдается в течение десятилетий и свидетельствует о масштабах незаконного оборота наркотиков, что совпадает с общемировой тенденцией роста преступлений в сфере оборота нароктиков.

Уголовная ответственность за совершение преступлений указанной группы предусмотрена в УК Украины в разделе XIII Особенной части «Преступления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров и другие преступления против здоровья населения». Для условной классификации деяний указанного раздела предлагаем эти преступления разделить на группы в зависимости от видового объекта:

1) преступления, связанные с оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров или фальсифицированных лекарственных препаратов (далее – преступления, связанные с оборотом наркотиков) (ст. ст. 305, 307 – 312, 320 УК Украины);

2) преступления, смежные с оборотом наркотиков (ст. ст. 306, 313, 317 – 319 УК Украины);

3) преступления, связанные с употреблением наркотиков (ст. ст. 314 – 316 УК Украины);

4) преступления против здоровья населения, не связанные с оборотом наркотиков (ст. ст. 321 – 327 УК Украины).

Проанализировав уголовно-правовые нормы, которые образуют группу преступлений, связанных с оборотом наркотиков, следует отметить, что законодатель криминализировал наиболее общественно опасные деяния в сфере незаконного оборота наркотиков: контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров или фальсифицированных лекарственных препаратов (ст. 305 УК Украины); незаконное производство, изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку или сбыт наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 307 УК Украины), те же действия без цели сбыта (ст. 309 УК Украины); хищение, присвоение, вымогательство указанных веществ или завладение ними путем мошенничества или злоупотребления должностным положением (ст. 308 УК Украины), аналогичные действия с прекурсорами (ст. 312 УК Украины); посев или выращивание снотворного мака и конопли (ст. 310 УК Украины), незаконное производство, изготовление, приобретение, хранение, перевозку или пересылку прекурсоров с целью их использования для производства или изготовления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 311 УК Украины).

Так, дифференциация уголовной ответственности за совершение вышеперечисленных деяний представлена набором типичных квалифицирующих признаков, которые, по нашему мнению, условно можно отнести к таким, что характеризуют субъекта преступления: совершение деяний повторно (ч. 2 ст. 305, ч. 2 ст. 307, ч. 2 ст. 308, ч. 2 ст. 309, ч. 2 ст. 311, ч. 2 ст. 312, ч. 2 ст. 320 УК Украины), по предварительному сговору группой лиц (ч. 2 ст. 305, ч. 2 ст. 307, ч. 2 ст. 308, ч. 2 ст. 309, ч. 2 ст. 310, ч. 2 ст. 311, ч. 2 ст. 312 УК Украины), особо квалифицирующий признак – организованной группой (ч. 3 ст. 305, ч. 3 ст. 307, ч. 3 ст. 308, ч. 3 ст. 311, ч. 3 ст. 312 УК Украины). Особенностью такого квалифицирующего признака как

повторность, в рассматриваемой группе преступлений, является то, что наряду с повторностью однородных преступлений (части 2 ст. ст. 305, 307 – 312, 320 УК Украины) предусмотрена повторность тождественных преступлений (части 2 ст. ст. 307, 308, 309), а также рецидив преступлений (ч. 2 ст. 310 УК Украины).

Нетипичным квалифицирующим признаком, относящимся к субъекту преступления (ч. 2 ст. 307 УК Украины), можно считать и такой признак, как привлечение несовершеннолетнего к деяниям, описанным в ч. 1 и ч. 2 ст. 307 УК Украины, а особо квалифицирующими признаками – привлечение малолетнего и в отношении малолетнего (ч. 3 ст. 307 УК Украины). В свою очередь, в ч. 3 ст. 309 УК Украины указание на привлечение несовершеннолетнего, к совершению действий, предусмотренных в ч. 1 и ч. 2 этой же статьи, является особо квалифицирующим признаком.

Еще одной отличительной чертой рассматриваемой группы преступлений является наличие таких квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, характеризующих предмет преступления, как особо опасные наркотические средства и психотропные вещества (ч. 2 ст. 305, ч. 2 ст. 307 УК Украины), наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги или прекурсоры в крупном размере (части 2 ст. ст. 305, 307 – 309, 311, 312 УК Украины), фальсифицированные лекарственные препараты (ч. 2 ст. 305 УК Украины), особо крупный размер наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, прекурсоров (части 3 ст. ст. 305, 307 – 309, 311, 312 УК Украины), особо крупный размер фальсифицированных лекарственных препаратов (ч. 3 ст. 305 УК Украины).

Дифференцируя уголовную ответственность в рассматриваемой группе преступлений, законодатель нормативно закрепил такие нетипичные квалифицирующие признаки: в ч. 2 ст. 307 УК Украины – квалифицирующий признак, который одновременно является обязательным признаком объективной стороны преступления – место совершения: места, предназначенные для проведения учебных, спортивных и культурных мероприятий, и другие места массового пребывания граждан. В частях 2 ст. 308 и ст. 312 УК Украины квалифицирующим признаком, который вместе с тем выступает и обязательным признаком объективной стороны преступления – способом, указано применение насилия, которое не является опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или и угрозой применения такого насилия, а частях 3 этих же статей особо квалифицирующими признаками деяний является применение насилия, которое является опасным для жизни и здоровья потерпевшего, или и угрозой применения такого насилия. В ч. 2 ст. 320 УК Украины квалифицирующим признаком деяний выступают последствия, а в ч. 2 ст. 311 УК Украины квалифицирующим признаком является цель сбыта.

Рассматривая преступления против здоровья населения, не связанные с оборотом наркотиков, особо следует отметить норму, предусмотренную ст. 321-1 «Фальсификация лекарственных средств или оборот фальсифицированных лекарственных средств» УК Украины.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 указанной статьи, включает такие деяния как изготовление, приобретение, перевозка, пересылка, хранение с целью сбыта или сбыт заведомо фальсифицированных лекарственных средств. Следует отметить, что перечисленные деяния являются «типичными» при формулировании объективной стороны преступлений, включенных в раздел XIII Особенной части Уголовного кодекса Украины «Преступления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров и другие преступления против здоровья населения». Так, за аналогичные деяния, однако с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами наступает ответственность по ч. 1 ст. 307 УК Украины, наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами без цели сбыта – по ч. 1 ст. 309 УК Украины, с прекурсорами без цели сбыта – по ч. 1 ст. 311 УК Украины, с целью сбыта, а также сбыт прекурсоров – по ч. 2 ст. 311 УК Украины, с ядовитыми или сильнодействующими веществами или ядовитыми или сильнодействующими лекарственными средствами – по ч. 1 ст. 321-1 УК Украины.

В связи с изложенным представляет интерес наказание, предусмотренное за изготовление, приобретение, перевозку, пересылку, хранение с целью сбыта, сбыт или производство заведомо фальсифицированных лекарственных средств, повлекшие смерть лица или другие

тяжкие последствия, или совершенные в особо крупных размерах (ч. 3 ст. 321-1 УК Украины). Указанные действия наказываются лишением свободы на срок от восьми до десяти лет или пожизненным лишением свободы с конфискацией имущества. Отметим, что это единственный случай в разделе XIII Особенной части Уголовного кодекса Украины «Преступления в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов или прекурсоров и другие преступления против здоровья населения», когда законодатель предусмотрел в качестве наказания пожизненное лишение свободы.

По нашему мнению, столь суровое наказание в виде пожизненного лишения свободы за деяния, которые привели к смерти одного лица или совершенные в особо крупном размере является чрезмерным и нарушающим внутреннюю обоснованность и логику построения санкций уголовно-правовых норм. Для сравнения, в 14 случаях возможного применения наказания в виде пожизненного лишения свободы, предусмотренных в Уголовном кодексе Украины, указанное наказание следует за наказанием в виде лишения свободы с максимальной верхней границей до пятнадцати лет, что, собственно, является обоснованным.

Группа деяний, образующих преступления, смежные с оборотом наркотиков, также содержит норму, нетипичную для уголовного законодательства большинства стран.

Так, кроме «традиционных», присущих большинству стран уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за незаконное производство, изготовление, приобретение, хранение, пересылку, перевозку без цели сбыта, а также с целью сбыта и сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров (ст. ст. 307, 309, 311 УК Украины), в уголовном законодательстве Украины предусмотрена ответственность за использование средств, добытых от незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, прекурсоров, ядовитых или сильнодействующих веществ, или ядовитых или сильнодействующих лекарственных препаратов (далее – незаконного оборота наркотиков) (ст. 306 УК Украины). Особенностью рассматриваемой уголовно-правовой нормы является то, что она предусматривает ответственность не только за использование наркодоходов с целью продолжения незаконного оборота наркотиков, а и за отмывание таких доходов.

Такой законодательный шаг, по нашему мнению, является отображением отдельных требований Венской конвенции ООН 1988 года «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ», которая предусматривала установление ответственности за использование имущества, добытого от незаконного оборота наркотиков, как одного из наиболее опасных и прибыльных видов организованной преступной деятельности.

Интересным представляется также тот факт, что в УК Украины наряду со ст. 306 «Использование средств, добытых от незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, прекурсоров, ядовитых или сильнодействующих веществ, или ядовитых или сильнодействующих лекарственных препаратов», в ст. 209 предусмотрена ответственность за легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем, что дает основание некоторым исследователям считать последнюю общей нормой по отношению к ст. 306 УК Украины.

По нашему мнению, одновременное существование уголовной ответственности и за отмывание имущества, полученного преступным путем (ст. 209 УК Украины), и за отмывание имущества, полученного от незаконного оборота наркотиков (первые две формы объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 306 УК Украины) является вполне обоснованным и логичным шагом законодателя. Поскольку, среди угроз обществу, которые несет в себе наркопреступность, можно выделить два направления, представляющие наибольшую опасность. Во-первых, это вред для здоровья лиц, которые употребляют наркотики в немедицинских целях, а во-вторых, это возможность быстрого обогащения от продажи наркотиков и возможность распоряжения наркодоходами в любой сфере, в том числе, законной экономической деятельности. Соответственно, актуальным остается вопрос противодействия организованной наркопреступности, в том числе, борьбы с использованием имущества, добытого от незаконного оборота наркотиков, уголовно-правовыми средствами.

С учетом высокой общественной опасности и распространенности преступлений в сфере оборота наркотиков и других преступлений против здоровья населения, их тяжестью и,

зачастую, необратимостью последствий для здоровья населения, законодатель Украины предусмотрел поощрительные меры уголовно-правового воздействия на лиц с позитивным посткриминальным поведением.

Так, в ст. ст. 307, 309, 311, 321, 321-1 УК Украины закреплено, что лица, которые добровольно сдали наркотики (прекурсоры, ядовитые или сильнодействующие вещества, не являющиеся наркотическими или психотропными или их аналогами, ядовитые или сильнодействующие лекарственные препараты, фальсифицированные лекарственные препараты) и указали источник их приобретения или содействовали раскрытию преступлений, связанных с их незаконным оборотом, освобождаются от уголовной ответственности за незаконное их производство, изготовление, приобретение, хранение, перевозку, пересылку (ч. 1 ст. 307 и ч. 1 ст. 309, ч. 1 ст. 311, ч. 1 ст. 321, ч. 1 ст. 321-1 УК Украины).

В ч. 4 ст. 309 УК Украины также предусмотрено освобождение от уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 этой статьи, если лицо добровольно обратилось в лечебное заведение и начало лечение от наркомании.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что рассмотренные выше особенности уголовной ответственности за преступления в сфере оборота наркотиков и другие преступления против здоровья населения обусловлены общественной опасностью данной групп преступлений и регламентированы в УК Украины на должном уровне.

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ В НЕКОТОРЫХ ГОСУДАРСТВАХ-УЧАСТНИКАХ СНГ

Дворжицкая М.А., адъюнкт кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, старший лейтенант полиции

Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ [4], носящий рекомендательный характер для Содружества Независимых государств, был принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17 февраля 1996 года. Неудивительно, что многие УК стран-участников СНГ во многих вопросах схожи с положениями Модельного Уголовного кодекса. Так, Н.В. Иванцова объясняет это тем, что выйдя из единого правового пространства, каковым являлся Союз Советских Социалистических Республик, государства-участники СНГ унаследовали многие советские законодательные традиции, касающиеся сферы уголовного правового регулирования [1, 166], также это касается регулирования института прикосновенности к преступлению.

Согласно сведениям Исполнительного комитета СНГ, на 2018 год государствами - участниками СНГ являются: Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан, Республика Узбекистан, Украина [2].

В данной работе исследуем регулирование института прикосновенности к преступлению по уголовному законодательству таких государств-участников СНГ, как Российская Федерация (далее РФ), Азербайджанская Республика (далее АР) и Республика Таджикистан (далее РТ).

Так, в Уголовном Кодексе Российской Федерации (далее УК РФ) в Общей части отсутствуют положения о прикосновенности к преступлению. Понятие прикосновенности к преступлению разработано в уголовно-правовой науке. В Особенной части УК РФ закреплены две формы прикосновенности к преступлению – укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ) и несообщение о преступлении (статья 205^6 УК РФ), регламентация такой формы, как попустительство преступлению отсутствует. Однако, некоторые авторы, в частности, С.А. Шатов указывают на то, что за попустительство противоправному посягательству может привлекаться к ответственности должностное лицо, обязанное в соответствии со своим должностным статусом противодействовать преступности (ст. 285 УК РФ – «Злоупотребление должностными », ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий», ст. 290 УК РФ – «Получение взятки») [8, 105].

Согласно статье 316 УК РФ, ответственности подлежит лицо за заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого преступления, то есть законодатель ставит ответственность за прикосновенное деяние в зависимость от категории тяжести основного криминального посягательства. В примечании рассматриваемой нормы находит отражение ч. 1 статьи 51 Конституции Российской Федерации (далее К РФ), что «никто не обязан свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников» [3], на основании чего лицо освобождается от уголовной ответственности по статье 316 УК РФ за укрывательство преступного посягательства, совершенного супругом или близким родственником. Верхний предел санкции статьи 316 УК РФ не превышает двух лет лишения свободы.

Обращаясь к статье 205^6 УК РФ, следует отметить, что она появилась в УК РФ в 2016 году [7]. Так, согласно статье 205^6 УК РФ, ответственности подлежит лицо за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице, которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений, предусмотренных статьями 205 УК РФ (Террористический акт), 205^1 (Содействие террористической деятельности), 205^2 (Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма), 205^3 (Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности), 205^4 (Организация террористического сообщества и участие в нем), 205^5 (Организация деятельности

террористической организации и участие в деятельности такой организации), 206 (Захват заложника), 208 (Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем), 211 (Угон судна воздушного или водного транспорта), 220 (Незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами), 221 (Хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ), 277 (Посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля), 278 (Насильственный захват власти или насильственное удержание власти), 279 (Вооруженный мятеж), 360 (Нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой), 361 (Акт международного терроризма). Максимальный размер наказания за несообщение о преступлении – лишение свободы на срок до одного года.

Таким образом, в УК РФ отсутствуют общие положения о прикосновенности к преступлению, однако, установлена ответственность за укрывательство особо тяжкого преступления и несообщение о преступлении террористической направленности. Несообщение о преступлении и укрывательство особо тяжких противоправных деяний являются преступлениями небольшой тяжести.

Далее обратимся к Уголовному кодексу Азербайджанской Республики (далее УК АР). Так, в УК АР, также как и в УК РФ отсутствуют общие нормы о прикосновенности к противоправному посягательству и присутствуют специальные правила о ней. В УК АР закреплены две формы прикосновенности к преступлению: укрывательство преступлений и недонесение о них. Так, последние установлены в одной статье 307 УК АР (Недонесение о преступлениях и заранее не обещанное укрывательство преступлений). Согласно указанной статье, ответственности подлежит лицо за недонесение об известных готовящихся или совершенных тяжких или особо тяжких преступлениях, максимальный размер наказания не превышает двух лет лишения свободы (307.1); за заранее не обещанное укрывательство тяжкого преступления, максимальное наказание за которое не превышает трех лет лишения свободы (307.2); за заранее не обещанное укрывательство особо тяжкого преступного посягательства, максимальное наказание за которое не превышает пяти лет лишения свободы. По УК АР лицо освобождается от уголовной ответственности за недонесение о криминальном посягательстве только в случае, если оно подготовлено или совершено его женой (мужем), детьми, родителями, и близкими родственниками [5].

На основании вышеизложенного, следует отметить, что по УК АР, ответственность за прикосновенность наступает за более широкий круг противоправных посягательств, чем по УК РФ, «иммунитетом» от уголовной ответственности обладают только недоносители, которые являются близкими родственниками лица, совершившего основное противоправное деяние.

Далее рассмотрим правила о прикосновенности к преступлению по Уголовному кодексу Таджикистана (далее УК РТ). Как и в двух рассмотренных выше кодексах, в Общей части УК РТ отсутствуют положения о прикосновенности к преступлению. В Особенной части УК РТ присутствует статья 347 УК РТ (Несообщение о преступлении или его укрывательство) [6]. Согласно части первой данной статьи, лицо подлежит уголовной ответственности за несообщение о достоверно известном готовящемся или совершенном тяжком или особо тяжком криминальном посягательстве, а также за несообщение о достоверно известном лице, совершившем это преступление или о месте его нахождения, максимальный размер наказания до двух лет лишения свободы. Согласно части второй рассматриваемой статьи, лицо подлежит максимальному наказанию до пяти лет лишения свободы за заранее не обещанное укрывательство тяжкого или особо тяжкого преступления. На основании примечания к статье 347 УК РТ, кроме супруга и близких родственников лица, совершившего криминальное посягательство, не подлежат уголовной ответственности священнослужитель церкви за несообщение о криминальном деянии, о котором ему стало известно на исповеди. Следует также отметить, что в УК РТ отсутствует специальная норма о попустительстве преступлению. Так, особенностью регулирования прикосновенности по УК РТ, следует признать освобождение от уголовной ответственности священнослужителя церкви, которому стало известно о преступлении.

На основании вышеизложенного, следует сделать ряд выводов. Общие положения о прикосновенности к преступлению отсутствуют в УК РФ, УК АР и УК РТ, также в них не закреплено определение понятия прикосновенности к преступлению. В УК рассматриваемых государств отсутствуют специальные нормы о попустительстве преступлению, однако закреплены такие формы прикосновенности к преступлению, как несообщение о преступлении и их укрывательство. Ответственность за прикосновенные деяния, в основном, поставлена в зависимость от категории основного преступления. Не подлежат уголовной ответственности за укрывательство и несообщение супруг и близкие родственники, однако, по УК РТ, также освобождает от уголовной ответственности за несообщение о преступном посягательстве и священнослужитель, если ему стало известно о нем на исповеди.

Таким образом, в УК РФ, УК АР и УК РТ имеются как сходные, так и различные моменты в регулировании прикосновенности к преступлению. Однако, некоторые положения законодателям государств-участников СНГ следует учесть и применить в своих УК, в целях эффективного регулирования прикосновенности к преступлению.

Список использованной литературы:

1. Иванцова Н. В. Модельный Уголовный кодекс для государств участников СНГ и уголовное законодательство Российской Федерации: сравнительно-правовой аспект // Пробелы в российском законодательстве, 2011. №6.

2. Исполнительный комитет СНГ [Электронный ресурс]: Официальный сайт (Дата обращения 23.04. 2018 г.)

3. Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)

4. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников СНГ [Электронный ресурс]: Доступ из справочной правовой системы ГАРАНТ (Дата обращения 23.04. 2018 г.

5. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 31.05.2016 г.)

6. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 года № 574(с изменениями и дополнениями по состоянию на 02.01.2018 г.)

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изменениями и дополнениями, вступ. в силу с 26.08.2017) Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 15.02.2018).

8. Шатов С.А.Соучастие в преступлении. – СПб., 2012. – 215 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ ВЫЯВЛЕНИЯ, РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Донанов Р.М., магистр права, доцент кафедры ОРД Костанайской академии МВД РК имени Шракбека Кабылбаева

Одним из приоритетных направлений борьбы с искоренением всякого рода отрицательных проявлений в обществе является предупреждение, раскрытие и расследование преступлений. В этих условиях повышается роль юридических наук, в частности криминалистики, которая, заимствуя из других областей знаний разнообразные приемы, средства и методы, разрабатывает и вводит в практику правоохранительных органов аргументированные предложения, рекомендации для усовершенствования методик раскрытия и расследования преступлений. Среди преступлений, которые составляют особую опасность для общества, есть преступления, связанные с изготовлением, хранением и сбытом поддельных денег.

Человек старается познать сущность денег на протяжении многих веков, и не случайно, деньги всегда были объектом пристального внимания людей с самого начала их существования. Они являются единой мерой, которая влияет на статус человека в обществе, и дают ему возможность иметь определенные материальные блага. Поэтому не случайно стремление людей иметь деньги обусловило появление разнообразных, в том числе и противоправных, способов их получения. На протяжении практически всего существования денег всегда находились и находятся люди, которые по разным причинам не могут или не хотят заработать их честно, чтобы иметь в достаточном количестве материальные блага и власть. Используя определенное оборудование за сравнительно непродолжительный промежуток времени, они стараются воссоздать объекты, которые внешне похожи на настоящие деньги и используют их для своего обогащения.

Борьба с преступлениями, связанными с изготовлением и сбытом поддельных денег всегда была одним из приоритетных направлений борьбы с преступностью правоохранительных органов разных государств. Несомненно, наличие в денежном обращении любой страны копий настоящих денег недопустимо. Не будучи обеспеченными товаром, они отрицательно влияют на товарообмен, оказывают содействие инфляции, вызывают недоверие у населения к действующей финансовой системе.

Стремительное внедрение в последние годы новых информационных технологий, появление новых средств «малой, оперативной полиграфии», доступность их использования населением рядом с положительным влиянием на развитие общества, оказывает содействие появлению новых, а также совершенствованию «старых» способов совершения преступлений, в которых эти устройства выступают в качестве средств совершения преступления. Эти средства позволяют подделывать деньги на первый взгляд с достаточно высокой степенью внешнего сходства с настоящими. И как следствие - рост числа преступлений, связанных с изготовлением и сбытом поддельных денег разной стоимости и имеющих хождение в различных государствах.

Если раньше в качестве лиц, которые подделывали деньги, выступали специалисты, имевшие определенные знания в области полиграфии, то в последнее время доля таковых значительно сократилась. Сегодня значительное количество преступников, совершающих такие преступления, довольно часто даже не имеют представления о полиграфических технологиях и способах печати.

Сразу же заметим, что никакими средствами оперативной полиграфии невозможно воссоздать практически ни одного защитного свойства действительных денег. Правильно будет сказать, что практически все подделки есть не что другое, как попытка относительно дешевыми способами с использованием простого оборудования даже не воссоздать, а имитировать лишь некоторые свойства настоящих денег.

В разных странах мира давно дискутируется вопрос о том, следует ли извещать граждан о некоторых элементах защиты настоящих дензнаков, а также о появлении в денежном обращении подделок. Позиция Интерпола сводится к признанию целесообразности не только полицейских методов борьбы с преступлениями, связанных с изготовлением и сбытом поддельных денег. Мы в полной мере придерживаемся следующей точки зрения - население, торговые работники, банковские служащие, кассиры должны знать основные защитные свойства денег. Лишь в таких условиях фальшивки все реже будут находить новых жертв.

При этом укажем, что, по мнению экспертов по вопросам исследования поддельных денег, сегодня казахстанское тенге является одной из наиболее хорошо защищенных валют в мире. Следует также указать, что практика расследования уголовных дел данной категории свидетельствует о спорах, которые довольно часто возникают относительно квалификации действий лиц, которые совершили действия с поддельными деньгами. Эти споры, в основном, с определением критериев очевидного несоответствия поддельных денег настоящим.

Относительно этого, в Нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 18 июня 2004 года №2 «О некоторых вопросах квалификации преступлений в сфере экономической деятельности», сказано: «Состав преступления, предусмотренного статьей 231 УК, образует как подделка отдельных элементов денег или ценных бумаг (например, внесение изменений в данные о номинальной стоимости подлинных денежных знаков или ценных бумаг, иная переделка их содержания, номеров, серий и других реквизитов), так и незаконное изготовление их полностью.

Сбыт поддельных денег или ценных бумаг состоит в использовании их в качестве средства платежа при оплате товаров и услуг, а также при размене, дарении, даче взаймы, возврате долга, продаже, в иной форме включения их в гражданский оборот.

Если сбыт заведомо поддельных денег или ценных бумаг совершен с целью их использования как средства обмана при незаконном завладении чужим имуществом, такие деяния следует квалифицировать по совокупности статей 190 УК и 231 УК[1].

Использование как средства обмана при незаконном завладении чужим имуществом не запрещенных к обращению сувениров, медальонов, открыток, художественных, фотографических изображений, полиграфических и иных изделий, исполненных в виде указанных в статье 231 УК денежных знаков или ценных бумаг, следует квалифицировать как мошенничество. Как мошенничество подлежат квалификации и действия лица, завладевшего чужим имуществом с использованием поддельных банкнот и ценных бумаг явно отличающихся от настоящих денежных купюр и ценных бумаг»[2].

Иначе говоря, предметом введения в обман при мошенничестве могут выступать лишь купюры с явными признаками подделки или несоответствия денег настоящим, за которые они выдаются. Для сбыта таких денег нужны определенные усилия сбытчика, направленные на создание дополнительных условий, которые оказывают содействие сбыту: отвлечение внимания потерпевшего от купюры, чтобы тот не мог ее более детально рассмотреть, заверение о пребывании в обращении представленных к оплате купюр (введение в заблуждение потерпевшего), использование плохого освещения и т.п.

Так, по статистическим данным, за 2015 год по республике зарегистрированы 2 349 преступлений, связанных с изготовлением, хранением, перемещением или сбытом поддельных денег, ценных бумаг, из них 338 дел направлены в суд. Отметим, что за 2014 год зарегистрированы 1153 преступления, из них в суд направлены 814 уголовных дел.

Так, наибольшее количество таких фактов зафиксировано в городах Алматы – 1376, Астана – 404, а также в Павлодарской – 101, Карагандинской – 89 и Восточно-Казахстанской – 102.

Наиболее часто подделываются купюры достоинствами 2 000, 5 000 и 10 000 тенге. К примеру, в городе Алматы изъяты 142 поддельные банкноты номиналом 2 000 тенге,

[1] Уголовный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года

[2] О некоторых вопросах квалификации преступлений в сфере экономической деятельности Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 18 июня 2004 года №2 *(*с изм. и доп. по сост. *на 04.04.2014 г.)*

состоящие из двух склеенных между собой частей, одна часть настоящая, а вторая – поддельная.

В 2015 году в результате проведенных расследований была пресечена деятельность преступной группы, которой был организован цех по изготовлению фальшивых денежных средств. Эта группа на протяжении трех месяцев занималась изготовлением, хранением и сбытом поддельных денег номиналом 2 000 тенге на территории города Алматы и Алматинской области.

В Жамбылской области был установлен подпольный цех по изготовлению поддельных денежных купюр номиналом 1 000 тенге. По результатам расследования доказана причастность в совершении преступлений фальшивомонетчиков, в отношении которых состоялся обвинительный приговор.

Кроме того, отметим, что наиболее распространенным способом фальшивомонетничества можно выделить подделывание с помощью струйного принтера, поскольку именно этот метод считается наиболее простым и доступным. В то же время при внимательном рассмотрении эти купюры легко можно отличить от настоящих, к примеру, в подделках отсутствуют микропечать, другие микроэлементы, рисунок часто размыт, и бумага тоньше настоящей.

Научно-технический прогресс вместе с положительным влиянием на развитие общества непременно несет и отрицательные моменты. Преступники, используя новейшие технологии, изготовляют подделки все больше похожие на действительные деньги. В связи с этим практика нуждается в постоянном усовершенствовании методик расследования, тактики проведения отдельных следственных действий, методик экспертного исследования денег[1]

Анализ и обобщение материалов судебно-следственной практики по делам данной категории свидетельствуют о том, что рассматриваемое преступление не всегда совершается организованной группой, для которой характерными признаками являются: устойчивость, сплоченность, организованность, распределение ролей и так далее.

Под организованной группой, согласно п.63 ст.3 УК РК, следует понимать устойчивую группу двух или более лиц, заранее объединившихся с целью совершения одного или нескольких уголовных правонарушений. Совершение преступления такой группой может состоять в тщательном распределении ролей между членами группы (например, одни обеспечивают хранение фальшивых денег, другие же сбывают их)[2].

[1] Крачун Ю.В.Актуальные проблемы борьбы с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем: правовые и криминалистические аспекты. Статья. – Ростов-на-Дону, 2014. – С.141-146.

[2] Харук АЛ. Совершенствование уголовного законодательства в сфере легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путём, совершённых с использованием оффшорных зон // Российский следователь. - 2011. - №2. - С.28-31.

НАРКОСИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН: АНАЛИЗ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Зеленцов А.А., заместитель начальника факультета подготовки сотрудников полиции Уфимского юридического института МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Коломийченко Е.В., доцент кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Наркотизация все еще остается для различных регионов российского общества проблемой номер один. Всем известно употребление наркотических средств пагубно влияет на организм человека. Количество наркоманов, которые находятся на диспансерном учете в наркологических учреждениях (и их подразделениях), остается достаточно большое.

По данным Минздрава в нашей стране насчитывается от 640 тысяч человек, употребляющих наркотические средства. Однако подсчитать точное количество лиц, употребляющих наркотики, а также новых видов наркотиков, появившихся в 2017 году практически невозможно.

В докладе Международного комитета по контролю над наркотиками за 2017 год отмечается, что в России и на Украине доля лиц, употребляющих наркотики путем инъекций, доходит до 1,3% взрослого населения. Кроме того, увеличивается число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, – за период с января по сентябрь 2017 года выявлено 158,5 тыс. таких правонарушений, и это на 3,3% больше, чем за аналогичный период 2016 года. Распространение наркотиков тоже интенсифицировалось – с 2016 года на 6,8% выросло число выявленных преступлений, совершенных с целью сбыта наркотических средств. Также в докладе уделяется внимание увеличению числа несовершеннолетних наркоманов.[1]

По данным ООН, более 29 млн. человек по всему миру страдают расстройствами и заболеваниями, связанными с употреблением наркотиков.

Наблюдения многих ученых свидетельствуют о том, что показатели наркозависимых выше официальных в несколько раз, но реальные цифры никому не известны. Несомненно, определенная часть наркомании остается латентной для различных учетных документов. После лечения наркозависимых лиц снимают с учета наркологических диспансеров, однако никто не дает гарантии, что данные лица полностью излечились, и в будущем не будет употреблять наркотики.

На заседании Совета Безопасности в апреле 2017 года, на котором рассматривалась реализация Стратегии государственной антинаркотической политики до 2020 года и дополнительные меры по противодействию распространению наркомании Владимир Путин отметил, что количество несовершеннолетних наркоманов выросло на 60 % в России. Одним из приоритетных направлений в противодействии наркотизации населения была названа деятельность по выявлению и перекрытию каналов незаконных поставок наркотических средств, а также синтетических наркотиков, пресечению противоправных действий наркодилеров, связанных с ними организованных преступных групп, в том числе транснациональных[2].

Чаще всего поставщиками наркотиков выступают преступные группировки из стран Европы и Азии. В последнее время синтетические наркотики на территорию Российской Федерации стали поступать с Украины. Не прекращаются попытки распространения в россий-

[1] Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2017 год URL: http://objects.antiprop.ru/narkotiki03/201803_incb2017.pdf (дата обращения: 08.05.2018).

[2] Заседание Совета Безопасности. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/54401 (дата обращения: 08.05.2018).

ских регионах афганских наркотиков, в том числе героина, остаётся высоким уровень наркопреступности.

В современном обществе подростковая наркомания относится к одним из наиболее актуальных проблем. Особенно учитывая ее тенденцию к разрастанию до пандемических масштабов. Различные источники указывают, что возраст начала приема наркотических веществ оценивается в 12-13 лет. При обращении в наркологический диспансер в однократном использовании наркотиков, в качестве «пробы», признаются более 50 % мальчиков и 20 % девочек подросткового возраста, порядка 40 % мальчиков и 18 % девочек прибегали к применению наркотиков неоднократно[1].

Как утверждают специалисты, чем раньше будет выявлена проблема наркомании несовершеннолетних, тем легче будет спасти подростка.

Очевидно, что применяемые меры по противодействию наркомании в полной мере искоренить данное явление не в силах.

Несмотря на то, что достаточно принимается мер по противодействию наркотизации населения, распространения наркомании в регионах таковы, что ставят под угрозу безопасность и социальную стабильность нашего общества, физическое, духовное и нравственное здоровье граждан. Профилактика наркомании, наркотизации населения и «наркоманийной преступности» является одной из актуальнейших задач современной России.

Согласно статистическим данным и информационно-аналитическим материалам, обобщенных антинаркотической комиссией Республики Башкортостан и Министерством внутренних дел по Республике Башкортостан о наркоситуации по итогам 2017 года в Республике Башкортостан[2] на наркологическом учете в учреждениях Министерства здравоохранения Республики Башкортостан состояло 59 035 пациентов, что является минимальным показателем за последние 28 лет. За указанный период доля лиц с диагнозами наркомания и токсикомания, потребление наркотических и ненаркотических веществ с вредными последствиями увеличилась с 0,9 % до 14,4 %. В 1991 году на учете с перечисленными диагнозами состояло всего 715 лиц, на начало 2018 года уже 8 475 человек.

В течение 2017 г. в учреждениях Министерства здравоохранения Республики Башкортостан контингент лиц с диагнозами наркомания, токсикомания и пагубное употребление наркотических и ненаркотических средств с вредными последствиями, сократился с 10 013 до 8 475 человек (с 246,2 до 208,6 на 100 тыс. человек постоянного населения) или на 1538 человек (– 15,4 %).

Пораженность наркологическими расстройствами в Республике Башкортостан в расчете на 100 тыс. населения в 2017 г. изменилась следующим образом: показатель пораженности наркоманией снизился со 125,4 до 107,8 (– 14,0 %), показатель потребления наркотических веществ с вредными последствиями – со 107,6 до 90,9 (– 15,5 %), показатели пораженности токсикоманией и потреблением ненаркотических средств с вредными последствиями остались на прежнем уровне – 3,8 и 6,1 соответственно.

Анализ состояния численности больных наркоманией, состоявших на наркологическом учете в учреждениях Министерства здравоохранения Республики Башкортостан показывает, что за последние семь лет количество лиц с диагнозом наркомания сократилось: в 2010 году на наркологическом учете стояло 5 697 человек, в 2011 году – 5 896 человек, в 2012 году – 5 985 человек, в 2013 году – 6 106 человек, в 2014 году – 6 052 человека, в 2015 году – 5 716 человек, в 2016 году – 5 101 человек, в 2017 году – 4 380 человек.

Наибольшее количество лиц больных наркоманией поставлено на учет учреждениями Министерства здравоохранения Республики Башкортостан в 2013 году – 6 106 человек, 2017 год характеризуется резким сокращением численности данного контингента – 4 380 человек.

Если провести анализ данных о лицах, которые в первые в жизни были поставлены на наркологический учет в учреждения здравоохранения Республики Башкортостан за последние

[1] Наркомания подростков. URL: https://sairon.ru/narkotik/narkomaniya-podrostkov (дата обращения: 08.05.2018).

[2] Доклад о наркоситуации в Республике Башкортостан по итогам 2017 года / Анти-наркотическая комиссия Республики Башкортостан, МВД по Республике Башкортостан. – Уфа, 2018. URL: https://Doklad_o_narkosituatsii_v_Respublike_com.pdf (дата обращения: 08.05.2018).

три года, то можно отметить существенное снижение данных показателей в 2016 году и незначительным увеличением в 2017 году. В 2015 году на наркологический учет с диагнозом «наркомания» впервые в жизни было поставлено 248 человек и 1 460 потребителей наркотических средств с вредными последствиями, в том числе было поставлено на учет несовершеннолетних 16 человек с диагнозом «наркомания» и 121 человек как потребителей наркотических средств с вредными последствиями. В 2016 году впервые в жизни на наркологический учет поставлен 221 (– 27) человек с диагнозом «наркомания» и 961 (– 499) потребитель наркотических веществ с вредными последствиями, несовершеннолетних с диагнозом «наркомания» 6 (– 10) человек и 79 (– 42) как потребители наркотических средств с вредными последствиями.

Таким образом, с учетом изменения среднегодовой численности постоянного населения первичная заболеваемость наркоманией в Республике Башкортостан в расчете на 100 тыс. населения снизилась с 6,1 в 2015 г. до 5,4 в 2016 г. (– 10,9 %), первичная заболеваемость потреблением наркотических средств с вредными последствиями – с 35,9 в 2015 г. до 23,6 в 2016 г. (– 34,2 %).

В 2017 г. учреждениями Министерства здравоохранения Республики Башкортостан на наркологический учет впервые в жизни было поставлено 228 (+ 7) человек с диагнозом «наркомания» и 934 (– 27) потребителя наркотических средств с вредными последствиями, в том числе несовершеннолетних в первые с диагнозом «наркомания» на учет поставлено 2 (– 4) человека, а как потребитель наркотических средств с вредными последствиями – 36 (– 43) человек.

Таким образом, с учетом изменения среднегодовой численности постоянного населения первичная заболеваемость наркоманией в Республике Башкортостан в расчете на 100 тыс. населения увеличилась с 5,4 в 2016 г. до 5,6 в 2017 г. (+ 3,2 %), первичная заболеваемость потреблением наркотических средств с вредными последствиями снизилась с 23,6 в 2016 г. до 22,9 в 2017 г. (– 2,8 %).

Бесспорно, наркотизация населения на прямую зависит от состояния наркопреступности в регионе, от усилий правоохранительных органов в противодействии противоправных деяний, от сотрудничества министерства внутренних дел с компетентными органами зарубежных государств в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков и способности быстрого реагирования правоохранительных органов по выявлению, пресечению и предотвращению противоправных действий. В 2016 году сотрудниками Главного управления по контролю за оборотом наркотиков МВД Российской Федерации из незаконного оборота было изъято 21,7 тонны различных наркотиков, из которых свыше 15 тонн относятся к наркотикам каннабисной группы, более 4 тонн синтетических наркотиков, 1,4 тонны наркотических средств опийной группы (в том числе 965 кг героина), 1,3 тонны психотропных веществ и 385 кг сильнодействующих веществ[1].

Если обратиться к статистическим данным о зарегистрированных наркопреступлениях на территории Республики Башкортостан, то необходимо отметить, что в 2017 году было зарегистрировано 5 765 наркопреступлений (– 5,6 % к показателю 2016 г.), а также было выявлено 1 986 лиц, совершивших наркопреступления (– 122), в том числе 45 несовершеннолетних (– 12).

На момент возбуждения уголовных дел на территории Республики Башкортостан было изъято 207,6 кг наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ (НС, ПВ и СДВ), в том числе 14,3 кг маковой соломы, 127,4 кг каннабиса, 8,6 кг гашиша, 2,6 кг гашишного масла и 53,9 кг синтетических психоактивных веществ (ПАВ).

Практические результаты деятельности правоохранительных органов в предупреждении наркопреступности достаточно высокие, но анализируя показатели наркотизации населения можно отметить, что не все меры являются эффективными и не в полной мере способствуют возможности полноценного контроля над наркоситуацией как в Республике Башкортостан, так и в Российской Федерации в целом.

---

[1] Начальник управления МВД Андрей Храпов о реформе Госнаркоконтроля. URL: http://www.narkotiki.ru/5_86615.htm (дата обращения: 08.05.2018).

На оперативную обстановку в сфере незаконного оборота наркотиков оказывает влияние географическое расположение Республики Башкортостан (близость российско-казахстанской границы), наличие развитой транспортной инфраструктуры: сеть автомобильных и железных дорог, международный аэропорт «Уфа».

Одним из показателей распространенности противоправных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков являются и данные о лицах, отбывающих наказания за преступления в уголовно-исправительных учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации. В настоящее время в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержится 613 75 человек. Практически четверть из общего количества осужденных отбывают наказание за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (в 2017 году за преступления, связанные с наркотиками (статьи 228 – 233 УК РФ) отбывает наказание 136029 (на 2231 осужденного меньше, чем в 2016 году). Среди осужденных за незаконный оборот наркотиков – порядка 15 тыс. женщин, а также 150 несовершеннолетних. За этот год сотрудники учреждений уголовно-исполнительной системы изъяли 27,5 кг наркотиков, причем 27 кг при попытке доставки в учреждение уголовно-исполнительной системы[1].

Подвергнув анализу достаточное количество статистических данных с уверенностью можно отметить, что сложившаяся ситуация в области наркотизации населения не может восприниматься как терпимая. Проведенное исследование убеждает нас, что наркомания окончательно превратилась в масштабную общенациональную проблему, несущую прямую угрозу обществу. Проблема серьезна и для страны очевидна.

Как одно из направлений предупреждения наркотизации можно назвать – мониторинг наркоситуации в стране. Ежегодно различными организациями проводятся исследования в области оценки сложившейся наркоситуации в Российской Федерации. Большинство респондентов ежегодно указывают на доступность наркотиков и что места их сбыта очень просто найти, на то, что наркодилеры используют современные технологии Интернета, используют социальные сети для общения и распространения наркотических веществ, ориентируясь в основном на молодежь.

Можно резюмировать, что состояние наркоситуации оказывает влияние несомненно на процессы развития современного российского общества. Поэтому целесообразно развивать антинаркотические совместные усилия правоохранительных органов, медицинских учреждений и институтов гражданского общества в противодействии незаконному обороту наркотиков.

Эффективность предупреждения наркотизма в первую очередь зависит от снижения спроса на наркотики и сокращения количества их потребителей.

Поэтому в деятельности по предупреждении наркомании необходимо решение следующих задач: создание системы выявления наркозависимых лиц и контроля за распространением наркотических средств; осуществление стабилизации и последующего снижения уровня наркотизации; повышение уровня образования граждан, напрямую связанного с созданием устойчивого позитивного морально-психологического климата в трудовом коллективе, образовательном учреждении; обеспечение возможности возвращения на работу и учебу бывших наркозависимых лиц после их лечения и реабилитации; дифференцированный, комплексный подход к выработке системы мер противодействия наркотизма на любом уровне с использованием методов общей и индивидуальной профилактики.

Очень важная роль в осуществлении предупреждения наркомании в современном обществе отводится и средствам массовой информации. Они обладают значительным влиянием на формирование сознание людей, их мировоззрение и, соответственно, поведение; отчасти благодаря отсутствию цензуры масс-медиа все чаще оказывают отрицательное воздействие, которое особенно пагубно для подрастающего поколения. Одним из направлений профилактики преступности должно стать противодействие потреблению наркотических средств. И в этой деятельности необходимо привлечь возможности средств массовой коммуникации и

[1] Характеристика осужденных, которые осуждены за преступления. URL: http://fsin.su/structure (дата обращения: 08.05.2018).

использовать в своих интересах. В то же время нужно заметить, что воздействие на лиц, уже потребляющих наркотические средства, через СМИ практически не результативно.

Также необходимо уделять внимание пропаганде здорового образа жизни среди населения. В жизнедеятельности большинства людей немалую роль играют чувства самосохранения и страха за свое будущее. Именно они нередко удерживают от совершения поступков, имеющих негативные последствия. В связи с этим важно, в воспитательной и разъяснительной работе использовать самые различные материалы, которые объясняли бы губительность воздействия на организм наркотических средств, демонстрировать страдания наркоманов во время абстиненции, обосновывать вынужденность криминальной деятельности. Безусловно, не следует ожидать быстрого эффекта. На сегодня уже сформировался широкий слой людей, которым крайне сложно отказаться от приема наркотических средств.

Нельзя забывать и о том, что определенная часть наркоманов пришли к потреблению наркотиков вследствие нелегкого психологического состояния: желания забыться, уйти от проблем. В связи с этим, полагаем, необходимо развитие широкой сети бесплатной анонимной социально-психологической помощи. На наш взгляд, государственная политика в сфере антинаркотической пропаганды должна быть в первую очередь нацелена на создание мощной и эффективной системы воспитательного процесса.

На основе выше изложенного можно отметить, что противодействие наркотизации населения эффективно лишь при условии создания подходящей социокультурной среды, направленной на развитие личности, здорового образа жизни, комплекса обучающих программ профилактики наркомании. Необходимо изменить наркоситуацию и существенно снизить уровень наркотизации населения в нашей стране. Для этого необходимо при формировании государственной антинаркотической политики, включать наиболее эффективные меры, которые успешно используются и имеют достаточно высокие показатели эффективности и необходимо учитывать успешный зарубежный опыт.

Мероприятия по противодействию наркотизации также должны включать действия, которые основываются на совместных усилиях педагогов, психологов, медиков, социальных работников, сотрудников правоохранительных органов. Тем не менее, несмотря на все усилия и затраты в данной области, меры не всегда являются эффективными. Выявлять лиц имеющих проблемы с наркотиками необходимо в раннем возрасте, что сейчас и осуществляется в школах, учебных заведениях, а в специализированные лечебно-реабилитационные учреждения поступают уже в основном лица, которые достаточно долгое время употребляют наркотические вещества и являются наркозависимыми.

Итак, противодействие наркотизации населения представляет собой комплекс социальных, образовательных, медицинских, психологических мероприятий, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих распространению и употреблению наркотических средств и психотропных веществ.

В целях повышения эффективности деятельности, направленной на предупреждение наркотизации населения, необходимо расширять сеть социозащитных учреждений, создавать и расширять сеть клубов для несовершеннолетних и молодежи.

В свою очередь, правоохранительным органам и МВД Российской Федерации надлежит повысить эффективность работы по раскрытию, расследованию преступлений и привлечению к уголовной ответственности лиц, вовлекаемых население в преступную деятельность, связанную с распространением и употреблением наркотических веществ. Следует активизировать работу по выявлению наркопритонов, мест, где собираются и проводят свободное время граждане. Особое внимание со стороны государства должно быть уделено развитию и воспитанию молодого поколения. Все это позволит обеспечить нашей стране здоровое, процветающее и безопасное будущее.

В целях противодействия распространению наркотических средств предлагаются меры: нужно продолжать целенаправленную антинаркотическую пропаганду в средствах массовой информации, формулировать устойчивый иммунитет у несовершеннолетних и молодёжи к употреблению наркотиков; обязать участкового уполномоченного полиции проверять подведомственный ему участок на наличие объявлений о продаже наркотических средств и психо-

тропных веществ, а также сообщать полученную информацию в органы прокуратуры; в целях исключения обезличенного способа оплаты через различные электронные платежные системы необходимо инициировать изменение в законодательство, регламентирующие оплату услуг через электронные терминалы, и добавить в терминал оплаты поле для ввода паспортных данных как средство установления личности плательщика; необходимо пересмотреть порядок приобретения сим-карт для мобильных телефонов с целью исключения оформления номеров анонимно или на подставных лиц; стимулировать применение к лицам, употребляющим наркотические средства и психотропные вещества, принудительных мер медицинского характера; надо совершенствовать и систему профилактики наркомании, с использованием современных методик выявлять наркозависимых на ранних стадиях, качественно лечить и реабилитировать больных; рассмотреть вопрос о создании современной единой электронной базы лиц, употребляющих наркотические средства. На сегодняшний день формы учета, существующие в наркологических диспансерах, не показывают полную и актуальную картину наркоситуации в стране в общем; проводить профилактические беседы в образовательных учреждениях о последствиях потребления наркотических средств и психотропных веществ с приведением реальных примеров (с возможностью визуализации); на международном направлении важно наращивать антинаркотическое сотрудничество с компетентными органами других стран, нашими партнёрами по ОДКБ, СНГ, Шанхайской организации сотрудничества, БРИКС, доводить до мировой общественности нашу позицию о недопустимости либерализации международно-правового режима контроля над наркотиками.

В целом изложенный материал показывает реальное состояние наркоситуации в Республике Башкортостан и дает возможность выработать необходимые эффективные антинаркотические мероприятия, позволяющие постоянно совершенствовать деятельность по противодействию наркоугрозе.

ЭГО-ДОКУМЕНТЫ КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Какимбеков Р.Б., преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Костанайской академии МВД РК им. Шракбека Кабылбаева

Исследовательский процесс изучения повседневности предполагает объединение отдельных элементов в единую систему. В силу этого история повседневности существенно раздвигает источниковедческую базу исследований за счет микроисторических подходов и синтеза работы с различными группами источников. В частности, в рамках нового направления происходит расширение понятия источника. Безумие и природа, тело и смерть, обряды и ссоры, – все подлежит расшифровке. А. Людтке в свое время описал, как постепенно вводились в исследования материалы местных архивов и реконструировались индивидуальные биографии, использовались аудиовизуальные средства и этнографические источники [1, с.68]. Однако очевидный интерес к источникам личного происхождения отнюдь не отрицает привлечения традиционных, в том числе официальных письменных памятников эпохи.

Среди традиционных письменных источников выделяют, прежде всего, «эго-документы» - биографии, мемуары, дневники и письма, - позволяющие понять человека и его поступки в конкретной ситуации, уловить то, что отличает его повседневность - от жизни других, находящихся в тех же обстоятельствах. Кроме того, документы личного происхождения помогают понять настроения в обществе в переломную эпоху и оценить характер социально-экономических изменений через восприятие простых людей. В частности, интересный материал для реконструкции советской послевоенной повседневной жизни дают воспоминания участников событий тех лет. Под мемуарами понимается «литературная форма, специально предназначенная для закрепления и исторического осмысления общественно-значимого индивидуального опыта автора воспоминаний – участника исторических событий» [2, с.167]. Их видовыми признаками являются: авторское личностно-субъективное начало, память мемуариста и ретроспективный характер воссоздания социальной действительности. Так, в книге Н.Н. Козловой и И.И. Сандомирской «Я так хочу назвать кино» был воспроизведен полный текст записок жительницы Луганска Е.Г. Киселевой, хранящихся в Центре документации «Народный архив», который был создан в 1990 г. в Москве для сбора письменных «свидетельств, оставленных ничем не знаменитыми людьми». Из переписки советского периода можно многое узнать об экономическом пространстве частной жизни. Например, уловить, что в период «застоя» обмен продуктами и товарами выступал доминирующей формой семейных отношений и зачастую основным средством коммуникации. Но у специалистов, изучающих человека в его «серой обыденности», зачастую нет «эго-документов», что заставляет обращаться к помощи этнологии, выработавшей приемы понимания чужой культуры путем поиска и анализа символических форм – слов, образов и поступков, посредством которых люди реально представляют себя самим и другим людям [2, с.169]. Этнографический и социологический методы включенного наблюдения могут «работать» и у историков, если исследователю удается «вести наблюдение» за автором текста, вытягивая информацию из иных источников о контексте написания нарратива этим человеком. Кроме того, специалист по истории повседневности XX в. имеет возможность расширить свою источниковую базу за счет свидетельств еще живущих информантов – то есть использовать метод сбора и записи «жизненных историй» - интервью всех видов [2, с.170].

Мемуары – это тип источников, основанных на памяти. Сведения памяти могут быть зафиксированы с помощью различных средств: от грампластинки до диктофона, а также с помощью письменной записи. В последнем случае источники данного рода традиционно называют мемуарной литературой. В терминологии, однако, можно наблюдать разночтения [2, с.171]. Например, широко распространено понимание мемуаров в узком смысле – исключительно как воспоминаний. По отношению к классификации мемуарной литературы единой

точки зрения не существует. Наиболее всеобъемлющим представляется подход в соответствии с формой возникновения и фиксации на следующие виды.

Воспоминания – если автор через определенный значительный промежуток времени после совершения определенных событий рассказывает о них или обо всей своей жизни. Здесь может возникнуть целый ряд подвидов: автобиографии, жизнеописания. Самое существенное здесь, что воспоминания пишутся самим мемуаристом, то есть для исследователя очевиден автор повествования. Во-вторых, данный тип источника формируется через определенное, обычно значительное время после совершения событий. Это способствует утрате некоторых деталей в памяти и, наоборот, формированию более целостной картины происшедшего. Автор уже знает, чем завершилось событие и может по иному интерпретировать свою первоначальную позицию и роль в нем. Поэтому требуется изучение обстоятельств жизни и деятельности автора не только от рождения до описываемых событий, но и периода от совершения до создания памятника [2, с.172]. Это абсолютно не зависит, каким способом фиксируется информация, за исключением моментов технического характера: магнитная лента или письменный текст.

Литературная запись воспоминаний – возникает тогда, когда мемуарист обращается к помощи литератора и последний придает воспоминаниям литературную форму, ничего не искажая в тексте и не внося в него никаких «украшений». Наиболее сложный момент здесь – установление степени соавторства. Если степень вмешательства столь велика, что искажается содержание воспоминаний, мы уже имеем дело с литературным произведением.

Стенографическая протокольная запись воспоминаний. Этот вид обычно возникает по инициативе архивов, институтов, комиссий, музеев, которые заинтересованы в сборе и сохранении мемуарных источников. Впрочем, фиксация может происходить и на основе диктофона. Последнее сейчас очень распространено. Сформировалось целое направление – oralhistory (устная история) [2, с.173]. Самое существенное в данном виде мемуаров – не форма их фиксации, а степень вмешательства лица, которое ведет разговор или опрос. Опрос может производиться как на основе анкеты, так и в произвольной форме. В любом случае канва воспоминаний складывается не самостоятельно, а под воздействием вопросов. Формируясь в виде стенограммы, воспоминания приобретают форму мемуаров только после расшифровки, исправления и подписи их автором. По своему стилю они сохраняют шероховатости разговорной речи - повторяемость, непоследовательность изложения, слова «сорняки». При фонозаписи возникают паузы, различна интонация, эмоциональность повествования [2, с.174].

Дневники – как вид мемуарных произведений возникают тогда, когда современник повествует о событиях, людях, чувствах и так далее день за днем, на протяжении всей своей жизни либо определенного периода. Обычно дневники пишутся по личной инициативе автора, и авторы повествуют о пережитом с позиции того же времени. Если воспоминаниям присущ ретроспективный взгляд на события, то автор дневника еще находится под определенным эмоциональным воздействием от события, не может подняться до осмысления его в целом, отражая только отдельные стороны действительности. Часто исследователю приходится изучать большое количество деталей, чтобы за ними уяснить суть происходившего. Впрочем, чистых видов мемуаров почти не существует. Так, довольно часто автор воспоминаний обращается к отдельным записям прошлых лет – дневникам. Официальные лица стремятся прибегнуть к различного рода документам для подтверждения своих записей. В таком случае мемуарные произведения приобретают определенный синтетический характер ценный по содержанию, по информации, но очень сложный ряд анализа источника. Такого рода синтетический характер довольно часто встречаем в записках путешественников, которые определяют как особый жанр историко-литературных произведений [2, с.175]. Действительно, литературе путешествий всегда принадлежала существенная роль в процессе знакомства одного народа с другим. Наблюдения путешественника – это, как правило, свежий взгляд со стороны, со стороны другой культуры, других традиций и ценностей. И все же существует характерная черта, которая позволяет отнести свидетельства путешественников к мемуарным произведениям, ибо они тоже, прежде всего, основывались на памяти и фиксировались пре-

имущественно в виде дневниковых записей, или воспоминаний, а также их сочетания. Естественно, при изучении мемуаров следует принимать во внимание не только видовые особенности, но и конкретные временные и локальные условия их формирования. Мемуарные произведения не возникли на пустом месте. В Западной Европе, в Речи Посполитой этот жанр формировался на основе хроникального [2, с.176]. По истории Великого княжества Литовского выделяется такой этап развития мемуаров как историко-мемуарная литература. В Российском государстве большое влияние оказала также житийная литература. По своему происхождению мемуары близки к таким видам повествовательных источников как эссе- мнение по произвольно выбранной или общественной проблеме, к эпистолярной – материалы переписки и художественной литературе. Довольно часто все это приводит к тому, что исследователи объединяют все вышеназванные виды под общим названием – источники личного происхождения. Понятие «эпистолярные» источники довольно часто употребляются в широком смысле, обозначая материалы переписки в целом. Однако по происхождению, цели, функциям четко определяются две группы: материалы официальной переписки и частная переписка. Первую из них относят к материалам делопроизводства, и эта традиция уже утвердилась в источниковедческой литературе. Поэтому термином «эпистолярные источники» все чаще обозначают только частную переписку [2, с.177]. Генезис, развитие материалов частной переписки безусловно схожи с мемуарными произведениями. Да и в новейшее время авторы довольно часто прибегали к эпистолярной форме, обнародуя свою точку зрения по тому или иному вопросу. Однако при этом наблюдалось лишь использование формы. Суть же эпистолярных материалов – в их частном характере; это разговор, при котором собеседники стремятся избежать подслушивания. Частное письмо – это личное обращение автора к определенному человеку, или нескольким. Обычно оно пишется не для печати, не для всеобщего и даже частичного ознакомления с ним «третьих лиц». Боясь «подслушивания» авторы писем прибегают к эзопову языку, только им известным выражениям и сокращениям [2, с.178]. Понятные авторам, они впоследствии серьезно усложняют задачу для исследователя. Действительно, письмо, наверное, как никакой другой источник, способно остановить мгновение, показать человека со всеми его личными заботами и общественными связями в какой-то определенный момент жизни. При этом очень существенно изучение того, о чем автор высказался и о чем умолчал в своем сообщении. Это требует внимательнейшего изучения других материалов, касающихся обстоятельств, указанных в письме. Устойчивыми элементами эпистолярного памятника является указание адресата, места написания и даты, обращение к адресату, подпись автора письма. Но в содержании личного письма автор совсем свободен – он может писать о служебных, семейных, личных делах. Очень тесная взаимосвязь и взаимопереплетение эпистолярных материалов с мемуарами, публицистикой и другими источниками личного характера часто приводит к понятному их объединению – в отдельную группу источников [2, с.16]. Изучая частную переписку, необходимо владеть сведениями по истории почты, ее учреждений, ориентироваться в знаках – памятниках почтового обращения – марках, почтовых штемпелях. В своем развитии эпистолярные источники прошли целый ряд этапов. Письма, как форма сношений между людьми, были распространены уже с глубокой древности. Античное бытовое письмо начиналось с приветствия, включавшего текст сообщения адресату и в заключение – прощальная форма, дата и место написания письма [2, с.17]. Материалом для письма служили преимущественно глина, сложенные вместе деревянные дощечки, поверхность которых покрывалось слоем воска, на нем выцарапывался текст, позднее – папирус и пергамент. На Руси первым материалом для письма служила берёста. Не только материал способствовал слабой сохранности писем. Она зависела от эмоционального состояния авторов, разрыв часто приводил к уничтожению писем, особенно если иметь в виду материалы любовной переписки, боязнь ареста. Отношение государства и самой личности к сохранению писем, менялось со временем, и было различным в разных слоях общества. В XVIII – XIX вв. количество писем существенно увеличивается [2, с.49]. Возникают и формируются целые эпистолярные комплексы. Чаще всего это происходит в связи с деятельностью известных писателей, архитекторов, художников и других представителей творческих профессий. Однако и здесь есть свои особенности. Так, по отношению к

переписке писателей XIX в. можно сказать, что число сохранившихся писем настолько невелико, что на учете буквально каждый памятник. Частный характер письма не всегда сохранял его от прочтения современникам. В Российской империи проводилась перлюстрация писем [2, с.50]. Еще более существенный контроль существовал в Советском Союзе, где мало кто мог надеяться на сохранение тайны переписки. В последнее время все большее распространение получает электронная почта. И если она используется преимущественно для официальных сообщений, то в системе Интернет молодежь ищет новое средство общения. Непосредственный характер этого общения естественно отдаляет его от традиций частной переписки, когда написание письма предполагало некое осмысление, эмоциональный толчок к написанию. Необходимо еще раз подчеркнуть, что изучение эпистолярных комплексов должно проводиться в сочетании с другими видами источников, при внимательнейшем анализе психологических характеристик автора, особенностей его стиля и поведения.

Список использованной литературы:

1 Людтке, А. Что такое история повседневности? Её достижения и перспективы в Германии // Социальная история: Ежегодник.- М., 1999.- С.66-72.

2 Леви, Дж. К вопросу о микроистории// Современные методы преподавания новейшей истории. - М., 1996. - С. 167– 190.

МӘЖБҮРЛЕП ҰСТАУ ОРЫНДАРЫНДАҒЫ АЗАПТАУЛАРДЫҢ АЛДЫН АЛУ

ҚР ІІМ Шырақбек Қабылбаев атындағы Қостанай академисыМемлекеттік-құқықтық пәндеркафедрасының оқытушысы
полиция аға лейтенанты А.А. Қаражан

Мемлекеттік-құқықтық пәндеркафедрасының аға оқытушысы полиция майоры А.Б. Ақылбекова

Азаптау, зорлау мен қатыгездік таныту тек әлеуметтік-адамгершілік мәселесі ғана емес, криминалистикалық мәселе де болып табылады. Сонымен қатар әлі күнге шейін оның кешенді шешімін табудың әрекеттері жасалмаған, азаптау мен басқа да қатыгездікті танытудың алдын алу бойынша ұсыныстар аз. Азаптауға тыйым салу мәселесі адам өркениетінің даму сатысының өткен кезеңінде де, қазіргі кезеңнің ең қиын мәселелердің бірі болып табылады. Әмбебап және аумақтық халықаралық конвенциялардың бірқатарын қабылдауына қарамастан, бұл әзірше толық қалыптастырылмаған [1, с. 21].

Бүгінгі күні қазіргі заманғы әмбебап халықаралық құқықта азаптаудың алдын алу мен олар үшін жаза сұрақтары келесі негізгі құқықтық актілермен реттеледі: 1948 ж. Адам құқықтарының жалпыға бірдей Декларациясымен; 1966 ж. Азаматтық және саясаттық құқықтар туралы халықаралық Пактісімен; 1984 ж. Азаптауға қарсы Конвенция; 2002 ж. Азаптауға қарсы Конвенциясына қосымша Хаттамамен; 1949 ж. Соғыс құрбандарын қорғау туралы Женевалық Конвенциясымен және 1977 ж. оларға қосымша Хаттамаларымен.

Осылардың арасында негіздісі 1984 жылғы 10 желтоқсандағы азаптауға және басқа қатыгез, адамгершілікке жатпайтын немесе қадір-қасиетті қорлайтын қатынас түрлері немесе жазаларға қарсы Конвенциясы болып табылады. Конвенцияның 1-бабына сәйкес «азаптау» қандай да бір тұлғаға қасақана ауырлық немесе жекелік немесе адамгершілікке зардап келтіретін, олардан немесе үшінші тұлғалардан ақпарат немесе мойындауды алу үшін, оны оның немесе үшінші тұлғалардың немесе оны жасағаны үшін күмән тудыратын әрекеті үшін жазалайтын, сондай-ақ оны қорқыту немесе оны не үшінші тұлғаны мәжбүрлеу, немесе кез келген әшкерелеуге негізделген кез келген себеп бойынша, бұндай ауырлық не зардап мемлекеттік уәкілетте тұлғамен немесе ресми түрдегі басқа тұлғалармен, немесе олардың итермелеуімен, немесе олардың білуімен немесе үнсіз келісімімен келтірілетін кез келген әрекетті білдіреді. Бұл анықтамаға заңды санкция, осы санкциядан ажырамайтын немесе олардан кездейсоқ шығу нәтижесінде келтірілген ауырлықтар мен зардаптар қосылмайды. Басқа сөзбен айтқанда, «заңмен бегіленген алдын алу мен жазалау шараларын қолдану бойынша заңды әрекеттер, сондай-ақ зардап шегуге әкелген алдын алу мен жазалау шараларының өздері азаптау болып табылмайды» [2, с. 22].

Конвенцияның 4-бабына сәйкес қатысушы-мемлекет азаптаудың барлық актілері оның қылмыстық заңнамасына сәйкес қылмыс ретінде қаралуын қамтамасыз етеді және оның ауырлық сипатын есепке ала отырып осындай қылмыстар үшін тиісті жазаларды айқындайды. Қатысушы-мемлекеттік әрқайсысы жүйелі түрде ережелер, нұсқамалар, әдістер мен жауап алуға қатысты тәжірибелерді, сондай-ақ қамауда ұстау мен кез келген қамауға алу нысандарына тартылған, өз юрисдикциясында орналасқан кез келген аймақта ұстау немесе түрмеге қамалған тұлғалармен қатынасу талаптарын қандай да бір азаптауға жол бермес үшін қарастырып отырады (11 б.). Қатысушы-мемлекеттің әрқайсысы өзінің құқықтық жүйесінде азаптаудан зардап шегуші өтеп алуды және құқықтық санкциямен бекітілген әділ және шынайы өтемақыға құқық бекітелген, неғұрлым толыққанды қайта қалыптасуына мүмкіндік беретін қаражат қосылуын қамтамасыз етеді. Зардап шегушінің азаптау нәтижесіндегі өлімі жағдайында өтемақыға құқықтар оның асырауындағы адамдарға беріледі.

В.Д. Гончаренкомен азаптаудан және басқа қатыгез, адамгершілікке жатпайтын немесе қадір-қасиетті қорлайтын басқа қатынастардын немесе жазалаудан бостандығына адам құқығының кепілдік деңгейі мемлекеттердің адам құқықтары саласындағы халықаралық

стандарттарға сәйкес құқықтық қалыптасу жолы бойынша жүруге нақты ұмтылуын айқындайтыны туралы келіскеніміз жөн [3, с. 4].

Азаптауды жоққа шығару мәселесін тек заңнаманы жетілдіруден ғана көруге болмайды. Бірыңғай мемлекеттік жобалармен біріккен әлеуметтік бағдарламалар кешенін құрастыру мен жүзеге асыру, сондай-ақ сапалы ғылыми қолдаумен қажет. Бұндай жұмыстың мақсаттары болып (табыстың белгілері) келесілер табылу қажет:

- қоғамдық сананың гуманизациясының әлеуметтік-экономикалық алғышарттарын қалыптастыру;
- құқық қорғау және қылмыстық-атқару жүйесін гуманизациялау;
- жазаның бостандықты шектеумен байланысты емес түрін неғұрлым кеңірек пайдалану, оны орындау кезінде (сотталғанның бостандықта болғаны кезінде) азаптауды қолдану мүмкіндігі анағұрлым төмендейді;
- Қазақстан Республикасы Конституциясы мен халықаралық стандарттардың талаптарына сәйкес әділ сотты жүзеге асыру талаптарын келтіру қажеттілігі мен өткізіліп жатқан реформаларды есепке ала отырып қызметкерлерді даярлаудың тиімді жүйесін қалыптастыру.

Азаптаудан ескерту бойынша шаралар келесі кешенді сипатқа ие болу қажет: жалпы, арнайы және жеке деңгейлерде ескертушілік ықпал ету белгілерінен шығу керек, объекті ретінде тек азаптау мен басқа жәбірлеуді қолдануға бейімді жеке тұлғаларды ғана емес, сондай-ақ ықтималды зардап шегушіні де қарастыру керек (виктимологиялық аспектіде), осындай қолсұғушылықтарды анықтайтын факторларды, себептерді және талаптарды есепке алу керек. Азаптау мәселесі зерттеу көрсеткендей жекелеген мәлелерге (психологиясымен, жеке бас дамуының ерекшеліктерімен) қанша негізделсе, соншалықты жалпы әлеуметтік ептілік, қоғамдағы және мемлекеттегі экономикалық, саяси, мәдени жағдайларды қоса отырып, факторларға негізделеді. Қолданылатын шараларға мақсатты және кешенді сипаттарды қалыптастыру үшін кейбір шет елдерде жасалған сияқты қоғамдағы зорлықты ескерту бойынша Жалпы ұлттық бағдарлама құрастыру керек.

Дәрігерлердің адам құқықтарын бұзумен байланысты медициналық мәселелесін, мысалға зорлықпен көшіру мен азаптау, жиі кезіктіретін фактісін ескере отырып, олардың әлеуетін кеңінен қолдану қажет. Осындай мәселелерді шешуде дәрігерлерге кәсіби ассоциациясымен қабылданған резолюциялар, қаулылар мен декларациялар көмектеседі. Осыған орай этика мен азаптау бойынша дәрігерлер үшін ұсыныстар ретінде өзін нақты көрсететін европалық дәрігерлердің Тұрақты комитетінің Мадридтік декларациясын атап өткен жөн.

Жоғарыда айтылғандардың негізінде азаптауды қолдануды тыйым салу мен алдын алудың халықаралық-құқықтық стандарттарды тиімді жүзеге асыру мақсатында азаптаудың алдын алудың ұлттық-құқықтық және институциялық механизмін жетілдіру бойынша келесі шаралар ұсынылады:

1) БҰҰ Конвенциясының қатысушы-мемлекеттеріндегі азаптауға қарсы БҰҰ Конвенциясының нормаларын неғұрлым тиімді жетілдірілуі үшін олардың ұлттық құқықтық жүйесінде азаптауға қарсы Комитет шешімдерінің құқықтық беделдерін ретке келтірілуі тиіс. Бұл шешім беделдері Комитет шешімдерінің Конвенция нормаларын ресми түсіндірмесінің актілері болып табылатынын белгілеуі қажет. Бұл Конвенция қатысушы-мемлекеттеріне қатысты сияқты, түсіндірме саласында басқа да мемлекеттерге қатысты шығарылған Комитеттің барлық шешімдеріне қатысты болу керек.

2) Азаптауға қарсы күрес органдарының бақылау шешімдерінің беделдерін нақты ретке келтіру қажет. Европалық сотының Европалық Конвенция қатысушы-мемлекеттеріне қатысты, (толық көлемде) және басқа да мемлекеттерге қатысты шығарылған адам құқықтары бойынша шешімдері адам құқықтары бойнша Европалық Конвенция 3-бабының ресми түсіндірмесі ретінде танылуы қажет. Европалық Комитетінің азаптаудың алдын алу бойынша шешімдері сондай-ақ 1987 ж. Конвенция нормаларының ресми түсіндірмесінің беделін алу керек.

3) Конвенция қатысушы мемлекеттерінің ұлттық институттары арқылы жүзеге асыру тәсілімен азаптаудың алдын алу бойыша Европалық Комитеті мен адам құқықтары бойынша

Европалық Сотының, азаптауға қарсы Комитетінің бірқатар шешімдерін жүзеге асыруды өткізу тиімді, мысалы, арнайы заңды және басқа нормативтік актілерді қабылдау.

4) Азаптауға қарсы Комитетінің және азаптауды ескерту бойынша Европалық Комитетінің ұсыныстарын жүзеге асыруды толықтай өткізу. Осыған орай, шешімін табуға тиісті басты міндеттер болып келесілер табылады:

- қылмыстарды тергеуді өткізу талаптарын және қамауда ұстау талаптарын бақылау бойынша тиімді механизмді құрастыру;

- азаптауды қолдану жағдайларын тергеп-тексеру бойынша тәуелсіз Комитет қалыптастыру;

- азаптау көмегімен алынған дәлелдемелерді жоққа шығару туралы нормалардың мүлдем орындалуын қамтамасыз ету;

- жауап алу кезінде лауазымды тұдғалардың өзін ұстауын реттейтін арнайы нормативті-құқықтық актіні қабылдау.

5) халықаралық сарапшылардың және Европа Кеңесінің адам құқықтары бойынша Комитетінің қатысуымен тұрақты жұмыс жасайтын мониторингтік топты, комитет отырысында мониторинг нәтижелерін үнемі қаралуымен одан әрі Европа Кеңесінің парламент отырысында баяндама тыңдалуымен құру.

6) Алдын ала қамауда ұстау мен бостандықтан айыру орындарындағы азаптау фактілерін анықтау мен дәлелдемелік бекітудің қазіргі заманғы механизміне кедергі келтіретін себептердің бірі болып көпшілік мемлекеттердегі баламалы тәуелсіз сараптама туралы Заңының жоқтығы табылады. Осыған байланысты «Мемлекеттік сараптама туралы» Заңына тәуелсіз сараптама институтын енгізу аса маңызды.

7) Азаптауды ескертудегі халықаралық бірлестік нысандарын шығару мақсатында халықаралық сарапшылар тобын құру.

8) Құқық қорғау органдарында азаптаудың алдын алу үшін азаптауды қолдану мәселелерінің криминалогиялық талдауын жүзеге асыру және азаптауды ескерту бойынша шараларды құрастыру. Олар кешенді сипатқа ие болу керек, жалпы, арнайы және жеке деңгейлерде ескертушілік ықпалдарының белгілерін ескеруі қажет, объект ретінде тек азаптау мен басқа зорлықты қолдануға бейімді жеке тұлғаларды ғана емес, сондай-ақ әлеуетті зардап шегушіні де қарастыруы керек (виктимологиялық аспектіде), ал негізгісі, осы тәрізді қол сұғушылықтарды анықтайтын факторлар. Азаптау мәселесі тек жекелік себептерге (психологияға, жеке бас дамуының ерекшеліктеріне) ғана қаншалықты негізделмесе, соншалықты қоғам мен мемлекеттегі экономикалық, саяси, мәдени жағдайларды қоса алғанда, әлеуметтік шынайы жалпы факторларға да негізделеді.

9) Кейбір шет елдерде жасалғандай, қоғамдағы зорлықты ескерту бойынша бағдарлама жобасын құрастыру. Бұндай бағдарлама мақсаттары (табыстың белгілері) болып келесілер табылу қажет:

- қоғамдық сананың гуманизациясының әлеуметтік-экономикалық алғышарттарын қалыптастыру;

- құқық қорғау және қылмыстық-атқару жүйесін гуманизациялау;

- жазаның бостандықты шектеумен байланысты емес түрін неғұрлым кеңірек пайдалану, оны орындау кезінде (сотталғанның бостандықта болғаны кезінде) азаптауды қолдану мүмкіндігі анағұрлым төмендейді;

- Қазақстан Республикасы Конституциясы мен халықаралық стандарттардың талаптарына сәйкес әділ сотты жүзеге асыру талаптарын келтіру қажеттілігі мен өткізіліп жатқан реформаларды есепке ала отырып қызметкерлерді даярлаудың тиімді жүйесін қалыптастыру;

- азаптауға тыйымды сақтауды және оларды ескертуге бақытталған шараларды жүзеге асыруды қадағалаудың тиімді мемлекеттік және қоғамдық механизмдерін құру.

10) Қазақстан Республикасындағы азаптаумен күресу бойынша арнайы Комиссиясын құру мақсатқа сай болып ұсынылады. Осындай мемлекетті органның ерекше және төтенше сипаты қылмыстың осындай түрінің төтенше жағдайымен, азаптау қолдану тәжірибесінің

ұзақтығы мен ауқымдығымен, қылмыстың осы түрін жасағаны үшін жазасыз қалу дәстүрлерімен негізделген. Осы орган уәкілетіне, атап айтқанда, келесілер кіру керек:

- тиісті нормативті-құқықтық актілерді әзірлеу және тиісті сұрақтар бойынша заңнамалық бастамасының құқығы;
- алдын ала тексерістер мен бар ақпараттар бойнша тергеп-тексеру өткізу құқығы;
- азаптау жағдайлары бойынша тергеп-тексеру өткізілуін бақылау құқығы;

Орган беделі өзіне барлық мемлекеттік билік органдарының және лауазымды тұлғалардың Комиссия шешімін мүлтіксіз орындау міндетін қосу қажет.

11) азаптау туралы әрбір арызды міндетті бекітуді және сот медициналық сараптамасын өткізу туралы қаулысын шығаруды қарастыратын ведомстволық нормативті-құқықтық актілерді қабылдау тиісті.

Аталған рәсім тек шағым түсірген жағдайда ғана емес, тұлға азаптаудың құрбаны болуы мүмкін деп санауға негіз болатын әрбір жағдайларды міндетті түрде өткізілуі қажет.

12) 1984 жылғы 10 желтоқсандағы азаптауға және басқа қатыгез, адамгершілікке жатпайтын немесе қадір-қасиетті қорлаутын қатынас немесе жаза түрлеріне қарсы Конвенция ережелерін жүзеге асыру тиімділігін арттыру мақсатында Қазақстан Республикасында азаптау құрбандары үшін қалпына келтіру орталығын құру.

Қолданылған әдебиеттер тізімі

1) Моряков Д.А. Международно-правовое регулирование запрещения и предотвращения пыток и правовая система РФ: Автореф. дис... канд. юрид. наук. Казань, 2008, 30с.

2) Хашем Т.А. Защита человеческого достоинства в Российской Федерации (конституционно-правовой анализ): Автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2010, 27с.

3) Гончаренко В.Д. Право человека на свободу от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (теоретико-правовые аспекты): Автореф. дис... канд. юрид. наук. Волгоград, 1999, 28с.

4) http://www.ombudsman.gov.az/view.php?lang=en&menu=105&id=997

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ ВРЕМЕННОГО ОТСТРАНЕНИЯ ОТ ДОЛЖНОСТИ ПО УПК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И УПК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Карпова О.В., старший преподаватель кафедры уголовного процесса Омской академии МВД России, кандидат юридических наук

Применение меры принуждения в виде временного отстранения от должности ограничивает право подозреваемого или обвиняемого выполнять свои профессиональные обязанности.

В ст. 114 УПК РФ «Временное отстранение от должности» законодатель не детализирует какие ограничения возлагаются на подозреваемого (обвиняемого) при избрании данной меры принуждения и в чем она заключается – вправе ли указанное лицо продолжить заниматься своей профессиональной деятельностью, но на другой должности, возможно, в том же учреждении, в которой он работает либо в другой организации.

Согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной в ряде решений (Определении № 429-О от 17.10.2006 г., Определении №15-О-О от 29.01.2009 г. и других решениях) данная мера принуждения может быть применена вне зависимости от того, является ли подозреваемый (обвиняемый) должностным лицом или осуществляет иную деятельность. Судебно-следственная практика применения данной меры принуждения исходит из буквального толкования статьи 114 УПК РФ – временное отстранение от занимаемой должности.

В этом отношении в ч. 1 ст. 114 УПК Республики Таджикистан, регламентирующей применение рассматриваемой меры принуждения, законодателем определено, что временное отстранение от должности заключается в запрещении подозреваемому осуществлять полномочия или заниматься деятельностью, которые он ранее осуществлял. Представляется, что данная формулировка шире той, которая используется российским законодателем. В ст. 114 УПК РФ не конкретизировано вправе ли подозреваемый (обвиняемый), временно отстраненный от должности, осуществлять определенный вид деятельности.

Основания применения меры принуждения в виде временного отстранения от должности законодателем не установлены. В ч. 1 ст. 114 УПК РФ говорится, что данная мера может быть применена «при необходимости». Правоприменительная практика исходит из того, что основания для избрания меры пресечения, изложенные в статье 97 УПК РФ применяются для применения меры принуждения в виде временного отстранения от должности.

Согласно ч. 1 ст. 113 УПК Республики Таджикистан временное отстранение от должности может быть применено в целях обеспечения порядка расследования и судебного разбирательства по уголовным делам, надлежащего исполнения приговора. Данные основания определены для всех иных мер процессуального принуждения, закрепленных в главе 13 УПК Республики Таджикистан.

Системное толкование положений российского уголовно-процессуального законодательства позволяет отнести к основаниям временного отстранения от должности наличие достаточных доказательств полагать, что подозреваемый или обвиняемый, оставаясь на занимаемой им должности, продолжит преступную деятельность, будет угрожать участникам уголовного судопроизводства или другим способом воздействует на них с целью добиться с их стороны определенных действий или решений, сможет уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствует производству по уголовному делу.

Помимо оснований, законодателем не установлены ограничения, возлагаемые на подозреваемого или обвиняемого, временно отстраненного от должности. Исходя из цели применения указанной меры принуждения представляется целесообразным дополнить статью 114 УПК РФ отдельной частью, в которой определить данные ограничения.

Представляется целесообразным, во-первых, запретить подозреваемому (обвиняемому) входить без разрешения органа, осуществляющего уголовное судопроизводство, на территорию учреждения (предприятие, организацию), где он работает. Его нахождение на данной

территории возможно в целях получения копий документов, связанных с работой (копии приказа о приеме на работу, выписки из трудовой книжки, справки о заработной плате и других документов). В обязательном порядке на пребывание подозреваемого (обвиняемого) по месту его работы должно быть получено разрешение следователя (дознавателя) или суда, в производстве которого находится уголовное дело. Другим ограничением, которое должно возлагаться на подозреваемого (обвиняемого) при применении данной меры принуждения, является запрет общения с определенными лицами из числа подчиненных, отправление им корреспонденции, ведения с ними переговоров с использованием любых средств связи.

Отдельного внимания заслуживают сроки исполнения решения о временном отстранении от должности. Согласно ч. 3 ст. 114 УПК РФ постановление о применении рассматриваемой меры принуждения к подозреваемому (обвиняемому) направляется по месту его работы. Сроки исполнения данного решения законодателем не определены.

В этом отношении большой интерес представляет ч. 3 ст. 114 УПК Республики Таджикистан, в которой установлен трехсуточный срок, в течение которого руководитель администрации по месту работы подозреваемого (обвиняемого) должен исполнить постановление о временном отстранении от должности и поставить об этом в известность орган или лицо, вынесшие соответствующее постановление. Представляется, что данное положение может быть закреплено в статье 114 УПК РФ.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о возможности дальнейшего совершенствования норм российского уголовно-процессуального законодательства. Вынесению законного и обоснованного решения о временном отстранении от должности подозреваемого (обвиняемого) будет способствовать возложение конкретных запретов, на указанное лицо, установление сроков исполнения постановления, а также определение оснований для избрания данной меры принуждения.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Коваленко Н.Р., магистрант 2 курса научной и педагогической магистратуры Костанайской Академии МВД РК имени Шракбека Кабылбаева, старший лейтенант полиции

Половая неприкосновенность несовершеннолетних – это часть прав и свобод личности, установленных и гарантированных Конституцией Республики Казахстан [1]. Понятие половой неприкосновенности связывают с половой свободой, которая относится к жизнедеятельности лиц, достигших по общему правилу совершеннолетия или шестнадцати лет. Каждый человек, достигший этого возраста, реализует половую свободу по собственному усмотрению. Стоит согласиться с мнением К.И. Масленникова, который отмечал, что половая свобода любого человека во всех случаях защищается государством, и нарушение половой свободы есть нарушение половой неприкосновенности [2].

Зачастую данные посягательства в отношении несовершеннолетних имеют большой процент латентности. Причиной этому является то, что в органы предварительного расследования большинство заявлений поступают по истечении большого времени с момента совершения преступления. Дети, становясь жертвами сексуальных преступлений боятся сразу говорить об этом родителям, ими в основном движет непонимание сложившейся ситуации, страх или стыд. В то время многие родители, узнав о надругательстве над детьми, иногда раздумывают над тем, заявлять или не заявлять в правоохранительные органы в связи с нежелание еще раз «травмировать» ребенка путем участия в следственных мероприятиях, либо выгораживания обвиняемого, являющегося близким родственником жертвы.

При расследовании соответствующих посягательств необходимо осуществлять ряд необходимых мероприятий, которые связаны с планированием и определением следственной ситуации.

При планировании расследования сексуальных преступлений против несовершеннолетних большую роль играет правильная оценка следственной ситуации, согласно которой следователь (дознаватель) формирует примерную модель совершения преступления и сопоставляет ее с типичными моделями по аналогичным преступлениям. Такое положение позволяет выдвигать наиболее реалистичные версии события преступления.

При этом возникает определенный алгоритм действий:

1) оценивание сформированной следственной ситуации;

2) формирование примерной модели совершения преступления;

3) сопоставление данной модели конкретного преступления с типичными моделями по аналогичным преступлениям;

4) выдвижение реалистичной версии события преступления и планирование его расследования.

Производство по уголовному делу, связанное с посягательством на половую неприкосновенность несовершеннолетних необходимо осуществлять с учетом специфических особенностей расследуемого события преступления, к которым можно, например. отнести наличие большого промежутка времени между совершенным преступлением и сообщением о нем.

В частности, следует правильно квалифицировать деяние; выявить лиц, совершивших преступление; установить событие, которые предшествовали или сопутствовали преступлению в отношении несовершеннолетнего и последовали после него; установить происхождение фактов, связи между ними, их временные и пространственные характеристики, устранение противоречий между полученными фактами; определение направления всего хода расследования и т.д. [3].

При этом следует учитывать, что основным элементом расследования составляют сведения, полученные из показаний несовершеннолетнего, с учетом тех условий, при которых сотрудникам правоохранительных органов стало известно о факте совершенного преступления.

Для успешного проведения следственных действий с участием несовершеннолетнего следует выбрать более эффективные тактико-криминалистические средства и приемы, к которым можно отнести: правильный выбор времени и места проведения планируемого следственного действия; степень взаимодействия следователя (дознавателя) с законными представителями несовершеннолетнего; выбор присутствующихлиц в следственном действии (например, психолога) и их количество; форма взаимоотношений следователя (дознавателя) с несовершеннолетним.

При проведении планируемых следственных действий с участием несовершеннолетнего следует учитывать также результаты их психологических исследований. Данные результаты необходимы при проверке уже имеющихся доказательств с учетом того, что можно наблюдать имеющиеся у детей некоторые психические особенности, связанные с повышенной впечатлительностью, фантазированием, внушаемостью, наличием каких-либо фобий и т.д. Указанные психологические особенности зачастую позволяют критически относиться к оценке их показаний. При этом нельзя допускать «перегибов» в оценке показаний несовершеннолетних, что иногда происходит в практической деятельности. Так как правильный подход к организации и к проведению конкретного следственного действия с участием несовершеннолетних лиц, являющимися потерпевшими или свидетелями, может дать достоверные и полные показания. Определение такого подхода зачастую связан с профессиональной подготовкой следователя (дознавателя) и знанием им психологических характеристик различных возрастных групп.

Особенностью тактики доказывания посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетнего должны стать результаты не только проводимых следственных действий, но и оперативно-розыскной деятельности, добытые своевременно и законным путем.

Необходимо взаимодействие не тольковсех правоохранительных органов в расследовании преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, но и других органов и служб, работающими с детьми. Такое взаимодействие должно быть с медицинскими учреждениями, психологическими службами, образовательными организациями и средствами массовой информации.

Так, при планировании расследования половых преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних следует также учитывать данные полученные из медицинских учреждений о всех случаях обращения в соответствующие учреждения несовершеннолетних с признаками совершения в отношении них посягательств против половой неприкосновенности, а также о каждом факте смерти несовершеннолетнего. Получение таких сведений возможно посредством заключения соответствующих соглашений между областными Департаментами здравоохранения и внутренних дел. Своевременное информирование правоохранительных органов о фактах обращения несовершеннолетних в медицинские учреждения с признаками посягательств на их половую неприкосновенность способствует не только выявлению преступных деяний, совершаемых в отношении данной категории лиц, но и обеспечению необходимой защиты их прав и ограждения от дальнейших подобных посягательств.

Обязательно информация олицах, страдающими сексуальными расстройствами, которые самостоятельно обратились в лечебные и психиатрические учреждения, должна поступать в правоохранительные органы. При этом психологи и психиатры, наблюдавшие таких лиц, должны не просто проинформировать правоохранительные органы о таких лицах, а дать психолого-психиатрическую характеристику с указанием о возможном дальнейшем их поведении, поддается ли лицо психокоррекции, может ли оно являться потенциальным «кандидатом» на совершение сексуальных преступлений и т.п.

Необходимо отметить, что зачастую лицами, совершающими посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних являются работники воспитательных и образовательных учреждений. В данных ситуациях необходимо на законодательном уровне вне-

сти обязательное прохождение психологического тестирования при приеме на работу в качестве работников в такие учреждения, вне зависимости прямо они будут контактировать с детьми или косвенно. Повторное тестировании работников воспитательных и образовательных учреждений проводить при прохождении ими плановой аттестации. Информация о выявленных в ходе тестирования лица, склонных или имеющих сексуальные расстройства также должна поступать в правоохранительные органы.

Таким образом, при расследовании посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних следует:

- при планировании расследования сексуальных преступлений против несовершеннолетних следует правильно оценивать следственную ситуацию, согласно которой формируется примерная модель совершения преступления и сопоставить ее с типичными моделями по аналогичным преступлениям, что позволит выдвинуть реалистичные версии события преступления;

- проведение следственных действий с участием несовершеннолетнего должно основываться на правильном выборе тактико-криминалистических средств и приемов;

- привлекать к участию в следственных действий специалистов (врачей, педагогов, психологов);

- тактика доказывания посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетнего должны основываться также на результатах оперативно-розыскной деятельности;

-применять различные формы и направления взаимодействия между следственными отделами разных ведомств, медицинскими и образовательными учреждениями, психологическими службами и другими заинтересованными субъектами;

- внести изменения в законодательство РК о периодическом психологическом тестировании работников воспитательных и образовательных учреждений; результаты о выявленных в ходе тестирования лица, склонных или имеющих сексуальные расстройства должна поступать в правоохранительные органы;

- осуществлять взаимный обмен информацией, позволяющий своевременно раскрывать и предотвращать совершение посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних;

- осуществлять постоянное подготовку и переподготовку кадров к работе с несовершеннолетними, пострадавшими от посягательств на половую неприкосновенность.

Список использованной литературы:

1. Конституция Республики Казахстан, принята на всенародном референдуме 30 августа 1995 г. – Астана: ТОО «Издательство «Норма-К»», 2017. – 60 с.

2. Масленников К.И. Оперативно-розыскные и криминологические проблемы предупреждения насильственных действий сексуального характера: Дисс. … канд. юрид. наук. – СПб.,1999.– http://lawdiss.org.ua/books/752.doc.html.

3. Федотов И.С. Расследование насильственных преступлений, совершаемых в отношении малолетних: правовые, теоретические и организационные основы: Автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. – Воронеж, 2009. – 43 с.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ (ПУБЛИЧНЫЙ) ПОРЯДОК: ПРОБЛЕМЫ И НЕКОТОРЫЕ РЕШЕНИЯ

Комиссаров С.А., начальник Главного управления Национальной полиции Украины в Луганской области, генерал полиции третьего ранга, кандидат юридических наук, доцент

Розовский Б.Г., заведующий кафедрой правоведения юридического факультета Восточно-украинского национального университета имени В. Даля, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Украины

Бочковой А.В., ведущий сотрудник научно-исследовательской лаборатории по проблемам предупреждения, прекращения и расследования преступлений Луганского государственного университета внутренних дел имени Э.А. Дидоренка, майор полиции, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник

Уголовная политика никогда не была, и не может быть единой даже в государствах одного класса. При ее разработке и реализации неизбежно учитываются, как минимум, состояние экономики, политические факторы, материальное благосостояние населения, образовательный, культурный уровень и уровень правосознания граждан. В значительной мере все эти показатели находят отражение в состоянии существующего в стране общественного порядка.

Обеспечение общественного порядка – неотъемлемая функция государства. Для этого сформирована система органов управления, создана объемная законодательная база. Однако закон не может говорить и действовать без посредника – человека. Сам общественный порядок – это результат осознанной деятельности каждого гражданина, и от него в первую очередь зависит степень соблюдения установленных норм сосуществования. С сожалением приходится констатировать, что в активности наведения и поддержки общественного порядка Украина существенно отстает от цивилизованных стран Запада. И в этом немалая доля причин недостаточной эффективности усилий правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

Сейчас не модно говорить о том, что мы часть западной цивилизации, но мы стараемся по возможности внедрять и американский опыт, и европейский опыт, и не скрываем того, что наша цель – быть частью общего пространства с Западом. Стремясь стать полноправными членами ЕС, активно ретранслируем большую часть западного законодательства. Но при этом не учитываем очевидный факт: как потенциальные исполнители этого законодательства, мы существенно отличаемся от граждан Германии, Франции, США и многих других государств. Глава комитета Верховной Рады Украины по вопросам налоговой и таможенной политики Н. Южанина заявила: «У нас не сформирована экономическая политика. А она необходима для выхода из кризиса, в котором сейчас находится экономика Украины (дефицит бюджета, внешний долг). Но до настоящих экономических изменений мы еще даже не дошли... Они могут быть внедрены только при четком понимании, что изменился менталитет населения и взгляды государства по поводу выполнения своих обязательств. Нужны институты защиты интересов гражданина и государства. Все это – пока в «зачаточном» состоянии. Украинская элита оказалась не готова бороться с вызовами, стоящими перед нашей экономикой. У нас даже кадров для этого мало» [1].

Полнота картины представлена Б. Ложкиным, в книге «Четвертая республика. Почему Европе нужна Украина, а Украине — Европа», написанной при участии журналиста В. Федорина. В ней автор, в частности, описывает свои впечатления после вступления на долж-

ность главы Администрации Президента Украины: «Чувство остановившегося времени усиливалось во время общения с чиновниками. Очень скоро я убедился в том, что средний уровень большинства госслужащих в Украине очень низкий. Причина — отрицательный отбор: на госслужбу приходили люди, не сумевшие найти себя ни в частном секторе, ни в общественной жизни. Это не значит, что в Украине совсем нет карьерных чиновников высокого класса, но это исключение, а не правило.

Другое неприятное открытие — неготовность чиновников работать на результат, нежелание принимать решения. Человеку из бизнеса, мне было некомфортно иметь дело с людьми, которые постоянно чем-то заняты, но эта их занятость ни к чему не приводит. Это страшно раздражало.

Третье, что меня поразило: у многих людей, в том числе прошедших Майдан, отсутствовало понимание того, что страна изменилась, что «жить по-новому» — это не просто предвыборный слоган Петра Порошенко, а требование исторического момента. Летом 2014-го большинство высших чиновников и связанных с государством бизнесменов продолжали жить в старой парадигме. Да, воровства стало меньше, коррупционные потоки обмелели, но государственный бюджет, как и прежде, воспринимался как главная кормушка.

Добавьте к этому нескоординированность — и вы получите модель государства, у которого нет ни стратегии, ни квалифицированного топ-менеджмента. В таком государстве крайне трудно провести в жизнь любое управленческое решение. Почти недееспособный государственный аппарат — а в стране война, рост внутриполитической напряженности, углубление экономического спада» [2, С. 47-51].

Как констатирует Н. Южанина, «Уже и у МВФ появляется понимание, что стандарты, которые они применяли к другим странам, к Украине неприменимы. Но они пока не решаются задействовать этот опыт. В том-то и проблема» [1].

Первопричина в истории. Наши соотечественники долгое время пребывали в условиях ограничивающего свободу тоталитаризма, тогда как на Западе столетиями формировали политически, экономически и социально активных членов общества. Как отмечают исследователи, граждане США, например, являются частью американской политики. Они «подкованы» и понимают, что происходит. Они могут не так активно ходить на протесты, но, когда им ставишь конкретные вопросы о политике, становится очевидно, что они понимают, что происходит.

Насколько американское общество заполитизировано можно видеть по популярности у них Light Show – юмористической программы политического характера. Это красивый американский юмор, но политического разряда. Американская молодежь, в частности, в своих взглядах очень руководствуется тем, что подается в этих Light Show.

Информация поступает к американцам из разных источников ежедневно. И это не только популярные Light Show, у них большое количество пользующихся спросом ежедневных изданий. CNN может спокойно говорить о том, что нужен импичмент американского президента. И очень четко видно, где протрамповские и против трамповские СМИ, ведь они очень резкие в своих позициях. У нас в Украине принято, что журналисты не завершают свой материал каким-то выводом. Это должен сделать зритель или читатель. А в Америке журналисты сами делают выводы.

В отличие от Украины, в США ты заходишь в кофейню и перед тобой будет стопка газет. И их все обязательно покупают. Американец, беря кофе, берет в руки газету. Там, безусловно, есть и бесплатные газеты, однако есть традиция на хорошие газеты, которые они покупают. Электронные издания в США также предоплачиваются. Это говорит о спросе: они готовы на это тратить деньги.

Американцы, несмотря на все, пытаются быть хорошими. Очень многое, там решает твоя улыбка. И американцы не боятся быть смешными. Они любят шутить, очень.

Украинцы часто не верят в "хэппи энд". Наверное, потому что мы так много пережили [3].

Существенное отличие условий пребывания «нашего» гражданина от «западного» в том, что там в большинстве действует почасовая оплата труда, тогда как у нас – помесячная. Если работодатель заинтересован в эффективной работе, то проконтролировать то, что сде-

лано и оценить результат за час работы намного легче. Даже в Украине у частных фирм не встретишь частых перекуров или чаепитий, ибо за это насчитываются штрафы. С государственными структурами ситуация другая. Только у нас можно встретить высказывания: «Работа не волк, в лес не убежит»; «Солдат спит – служба идет»; «До обеда на работе борьба с голодом, а после обеда со сном» и т.д. Все перечисленное, на протяжении многих лет сформировало своеобразное мышление, которое не способствует стремлению работать на результат.

Историки давно предупреждают: когда мы пытаемся оценить со стороны, что хорошо и что плохо в других странах, надо делать это очень осторожно. История, география, культура, климат и множество других факторов делают невозможным единый рецепт, как построить хорошую жизнь в разных странах. Как говорят, нет единого рецепта счастья даже для двух семей. В каждой семье свое счастье. Применительно к теме правильнее, наверно, надо говорить о несчастье. У нас несчастье – исторически сложившееся неверие населения в суд, в правоохранительные органы. Причины тому весомые, одна из них – коррупция – сохраняет силу и сейчас. Философия и теория права при всех попытках модификации сохраняют преимущественно ориентацию на каноническое толкование, где негативу реальной жизни не уделяется должное внимание. Отсюда соответствующая эффективность права, действенность правосознания.

Примеров множество. Ограничимся несколькими. Во многих магазинах – от Скандинавии до Японии – выдают зонтики на время дождя. Можно оставить его затем в другом магазине этой же фирмы. Кроме наших туристов, никто и не пробует присвоить себе зонтик навечно.

В ФРГ, в Нижней Саксонии была изнасилована 27-летняя девушка. Полиция призвала всех мужчин в округе пройти тест на ДНК, в итоге его сделали почти 2400 местных жителей. Согласно полученным результатам несколько человек из сдавших тест являлись родственниками преступника. Впоследствии правоохранительные органы нашли насильника. Им оказался 16-летний подросток, отец и дядя которого сделали тест. Суд в итоге признал парня виновным [4].

В Луганске (до известных событий на Донбассе) в сквере в центре города днем обнаружили труп человека. Он полусидел на скамейке, смертельное ранение было нанесено в спину. Милиция обратилась к многочисленным гражданам, находившимся в это время в сквере, с просьбой оказать содействие в расследовании – пришли два человека, которые видели труп, когда его осматривали прибывшие сотрудники милиции. **(**У нас проблема привлечь доноров для пострадавших при аварии).

Не менее показательный факт. Во времена дефолта прилавки были пустыми. В московскую школу из Германии пригнали большую фуру с посылками. В коробках лежали продукты и письма на ломаном, но понятном русском языке, вместе с трогательными детскими рисуночками. В каждом письме сообщалось, что гуманитарную помощь немецкие дети собирали всей школой, что они хотят нам помочь. Автором писем была Фрау Зигрунд – учительница начальных классов из маленького городка под Гамбургом. Она же и организовала целую фуру посылок с продуктами. Ответное письмо с благодарностью направила только одна москвичка [5].

Нельзя не учитывать это, и многое другое, при объяснении различии статистики преступности в разных государствах. В США на 100 тысяч населения совершается 200 ограблений, в Великобритании и Франции – 110, в ФРГ – 70. (В Украине грабежей и разбоев – 69.) В расчете на одного сотрудника полиции раскрывается за год в США 18 преступлений, в ФРГ – 24. (В России и Украине – существенно меньше.) Для сравнения, в Японии на 100 тысяч населения совершается всего 2 ограбления, раскрываемость преступлений в 2-3 раза выше, чем в перечисленных государствах. Например, процент раскрытия убийств – 96-97 – самый высокий в мире. Исследователи отмечают, что эффективность японской полиции объясняется высокой бдительностью населения и активным сотрудничеством с ней. (Уместно привести комментарий известного бизнесмена Семлера Риккардо: «Если вы хотите перенять что-то из японских традиций, не забудьте загрузить в «Боинг-747» японцев в количестве, достаточном для заполнения вашей фабрики»).

Попытаемся наметить один из неизбежных в нашем понимании подходов к решению проблемы. Социологи констатируют различие менталитета бывших советских граждан и зарубежных. В Западной Европе, США или Канаде, в любом обществе, которое прошло конверсию экономический и политической конкуренцией, сложился тип человека, который в жизни привык рассчитывать, главным образом, на собственные силы, привык бороться за свое благополучие, А у нас – все наоборот. Считающих, что за благосостояние граждан должны отвечать не столько они сами, сколько государство, у нас в три раза больше, чем в Штатах (60 процентов против 20). Впрочем, не только у нас, а во всех обществах, которые только начинают двигаться к конкурентной экономике. Здесь преобладающий тип поведения, которое американский психолог Дж. Аткинсон назвал "поведением неудачника", человека на себя не надеющегося, в себе не уверенного.

С учетом настоящего и вполне очевидных ближайших перспектив можно утверждать, что движетелем развития строящегося общества являются деньги. Они активно вытесняют даже некогда святые моральные ценности. В качестве примера можно привести сложившуюся практику усыновления детей-сирот в целях получения соответствующего вознаграждения. Реально усыновление во многом подменено созданием частных детских домов. Поэтому, не вдаваясь в теорию и не пытаясь охватить все аспекты, подойдем к проблеме совершенствования законодательства и практики его применения сугубо прагматично: хочешь иметь результат – плати!

В США и большинстве стран Запада денежное вознаграждение лиц, способствующих раскрытию преступления и задержанию опасного преступника – обыденная норма. Недавно СМИ сообщили о выплате 100000 долларов американскому бомжу, проинформировавшему полицию о местонахождении сбежавшего из тюрьмы. Еще два человека за это же получили по 50000 долларов [7]. У нас из-за ограниченности бюджета пока практикуется вознаграждение отличившихся частными лицами.

В Украине становится предметом научного обсуждения задача позитивного стимулирования в предупреждении и раскрытии правонарушений и преступлений [6, С. 249-255]. Внесено предложение законодательно гарантировать материальное поощрение заявителя, процессуальный статус которого регламентирован ст.60 УПК Украины, что соответствует международной практике. В США, например, заявитель о совершенном преступлении получает вознаграждение в размере до 25% от возмещенного ущерба.

Обоснованно предложение распространить практику материального стимулирования за информацию о совершенном не только преступлении, но и правонарушении. В частности, заслуживает поддержки первая попытка в этом направлении – ввести выплату заявителю до 20% от сумы штрафа за сообщение о нарушении ПДД. Средства массовой информации уже назвали такую практику «стукачеством» [8], что ярко демонстрирует отношение общества к подобным проявлениям [6, С. 252-254].

Представляется перспективным заимствование зарубежного опыта широкого информирования граждан о наличии потенциальных криминальных угроз. В США, данные обо всех преступниках, когда-либо совершивших сексуальные преступления, являются общедоступными. Любой житель США имеет право узнать, живут ли педофилы, растлители и насильники поблизости его дома или работы. На специальных сайтах публикуются имена, фотографии и адреса лиц, ранее осужденных за изнасилование, совращение малолетних и другие преступления.

В Великобритании с 2006 года действует приказ Министра внутренних дел Джона Рейда, согласно которому педофилы, проживающие рядом со школами, должны сменить место жительства. В Украине ничего подобного не существует. О том, что рядом с вами проживает педофил, можно узнать только после того, как с вашим ребенком случиться беда.

Важнейшая задача – привлечение граждан к оценке эффективности действующего законодательства и контролю за его исполнением. Для этого требуется усовершенствовать систему показателей принимаемых законов. Во многих передовых странах получила распространение практика планирования, ориентированного на конечный результат. Она появилась в середине XX столетия в США в сфере бюджетирования. По этой методике степень выпол-

нения бюджета измеряется не степенью выполнения отдельных статей расходов, а достижением показателей социальной и экономической эффективности целей, заданий и функций государства с учетом приоритетов политики и общественной значимости ожидаемых результатов использования средств. Сегодня данная система распространена во многих странах. Она вышла за пределы бюджетирования, применяется практически во всех сферах государственной деятельности. К сожалению, не у нас.

Не отменяется контроль государства, напротив, требуется его совершенствование с использованием зарубежного опыта, где широко применяется анализ регулирующего воздействия нормативных актов (АРВ). Так, в США наибольшими полномочиями в этом обладает Административно-бюджетное управление США: ни одно ведомство в стране не имеет права опубликовать проект планируемой нормы регулирования до тех пор, пока Административно-бюджетное управление не даст свое заключение о том, что возможные выгоды от введения этой нормы оправдывают сопряженные с ней издержки. Таким образом, в ходе процесса нормотворчества данный контрольный орган имеет право вето [9].

Классическим способом оценки действия правовых норм в Швеции является формирование правительственной комиссии в целях изучения потребности дальнейшего реформирования принятого законодательства. Для выполнения конкретных задач создаются специальные независимые комиссии, зачастую возглавляемые судьями высших судов и привлекающие к участию в своей деятельности специалистов всех политических партий, представленных в Парламенте страны. Кроме того, Правительство Швеции вправе поручить работу по оценке эффективности действия законов юридическим факультетам или даже конкретным профессорам права [10, С. 61-73].

В Дании правительство ежегодно отбирает примерно 15 законов, которые через три года после введения их в действие должны пройти соответствующую проверку. В Германии разработана концепция ретроспективного АРВ, который должен проводиться тогда, когда будет накоплен определенный опыт работы с новой нормой регулирования [9].

Департаменты Еврокомиссии обязаны представлять планы мониторинга и оценки предложений о регулировании, при этом в сами эти предложения должно быть в соответствующих случаях включено положение о проверке, в особенности, если речь идет о регулировании в таких областях, где возможен быстрый технологический прогресс [11, С. 85-102].

Заслуживает заимствования опыт создания в РФ Комитета гражданских инициатив - либерального негосударственного политического и общественного органа, в составе некоммерческой организации «Фонд Кудрина по поддержке гражданских инициатив», позиционирующего себя как внепартийное объединение профессионалов в ключевых сферах жизни (в экономике, науке, образовании, здравоохранении, культуре). Создан 5 апреля 2012 года А. Кудриным и рядом других политиков и общественных деятелей «с целью определения и реализации наилучшего варианта развития страны».

В заявлении о создании Комитета изложены основные намерения организации:

- создание инфраструктуры поддержки гражданских инициатив;
- открытое оппонирование действиям власти, невзирая на лица и должности;
- предложения для публичного обсуждения и гражданской экспертизы альтернативных вариантов решения политических, экономических и социальных проблем.

В число первоочередных проектов Комитета относятся:

- «Справедливый суд» — реальная независимость судебной системы, включая выборность председателей судов;
- «Школа местного самоуправления» — поиск, анализ и распространение лучшего опыта;
- «Открытый бюджет» — публичность формирования и исполнения бюджета на всех уровнях, включая муниципальный;
- «Прозрачная полиция» — публикация детальной криминальной статистики, общественный аудит, выборность начальников отделений;
- «Гражданская взаимопомощь» — укрепление горизонтальных связей в обществе;
- «Здравоохранение для всех» — переход от «дикого» рынка платных медицинских услуг к системе обеспечения качественной помощи всем категориям граждан;

- «Равный старт» — общедоступность качественного образования, которое должно обеспечивать успешный выход на рынок труда.

Одна из форм реализации проекта – формирование в стране инициативного бюджетирования как механизма участия граждан в решении социальных проблем своих территорий путем вовлечения их в бюджетный процесс. Проводятся Всероссийские конкурсы реализованных проектов по инициативному бюджетированию. Цель конкурса – поиск и распространение лучших практик реализации российских проектов инициативного бюджетирования. Популярность инициативного бюджетирования в России растет год от года. В 2016 году в стране было реализовано уже 8 732 проекта инициативного бюджетирования – это в три раза больше, чем в 2015 году. Стоимость реализованных проектов составила без малого 7 млрд рублей. Для сравнения – в 2015 году бюджет проектов инициативного бюджетирования составил всего 2,4 млрд рублей. Общий объем софинансирования средств государственных бюджетов из всех видов источников (муниципалитетов, граждан, бизнеса) превысил 1,8 млрд рублей. Сегодня 50 российских регионов вовлечены в развитие инициативного бюджетирования на своих территориях.

Инициативное бюджетирование приносит одновременно и экономические, и социальные бонусы. С одной стороны, бюджетные средства расходуются экономнее, так как выделяются именно на то, что нужно людям. Проектная смета в рамках инициативного бюджетирования получается максимально конкурентоспособной: стоимость проектов снижается, а качество выполняемых работ растет. Ведь, когда граждане вносят свой рубль в проект, они очень внимательно относятся к контролю за ходом его реализации. При этом средняя сумма индивидуального вклада невелика, редко она превышает 300 рублей. В социальном же плане проявление инициативы увеличивает вовлеченность граждан в бюджетный процесс и повышает уровень доверия к власти.

Допустимо обсудить дополнительные меры обеспечения эффективности принимаемых законодательных актов. Так, при бюджетном планировании наиболее ответственные ожидаемые результаты и сроки их достижения целесообразно публиковать, чтобы граждане и заинтересованные организации могли контролировать весь процесс. Размещать тексты наиболее важных законов и других нормативных актов следовало бы не только в газетах «Ведомости Верховной Рады Украины» и «Правительственный курьер», которые читают даже не все специалисты, но и в популярных СМИ. Не грех использовать для этого даже социальные сети, инициируя обсуждение.

В целях повышения активности общественности в поиске наиболее эффективных правовых средств целесообразно разработать и широко пропагандировать систему морального и материального стимулирования оценки гражданами планируемых и принимаемых решений во всех сферах государственной деятельности. Стимулировать необходимо также организации, научные и другие коллективы, которые добровольно возьмут на себя такую работу. Не исключено использование для этих целей системы грантов. Подобные методы успешно себя зарекомендовали за рубежом. Например, по некоторым оценкам, в США благодаря таким премиям государство сэкономило более 30 миллиардов долларов в течение 20 лет на госзакупках и госконтрактах.

Нельзя считать оправданным, когда в настоящее время в законодательстве не определен правовой статус всех борцов за упрочение общественного порядка. Это тема самостоятельного исследования. Сейчас вопросы участия населения в охране общественного порядка регулируется законом Украины №1835-III от 22.06.2000 «Об участии граждан в охране общественного порядка и государственной границы». Однако в нем предусмотрен порядок участия только тех граждан, которые являются членами существующих общественных формирований. В реальной жизни немалую помощь государству в борьбе с преступностью и другими посягательствами на общественный порядок оказывают рядовые граждане. Определенная категория их в ст. 60 УПК Украины именуется «Заявитель». Но немало граждан оказывают содействие в предупреждении и пресечении преступлений, злоупотреблении алкоголем, наркотическими веществами, в совершенствовании правовой пропаганды и других видов правовой воспитательной работы, не являясь членами каких-либо официальных объединений. Было бы оправдано узаконить их правовой статус понятием «Активист».

Законом гарантируется защита жизни, здоровья, чести, достоинства, имущества члена общественного формирования и членов его семьи от преступных посягательств и других противоправных действий. Предусмотрены меры и порядок поощрения членов общественных формирований. Одновременно регламентируется: «В указанном порядке могут поощряться другие граждане Украины, оказывающие активную помощь органам внутренних дел и подразделениям Государственной пограничной службы Украины в выполнении возложенных на них задач». Однако, с учетом и ограниченности финансовых ресурсов, не снимая эту проблему, целесообразно расширить систему морального поощрения борцов за общественный порядок. В США гражданин, оказавший содействие в раскрытии тяжкого преступления, был назван Человеком года, что активно обсуждалось в СМИ. В Украине вполне оправдано было бы учредить правительственную награду «За заслуги в охране общественного порядка», предусмотреть награждение отличившихся почетными знаками и грамотами. Не исключено оказание содействия в трудоустройстве, получении жилья.

Завершая, вынуждены констатировать, ни одна из предложенных мер не будет реализована без активного содействия самого общества. Только активная позиция каждого гражданина заставит эффективно применять действующее законодательство и способствовать его совершенствованию.

Список использованной литературы:

1. Ирина ВАНДА. Нардеп Нина Южанина: Экономикой заниматься некому. Еженедельник "Аргументы и Факты" № 14 04/04/2018 [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.aif.ua/politic/ukraine/nardep_nina_yuzhanina_ekonomikoy_zanimatsya_nekomu

2. Ложкин Б., Федорин В. Четвертая республика. Почему Европе нужна Украина, а Украине — Европа. К.: Изд. «Фолио». 2016. – 252 с.

3. Ярослава Кривцун. Спецкореспондент «Прямого» у США Катерина Лісунова: ми сучасні і дуже інноваційні, навіть більше, ніж інколи американці. але ми в це не віримо [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://prm.ua/new-spetskorespondent-pryamogo-u-ssha-katerina-lisunova-mi-suchasni-i-duzhe-innovatsiyni-navit-bilshe-nizh-inkoli-amerikantsi-ale-mi-v-tse-ne-virimo/

4. Тесты на преступление / Закон и бизнес. №1 (1092). 2013. С. 15.

5. На рубеже веков: как подруги по переписке впервые встретились через 30 лет [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.m24.ru/articles/132036?utm_source=CopyBuf

6. Бочковий О.В. Позитивне стимулювання як недооцінена форма правоохоронної діяльності[Текст] / О.В. Бочковий // Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ імені Е.О. Дідоренка. – 2016. – № 2. – С. 249-255.

7. Бомж в США получит $100 тысяч за поимку опасных преступников [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://korrespondent.net/world/3646938-bomzh-v-ssha-poluchyt-100-tysiach-za-poymku-opasnykh-prestupnykov.

8. Українським водіям пропонують платити за стукацтво на дорозі [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://kordon.com.ua/news-ukraine/16179-ukrayinskim-vodyam-proponuyut-platiti-za-stukactvo-na-doroz.html.

9. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики: монография / Д.Б. Горохов, В.И. Радченко, Н.Н. Черногор и др.; под ред. Н.Н. Черногора. М.: Изд-во Международного юридического института, 2010. 232 с.

10. Горан Регнер. Оценка эффективности и действенности правовой нормы (Точка зрения практикующего законодателя Швеции) // Очерки методологии законотворчества: Материалы Первого конгресса Европейской ассоциации содействия законодательству, Льеж (Бельгия), 9 - 11 сентября 1993 г. Баден-Баден, 1996. С. 61 - 73.

11. Правовой мониторинг. Научно-практическое пособие. М.: ИД «Юриспруденция», 2009. 416 с.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Корж В.П., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Харьковского национального университета внутренних дел, доктор юридических наук, профессор

Рыночные основы хозяйствования были провозглашены более двадцати лет. Они существенно повлияли на все составляющие экономических отношений и в частности, на отношения финансово-экономические, которые в этих условиях стали основными регуляторами производственной, посреднической и других видов предпринимательской деятельности. Следует согласиться с Г.Л. Вознюком в том, что рыночные отношения – это прежде всего отношения финансово-экономические [1, с.4].

Изучение материалов следственной и судебной практики, результаты наших исследований позволяют констатировать, что экономические преступления в условиях рыночных отношений хозяйствования совершаются на предприятиях приоритетных направлений экономики, как правило, организованными группами, преступными организациями при наличии коррупционных связей с должностными лицами государственных органов власти и управления. Организованная преступная деятельность в сфере экономики в условиях рыночных основ хозяйствования устойчива, мобильна, стабильна. Общественные отношения в экономике сложились, развились новые отрасли и институты, во многом новой стала технология экономических взаимоотношений и документооборота, учета и регистрации финансово-экономической деятельности. Значительная часть признаков экономических преступлений изменилась [2, с.20]. Организаторы преступного бизнеса неприкосновенны, так как владеют огромным криминальным капиталом, многие и депутатским мандатом, лоббируют принятие законов о декриминализации преступлений в сфере экономической деятельности, упразднении спецподразделений по борьбе с организованной преступной деятельностью, органов дознания, других законов в своих корыстных интересах.

Как свидетельствуют результаты наших исследований каждое второе преступление в сфере экономики – против собственности и в сфере служебной деятельности, а каждое четвертое преступление – в сфере хозяйственной деятельности. Наиболее криминализированы такие приоритетные направления экономики, как финансово-кредитная, бюджетная и внешнеэкономической деятельности, топливно-энергетический и аграрно-промышленный комплексы, металлургическая промышленность, строительство, транспорт, сфера приватизации.

Следует отметить, что в юридической литературе многие годы являются дискуссионными проблемы определения понятийного аппарата класса экономических преступлений, разработки криминалистической классификации преступлений данного класса. Так, П.С. Яни к преступлениям в сфере экономики относит все посягательства на собственность, налоговые, валютные, предпринимательские, таможенные преступления [3, с.33]; Е.Л. Стрельцов экономические преступления определяет как предусмотренные уголовным законом деяния, направленные на нарушение отношений собственности (имущественные отношения) и существующего порядка осуществления хозяйственной деятельности [4, с. 113]. Несколько другая точка зрения у В.П. Верина, который к преступлениям в сфере экономики относит все преступления против собственности, в том числе и корыстно-насильственного характера, а также преступления в сфере экономической деятельности и преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях [5]. Данная точка зрения не бесспорна. На наш взгляд к преступлениям в сфере экономики не должны относиться преступления корыстно-насильственного характера, а именно: вымогательство, грабеж или разбой.

Следует согласиться с И.В Александровым в том, что научный анализ различных подходов к определению понятийного аппарата экономических преступлений, изучение следственной и судебной практики, правовой статистики позволяет рассматривать в криминалистическом аспекте класс экономических преступлений [2, с.20].

Результаты научных исследований позволяют сделать вывод о том, что к классу экономических преступлений следует относить корыстно-имущественные преступления, совершаемые организованными группами, в сферах отношений собственности, финансово-экономической хозяйственной и служебной деятельности.

По нашему мнению, для раскрытия сущности и определения понятия экономических преступлений, совершаемых организованной группой, следует учитывать особенности этого класса преступлений. Специфика преступной деятельности организованных групп, в том, что, совершая преступные посягательства в государственном и негосударственном секторе экономики, они для достижения закономерной преступной цели – получения и легализации преступных доходов – совершают, как правило, два и более преступных деяния. Например, организованная группа с целью совершения финансового мошенничества создает ряд фиктивных фирм, через которые впоследствии «проходит» легализация преступных доходов. В указанной ситуации расследованию подлежит: финансовое мошенничество, фиктивное предпринимательство и легализация преступных доходов организованными группами, т. е. все три самостоятельных состава преступлений. Они взаимосвязаны и подчинены закономерной цели организованной группы – получению и легализации криминальных доходов.

Как свидетельствуют данные правовой статистики Генеральной прокуратуры Украины каждая восьмая организованная группа, выявленная в 2017 году в сфере экономики, имела коррупционные связи с должностными лицами государственных органов власти и управления. Организованными группами корыстно-хозяйственной направленности, обладающие коррупционными связями, были совершены преступления на приоритетных направлениях экономики. Так, каждое второе преступление совершается непосредственно в банках организованной группой в составе работников банковских учреждений. Указанными субъектами были совершены: присвоение, растрата денежных средств или завладение ими путем злоупотребления служебным положением, финансовое мошенничество, незаконные действия с документами на перевод, платежными карточками и иными средствами доступа к банковским счетам; легализация доходов, полученных преступным путем и другие преступления при осуществлении кредитных и банковских операций.

Приоритетным направлением в экономике являются *бюджетная сфера.* Предметом преступного посягательства являются государственные денежные средства, финансовые ресурсы административно-территориальных единиц, предприятий, учреждений, организаций, которые финансируются за бюджетные средства полностью или частично. В составе организованной группы, где предметом посягательства являются бюджетные средства, совершаются следующие преступления:

– присвоение бюджетных средств, их растрата или завладение путем злоупотребления служебным положением должностными, материально-ответственными лицами бюджетных предприятий, учреждений, организаций;

– злоупотребление властью или служебными полномочиями, превышение власти или служебных полномочий при использовании, распоряжении бюджетными средствами;

– присвоение бюджетных средств, финансовое мошенничество, взяточничество и другие преступления, связанные со сферой социальных расходов, нарушениями законодательства о бюджетной системе и другие.

Изменение собственников в металлургической, химической, машиностроительной и других сферах промышленности привело к увеличению теневого сектора в хозяйствовании. По данным экспертов, новые собственники 70–80% своих доходов скрывают от налогового контроля. Следует отметить, что смене форм собственности в указанных приоритетных направлениях экономики предшествовали криминальное банкротство, коррупционные схемы приватизации, коррупционные откаты представителям политической и управленческой элиты.

Системный подход к исследованию класса экономических преступлений позволяет определить их криминалистические признаки. Таковыми являются:

– *специальный субъект* – должностные лица, коррумпированные чиновники, материально-ответственные лица, финансово-бухгалтерские работники, предприниматели легаль-

ного, теневого производства, сферы услуг и другие работники предприятий, организаций и учреждений; *субъектный состав* - организованная группа, преступная группа;

– *специальный предмет преступного посягательства* – движимое имущество: деньги, ценные бумаги, валютные ценности; имущественные права и обязательства, недвижимое – земельные и другие естественные угодья, любое имущество, размещенное на земле, связанное с ней (здания, сооружения и т. д.); имущество, имущественные права и обязательства государственных, коммунальных предприятий, учреждений, организаций, отнесенных к приоритетным направлениям сферы экономики. Таковыми являются: отрасли промышленности (машиностроения, металлургии, химическая и др.), аграрно-промышленная, топливно-энергетическая сферы, внешнеэкономическая деятельность, финансово-кредитная, бюджетная системы, транспорт, строительство, сфера приватизации;

.– *криминальная коррупционная технология* экономического преступления – включает совокупность действий, операций, приемов, коррупционных схем, методов воздействия, направленных на выбор сферы и предмета преступного посягательства, способа преступления, который включает несколько способов самостоятельных составов преступлений; планирование, подготовку и осуществление преступных акций; сокрытие следов преступной деятельности; разработку способов легализации преступных доходов; коррупционных схем, связей, мер обеспечения безопасности членам организованной группы при использовании легального и теневого бизнеса в преступной деятельности;

– *закономерная цель преступной деятельности* – получение криминальных доходов и их легализация. Организаторы преступного бизнеса используют более 60 способов легализации криминальных доходов;

– *негативные последствия преступного посягательства* – реальные убытки, существенный вред и другие тяжкие последствия (доведение предприятия до банкротства, незаконная его приватизация) для предприятий, учреждений, организаций, отнесенных к приоритетным направлениям экономики.

Изложенный криминалистический анализ класса экономических преступлений, совершаемых на приоритетных направлениях экономики, свидетельствует о том, что в условиях рыночных основ хозяйствования распространенными преступлениями являются преступления корыстно-хозяйственной направленности в сфере собственности, финансово-экономической, хозяйственной и служебной деятельности. Научный анализ экономических преступлений позволяет предложить новый подход к определению класса *экономических преступлений*, совершаемых в условиях рыночных отношений.

Полагаем, что **экономические преступления –** *это преступления корыстно – хозяйственной направленности, которые* совершают должностные, служебные, иные лица в составе преступной или организованной группы *в сфере отношений собственности, финансово-экономической, хозяйственной, служебной* деятельности *в процессе производства, распределения, обмена, потребления материальных благ и услуг на предприятиях, в учреждениях, организациях приоритетных направлений экономики с использованием в криминальных коррупционных технологиях легального и теневого бизнеса, преступных связей с коррумпированными должностными лицами органов власти и управления, финансового, фискального, таможенного контроля.*

Раскрытие сущности экономических преступлений и определение их понятийного аппарата позволяет разработать новую модель криминалистической классификации данного класса преступлений.

Новый подход к определению криминалистических признаков класса экономических преступлений, условиях рыночных отношений, условиях рыночных отношений, раскрытию их сущности, понятийного аппарата экономических преступлений, совершаемых в имеет определенное научное и практическое значение. В связи с этим актуальным для науки и практики криминалистики является разработка новых методик расследования экономических преступлений в сфере отношений собственности, финансово – экономической , хозяйственной, служебной деятельности.

Список использованной литературы:

1. Вознюк Г.Л., Загородний А. Г. Фінансово-економічний словник / А. Г. Загородній, Г. Л. Вознюк. – К. : Знання, 2007. – 1072 с.

2. Александров И.В. К вопросу о проблемах расследования современных экономических преступлений / И.В. Александров // Эксперт-криминалист. – 2013. – N 3. – с. 20

3. Яни П.С. Экономические и служебные преступления / П.С. Яни. – М.: ЗАО 'Бизнес-школа "Интел-Синтез", 1997. - 208 с.

4. Стрельцов Е.Л. Экономическая преступность в Украине: Курс лекций /Е. Л. Стрельцов – Одесса: АО БАХВА, 1997. – 572 с.

5. Верин В.П. Преступления в сфере экономики: Учебно-практическое пособие / Верин В.П.; Науч. ред.: Радутная Н.В. - 2-е изд., доп. - М.: Дело, 2001. - 200 с.

ЭКСТРЕМИЗМ - ТАҲДИДИ МИЛЛӢ ВА АМНИЯТИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ

Қурбонзода Б.Ш., ассистенти кафедраи ҳуқуқи ҷиноятии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Ҷумҳурии Тоҷикистон бо вуҷуди тағйирёбии вазъи сиёсиву иқтисодӣ ва амнияти ҷаҳон, дар роҳи пешрафти бемайлони иқтисодӣ, расидан ба ҳадафҳои стратегӣ ва ба ин васила таъмин намудани зиндагии шоистаи аҳолӣ бо қадамҳои устувор пеш меравад.

Яке аз омилҳои асосие, ки кафолати бехатарии шахсии одамон, ҳуқуқу озодиҳои онҳо, тартиботу оромии ҷомеа ва амнияти давлатро халалдор месозад, афзоиши сатҳи ҷиноятқорӣ, аз ҷумла ҷиноятҳои характери террористию экстремистидошта мебошад.

Ташкилотҳои террористию экстремистӣ мехоҳанд харитаи иқтисодию сиёсии сайёраро дигар кунанд ва ба манфиатҳои хеш мувофиқ созанд. Мақсади асосии терроризм ва экстремизми байналмилалӣ – дар ин ё он давлат сарнагун кардани асосҳои сохти конститутсионӣ ва амнияти давлат, тамомияти арзӣ, заиф намудани таҳкими истиқлолияти давлатӣ, поймол кардани ҳуқуқ, озодӣ ва манфиатҳои инсон ва шаҳрванд равона шудааст.

Имрӯзҳо дар як қатор давлатҳои дунё ҷангҳои харобиовар идома доранд, ки боиси афзоиши шумораи зиёди қурбониён ва дигар проблемаҳои иҷтимоӣ гардидаанд. Ихтилофу зиддият, номуросоӣ, бартарӣ ва афзалият гузоштан дар миёни равия ва мазҳабҳои гуногуни динӣ яке аз сарчашмаҳои рух додани чунин амалу кирдорҳои ваҳшиёна гардида, дар ин миён масҷиду калисо, ибодатгоҳҳо ва ҷойҳои барои мардум муқаддас ҳадафи террористон қарор гирифта аст. Таассуфовар аст, ки дар Покистон, Афғонистон, Ироқ, Сурия ва як қатор давлатҳои дигар, ки нобаробариҳои сиёсӣ-иҷтимоӣ ва зиддияти мазҳабӣ зиёд авҷ гирифтаанд, гурӯҳҳои ифротгароӣ бо истифода аз вазъи ба амаломада ҳадафҳои душманонаи худро алайҳи мардуми бегуноҳ анҷом медиҳанд.

Дар як даҳсолаи охир садҳо ҳазор нафар мардуми осоишта қурбони амалҳои террористӣ гардида, ҳазорҳо нафари дигар маъюбу корношоям шуданд. Масалан, 11 сентябри соли 2001 дар шаҳри Ню-Йорки ИМА, ки наздик ба 3000 кас ҳалок ва садҳо нафари дигарро захмӣ намуд, аз хотирҳо фаромӯш нагардидааст, ё ин ки санаи 27 декабри соли 2007 собиқ Сарвазири Покистон Беназир Бҳутторо бо 26 нафар мардуми бегуноҳ ва пешвои қабилаи шиаҳои маҳаллӣ дар Пешовар ҳоҷӣ Сардор Алиро ба ҳалокат расониданд. Инчунин рӯзи 1 сентябри соли 2004, ҳангоми ҷамъомади пагоҳирӯзӣ гурӯҳи террористии Шамил Басаев 1 128 нафарро, ки миёни онҳо муаллимон, талабагон ва волидони онҳо буданд, ба гарав гирифтанд. Ҳангоми озодкунӣ 314 нафар ба ҳалокат расиданд, ки миёни онҳо 184 нафар кӯдакон буданд ва беш аз 800 нафар дар ин ҳодисаи мудҳиш ҷароҳат бардоштанд [1]. Ё ин ки воқеаҳои фоҷиавии аввали солҳои 90-уми ҷумҳурӣ ҳамчун саҳифаи сиёҳ ба таърихи халқи тоҷик дохил гардиданд. Ин воқеаҳо дар матбуоти даврӣ, китобу мақолаҳо бо чунин номҳо «ҷанги бародаркуш», «ҷанги минтақавӣ» баён гардида, садҳо ҳазор нафар шаҳрвандони мо кушта шуда, беш аз як миллион нафар мардуми осоишта фирорӣ гардиданд.

Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳамчун як қисми ҷудонашавандаи ҷомеаи ҷаҳонӣ буда, нисбат ба терроризму экстремизм бетарафӣ намекунад. Вобаста ба ин, дар ин самт як қатор қонунҳо қабул гардиданд. Ба мисли Қонуни ҶТ «Дар бораи мубориза бар зидди экстремизм (ифротгароӣ)» [2], Қонуни ҶТ «Дар бораи мубориза бар зидди терроризм» [3], Қонуни ҶТ «Дар барои мубориза бар зидди ҷиноятқории муташаккилона» [4], Консепсияи ягонаи Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба мубориза бар зидди терроризм ва экстремизм (ифротгароӣ) [5], Стратегияи миллии Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба муқовимат ба экстремизм ва терроризм барои солҳои 2016-2020 [6], эътирофи Конвенсияи Созмони ҳамкории Шанхай бар зидди терроризм, сепаратизм ва экстремизм мебошад [7].

Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ-Пешвои миллат, Президенти мамлакатамон мӯҳтарам Эмомалӣ Раҳмон борҳо таъкид намудаанд, ки «Террорист ватан, миллат ва дину мазҳаб надорад» [8]. Вобаста ба ин, зуҳуроти даҳшатноку нафратовари терроризму экстремизм, ки аксаран таҳти шиорҳои диниву мазҳабӣ сурат мегирад, аз дини мубини ислом истифода бурда, ҷавонону наврасонро ба доми фиреб афтондан, соҳиби пули муфт гаштан, ваъдаҳои бардурӯғ, зиндагии хуб кардан ба гурӯҳҳои террористию экстремистӣ ҷалб мекунанд. Таблиғотчиёни дорои ақидаи террористию экстремистӣ аз вазъияти иҷтимоӣ ва ақидаи динии шаҳрвандон моҳирона истифода бурда, тариқи технологияи муосир, телефонҳои мобилию воситаҳои интернетӣ ва дар ҷойҳои ҷамъиятӣ онҳоро ба сӯи ҳадафҳои нопоки худ бо ҳар роҳу василаи ба худ хос ба қатлу куштор ва бераҳмию разилӣ мебаранд. Онҳо махсусан ҷавонони тануманду ба варзиш шуғл дошта, фаъолу худбовару бовиқорро меҷӯянд, то дар оянда ба ҳайси афсарони худ бемалол истифода намоянд.

Омӯзиши парвандаҳои ҷиноятӣ дар ин самт нишон доданд, ки асосан шаҳрвандони ҷумҳурӣ ба ҳайати ташкилотҳои экстремистии бо ном “Ҳизби исломии Туркистон”, “Ҳизб – ут - таҳрир”, “Ҷундуллоҳ”, “Ҷамоати Ансоруллоҳ”, “Салафия”, “Гуруҳи 24”, “Ҳизби Наҳзати Исломии Тоҷикистон” шомил гардида, ғояҳои онҳоро қабул ва ҷонибдорӣ намуда, дар асоси дастуру супоришҳои хоҷагони худ онҳоро дар амал татбиқ менамоянд [9]. Аз омӯзиш ва таҳлилу ҷамъбастии масъалаи мазкур бармеояд, ки дар фаъолияти мақомоти таъқиби ҷиноятӣ ва судӣ камбудиву норасоиҳо ҷой дошта, вобаста ба тафтишу баррасии судии ин қабил ҷиноятҳо таҷрибаи ягона мавҷуд набуда, кирдори ҷиноятқорон аз ҷониби мақомоти тафтиши пешакӣ бо моддаҳои гуногуни КҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон нодуруст банду баст карда шуда, аз ҷониби судҳо низ нисбати онҳо бо моддаҳои қаблан айб эълонгардида ҳукмҳои айбдоркунӣ бароварда шудаанд.

Маводҳои мавриди омӯзиш қарор додашуда аксарияти аъзоёни ташкилоти экстремистии “Салафия” шахсоне мебошанд, ки оиладор, соҳиби фарзанд ва дорои шароити мусоиди зиндагӣ буда, таҳсилоти олӣ дошта, дар бисёр мавридҳо ба соҳибкорӣ машгул мебошанд. Чунончӣ, Боев Диловар Гурезович, сокини шаҳри Турсунзода, ҳангоми дар шаҳри Москваи Федератсияи Россия қарор доштанаш, моҳи августи соли 2012 дидаву дониста, ки тибқи ҳалномаи Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 03-юми майи соли 2012 Ҷамоати «Ансоруллоҳ», ки мақсади ниҳоиаш бо роҳи зӯроварӣ ташкил намудани «Хилофат» буда, ташкилоти террористиву экстримистӣ эътироф гардида, фаъолияти он манъ карда шудааст, шомил гардида, бо ғояҳои он шинос шуда, онҳоро қабул ва ҷонибдорӣ намуда, бо роҳи «байъат», яъне қасам ёд кардан ба ҳайати иттиҳоди ҷиноятии мазкур шомил гардида, баъдан мунтазам ба хазинаи Байтулмоли гурӯҳ аъзоҳақӣ супоридааст.

Вобаста ба ин ҳолат аз ҷониби Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон 28 сентябри соли 2015 нисбати Боев Д.Г. бо қисми 2 моддаи 187 КҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон парвандаи ҷиноятӣ оғоз карда, он баъди ба итмом расонидани тафтиши пешакӣ бо тасдиқи фикри айбдоркунӣ ба суд ирсол карда, номбурда бо ҳукми суд маҳкум карда шудааст [10].

Омӯзиши парвандаҳои ҷиноятӣ нишон доданд, ки сабабу шароитҳои асосии шомилшавии шаҳрвандони ҷумҳурӣ ба ташкилотҳои экстремистӣ аз инҳо иборат мебошанд:

- ба доми ҷинояткорон афтодани шахсоне, ки савияи дониши динии суст доранд;
- аз ҷониби падару модарон фароҳам наовардани шароитҳои зарурии маънавӣ ва динии фарзандон;
- дур мондан аз назорати водидайн;
- фирефтаи ваъдаҳои бардурӯғи ҷалбкунандагон шудан;
- баҳо надодан ба оқибати кирдори худ ва «устодонашон»;
- фаъолияти нокифояи мақомоти ҳифзи ҳуқуқ дар мавриди сари вақт ошкор ва муайян накардани шахсони моил ба ифротгароӣ;
- ба низом дароварда нашудани раванди муҳоҷирати меҳнатӣ;

- мавҷуд будани шумораи маҳдуди мутахассисон дар мақомоти амаликунандаи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ, ки аз донишҳои динӣ бохабар мебошанд (ин ҳолат боиси он мегардад, ки аз ҷониби мақомоти амаликунандаи фаъолияти оперативӣ-ҷустуҷӯӣ шахсони ба фаъолияти ифротгароӣ майлдошта сари вақт муайян ва ошкор карда намешавад);

- бо мақсади ба даст овардани даромади моддӣ;

- бетарафии аҳли ҷомеа, ки аз фаъолият ва аъзоёни ташкилотҳои экстремистӣ огаҳӣ пайдо карда бошанд ҳам, ба мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ва дигар мақомоти давлатӣ хабар надода, ҳамкорӣ намекунанд [11, 157-158].

Дар охир чунин қайд кардани ҳастам, ки барои мубориза бурдан бо ин таҳдиду хатарҳои замони муосир на танҳо вазифаи мақомотҳои ҳифзи ҳуқуқ буда, балки вазифаи ҳар як шаҳрванди ватандӯсту ватанпарвар ва ҷомеаи шаҳрвандӣ мебошад.

Руйхати адабиёти истифодашуда:

1. Терроризм – хатар ба инсоният. [манбаи электронӣ]. *URL:* http://mvd.tj/index.php/tj/khatar-oi-zamoni-muosir/13028-terrorizm-khatar-ba-insoniyat. (санаи истифодабарӣ: 07.05.2018).
2. Қонуни ҶТ «Дар бораи мубориза бар зидди экстремизм (ифротгароӣ)» (Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон с.2003, №12, мод.697; с.2007, № 3, мод.158; Қонуни ҶТ аз 27.11.2014 с., № 1146). [манбаи электронӣ]. URL: http://base.mmk.tj/view_sanadhoview.php?showdetail=&sanadID=112 (санаи истифодабарӣ: 27.04.2018).
3. Қонуни ҶТ «Дар бораи мубориза бар зидди терроризм» (Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумхурии Тоҷикистон с.1999, №11, мод. 275; с.2005, № 3, мод.116;с.2007, №5, мод.355; с.2008, №10, мод.802; с.2012, №8, мод.816, с.2013, № 6, мод. 407; с. 2014, № 11, мод. 647, мод. 648 Қонуни ҶТ аз 25.12.15с., № 1266). [манбаи электронӣ]. URL: http://base.mmk.tj/view_sanadhoview.php?showdetail=&sanadID=63 (санаи истифодабарӣ: 27.04.2018).
4. Қонуни ҶТ «Дар барои мубориза бар зидди ҷиноятқории муташаккилона» (Ахбори Маҷлиси Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, с. 2013, № 12, мод. 882; с. 2014, №11, мод. 650; Қонуни ҶТ аз 15.03.2016 с.,№1286). [манбаи электронӣ]. URL: http://base.mmk.tj/view_sanadhoview.php?showdetail=&sanadID=306 (санаи истифодабарӣ: 26.03.2018).
5. Консепсияи ягонаи Ҷумҳурии Тоҷикистон оид ба мубориза бар зидди терроризм ва экстремизм (ифротгароӣ). [манбаи электронӣ]. URL: http://www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=32233. (санаи истифодабарӣ: 26.03.2018).
6. Стратегияи миллии ҶумҳурииТоҷикистон оид ба муқовимат ба экстремизм ва терроризм барои солҳои 2016-2020 аз 12 ноябри соли 2016, таҳти №776. – Душанбе: Контраст, 2016. – 88 с.
7. Конвенсияи Созмони ҳамкории Шанхай бар зидди терроризм, сепаратизм ва экстремизм [манбаи электронӣ]. URL: http://kremlin.ru/supplement/3405. (санаи истифодабарӣ: 26.03.2018).
8. Суханронӣ дар маросими ифтитоҳи Конфронси байналмилалии сатҳи баланд дар мавзӯи “Муқовимат бо терроризм ва ифротгароии хушунатомез” аз 04.05.2018 [манбаи электронӣ]. *URL:* http://president.tj/node/17564 (санаи истифодабарӣ: 07.05.2018).
9. Бойгонии Раёсати тафтишотии ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон
10. Бойгонии Прокуратураи генералии Ҷумҳурии Тоҷикистон
11. Курбонзода Б.Ш. Уголовная ответственность за организацию экстремистского сообщества в Республике Таджикистан: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Б.Ш. Курбонзода. – Душанбе, 2018. – 212 с.

АННУЛИРОВАНИЕ ЛИЦЕНЗИИ НА ПРИОБРЕТЕНИЕ ОРУЖИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ НА ХРАНЕНИЕ ИЛИ ХРАНЕНИЕ И НОШЕНИЕ ОРУЖИЯ, КАК МЕРА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ, ПРИМЕНЯЕМАЯ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Лянной Г.Г., кафедры административного права и административной деятельности ОВД Восточно-Сибирского института министерства внутренних дел Российской Федерации, к.ю.н., доцент, полковник полиции

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, оборот оружия как технических средств, конструктивно предназначенных для поражения живой или иной цели и, следовательно, способных причинить существенный вред жизни и здоровью людей, имуществу и природе, не только создает повышенную опасность для этих охраняемых Конституцией Российской Федерации ценностей, но и сопряжен с угрозой посягательства на другие конституционно значимые ценности, в том числе основы конституционного строя, права и законные интересы граждан, безопасность государства, что требует от федерального законодателя установления механизма их защиты в рамках правового режима оборота оружия (постановления от 29 июня 2012 года № 16-П и от 17 июня 2014 года № 18-П).

Отношения, возникающие при обороте оружия, в том числе гражданского, на территории Российской Федерации, регулируются Федеральным законом «Об оружии», положения которого направлены на защиту жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности, охрану природы и природных ресурсов, обеспечение развития связанных с использованием спортивного оружия видов спорта, укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия (преамбула).

Указанный Федеральный закон устанавливает особый режим оборота оружия - устройств и предметов, конструктивно предназначенных для поражения живой или иной цели (часть первая статьи 1), в частности предусматривает лицензионно-разрешительный порядок его приобретения гражданами Российской Федерации, с тем, чтобы не допустить обладания соответствующими видами оружия лицами, которые в силу тех или иных причин (состояние здоровья, отсутствие соответствующей подготовки, невозможность обеспечения учета и сохранности оружия и др.) не могут надлежащим образом гарантировать его безопасное хранение и применение, а также чтобы обеспечить строго целевое использование оружия (статья 13).

Этим же законом предусмотрены основания аннулирования лицензии. Так статья 26 Федерального закона «Об оружии» содержит основания для аннулирования и изъятия лицензии на приобретение оружия и (или) разрешения на его хранение или хранение и ношение.

Первое основание, установленное в п. 1 ч. 1 статьи 26 указанного федерального закона, не является принудительным и связано с тремя обстоятельствами: собственно добровольный отказ от лицензии и (или) разрешения; ликвидация юридического лица; смерть собственника оружия.

При добровольном отказе, собственник лицензии обращается с заявлением в орган внутренних дел. После получения заявления, оружие изымается и, собственнику выдается акт изъятия, а само оружие подлежит уничтожению.

Что касается такого основания, как ликвидации юридического лица, то здесь следует руководствоваться ст. 61 Гражданского кодекса РФ (часть 1)[1], Федеральными законами: от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об обществах с ограниченной ответственностью», от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», от 08.08.2001 № 129-ФЗ (ред. от

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.10.2016)// Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

03.07.2016) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и другими правовыми актами.

Смерть физического лица. Еще одно основание, для аннулирования лицензии. Так в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» смерть физического лица подлежит регистрации в органах загса. В них производится составление соответствующей записи акта гражданского состояния, на основании которой выдается свидетельство о смерти.

Как следует из содержания нормы права, ею предусмотрен административный (часть 1 статьи 26 Закона) и судебный (часть 4 статьи 26 Закона) порядок аннулирования лицензии (разрешения).

Административный порядок применялся, в случае возникновения обстоятельств, предусмотренных Федеральным законом «Об оружии»[1], исключающих возможность получения лицензии и (или) разрешения (пункт 3 части 1 статьи 26 указанного Закона).

Административный порядок аннулирования лицензии:

До 16.04.2015 года административный порядок аннулирования лицензии был предусмотрен как в отношении физических так и юридических лиц. Данное положение безусловно было спорным, поскольку применение меры в виде аннулирования лицензии в отношении юридического лица противоречило ФЗ от 04.05.2011 N 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», однако, правоприменительная практика свидетельствовала о легитимности указанной процедуры и применялась полицией в соответствии с законодательством регулирующим рассматриваемую сферу деятельности. Но после вынесения постановления Конституционный Суд РФ от 16.04.2015 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 26 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой негосударственного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Учебно-технический центр «Кольчуга» ситуация изменилась. Конституционный суд указал, что административный порядок аннулирования ранее выданного юридическому лицу разрешения на хранение, использование оружия и патронов к нему в качестве санкции за нарушения правил оборота оружия, влекущее принудительное изъятие оружия и, как следствие, создающее препятствия для выполнения юридическим лицом своих уставных задач, договорных и иных обязательств или делающее невозможным их выполнение, может иметь место только по судебному решению[2] и признал в этой части положение п.3. ч.1 ст.26 ФЗ «Об оружии» не конституционным.

Следовательно, административный порядок аннулирования лицензий может быть реализован только в отношении физических лиц.

Более того Конституционный суд поддерживает сложившейся порядок аннулирования лицензий в административном порядке для физических лиц, по основаниям указанным в Федеральном законе «Об оружии».

Например:

1. Пунктом 3, части первой статьи 26 предусмотрено, что лицензия на приобретение оружия и разрешение на хранение или хранение и ношение оружия аннулируются органами, выдавшими эти лицензию и (или) разрешение, в случае возникновения предусмотренных данным Федеральным законом обстоятельств, исключающих возможность получения лицензии и (или) разрешения.

Решением органа внутренних дел, принятым в соответствии с пунктом 3 части первой статьи 26 Федерального закона «Об оружии», были аннулированы выданные А.Н. Кожанову

[1] Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оружии»// Собрание законодательства РФ, 16.12.1996, № 51, ст. 5681.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 16.04.2015 № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 26 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой негосударственного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Учебно-технический центр «Кольчуга».

лицензия на приобретение оружия и разрешения на хранение и ношение конкретных видов оружия, поскольку ранее он был осужден за убийство двух лиц, совершенное с применением принадлежащего ему ружья. Суды признали данное решение законным.

Судимость, как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, в первую очередь уголовно-правовой институт, имеющий значение для целей реализации уголовной ответственности, однако за пределами уголовно-правового регулирования судимость приобретает автономное значение и влечет за собой не уголовно-правовые, а общеправовые, опосредованные последствия, которые устанавливаются не Уголовным кодексом Российской Федерации, а иными федеральными законами исходя из природы и специфики регулирования соответствующих отношений, не предполагающих ограничений уголовно-правового характера (Постановление от 10 октября 2013 года № 20-П; определения от 29 сентября 2015 года № 2100-О, от 28 января 2016 года № 198-О, от 10 марта 2016 года № 450-О и № 451-О и др.).

Поскольку на современном этапе развития общества невозможно гарантировать надлежащее исправление лица, совершившего преступление, таким образом, чтобы исключить возможность рецидива преступлений (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2013 года № 19-П), федеральный законодатель, минимизируя риски для охраняемых Конституцией Российской Федерации ценностей, был вправе ограничить доступ к оружию для лиц, имевших судимость за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные с применением оружия, сам факт которых свидетельствует об их повышенной (особой) общественной опасности (статья 15). Такое ограничение продиктовано обоснованными сомнениями в том, что указанные лица будут использовать оружие сугубо в правомерных целях (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 года № 1237-О).

Что же касается бессрочного характера данного ограничения, то, как указал Конституционный Суд Российской Федерации, само по себе придание конкретной административно-предупредительной мере свойства бессрочности (особенно в тех случаях, когда она распространяется на отношения, не являющиеся для субъекта этих отношений жизненно важными) не может служить основанием для признания ее несоразмерной и несправедливой (Постановление от 29 июня 2012 года № 16-П)[1].

2. Кроме того, действующее законодательство, в принципе, исключает возможность владения оружием лицом, имеющим погашенную или снятую судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление, совершенное с применением оружия.

Изначально пп.3 статьи 18 ФЗ «Об оружии» (в ред. 12.03.2014 г.) имел следующую редакцию: «3) имеющим неснятую или непогашенную судимость за преступление, совершенное умышленно», однако федеральным законом от 2 апреля 2014 года № 63-ФЗ в пп. 3 статьи 18 ФЗ «Об оружии» было внесено изменение, и этот же пункт был изложен следующим образом: «имеющим неснятую или непогашенную судимость за преступление, совершенное умышленно, либо имеющим снятую или погашенную судимость за тяжкое или особо тяжкое преступление, совершенное с применением оружия»[2]. Таким образом, наличие у лица снятой или погашенной судимости за тяжкое или особо тяжкое преступление, совершенное с применением оружия – влечет аннулирование лицензии, если она была выдана ранее или отказ в выдаче, если лицо обратилось за ее получением.

3. Еще одна особенность, заключается в том, что для закона не имеет значение, с каким оружием было совершено преступление (огнестрельное или газовое), поскольку Конституционный суд разъяснил, совершение преступления с использованием газового оружия является основанием для аннулирования лицензии уже выданной. Кроме того, не является ис-

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 26.04.2016 № 883-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кожанова Анатолия Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части двадцатой статьи 13 и пунктом 3 части первой статьи 26 Федерального закона «Об оружии».
[2] Определение Верховного Суда РФ от 29.07.2015 № 15-КГ15-7.

ключением, то обстоятельство, что на момент совершения преступления, лицо в отношении которого принимается решение об аннулировании лицензии было несовершеннолетним[1].

Судебный порядок аннулирования лицензии:

В соответствии с абзацем 3 статьи 26 ФЗ «Об оружии»: в случае наложения судом на юридическое лицо административного наказания в виде административного приостановления деятельности за нарушение правил в сфере оборота оружия и патронов к нему выданные этому юридическому лицу лицензия на приобретение оружия и (или) разрешение на хранение оружия изымаются органом, выдавшим такие лицензию и (или) разрешение, на установленный судом срок наложения наказания.

В соответствии со ст. 3.12 Кодекса РФ об административных правонарушениях, административное приостановление деятельности в отношении юридического лица, совершившего административное правонарушение, заключается во временном прекращении деятельности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридических лиц, их филиалов, представительств, структурных подразделений, производственных участков, а также эксплуатации агрегатов, объектов, зданий или сооружений, осуществления отдельных видов деятельности (работ), оказания услуг в случаях[2], предусмотренных статьями Особенной части Кодекса РФ об административных правонарушениях. Административное приостановление деятельности назначается судьей. Срок административное приостановление деятельности до 90 суток.

Из группы правонарушений указанных в разделе 3 настоящей работы, санкции в виде административного приостановления деятельности предусмотрены в следующих статьях КоАП РФ: ч.2,5,6 ст.20.8, ст.20.10. Таким образом, при совершении указанных правонарушений может быть применено наказание в виде административного приостановления деятельности. А как следствие, в случае не устранения выявленных нарушений, поставлен вопрос об аннулировании лицензии в судебном порядке.

Абзац 4 статья 26 ФЗ «Об оружии», как раз об этом и говорит: «лицензия на приобретение оружия и (или) разрешение на хранение оружия, выданные юридическому лицу, аннулируются решением суда на основании заявления органа, выдавшего указанные лицензию и (или) разрешение, если в установленный судом срок административного приостановления деятельности юридического лица не были устранены допущенные им нарушения правил в сфере оборота оружия и патронов к нему, повлекшие наложение наказания в виде административного приостановления деятельности этого юридического лица[3]».

Порядок подачи заявления органом выдавшим лицензию – разрешение, регламентируется Кодексом административного судопроизводства от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 03.07.2016).

В соответствии с абзацем 5 ст.26 ФЗ «Об оружии»: «В случае аннулирования лицензии на приобретение оружия и (или) разрешения на хранение оружия юридическое лицо вправе повторно обратиться за их получением по истечении трех лет со дня аннулирования лицензии и (или) разрешения, гражданин – по истечении одного года со дня окончания срока наложения административного наказания в виде лишения права на приобретение оружия либо права на хранение или хранение и ношение оружия или со дня устранения обстоятельств, исключающих в соответствии с настоящим Федеральным законом возможность получения таких лицензии и (или) разрешения[4]».

---

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2015 № 1237-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зырянова Ивана Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части двадцатой статьи 13 и пунктом 3 части первой статьи 26 Федерального закона «Об оружии».

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета, № 256, 31.12.2001.

[3] Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оружии»// Собрание законодательства РФ, 16.12.1996, № 51, ст. 5681.

[4] Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «Об оружии»// Собрание законодательства РФ, 16.12.1996, № 51, ст. 5681.

Список использованной литературы:

1. Конституция РФ

2. Федеральный закон от 13.12.1996 N 150-ФЗ (ред. от 07.03.2018) "Об оружии"

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета, № 256, 31.12.2001.

4. Определение Верховного Суда РФ от 29.07.2015 № 15-КГ15-7.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2015 № 1237-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Зырянова Ивана Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части двадцатой статьи 13 и пунктом 3 части первой статьи 26 Федерального закона «Об оружии».

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.04.2015 № 8-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 26 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобой негосударственного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Учебно-технический центр «Кольчуга».

ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ И УГОЛОВНОГО ПРАВА

Максименко А.В., начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, канд. юрид. наук

Черняков С.А., старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина, канд. юрид. наук

Отечественная наука перманентно исследует проблемы уголовной политики, поскольку она в большей степени отражает содержание экономических и в большей степени политических преобразований в стране. Причем интенсивность научных исследований отечественных ученых в этой области всегда зависима от содержания конкретных политических изменений в обществе и государстве.

Исторические предпосылки к появлению уголовной политики в нашей стране, как и во многих других государствах, возникли в связи с несостоятельностью уголовно-правовой парадигмы, основанной на гражданско-правовых элементах римского права, в определенный исторический период освещать негативность явлений преступности, обосновывать ее детерминационный комплекс и предлагать эффективные и достаточные меры противодействия этим явлениям и процессам[1].

В период своего становления и развития уголовная политика, помимо функции противодействия преступности, должна была отвечать за научные направления, входящие в предмет современной криминологии. Развитие уголовной политики на протяжении всей отечественной истории не отличалось стабильностью. Повышенный интерес к уголовно-правовым процессам в одно время, зачастую сменялся полной неактуальностью уголовной политики или вовсе ее неприятием со стороны политических элит государства. Со временем теоретическое значение уголовной политики приобрело характер общетеоретических и методологических основ для уголовно-правовых дисциплин. Методология современного понимания уголовной политики в России основана на необходимости отражения, как в уголовно-правовых нормах, так и в иных правоохранительных нормах, определенных общесоциальных ожиданий, с точки зрения необходимого уровня общественной и государственной безопасности.

При этом необходимо иметь в виду, что понятия уголовной политики и уголовно-правовой политики не равнозначны и содержание первой значительно шире другой[2]. К уголовно-правовой, равно как и к уголовно-процессуальной, уголовно-исполнительной отраслям права, уголовная политика выполняет методологическую функцию. Несоблюдение методологических основ для отраслей права уголовно-правового цикла неизбежно приводит к законодательной рассогласованности кодифицированных актов этих отраслей права, что ярко просматривается на примере действующих УК и УПК РФ. Разновременность их принятия и несогласованность вносимых изменений приводит к очевидным коллизиям норм этих законодательных актов. Отсутствие методологического подхода в последовательности реализации отечественной уголовной политики прослеживается также в многочисленных бессистемных изменениях российского уголовного законодательства, без учета наличных организационных и финансовых ресурсов государственного обеспечения таких изменений, что крайне негативно сказывается на деятельности всех правоохранительных и иных правоприменительных органов России.

---

[1] Густова Э.В. Криминализация и пенализация деяний как формы реализации уголовной политики // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. - №1. – С. 225.

[2] Полищук Н.И. Тенденции современной уголовно-правовой политики государства // Вестник Костромского государственного университета. 2015. - № 1. – С. 192.

Состояние криминологической ситуации в России к настоящему времени, и в большей степени в части ее коррупционных и общеуголовных проявлений, остается крайне нетерпимой[1]. Поэтому актуальность научного обеспечения современной уголовной политики обусловлена необходимостью поиска альтернативных направлений противодействия преступности, не ограничиваясь рамками уголовного, уголовно-процессуального и пенитенциарного законодательства. Безуспешность антикриминальных основ уголовной политики диктует, по нашему мнению, необходимость ее расширения за счет общепризнанных норм морали, нравственности, религиозных, иных духовных норм, обычаев, идеологических государственных канонов. Такая необходимость вызвана, прежде всего, демократическими принципами устройства российского государства, при реализации которых приоритет прав, свобод и интересов личности, предполагает равный этому объем личных обязанностей и ответственности, достигаемый путем добровольных самоограничений правосознательного гражданина. По нашему мнению, только «унисон» в системе прав и обязанностей человека и гражданина, способен созидать благоприятную для него среду безопасности и последующего гармоничного развития, а наблюдаемый в последнее время перекос в сторону прав и свобод, неминуемо приведет к кризисным явлениям в обществе.

Необходимость комплексного подхода в нормативном обеспечении уголовной политики, прослеживается в отсутствии морально-нравственного основ противодействия преступности в нашем государстве в настоящее время. Положительный эффект от их использования наиболее заметен на стадии профилактики преступности, а также в постпенитенциарный период процесса ресоциализации ранее судимых. Отсутствие в современной, регламентируемой действующим законодательством, российской системе предупреждения преступности морально-нравственных и духовных основ, отнюдь не свидетельствует в пользу их неэффективности или нецелесообразности. Анализируя исторические и зарубежные аспекты уголовной политики можно прийти к выводу о том, что уголовно-правовые меры должны иметь характер вынужденных и временных, применяемых в тех случаях, когда иные, более естественные для саморегуляции общественных отношений меры, не смогли, в должной мере, повлиять на социально опасные процессы и явления.

Уголовно-правовая репрессия, как уже было отмечено, должна носить характер не только крайней, но и временной меры со сроком действия от криминализации до декриминализации общественно-опасных проявлений. Современные криминальные реалии в российском обществе могут заявлять об утопичности последнего тезиса, однако, по нашему мнению, такой концептуальный подход имеет право на стремление к его научному обоснованию.

Исходя из этого, отечественная уголовная политика, по нашему мнению, должна содержать в себе идеи о необходимости разработки и реализации срочных программ по отдельным видам преступности, предполагающих приоритет внеправовых мер, направленных на формирование негативного отношения к противоправному поведению. Такие внеправовые меры должны преследовать повышение уровня духовного, идеологического состояния, нравственности, правосознания, формирования положительного образа правоохранительных органов, пропаганды общеполезной деятельности и т.д.

Одновременно, такие программы должны формировать сознательное негативное отношение в обществе к любым антиобщественным проявлениям, неприятие и осуждение соответствующего поведения, на фоне полной реализации принципа неотвратимости наказания, демонстрирующей бесполезность и бесперспективность противоправного поведения. Реализация таких программ неизбежно приведет к снижению криминализации в обществе. Такой вектор развития уголовной политики представляется наиболее перспективным, поскольку именно проявления криминализации преступных деяний определяют уголовно-политическую стратегию государства[2]. Криминализация общественно-опасных деяний, тем не менее, в какой то степени неизбежна и внесение изменений и дополнений в уголовное за-

[1] Обухова С.С. Новая концепция уголовной политики Российской Федерации // Символ науки. 2015. - № 8. – С. 208.

[2] Актуальные проблемы уголовной политики: метод. рекомендации / С.Д. Бражник. Ярославль, 2013. С. 34.

конодательство может быть возможно как и теперь при четком наличии ряда условий: «1) выявлена социальная потребность в этих изменениях (например, обнаруживавшихся трудностей борьбы с новыми видами опасных деяний); 2) дана экспертная оценка возможности решить обнаруженную проблемную ситуацию правовыми средствами (избыточные правовые запреты или необоснованная их отмена дискредитируют политику борьбы с преступностью, порождают правовой нигилизм населения); 3) установлена невозможность адекватного решения проблемной ситуации в рамках действующего права[1].

Стратегическая установка на снижение уголовной репрессии в свою очередь требует пропорционального расширения и усиления деятельности по предупреждению преступности.

Государственная уголовная политика должна предполагать наличие качественных уголовно-правовых норм, достаточных для эффективного реагирования на возникающие негативные социальные процессы и явления, нуждающиеся в уголовно-правовом регулировании. Для удовлетворения такой необходимости законодателю объективно требуется прогностическая информация, основанная на глубоком криминологическом анализе. Принятию, изменению уголовного, установлению или исключению уголовно-правового запрета несомненно должно предшествовать прогнозирование последствий криминализации или декриминализации, пенализации или депенализации[2]. Именно криминологический анализ и основанные на таком анализе уголовно-правовой прогноз дает возможность определить приоритетные направления уголовной политики, сформулировать связанные с ними текущие и перспективные задачи, выделить среди них основные, разработать механизм последовательной реализации управленческих решений.

Современная отечественная уголовная политика не имеет признаков нормативности и заключается в системе основополагающих принципов уголовно-правового регулирования общественных отношений, предписаний и программ по противодействию преступности, ресоциализации лиц, совершивших преступления, обеспечению общественного порядка и безопасности, реализуемых государством и гражданским сообществом.

На уголовную политику в значительной степени оказывает влияние сама криминогенная обстановка в стране. Традиционно криминальный уровень оперативной обстановки оценивается исходя из статистических показателей преступности. Однако в России официальная статистика преступности не достоверно отражает реальную оперативную обстановку. Перманентное изменение действующего уголовного законодательства и реформирование правоохранительной системы только усиливают существующую тенденцию условности уголовной статистики, что требует изменения методов оценки криминологических показателей преступности.

Уголовная политика во многом зависит от оценки обществом криминальной ситуации. Российские граждане оценивают криминогенную обстановку как напряженную. Социальные исследования фиксируют озабоченность граждан высоким уровнем криминальной угрозы. На состояние тревоги населения в большей степени влияет не реальная картина криминальной угрозы в стране, а нагнетаемая средствами массовой информации гиперболизация криминогенной обстановки. Население в большей степени страдает не от реальной перспективы посягательства на их права, а от чрезмерной тревоги стать жертвой криминальных посягательств. Так А. Колесников считает, что «если доля населения, пораженная синдромом запредельной тревоги, переходит 70-75% рубеж, то наступает массовая демотивация активности по большинству ее векторов»[3]. Повышенная напряженность в обществе, вызванная страхом перед криминальными угрозами, неизбежно приводит к ожиданию гражданами ужесточения государством уголовной репрессии. Однако уголовная политика нашего государства

---

[1] Миньковский Г.М. Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы // Труды Академии МВД России: Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации ОВД. — М., 1995. — с. 32

[2] Бородин С.В. Основные направления уголовной политики и формы их реализации (организационный аспект) // Проблемы уголовной политики и уголовного права. Межвуз. сб. научн. тр. - М., 1994. - с.26

[3] Инф. сб. «Безопасность». 2004. № 9-10

оценивается обществом, по меньшей мере, как радикально-либеральная, когда «интенсивность противодействия преступности явно не соответствует масштабам и степени общественной опасности криминальных угроз, принявших глобальный характер»[1].

В этих условиях уголовное законодательство, являясь основой этого противодействия, нуждается в серьезной коррекции с учетом отражения в нем изменившихся уголовно-политических реалий.

Список использованной литературы:

1. Актуальные проблемы уголовной политики: метод. рекомендации / С.Д. Бражник. Ярославль, 2013. С. 34.

2. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. - М.: Норма, 2006.

3. Бородин С.В. Основные направления уголовной политики и формы их реализации (организационный аспект) // Проблемы уголовной политики и уголовного права. Межвуз. сб. научн. тр. - М., 1994.

4. Инф. сб. «Безопасность». 2004. № 9-10.

5. Миньковский Г. М. Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы // Труды Академии МВД России: Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации ОВД. - М., 1995.

[1] Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. - М.: Норма, 2006. - с. 63.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РЕЛИГИОЗНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ТАДЖИКИСТАНЕ

Мардонов С.Р., преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии Академии МВД Республики Таджикистан, старший лейтенант милиции

Мировое сообщество на протяжении последних лет постоянно сталкивается с таким широкомасштабным, разнообразным по формам и способам действий явлениям, как религиозно-политический экстремизм и, наиболее болезненной его формой проявления - терроризмом. Экстремизм как политическое, правовое и культурное явление существует издревне, однако на территории Республики Таджикистан как определенное политическое течение особое распространение он получил в конце XX века, по мнению иранского исследователя Мехрдоди Мусави «Политика США и Ирана после распада Советского Союза в регионе Центральной Азии по разным анализаторам преследует свое присутствие и свои интересы» [1. С.77.].

Вызванные данным явлением является ухудшение имущественного положения. Снижение уровня социального обеспечения большинства населения, исчезновение духовных и нравственных ориентиров, понижение культурного и образовательного уровня привели к росту ксенофобских, религиозно-ненавистнических настроений и, как следствие, к росту преступности, в том числе к росту преступности экстремистского характера [2].

За эти годы наблюдался рост числа приверженцев исламского экстремизма в стране, их стремление подчинить своему влиянию официальные культурные учреждения, а также противопоставить верующих органам власти, создание ими религиозно-политических структур и вооруженных формирований, укрепление контактов с руководителями некоторых экстремистских движений как внутри страны, так и за ее пределами.

Со временем религиозные экстремисты перестали скрывать свои политические цели, которые сводились к силовому захвату власти. Недавние события, которые происходили в республике, могут быть этому примером. Следует отметить, что подобное развитие событий характерно не только для Таджикистана, но и для некоторых стран Центральной Азии, а также других регионов, где нашла активное распространение идеология и практика религиозно-политического экстремизма.

События в мире показывают, что именно на современном этапе наибольшую угрозу представляет не просто экстремизм, а религиозно-политический экстремизм, впоследствии превращающийся в терроризм. Религиозно-политический экстремизм – это религиозно мотивированная или религиозно камуфлированная деятельность, направленная на насильственное изменение государственного строя или насильственный захват власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, на возбуждение в этих целях религиозной вражды и ненависти. Религиозно-политический экстремизм отвергает возможность переговорных, компромиссных, и тем более консенсусного пути решения социально-политических проблем.

Как отмечает Ф.Ф. Идиев, в конце 80-х и начале 90-х годов XX века в Центральноазиатских государствах оппозиционные силы для расширения числа своих сторонников, используя многовековые традиции и мусульманские вероучения, совершали террористические и экстремистские преступления. Это привело к тому, что некоторые недальновидные политики стали толковать ислам как террористическую и экстремистскую религию, хотя он не имеет никакого отношения к терроризму и экстремизму и осуждает подобные деяния [3. С.152].

Возникновение новых очагов противостояния и конфликтов на Ближнем Востоке и в других регионах мира, беспрецедентное распространение международного терроризма и организованной преступности, усиление межконфессиональных проблем и снижение влияния институтов и основ международного права в разы увеличивают значение проблем, связанных с обеспечением национальной и региональной безопасности.

Все эти события и реалии подчеркивают ту истину, что проблемы века и новые угрозы на общечеловеческую цивилизацию постоянно растут и сталкивают безопасность малых и крупных государств мира и тем самым безопасность общества перед серьезными угрозами.

Это разрушительное явление не имеет никакой связи с религией, в том числе со священной религией ислама, прикрываясь религиозными идеями совершается ради тёмных и корыстных деяний для достижения политических целей. В связи с этим Лидер Нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон в своих выступлениях подчеркивал, что у террориста нет родины, нации, религии и веры [4. С.15].

С начала 90-х гг. XX века в Центральной Азии начала усиленно распространяться литература исламского радикализма. Тысячными экземплярами в Египте, Кабуле, Тегеране, Ташкенте, Уфе и в Таджикистане была издана переведенная на таджикский язык с других языков религиозно-политическая и экстремистская литература. Наряду с трудами зарубежных авторов также была издана литература и лидеров таджикских религиозно-политических экстремистов. В данной религиозно-экстремистской литературе содержались призывы к свержению конституционного строя и насильственного установления в Центральной Азии так называемого «шариатского правления», призывы к подрыву безопасности государства, нарушению общественной безопасности и общественного порядка, пропаганде войны, разжиганию национальной и религиозной розни.

События начала сентября 2015 год, то есть попытка вооруженного государственного переворота, которая осуществлялась при непосредственном финансировании и покровительстве руководства бывшей Партии исламского возрождения Таджикистана, показала, что некоторые зарубежные политические круги до сих пор не отказались от своих недружелюбных намерений по отношению к таджикской нации, и хотят осуществить свои разрушительные и предательские планы руками наёмников, навязать нашему народу чужие порядки [6. С.22].

Как показывает анализ текущей обстановки в республике, религиозно-политический экстремизм, несмотря на нанесенный ему урон, не только не оставил своих позиций, но и имеет тенденцию к распространению.

Несмотря на определенные успехи в борьбе с экстремизмом и терроризмом, достигнутые правоохранительными органами республики за последние годы, активная террористическая деятельность представителей религиозно-политического экстремизма встранах Центральной Азии и за его пределами показывает, что борьба с последним носит долговременный характер. Религиозно-политический экстремизм сегодня является влиятельной интернациональной силой, основу которой составляют готовые на решительные действия и стремящиеся к ним боевики.

Религиозно-политический экстремизм как дестабилизирующий фактор порождает следующую систему рисков в Центральной Азии и в Республике Таджикистан:

-внутри конфессиональные конфликты из-за конкуренции между исламскими группами, сектами;

-диктатуру «шариата» и распространение практики организованного социального насилия;

-превращение исламистских структур в инструмент вооруженного давления на правительство;

-воспитание у населения сектантской нетерпимости к «иному», антигосударственных, сепаратистских настроений.

Следует особо отметить, что мусульмане Таджикистана являются законопослушными гражданами. Их богатое религиозное наследие является частью таджикского наследия. Ввиду этого является неприемлемым культивирование образа ислама и мусульман как врагов человечества, как это делается в некоторых зарубежных СМИ. Поскольку такая практика может привести к расколу страны по религиозному признаку. Противодействием любому проявлению религиозно-политического экстремизма не должен быть антиисламский или иной антирелигиозный экстремизм и национализм.

В этой связи считаем, что необходимы широкие научные исследования феномена религиозно-политического экстремизма, глубокий и всесторонний анализ причин, условий и особенностей распространения его идеологии и практики в Республике Таджикистан. На этой

основе необходима выработка рекомендаций для различных органов, общественных и религиозных объединений на государственном уровне для определения эффективных путей противодействия религиозно-политическому экстремизму.

В Центральной Азии с начала 90-х годов XX века образовались такие самостоятельные суверенные государства как Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан. Внешние силы и факторы не смогли развязать межгосударственные военные конфликты, но им удалось добиться внутренних конфликтов в отдельных странах как Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан. Обретение независимости давала государствам Центральной Азии возможности для экономических отношений со всеми зарубежными государствами. Однако уход с политической карты мира такого государства как СССР, осложнил геополитическую обстановку этих стран. Так, во время Советского Союза почти не существовало очагов острого напряжения между Узбекистаном, Таджикистаном, Киргизией и Казахстаном [7. С.192-103].

Таким образом, преступления террористической и экстремистской направленности представляют собой угрозу для нормального функционирования и развития общества и государства. Противодействие этим угрозам должно проводиться комплексно на всей территории республики с учетом особенностей каждого района и областей Республики Таджикистан.

Список использованной литературы:

1. Мехрдоди М. Некоторые особенности внешней политики США и Ирана в СА. Известия АН РТ. № 2. Душанбе. 2011. С.77.

2. Мухамаджанов Н.Р. Особенности преступлений экстремистской направленности в Астраханской области. Межэтнический и межконфессиональный диалог как консолидирующая основа общества в борьбе против глобальных угроз терроризма и экстремизма: материалы Международной научно-практической конференции (г. Астрахань, 10 октября 2013 г.) / сост. и отв. ред. А.В. Сызранов, О.С. Попова.-Астрахань: Издатель: Р.В.Сорокин, 2013. - 180 с.

3. Идиев Ф.Ф. Терроризм-угроза миру и безопасности. Известия АН РТ, серия философия и право. № 1, 2011. С.152.

4. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмон Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 20.01.2016. С.15.

5. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмон Маджлиси Олии Республики Таджикистан от 20.01.2016.

6. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмон Маджлиси Олии Республики Таджикистан от 20.01.2016. С.22.

7. Асламов Б., Косимов Ф.М. Создание единой системы безопасности стран Центральной Азии необходимая мера обеспечения стабильности региона (геополитический аспект). Государственное управление. №3(27), Душанбе, 2015. С.192-103.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Маркосян М.М., начальник кафедры уголовного права и криминологии Академии Образовательного комплекса полиции Республики Армения, кандидат юридических наук, доцент, майор полиции

В настоящее время вопросы совершенствования уголовно-правовой политики в сфере противодействия коррупционным преступлениям являются весьма актуальными, как для Республики Армения, так и для всего международного сообщества.

По нашему мнению, важным приоритетом уголовно-правовой политики в сфере противодействия коррупционным преступлениям должно стать законодательное расширение возможностей освобождения от уголовной ответственности лиц, сотрудничающих в борьбе с коррупционными преступлениями. Другими словами, наряду с карательным методом уголовного права должен широко применяться и поощрительный метод, что, в свою очередь, будет способствовать реализации принципа экономии уголовной репрессии.

Как справедливо отмечает Р.М.Мелтонян, ограничивать сферу уголовно-правовых исследований только понятием наказания и норм его регламентирующих, не может быть признано достаточным [1, 2].

Возросшие требования и задачи успешной борьбы с коррупционными преступлениями требуют применения и иных средств уголовно-правовой политики, в частности, поощрительных уголовно-правовых норм.

Как известно, взяточничество относится к категории латентных преступлений. Как правило, и взяткополучатель и взяткодатель заинтересованы в том, чтобы факт получения-дачи взятки не получил огласки. Поэтому обеспечение своевременного раскрытия взяточничества требует осуществления комплекса мер, в том числе и на законодательном уровне.

Часть третья статьи 37 Конвенции ООН «Против коррупции» гласит: «Каждое Государство-участник рассматривает вопрос о том, чтобы предусмотреть возможность, в соответствии с основополагающими принципами своего внутреннего законодательства, предоставления иммунитета от уголовного преследования лицу, которое существенным образом сотрудничает в расследовании или уголовном преследовании в связи с каким-либо преступлением, признанным таковым в соответствии с настоящей Конвенцией» [2].

Нетрудно заметить, что в данной международной правовой норме речь идет о любом участнике коррупционной сделки – о взяткодателе, о взяткополучателе и о посреднике во взяточничестве. Однако, закрепленная в Уголовном Кодексе (далее-УК) Республики Армения поощрительная норма касается только взяткодателя. На наш взгляд, такое регулирование вопроса не вытекает из принципа равенства перед законом, так как один из трех фигурантов коррупционной сделки – взяткодатель приобретает привилегированное положение в сравнении с взяткополучателем и посредником.

В юридической литературе существует мнение о том, что в целях повышения эффективности противодействия взяточничеству было бы целесообразно закрепить в законе положение, регламентирующее порядок освобождения от уголовной ответственности не только лица давшего, но и получившего незаконное вознаграждение [3, 132-133]. Следует согласиться с мнением профессора Б.В. Волженкина о том, что интересы борьбы с коррупцией требуют доведения до логического конца идеи об освобождении от уголовной ответственности лиц, давших взятку и добровольно заявивших о содеянном. Последовательно проводя эту важную идею деятельного раскаяния, следует, безусловно, распространить данное правило на посредников во взяточничестве и на всех других лиц, являвшихся соучастниками в даче и получении взятки, в том числе и на взяткополучателя [4, 427-428].

Закрепление нормы об освобождении взяткополучателя от уголовной ответственности, на наш взгляд, будет соответствовать принципу справедливости и положениям Конвенции

ООН «Против коррупции», а также способствовать снижению латентности взяточничества. Считаем, что реализация данного нормативного установления уменьшит число заинтересованных лиц, стремящихся решить свои проблемы при помощи дачи взятки, так как при этом существенно увеличивается риск их разоблачения.

Так, согласно статье 30-ой закона РА «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскное мероприятие «имитация получения или дачи взятки» может проводится на основании письменного заявления как лица, получившего предложение дачи, так и получения взятки [5].

Сопоставляя данную норму с положениями УК РА, можно выявить некоторое несоответствие правового регулирования, при котором на основании заявления должного лица о предложении ему взятки в отношении взяткодателя может быть произведено оперативно-розыскное мероприятие, однако само должное лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно после совершения преступления добровольно сообщило о получении взятки.

Исходя из вышеизложенного, считаем целесообразным закрепление в УК РА поощрительных норм, касающихся взяткополучателя и посредника во взяточничестве. Предлагаем статью 311 УК РА дополнить частью пятой, следующего содержания: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление, если оно до того, как о совершенном преступлении стало известно органам уголовного преследования, но не позднее, чем в течение десяти дней после совершения преступления, добровольно явилось с повинной и активно способствовало раскрытию преступления».

Также предлагаем статью 313 УК РА дополнить частью третьей, следующего содержания: «Лицо, виновное в посредничестве во взяточничестве, освобождаются от уголовной ответственности за данное преступление, если оно до того, как о совершенном преступлении стало известно органам уголовного преследования, но не позднее, чем в течение десяти дней после совершения преступления, активно способствовало раскрытию или пресечению преступления и добровольно сообщило органу, имеющему право возбудить уголовное дело, о совершенном преступлении».

Что касается вопроса освобождения лица от уголовной ответственности за дачу взятки, то согласно части четвертой статьи 312 УК РА: «Взяткодатель освобождается от уголовной ответственности, если имело место вымогательство взятки, и если это лицо до того, как о даче взятки стало известно органам уголовного преследования, но не позднее, чем в течение трех дней после совершения преступления, добровольно сообщило о даче взятки органам уголовного преследования и способствовало раскрытию преступления» [6].

Анализ данной нормы показывает, что для освобождения лица от уголовной ответственности за дачу взятки требуется одновременное соблюдение следующих условий:

1. в отношении лица, давшего взятку, имело место вымогательство взятки,
2. лицо после дачи взятки добровольно заявило о содеянном органам уголовного преследования,
3. заявление было подано до того, как о даче взятки стало известно органам уголовного преследования,
4. заявление было подано не позднее, чем в течении трех дней после совершения преступления,
5. лицо способствовало раскрытию преступления.

По нашему мнению, в УК РА вымогательство взятки должно быть предусмотрено в качестве самостоятельного основания для освобождения взяткодателя от уголовной ответственности. Это обосновывается тем, что в части третьей статьи 37 Конвенции ООН против коррупции в качестве основания для предоставления иммунитета от уголовного преследования предусмотрено только сотрудничество лица в расследовании или уголовном преследовании в связи с коррупционным преступлением, а о вымогательстве взятки в данной международно-правовой норме не упоминается. Получается, что часть четвертая статьи 312 УК РА сужает возможности реализации данной международно-правовой нормы. Кроме того, по от-

ношению к взяткодателю факт вымогательства взятки носит объективный характер, так как не зависит от его воли, а перечисленные в части четвертой статьи 312 УК РА остальные четыре условия носят субъективный характер. Объединение объективных и субъективных условий освобождения взяткодателя от уголовной ответственности в одно целое, на наш взгляд, не соответствует природе поощрительных норм.

На основе вышеизложенного, предлагаем часть четвертую статьи 312 УК РА изложить в следующей редакции: «Взяткодатель освобождается от уголовной ответственности, если имело место вымогательство взятки, или если это лицо до того, как о даче взятки стало известно органам уголовного преследования, но не позднее, чем в течении десяти дней после совершения преступления, добровольно сообщило о даче взятки органам уголовного преследования и способствовало раскрытию преступления».

Следует добавить, что аналогичные изменения и дополнения целесообразно внести не только в статьи УК о получении, даче взятки и посредничестве во взяточничестве, но и в статьи, предусматривающие уголовную ответственность за иные коррупционные преступления, такие как коммерческий подкуп, получение незаконного вознаграждения публичным служащим, не являющимся должностным лицом, дача ему незаконного вознаграждения.

На наш взгляд, реализация представленных в данной статье законодательных предложений по расширению возможностей применения поощрительных уголовно-правовых норм в борьбе с коррупционными преступлениями может содействовать дальнейшему совершенствованию законодательной практики и уголовно-правовой политики в данном направлении.

Список использованной литературы:

1. Мелтонян Р.М. Поощрительные нормы Уголовного Кодекса Российской Федерации: Автореф. дис... кандидата юрид. наук. Рязань. 1999. – 21 с.

2. Конвенция ООН «Против коррупции», принятая резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи ООН от 31.10.2003г.// Электронный ресурс: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения 20.04.2018).

3. Тумаркина Л.П. Коммерческий подкуп: Монография. – М., 2005. – 176 с.

4. Волженкин Б.В. Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963 — 2007 гг.). – СПб., 2008. – 971 с.

5. Закон РА от 22.10.2007г. «Об оперативно-розыскной деятельности» //Электронный ресурс: http: //www.parliament.am/ legislation. php? Sel =show &ID=3093&lang=rus (дата обращения 20.04.2018).

6. Уголовный Кодекс РА от 18.04.2003г.// Электронный ресурс: http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show(дата обращения 20.04.2018).

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ КРЕДИТА

Махмадзода Н., аспирант кафедры уголовного права юридического факультета ТНУ Республики Таджикистан

Субъективная сторона состава каждого преступления примечательна имманентной (внутренней) сущностью противоправного деяния, психическим отношением лица к совершаемому им общественно-опасному деянию [10, 15-16], которое «характеризуется виной, мотивом, целью и эмоциями» [9, 158]. Вышеизложенные критерии представляют собой субъективное основание уголовной ответственности, являющиеся такими же обязательными, как и объективное основание - деяние (действие или бездействие) [3, 24].

Справедливо отмечается, что именно неправильное выяснение и установление субъективной стороны (вины, мотива, цели) обуславливает существенные ошибки при квалификации преступлений [6, 24-59]. Однако, надо отметить, что установление субъективной стороны деяний в кредитной сфере довольно сложно, что связано с объективными причинами, «коренящихся в самой природе рассматриваемых преступлений» [9, 159]. Тем не менее, этот момент никак не устраняет надобность определения субъективной стороны, наряду с другими элементами состава преступления, в каждом отдельно взятом случае посягательства на кредитно-финансовую систему [11, 62].

Начнем в понятия вины. Вина – это центральное понятие субъективной стороны и один из обязательных признаков преступления. Несмотря на всю важность этого понятия, на вопросы «почему» и «зачем» виновное лицо совершило определенные общественно-опасные деяния отвечают факультативные признаки субъективной стороны – мотив и цель. В наиболее общем виде вина признаётся как психическое отношение виновного лица к совершенному деянию.

В соответствии с нынешним уголовным законодательством РТ, в случае отсутствия вины лица, причинившего вред интересам граждан, организаций или же государства, оно не подлежит уголовной ответственности, каким бы тяжким ни был вред. Действующее уголовное законодательство не признает объективного вменения, то есть привлечения лица за общественно-опасные последствия без установления вины. Этот тезис находит свое законодательное закрепление в ст. 7 УК РТ, где приводится, что «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные деяния и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда не допускается».

Следует указать, что Расторопова О.В. убеждена, что преступления в сфере кредитования могут быть совершены только умышленно [9, 159]. Преступление признается совершенным умышленно, если оно совершено с прямым или косвенным умыслом. Прямой умысел подразумевает осознание лицом общественной опасности своего деяния, предвидение возможности или неизбежности общественно-опасных последствий и желания их наступления. Косвенный умысел же, в свою очередь, означает осознание лицом общественной опасности своего деяния, предвидение возможности наступления последствий, нежелание, но допускание либо безразличное к ним отношение.

Необходимо подчеркнуть, что «с субъективной стороны все преступления в сфере экономической деятельности характеризируются умышленной формой вины» и в этом заключается их специфика» [4, 150]. Анализ ч. 1 ст. 264 УК РТ демонстрирует, что гражданин, индивидуальный предприниматель или же руководитель организации при заключении кредитного соглашения «сознательно» вводит кредитную организацию или банк в заблуждение касательно своего финансового состояния или хозяйственного положения.

Наша позиция схожа с точкой зрения Расторопповой О.В., которая подчеркивает, что лицо предвидит возможность причинения своими действиями ущерба и желает их совершения (прямой умысел) или сознательно допускает (косвенный умысел) [9, 159]. Важно напомнить, что присутствие слова «заведомо» уже свидетельствует об умышленной форме вины в данном преступлении.

Законодатель в диспозиции ст. 264 УК РТ абсолютно точно делает акцент на важную характеристику субъективного момента - заведомость. Заведомость – от слова «заведомый», «хорошо известный, несомненный» о чем-нибудь отрицательном [8, 171], выступает «самостоятельным признаком субъективной стороны легализации преступных доходов» [12, 147]. Под заведомостью подразумевается достоверное знание лица и осознание им преступного характера своих действий, а не его догадки или предположения [13, 15]. Заведомость характеризует факт того, что лицо не могло не знать о незаконности своих деяний, предоставленных ложных сведений [7, 86]. Необходимо отметить, что содержание признака «заведомый» характеризуется тем, что лицо достоверно знает о факте предоставления ложных документов о своем хозяйственном положении или финансовом состоянии, а не предполагает это.

Уместно было бы привести пример из практики суда района Фирдавси города Душанбе. Обвиняемые Саломова М. Х., Мирзоев В. М. и Мансуров Н. П. были освобождены от уголовной ответственности по ч.1 ст. 264 УК РТ, несмотря на совершение умышленного преступления. Следует указать, что обвиняемые незаконно получили кредит в размере $15 тыс. в Агроинвестбанке. Дело в том, что суд освободил этих лиц на основании их запроса (письменного заявления) от уголовной ответственности, приводя в качестве основания Закон РТ «Об амнистии» от 24 августа 2016 года под №1355. В частности, в ч. 3 ст. 6 упомянутого закона говорится, что лица впервые умышленно совершившие преступления небольшой и средней тяжести, освобождаются от уголовной ответственности.

Проблема данного судебного определения заключается в отсутствии вопроса урегулирования ущерба Агроинвестбанку. В определении не сказано ни одного слова о том, кто будет возмещать ущерб банку. Было бы неплохо, если бы законы об амнистии коснулись и материальной стороны вопросов, так как помимо сказанного, это является упущением в Законе РТ «Об амнистии» и не соответствует ст. 32 Конституции РТ, где приводится: «Материальный и моральный ущерб, нанесенный личности в результате незаконных действий государственных органов, общественных объединений, политических партий, других юридических или отдельных лиц, возмещается в соответствии с законом за их счет». Это же положение предусмотрено и в пункте 1 принятого и действующего Постановления Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан №2 от 25 июня 2012 года «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении материального ущерба, причиненного в результате совершения преступления» [1, 1].

Расторопова О.В. уверена, что высказываемые в правовой науке суждения «о возможности неосторожного отношения виновного к причинению крупного ущерба в данном преступлении» необоснованны [9, 160] в связи с конструкцией части 1 ст. 264 УК РТ и положением двойной формы вины (ст. 30 УК РТ). Несмотря на однозначность формы вины при совершении незаконного получения кредита, до сих пор имеют место дискуссии о субъективной стороне упоминаемого преступления.

Анализ содержания ч. 2 ст. 27 УК РТ наталкивает на мысль о том, что при совершении преступления - незаконное получение кредита, отношение виновного лица к общественно-опасным последствиям могут выражаться и в форме умысла, и неосторожности, так как при незаконном получении кредита лицо изначально намеревается вернуть незаконно взятый кредит, пусть и полученный с нарушением закона. Лицо может по неосторожности причинить ущерб, когда у него пропадает возможность возврата долга по независящим от него причинам. Несмотря на это, очевидно, что незаконное получение кредита совершается умышленным путем.

Мамедов А.А. полагает, что правоприменитель в большинстве случаев не в состоянии аргументированно доказать вину субъектов преступлений (руководителей организаций), которые не признают умысел на совершение преступления, парируя свои противоправные действия некомпетентностью и небрежностью в ходе выполнения обязанностей, заявляя о незнании закона и т.д., но как известно, незнание закона не освобождает лицо от ответственности.

Следует обратить внимание, что вероятный субъект преступления завладевая денежными средствами не напрямую, а через юридическое лицо, придает своим действиям как бы «легитимный характер» [9, 160]. Здесь нелегко доказать причастность лица к совершению

преступления, так как оно может ссылаться на факт принадлежности денежных средств юридическому лицу, а не конкретно виновному. Более того, создаются организации в форме ООО или ОАО, где руководство осуществляют коллегиальные органы, (отвечающие за проведение различных операций) а не одно лицо, и как мы знаем, юридическое лицо не может выступать субъектом преступлений в уголовном праве. Тем не менее, можно однозначно утверждать, что в при проведении различного рода действий обязательно назначается или избирается ответственное за реализацию операций лицо. В таких случаях к ответственности привлекается лицо, обладающее правом последней подписи (т.е. ответственное за выполнение определенных действий лицо). Вопреки мнениям некоторых ученых о неосторожном причинении вреда, незаконное получение кредита совершается умышленным способом. Вместе с тем, ученые по-разному толкуют рассматриваемую проблему.

Первая группа ученых (А.Э. Жалинский, Б.В. Волженкин, И.В. Шишко) считают, что незаконное получение кредита совершается с косвенным умыслом. Лицо осознает общественную опасность своего действия, относится к ним безразлично либо сознательно их допускает, но не желает наступления негативных последствий [2, 120].

Вторая группа ученых (к примеру, Н.А. Лопашенко) уверены, что данное преступление совершается как с косвенным, так и с прямым умыслом. «Виновный осознает, что получает кредит на обычных или льготных условиях путем обмана кредитора, предоставления ему заведомо ложных сведений о своем хозяйственном или финансовом положении, предвидит возможность или неизбежность наступления крупного ущерба правоохраняемым интересам и желает их наступления или не желает, но сознательно их допускает либо безразлично относится к их наступлению» [5, 117]. Мы не поддерживаем подобный подход, ибо уже ранее отмечали о структуре статьи 264 УК РТ и о заведомости совершения данного преступления. Возможно имеет место дискуссия об умышленности или неосторожности причинения ущерба, но вопрос о форме совершения данного преступления никак не стоит.

Список использованной литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан №2 от 25 июня 2012 года «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении материального ущерба, причиненного в результате совершения преступления».
2. Волженкин В.Б. Экономические преступления. - СПб., Юридический центр Пресс. 1999. - 312 с.
3. Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Субъективная сторона преступления. - Ростов-на-Дону: Булат, 1999. - 31 с.
4. Ларичев В.Д., Гильмутдинова Н.С. Таможенные преступления. - М.: Экзамен, 2001. - 608 с.
5. Лопашенко Н.А., Иногамова-хегай Л.В. Совершенствование уголовно-правовых норм об экономических преступлениях // Уголовное право. 2001. №1. С. 19-20.
6. Назаров А.Д. Влияние следственных ошибок на ошибки суда. - СПБ., 2003. - 323 с.
7. Никулина В.А. Отмывание «грязных» денег. Уголовно-правовая характеристика и проблема соучастия / В.А. Никулина. М.: Юрлитинформ, 2001. 160 с.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка/ Под ред. Н.Ю. Шведовой. 18 изд., Стереотип. М.: Русский язык, 1986. - 797 с.
9. Расторопова О.В. Преступления в сфере кредитования: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Дисс. на соис. к.ю.н. М., 2011. 223 с.
10. Рарог А.И. Субъективная сторона и квалификация преступлений. - М.: Профобразование, 2001. - 133 с; Филимонов В. Теоретические проблемы учения о вине в уголовном праве // Уголовное право. 2004. №3. С. 69-71.
11. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. - 304 с.
12. Сафаров А.И. Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств либо иного имущества, полученных противозаконным путем (по материалам Республики Таджикистан). Дисс. на соис.к.ю.н. М., 2011. 229 с.
13. Уканов Г.К. Легализация денежных средств или иного имущества, приобретенных незаконным путем: уголовно-правовое и криминологическое исследование: Автореф. дис. канд. юрид. наук.- Алматы, 2008. - 25 с.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ХИЩЕНИЯ СОПРЯЖЕННЫЕ С НАСИЛИЕМ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Меликсетян А.С., доцент кафедры уголовного права и криминологии Академии Образовательного комплекса Полиции Республики Армении, подполковник полиции, кандидат юридических наук

В большинстве стран мира хищения подразделяются на две группы: кражи (в том числе ненасильственный грабеж) и другие формы хищения, которые часто характеризуются термином „ограбление" [1, 214]. Только в уголовных кодексах государств СНГ способы хищения четко выделены, в том числе, выделен разбой, как самый опасный способ хищения. А в уголовных кодексах стран романо-германской правовой системы термин „разбой" не употребляется. Вместо этого используется понятие простого и тяжкого ограбления. Под разбоем в статье 249 УК Германии понимается хищение имущества с применением силы против лица или с применением угрозы реальной опасности для жизни. В качестве самостоятельного преступления выделен разбой при отягчающих обстоятельствах (статья 250). Сюда относятся случаи разбоя с использованием оружия или в составе банды.

По УК Австрии различаются два вида насильственного хищения (ограбления): разбой (raub) и тяжкий разбой (schwere raub). За первое деяние отвечает тот, кто «применяя насилие против другого лица или угрожая созданием опасности для здоровья или жизни изымает у другого лица чужую движимую вещь или принуждает передать ее с намерением посредством такого присвоения незаконно обогатиться самому или обогатить третье лицо». За тяжкий разбой отвечает тот, кто «совершает ограбление, будучи членом банды, при содействии другого члена банды, или совершает ограбление с использованием оружия». Так же наказывается тот, кто применяя насилие, причиняет другому лицу тяжкое телесное повреждение. В уголовном праве Франции целая группа преступных посягательств на собственность (включая разбой) объединена понятием «vol» (обманное изъятие вещи другого лица), которое переводится, как кража или хищение (второй вариант более удачен). В уголовном праве Англии и других стран английского общего права выделяется ограбление (robbery), которое означает кражу, сопровождаемую применением силы или угрозой применения силы. Не трудно увидеть, что в большинстве стран разбой предусмотрен в виде материального состава.

Согласно статье 175 УК Республики Армении разбой – это нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, или с угрозой его применения. В УК РА разбой описан в виде формального состава-разбой считается оконченным в момент нападения независимо от факта завладения имущества. Но такая формулировка в юридической литературе заслужила критику в том смысле, что разбою, как способу хищения, присущи типичные признаки хищения, в том числе, и момент окончания, когда преступник имеет реальную возможность распоряжаться или воспользоваться имуществом [2, 358]. Поэтому в юридической литературе разбой прежде всего считается иным преступлением против собственности, чем хищение [3, 98]. В качестве обоснования того, что разбой описан в формальном составе, можно рассматривать усиление уголовно-правовой защиты собственности и личности [4, 94]. Но статистика показывает, что в большинстве случаев преступники не уходят с пустыми руками, и в обоих случаях деяние квалифицируется как оконченный разбой. Но мы полагаем, что разбой-нападение и разбой-хищение не находятся в одной той же плоскости. При условии такой квалификации будет нарушен принцип справедливости. Но нужно подчеркнуть, что в рамках индивидуализации наказания суды имеют право учитывать как факт: имело место оконченное хищение или нет. Но такой подход мы не можем считать законодательным и обязательным для всех судов.

В связи с этим, проект нового УК РА сделал попытку уладить такое разногласие, описывая состав разбоя как материальный. Так, по статье 242 Проекта, разбой – это хищение, который совершен с применением насилия или с угрозой его применения. Из формулировки,

которая дана в Проекте, вытекает, что разбой считается преступлением с материальным составом, то есть оно оканчивается тогда, когда лицо, совершившее преступление, имеет реальную возможность распоряжаться или воспользоваться имуществом. Такая формулировка считается более приемлемой, потому что разбой считается одним из способов хищения, поэтому у него должны быть типичные признаки хищения, в том числе, и момент окончания.

От других способов хищения разбой разделяется по специфическому способу преступления: нападение, сопровождающееся применением насилием, опасного для жизни или здоровья или с угрозой его применения. Для того, чтобы доказать состав разбоя, прежде всего надо подтвердить, что имело место хищение со всеми признаками, а потом, определить способ хищения и связь между ними-нападение, сопровождающееся насилием опасного для жизни и здоровья или угрозой его применения, которое совершалось с целью хищения.

Обычно в понятие нападения включают следующие признаки: внезапность, агрессивность, неожиданность [5, 272]. Нападение сопровождается физическим или психическим насилием. Насилие предполагает любое воздействие на жертву для подавления его воли, которое ограничивает возможность принять нужное решение или действие. Физическое насилие предполагает прямое воздействие на физическую неприкосновенность потерпевшего или ограничение свободы через внешние барьеры. Психическое насилие осуществляется путем влияния на волевые процессы человека и не связано с заблуждением. В этом смысле, любой способ отравления, даже инъецирование ядом тела жертвы путем обмана, считается не обманом, а насилием [6, 97]. Как разбой следует квалифицировать введение в организм потерпевшего опасных для жизни или здоровья сильнодействующих, ядовитых или одурманивающих веществ с целью приведения его таким способом в беспомощное состояние и завладения чужим имуществом [7, 522].

В этом контексте возникает вопрос – является ли нападения обязательным во всех случаях разбоя, или нет, потому что, если обманом инъецируется яд, который опасен для жизни и здоровья, то фактически, в этом случае, нападение отсутствует, но инцидент должен быть квалифицирован как разбой. Фактически, в составе разбоя главное не наличие нападения, а вид насилия, то, что насилие должно быть опасным для жизни и здоровья. Таким образом, исходя из этих соображений, в проекте УК РА нападение не предусмотрено как признак объективной стороны разбоя.

В отличие от действующего УК РА, где способом совершения разбоя является насилие опасное для жизни или здоровья или угроза его применения, в Проекте способом разбоя является насилие или угроза его применения, без указания на конкретный вид насилия. Согласно Проекту, даже если хищение будет совершено с насилием не опасным для жизни и здоровья, то инцидент должен квалифицироваться как разбой, а согласно действующему УК РА, он (инцидент) квалифицируется как грабеж, совершенный с отягчающими обстоятельствами (п. 4, ч. 2, ст. 176 УК РА). В Проекте дано юридическое понятие насилия, согласно которому, насилием считается умышленное физическое воздействие на другое лицо или причинение физического или психического ущерба, который осуществляется путем игнорирования воли или против его воли. Такая законодательная формулировка существенно способствует различению на практике разбоя от грабежа, совершенного при отягчающих обстоятельствах.

И в Уголовном кодексе и в Проекте разбой считается умышленным преступлением, а в качестве субъекта может рассматриваться физическое вменяемое лицо в возрасте старше 14 лет. Примечательно, что в Проекте также изменились размеры хищения. Если в действующем кодексе крупным размером хищения (в том числе и разбоя) считается сумма превышающая 500 минимальных размеров оплаты труда, а особо крупным размером-сумма, превышающая 3 тысячи минимальных размеров оплаты труда, то в Проекте, крупным размером считается сумма, не превышающая 100 размеров оплаты труда, а особо крупным размером сумма, превышающая 100 минимальных размеров оплаты труда.

Что касается значительных размеров хищения, включая разбой, то об этом в Проекте нет упоминаний. Мы считаем, что это не является законодательным упущением, а решение этого вопроса остается на усмотрение правоохранительных органов, которые, исходя из об-

стоятельств конкретного дела, особенно из социального положения потерпевшего, имеют право определять размер хищения.

Следует отметить, что в Проекте исчезло такое отягчающее обстоятельство как разбой с незаконным проникновением в помещение либо иное хранилище. Тем не менее, мы считаем, что из помещения либо из иного хранилища хищение осуществляется, в основном, за счет использования технических средств, поэтому, согласно Проекту, данный вид разбоя подлежит квалификации как разбой, совершенный при отягчающих обстоятельствах.

Законопроект добавил особо отягчающее обстоятельство разбоя: с хищением предметов, которые представляют историческую, художественную или культурную ценность. Такое особо отягчающее обстоятельство дополнено путем устранения специальной нормы, которая предусматривает ответственность за хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 180 УК РА). К размеру наказания как в Кодексе, так и в Проекте, подход законодателя одинаков. То есть, простой разбой и разбой, совершенный при отягчающих обстоятельствах являются тяжкими преступлениями, а разбой, совершенный при особо отягчающих обстоятельствах, считается особо тяжким преступлением.

При действии нового Уголовного кодекса правоприменитель может столкнуться с другой проблемой: может ли новый закон иметь обратную силу? Мы считаем, что во всех тех случаях, если лицо совершило разбой-нападение (в соответствие с настоящим Кодексом, инцидент квалифицируются как завершенный разбой), то в случае принятия Проекта, норма, которая устанавливает уголовную ответственность за разбой, сможет иметь обратную силу, поскольку инцидент подлежит квалификации как попытка разбоя, а в этом случае, согласно порядку назначения наказания за неоконченное преступление, наказание не может превышать трех четвертей максимального срока лишения свободы. Во всех случаях, когда в Проекте устанавливается такое отягчающее обстоятельство, которое не известно действующему Кодексу, (например, разбой по отношению беременной женщине), эта часть закона не может иметь обратной силы. Другими словами, вопрос о том, будет иметь или нет новый закон обратную силу, зависит от того, улучшает ли (в том числе и частично) он (закон) правовое положение лица, совершившего преступление. Таким образом, можно сделать вывод, что как в Уголовном кодексе, так и в Проекте, разбой считается самым опасным способом хищения, так как лицо, совершившее разбой, посягает на два объекта: чужую собственность и неприкосновенность личности.

Тем не менее, формулировка Проекта положения уголовного законодательства, предусматривающая ответственность за разбой и грабеж, по нашему мнению, наиболее приемлема. Кроме этого, выяснена диспозиция разбоя при наличие которой легче будет отличать разбой от насильственного грабежа, что в свою очередь, будет способствовать единообразному применению уголовно-правовой нормы на практике. Мы считаем, что уголовная политика всегда должна быть эффективно реализована особенно в направлении насильственных преступлений, включая хищения.

Список использованной литературы:

1. Додонов В. Н., Капинус О. С., Щерба С. П. Сравнительное Уголовное право. Особенная часть. М., 2010. - 544 с.

2. Уголовное право Республики Армении. Особенная часть / на армянском языке / 2011. – 1056 с.

3. Кочой С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М., 1998. - 108с.

4. Кригер Г. А. Квалификация хищения социалистического имущества. М., 1974. - 358 с.

5. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации / под. ред. А. И. Рарога. М., 2004. – 640 с.

6. Богданчиков С. В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты преступлений против собственности. М., 2011. - 239 с.

7. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации. 4-е издание. Отв. ред. А. А. Чекалин, 2002. – 1265 с.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АКАДЕМИИ

Мирвода О.Н., старший преподаватель-методист учебно-методического центра Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, магистр правоохранительной деятельности

Акимжанов Е.С., старший преподаватель-методист факультета очного обучения Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, магистр правоохранительной деятельности

Традиционно, за последние столетия, технология образовательной деятельности в высшем образовании практически не изменилась (лекции, практические занятия, самостоятельная работа студентов, а также формы контроля знаний), однако огромные темпы развития и проникновения технико-технологических и информационных технологий во все сферы человеческой деятельности изменили не только поведение человека, но и процесс восприятия новой информации. По темпу внедрения инноваций в область образования Казахстан находится в числе передовых. Этот процесс идет непрерывно и ускоряется с каждым годом, в стране поставлены новые цели по улучшению качества образования. Главные шаги в сторону улучшения структуры и качества высшего образования были сделаны в рамках Послания Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева «Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции». По его мнению, в высшем образовании нужно увеличить число выпускников, обученных информационным технологиям, работе с искусственным интеллектом и «большими данными» [1].

В Костанайской академии имени Шракбека Кабылбаева широко используются инновационные технологии. Преподавателями активно внедряются в образовательный процесс активные и интерактивные методы обучения. Это имитационные технологии, в основе которых лежит имитационное или имитационно-игровое моделирование: ситуационные методы (анализ конкретных ситуаций, кейс-технологии), имитационный тренинг, деловая игра. Данные методы дают наибольший эффект при усвоении материала, так как в этом случае достигается существенное приближение учебного процесса к практической профессиональной деятельности.

В последнее время особое внимание уделяется также методам интерактивного обучения с использованием компьютерных технологий [2]. Без применения информационно-коммуникационных технологий образовательное учреждение не может претендовать на инновационный статус в образовании. Ведь инновационным считается образовательное учреждение, широко внедряющее в образовательный процесс организационные, дидактические, технические и технологические инновации и на этой основе добивающееся реального увеличения темпов и объемов усвоения знаний и качества подготовки специалистов.

Новым технологиям обучения посвящена 11-я статья Закона «Об образовании», в которой говорится о внедрении и эффективном использовании новых технологий обучения, в том числе кредитной, дистанционной, информационно-коммуникационных, способствующих быстрой адаптации профессионального образования к изменяющимся потребностям общества и рынка труда [3]. Под дистанционными технологиями обучения согласно статье 1 пункта 38 этого же Закона понимается «обучение, осуществляемое с применением информационно-коммуникационных технологий и телекоммуникационных средств при опосредствованном (на расстоянии) или не полностью опосредствованном взаимодействии обучающегося и педагогического работника». Такой подход позволяет активно использовать дистанционные технологии для организации интерактивных форм обучения, таких как: организация самостоятельной работы студентов, взаимодействие обучающихся и преподавателей, организация совместной работы студентов над проектами.

Развитие и применение дистанционных образовательных технологий приобретает все возрастающее значение. Прогресс в этой области является важным фактором реформирования и совершенствования отечественной системы образования, приведения ее в соответствие международным требованиям и интеграции в международное образовательное пространство.

Преподаватели Академии имеют большой опыт работы с использованием дистанционных технологий, что позволяет предложить некоторые электронные продукты для использования в организации интерактивной образовательной среды. Например, разработан авторский проект «Портал дистанционного обучения» для обучающихся факультета заочного обучения, который является не только средством дистанционной поддержки учебного процесса, но и позволяет организовывать самостоятельную работу курсантов, а также взаимодействие курсантов между собой.

Как отмечает автор учебного пособия «Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе», «современные компьютерные телекоммуникации позволяют участникам вступать в «живой» (интерактивный) диалог (письменный или устный) с реальным партнером, а также делают возможным активный обмен сообщениями между пользователем и информационной системой в режиме реального времени. Компьютерные обучающие программы с помощью интерактивных средств и устройств обеспечивают непрерывное диалоговое взаимодействие пользователя с компьютером, позволяют обучающимся управлять ходом обучения, регулировать скорость изучения материала, возвращаться на более ранние этапы и т.п.» [4]. Это позволяет повысить качество и эффективность подготовки, дает возможность осуществлять дифференцированный подход к обучению с учетом индивидуальных особенностей обучающихся. Компьютерные технологии позволяют также осуществлять взаимодействие между преподавателем и обучаемым в диалоговом режиме, создают возможности активизации познавательной деятельности, доступа к современной, свежей информации, позволяют обеспечить наилучшую реализацию принципа наглядности. Сочетание традиционных методов и средств обучения с компьютерными технологиями способствует повышению успеваемости, активизирует самостоятельную работу. Например, с сентября 2017 года в рамках реализации Протокола о сотрудничестве в области образовательной и научной деятельности между образовательными организациями Академией и Барнаульским юридическим институтом МВД Российской Федерации организованы онлайн-лекции для курсантов факультета очного обучения.

В связи с вышеизложенным, внедрение и активное использование новых образовательных технологий у учебном процессе изменяет методику обучения, позволяя наряду с традиционными методами, приемами и способами взаимодействия, использовать инновационные, способствующие формированию у обучающихся общекультурных и профессиональных компетенций, обеспечивающие высокую мотивацию, прочность знаний, творчество и фантазию, коммуникабельность, активную жизненная позицию, командный дух, ценность индивидуальности, свободу самовыражения, акцент на деятельность, взаимоуважение и демократичность. То, насколько умело будут внедряться в учебный процесс новые образовательные технологии, зависит от личности самого преподавателя. По словам Н.В. Бордовской: «Самую строгую инструментальную технологию нужно наполнить человеческим содержанием и смыслом, вдохнуть в нее жизнь, сделать ее в какой-то мере авторской, учесть индивидуально-личностные особенности субъектов, группы или коллектива, обстоятельства реального жизненного окружения и образовательной среды, особенности самого педагога» [5].

Список использованной литературы:

1. Послание Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева «Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции» от 10.01.2018г.

2. Захарова, И.Г. Информационные технологии в образовании: учебное пособие для высш. учеб. заведений / И.Г. Захарова. - М.: «Академия», 2008., с.338

3. Закон Республики Казахстан «Об образовании» от 27 июля 2007 года № 319-III.

4. Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе: учебное пособие / сост. Т.Г. Мухина. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2013. – 97 с.

5. Современные образовательные технологии: учебное пособие / коллектив авторов; под ред. Бордовской Н.В. – 2-е изд., стер – М.: КНОРУС, 2011. – 432 с.

ОСНОВНЫЕ ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕНИХ ДЕЛ

Мирвода О.Н., магистр правоохранительной деятельности Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева

Профессиональная подготовка, грамотно осуществляемое обучение сотрудников полиции является одной из важнейших проблем и одним из приоритетных направлений деятельности полиции на сегодняшний день. Изменения, которые произошли и происходят практически во всех сферах жизни общества, требуют новых профессиональных знаний и умений.

Проблема профессионального обучения сотрудников ОВД всегда была и остается актуальной, так как от уровня их подготовленности в конечном итоге зависит как общий уровень профессиональной компетентности будущих правозащитников, так и состояние правопорядка в целом страны.

Успешное решение задач, стоящих перед органами внутренних дел, во многом зависит от уровня подготовки личного состава. Готовность к правомерному и решительному применению мер принуждения для охраны правопорядка и обеспечения общественной безопасности, умение тактически грамотно действовать в различных ситуациях при пресечении преступлений и административных правонарушений достигается прежде всего, уровнем организации учебного процесса в образовательных организациях МВД Республики Казахстан, применяемыми технологиями, профессионализмом должностных лиц, принимающих участие в обучении и воспитании курсантов.

Современное состояние профессионального обучения характеризуется стремлением к его модернизации, повышению качества подготовки сотрудников ОВД, внедрению непрерывности образования и практической ориентированности учебного процесса с учетом особенностей образовательных учреждений. Придавая огромное значение подготовке кадров Президент Республики Казахстан Н. Назарбаева в Послании народу Казахстана «Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции» отметил, что «в высшем образовании нужно увеличить число выпускников, обученных информационным технологиям, работе с искусственным интеллектом и «большими данными» [1].

В настоящее время, в период смены образовательной парадигмы от состава преподавательского корпуса требуется не только знание предмета и умение излагать его, но также и умение проектировать педагогический процесс, прогнозировать результативность обучения, управлять этим процессом, владеть современными педагогическими технологиями, в основе которых лежит подготовка сотрудника-профессионала, способного правильно подбирать и рационально сочетать различные формы и методы обучения, гибко реагировать на быстро меняющиеся условия, требования отрасли и интересы обучаемых.

Важным условием эффективной организации системы ведомственного образования в области специализированной подготовки кадров для органов внутренних дел является внедрение педагогических инноваций. Прежде всего, речь идет о внедрении компетентностного и практикоориентированного подходов**,** которые предусматривают использование современных образовательных (информационных, телекоммуникационных, интерактивных, проблемного обучения и т.п.) технологий и значительное увеличение доли практического обучения в структуре образовательного процесса.

Наряду с традиционными технологиями и методами обучения в Костанайской академии МВД имени Шракбека Кабылбаева активно используются современные инновационные технологии обучения. Преподавателями активно внедряются в образовательный процесс активные и интерактивные методы обучения. Это имитационные технологии, в основе которых лежит имитационное или имитационно-игровое моделирование: ситуационные методы (анализ конкретных ситуаций, кейс-технологии), имитационный тренинг, деловая игра. Данные методы дают наибольший эффект при усвоении материала, так как в этом случае достигается

существенное приближение учебного процесса к практической профессиональной деятельности.

В последнее время особое внимание уделяется также методам интерактивного обучения с использованием компьютерных технологий. Без применения информационно-коммуникационных технологий образовательное учреждение не может претендовать на инновационный статус в образовании. Ведь инновационным считается образовательное учреждение, широко внедряющее в образовательный процесс организационные, дидактические, технические и технологические инновации и на этой основе добивающееся реального увеличения темпов и объемов усвоения знаний и качества подготовки специалистов [2].

Новым технологиям обучения посвящена 11-я статья Закона «Об образовании», в которой говорится о внедрении и эффективном использовании новых технологий обучения, в том числе кредитной, дистанционной, информационно-коммуникационных, способствующих быстрой адаптации профессионального образования к изменяющимся потребностям общества и рынка труда [3]. Под дистанционными технологиями обучения согласно статье 1 пункта 38 этого же Закона понимается «обучение, осуществляемое с применением информационно-коммуникационных технологий и телекоммуникационных средств при опосредствованном (на расстоянии) или не полностью опосредствованном взаимодействии обучающегося и педагогического работника». Такой подход позволяет активно использовать дистанционные технологии для организации интерактивных форм обучения, таких как: организация самостоятельной работы обучающихся, взаимодействие обучающихся и преподавателей, организация совместной работы обучающихся над проектами.

Развитие и применение дистанционных образовательных технологий приобретает все возрастающее значение. Прогресс в этой области является важным фактором реформирования и совершенствования отечественной системы образования, приведения ее в соответствие международным требованиям и интеграции в международное образовательное пространство.

Преподаватели Академии имеют большой опыт работы с использованием дистанционных технологий, что позволяет предложить некоторые электронные продукты для использования в организации интерактивной образовательной среды. Авторским коллективом Академии разработан проект «Портал дистанционного обучения» для обучающихся факультета заочного обучения. Главной задачей организации дистанционного обучения является реализация принципа индивидуализации обучения и на этой основе повышения его эффективности и качества через применение кейсовых технологий дистанционного обучения.

Как отмечает автор учебного пособия «Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе», «современные компьютерные телекоммуникации позволяют участникам вступать в «живой» (интерактивный) диалог (письменный или устный) с реальным партнером, а также делают возможным активный обмен сообщениями между пользователем и информационной системой в режиме реального времени. Компьютерные обучающие программы с помощью интерактивных средств и устройств обеспечивают непрерывное диалоговое взаимодействие пользователя с компьютером, позволяют обучающимся управлять ходом обучения, регулировать скорость изучения материала, возвращаться на более ранние этапы и т.п.» [4]. Это позволяет повысить качество и эффективность подготовки, дает возможность осуществлять дифференцированный подход к обучению с учетом индивидуальных особенностей обучающихся. Компьютерные технологии позволяют также осуществлять взаимодействие между преподавателем и обучаемым в диалоговом режиме, создают возможности активизации познавательной деятельности, доступа к современной, свежей информации, позволяют обеспечить наилучшую реализацию принципа наглядности. Сочетание традиционных методов и средств обучения с компьютерными технологиями способствует повышению успеваемости, активизирует самостоятельную работу. Например, с сентября 2017 года в рамках реализации Протокола о сотрудничестве в области образовательной и научной деятельности между образовательными организациями Академией и Барнаульским юридическим институтом МВД Российской Федерации организованы онлайн-лекции для курсантов факультета очного обучения.

Одним из важнейших элементов современного образовательного пространства является использование обучающимися открытого библиотечного интерфейса, организация доступа к разнообразным и научно-информационным ресурсам. В этом разрезе Академия, на основе заключенных договоров, успешно пользуется возможностью получения услуг электронно-библиотечных систем республиканской межвузовской электронной библиотеки, научной электронной библиотеки, что позволяет преподавателям и курсантам иметь достоянный доступ через Интернет к образовательным ресурсам данных систем.

В процессе профессиональной подготовки сотрудника правоохранительной системы, организации их деятельности и профессионального взаимодействия необходимы строгая согласованность всех звеньев образовательного процесса, подчинение их конечной цели и искомому результату, который одновременно является и главным критерием эффективности подготовки кадров в образовательных организациях МВД Республики Казахстан. Необходимыми и достаточными условиями для функционирования системы профессиональной подготовки сотрудников ОВД на наш взгляд, являются: внедрение новых форм и методов обучения курсантов на основе интенсивных педагогических технологий; создание практической основы для быстрой реализации дифференцированной, качественной профессиональной подготовки кадров, призванных работать в новых условиях становления и развития правового государства - это то, чем обусловлен успех профессиональной деятельности сотрудника Министерства внутренних дел.

Список использованной литературы:

1. Послание Президента Республики Казахстан Н.Назарбаева «Новые возможности развития в условиях четвертой промышленной революции» от 10.01.2018г.

2. Захарова, И.Г. Информационные технологии в образовании: учебное пособие для высших учебных заведений / И.Г. Захарова. - М.: «Академия», 2008., с.338

3. Закон Республики Казахстан «Об образовании» от 27 июля 2007 года № 319-III.

4. Активные и интерактивные образовательные технологии (формы проведения занятий) в высшей школе: учебное пособие / сост. Т.Г. Мухина. – Н. Новгород: ННГАСУ, 2013. – 97 с.

ҒОРАТГАРИ ҲАМЧУН ЯК ШАКЛИ ТАСАРРУФ

Мирзоев Қ.Х., унвонҷӯи кафедраи ҳуқуқи ҷиноятии факултети ҳуқуқшиносии Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Ҷумҳурии Тоҷикистон бо ба даст овардани истиқлолияти давлатӣ ва қабул намудани Конститутсияи худ ҷой доштани ҳама гуна шаклҳои моликиятро дар ҳудуди давлатдории худ кафолат дода, дар самти бунёди давлати ҳуқуқбунёди демократӣ устуворона қадам ниҳода истодааст. Асоси ин гуфтаҳо моддаи 32 Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон мебошад, ки мутобиқи он: “Ҳар кас ҳуқуқ дорад соҳиби моликият ва мерос бошад. Ҳеҷ кас ҳуқуқ надорад ҳуқуқи шахсро ба моликият бекор ва маҳдуд кунад. Молу мулки шахсро барои эҳтиёҷоти ҷамъият фақат дар асоси қонун ва розигии соҳиби он бо пардохти арзиши пурраш давлат гирифта метавонад”[1; 7].

Ин маънои онро дорад ҳар нафаре, ки дар ҳудуди ҷумҳури зиндагони мекунад ҳуқуқ ба моликият дорад ва ҳифзи моликияти ӯро аз дигарон давлат ба ӯҳдаи худ гирифтааст. Моликияти ҳар шахс ба воситаи Конститутсия, қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон ва санадҳои байналхалқие, ки аз тарафи Тоҷикистон эътироф шудаанд, ҳифз карда мешавад.

Новобаста аз оне, ки моликияти шахсро давлат кафолат додааст ва тарзи муносибат ба моликиятро дар сатҳи қонунгузории муқаррар карда бошад ҳам, дар ҳаёти имрӯза муносибатҳои мазкур вайрон мегардад. Аз ин рӯ, барои чунин ҳуқуқвайронкуниҳо қонунгузор намудҳои гуногуни ҷавобгарӣ муқаррар менамояд. Яке аз чунин намудҳои ҷавобгарие, ки барои ҳифзи моликияти шахс пешбини карда шудааст ин ҷавобагрии ҷиноятӣ мебошад, ки он дар боби 26 (ҷиноятҳо ба муқобили моликият)-и Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз моддаи 244 то 257 муқаррар карда шудааст.

Ҷиноятҳо ба муқобили моликиятро ба ду гуруҳ ҷудо намудан мумкин аст, ки ба гуруҳи аввал ин ҷиноятҳо ба муқобили моликияте, ки аломати тасарруфкунӣ доранд ва ҷиноятҳо ба муқобили моликияте, ки аломатҳои тасарруфкунӣ надоранд. Аз ҳама паҳншудатарин ҷинояти ба муқобили моликият ин ҷиноятҳое, ки бо тасарруфи амволи ғайр алоқманданд ба ҳисоб меравад. Тасарруфи амволи ғайр шаклҳо ва намудҳои худро дорад. Дар Кодекси ҷиноятии ҶТ вобаста аз тарзи содиршавии тасарруф дар моддаҳои дахлдор ҳафт шакли тасарруф муқаррар шудааст: Аз ҷумлаи; дуздӣ (м. 244), азонихудкунӣ (м. 245), исрофкорӣ (м. 245), қаллобӣ (м. 247), ғоратгарӣ (м. 248), роҳзанӣ (м. 249), тамаъҷӯӣ (м. 250). Якчанд шакли дигари тасарруф ки қонунгузор онҳоро аз рӯи нишонаи сифатҳои махсуси предмети тасарруф тақсим намудааст. Ба онҳо тасарруфи пулу молӣ ба тариқи кредит додашуда (м. 246), тасарруфи ашё ё асноди дорои арзиши махсус (м. 251), тасарруфи воситаҳои фондҳои кӯмаки хориҷӣ (м. 257). Аз ҳама шакли паҳншудатарини тасарруфи амволи ғайр – ин ғоратгари яъне, тасарруфи ошкорои молу мулки ғайр ба ҳисоб меравад, ки дар замони имрӯза содир шудани он бештар ба чашм мерасад.

Мафҳуми тасарруф дар қонунгузории ҷиноятӣ ҶТ дар эзоҳи моддаи 244 Кодекси ҷинояти дода шудааст. Мувофиқи он таҳти мафҳуми тасарруф дар моддаҳои кодекси мазкур ғайриқонунӣ, боғараз, ройгон гирифтан ва (ё) ситонидани амволи ғайр ба фоидаи гунаҳкор ё дигар ашхос дар назар дошта шудааст.

Мафҳуми овардашуда таҷасумгари ҳамаи шаклҳои тасарруф мебошад. Яъне қобили татбиқ ба ҳама шаклҳои аниқи тасарруф (дуздӣ, қаллобӣ, азонихудкунӣ, исрофкорӣ, ғоратгарӣ, роҳзанӣ, тамаъҷӯӣ) мебошад.

Мафҳуми «тасарруф» аввалин бор дар қонунӣ ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон, ки дар эзоҳи м. 244 КҶ дода шудааст, муайян карда шудааст. Аҳамияти назариявӣ ва амалии ин навоварии қонунгузорӣ хело калон мебошад. Ниҳоят, то айни замон набудани ягонагии фаҳмиши мафҳуми «тасарруф», ки дар таҷрибаи муборизаи мақомоти ҳифзи ҳуқуқ бар зиддӣ ин навъӣ фаъолияти ҷиноятӣ мавҷуд буд, бартараф карда шуд[2; 502-503].

Дар КҶ истилоҳи «тасарруф» дар ду маънӣ истифода мегардад аввал ин ки, он вазъияти воқеии ҷиноятро алайҳи моликияти ғайр ифода менамояд; дуюм ин ки дар шакли умумӣ он ҳамчун мафҳуме истифода мешавад, ки тамоми шаклу намудҳои тасарруфи амволи ғайрро тавсиф менамояд [3; 232]. Инчунин, мафҳуми «тасарруф» бо якчанд моддаҳои дигари Кодекси ҷиноятӣ, аз қабили 199, 202, 339 ва ғайра мутааллиқ аст. Аз ин ҷиҳат, ақида доир ба он ки таҳти мафҳуми «тасарруф» фақат азонихудкунӣ ва исрофкорӣ фаҳмида мешавад, беасос аст.

Тасарруф – ин ҷиноятӣ молумулки буда молу мулк-предмети он ба ҳисоб меравад. Тасарруф ҳамеша моддӣ (шайъӣ) буда, аз ашёи муайяни олами ҳастӣ иборат аст, яъне дорои нишонаи молумулки мебошад. Ин чунин маъно дорад, ки молу мулк ҳамчун предмети тасарруф бояд дорои андозаҳои муайяни физикиву табиӣ бошад (адад, миқдор, вазн, андоза ва ғ.). Аз ин ҷиҳат, боғаразона тасарруф намудани арзишҳое, ки аз чунин нишонаҳо маҳруманд, масалан, қувваи барқ ва гармидиҳи ва моликияти маънавӣ (ақидаҳо) наметавонанд таркиби тасарруфи амволи ғайрро ташкил диҳанд, зеро онҳо нишонаи ашёро доро нестанд. Истифодаи ғайриқонунӣ ва худсаронаи қувваи барқ ё гармидиҳӣ таркиби дигар ҷиноятро бар зидди моликият ба вуҷуд меоварад [4;]. Тасарруфи моликияти маънавӣ (плагиат) бошад, он таркиби ҷиноятро ташкил медиҳад, ки дар м.156 ва 301 КҶ дарҷ ёфтааст.

Ғайр аз он, на ҳама омилҳои ҷиноятҳои зидди моликият метавонанд предмети тасарруф бошанд. Масалан, ҳамон як ашё аз қабили яроқи оташфишон метавонад предмети ҷиноят бар зидди моликият бошад (дар сурати вайрон ё нобуд сохтани он - м.255 КҶ), аммо ҳамин ашё наметавонад ба сифати предмети тасарруфи амволи ғайр баромад кунад. Тасарруфи чунин амволро ҳамчун ҷиноят бар зидди амнияти ҷамъиятӣ баҳо медиҳанд, ки мутобиқи м.199 КҶ бандубаст карда мешавад.

Аломати дигари муҳими тасарруф – ин хусусияти иқтисодии он мебошад. Предмети тасарруф метавонад танҳо он чизҳое бошанд, ки дорои арзишҳои муайяни иқтисодианд, яъне соҳиби арзишҳои моддие, ки қобилияти қаноат бахшидани эҳтиёҷоти инсонианд (арзиши астеъмолӣ ва навъоварӣ) ва ҳамчунин чизҳое, ки дар онҳо ин ё он шакли меҳнати одамӣ сарф карда шудааст.

Чизҳое, ки дар истеҳсол ва ба даст овардани онҳо меҳнати инсон сарф нашудааст, предмети тасарруф шуда наметавонанд. Чунин ҳолат барои фарқ намудани тасарруф аз як қатор навъҳои ҷиноятҳои экологи аҳамияти калон дорад. Масалан, ҷангал, дарахтзори бисёрсола, обанборҳои мустақил, моҳӣ дар обанборҳои муқаррарӣ, ҳайвоноти ваҳшӣ, парандагон, олами наботот ва ғ. предмети тасарруф шуда наметавонанд, чунки онҳо дар ҳолати муқаррарӣ қарор доранд.

Инчунин, ҳангоме шахс амволеро, ки ба соҳибаш нолозим шудасту молик аз баҳри он баромадааст, соҳиб мешавад, дар чунин маврид низ оид ба тасарруф сухан гуфтан мумкин нест[2;502].

Ифодаи воқеии хусусияти иқтисодии ҳар як мол – ин арзиши вай, яъне, баҳои пулӣ – нарх мебошад. Аз ин ҷиҳат, нарх нишонаи зарурии тасарруфи амволи ғайр аст. Муайянкунии нархҳо талаботи ҳатмии бандубасти дурусти кирдори ҷиноятии шахсонест, ки барои ба даст овардани моликияти ғайр равона гардидааст. Истисно танҳо таркиби ҷиноятеро ташкил медиҳад, ки дар м.251 КҶ пешбинӣ шудааст (тасарруфи ашё ё асноди дорои арзиши махсус).

Бо назардошти он ки пулҳо эквиваленти умумии нархҳо ба ҳисоб мераванд, аз ин ҷиҳат, онҳо ҳамчунин метавонанд предмети тасарруф бошанд. Соҳиб шудани онҳо ба тасарруфи арзишҳои амволӣ баробар аст. Модоме ки онҳо ба сифати ивазкунандаи пурраи арзишҳои амволи баромад мекунанд, талафоти онҳо зиёни рӯирости ҷабрдида аст. Ба сифати пул ҳам пули миллии тоҷикӣ (сомонӣ ва дирам) ва ҳам пули хориҷӣ (доллар, рубли руссӣ, сӯми узбекӣ ва ғ.) баромад мекунанд [7; 26].

Асъори аз муомилот баровардашуда дар он маврид предмети тасарруф шуда метавонад, ки агар он арзиши илмию таърихӣ дошта бошад. Предмети тасарруф, ғайр аз пулҳо, қоғазҳои қиматнок ҳам шуда метавонанд. Чунин қоғазҳо ҳуҷҷатҳоеанд, ки ба воситаи онҳо татбиқ намудани ҳуқуқи амволӣ имконпазир аст. Ба қоғазҳои арзишнок

саҳмияҳо, облигатсияи дохилии заёмҳои давлатӣ ва маҳаллӣ, қоғазҳои баровардашудае, ки аз тарафи Ҳукумати Ҷумҳурӣ ва Бонки миллии Тоҷикистон, мақомоти маҳаллии ҳокимияти давлатӣ, бонкҳои амонатӣ кафолат дода шудаанд, дафтарчаҳои амонатгузорӣ ва векселҳои тиҷоратӣ дохил мешаванд [4; 1-2].

Ҳуҷҷатҳои хусусияти молумулкӣ надошта ба сифати молу мулк баҳо дода намешаванд (шиноснома, бланкаҳо, шаҳодатномаи ронандагӣ, шаҳодатномаи таваллуд, парвандаҳои ҷиноятӣ ва шаҳрвандӣ ва ғ.). Ҳамчунин, ҳуҷҷатҳое, ки арзиши иқтисодӣ надоранд ва ба сифати воситаи пардохт амал накарда, танҳо шаҳодатдиҳандаи ҳуқуқ барои гирифтани амволи муайян ё ҳуқуқ барои корҳои муайян мебошанд, ба сифати амвол баҳо дода намешаванд ва предмети тасарруф шуда наметавонанд (эътимоднома, борхатҳо, забонхати расмӣ, чекҳои молӣ (маҳсулотӣ), ҳуҷҷатҳои мусофират, талонҳо, чиптаҳо барои роҳкиро ва ғ.).

Хазинаи (ё ганҷинаи) ёфташуда низ наметавонад предмети тасарруф шавад. Хазина – ин пулҳо ё ашёҳои арзишноки зери замин гӯронидашуда ё ки бо ин ё он роҳ пинҳондошташуда мебошанд, ки ба кадом соҳибмулк тааллуқ доштани онҳо маълум нест ё ин ки ӯ дар асоси қонун ҳуқуқи худро ба ин чизҳо гум кардааст [2; 503]. Аммо азхудкунии хазина аз ҷониби шахсоне, ки дорои вазифаҳои истеҳсоли ҳафриёти археологӣ ва кофтуковӣ мебошанд, ҳамчун тасарруф баҳо дода мешавад.

Аз худ намудани тилло, санг ва дигар металлҳои қиматбаҳо, ки берун аз ҳудуди ҷарайёни истеҳсолоти қаъри замин ба миён омадааст, тасарруфро ба вуҷуд намеорад, чунки онҳо боигарии муқаррарии табиӣ ба шумор мераванд. Лекин ба таври худсарона, ғайриқонунӣ истихроҷ намудани тилло ва минбаъд ситонидани он ба манфиати шахсии худ ё шахси сеюм, ки дар ҳудуди корхонаи тиллобарорӣ содир шудааст, ба сифати тасарруф бандубаст карда мешавад. Агар дар оянда онҳо предмети додугирифт қарор ёбанд, дар ин сурат гунаҳкор бо маҷмӯи ҷиноятҳо - тасарруфи амволи ғайр (м.244 КҶ) ва бастани аҳди ғайриқонунӣ бо металҳои қиматбаҳо, сангҳои қиматбаҳои табиӣ ё марворид (м.284 КҶ) ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида мешавад. Дар мавридҳои муайян коркарди худсаронаи онҳо ва саркашии минбаъда аз фурӯши ҳатмӣ ба давлат метавонад таркиби ҷинояти вайрон кардани қоидаҳои ба давлат супоридани фулузот ва сангҳои қимматбаҳоро, ки дар м.285 КҶ пешбинӣ шудааст, ба вуҷуд орад.

Нишонаи дигари предмети тасарруф – ин хусусияти ҳуқуқии он аст. Амвол бояд дар як вақт бо ду хусусияти юридикӣ тавсиф ёбад;

1. Он бояд, пеш аз ҳама дар моликияти ягон соҳибмулки қонуни қарор дошта бошад.

2. Он бояд барои гунаҳкор ғайр (бегона) бошад [6; 36].

Яке аз шаклҳои бештар паҳнгаштаи тасарруф ин ғоратгарӣ мебошад, ки барои он ҷавобгари дар моддаи 248 КҶ Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбини карда шудааст, ки тибқи он ғоратгарӣ, яъне ошкоро тасарруф кардани молу мулки ғайр мебошад. Яке аз ҷиноятҳое, ки ба ҳуқуқҳои моликиятии шахс таҷовуз менамоянд, ин ғоратгарӣ ба шумор меравад.

Ҷинояти мазкур дар моддаи 248 КҶҶТ пешбини гардидааст. Дар асоси диспозитсияи моддаи мазкур “Ғоратгарӣ, яъне ошкоро тасарруф кардани молу мулки ғайр ба шумор меравад. Яъне шахси ҷинояткор ба таври ошкоро моликияти шахси дигарро аз худ намуда, бо ин рох, манфиатхои молу мулкии дигаронро поймол менамояд. Хафнокии ҷинояти мазкур дар он аст, ки дар як маврид шахси ҷинояткор моликияти шахси дигарро аз худ менамояд, аз тарафи дигар бошад, ин тасарруф ошкоро сурат мегирад. Қонун ғоратгариро ҳамчун ошкоро тасарруф кардани амволи гайр муқаррар менамояд, ки тарафи объективии онро ташкил медиҳад. Тасарруф ошкоро эътироф мегардад, агар он дар ҳузури ҷабрдида ё шахсони бегона бе розигии соҳибмулк ва ё шахсе, ки молу мулк дар ихтиёраш қарор дорад содир шуда бошад, яъне ин шахсон мушоҳида мекунанд ва тасарруфи зиддиқонунии молу мулкро дарк мекунанд.

Тасарруф ҳамчун ғоратгарӣ эътироф мешавад, агар гунаҳкор дарк намояд, ки ҷабрдида ё дигар шахсон ҳодисаи содиршуда истода ва ғайриқонунӣ будани онро дарк карда, эҳсос мекунанд, ки чунин кирдор дар воқеъият хусусияти ҷиноятӣ дорад. Дар

ҳама ҳолатҳо ҷиноятқор бо боварии субъективӣ амал мекунад ба тариқи ошкоро тасарруфи молу мулки ғайрро содир карда истодааст ва ботинан бовари дорад, ки гирифтани молу мулк аз ихтиёри соҳиби он аён ва кушоду рӯшан содир мешавад.

Тасарруф чун ошкоро эътироф намешавад ҳатто агар молу мулк дар ҳузури дигар шахсон гирифта шавад, аммо онҳо ба рафтор таҳсинкорона муносибат кунанд ва ҷиноятқор инро фаҳмад. Тасарруфи молу мулки ғайр инчунин, ҳамчун ғоратгарӣ эътироф намешавад дар он ҳолате ки соҳибмулк ё дорандаи молу мулк ва ё дигар шахсон ҳар чанд ҳодисаи тасарруфи молу мулкро назорат карда истодаанд, аммо бо ягон сабаб ҳузури худро маълум намесозанд ва аз ин шахси гунаҳгор огоҳ нест ва фикр менамояд, ки пинҳони молу мулки ғайрро тасарруф карда истодааст.

Тасарруфи молу мулки ғайр ҳамчун ғоратгарӣ эътироф мешавад, агар ҷиноят ҳамчун дуздӣ оғоз ёфта бошад, вале ҷиноятқор аз ҷониби ҷабрдида ва ё шахси сеюм дар ҷои ҷиноят муайян шуда бо вуҷуди ин ӯ тасарруфи молу мулкро идома медиҳад. Дар чунин ҳолат дуздӣ ба ғоратгарӣ табдил меёбад, чунки гунаҳкор ин вазъиятро дарк намуда бо вуҷуди ин кирдори ҷиноятқоронаи хешро дар давраи сӯйиқасд ба дуздӣ қатъ накарда азхудкунии молу мулкро то охир ошкоро идома медиҳад.

Аз таҳлили ҷинояти мазкур бармеояд, ки ғоратгарӣ яке аз шаклҳои тасарруф буда, вобаста ба хусусият ва дараҷаи ба ҷамъият хавфнокиаш қонунгузор онро ба таври алоҳида чун ҷиноят муқаррар намудааст.

Инчунин мушкилоти дигар дар он аст, ки дар амалияи татбиқи меъёри ҷавобгарии ҷиноятӣ барои ғоратгарӣ баъзе аз кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ҳангоми банду басти ҷинояти мазкур ба душвори дучор мегарданд, хусусан дар муайян кардани фарқ байни ҷинояти ғоратгарӣ аз роҳзанӣ.

Масъалаи дигар чунин аст, ки дар қисми 2 моддаи 248 КҶ ҶТ бо истифодаи зӯроварии барои ҳаёт ё саломатӣ хавфнок нест ва ё бо таҳдиди истифодаи чунин зӯроварӣ муқаррар карда шудааст. Дар ин ҷо дақиқ маълум карда нашудааст, ки кадон намуди зӯрвариро қонунгузор дар назар дорад, ҳол он ки худи мафҳуми зӯроварӣ умуман дар моддаҳои Кодекси ҷиноятӣ ҳар гуна шаҳр дода шудааст. Масалан: дар моддаи 111 КҶ ҶТ пешбини шудааст, ки қасдан расонидани зарари миёна ба саломатӣ, ки барои ҳаёт хавфнок нест. Лекин агар дар натиҷаи ғоратгарӣ ба ҷабрдида зарари миёна ба саломатӣ расонида шавад, он гоҳ ҷавобгарии ҷиноятӣ бо моддаи 249 КҶ ба миён меояд, на ғоратгарӣ. Аммо дар диспозитсияи моддаи 249 КҶ пешбини шудааст, ки бо истифодаи зӯроварии барои ҳаёт ва саломатӣ хавфнок қисми 1-и ҳам моддаи 248 ва ҳам 110 ё бо моддаи 249 КҶ.

Аз гуфтаҳои боло ба чунин хулоса омадан мумкин аст, ки ҳангоми ҳалли масъалаи бандубасти ҳаракатҳои ашхосе, ки тасарруфи ошкорои амволи ғайрро содир намудааст, бояд арзиши умумии амволи тасарруфшуда бо нишонаи ба миқдори калон ё махсусан калон ба асос гирифта шавад. Тасарруфи ошкоро дар ҳама шакл бо нияти ғаразнок ва мақсади табдил додани амволи гирифташуда ба манфиати худ ё шахси дигар дар кадом роҳу воситае ки бошад содир мешавад.

Сабаб аз содир намудани ин ҷиноят пеш аз ҳама дар он зоҳир мегардад, ки баъзе шахсон аз бекори, камбизоати, баъзеи дигар бошад, шояд ба ин кирдор одат кардаанд аз роҳи росту тарбияи дуруст ақиб мондаан ва даст ба ин ҷиноят мезананд.

Дар таҷрибаи мақомотҳои ҳифзи ҳуқуқ ва судӣ оид ба бурдани тафтишоти пешакӣ, сари вақт ошкору пешгири намудани содиршавии ҷиноятҳо алоқаманд ба тасарруфи амволи ғайр, махсусан ғоратгарӣ, инчунин ҳангоми баррасии парвандаҳои марбут ба тасарруфи ошкорои амволи ғайр дар таҷрибаи судҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон татбиқи дурусти қонунгузории ҶТ ва қарорҳои Пленуми Суди Олии ҶТ ба роҳ монда шудааст.

Дар баробари ин кормандони мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ва судӣ кушиш аз он намоянд, ки роҳу воситаҳои нави ошкору кушодани ин навъи ҷиноятро сармашқи худ намуда ва татбиқи дурусти Кодекси ҷиноятии ҶТ, қонунҳо ва қарорҳои Пленуми Судӣ Олии ҶТ-ро оид ба тасарруфи амволи ғайр ба роҳ монда бандубасти дурусти ҳуқуқии ҳаракатҳои ашхоси дар содир намудани ин ҷиноят гунаҳкорро ба роҳ монда сари вақт

содиршавии ин ҷиноятро ошкору пешгири намоянд ва сабабу шароитҳои содиршавии ҷинояти мазкурро бартараф намоянд, то ки сатҳи содиршудани ин ҷиноят паст шавад.

Рӯйхати адабиёти истифодашуда:

1. Конститутсияи Ҷумҳурии Тоҷикистон 6 ноябри соли 1994. Душанбе, 2016. С. 7
2. Тафсири кодекси ҷиноятии ҶТ муҳарири масъул Шарипов Ҳ.Қ. 2006. ш. Душанбе с502-503
3. Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон 21 майи с1998. Душанбе - 2017 м,244-250.
4. Қонуни ҶТ «Дар бораи қоғазҳои арзишнок ва биржаҳои фондӣ» аз 10.03.92с.
5. Гаухман Л.Д, Максимов С. В. Ответственность за преступления против собственности. М: Ю 1997. с 131
6. Лопашенко Н. А. Преступления в сфере экономики. Саратов-2006. с. 36.
7. Солиев К.Х., Раҳимов Р. Х. Коментарий к преступлениям в сфере экономики Душанбе 2001, с. 26.

СУДИМОСТЬ И ПРОБЛЕМА ЕЕ УЧЕТА ПРИ АМНИСТИИ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ТАДЖИКИСТАНА И РОССИИ

Музафаров С.З., адъюнкт кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, капитан милиции

Институт судимости с момента своего возникновения всегда вызывал самое пристальное внимание ученых к себе. Термин «судимость», которым именуется один из важных институтов уголовного права, является относительно новым для уголовного законодательства Республики Таджикистан и Российский Федерации. Он означает «числящийся за кем-нибудь судебный приговор за совершенное преступление» [8, с. 6]. Большая часть ученых, которые непосредственно рассматривали вопрос судимости в учебниках [16, с. 5], монографиях [9, с. 193] или в диссертациях [12, с. 14; 15, С. 12], утверждают, о том, что термин судимость в тексте нормативных актов впервые встречается в Декрете ВЦИК РСФСР от 1 мая 1920 г. «Об амнистии к 1 мая 1920 г.» [1]. Сложно согласиться с этим положением, поскольку термин судимость содержался и в другом правовом акте, который существовал до этого. Например, Декрет СНК РСФСР от 04 марта 1918 г. «О праве граждан изменить свои фамилии и прозвища» [2].

Важно отметить, что в современном понимании отдельные элементы института судимости существовали и намного раньше. По данному вопросу Г.Ю. Зинин отмечает, что судимость изначально рассматривалась в контексте повторности (рецидива) преступлений, главным образом, для усиления ответственности [12, с. 14]. Подобное высказывание встречается и в работах У. А. Азизова [7, с. 60] и А. Г. Холикова [24, с. 315]. Известно, что повторность или рецидив преступлений всегда служили основанием для ужесточения уголовного наказания. Это встречается также в Судебниках 1497 и 1550 г. [9, с. 192].

В случае возникновения необходимости определить, привлекалось ли лицо к уголовной ответственности, отбывало ли уголовное наказание, в первую очередь, учитывалось наличие на теле у преступников внешних следов от понесенных ими ранее членовредительских наказаний и клеймения, которые были широко распространены. Н. С. Таганцев отмечал, что древнее право всех народов знало в отношении к важнейшим преступникам самый простой материальный способ удостоверения – внешние следы на теле преступника понесенных им наказаний; попадает преступник, у которого уши резаны, руки или ноги порублены, - несомненно, что он уже был в приводе и наказании, - это «пятнание» преступника оставалось долгое время главным средством удостоверения прежней судимости. Телесное наказание в виде вырывания ноздрей было отменено в российском уголовном праве в 1817 г., клеймение – только в 1863 г. [22, с. 316].

Понятие рецидива преступлений в нормативно-правовых актах, которые применялись после революции 1917 года, не были раскрыты, но термин «рецидивист» употреблялся. В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 года в ст. 12 предусматривалось, что при определении меры наказания следует различать совершено ли деяние профессиональным преступником (рецидивистом) или первичным преступником [21, с. 23].

Судимость в соответствии с ч. 1 ст. 84 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (далее УК РТ) [5], возникает со дня вступления в законную силу обвинительного приговора, по которому назначено наказание. Схожее положение установлено и в ст. 84 Уголовного кодекса Российский Федерации (далее УК РФ) [6]. Известными видами (способами) прекращения судимости являются ее погашение и снятие. Это подтверждается и мнениями ученых, как в советском периоде [10; 11; 23], так и в современной уголовно-правовой доктрине [25, с. 836]. Данные виды аннулирования судимости зависят от различных критериев, таких как: а) категории преступления; б) вида наказания; в) акта амнистии или помилования; г) безупречного поведения осужденного после отбывания наказания и других.

Известно, что наличие судимости порождает за собой различные правовые последствия, предусмотренные как в УК обоих стран, так и в других законах. Об этом свидетельст-

вуют научные труды по уголовному праву, в которых они подразделяются на уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и общеправовые последствия судимости [17, с. 403]. Однако если анализировать ст. 84 УК РТ, то можно прийти к выводу, что в данной статье, к сожалению, отсутствует норма, которая определяла бы, какие-либо последствия судимости. Уместно отметить, что в отличие от УК РТ, законодательство государств–участников СНГ содержит норму, определяющую некоторые из последствий судимости. К примеру, можно привести ч. 1 ст. 86 УК РФ [6] и ч. 1 ст. 79 Уголовного кодекса Республики Казахстан [4], которые устанавливают, что: «судимость учитывается при рецидиве преступления, назначении наказания …».

Анализ норм уголовного закона показывает, что уголовно-правовые последствия судимости широко распространены как в Общей, так и в Особенной части УК РТ и УК РФ. Уголовный законодатель, подразумевая о последствиях судимости, вместо этого использует различные термины. К ним следует отнести следующие:

- повторность совершения преступления (п. «а» ч. 1 ст. 62 УК РТ);
- рецидив преступления (ст. 66 УК РТ);
- опасный рецидив (грабеж п. «г» ч. 3 ст. 248 УК РТ);
- особо опасный рецидив (вымогательство п. «а» ч. 4 ст. 250 УК РТ);
- впервые совершившее преступление (ст. 72 УК РТ и ст. 75 УК РФ);
- ранее совершившим (п. «п» ч. 2 ст. 104 УК РТ);
- ранее судимым (п. «о» ч. 2 ст. 110 УК РТ);
- имеющим судимость (ч. 5 ст. 131 УК РФ и ч. 6 ст. 134 УК РФ).

Указанный перечень терминов в УК РТ и УК РФ, под которыми подразумеваются последствия судимости, не является исчерпывающим. В одном месте они играют роль ужесточения наказания, а в другом препятствуют освобождению от уголовной ответственности.

По нашему подсчету в статье Особенной части УК РТ последствия судимости отражены в следующем количестве:

а) ранее совершившим – 5;

б) ранее судимым – 9;

в) опасный рецидив – 27;

г) особо опасный рецидив – 39;

д) повторность – 78.

В совокупности их количество составляет 158. Однако, не смотря на это, некоторые ученые предлагают совершенствовать институт амнистии, который предусмотрен в ст. 82 УК РТ и, следовательно, расширить последствия судимости в УК РТ. С. Б. Саидвализода предлагает, что наравне со ст. 82 УК РТ следует принять новую, самостоятельную ст. $82^{1,}$ УК РТ [18, с. 192-195]. Согласно одному из пунктов которой при приятии акта амнистии должно учитываться отсутствие рецидива преступления независимо от его видов. Такую позицию она верно и справедливо обосновывает тем, что в последнее время некоторые из амнистированных вновь совершают преступления. Это подтверждается также изученными нами обвинительными приговорами по уголовным делам. Так, приговором суда района Сино по г. Душанбе, было рассмотрено в открытом судебном заседании уголовное дело от 11 июня 2015 года в отношении гражданина «…», ранее судимого по приговору суда района Фирдавси по г. Душанбе от 01 сентября 2010 г. по п. «ю» ч. 2 ст. 110 УК РТ и п. «а» ч. 3 ст. 237 УК РТ и назначено наказание по совокупности преступлений на основании ч. 3 ст. 67 УК РТ к 8 годам и 6 месяцам лишения свободы. Однако 07 ноября 2014 г. данный гражданин на основании ч. 2 ст. 4 Закона Республики Таджикистан «Об амнистии» от 29 октября 2014 г. был освобожден от дальнейшего отбывания наказания и в 2015 г. вновь совершил преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 195 УК РТ и п. «д» ч. 4 ст. 200 УК РТ.

По нашему мнению, С. Б. Саидвализода права в том, что нужно ограничивать круг лиц, в отношении которых можно принять акт амнистии. Но, по нашему мнению внесение ограничения именно в случае рецидива преступления не может решить этот проблему. Поскольку расширение последствий судимости наравне с теми, которые выше были указанны, не является целесообразным, В связи с этим, нам представляется верным, ограничивать принятие

акта амнистии не при рецидиве преступления, а в отношении лиц, ранее освобожденных от уголовной ответственности или от наказания с применением законов об амнистии и вновь совершивших умышленные преступления, если не истек срок привлечения к уголовной ответственности или имеющих судимость.

Учет судимости при амнистии можно выделить как самостоятельный вид уголовно-правовых последствий судимости. Это объясняется тем, что в большинстве случаев акт амнистии не распространяется на некоторых лиц, которые имеют судимость [3]. Однако, следует отметить, что в действующем УК РТ и УК РФ такого ограничения пока не предусматривается.

Согласно статистическим сведениям ГИАЦ МВД РТ [19] из года в год увеличивается общее количество лиц, имеющих судимость, на момент совершении преступления в Республики Таджикистан. Если в 2008 г. их количество составляло 1 244, то в 2015 г. достигло 1 554, то есть увеличилось на 310. Более подробные сведения, связанные с состоянием судимости в Республике Таджикистан приведены ниже в рисунке №1.

Изучение статистических сведений о судимости по данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [20] показывает, что количество ранее судимых в Российский Федерации, в отличие от Республики Таджикистан, из года в год снижается. Если в 2013 г. их количество составляло 250 245, то в 2017 г. стало 223 995, то есть снизилось на 26 250. Более подробно об этом указано на рисунке № 3.

Вопрос о достоверности уголовной или судебной статистики всегда вызывал сомнения у некоторых криминологов. В частности В. В. Лунеев отмечает, что фактическая преступность нередко многократно превышает преступность, о которой осведомлена уголовная юстиция, а известная ей преступность – ту ее часть, которая регистрируется и расследуется. Далее он отмечает, что разность между учтенной преступностью и фактической и составляет латентную преступность, превышающую в некоторых странах, в том числе в России, зарегистрированную ее часть в 3-5 раз [14, с. 88]. По этому поводу учеными была высказана мысль о том, что *«Существуют три вида лжи: ложь, наглая ложь и статистика»* [13, с. 114].

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно прийти к выводу, что судимость, как правовой феномен, получила свое особое развитие в советский период под непосредственным влиянием советской школы уголовного права. Далее отдельные нормы права трансформировались в институт права – судимости.

Суждение о том, что необходимо расширить некоторые уголовно-правовые последствия судимости за счет совершенствования института амнистии, как нам представляется, является нецелесообразном. Ведь, как было выше указано, последствия судимости встречаются и так во многих статьях, как в Общей, так и в Особенной части УК РТ. Совершенствование уголовного законодательства, безусловно, играет существенную роль в борьбе с преступностью. Но как показано на рисунке № 2, ежегодно увеличивается количество преступлений за счёт лиц безработных [19]. Следовательно, создание новых рабочих мест и уменьшение общеправовых последствий судимости, которые предусмотрены в различных законах, которые трудно подсчитать ввиду их большого объема, может изменить состояние преступности в стране в лучшую сторону.

Рисунок № 1

Год	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**
Общее количество лиц, имеющих судимость на момент совершения преступлений	**1244**	**1224**	**1024**	**1050**	**1309**	**1240**	**1356**	**1554**	**1471**	**1325**
Общее количество преступлений, совершенных лицами, имеющими судимость	**1190**	**1033**	**1130**	**1352**	**1495**	**1402**	**1339**	**1556**	**1584**	**1411**

Рисунок № 3 Социальное положение										
Год	**2008**	**2009**	**2010**	**2011**	**2012**	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**
Работающие	**943**	**1018**	**1382**	**2605**	**2915**	**2774**	**2559**	**2632**	**1873**	**1839**
Безработные	**7420**	**7841**	**6545**	**7837**	**9883**	**10695**	**11983**	**12961**	**14444**	**13441**

Рисунок № 3					
Год	**2013**	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**
Общее количество ранее судимых	**250 245**	**241 764**	**240 067**	**228 450**	**223 995**

Список использованной литературы:

1) Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Амнистия к 1-му мая 1920 г. http://istmat.info/node/41585 (дата обращения 13.05.2017 г.).

2) Декрет СНК РСФСР от 04 марта 1918 г. «О праве граждан изменить свои фамилии и прозвища». [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс (дата обращения 16.12.2017 г.).

1. Закон Республики Таджикистан «Об амнистии». Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан, 2016 г., №8-9, ст. 714. // Электронный ресурс: http: // base.mmk.tj/ (дата обращения 26.01.2018).

3) Уголовный кодекс Республики Казахстан. «Казахстанская правда» от 09.07.2014 № 132 (27753).

2. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. / Ахбори Маджлиси оли Республики Таджикистан. 1998 г. №9. ст. 68-70. // Электронный ресурс: http: // base.mmk.tj/ (дата обращения 01.05.2018).

4) Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (с изм. от 16.07.2017) [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс (дата обращения 01.03.2017 г.)

5) Азизов У. А. Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана: историко-правовое исследование: Дис. … док. юрид. наук. – Душанбе. 2015., 413 с.

6) Голина В. В. Погашение и снятие судимости по Советскому уголовному праву. Харьков: Вища школа. Издательство при Харьк. ун-те. 1979., 137 с.

7) Гришко А. Я. Амнистия. Помилования. Судимость. / А. Я. Гришко, А. М. Потапов. – М.: Университетская книга, 2010. 288 с.

8) Евтеев М. П. Погашение и снятие судимости. Издательство «ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». – Москва. 1964., 64 с.

9) Ераксин В. В., Помчалов Л. Ф. Погашение и снятие судимости в советском уголовном праве. – Москва. 1963., 48 с.

10) Зинин Г. Ю. Судимость как последствие уголовно правового осуждения. Дис. … канд. юрид. наук. – Рязань. 2014., 196 с.

11) Касторский Г. Л. Лож как социально-правовое явление и криминогенный фактор. Монография. – Санкт-Петербург: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, Издательский Дом «Алеф-Пресс». 2016., – 238 с.

12) Криминология: учебник / ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015., 800 с.

13) Маршенов А. Ю. Развитие института судимости в уголовном праве Российской федерации. Дис. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2002., 198 с.

14) Обернихина О. В. Судимость и ее правовые последствия: учебное пособие / О. В. Обернихина. – Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2015., 63 с.

15) Ревин В. П., Сафаров Х. С. Уголовное право Республики Таджикистан. Общая часть. Под общей ред. проф. Ревина В.П. и доц. Солиева К.Х. Учебник для ВУЗов. – Душанбе. «Ирфон», 2001. 443 с.

16) Саидвализода Б. С. Правовая политика Республики Таджикистан по вопросам амнистии. Вестник таджикского национального университета. Серия социально – экономических и общественных наук. 2017. №2/6. – Душанбе. 2017., 318 с.

17) Сведения ГИАЦ МВД Республики Таджикистан

18) Сведения Судебного департамента Верховного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 10.05.2018).

19) Соболев А. Ю. Срок судимости в уголовном праве. Дис. … канд. юрид. наук. – Москва. 2000., 190 с.

20) Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 2. – М.: Наука. 1994., 393 с.

21) Труфанов В. В. Советское уголовное право. Часть Общая.: Условное осуждение. Освобождение от наказания. Погашение и снятие судимости. – Москва. 1960., 28 с.

22) Холиков А. Г. Правовая система зороастризма (древнее право). – Душанбе, Маориф ва фарханг. 2005., 448 с.

23) Энциклопедия уголовного права. Т. 10. Освобождение от уголовной ответственности и наказания. Издания профессора Малинина – СПб ГКА. – 2008., 880 с.

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ КАЗАХСТАНА ПО ВОПРОСУ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПЫТОК: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Мухтабаева Р.К., заместитель начальника НИЦ Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, подполковник полиции

С момента обретения независимости в Казахстане было принято немало политических решений, направленных на формирование политики нулевой терпимости к пыткам.

Следует отметить, что опасность рассматриваемого нами уголовного правонарушения, прежде всего, состоит в том, что причиняется моральный, психологический, физический вред здоровью лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. И, как следствие, негативно отражается на общественном мнении о правоохранительных органах, как защитниках прав и свобод человека и гражданина, формирует отрицательное отношение общества к ним. У населения закрепляется мысль о том, что насилие, жестокость и несправедливость – вещи обыденные и естественные для казахстанского общества, а их применение оправдано необходимостью достижения целей, реализуемых уголовной политикой государства. К сожалению, следует констатировать то что в казахстанском социуме складывается мнение о снижении ценность личности, ее прав и законных интересов, которыми можно пренебречь для достижения общегосударственных целей, и оправдать совершение пыток благородными мотивами.

Как показывают проведенные исследования, а также анализ докладов различных международных организаций, проблема профилактики пыток и жестокого, бесчеловечного обращения с лицами, оказавшимися в сфере уголовного судопроизводства, не решена ни в одной стране мира. Это дает нам основание утверждать, что проблема противодействия пыткам в сфере уголовного судопроизводства и исполнения наказаний в последние годы обоснованно стала приоритетным направлением в работе многих государственных и неправительственных организаций.

В силу обязательств, которые несет Казахстан, являясь участником ряда международных соглашений, предусматривающих запрет подобных деяний, в стране был проведен ряд преобразований, направленных на создание эффективного правового превентивного механизма по предупреждению пыток.

В 1998 году Казахстан ратифицировал Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [1], тем самым приняв на себя обязательство по защите граждан и иных лиц от пыток и иного жестокого обращения. Учитывая, что международные правовые акты универсального характера представляют собой своего рода квинтэссенцию мировой практики, концентрируют в себе результаты осмысления наиболее проблемных, уязвимых точек жизнедеятельности мирового сообщества, сам собой констатируется факт обязательности установления и обеспечения уголовно-правового запрета на применение пыток, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.

Криминализация состава пыток в Республике Казахстан впервые была произведена в 2002 году, когда в действующий на тот период Уголовный кодекс 1997 года была введена самостоятельная статья, устанавливающая ответственность за пытки. Данный факт представляет собой частный вид уголовно-правовой криминализации, именуемый имплементационным, нередко применяемый казахстанским законодателем. В первоначальной редакции основным непосредственным объектом сконструированного состава преступления были определены интересы правосудия, в качестве дополнительного объекта посягательства выступала личность, а именно физическое и психическое благополучие потерпевшего, подвергающегося любым видам физического или психического воздействия [2]. Изначально вполне логично был определен специальный субъект пыток, формат которого был предопределен родовым объектом данного посягательства – следователь, дознаватель, или иное должностное лицо.

В 2008 году Казахстан ратифицировал Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [3]. В рамках реализации Факультативного протокола в 2013 году в РК создан правозащитный институт – Национальный превентивный механизм (далее – НПМ) [4]. В настоящее время представители НПМ осуществляют мониторинг отделений полиции и мест лишения свободы МВД Республики Казахстан, Комитета национальной безопасности, сиротские приюты, медицинские и социальные учреждения для детей инвалидов, специальные закрытые учебные заведения, интернаты для престарелых и инвалидов, подведомственные Министерствам здравоохранения, образования и науки, военные казармы Министерства обороны. Основной целью таких посещений, собственно, и является предотвращение пыток и других форм жестокого обращения.

Кардинальное изменение в социально-правовой направленности состава пыток произошло в 2011 году, когда, следуя рекомендациям гражданского общества, законодатель перенес состав пыток в главу «Преступления против конституционных и иных прав человека и гражданина». Данное решение законодателя было более чем обоснованным, поскольку именно статьей 17 Конституции Республики Казахстан закреплен постулат: «Достоинство человека неприкосновенно. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию» [5]. Таким образом, недопустимость пыток и других видов жестокого или унижающего достоинство обращения, определенная Конституцией РК и являющаяся, в первую очередь, конституционным правом каждого человека и гражданина, получила органичное продолжение в рамках уголовного законодательства. Как результат законодательных изменений, непосредственным объектом анализируемого деяния стали признаваться общественные отношения, обеспечивающие реализацию конституционного права на защиту от пыток [6, 123], что фактически повлекло (по крайней мере, должно было повлечь) расширение круга охраняемых общественных отношений. Вместе с тем, качественно новое содержание непосредственного объекта пыток не было сопровождено логически необходимым пересмотром свойств субъектов данного преступления, к которым диспозиции статьи 141-1 УК РК 1997 года, равно как и ныне действующая редакция ст. 146 УК РК 2014 года, по прежнему относят лиц, осуществляющих досудебное производство.

В целях усиления ответственности руководителей в 2014 году пункт 12-1 части 1 статьи 80 Закона Республики Казахстан от 06 января 2011 года № 380-IV «О правоохранительной службе» был дополнен подпунктом б), из содержания которого следует, что руководитель территориального правоохранительного органа подлежит увольнению за совершение подчиненным сотрудником преступления, связанного с грубым нарушением конституционных прав граждан, предусмотренных разделом II Конституции Республики Казахстан [7]. Данное дополнение в законодательстве является одним из примеров становления в правоохранительной системе Казахстана института коллективной ответственности. Необходимо отметить, что в Республике Казахстан из-за погрешностей законодательной техники при конструировании диспозиции статьи 146 Уголовного кодекса длительное время был затруднен процесс квалификации деяний, подпадающих под понятие «пытки», и разграничения со смежными уголовно-правовыми составами, в частности, с составом превышения власти или должностных полномочий (ст. 362 УК РК).

Именно этим продиктована целесообразность принятия нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 28 декабря 2009 года № 7 «О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по вопросам соблюдения личной свободы и неприкосновенности достоинства человека, противодействия пыткам, насилию, другим жестоким или унижающим человеческое достоинство видам обращения и наказания» постановило: «пытки необходимо отличать от иных действий, связанных с превышением власти или должностных полномочий, ответственность за которые предусмотрена статьей 362 УК. В соответствии с установленным частью 3 статьи 12 УК положением о конкуренции общей и специальной норм, деяния, сопряженные с причинением потерпевшему физических и психических страданий, квалифицируются по специальной норме - статье 146 УК, если они

были совершены должностным лицом для достижения указанных в данной статье целей. При этом дополнительной квалификации деяния по статье 362 УК не требуется»[8].

В 2017 году Генеральной прокуратурой начат пилотный проект в пяти областях страны, предусматривающий расследование дел о пытках исключительно специальными прокурорами. Между тем, в этих же областях дела о пытках расследуются антикоррупционной службой.

Согласно части 4 статьи 187 Уголовно-процессуального кодекса закреплена альтернативная подследственность по делам о пытках между Министерством внутренних дел (далее – МВД) и Национальным бюро по противодействию коррупции (далее – НБПК): предварительное расследование проводится органами внутренних дел или антикоррупционной службой, начавшими досудебное расследование в отношении лица, не являющегося сотрудником этого органа. В соответствии с пунктом 4 Инструкции о проверке заявлений о пытках и иных незаконных методах, связанных с жестоким обращением с лицами, вовлеченными в уголовный процесс и содержащихся в специализированных учреждениях, и их предупреждению, утвержденной приказом Генерального Прокурора от 01.02.2010 г. № 7, указанием Генерального Прокурора от 08.02.2013 г. №1/15, пунктом 8 Инструкции об организации досудебного расследования в органах прокуратуры, утвержденной приказом Генерального Прокурора от 27.03.2015 г. № 48, расследованием уголовных дел о пытках занимаются специальные прокуроры.

За прошедшие пять лет (в 2012 году пытки отнесены к приоритетной категории дел) специальные прокуроры в борьбе с пытками добились значительных результатов, которые положительно оценены, в том числе международными экспертами Комитета ООН против пыток, отмечающих в своих докладах о том, что только специальные прокуроры могут объективно расследовать пытки. И в завершении рассматриваемого периода государство принимает законодательные меры по созданию Фонда компенсации потерпевшим [9]. Законопроект определяет правовые основы для выплаты денежной компенсации отдельным категориям потерпевших от уголовных правонарушений. Категории определены по 62-м статьям Уголовного кодекса, в т.ч. по статье 146 УК Республики Казахстан. Законопроектом устанавливаются размеры денежной компенсации, которая является минимальной поддержкой потерпевшим в первое время, пока проводятся соответствующие мероприятия правоохранительными органами. Указанная компенсация впоследствии подлежит взысканию с виновного лица органами прокуратуры. Дальнейшее возмещение вреда виновным лицом потерпевшему осуществляется в судебном порядке, т.е. действующий порядок не меняется. Инструментом выплаты является Фонд компенсации вреда потерпевшим.

В настоящее время активно обсуждается вопрос об изменении уголовно-процессуального закона с разработкой собственной методики расследования пыток в целях реализации рекомендаций Стамбульского протокола, являющегося полным собранием международного опыта расследования пыток. Профессором М.Ч. Когамовым для разработки механизма расследования и рассмотрения уголовных дел о пытках судами, рекомендуемого для применения Стамбульским протоколом, был также изложен ряд предложений, среди которых разработка и внесение в уголовно-процессуальный кодекс отдельной главы, регламентирующей расследование пыток. Проект главы УПК «Производство по делам о пытках» им был вынесен на рассмотрение законодателя в период разработки нового УПК, но тогда возобладало мнение, что в такой процессуальной форме расследования нет необходимости. По мнению М.Ч. Когамова, данное мнение является ошибочным, так как мы имеем дело с преступлением, совершенным должностными лицами, ведущими уголовный процесс, то есть лицами, наделенными властными компетенцией и полномочиями. В этом их особенность, и отсюда трудности в раскрытии и расследовании или в процессе доказывания обстоятельств их совершения [10].

Проведенный ретроспективный анализ показывает, что Республика Казахстан активно включилась в процесс по имплементации норм, направленных на защиту прав граждан от пыток и другого жестокого обращения. В настоящее время создан эффективный правовой механизм по предупреждению данных правонарушений. Однако данные обстоятельства не

означают завершение указанного процесса, Казахстан продолжает курс по реализации соответствующей государственной политики, включающей образовательный, воспитательный, пропагандистский и другие направления по вопросам предупреждения пыток.

Список использованной литературы:

1. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml [Обращение к документу: 16 апреля 2018 года].
2. Борчашвили И.Ш., Комментарий к Уголовному Кодексу Республики Казахстан доктор юридических наук, профессор, академик Академии естественных наук Республики Казахстан, заслуженный работник МВД Республики Казахстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/T970000167_ [Обращение к документу: 17 апреля 2018 года].
3. О ратификации Факультативного протокола к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания: Закон Республики Казахстан от 26 июня 2008 года N 48-IV [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tengrinews.kz/zakon/parlament_respubliki_kazahstan/mejdunapodnyie_otnosheniya_respubliki_kazahstan/id-Z080000048_/[Обращение к документу: 17 апреля 2018 года].
4. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам создания национального превентивного механизма, направленного на предупреждение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания // Закон Республики Казахстан от 2 июля 2013 года № 111-V [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ombudsman.kz/about/zakon_doc/izmenenia_dopolnenia.php [Обращение к документу: 18 апреля 2018 года].
5. Конституция Республики Казахстан [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029#pos=0;0 [Обращение к документу: 16 апреля 2018 года].
6. Борчашвили И.Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Особенная часть (том 2). – Алматы: Жеті Жарғы, 2015. – 1120 с.
7. О правоохранительной службе: Закон Республики Казахстан от 6 января 2011 года № 380-IV // Ведомости Парламента РК, 2011 г., № 1 (2578), ст. 80.
8. *«О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по вопросам соблюдения личной свободы и неприкосновенности достоинства человека, противодействия пыткам, насилию, другим жестоким или унижающим человеческое достоинство» от 28 декабря 2009 года № 7 // «Казахстанская правда» от 19.01.2010 г., № 11 (26072).*
9. Закон Республики Казахстан от 10.01.2018 N 131-VI ЗРК "О Фонде компенсации потерпевшим" [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pavlodar.com/zakon/?all=all&dok=06435 [Обращение к документу: 19 апреля 2018 г.].
10. Сборник выступлений и рекомендаций участников научно-практической конференции «Казахстан: эффективное расследование и документирование пыток и другого жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания (Стамбульский протокол)» г. Астана, 21 ноября 2017 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.zakon.kz/4897864-sbornik-vystupleniy-i-rekomendatsiy.html [Обращение к документу: 23 апреля 2018 года].

ПОНЯТИЕ НАКАЗАНИЯ В ИСЛАМСКОМ ПРАВЕ

Назаров А.К., заведующий кафедрой криминалистики и судебно-экспертной деятельности юридического факультета ТНУ, кандидат юридических наук, доцент

В теории исламского права проблема понятие наказаний на сегодняшний день далеко не разрешена. Одной из важнейших предметов исследования в исламском праве и других областях науки является проблема определение понятие наказания. Данная проблема приобретает особую актуальность в связи с тем, что наказание считается наиболее эффективным уголовно-правовым средством борьбы с преступностью.

Институт «наказания» является одним из консервативных, и весьма традиционных в уголовном праве. Оно играет первостепенную роль в определении преступления или преступного деяния. Профессор Ширвани считает, что «... исламские уголовные законы были задуманы в интересах большинства в обществе»[1]. Изучение института наказания в различных правовых культурах, целесообразно принять во внимание эту концептуальную дифференциацию. Дэвид Форт, отмечает что, «исламская судебная система основывается на божественном подтверждении, а правосудие объявлено во имя всего святого. Предполагается, что все наказания и обвинения суда измеряются божественным критерием правосудия, в соответствии с которым наказания суровы там, где необходимо, и относительно мягки в тех случаях, которых предписаны шариатом. Наказание в соответствии с нормами исламского права направлено на защиту пяти основных ценностей ислама - религии, жизни, разума, собственности и продолжения потомства. Указанные ценности выступают в качестве основных объектов охраны исламского права».

Исламские правоведы считают: «Применяемые различные виды наказаний в исламском уголовном праве имеют целью перевоспитание, исправление и предупреждение осужденного и других лиц».

Понятие наказания недостаточно полно разработано исламским правом. В арабской литературе часто можно встретить определения наказаний категорий худдуд, кисас, тазир. Например, «аль-Маварди, давая определение наказания, пишет: «Худдуд – это наказание, установленное Аллахом за нарушение запретов; поскольку в человеческой натуре борются, с одной стороны, страсть и потребность к наслаждениям, а с другой стороны – осознание обещанных в потусторонней жизни мучений за нарушение запретов, постольку и устанавливается худдуд как возможная боль, способная удерживать легкомысленных людей от нарушения запретов»[2].

Однако трудно согласиться с автором так ка «худуд», «кисас» и «таъзир» являются категории преступление а не наказание.

Попытки дать определение понятия наказания все-таки встречаются. Ахмед Фатхи Бахнаси пишет, что «наказание – это заранее установленное законом воздаяние за нарушение указанных в нем запретов с целью предупреждения совершения преступлений, как со стороны осужденного, так и со стороны других лиц»[3]. В этом определении можно выделить следующие моменты: 1. наказание – это воздаяние; 2. оно назначается за нарушение установленных законом запретов; 3.наказание преследует цель предупреждения совершения преступлений; 4.наказание заранее установлено в законе.

Почти аналогичную позицию поддерживает – Абдель-Кадер Ауда и Ясин Омар Юсеф. Абдель-Кадер Ауда - отмечает, что «наказание - это возмездие за непослушание законодателю, назначаемое в целях защиты общества»[4]. И далее Ясин Омар Юсеф пишет: «Наказание – это самостоятельный юридический институт. Оно отличается от мер безопасности тем, что

[1] Sherwani A.A.K., Impact of Islamic Penal Laws on the traditional Arab society, New Delhi 1993

[2] Хидоя. Комментарии мусульманского права: в2 ч. Ч. 1: Т. I-II / пер. с англ. под ред. Н.И. Гродекова; отв. ред., авт. предисл., вступ. ст. и науч. комм. А.Х. Саидов. - М.: Волтерс Клувер, 2010. – 808 с.

[3] Ахмад Фатхи Бахнаси. Наказание по мусульманскому праву. - Каир, 1989. - С. 13 (на араб.яз.).

[4] Абдель-Кадер Ауда. Мусульманское уголовное право.Бейрут 1985 — Т.1. - С.609 (на араб.яз.).

боль и страдание, которые оно причиняет осужденному являются необходимыми, изначально преследуемыми в качестве промежуточной цели; помимо того оно преследует цель удовлетворения чувства справедливости и общего предупреждения».[1]

Ибрагим Эль Килани акцентируя на цел наказание пешет, что «Понятие наказания – это возмездие или кара, которую приводят в исполнение государственные органы за нарушение норм шариата, а преступление - это все неправильные действия, запрещенные Аллахом»[2].

«Наказание является правом Аллаха на земле и на небесах. Аллах наказывает человека за его неблагодарность, карает его, потому что человеку было дано все (жизнь, разум, свобода), а он нарушил права, установленные Всевышним. Каждое противоправное действие вредит исламу и, соответственно, человечеству. Шариат предусматривает жестокие наказания за преступления против религии, человечества, чести и достоинства, против имущества»[3].

Вышеуказанную позицию поддерживает и Али Мухаммед Джафар, он считает, что – «наказание это кара, включающая в себя элемент страдания, его исполняют государственные органы по отношению к нарушителю закона; это также социальная реакция, которая принуждает нарушителя нести ответственность за его противозаконное поведение и лишает его определенных прав, соответствующих нарушению»[4].

Подобное определение наказания дают большинство арабских авторов: Абуд Эль-Сараж, Абдель-Вахаб Хомад. Махмуд Наджиб Хусни, Али Абдель-Кадер Эль-Кахваджи и многие другие.

Джунди Абдель-Малек тоже считает, что «наказание - это кара, налагаемая на преступника в интересах общества. Далее он пишет, что наказание является болью, причиняемой преступнику за нарушение предписания закона»[5].

Точно такое же понятие дает Египетский юрист Аль Сайд Мустафа Аль Сайд, что «Наказание - это кара, предусмотренная и определяемая законом в интересах защиты общества, и ей подвергается каждый, кто совершил преступление, которое было доказано. преступнику, но и на ограничение его свободы, финансового положения, политических прав, затрагивает его честь и достоинство». Заметим, что Аль Сайд Мустафа Аль Сайд дает определение понятия наказания, исходя из того, что основная цель наказания – это кара[6]. Сходное определение наказания и его признаки дает Исхак Ибрагим, который считает, что «наказание - это кара, установленная законом и назначаемая судом лицу, признанному виновным в совершении преступления, и состоящая в причинении страданий этому лицу, в ограничении его прав и свобод»[7].

В этом определении наказания можно выделить следующие признаки:

наказание – это, прежде всего кара, боль; оно причиняется только преступнику; основанием применения наказания является нарушение предписаний закона.

Арабские авторы считают, что при определении понятия наказания нужно говорить о его целях, поэтому в своих трудах уделяют им значительное место, данную точку зрения поддерживают и российские авторы. Например, Волков Б.С. пишет: «Социально-правовая сущность наказания непосредственно связана с определением его целей»[8].

---

[1] Ясин Омар Юсеф. Общая теория уголовного прзва Судана. Бейрут 1993., с 213-214 (на араб, языке)

[2] Ибрагим Килани. Учение о мусульманских арабских идеях. Амман. 1991 С. 227 - 228 (На араб.).

[3] Ибрагим Килани. Учение о мусульманских арабских идеях. Амман. 1991 С. 227 - 228 (На араб.).

[4] Али Мухаммед Джафар. Наказание и меры предупреждения и способы их применения, Бейрут. 1988 , С. 5 (На араб, яз).

[5] Джунди Абдель-Малек. Уголовно-правовая энциклопедия // Цит. по: Мусульманское право. Основные доктриналь-ные труды. XIX-XX века: Пер. с араб. В 3 т. Т. 3: Уголовное право. Уголовный процесс. Судоустройство. — Ташкент, 1998.

[6] Аль Сайд Мустафа Лль Сайд. Комментарии к Обшей части уголовного права. Каир, 11 издание. 1957, С. 5-6. (На араб, яз.)

[7] Исхак Ибрагим Мансур. Краткий очерк по криминологии и уголовному праву. Алжир 1982 г., С. 129-130 (На араб, яз).

[8]. Волков В.С. Уголовное наказание и его цели. Пути и методы социально-экономически преобразований в России и за рубежом. - М., РУДН, 1996.

Мы считаем, что данная точка зрения совершенно правильная, так как лучший способ выяснения понятия и сущности наказания – через его цели. Под понятием кары первую очередь понимает причинение боли преступнику.

Кара как цель наказания создает необходимые условия для достижения других целей - прежде всего предупреждения новых преступление. Обратим внимание на то, что Аль Сайд Мустафа Аль Сайд в качестве основной цели наказания, прежде всего, выделяет боль, причиняемую преступнику. Джунди Абдель Малек и Али Мухаммед Джафар считают, что боль является сущностью наказания. Рамзис Винам и Али Абдель Кадер Ель Кахуаджи, напротив считают, что боль не является целью наказания[1].

Данный вопрос возникает не только при обращении к боли как к частному виду кары, но и при рассмотрении кары вообще. Вопрос о соотношении кары и наказания среди исламских правоведов вызывает разногласия. Эти дефиниции схожи в том, что в них говорится о тесной связи осуществления наказания и защиты интересов общества.

Сам Джунди Абдель-Малек отмечает три признака присущих, по его мнению, уголовному наказанию: «1. Наказание должно быть законным, то есть оно определяется законом (в соответствии с принципом - "nulla poena sine lege"" - нет наказания без закона). Это означает, что только закон определяет вид и размер (высший и низший предел) наказания.»[2]. Наказание считается законным, если оно предусматривается любым из общепризнанных источников исламского права, т. е. Кораном, Сунной или установлено единогласным мнением исламских ученых (иджма) или законодательством, если только оно не противоречит предписаниям шариата. Отсюда вытекает, что судья не может применить выдуманные им наказания.

2. Персональность наказания

Наказание должно назначаться только в отношении виновного и не должно распространяться на других лиц. «Не допускается наказание одного за вину другого» (Сура Исра, перенес ночью, аят 14), «не понесет носящая ношу другой, и Мы не наказывали, пока не послали посланца» (Сура Исра, перенес ночью, аят 15).

3. Публичность наказаний

Наказание должно быть применено в отношении всех виновных независимо от их социального происхождения, пола, языка, расы и т. п. Это вкратце означает равенство всех виновных перед уголовным законом. В Коране, (в Суре «Свет», аят 2) сказано: «И пусть присутствует при их наказании группа верующих».

На основе этих коранических установлений и уголовно-правовая доктрина ислама можно дать следующий понятие наказания и его признаки.

«Наказание – это предписанное возмездие и возмещение в воздаяние за содеянное зло, установленное в Коране, с целью предупреждения совершения преступления и возмещения убытка, и назначаемых от имени Аллаха и, в некоторых случаях, с согласия потерпевшего.

В этом определении можно выделить следующие признаки понятия наказания.

1) Наказание – это предписанное возмездие, возмещение и воздаяние за содеянное зло. В наказании, предусмотренном Кораном, существуют три направления. Первое из них – возмездие за содеянное. Коран дает право потерпевшей стороне требовать наказания преступника, например: «О те, которые уверовали! Предписано вам возмездие за убитых…» (сура Аль-Бакара, аят 178).

Второе направление наказания - это возмещение убытков, нанесенных со стороны преступника. «…А кому будет прощено, что-нибудь его братом, то - следование по обычаю и возмещение ему во благо …» (сура Аль-Бакара, аят 178.). Третье направление наказания, предусмотренное Кораном, это воздаяние за содеянное. Например «Вору и воровке отсекайте их руки в воздаяние за то, что они приобрели, как устрашение от Аллаха. Поистине, Аллах прощающий, милосердный! » (сура Аль-Моида, аят 38-39).

[1] Али Абд Ель Кадер Ель Кахуаяжн. Рамсис Винам. Учение о преступлении и наказании. Александрия. Год не указан. С. 402 (На араб. яз).

[2] Джунди Абдель-Малек. Указ. соч. Т.5, с. 7.

2) Наказание назначаемых нормами Корана. Все наказания, назначаемые в отношении преступников, предусмотрены в Коране и в некоторых случаях в Сунне.

3) С целью предупреждения преступления и возмещения. Цель наказания, согласно нормам Корана, это предупреждение совершения преступления, и в некоторых случаях наказание назначается с целью возмещения вреда.

4) Назначаемые от имени Бога. Коран – это божья книга, и все наказания, предусмотренные в нем, назначаются от имени Бога. Например: «Это в назидание от Аллаха. Аллах могущественный, мудрый». (сура Аль-Моида,аят 38-39)

5) Наказание в некоторых случаях назначается с согласия потерпевшего. Например: в нормах Корана, характеризующих преступление - убийство, существует несколько альтернативных наказаний и, согласно этим нормам, потерпевшей стороне дается право выбрать одно из них»[1].

Список использованной литературы:

1. Sherwani A.A.K., Impact of Islamic Penal Laws on the traditional Arab society, New Delhi 1993
2. Абдель-Кадер Ауда. Мусульманское уголовное право. – Т.1. (на араб. яз)
3. Али Мухаммед Джафар. Наказание и меры предупреждения и способы их применения, Бейрут. 1988. (на араб. яз)
4. Аль Сайд Мустафа Лль Сайд. Комментарии к Обшей части уголовного права. Каир, 11 издание. 1957.(на араб. яз)
5. Ахмад Фатхи Бахнаси. Наказание по мусульманскому праву. - Каир, 1989. (на араб. яз)
6. Волков В.С. Уголовное наказание и его цели. Пути и методы социально-экономически преобразований в России и за рубежом. - М., РУДН, 1996.
7. Джунди Абдель-Малек. Уголовно-правовая энциклопедия // Цит. по: Мусульманское право. Основные доктриналь-ные труды. XIX-XX века: Пер. с араб. В 3 т. Т. 3: Уголовное право. Уголовный процесс. Судоустройство. – Ташкент, 1998.
8. Ибрагим Килани. Учение о мусульманских арабских идеях. Амман. 1991. (на араб. яз)
9. Исхак Ибрагим Мансур. Краткий очерк по криминологии и уголовному праву. Алжир 1982. (на араб. яз)
10. Назаров, А.К. Уголовно-правовые нормы Корана и хадисов и их классификация по институтам уголовного права/ дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / Назаров А.К. - М.,2012. С-145-146
11. Рамсис Винам. Учение о преступлении и наказании. Александрия. Год не указан. С. 402 (на араб. яз)
12. Сайд Сабек. Фикх Аль Сура. Т. 3. Каир. 1994. (на араб. яз)
13. Хидоя. Комментарии мусульманского права: в2 ч. Ч. 1: Т. I-II / пер. с англ. под ред. Н.И. Гродекова; отв. ред., авт. предисл., вступ. ст. и науч. комм. А.Х. Саидов. - М.: Волтерс Клувер, 2010. – 808 с.
14. Ясин Омар Юсуф. Общая теория уголовного права Судана. Бейрут 1993., с 213-214 (на араб. яз)

[1] Назаров, А.К. Уголовно-правовые нормы Корана и хадисов и их классификация по институтам уголовного права / дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08 / Назаров А.К. - М.,2012. С-145-146.

ТАБИАТИ ҲУҚУҚИИ ҶИНОЯТИИ ВАЙРОН КАРДАНИ ҚОИДАҲОИ ҲАРАКАТИ РОҲ ВА ИСТИФОДАИ ВОСИТАҲОИ НАҚЛИЁТ

Нарзуллоев С.С., омӯзгори кафедраи ҳуқуқи ҷиноятӣ, криминология ва психологияи факултети № 2 Академияи ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, капитани милитсия

Вайрон кардани қоидаҳои ҳаракати роҳ ва истифодаи воситаҳои нақлиёт дар моддаи 225 Кодекси ҷиноятии РСС Тоҷикистон соли 1961 ҳамчун ҷиноят пешбинӣ гардида буд.

Дар моддаи 225 Кодекси ҷиноятии РСС Тоҷикистон номи ин модда каме дигар буд, яъне қоидаҳои бехатарии ҳаракат ва истифодаи воситаҳои нақлиётро вайрон кардани шахсоне, ки воситаҳои нақлиётро идора мекунанд ном дошт ва аз чор қисм иборат буд. Моддаи 225 Кодекси ҷиноятии РСС Тоҷикистон ҳамон вакт ҷиноят эътироф мешуд, ки агар қоидаҳои бехатарии ҳаракат ва истифодаи воситаҳои нақлиётро шахси идоракунандаи воситаи нақлиёт вайрон кунад, ки дар натиҷаи он ба ҷабрдида зарари начандон вазнин ё зарари сабуки ҷисмонӣ ё ин ки зарари ҷиддии моддӣ расонида шуда бошад [1].

Аммо, тибқи муқаррароти диспозитсияи моддаи 212 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон аз ҷониби шахси идоракунандаи автомобил ё дигар воситаи нақлиёти механикӣ вайрон кардани қоидаҳои ҳаракати роҳ ё истифодаи воситаи нақлиёт ҳамон вақт ҷиноят эътироф мешавад, ки агар дар натиҷаи содир кардани ин кирдор аз беэҳтиётӣ ба саломатии инсон зарари миёна расида бошад.

Вайрон кардани қоидаҳои ҳаракати роҳ ва истифодабарии воситаи нақлиёт яке аз ҷиноятҳои паҳнгашта дар замони ҳозира мебошад. Яъне, в*оситаи нақлиёт дар ҳаёти инсоният нақши муҳимро мебозад. Чунки, аз тарзи дуруст истифода бурдани он ҳаёту саломатии ҳазорон нафар иштирокунандагони ҳаракат дар роҳ вобастагӣ дорад.*

Дар рафти вайрон кардани қоидаи ҳаракати роҳ ва истифодаи воситаи нақлиёт расонидани чӣ зарари миёна ва чӣ зарари вазнин ба саломатӣ, инчунин марги инсонҳо боиси ташвиш гардидааст.

Аксарияти қоидавайронкуниҳои дар ин модда пешбинишуда вобаста дар ҳаракат дар роҳ рух медиҳанд.

Тибқи қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳаракат дар роҳ», ҳаракати роҳ - маҷмӯи муносибатҳои ҷамъиятие мебошанд, ки дар рафти ҷойивазкунии одамон ва бор дар роҳ, бо ёрии воситаҳои нақлиёт ё бе воситаҳои нақлиёт, ба амал меоянд.

Иштирокчии ҳаракати роҳ- шахсе, ки дар рафти ҳаракати роҳ ба сифати ронандаи воситаи нақлиёт, пиёдагард, мусофири воситаи нақлиёт иштироки бевосита дорад.

Роҳ – ҳамвории замин ё сатҳи иншооти сунъии ободкардашуда ва мувофиқ кунонидашудае мебошад, ки барои ҳаракати воситаҳои нақлиёт истифода мешавад. Роҳ - аз як ё якчанд қисмҳои мошингард, ҳамчунин роҳҳои трамвай, пиёдараҳа, гузаргоҳҳо ва хатҳои тақсимкунанда, дар сурати мавҷуд будани онҳо, иборат аст [2].

Объекти асосии ин ҷиноят - муносибатҳои ҷамъиятии бо қонунгузории ҷиноятӣ ҳифзшавандае мебошанд, ки бехатарии ҳаракати роҳ ва ё истифодаи воситаи нақлиётро таъмин мекунанд [3].

Ба сифати **объекти иловагии** ин ҷиноят ҳаёт ва саломатии инсон баромад менамояд.

Объекти факултативии ин ҷиноят – моликият ва амволи ғайр мебошад.

Предмети ҷинояти тафсиршаванда - автомобил, трамвай ва дигар воситаҳои механикии нақлиёт, ки дар эҳзоҳи моддаи 212 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон номбар шудаанд, яъне троллейбусҳо, тракторҳо, дигар мошинҳои худҳаракаткунанда, мотосикилҳо ва ғайра шуда метавонанд.

Дар Қоидаҳои ҳаракат дар роҳ чинин мафҳумҳои автомобил, трамвай, троллейбус, трактор, дигар мошинҳои худҳаракаткунанда ва мототсикл оварда шудаанд:

• Автомобил - воситаи нақлиёти механикии берелс, ки барои интиқоли одамон ё бор дар роҳҳо истифода мешавад ё барои дар роҳҳо кашола карда бурдани воситаҳои нақлиёте, ки барои интиқоли одамон ё бор истифода мешаванд. Ба автомобилҳо квадритсиклҳо (мотоаробаҳо) - воситаҳои нақлиёти механикии чорчархаи дорои маҷмӯи идоракунии намуди автомобилӣ ва вазни муҷаҳҳази на зиёда аз 550 кг дошта баробар карда мешавад.

• Трамвай - воситаи нақлиёти механикие, ки дар раванди ҳаракат дар роҳ бо релсҳо пешбинӣ шудааст ва ба воситаи нақлиёти роҳи оҳан мансуб нест.

• Троллейбус - воситаи нақлиёти механикие, ки ба воситаи муҳаррики барқии аз манбаи шабакаи овезаи васлкунандаи берунаи барқӣ таъминшаванда ба кор дароварда мешавад.

• Трактори чархдор - воситаи нақлиёти механикие, ки барои иҷро намудани амалиёти гуногуни технологӣ бо истифода аз таҷҳизоти овеза, нимовеза ва мошинҳо ё олотҳои васлшаванда, инчунин барои ба кор даровардани мошинҳои статсионарӣ (ғайрисайёр) ё ҳаракат дар ҳайат бо ядак пешбинӣ шудааст.

• Дигар мошинҳои худҳаракаткунанда - тамоми мошинҳои роҳрав, сохтмонӣ, хоҷагии қишлоқ ва дигар мошинҳои махсус (экскаваторҳо, грейдерҳо, автокранҳо, скреперҳо, мошинҳои борбардор ва ғайраҳо) дохил мешаванд [4].

Номгӯи дигар воситаҳои механикӣ зиёд буда, наметавонанд ба як рӯйхати муайян маҳдуд гарданд. Онҳо метавонанд дар мақомоти БДА ВКД Ҷумҳурии Тоҷикистон, мақомоти назорати давлатии техникӣ, БҲА қувваҳои мусаллаҳи Ҷумҳурии Тоҷикистон, ба қайд гирифта шаванд.

Дар зери мафҳуми «воситаҳои нақлиёти механикӣ» ҳамаи воситаҳои нақлиётие фаҳмида мешаванд, ки бо қувваи муҳаррик ҳаракат мекунанд ва ғунҷоиши муҳаррикашон аз 50 см^3 кам набуда, суръати ҳаракаташон аз 40 км/соат зиёд мебошанд.

Воситаҳои нақлиётие, ки аз қисмҳои эҳтиётии аз сертификатсия барои мувофиқат ба қоидаҳои амалкунандаи Ҷумҳурии Тоҷикистон, меъёрҳо ва стандартҳои муқарраргардида нагузаштаанд, дар мақомоти БДА ва назорати давлатии техникӣ ба қайд гирифта намешаванд: мисол автомобилҳои пойга ва мототсиклҳо, ҳамчунин воситаҳои нақлиёти ба тартиби индивидуалӣ аз қисмҳои эҳтиётӣ ва агрегатҳо сохташуда, аммо ин маънои онро надорад, ки чунин воситаҳои нақлиёт предмети ҷинояти мазкур шуда наметавонанд.

Ба воситаҳои нақлиётии механикӣ, ҳамчунин мотороллер, мотоколяска мотонарт, дохил мешаванд.

Ба воситаҳои нақлиёти механикӣ мопед, яъне воситаҳои нақлиёти ду ё сечарха, ки муҳарикро бо ҳаҷми кори на зиёда аз 50 см кубӣ ба ҳаракат медароранд ва суръати баландтарини ҳаракаташон на зиёда аз 50 км /соат аст, дохил намешаванд. Ба мопедҳо велосипеди бо муҳаррики овезон ва дигар воситаҳои нақлиёти ҳамин навъ монанд дохил мешаванд.

Шахси идоракунандаи воситаи нақлиёт ё дигар мошинҳои худгард субъекти ҷинояти мазкур шуда метавонад, дар ҳолате, ки воситаҳои нақлиёт ё дигар мошинаҳои худгард бо вайрон кардани қоидаҳои ҳаракати роҳ ё истифодаи воситаҳои нақлиёт алоқаманд бошанд.

Тарафи объективии ин ҷиноят аз ҳаракатҳои (беҳаракатии) зерин иборат мебошанд:

- Кирдори ба ҷамъият хавфнок - дар шакли ҳаракат (вайрон кардани қоидаҳои сабқат, аз суръати муайяншудаи Қоидаҳои ҳаракати роҳ баланд кардани суръат ва ғ) ва беҳаракатӣ (вайрон кардани қоидаҳои истифодаи воситаҳои нақлиёт).

- Оқибати ба ҷамъият хавфнок (расонидани зарари миёна ва вазнин ба саломатиии одам ё боиси марги инсон).

- Алоқаи сабабӣ байни кирдорҳои ба ҷамъият хавфнок ва оқибатҳои он, ки дар қонун пешбинӣ шудааст.

Диспозитсияи моддаи тафсиршаванда бланкетӣ буда, дар он вайрон кардани қоидаҳои ҳаракати роҳ ва истифодаи воситаи нақлиёт шарҳ дода нашудааст ва барои муайян кардани ин мафҳумҳо ба дигар санадҳое, ки бехатарии ҳаракати роҳ ва истифодаи воситаи нақлиётро таъмин менамоянд, назар кардан зарур аст.

Вайрон шудани қоидаи ҳаракат дар роҳ ва истифодаи воситаи нақлиёт метавонанд инҳо шаванд:

– баланд намудани суръати ҳаракат зиёда аз маҳдудиятҳои муқарраргардида;

– номувофиқии суръати ҳаракат дар ҳолати конкретии роҳ, яъне интихоби он бе баинобатгирии муҳимот ва ҳолати воситаи нақлиёт ва бор, шароитҳои роҳ ва боду ҳаво;

– надидани чорабиниҳои саривақтӣ барои паст кардани суръат то ба ҳолати боз дошатани воситаи нақлиёт, ҳангоми ба вуҷуд омадани хатар барои ҳаракат, ки ронанда дарки онро дорад;

– баромадан ба самти ҳаракати муқобил;

– риоя накардани қоидаҳои сабқат, гузаштан аз чорроҳа, гузаргоҳои роҳи оҳан, гузаргоҳои пиёдагардӣ, ҳаракат дар байни дигар воситаҳои нақлиёт, ҷойи воситаҳои нақлиёт дар қисмати гузаргоҳ;

– риоя накардани масофаи паҳлӯӣ, фосилаи зарурӣ;

– итоат накардан ба ишораи чароғаки роҳнамо ва танзимгар ва ғайраҳо.

Риоя накардани ин қоидаҳо танҳо дар ҳолате ҷиноят ҳисобида мешавад, ки агар ба саломатии ҷабрдида зарари миёна, вазнин ва ё марги инсон ба вуқуъ ояд ва миёни оқибати ба ҷамъият хавфнок ва кирдори ба ҷамъият хавфнок алоқаи сабабӣ ҷой дошта бошад. Вагарна, дар сурати фаро нарасидани оқибатҳои дар моддаи мазкур пешбинишуда ҷавобгарӣ на бо моддаи 212 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон ба миён меояд, балки ҷавобгарӣ бо моддаи 310 Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ фаро мерасад. Моддаи 310 Кодекси ҳуқуқвайронкунии маъмурӣ ҷавобгариро барои риоя накардани қоидаҳои истифодаи воситаҳои нақлиёт аз тарафи ронандагон муқаррар кардааст.

Дар вақти ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашидани шахс бо моддаи 212 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон ҳатман бояд муайян карда шавад, ки шахси ҷиноятсодирнамуда кадом қоидаҳои ҳаракати роҳ ва истифодабарии воситаи нақлиётро вайрон намудааст.

Вобаста ба ин масъала дар Қарори Пленми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон чунин омадааст: диққати мақомоти пешбурди парвандаи ҷиноятӣ ба он ҷалб карда шавад, ки ҷавобгарӣ барои ҷинояти дар моддаи 212-и Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбинишуда танҳо дар сурати фарорасии оқибатҳои дар моддаи мазкур нишондода ба миён омада метавонад, агар аз ҷониби шахс вайрон намудани қоидаҳои ҳаракати роҳ ё ин ки истифодабарии воситаҳои нақлиёт бо оқибатҳои ба амаломада, алоқаи сабабӣ дошта бошанд[5].

Агар, дар натиҷаи вайрон кардани қоидаҳои ҳаракати роҳ ва истифодаи воситаҳои нақлиёт, кирдор аз якчанд ҳаракат иборат буда, ба як чанд объект зарар расонад, онгоҳ кирдорҳои мазкур ҳамчун маҷмӯи ҷиноят бандубаст карда мешаванд.

Ҳамин тариқ, З. рӯзи 12.05.2012 сол тахминан соати 15.30 дақиқа автомашинаи тамғаи «Опел-астра», рақами кайди давлатияш 0000 АМ 01-ро, ки дар ҳолати хуби техникӣ қарор дошт, идора карда, бо роҳи рости мошингарди мумфарши сатҳи болоияш хушки кучаи Фучики шаҳри Душанбе аз тарафи кучаи Қаҳҳоров ба тарафи кучаи Коргар бе бор ва бе мусофир аз рӯйи суръати тахминан 20- км/соат ҳаракат менамуд. Ҳангоми расидан дар рӯ ба рӯйи бинои хонаи истиқоматии № 1044 - и кучаи Фучики шаҳри Душанбе ӯ талаботи бандҳои 10.1 қ.2 ва 9.9-и Қоидаҳои ҳаракт дар роҳҳои Ҷумҳурии Тоҷикистонро дағалона вайрон намуда, худбоварӣ ҳосил намуда, аз масофаи кифоябуда хатари барои ҳаракат ба вуҷуд омадаро дида, чораҳои имконпазирро барои паст намудани суръати ҳаракат то дараҷаи боздории автомашинааш наандешида, фосилаи зарурии паҳлӯиро риоя накарда, пиёдагарди ноболиғ С. санаи таваллудаш 27 ноябри 2006-ро, ки дар канори рости роҳ беҳаракат истода ва машғули бозӣ будааст, бо оинаи оқибназораткунандаи паҳлӯии тарафи рости автомашинаи идоракардаистодааш

зада аз пой меафтонад, ки охирин С. ҷароҳати ҷисмонӣ мебардорад. Баъди зада аз пой афтодани пиёдагарди ноболиғ, ки аз садама ҷароҳати ҷисмонӣ бардоштааст ва ҳанӯз ноболиғ мебошад, З. ӯро дар ҳолати барои ҳаёт ва саломатияш хатарнок гузошта, ёрии худро дар намуди ба беморхонаи наздиктарин дастрас кардан намерасонад, инчунин ба кормандони милитсия оиди ҳодиса хабар надода, аз ҷойи ҳодиса ғайб мезанад. З. бо ин кирдораш талаботи бани 2.5-и Қоидаҳои ҳаракат дар роҳро дағалона вайрон менамояд. Мувофиқи хулосаи ташхиси тиббӣ - судӣ № 2890 аз 21.05.2012 сол ҷабрдидаи ноболиғ С. дар натиҷаи садамаи нақлиётӣ ҷароҳатҳое мегирад, ки ба дараҷаи зарари миёна ба саломатӣ мансуб мебошад. Рӯзи 15.05.2012 сол ҳангоми гузаронидани корҳои фаврӣ-ҷустуҷӯӣ ронанда З. аз тарафи кормандони милитсия муайян ва дастгир карда мешавад. Ҳамин тариқ, суди ноҳияи Фирдавсии шаҳри Душанбе кирдори судшаванда З.-ро бо моддаи 212 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон , ки он ҷавобгарии ҷиноятиро барои аз ҷониби шахси идоракунандаи автомобил ё дигар воситаи нақлиёти механикӣ вайрон кардани қоидаҳои ҳаракати роҳ, ки аз беэҳтиётӣ боиси расонидани зарари миёна ба саломатии инсон гаштааст ва бо моддаи 127 қ.1 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбинишударо, ки он ҷавобгарии ҷиноятиро барои дидаю дониста нарасонидани ёрӣ ба шахсе, ки дар вазъияти барои ҳаёт ва саломатияш хавфнок қарор дорад ва бо сабаби хурдсолӣ, пиронсолӣ, беморӣ ё аз сабаби оҷизии худ имконияти андешидани чораҳои худмуҳофизатиро надорад, ҳангоме, ки шахси гунаҳгор метавонист, ба ин шахс ёрӣ расонад ва вазифодор буд, нисбати ӯ ғамхорӣ зоҳир намояд ё ӯро дар ҳолати барои ҳаёт ва саломатияш хатарнок гузоштааст, бандубаст намуд [6].

Истифодаи воситаҳои нақлиёте, ки норасогиҳои техникӣ доранд ва барои ҳаракати роҳ хатар ба вуҷуд меоранд, ки рӯйхаташон аз ҷониби Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон муайян карда шудааст, манъ карда шудааст [4].

Ҷавобгарии ҷиноятӣ тибқи моддаи мазкур, новобаста аз маконе, ки дар он воситаи нақлиёт ҳаракат мекунад ва ҷиноят содир мешавад, ба амал меояд. Масалан, на танҳо дар роҳи ҳудуддор тааллуқдошта, (ҳавлиҳо, ҷойҳои истиқоматӣ, майдонҳои нигоҳдории автомобилҳо, стансияҳои таъмини сӯзишворӣ, корхонаҳо ва ғ.) ҳамчунин дар майдонҳо, саҳро, майдонҳои кушоде, ки дар он ҷо умуман роҳи ҳамвор мавҷуд нест, яъне дар ҳама ҷойе, ки ҳаракати воситаи нақлиёт имкон дорад.

Ҳангоми бақайдгирии ҳодисаҳои вайрон кардани қоидаҳои ҳаракти роҳ, чунин намудҳои онҳо муайян шудааст:

– бархӯрдан;

– чаппашавӣ;

– бархӯрдан ба воситаи нақлиёти дар ҷояш истода;

– бархӯрдан ба монеъаҳо;

– бархӯрдан ба пиёдагард;

– бархӯрдан ба велосипедсавор;

– бархӯрдан ба нақлиёти тасмачарх;

– бархӯрдан ба ҳайвонот;

– афтидани бор ё аз зери чархи воситаи нақлиёт партофта шудани чизе ба сӯи одам ё дигар воситаи нақлиёт;

– бархӯрдан ба шахсе, ки иштирокчии ҳаракати роҳ нест;

– бархӯрдан ба монеаи ногаҳон пайдошуда (бори афтида, чархи ҷудогашта);

– афтидани мусофир аз воситаи нақлиёти ҳаракаткунанда ё дар дохили воситаи нақлиёти ҳаракаткунанда дар натиҷаи якбора иваз намудани суръат ё самти ҳаракат бавуҷудомада ва дигар ҳодисаҳо.

Ба дигар ҳодисаҳо, ҳамчунин, афтидани воситаҳои нақлиёт ҳангоми ивазшавии баландӣ (аз оббур, эскада ва ғайраҳо), фурӯрафтани он, ба об бархӯрдан ба ҳайкунандаҳои ҳайвоноти саворӣ ё рама, дохил кардан мумкин аст.

Аломати асосии тарафи объективии ҷинояти мазкур ин алоқаи сабабӣ байни вайрон кардани қоидаҳои ҳаракати роҳ ва истифодабарии воситаи нақлиёт ва оқибатҳои бавуҷудомада мебошад. Барои ҳамин, муайян кардани алоқаи сабабӣ байни кирдори ба

ҷамъият хавфнок ва оқибатҳои ба ҷамъият хавфноки рухдода аҳамияти ниҳоят калон дорад. Зеро, тадқиқотҳо нишон медиҳанд, ки сабаби ҳодисаҳои нохуши нақлиётӣ зиёда аз 250 омил шуда метавонанд [7].

Таркиби ҷинояти мазкур моддӣ буда, аз лаҳзаи дар натиҷаи беэҳтиётӣ ба саломатии инсон расонидани зарари миёна, вазнин ё фаро расидани марги инсон хотимаёфта эътироф мешавад. Таркиби ин ҷиноят чунин сохта шудааст, ки қонунгузор танҳо барои аз беэҳтиётӣ ба саломатии дигар шахсон расонидани зарари миёна, вазнин ё фаро расидани марги инсонро ҳамчун ҷиноят пешбинӣ намудааст. Аммо, ҷавобгарии ҷиноятӣ истисно мегардад дар ҳолате, ки агар дар натиҷаи вайрон кардани қоидаҳои ҳаракати роҳ ва истифодабарии воситаи нақлиёт худи ронанда дучори садама гардаду ба саломатияш зарар ворид шавад ва оқибатҳои дар моддаи 212 Кодекси ҷиноятӣи Ҷумҳурии Тоҷикистон ба миён наоянд [8].

Тарафи субъективии ҷинояти мазкур аз гуноҳ дар шакли беэҳтиётӣ бо худбоварӣ ё бепарвоӣ содир мегардад.

Шахсе қоидаҳои ҳаракати роҳ ё истифодаи воситаҳои нақлиётро вайрон карда, пешбинӣ мекунад, ки ба саломатии одамон зарари миёна (қ.1 м.212-ҚҶ) ворид кардан наш мункин аст, лекин бе асоси кофӣ худбоварона ба рух надодани чунин оқибатҳо боварӣ мекунад.

Ин ҷиноят дар ҳолате аз бепарвоӣ содир мегардад, ки шахси қоидаи ҳаракати роҳ ё истифодаи воситаҳои нақлиётро вайронкарда пешбинӣ намекунад, ки бо ин кирдор ба саломатии инсон зарари миёна ворид менамояд, лекин, дар натиҷаи дурандешӣ ва бодиққатӣ мебоист ё метавонист чунин оқибатро пешбинӣ кунад.

Агар дар натиҷаи вайрон кардани қоидаҳои ҳаракати роҳ ва истифодаи воситаи нақлиёт шахс ин кирдорро дар шакли қасдона содир намуда бошад, ӯ барои қасдан расонидани зарар ба саломатӣ ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида мешавад.

Ангеза ва характери вайрон кардани қоидаҳои ҳаракати ҳаракати роҳ ё истифодаи воситаҳои нақлиёт, ки аз тарафи ҷиноятқор роҳ дода шудааст, ҳангоми интихоби намуд ва андозаи ҷазо ба назар гирифта мешавад.

Субъекти ҷинояти мазкур шахси ҷисмонии мукаллафи ба синни 16 – солагӣ расидаи ронанда ё идоракунандаи воситаҳои нақлиёт шуда метавонад.

Субъекти ин ҷиноят на танҳо ронандае, ки имтиҳонро барои ҳуқуқи идора намудани воситаи нақлиёти намуди мазкур супорида, шаҳодатномаи дахлдорро гирифтааст, инчунин шахси дигари идоракунандаи воситаи нақлиёт, аз он ҷумла шахсе, ки аз ӯ ҳуҷҷати номбурда бо тартиби муқарраркардаи қонун барои қаблан вайрон кардани қоидаҳои ҳаракат дар роҳ гирифта шудааст, инчунин шахсе, ки омӯзонандаи ронандагӣ дар воситаи нақлиёт бо идоракунии дутарафа мебошад, дониста мешаванд.

Вуҷуд надоштани ҳуҷҷати ронандагӣ, таҷрибаи кофии ронандагии воситаҳои нақлиёт ҳангоми ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашидани шахси гунаҳгор аҳамият надорад.

Аз рӯйи маҷмуъ, қоидаҳои ҳамин модда ҳамон вақт истифода бурда мешаванд, ки агар содиршавии якчанд ин гуна кирдорҳо дар вақтҳои гуногун ба амал омада бошад.

Ҳангоми рондани воситаҳои таълимии нақлиёт барои ҳаракатҳои нодурусти таълимгиранда, ки ба оқибатҳои дар қонун пешбинишуда оварда мерасонад, таълимдиҳанда (инструктор) ҷавобгар мебошад. Ҳамзамон, бояд дар назар дошт, ки таълимгирандагон ҳам ба гурӯҳи ронандагон дохил мешаванд, зеро онҳо ронанда, идоракунандаи воситаҳои нақлиёт мебошанд ва вазифадор ҳастанд, ки ҳамаи қоидаҳои ҳаракати роҳ ва воситаҳои нақлиётро риоя намоянд. Аз ин хотир, вақте ки таълимгиранда ё курсант гуфтаҳои таълимдиҳандаро риоя накарда, ба вайрон кардани қоидаҳои ҳаракати роҳ ё истифодаи нақлиёт роҳ диҳад ва ин ба оқибатҳои вазнин оварда расонад, он гоҳ ӯ низ ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида мешавад [9].

Аз рӯйи дараҷаи ба ҷамъият хавфнокиаш, категорияи ҷинояти дар қисми 1 моддаи 212 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбинигардида дараҷаи начандон вазнинро ташкил медиҳад, ки санксияаш чунин баён карда шудааст: бо ҷарима ба андозаи то панҷсад нишондиҳанда барои ҳисобҳо ё бо маҳдуд кардани озодӣ ба мӯҳлати то се

сол ё маҳрум сохтан аз озодӣ ба мӯҳлати то ду сол бо маҳрум кардан аз ҳуқуқи ишғоли мансабҳои муайян ё машғул шудан бо фаъолияти муайян ба мӯҳлати то се сол ё бидуни он ҷазо дода мешавад. Намуди санксияи ин ҷиноят алтернативӣ мебошад, зеро се намуди ҷазоро ҳамчун ҷазои асосӣ ва як намуди ҷазоро ҳамчун ҷазои иловагӣ пешниҳод намудааст, ки суд яке аз онҳоро интихоб мекунад.

Вобаста аз оқибатҳои ба ҷамъият хавфноки рухдода таркибӣ асосӣ, бо ҳолатҳои вазнинкунанда пешбинӣ шудааст. Ҳамчун ҳолати вазнинкунанда дар қисми дуюми ҳамин модда расонидани зарари вазнин ба саломатӣ ё аз беэҳтиётӣ ба вуҷуд омадани марги инсон пешбинӣ шудааст.

Қисми дуюми моддаи тафсиршаванда низ аз рӯйи дараҷаи ба ҷамъият хавфнокияш ба категорияи начандон вазнин дохил мешавад, ки санксияаш чунин баён карда шудааст: бо маҳрум сохтан аз озодӣ ба мӯҳлати аз се то панҷ сол бо маҳрум кардан аз ҳуқуқи ишғоли мансабҳои муайян ё машғул шудан бо фаъоляти муайян ба мӯҳлати то панҷ сол ҷазо дода мешавад.

Ҳамин тариқ, Ф. рӯзи 29 январи соли 2012, тахминан соатҳои 10:22 дақиқа, бо вайронкунии талаботи банди 10.2 Қоидаҳои ҳаракат дар роҳҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар маҳалҳои аҳолинишин ҳаракатҳои воситаҳои нақлиёт бо суръати 60 км/соат иҷозат дода мешавад», автомашинаи тамғаи «Нексиа» рақами қайди давлатияш Е 0000 РТ 03, ки дар ҳолати хуби техникӣ қарор дошт, бо ваколатнома идора карда, бо роҳи рости мошингарди мумфарши сатҳи болоияш хушку бенуқсони кучаи Н.Қарабоев аз тарафи кучаи 50 - солагии Тоҷикистон, ба самти кучаи А.Деҳотии шаҳри Душанбе, бо қатори дуюми роҳ, бе бор ва бе мусофир, аз ҳадди муқарршудаи суръат зиёдтар, яъне аз рӯйи суръати 77 км/соат ҳаракат намудааст, ки инро хулосаи ташхиси судӣ - автотехникӣ таҳти № 16/387/2012 аз рӯзи 09.02.2012 сол тасдиқ мекунад. Ф. ҳангоми ҳаракаташ ва вақти расидан ба рӯ ба рӯйи бинои истиқоматии № 72/1 кучаи Н.Қарабоеви шаҳри Душанбе талаботи банди 10.1-и Қоидаҳои ҳаракат дар роҳҳои Ҷумҳурии Тоҷикистонро дағалона вайрон намуда, бехатарии ҳаракатро таъмин накарда, худбоварӣ зоҳир намуда, пиёдагард О. санаи таваллудаш 27.06.1983-ро, ки роҳи мошингардро аз тарафи чап ба тарафи рост нисбати самти ҳаракати автомашинаи ӯ бо қадамҳои тез-тез давида мегузашт, бо қисми пеши тарафи чапи автомашина зада, аз пой меафтонад. Дар натиҷа пиёдагард О. зарари ҷисмонӣ бардошта, аз тарафи худи ронанда ба беморхонаи Маркази ми

ллии тиббии Ҷумҳурии Тоҷикистон расонида мешавад. Ҷабрдида О. бинобар сабаби вазнинии вазъи саломатияш аз беморхона бароварда шуда, дар хонаи истиқоматияш беҳбудӣ наёфта, рӯзи 01.02.2012 сол тахминан соатҳои 18:10 дақиқа вафот кардааст. Тибқи ташхиси иловагӣ ва такрории тиббӣ - судӣ таҳти № 703 аз 08.02.2012 сол ҷабрдида О. дар натиҷаи садамаи нақлиётӣ ҷароҳате мегирад, ки ба дараҷаи зарари вазнин ба саломатӣ бо аломатҳои хавфнок будан ба ҳаёт мансуб буда, ин ҷароҳатҳо аз эҳтимол дур нестанд, ки боиси марги ӯ гардида бошанд. Ҳамин тариқ, бо ҳукми суди ноҳияи Фирдавсии шаҳри Душанбе Ф. дар содир намудани ҷинояти моддаи 212 қ.2 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон гунаҳгор дониста шуда, нисбати ӯ ҷазои маҳрум сохтан аз озодӣ ба мӯҳлати се сол бо маҳрум намудан аз ҳуқуқи идораи воситаи нақлиёт ба мӯҳлати як сол ҷазо дар калонияи ислоҳии дорои низомаш сукунат таъйин карда шуд [10].

Ҳамчун ҳолати махсусан вазнинкунанда бошад, дар қисми 3-юми моддаи мазкур оқибати ба ҷамъият хавфнок дар намуди аз беэҳтиёти боиси марги ду ва ё зиёда ашхос ба вуҷуд омада пешбинӣ шудааст.

Агар ҳангоми вайрон кардани қоидаҳои ҳаракат ва истифодаи воситаҳои нақлиёт оқибатҳои ба ҷамъият хавфноки дар қисмҳои гуногун пешбинишуда рух диҳанд, он гоҳ, кирдори содиршуда аз рӯйи оқибати вазнинтарин баҳо дода мешавад.

Қисми 3-юми моддаи мазкур аз рӯйи дараҷаи ба ҷамъият хавфнокиаш ба категорияи дараҷаи миёна дохил мешавад, ки санксияааш чунин аст: бо маҳрум сохтан аз озодӣ ба мӯҳлати аз панҷ то даҳ сол бо маҳрум кардан аз ҳуқуқи ишғоли мансабҳои муайян ё машғул шудан бо фаъоляти муайян ба мӯҳлати то панҷ сол ҷазо дода мешавад.

Рӯйхати адабиёти истифодашуда:

1. Кодекси ҷиноятии РСС Тоҷикистон: Бо тағйироту иловаҳое, ки то 1 июни соли 1988 дохил карда шудаанд. Душанбе: Ирфон, 1989-224 с.

2. Қонуни Ҷумҳурии Тоҷикистон «Дар бораи ҳаракат дар роҳ (Ахбори Махлиси Олии Ҷумхурии Тоҷикистон, соли 1995, № 22, мод. 336; соли 1997, № 23-24, мод.333; соли 2000, № 11, мод.527; соли 2008, № 3 мод. 189; соли 2009, № 12, мод.822; соли 2010, № 1, мод.4).

3. Бохан А. П. Уголовная ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: дис.... канд.юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. С. 67.

4. Қоидаҳои ҳаракат дар роҳ. Бо қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз "29" июни соли 2017, № 323 тасдиқ шудааст.

5. Қарори Пленуми Суди Олии Ҷумҳурии Тоҷикистон, № 28, 18.12.2009 сол. «Дар бораи тачрибаи судӣ оид ба ҷиноятҳои вайрон кардани қоидаҳои ҳаракати роҳ ва истифодаи воситаҳои нақлиёт, инчунин ғайриқонунӣ ҳай карда бурдани автомобил ё дигар воситаҳои нақлиёт бидуни мақсади тасарруф».

6. Бойгонии суди ноҳияи Фирдавсӣ // Парвандаи ҷиноятии № 1-410/12.

7. Коробеев А. И. Указ. раб. С. 61.

8. Бохан А. П., Алтухов С. А. Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта: учебное пособие. Ростов н/Д, 2016. С. 49.

9. Тафсир ба Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Душанбе: Глобус, 2006. – С.530.

10. Бойгонии суди ноҳияи Фирдавсӣ // Парвандаи ҷиноятии № 1-164/12.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕАБИЛИТАЦИИ В УКРАИНЕ

Наумова А.А., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Харьковского национального университета внутренних дел, к.ю.н.

В соответствии с положениями ст. 3 Конституции Украины человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью. Признание государством ценности человеческой личности вызывает необходимость создания эффективно действующих механизмов, обеспечивающих каждому человеку и гражданину возможность добиваться защиты и восстановления его прав и свобод от любых незаконных ограничений и нарушений.

По данным судебной статистики в 2017 году в отношении 97 426 лиц вступили в законную силу приговоры (постановления), из которых 311 – оправдательные. По данным статистики, оправдательные приговоры в Украине составляют 0,3%, республике Беларусь – 0,4%, Российской Федерации – 0,8%, Канаде – 3%, Евросоюзе – 20%. И только 0,4% невиновных обращались в судебные органы Украины о восстановлении нарушенных прав и свобод, возмещения вреда, причиненного незаконным и необоснованным уголовным преследованием, незаконным осуждением.

Как свидетельствуют материалы следственной, прокурорской, судебной практики Украины, результаты наших научных исследований, наиболее значительными нарушениями прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве является незаконное и необоснованное уголовное преследование, незаконное задержание, незаконные меры пресечения взятие под стражу, незаконное осуждение.

Вышеуказанное свидетельствует о том, что уголовно-процессуальное законодательство Украины не содержит адекватные существенные процессуальные гарантии защиты лица, не виновного в совершении преступления, а потому необходимо усовершенствовать соответствующие механизмы защиты лиц от преступных посягательств, незаконного и необоснованного уголовного преследования, незаконного осуждения путем законодательного закрепления положений института реабилитации.

Концептуальные основы института реабилитации были заложены в уголовно-процессуальном законодательстве РФ и большинства государств СНГ. Так, в УПК РФ процедура реабилитации закреплена в главе 18 «Реабилитация» [1]. Отдельные нормы, регулирующие правоотношения в сфере реабилитации предусмотрены в УПК Республики Азербайджан [2], УПК Республики Беларусь [3], УПК Республики Таджикистан [4]. *К сожалению, авторы УПК Украины не предусмотрели нормы, регулирующие правоотношения в сфере реабилитации.*

Проблемы реабилитации лиц, незаконно и необоснованно привлеченных к уголовной ответственности, незаконно осужденных, и возмещения им вреда, занимает особое место в системе уголовно-процессуального права, как в правовой науке, так и в правоприменительной практике. Реабилитация в уголовном судопроизводстве была предметом исследования ученых процессуалистов советского периода – Л.В. Бойцовой, Т.Н. Добровольской, Н.В. Ильютченко, М.И. Пастухова, И.Л. Петрухина, М.С. Строговича, Н.Я. Шило и другими, процессуалистами РФ – Б.Т. Безлепкиным, А.Н. Глыбиной, О.А. Корнеевым, А.А. Подопригорой и другими. В Украине эти проблемы были исследованы О.В. Каплиной, М.Р. Мазур, Н.Е. Шумило. Большинство исследователей проблем реабилитации правильно рассматривают ее элементы, раскрывают сущность. Так, А.Н. Глыбина определяет реабилитацию как официальное признание невиновности гражданина в инкриминируемом ему преступлении, выраженное в соответствующем юридическом акте, которое дает право на возмещение причиненного вреда, восстановление в иных правах, нарушенных в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования или осуждения [5, с.9].

Дискуссионной является точка зрения Б.Т. Безлепкина, который считает, что реабилитация – это оправдание судом подсудимого или прекращение уголовного дела в отношении осужденного, обвиняемого, а также подозреваемого при отсутствии события или состава преступления, в связи с недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления, а также по другим основаниям, которые представляют собой различные варианты перечисленных условий и обстоятельств [6, с.145]. Автор в данном определении реабилитации не указал право реабилитированного на возмещения вреда и восстановление нарушенных прав.

Поддерживаем точку зрения Н.Е. Шумило, который считает, что реабилитация в уголовном процессе – это деятельность суда по установлению факта незаконности уголовно-процессуального производства в отношении конкретного лица и определению размера причиненного ему имущественного и морального вреда, а также возмещению, при участии других должностных лиц, организаций, предприятий и учреждений, и восстановлению ранее ограниченных прав в установленном процессуальном порядке с целью его возврата к социальному и правовому статусу, который он имел до совершения в отношении него незаконных действий или решений [7, с.294-295].

Анализ юридической литературы, позволяет нам сделать вывод о том, что процедура реабилитации включает правовой механизм возмещения имущественного вреда реабилитированному и устранения последствий морального вреда и его компенсацию. При этом, полагаем, что под имущественным вредом, следует понимать вред, причиненный лицу незаконным и необоснованным уголовным преследованием, незаконным задержанием, незаконным применением меры пресечения, незаконным осуждением, который включает реальные убытки, упущенную выгоду и подлежит возмещению за счет государства в полном объеме. В тоже время, моральный вред, следует рассматривать как причинение лицу, не виновному в совершении преступления, страданий, которые заключаются в нравственных переживаниях, причиненных незаконным и необоснованным уголовным преследованием, незаконным задержанием, незаконным применением меры пресечения, незаконным осуждением, ограничением или лишением неимущественных и имущественных прав лица, нарушением его нематериальных благ, потерей членов семьи, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, распространением не соответствующими действительности информации, и в физической боли, в связи с увечьем, иным повреждением здоровья.

Полагаем, что кроме имущественного и морального вреда, в результате незаконного и необоснованного уголовного преследования, незаконного применения меры пресечения, незаконного задержания, незаконного осуждения, личности может причиняться вред здоровью. Анализ медицинской и юридической литературы позволяет нам сделать вывод о том, что вред здоровью – это нарушение анатомической целостности, физиологической функции органов или тканей человека, которое проявляется в телесных повреждениях, заболеваниях или патологическом состоянии. В связи с этим, в рамках уголовно-процессуального института реабилитации, *физический вред следует рассматривать как вред, причиненный здоровью в результате незаконного и необоснованного уголовного преследования, незаконного применения меры пресечения, незаконного задержания, незаконного осуждения, который определяется как нарушение анатомической целостности или физиологической функции органов или тканей и проявляется в телесном повреждении, заболевании, патологическом состоянии, инвалидности.* Считаем, что государство должно нести ответственность за причиненный физический вред лицу, невиновному в совершении преступления, и возместить его реабилитированному за счет государственных средств в полном объеме.

Резюмируя изложенное, полагаем, что реабилитация – это установленный законом порядок признания невиновности лица в совершении преступления, восстановления его нарушенных прав и свобод, возмещения за счет государства в полном объеме физического, имущественного, морального вреда, причиненного лицу незаконным и необоснованным уголовным преследованием, незаконным осуждением, неправосудным судебным решением о применении меры принуждения медицинского или воспитательного характера.

По данным наших исследований, 86% опрошенных нами осужденных, 95% – правозащитников и 82% опрошенных прокурора считают целесообразным предусмотреть в УПК Украины нормы, регулирующие уголовно-процессуальные отношения в сфере реабилитации.

Для соблюдения нравственных требований в уголовно-процессуальной деятельности по обеспечению защиты личности от необоснованного и незаконного уголовного преследования, незаконного осуждения, неправосудного судебного решения о применении меры принуждения медицинского или воспитательного характера; восстановлению прав и свобод, компенсации физического, имущественного и морального вреда необходимо дополнить УПК Украины главой «Реабилитация», в положениях которой изложить понятие реабилитации, условия и процессуальные основания признания права на реабилитацию, субъектов реабилитационных правоотношений, основания частичной реабилитации на досудебном и судебном производстве, процессуальный порядок реабилитации в условиях принудительного самооговора, порядок восстановления нарушенных прав и свобод реабилитированного, понятие физического вреда и порядок его возмещения, порядок возмещения имущественного вреда, правовой механизм устранения последствий морального вреда и его компенсация реабилитированному.

Список использованной литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ [Электронный ресурс]. – – URL: https://www.zakonrf.info/upk/gl18/

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Азербайджана. [Электронный ресурс]. – URL: http://legislationline.org/ru/documents/ section/criminal-codes.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – URL: http://legislationline.org/ru/documents/ section/criminal-codes

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. – URL: http://legislationline.org/ru/documents/ section/criminal-codes.

5. Глыбина А. Н. Реабилитация и возмещение вреда в порядке реабилитации в уголовном процессе РФ : автореф. дис. … канд. юрид. наук / А. Н. Глыбина. – Томск, 2006. – 24 с.

6. Безлепкин Б. Т. Имущественные правоотношения в стадии предварительного расследования : лекция / Б. Т. Безлепкин. – Горький : Изд-во ГВШ МВД СССР, 1976.

7. Шумило М. Є.Реабілітація в кримінальному процесі України : монографія. / М. Є. Шумило. – Х. : Арсіс, 2001. – 320 с.

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МОШЕННИЧЕСТВА В ВИДЕ ОКАЗАНИЯ ОККУЛЬТНЫХ УСЛУГ НА ДОМУ

Нугаева Э.Д., адъюнкт Уфимского юридического института МВД России, подполковник полиции

Судебной практикой последнего десятилетия отмечается значительное преобразование модели мошенничества: наряду с традиционными приемами обмана и злоупотреблением доверием преступники применяют современные разнообразные способы, не имевшие аналогов в прошлом. При осуществлении мошеннических действий наблюдается тенденция активного использования не только информационных технологий, но и различных форм скрытого психологического воздействия на потерпевших, основанного на знании психологии личности.

Результаты проведенного исследования по разрабатываемой теме, изучение криминалистической научной литературы позволило выявить отличительные черты мошенничества в виде оказания оккультных услуг: межрегиональный характер преступных действий; преобладание групповых преступлений; устойчивые уголовно-правовые свойства организованных групп, препятствующие борьбе с ними; высокоактивное использование рекламы в преступной деятельности как образованных для этих целей коммерческих организаций, так и отдельными мошенниками. Стремление мошенников проникать в средства массовой информации, различные общественные организации для осуществления преступных целей; увеличение фактов совершения мошенничества дистанционным способом, который позволяет полностью исключить личный контакт преступников с клиентами, что в дальнейшем осложняет доказывание; динамика и разнообразие способов совершения мошенничества при оказании оккультных услуг, длительный характер преступной деятельности; рост удельного веса мошенничества, совершаемых лицами женского пола, иностранными гражданами; создание видимости научной обоснованности предложенных клиентам методик исцеления и услуг оккультного характера; использование при совершении преступления различных форм скрытого психологического воздействия на потерпевших, основанных на знании психологии личности, приемов нейролингвистического программирования (НЛП), внушения, транса, эриксоновского гипноза и т. п.; повышенная общественная опасность и наступившие негативные последствия, вызывающие увеличение количества психических расстройств и необратимых ухудшений здоровья граждан, причинение имущественного ущерба физическим лицам, организациям и государству в целом; значительное количество потерпевших по уголовным делам рассматриваемой категории и высокий латентный характер этих преступлений; маскировка преступных действий мошенников под гражданско-правовые отношения.

На основании анализа и обобщения авторитетных мнений ученых [2, с. 89; 3, с. 60-64; 4, с. 58-60; 5, с. 74-76; 12] под понятием «оккультные услуги» нами понимается незаконная деятельность лиц (экстрасенсов, ясновидящих, астрологов, гадалок, целителей, ведунов, спиритов, колдунов, знахарей, магов и т. д.) по оказанию услуг магического воздействия в виде диагностики и влияния на здоровье человека, его имущество.

Оккультные услуги следует отграничивать от услуг народной медицины, предусмотренных ст. 50 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в соответствии с которой под народной медициной понимаются методы оздоровления, утвердившиеся в народном опыте, в основе которых лежит использование знаний, умений и практических навыков по оценке и восстановлению здоровья. К народной медицине не относится оказание услуг оккультно-магического характера, а также совершение религиозных обрядов. Согласно ч. 2 ст. 50 указанного закона право на занятие народной медициной имеет гражданин, получивший разрешение, выданное органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья.

В ныне действующем Уголовном Кодексе Российской Федерации отсутствует норма, устанавливающая ответственность за мошенничество в виде оказания оккультных услуг.

Преступники могут быть привлечены к уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ («Мошенничество»).

В результате проведенного исследования нами выделены следующие наиболее распространенные способы мошеннических действий в виде оказания оккультных услуг:

1) совершенные дистанционно по телефону (и) или с применением информационных ресурсов сети Интернет, популярных медиа-каналов.

2) совершенные при непосредственном (личном) контакте подозреваемого с потерпевшим:

– при образовании коммерческой организации под предлогом оказания квалифицированной парапсихологической помощи;

– на дому (домашняя или деревенская магия);

– в общественных местах (так называемое уличное гадание).

Объединяет эти способы тот факт, что мошенники, используя методы криминального манипулирования и речевого воздействия с целью обмана и злоупотребления доверием потерпевших [7, 13, 6], принуждали последних воспользоваться услугами оккультного характера.

Ограничиваясь рамками статьи, рассмотрим некоторые особенности мошенничества в виде оказания оккультных услуг, совершенных при непосредственном контакте на дому (так называемая «домашняя» или «деревенская» магия). Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод, что данный способ мошенничества совершался единолично в 28 % случаев, организованной группой лиц в 72 %.

Как показывает анализ уголовных дел, данный способ мошенничества совершался в 52 % случаев в небольших городах, в 23% крупных городах, 25% в провинциях. Прием граждан осуществляли в съемных квартирах в 91% случаев. В остальных случаях – по месту своего жительства и регистрации. Квартиры снимались на срок от месяца до полугода. При необходимости срок аренды продлевался.

82,2 % мошенников оказывающих услуги оккультного характера на дому не имели статуса индивидуального предпринимателя. В 3,8% случаях следствию представлены были дипломы об окончании различных тренингов и курсов по оккультным направлениям.

Социально-демографические признаки мошенников, как следует из изучения уголовных дел, показали, что процент женщин-преступниц, совершающих рассматриваемыми способами мошенничества достаточно высок – 58%, остальные 42% приходится на мужчин. Из общей массы мошенников, иностранные граждане составили 33%, в основном это лица цыганской, молдаванской нации. Среди лиц, совершающих данным способом мошенничество, ранее судимые за аналогичные преступления встречались в 64% случаев.

На подготовительном этапе в квартире (доме) для приема граждан оформлялась одна из комнат. Убранство комнат оформлялось в зависимости от направления деятельности мошенника в 78% случаев. В остальных случаях преступники ограничивались минимальным набором «экстрасенса» - карты, амулеты, шары.

Приискание клиентов осуществлялось путем подачи в газеты (64%), в основном бесплатных объявлений, а также на местное телевидение (7,1%), Интернет-сайтах (55%) соответствующей рекламы, в которых предлагались гадания на будущее, возврате в семью неверного мужа, снятие порчи, сглаза, венца безбрачия, наставление молодых людей, сбившихся с истинного пути, излечение от алкоголизма путем прочтения молитв, древних заговоров и т.п. Изучением приговоров судов и материалов уголовных дел по рассматриваемой категории дел отмечаем, что многие потерпевшие указывали о знакомстве с «гадалкой» или «целителем» через знакомых, то есть «срабатывал» эффект «сарафанного радио».

Большая часть мошенников, совершающих мошенничества данным способом позиционировала себя с целителями, ворожеями, гадалками и т.п., которым, якобы, дар перешел по наследству от их бабушки. Особо циничные мошенники сообщали в возможности излечения ими сложных заболеваний, в том числе онкологических. Так, Р.С. Бедошвили сообщала своим клиентам заведомо ложную информацию, что является по профессии нейрохирургом,

бывшим военным медицинским работником, проработавшая в Германии больше 10 лет и имеющая реальные возможности в исцелении запущенных, тяжелых заболеваний [8].

«Деревенские» знахари и гадалки останавливаются на более простых, «милых уху народа» именах: «бабушка Уля», «знахарка Анастасия», «ведьма Лана», «ведунья Василиса», «шептунья Ольга», «колдунья Роза» и т.д.

При встрече и работе с клиентами облачаются в простое, скромное платье, сарафан или рубаху, на голове платок, минимум аксессуаров.

Подельниками выступали знакомые и родственники, среди которых 31% лиц были ранее судимые за корыстные преступления. Основная роль подельников заключалась в том, что они играли либо роль благодарного «исцелившихся» у «знахаря» клиента либо выступали под видом помощников «экстрасенса», осуществляющих запись клиентов и прием денежных средств за сеансы.

Оплата за услуги осуществлялась в 74% путем передачи наличными средствами, приобретение ценных вещей и продуктов питания, 11 и 15 % соответственно. Так, Орисова Л.Г. «с целью введения в заблуждение граждан, требовала от них для достижения наивысшего результата приобрести для нее либо ее помощников, в качестве благодарности различный товар, в том числе парфюмерию, золотые изделия, солнезащитные очки, ламинат» [9].

В работе с клиентами использовали отработанные схемы наведения страха за жизнь и здоровье близких, сообщали, что порча и грязь идут через деньги, просили принести драгоценности и деньги на «чистку». Для введения граждан в заблуждение и внушения о наличии у «целителя» паранормальных способностей использовали различные схемы. Например, Цветкова С.И. при проведении сеанса «чистки кармы», незаметно для клиента, заменяла яйцо, принесенное клиентом, на то, что было заготовлено ею заранее, в которое шприцом был запущен раствор йода. Разбивая яйцо перед клиентом и демонстрируя изменившийся цвет желтка, Цветкова С.И. убеждала, что она обладает возможностями выявления и снятий порчи [1]. Так, «Сахиуллин А.Н. для внушения гражданам своей мнимой сверхчеловеческой способности, повернувшись к клиентам спиной, предлагал показывать количество пальцев на обеих руках. После того, как клиент показывал за своей спиной пальцы, Шкредкова Е.М. находясь в кухонной комнате, вне ведения клиента, при помощи включенного беспроводного ушного устройства «Bluetooth» у Сахиуллина А.Н. соединенного с мобильным телефоном, сообщала ему по мобильному телефону о количестве пальцев, показываемых клиентом, которые она наблюдала на изображении монитора в кухонной комнате, выводимые со скрытых камер видеонаблюдения в зальной и спальной комнат квартиры. Далее, Сахиуллин А.Н. для окончательного внушения клиенту о его паранормальных способностей, предлагал клиенту присесть на стол у тумбы в зальной комнате, которая была обставлена различными оккультно-мистическими предметами. Сахиуллин А.Н. предлагал клиенту вытянуть руки, которые находились над тумбой, где, незаметно включая ногой рычаг, приводил в действие оборудование для нагревания воздуха, при этом вуалировал эти действия движениями своих рук и изданием голосовыми связками мистических звуков. Введенные в заблуждение клиенты практически сразу принимали Сахиуллина А.Н. за экстрасенса, обладающего сверхвозможностями, последний убедившись в введении в заблуждение клиента, путем обмана и злоупотребление доверием, сообщал о том, что на клиенте имеется несколько порч, и за снятие каждой порчи объявлял цену в 10000 тенге» [10].

Имели место случаи, когда потерпевшие сообщали органам следствия, что на сеансах «экстрасенсы» предлагали выпивать им настои на травах, от которого кружилась голова и многих вещей они не помнят [17].

Следствию при выявлении данного способа следует обращать внимание на предлагаемые «целителями» и «экстрасенсами» методы излечения, которые порою доходят до абсурда. Так, Г. Пилипенко за сеанс стоимостью 3-5 тысяч рублей предлагает метод излечения порки розгами, чувашский «экстрасенс и целитель» В. Миханьков излечивает тяжелые бо-

лезни при помощи глины и керосина, П. Попов рекомендует лечить геморрой путем введения в анальное отверстие свежего огурца [15] и т.п.

Мошенники проводили ложные обряды и беседы с клиентами для внушения правдивости своих намерений в 100 % случаев. Дополнительные сеансы назначали в 82% случаев. Склоняли клиентов к обязательному приобретению оккультной атрибутики (92%), в том числе сделанных самостоятельно самими экстрасенсами, приобретению «фирменных» отваров и эликсиров, настоя трав и заряженной воды (64%), проведению различных ритуалов (79%). Так, в Ижевске, 55 летняя женщина обратилась по объявлению к экстрасенсу для решения личных проблем. Последняя посоветовала провести ей особый обряд. Клиентке необходимо было испечь 13 пирожков, в каждый из которых вложить по 13000 рублей. Обряд провели на кладбище, где экстрасенс в присутствии клиента закопала деньги и велела подождать несколько дней до наступления результата [14].

Суммы за проведение сеансов выставлялись каждым «целителем» самостоятельно: от 300 рублей за сеанс до нескольких десятков тысяч долларов США [16]. Так, Гаджиева Ф.Г. предлагала снять порчу и лечь от алкоголизма народными средствами за 40 дней. Суммы варьировались от 7 до 15 тыс. Взяв деньги, намерений не выполняла [11]. Стоимость «Целителей из Тибета» взявших на себя исцеление всем известного актера Николая Караченцова обошлось его семье в 38000 долларов США в месяц [16].

С целью сокрытия преступления мошенники проводили следующие действия:

1. Представлялись перед клиентами вымышленными именами (псевдонимами);
2. В общении с клиентами изменяли тембр и интонацию голоса;
3. Использовали освещение, одежду и парики, затрудняющие идентификацию личности мошенника;
4. Соучастники преступления для связи между собой пользовались средствами мобильной связи, оформленные на посторонних лиц одновременно с нескольких абонентских номеров сотовых телефонов. Абонентские номера меняли часто.
5. Использовали поддельные паспорта, дипломы об окончании различных тренингов и изотерических школ.
6. Подкуп должностных лиц государственных и муниципальных, а также правоохранительных органов;
7. Скрывались с места преступления путем переезда в другой населенный пункт или город;
8. Смена съемных квартир для приема граждан.

Знание способов подготовки, совершения и сокрытия преступления принципиально важно не только для правильной квалификации действий преступников, причастных к совершению мошенничества в виде оказания оккультных услуг, но и для выдвижения и отработки версий, разработки алгоритма действий сотрудников правоохранительных органов в раскрытии и расследовании криминального события данного вида.

Список использованной литературы:

1. Архив Советского районного суда г. Казани. Уголовное дело в отношении Цветковой С.И.
2. Ерофеев К.Б. «Магические услуги»: правовой анализ // Евразийская адвокатура: международный научно-практический журнал. 2013. № 3 (4). С. 89.
3. Жалинский А.Э., Козловская А.Э. О возможности правового регулирования деятельности по оказанию оккультных услуг // Журнал российского права. 2006. № 11. С. 60–64.
4. Китаев Н. Магия и право: мифы и действительность // Российская юстиция. 2001. № 12. С. 58–60.
5. Куприянов А. «Темные силы» как субъект преступления // Российская юстиция. 2001. № 8. С. 74–76.
6. Нугаева Э.Д. Расследование мошенничеств, совершенных в сфере оказания оккультных услуг: науч.-практ. пособие. Уфа: УЮИ МВД России, 2018. 47 с.

7. Онищенко О.Р. Манипулирование сознанием и поведением жертв при мошенничестве: дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 212 с.

8. Приговор Димитривского районного суда г. Костромы от 29.12.2007, дело № 1-34/2007 г. г. в отношении Бедошвили Р.С. по ч. 2, 3, 4 ст. 159 УК РФ, ч.1 ст. 327 УК РФ.

9. Приговор Череповецкого городского федерального суда Вологодской области. Дело № 1-1086/2011 по обвинению Орисовой Л.Г. в совершении ч. 2 ст. 159 УК РФ (32 эпизода), ч. 3 ст. 30-ст.291 ч. 3 УК РФ.

10. Приговор Медеуского районного суда г. Алматы Республики Казахстан. Дело № 1-1-551/2013 г. от 10.12.2013 в отношении подсудимой Шкредовой Е.М. по ст. 177 ч. 2 п. «а,б» УК РК.

11. Приговор Ленинского районного суда г. Махачкала № 1-1/12 г. от 20.06.12 по обвинению Гаджиевой Ф.Г. по ч. 2 ст. 159, ч. 2 ст. 159 УК РФ.

12. Санникова Л.В. Услуги в гражданском праве России. М., 2006.

13. Федоров А.Ю. Криминальное манипулирование в сфере экономической деятельности: криминологическая характеристика и предупреждение: дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2006. 219 с.

Электронные ресурсы:

14. Жительница Удмуртии захоронила на кладбище 170 тысяч рублей в пирожках. https://lenta.ru/news/2015/12/23/cakes/.

15. Осторожно мошенники на ТВЦ //http://www.tvc.ru/channel/brand/id/32/show/episodes/episode_id/48088.

16. Передача «осторожно мошенники» на ТВЦ https://www.youtube.com/watch?v=oOhlaSRWMt0.

17. Передача «Аферисты в сетях» от 25.10.2016 г. https://aferistyvsetyah.novy.tv/ru/videos/episode/chast-5-aferistyi-v-setyah-smotret-onlayn-vyipusk-8-sezon-2/.

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЭКСПЕРТА И СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Парфёнов А.А., старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Российско-Таджикского (славянского) университета

Возможность использования в расследовании не только процессуального, но также иных не регламентируемых процессуальным законодательством способов получения криминалистически значимой информации послужила отправной точкой при классификации форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. Многие ученые, уделявшие внимание данному вопросу, так или иначе приходят к выводу о необходимости их разделения на «процессуальные» и «непроцессуальные», что наглядно прослеживается в трудах Р.С. Белкина, В.Г. Гончаренко, В.Н. Махова, Ю.Г. Корухова, В. Нестерова, Ю.К. Орлова, Т.В. Сахновой, И.Н. Сорокотягина, Я.В. Комиссарова, Г.Н. Мухина, Д.В. Исютина-Федоткова, других видных специалистов в области криминалистики, теории и практики судебной экспертизы. В то же время некоторые ученые, например, такие как Б.М. Бишманов, В.К. Лисиченко, В.В. Циркаль и др., употребление словосочетаний «формы использования специальных знаний» и «непроцессуальные» или «не указанные и не регламентированные уголовно-процессуальным законом» считают недопустимым, так как использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве, по их мнению, может осуществляться лишь в процессуальной форме [7, 49-50].

Категоричность суждений авторов объясняется недостатком внимания к особенностям толкования в юридической литературе и законодательстве близких по смыслу понятий. Так, Е.А. Зайцева, А.М. Зинин, Т.Д. Телегина и некоторые другие ученые справедливо указывают, что между терминами «применение» и «использование» знак равенства ставить не следует, поскольку применять собственные специальные знания субъекты могут в разных (не только предусмотренных законом) формах, а вот использовать их в уголовном судопроизводстве в непроцессуальной форме действительно нельзя [23, 15-16]. При этом, по своему значению глаголы «применять» и «использовать» не совпадают [18]. Также обоснованно разграничиваются в теории государства и права определяемые с их помощью формы реализации права.

Вопрос о разделении форм применения специальных знаний важен с точки зрения необходимости размежевания деятельности эксперта и специалиста. Законодатель Республики Таджикистан видит в них самостоятельных участников процесса притом, что возможность вовлечения в судопроизводство как в статусе специалиста, так и в статусе эксперта увязывается с наличием у лица специальных знаний, а формы использования результатов их деятельности в настоящее время частично совпадают. Согласно ст.ст. 72 и 77 Уголовно-процессуального кодекса Республики Тааджикистан [2] (далее по тексту - УПК РТ) с учетом изменений, внесенных в УПК РТ в феврале 2017 г., заключение и показания эксперта признаются самостоятельным доказательством. При этом, хоть в ст. 72 УПК РТ в качестве доказательств и признаются заключения и показания специалиста, но при этом далее ни где не раскрывается данный вид доказательства, а также не дается разграничение между статусами эксперта и специалиста. Несмотря на то, что в ст. 57 и 58 УПК РТ раскрываются процессуальные положения специалиста и эксперта, как субъектов уголовного судопроизводства, но при этом их статус четко неопределен. Следовательно, можно предположить, что в соответствии с УПК РТ их статус является тождественным. Хотя исходя из общепринятого понимания их практических полномочий, они являются дифференцированными.

Таким образом, различия в деятельности указанных субъектов судопроизводства необходимо искать в содержании осуществляемых ими процессуальных функций.

Проанализировав специфику использования в теории и на практике термина «специалист», К.Н. Шакиров обратил внимание на то, что некоторые ученые сводят функции специалиста к обнаружению, собиранию, изъятию и фиксации доказательств, другие наряду с перечисленными допускают возможность осуществления специалистом функций исследования и оценки доказательств [25, 20-27]. Особенности деятельности специалиста по оказанию содействия лицам, несущим бремя доказывания, при производстве процессуальных действий достаточно хорошо изучены, хотя и не вполне адекватно урегулированы на уровне законодательства Республики Таджикистан. С учетом анализа, проведенного Я.В. Комиссаровой, профессиональной составляющей деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве является та часть функциональных обязанностей специалиста, которая роднит его работу и труд эксперта [13].

С момента ввода заключения специалиста в число доказательств среди ученых и практиков не утихают споры о том, итогом какой именно деятельности специалиста может быть его заключение. Анализ положений ст. 217 УПК РТ, где в ч. 2 представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным на разрешение носителя специальных знаний, именуются «заключением эксперта». А что законодетелем подразумевается под «заключением специалиста», в этом вопросе ясности не прибавляет ни ст. 179 ни ст. 204 УПК РТ.

Из таких областей знания как психология и логика известно, что суждение - это определенное знание о предмете, утверждение или отрицание каких-либо его свойств, связей, отношений; форма мышления наряду с умозаключением и понятием, закрепляющая результаты мыслительной деятельности, которая осуществляется в процессе познания [11, 36-41]. Как отмечает Я.В. Комиссарова: «выделение эмпирического и теоретического уровней познания в гносеологии, практически-действенного, наглядно-образного и понятийного (теоретически-отвлеченного) видов мышления в психологии само по себе не может служить основанием для их обособления. Мыслительная деятельность не является прерогативой ученых и прочих лиц, занятых преимущественно умственным трудом. Практическая деятельность также требует интеллектуальных усилий [13, 221]. Поэтому попытки отдельных исследователей разграничить ситуации обращения к специалисту и эксперту по уровню решаемых задач - в зависимости от того, каким образом они будут решаться: непосредственно (эмпирическим путем) или опосредованно (логически, теоретически) [15, 487] - представляются недостаточно убедительными.

Вместе с тем тот факт, что действия специалиста в соответствии с положениями ч. 1 ст. 57 УПК РТ носят преимущественно прикладной характер. Данное обстоятельство может породить дискуссию по вопросу о том, может ли специалист проводить какие-либо исследования с использованием своих специальных знаний или же при необходимости их производства в любом случае надо назначать экспертизу.

Данную практику в свое время прошла и Российская Федерация, где долгое время шли бурные дискуссии по аналогичному вопросу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3] (далее по тексту – УПК РФ) [6; 10; 13; 16; 21; 22; 24; 26 и др.]. Казалось бы, с принятием в Российской Федерации Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [4] в этой дискуссии можно было поставить точку. В пункте 20 Постановления подчеркивается, что заключение и показания специалиста даются на основе использования специальных знаний и, так же как заключение и показания эксперта в суде, являются доказательствами по делу, но при этом «следует иметь в виду, что специалист не проводит исследование вещественных доказательств и не формулирует выводы, а лишь высказывает суждение по вопросам, поставленным перед ним сторонами», в связи с чем «в случае необходимости проведения исследования должна быть произведена судебная экспертиза». Аналогичное понимание можно

наблюдать и в УПК РТ. Однако не стоит рассчитывать на то, что положения акта толкования права способны заменить собой нормы Уголовно-процессуального законодательства, или таким образом внести ясность в научную дискуссию.

В Постановлении отчетливо просматривается тенденция обеспечения сохранности вещественных доказательств, что, по нашему мнению, с процессуальной точки зрения абсолютно правильно. При этом огромный массив психологических, психофизиологических и прочих исследований (в том числе исследований документов, протоколов следственных и судебных действий) под регулирующее воздействие п. 20 не подпадает. Тем более что в ч. 1 ст. 58 УПК РФ прямо указывается на возможность привлечения специалиста к участию в процессуальных действиях для содействия в применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела.

При этом мы считаем, что наиболее полно специфический характер экспертного исследования, ориентированного получение «выводного» знания, содержащегося в заключении эксперта, был раскрыт Ю.К. Орловым [19]. После придания заключению специалиста статуса доказательства, опираясь на результаты ранее предпринятого им анализа, ученый пришел к выводу, что специалист имеет право высказывать свое суждение «по вопросам, хотя и требующим специальных знаний, но ответить на которые можно без производства специальных исследований» [20, 26-28]. К сожалению, невзирая на аргументы автора, само по себе использование без должной расшифровки понятия «специальные исследования» оставляет обширное поле для продолжения дискуссии.

По мнению В.М. Быкова и Т.Ю. Ситниковой, специалист в своей деятельности должен ограничиваться осмотром представленных объектов - предметов и документов, поскольку свои специальные знания он использует «не для исследования, а только для оценки представленных объектов» [8, 20-21]. Критикуя обозначенную позицию, И.В. Овсянников, Е.А. Зайцева и некоторые другие ученые верно подчеркивали, что противопоставлять понятия «исследование» и «осмотр» не стоит, так как осмотр является разновидностью исследования [17, 33]. В русском языке «исследовать» означает не только подвергать научному изучению, но и осматривать для выяснения чего-либо [18]. Невозможность размежевания таким образом деятельности специалиста и эксперта становится очевидной в ситуациях производства так называемых «квалифицированного осмотра» и «простейших исследований».

С другой стороны, согласно ст. 184 УПК РТ «Осмотр трупа, эксгумация» (в том числе на месте обнаружения) должен проводить следователь с участием понятых и врача-специалиста в области судебной медицины, а при невозможности его участия иного врача. На практике роль следователя в осмотре трупа в силу объективных причин обычно сводится к фиксации информации, сообщаемой специалистом, действия которого визуальным восприятием признаков, интересующих лиц, несущих бремя доказывания, не ограничиваются. Отрицать факт осуществления специалистом в подобных ситуациях исследовательской деятельности, результаты которой могут иметь самостоятельное доказательственное значение, бессмысленно.

Сложившимся реалиям в большей мере отвечает подход к решению проблемы, продемонстрированный законодателем в Казахстане. В ст. 199 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан [1] (далее по тексту - УПК РК) содержится новелла, предусматривающая возможность составления специалистом официального документа по результатам исследования, проведенного им в ходе следственного действия, который надлежит прилагать к протоколу, о чем в протоколе делается соответствующая запись. Подобная практика неизвестна процессуальному законодательству Республики Таджикистан и Российской Федерации.

Нетрудно заметить, что различные подходы к уяснению сущности понятия «исследование», активно используемого в науке и на практике, позволяют ученым обосновывать и отстаивать диаметрально противоположные позиции. Одни полагают, что исследования специалиста, выполненные в информационной среде следственного действия, не могут быть выделены в самостоятельное исследование и представлены в форме заключения, имеющего ста-

тус доказательства, в связи с чем заключения специалиста, основанные на исследованиях, проведенных за рамками следственных действий, должны признаваться недопустимыми доказательствами [14, 326-329]. Другие рассматривают суждение специалиста в качестве закономерного результата, проводимого им исследования конкретных объектов (предметов, места происшествия и т.п.) в целях решения вопросов, интересующих стороны и суд, — именно к такому выводу пришла Т.В. Аверьянова, предлагая отнести к компетенции специалиста решение диагностических задач в ситуации, когда не требуется «сложных лабораторных исследований» [5, 18].

Предложение о разграничении деятельности специалиста и эксперта по виду, категории, степени сложности решаемых задач, поддерживаемое рядом ученых [12, 13-14], не стыкуется с действующим законодательством. Согласно ст.ст. 57 и 58 УПК РТ, любое лицо, обладающее специальными знаниями, пределы которых определяются не законодателем, а современным уровнем развития науки, техники, искусства, ремесла, может быть вовлечено в судопроизводство в статусе эксперта или специалиста. При этом специалист прямо уполномачивается процессе судебного заседания давать пояснения по поводу выполняемых им действий.

Классификации экспертных задач, подлежащих решению при производстве экспертом исследования, известные общей теории судебной экспертизы, также не могут быть положены в основу дифференциации процессуальных функций участников судопроизводства.

В качестве оригинальной, хотя и не совсем удачной попытки урегулирования коллизии можно рассматривать положения ст.ст. 79 и 80 УПК РК, в определенной мере отражающие верно схваченную Ю. К. Орловым, А.В. Кудрявцевой, другими учеными специфику познавательной деятельности эксперта и специалиста. Согласно ч. 1 ст. 79 УПК РК, экспертом может быть незаинтересованное в деле лицо, обладающее специальными научными знаниями. В свою очередь, в качестве специалиста для участия в производстве по уголовному делу может быть привлечено не заинтересованное в деле лицо, обладающее специальными знаниями, необходимыми для оказания содействия в собирании, исследовании и оценке доказательств путем разъяснения участникам уголовного процесса вопросов, входящих в его специальную компетенцию, а также применения научно-технических средств. Специалистами являются также педагог, психолог, участвующие в следственных и иных процессуальных действиях с участием несовершеннолетнего, а равно врач, участвующий в следственных и иных процессуальных действиях, за исключением случаев назначения его экспертом.

Уязвимость указанного подхода была наглядно продемонстрирована К.Н. Шакировым, справедливо полагающим, что при буквальном толковании положений УПК РК абсурден сам по себе вывод о невозможности использования специалистом знаний, основанных на данных науки, ибо это прерогатива эксперта [25, 39-45]. На научный характер не знаний, но проводимого экспертом исследования и связанную с этим возможность дифференциации процессуальных функций эксперта и специалиста обращали внимание и другие ученые.

Относительно возможности получения консультации специалистов по поводу научной обоснованности методов исследования, примененных экспертом при производстве той или иной экспертизы, необходимо заметить следующее. Сама по себе консультативная деятельность широко распространена в практике уголовного судопроизводства Республики Таджикистан: следователи, защитники, судьи, прочие участники процесса нередко неофициально обращаются за помощью к специалистам. В этом случае разъяснения специалиста (как профессионала, а не участника судопроизводства в статусе специалиста) процессуального значения не имеют, хотя способны оказать существенное влияние на мнение заинтересованного в консультации лица. Именно поэтому представляется недопустимым прибегать к такого рода средству в ситуации оценки научной обоснованности заключения эксперта.

Впрочем, замена устной, ничем не регламентируемой консультации заключением специалиста проблему не решает. В свое время Л.Е. Владимиров, подчеркивая, что эксперт может ссылаться на мнения авторитетов по исследуемому вопросу, а, стороны - нет, обосновывал свое суждение, в том числе, ссылкой на воспринятый впоследствии советским процессу-

альным правом постулат: «Стороны имеют право опровергать мнение одного эксперта мнением другого, давшего заключение по тому же делу и при тех же условиях» [9, 143]. Неслучайно допрос эксперта и проведение дополнительных, а также повторных экспертиз долгое время были единственными процессуально грамотными способами проверки научной обоснованности экспертного заключения. Да и сейчас формулировка ч.ч. 1 и 2 ст. 220 УПК РТ полностью снимает вопрос о том, как надлежит поступать в ситуации недостаточной ясности заключения эксперта или же при возникновении сомнений в его обоснованности.

Вышеизложенное обуславливает целесообразность поиска иного варианта решения проблемы размежевания процессуальных функций эксперта и специалиста в большей степени, чем предлагавшиеся ранее, соответствующего современному пониманию назначения уголовного процесса, точнее отражающего реалии сегодняшнего дня, среди которых наиболее очевидной является рост потребности в использовании специальных знаний как со стороны обвинения, так и со стороны защиты.

Отдавая дань опыту, накопленному уголовно-процессуальной наукой, теорией судебной экспертизы, доказательственным правом и криминалистикой надо признать, что попытки вернуться в прошлое к отжившим свое конструкциям при всей их сбалансированности и апробированности за счет многолетней практики применения, равно как и новации, не имеющие опоры на фундаментальные положения философии, психологии, теории государства и права, вряд ли способны привести к желаемому результату. Сторона, несущая бремя доказывания, всегда нуждалась в общедоступных для понимания и использования критериях выбора квалифицированных экспертов и оценки научной обоснованности их заключений. Корректировка правового положения эксперта как участника уголовного процесса в ситуации закрепления его профессионального статуса на уровне уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан при условии грамотного расширения функций специалиста могла бы оптимизировать этот процесс.

Отправной точкой при определении статуса эксперта в уголовном судопроизводстве Республики Таджикистан должен быть тот факт, что деятельность лица, вовлекаемого в процесс в качестве эксперта, по своей природе является профессиональной. Освоение специальности «Судебная экспертиза», предопределяет особенности формирования общекультурных и профессиональных компетенций экспертов, поскольку освоение профессии подразумевает обязательность соответствующей профессиональной подготовки. Применительно к деятельности прочих лиц ссылка на ее профессиональный характер несет иную смысловую нагрузку.

Обособление в системе специальных статусов статуса эксперта как субъекта труда позволяет в полной мере отразить специфику правового положения эксперта в сфере судопроизводства с учетом вышеуказанных различий в деятельности лиц, которым могут быть поручены проведение исследования и дача заключения. Несмотря на то, что проблемы обучения и занятости находятся вне зоны прямого процессуального регулирования, специальный статус эксперта тесно переплетается с каждым из его отраслевых статусов, прежде всего за счет того, что возможность реализации отраслевой (уголовно-процессуальной) правоспособности увязывается с наличием у лица правоспособности специальной.

Производный характер процессуальной функции эксперта по отношению к его профессиональной деятельности приводит к выводу о целесообразности сохранения права производства судебных экспертиз за лицами, получившими профессиональный статус эксперта в порядке, установленном законодательством Республики Таджикистан. Учитывая необходимость реализации назначения уголовного судопроизводства, исключающую возможность ограничения каким-либо образом правоприменителей в использовании специальных знаний, предлагается одновременно внести изменения в правовое положение специалиста как участника процесса.

Специалиста следует наделить правом проведения исследования и дачи заключения по его результатам в определенных законом случаях, а именно:

1) при проверке научной обоснованности заключения эксперта (к примеру, для решения вопроса о целесообразности назначения повторной экспертизы, признания заключения эксперта недопустимым доказательством в соответствии со ст. 88^1 УПК РТ и т.д.);

2) при необходимости уяснения вопроса из той области науки, техники, искусства или ремесла, где реализация программ высшего профессионального образования в Таджикистане не предусмотрена;

3) в ситуации востребованности знаний из сферы, которая ранее производством экспертиз охвачена не была.

Список использованной литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04 июля 2014 г. № 231-V (ред. от 01.03.2018 г. № 132-VI) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www. http://online.zakon.kz (дата обращения: 11.05.2018).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 г. № 564 (ред. от 24 февраля 2017 г.) // [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: http://www.innovbusiness. ru/pravo/DocumShow_ DocumID_36351. html. (дата обращения: 20.10.2017).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 19.02.2018 № 27-ФЗ, № 31-ФЗ) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 14.03.2018).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 08.05.2018).
5. Аверьянова Т.В. Некоторые проблемы практики использования статей УПК России и Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Судебная экспертиза: науч.-практич. журнал. - 2004. - № 1. - С. 18.
6. Аверьянова Т.В., Корухов Ю.Г. Заключение специалиста как новый вид доказательств в уголовном судопроизводстве // Черные дыры в российском законодательстве. – 2004. - № 4. – С. 260-271.
7. Бишманов Б.М. Правовые, организационные и научно-методические основы экспертно-криминалистической деятельности в органах внутренних дел: Дис. докт. юрид. наук. – М., 2004. – 308 с.
8. Быков В.М., Ситников Т.Ю. Заключение специалиста и особенности его оценки // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. – Вып. 1 (9). – М.: Спарк, 2004. С. 20-21.
9. Владимиров Л.Ё. Учение об уголовных доказательствах. – Тула: Автограф, 2000. – 464 с.
10. Воробьев П. Процессуальный статус специалиста: нужны разъяснения Пленума Верховного Суда // Законность. – 2005. - № 11. – С. 35-41.
11. Еникеев М.И. Общая, социальная, юридическая психология: учебное пособие для вузов. – М.: Приор, 2002. – 400 с.
12. Ерёмин С.Н. Заключение специалиста как новый вид доказательств в уголовном судопроизводстве (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование): автореф. дис. канд. юрид. наук. - Краснодар, 2004. - С. 13-14.
13. Комиссарова Я.В. Профессиональная деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве: теория и практика: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 368 с.
14. Крестовников О.А. Информационное обоснование и правовой режим заключения эксперта и специалиста в судебном процессе // Черные дыры в Российском Законодательстве. - 2006. - № 2. - С. 326-329.
15. Кудрявцева А.В. Уровни решения задач как основание разграничения компетенции эксперта и специалиста // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы Международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 27-28 января 2005 г.). В 2 ч. Ч. 1. – Екатеринбург, 2005. - С. 485-489.
16. Лазарева Л.В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: Дис. докт. юрид. наук. – Владимир, 2011. – 246 с.
17. Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. - 2005. № 7. - С. 32-38.
18. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. - М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.

19.Орлов Ю.К. Заключение эксперта как источник выводного знания в судебном доказывании (уголовно-процессуальные, криминалистические и логико-гносеологические проблемы): автореф. дис. докт. юрид. наук. – М., 1985. – 54 с.

20.Орлов Ю.К. Использование специальных знаний в уголовном процессе: учебное пособие. Вып. 1. Формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. – М.: МГЮА, 2004. – 28 с.

21.Савицкая И.Г. Формы участия специалиста в уголовном судопроизводстве: Дис. канд. юрид. наук. – Владимир, 2012. – 106 с.

22.Селина Е.В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. – М.: Юрлитинформ, 2002. – 93 с.

23.Телегина Т.Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений: автореф. дис. канд. юр ид. наук. - М., 2008. – 28 с.

24.Чарыков А.В. Проблема разграничения сведущих лиц как носитетей специальных знаний в уголовном процессе: формальный и содержательный аспект // Вестник КрасГАУ. – 2015. - № 3. - 173-180.

25.Шакиров К.Н. Проблемы теории судебной экспертизы: методологические аспекты: дис. докт. юрид. наук. – Алматы, 2003. - 292 с.

26.Шапиро Л.Г. Ситуационный подход к использованию специальных знаний при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности // Эксперт-криминалист. – 2013. - № 3. – С. 15-17.

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИИ

Осипова Н.В., старший преподаватель, Уфимский ЮИ МВД России, кафедра уголовного процесса, кандидат юридических наук

В соответствии с частью 3 статьи 6 Конституции РФ, гражданин Российской Федерации не может быть лишен своего гражданства или права изменить его.

1 сентября 2017 года вступил в силу федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации», статьи 8 и 14 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», внесены поправки в статью 393 УПК РФ.

Указанные изменения вводят механизм отмены решения о приобретении гражданства, регламентируют порядок обращения к исполнению обвинительного приговора суда в отношении лиц, осужденных за экстремизм и терроризм. Однако лишиться паспорта гражданина Российской Федерации может лишь тот, кто получил его не по рождению, а в заявительном порядке.

Основными нормативными правовыми актами в сфере противодействия терроризму и экстремизму являются федеральные законы от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», от 27 декабря 1991 года № 2124-1 «О средствах массовой информации», от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ «О связи», от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1]. Кроме того, федеральным законом от 6 июля 2016 года № 375 Уголовный кодекс РФ дополнен статьей 205.6 «Несообщение о преступлении», которая устанавливает ответственность за несообщение в органы власти, уполномоченные рассматривать сообщения о преступлении, о лице (лицах), которое по достоверно известным сведениям готовит, совершает или совершило хотя бы одно из преступлений террористической направленности и статьей 361 «Акт международного терроризма».

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 06.07.2016 № 375-ФЗ [2] увеличены сроки и размер наказания по ряду статей террористической и экстремистской направленности, введена уголовная ответственность с 14 лет за участие в террористическом сообществе, либо организации.

Указанные новеллы стали продолжением разработанного механизма противодействия экстремизму и терроризму, запущенного принятием федерального закона № 374-ФЗ «О внесении изменений в федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» [3], который урегулировал порядок осуществления миссионерской деятельности.

И хотя закон, с одной стороны, снял многие проблемы, в том числе споры о деятельности различных иностранных организаций, открыто пропагандирующих экстремизм, с другой - породил еще больше вопросов о допустимости ограничения проповеди тех религиозных организаций, которые официально зарегистрированы на территории РФ и действуют на законных основаниях.

Первое, что бросается в глаза – что в законе нет конкретных признаков «миссионерской деятельности». Второе – нормы закона применимы исключительно к религиозным объединениям, организациям и группам. Личное право гражданина, гарантированное Конституцией РФ (статья 28), на распространение своих личных убеждений, в том числе запрещенных, данный закон формально не ограничивает.

В соответствие частью 2 статьи 24.2 федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О свободе совести и о религиозных объединениях» [4] граждане и юридические лица вправе осуществлять миссионерскую деятельность от имени религиозной организации при наличии у них документа, выданного руководящим органом религиозной организации и подтверждающего полномочие на осуществление миссионерской деятельности от имени религиозной организации. В данном документе должны быть указаны реквизиты документа, подтверждающего факт внесения записи о религиозной организации в единый государственный реестр юридических лиц и выданного федеральным органом государственной регистрации или его территориальным органом.

Таким образом, чтобы избежать ответственности, гражданину, проповедующему радикальные взгляды, даже если он действует в интересах конкретной религиозной организации, достаточно указать, что он не является ее адептом и не действует от ее имени. Распространяемое им учение необходимо человеку, например, «для спасения» и является собственным внутренним религиозным убеждением такого лица и его правом, гарантированным Конституцией РФ.

С другой стороны, безобидное появление в общественном месте в обрядовой одежде и даже в платке можно расценить как незаконное занятие миссионерской деятельностью, направленной на распространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся последователями данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в состав участников религиозного объединения, и осуществляемой публично, так как ношение такой одежды в ряде случаев является одним из основных положений религиозного обряда.

Надо отметить, что главы религиозных конфессий, многие политические деятели и общественность с большим скептицизмом отнеслись к идее введения понятия «миссионерской деятельности» в закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», опасаясь, что это чревато неслыханным со времен СССР ограничением проповеднической деятельности как законных религиозных организаций, так и отдельно взятых последователей.

Желание законодателя оградить граждан от явно экстремистских, насильственных и недобросовестных форм насаждения некоторых убеждений, порождающих питательную среду для терроризма и других преступлений, правильно и понятно, но механизм урегулирования этих вопросов по-прежнему мало отработан и требует всестороннего анализа. Как показала практика, за время существования антитеррористического пакета поправок не произошло каких-либо позитивных изменений в данной сфере, а деятельность организаций, направленная на нарушение общественной безопасности, призывающая к экстремизму и разрушению семьи, только расширяется.

В 2016 году выявлено 707 лиц, совершивших преступления экстремистской направленности. Следователями Следственного комитета в суд направлено 249 уголовных дел о таких преступлениях. Помимо этого, возбуждено 137 уголовных дел о преступлениях террористического характера, в суд направлено 56 таких дел [5].

По данным ФСБ РФ, в 2016 году было предотвращено 16 терактов с участием граждан стран СНГ, ликвидировано 46 ячеек международных террористических организаций, при этом официальная статистика по предотвращённым терактам в стране, по мнению компетентных источников, серьёзно занижена [6].

В 2017 году за публикации в интернете по административным статьям осудили 4046 человек, по уголовным – 465. Согласно статистике судебного департамента при Верховном суде, только за первое полугодие 2017 года более трехсот граждан получили сроки по таким

уголовным статьям, как «возбуждение ненависти и вражды», «оправдание терроризма и реабилитация нацизма», «оскорбление чувств верующих», «призывы к экстремистской деятельности и сепаратизму» [7].

Экстремизм продолжает оставаться одной из наиболее опасных угроз национальной безопасности Российской Федерации. Эту проблему возможно решить только комплексными мерами. Как известно, природа не терпит пустоты, поэтому лишение человека заложенной в нем потребности к познанию самого себя, постижению абсолютной истины и своих взаимоотношений с Богом неизбежно приведет к тому, что этот духовный вакуум заполнится обязательно и вопреки любым запретам. Не давая человеку альтернативы, а ситуация такова, что нормы о миссионерстве фактически поставили под запрет прежде всего традиционные конфессии, через некоторое время наше общество заполнят люди ограниченные, безнравственные, управляемые – идеальные кандидаты в ряды террористических организаций.

В настоящее время основная масса таких кандидатов вербуется через сеть Интернет, в связи с чем и была предпринята попытка урегулировать деятельность различных сомнительных организаций на федеральном уровне в информационном пространстве. Однако введение непопулярного закона, обязывающего крупнейших операторов связи годами хранить на серверах информацию о звонках, сообщениях и истории посещения интернет страниц своих пользователей вряд ли будет способствовать снятию напряженности, тем более на сегодняшний день это практически не осуществимо.

Вопреки предпринимаемым мерам, вовлечение российских граждан в радикальные религиозные группы продолжается и остановить это явление бесполезными, а иногда просто странными методами, вряд ли удастся.

К примеру, установленный запрет на осуществление миссионерской деятельности в жилых помещениях (ч. 3 ст. 24.1 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях») может быть легко преодолен еще более удобной беседой радикального «проповедника» со своей жертвой в кафе, ресторане, другом общественном месте.

Более того, методы работы вербовщиков многих известных террористических организаций вообще не подпадают под признаки миссионерской деятельности, поскольку совершаются физическими лицами, в то время как из буквального смысла ч. 1 ст. 24.1 ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» следует, что миссионерской деятельностью признается деятельность религиозного объединения, осуществляемая непосредственно религиозными объединениями либо уполномоченными ими гражданами и (или) юридическими лицами.

Поправка об отмене решения о приобретении гражданства в отношении лиц, задействованных в террористической и экстремистской деятельности, по нашему мнению, является закономерным и положительным сдвигом в решении проблемы. Однако этот механизм нуждается в дальнейшем совершенствовании. К примеру, вводя процедуру лишения гражданства для лиц, осужденных за преступления террористической направленности, законодатель упустил из виду порядок возврата к прежнему положению тех, кто был осужден за данные преступления незаконно.

В соответствии со статьей 53 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. В соответствии с пунктом 34 части 5 УПК РФ реабилитация представляет собой порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда.

Согласно части 1 статьи 133 УПК РФ право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Право на гражданство относится к числу прав, которые закреплены в Основном Законе государства и является основным, конституционным правом человека и гражданина, которое

не уместно относить к числу «иных» прав реабилитированного, более того, это может вызвать споры в процессе правоприменительной деятельности.

Учитывая, что уголовно-процессуальным законом для реабилитированных установлен упрощенный, по сравнению с исковым порядком режим правовой защиты, освобождающий их от бремени доказывания оснований и размера возмещения имущественного вреда, возвращение таким лицам гражданства следует предусмотреть в качестве самостоятельного права.

В связи с этим, предлагаем дополнить статью 138 УПК Российской Федерации «Восстановление иных прав реабилитированного» частью 3 следующего содержания: «Реабилитированным, в отношении которых решение о приобретении гражданства Российской Федерации было отменено на основании сообщения заявителем заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации, гражданство Российской Федерации восстанавливается».

Список использованной литературы:

1. Балишян С. Итоги - 2017: как в России преследовали за экстремизм [Электронный ресурс]. https://mbk.media/suzhet/itogi-2017-kak-v-rossii-presledovali-za-ekstremizm. (Дата обращения: 22.03.2018).

2. Егоров И. Скрытая угроза: беседа с директором ФСБ России А. Бортниковым [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2017/04/11/reg-szfo/v-rossii-predotvrashcheno-16-teraktov.html (Дата обращения: 20.03.2018).

3. Козлова Н. Посадка по заказу: интервью с председателем Следственного комитета РФ А. Бастрыкиным «Российской газете» [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2017/01/12/bastrykin-vazhno-zashchitit-teh-predprinimatelej-kto-chestno-vedet-biznes.html (Дата обращения: 22.03.2018 г.).

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федер. закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

5. О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»: Федер. закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

6. О противодействии терроризму: Федер. закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ; О полиции: Федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ; О средствах массовой информации: Федер. закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1; О Федеральной службе безопасности: Федер. закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ; Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Федер. закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ; О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федер. закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ; О связи: Федер. закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ; Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

7. О свободе совести и о религиозных объединениях: Федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Плетенец В.Н., доцент кафедры криминалистики, судебной медицины и психиатрии Днепропетровского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент, подполковник полиции

Проблема борьбы с преступностью относится к одной из наиболее острых и требует скорейшего решения в Украине. Это обусловлено количественными и качественными изменениями в структуре преступности, характеризующихся появлением новых проявлений общественно-опасных деяний, ростом профессионализма преступников, их оснащенности современными высокотехнологичными средствами, совершенствованием способов совершения и сокрытия правонарушений с активным применением мер противодействия расследованию.

Одна из составляющих решения этой задачи - оптимизация процесса расследования и повышения эффективности преодоления противодействия со стороны преступников и других лиц не заинтересованных в установлении объективной истины по уголовным производствах. Работники правоохранительных органов, сталкивающиеся с проявлениями противодействия со стороны заинтересованных лиц при расследовании не в состоянии противопоставить им достойный комплекс действий.

Об этом свидетельствуют статистические данные Генеральной прокуратуры Украины, согласно которым за 2013 было зарегистрировано 563 560 уголовных правонарушений, в 2014 - 529 139, в 2015 году - 515 648, в 2016 - 592 604, в 2017 - 523911. Заслуживают внимания и количество производств, по которым установлено виновных. Так, в 2013 г. сообщение о подозрении было объявлено в 223561 случае, в 2014 - 185 723, в 2015 - 177 356, в 2016 - 159 480, в 2017 - 198 477 [1].

Приведенные данные определяют, что подозрение оглашается менее чем по трети фактов совершенных уголовных правонарушений. Своевременно не привлеченые и те, которые избежали ответственности, «отрабатывая» навыки, продолжают совершение более тяжких и дерзких общественно-опасных деяний, в том числе, с применением современных технических средств, мероприятий подготовки, уничтожения, маскировки или фальсификация информации, инсценировок и тому подобное. Появление у преступников более широких возможностей противодействия досудебному расследованию и судебному разбирательству обусловливает необходимость исследования ее содержания и разработки комплексной системы преодоления этих проявлений.

С другой стороны, потерпевшие, не испытывая охраны своих прав, свобод и законных интересов, а также надлежащего выполнения, соответствующими правоохранительными органами, задач УПК Украины [2], обращаются к европейским судебных институтов с исками к государству Украина. Кроме того, что на их удовлетворение тратятся значительные материальные ресурсы государственного бюджета, формируется негативный имидж Украины на международном уровне.

Среди причин, негативно влияющих на выполнение задач уголовного процессуального кодекса Украины является, в том числе, недостаточная научная разработка и отсутствие эффективных рекомендаций для следователей в ходе расследования, а судьи – судебного разбирательства сталкиваются с проявлениями противодействия со стороны заинтересованных лиц. Кроме того, существует ряд объективных и субъективных факторов, по которым работники правоохранительных органов допускают существенных просчетов и ошибок в оценке проявлений противодействия и путей его преодоления. Отсутствие теоретически разработанных и практически апробированных комплексов мер по преодолению противодействия уголовному судопроизводству негативно влияет не только на состояние расследования и

предупреждения уголовных правонарушений, но и высокий уровень их латентности. Наличие четких научно выверенных и апробированных практикой разработок криминалистического обеспечения преодоления противодействия уголовному судопроизводству облегчит достижение положительных результатов в борьбе с рассматриваемыми проявлениями вообще и улучшение криминогенной обстановки в частности.

Теоретическим основанием исследования являются работы отечественных и зарубежных ученых в области криминалистики, а именно: Т.В. Аверьяновой, Ю.П. Аленина, К.В. Антонова, А.Н. Бандурки, В.П. Бахина, Р.С. Белкина, В.Д. Берназа, В.В. Бирюкова, Т.В. Варфоломеивой, А.Н. Васильева, А.Ф. Волобуева, В.И. Галагана, В.Г. Гончаренко, В.А. Журавля , А.В. Ищенко, Н.С. Карпова, В.С. Кузьмичева, Н.И. Клименко, А.Н. Колесниченко, В.Е. Коноваловой, В.П. Колмакова, Н.В. Корниенко, В.В. Лысенко, Л.Н. Лобойко, В.К. Лисиченко, В.Г. Лукашевича, Е.Д. Лукьянчикова, Г.А. Матусовского П.Я. Минки, В.Т. Нора, А.В. Одерия, М.В. Салтевського, М.Я. Сегая, В.П. Снигерьова, В.В. Тищенко, В.М. Тертишника, Л.Д. Удаловой, П.В. Цымбала, К.А. Чаплинского, Ю.Н. Черноус, В.Ю. Шепитько, Н.П. Яблокова и др.

Целью данной статьи является освещение актуальности и формирования направлений разработки проблемы криминалистического обеспечения преодоления противодействия уголовному судопроизводству.

Непосредственно исследованию проблем противодействия расследованию уделяли внимание российские ученые-криминалисты В. Н. Карагодин, И. А. Николайчук, В. В. Трухачев, Э. У. Бабаева, С. Ю. Журавлев, Л. В. Лившиц, В. Я. Куликов, А. Н. Петрова и другие. Однако, указанные исследования проводились в других социальных и правовых условиях и не могут в полной мере быть использованы для преодоления этих проявлений в Украине.

Заслуживают внимания и работы отечественных ученых по исследованию отдельных вопросов противодействия расследованию на уровне кандидатских диссертаций в частности: Р.М. Шехавцов (Формы и способы противодействия расследованию преступлений и средства их преодоления (по материалам уголовных дел о вымогательстве, совершенных организованными группами, преступными организациями). - Киев, 2003), А. В. Александренко (Криминалистические проблемы преодоления противодействия расследованию. - Киев, 2004), Б. В. Щур (Тактика устранения противодействия расследованию преступлений, совершаемых организованными преступными группами. - Харьков, 2005), И. В. Грицюк (Противодействие расследованию преступлений в сфере налогообложения. - Ирпень - 2012) и другие. Однако указанные исследования посвящены различным аспектам досудебного расследования в условиях противодействия и не решают проблем преодоления этих проявлений в ходе судебного разбирательства, не учитывают изменений, произошедших в уголовном процессуальном законодательстве Украины.

Продолжаются научные поиски путей решения рассматриваемой проблематики в тезисах докладов, научных статьях, диссертационных исследованиях (в частности закреплена диссертация на соискание доктора философии (кандидата наук) по теме «Криминалистическое обеспечение преодоления противодействия досудебном расследованию - Киев, 2016) [3, с. 255]. В то же время попытки ученых, преимущественно, имеют точечный, эпизодический характер и не решают рассматриваемую проблему по существу.

Несмотря на существующие работы, комплексного исследования явления противодействия расследованию не проводилось [4, с. 10].

Изменение ситуации, по нашему мнению, возможно, в первую очередь, путем осуществления комплексного подхода и глибокого (фундаментального) исследования проблематики криминалистического обеспечения преодоления противодействия уголовному судопроизводству и, формирование на их основе, теоретических основ деятельности соответствующих правоохранительных органов.

Накопление научного знания время от времени приводит к изменению научной парадигмы криминалистики (изменения системы господствующих идей). Криминалистика - это на-

ука, развивается, меняются ее пределы, сферы влияния, возникают новые направления и теории. [5, с. 98]

Таким образом сложились предпосылки для формирования отдельной (частной) теории криминалистического обеспечения преодоления противодействия уголовному судопроизводству, в которой все вопросы рассматривались бы системно (комплексно) и имеют как теоретическое (обогащение науки Криминалистика отдельной теории), так и практическое («вооружение» правоохранителей действенным инструментарием в борьбе с преступностью) значения.

Указанное свидетельствует об актуальности исследования криминалистического обеспечения преодоления противодействия уголовному судопроизводству.

Главная цель исследования - на основе изучения отечественной судебно-следственной практики, обобщения положительного зарубежного опыта разработать концептуальные основы криминалистического обеспечения преодоления противодействия уголовному судопроизводству.

Комплексность цели, ее многоплановость обусловили необходимость решения следующих задач:

- проанализировать методологию исследований криминалистического обеспечения преодоления противодействия уголовному судопроизводству;
- осуществить историко-правовой анализ, становления и развития криминалистического обеспечения преодоления противодействия уголовному судопроизводству;
- рассмотреть понятие криминалистического обеспечения преодоления противодействия уголовному судопроизводству;
- рассмотреть структуру криминалистического обеспечения преодоления противодействия уголовному судопроизводству;
- определить содержание криминалистического обеспечения преодоления противодействия уголовному судопроизводству;
- систематизировать методы преодоления противодействия уголовному судопроизводству;
- на основе судебно-следственной практики разработать способы преодоления противодействия уголовному судопроизводству;
- предоставить характеристику субъектам противодействия, направленности и характера их действий на соответствующие объекты в ходе уголовного судопроизводства;
- сформировать комплекс существенных для диагностирования проявлений противодействия уголовному судопроизводству и принципов их преодоления;
- определить направления повышения результативности преодоления противодействия уголовному судопроизводству;
- определить общие положения теории взаимодействия в преодолении противодействия уголовному судопроизводству;
- раскрыть понятие и формы взаимодействия сотрудников правоохранительных органов, направленные на преодоление противодействия уголовному судопроизводству;
- проанализировать проблемы взаимодействия и оперативно-розыскного обеспечения преодоления противодействия уголовному судопроизводству;
- осуществить криминалистический анализ типичных следственных ситуаций и определить тактические задачи их решения;
- определить место и роль принятия правоохранителями тактических решений в преодолении противодействия уголовному судопроизводству;
- наметить пути предотвращения следователем проявлениям противодействия досудебном расследованию, а судом - судебному разбирательству;
- определить научные и методические средства тактического обеспечения преодоления противодействия уголовному судопроизводству;
- формирование тактических основ проведения следственных (розыскных) действий для получения информации из материальных; личностных и смешанных источников;

Этот перечень задач позволит осуществить специальное монографическое исследование, в котором комплексно и системно будут рассмотрены проблемы криминалистического обеспечения преодоления противодействия уголовному судопроизводству. Сформулированные в работе положения, выводы и рекомендации составят как научно-теоретический, так и практический интерес.

Указанное позволяет отметить, что проблемы противодействия расследованию, с которыми сталкиваются правоохранители, все более ярко демонстрируют насущную проблему их решения как практиками, так и учеными. Таким образом формирование отдельной (частной) теории криминалистического обеспечения преодоления противодействия уголовному судопроизводству, в которой все вопросы рассматривались бы системно (комплексно) является потребностью практики борьбы с преступностью. Наличие четких научно выверенных и апробированных практикой рекомендаций по криминалистическому обеспечения преодоления противодействия уголовному судопроизводству облегчит достижение положительных результатов в борьбе с рассматриваемыми проявлениями вообще и улучшение криминогенной обстановки в частности.

Список использованной литературы:

1. Єдиний звіт про кримінальні правопорушення України: електронний ресурс режим доступу : http://www.gp.gov.ua/ua/stat.html
2. Кримінальний процесуальний кодекс України. Закон України «Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у зв'язку з прийняттям кримінального процесуального кодексу України». – Х. : Одіссей, 2012. – 360 с.
3. Перелік тем дисертаційних досліджень з проблем держави і права (затверджених у 2016 р.) : розглянуті і схвалені координаційними бюро відділень Національної академії правових наук України / упоряд.: В.А, Журавель, Д.В. Лук'янов, Н.М. Вапнярчук. – Х. : Право, 2017. – 300 с.
4. Александренко О.В. Криміналістичні проблеми подолання протидії розслідуванню : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 – К., 2004. – 22 с.
5. Шепітько В. Ю. Сучасний стан, тенденції та функції криміналістики / В. Ю. Шепітько // Теорія та практика судової експертизи і криміналістики: Збірник наукових праць / Харківський науково-дослідний інститут судових експертиз ім. Засл. проф. М. С. Бокаріуса; Національна юридична академія України імені Ярослава Мудрого; Ред. кол.: М. Л. Цимбал, В. Ю. Шепітько, Л. М. Головченко та ін. — Х.: Право, 2008. — Вип. 8. — 656 с

УГОЛОВНЫЙ ПРОСТУПОК В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ УКРАИНЫ

Политова А.С., доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин и судебных экспертиз факультета №1 Донецкого юридического института МВД Украины, кандидат юридических наук, подполковник полиции

Уголовное право Украины в современных условиях претерпело много изменений, обусловленных динамикой процессов, происходящих в обществе. Состояние применения и действия Уголовного кодекса (далее – УК) Украины, опыт других государств романо-германской правовой семьи по дифференциации уголовного деяния, акты институтов Совета Европы обуславливают реформирования уголовного права Украины. Одной из таких новелл стало появление в уголовно-правовой доктрине категории уголовного проступка.

Впервые термин «проступок» встречается в Концепции реформирования уголовной юстиции (далее – Концепция), одобренной Решением Совета национальной безопасности и обороны Украины от 15.02.2008 г. «О ходе реформирования системы уголовной юстиции и правоохранительных органов» и утвержденной Указом Президента Украины от 08.04.2008 г. № 311/2008.

В соответствии с Концепцией к категории уголовного (подсудимого) проступка относятся:

1) отдельные деяния, по действующему Уголовному кодексу Украины относятся к преступлениям небольшой тяжести, которые в соответствии с политикой гуманизации уголовного законодательства будут определяться законодателем такими, которые не имеют значительной степени общественной опасности;

2) предусмотренные действующим Кодексом Украины об административных правонарушениях деяния, имеющие судебную юрисдикцию и не являются управленческими (административными) по своей сути (мелкое хулиганство, мелкое хищение чужого имущества) [1].

Если обратиться к истории становления института уголовного проступка, то необходимо отметить, что разделение уголовно наказуемых деяний на преступления и проступки был известен законодательству Российской империи еще со времени принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., согласно которому все наказания делились на уголовные и исправительные. В соответствии с Уложением, за проступки назначалось только исправительное наказание. Выделение уголовных проступков в отдельный вид уголовно наказуемых деяний было сохранено также и в Уголовном уложении 1903 г. Согласно этого нормативно-правового акта, они наказывались арестом или денежным штрафом.

Что же касается советского уголовного законодательства, то ни УК УССР, ни УК других советских республик не выделяли уголовных проступков как самостоятельный институт уголовного права. Несмотря на это в науке уголовного права в 60-е годы прошлого века высказывались отдельные суждения по поводу целесообразности выделения преступлений незначительной тяжести в категорию антиобщественных проступков. Такую позицию, в частности, придерживались А. А. Пионтковский и М.Д. Шаргородский.

13 апреля 2012 г. Верховной Радой Украины был принят Уголовный процессуальный кодекс Украины (далее – УПК), одной из особенностей которого является дифференциация процедур уголовного преследования лиц, совершивших преступления, и лиц, совершивших уголовные проступки (при этом как родовое по отношению к понятию «преступление» и «уголовный проступок» в проекте используется понятие «уголовное преступление»). Вместе с тем, до настоящего времени в действующий Уголовный кодекс Украины (далее – УК) такой классификации уголовных правонарушений (преступных деяний) не предусмотрено.

Следует отметить, что проблема уголовного проступка была предметом исследований таких ученых как В. И. Борисов, Н. Ф. Кузнецова, В. Н. Куц, А. А. Музыка, Н. И. Панов,

А. А. Пионтковский, И. Ю. Романюк, Е. Л. Стрельцов, Н. И. Хавронюк, П. Л. Фрис, М. Д. Шаргородский и др.

Однако, несмотря на значительную разработку проблемы уголовного проступка в теории уголовного права, защите М. М. Дмитруком диссертации на соискание ученого звания кандидата юридических наук «Категория уголовного проступка в уголовно-правовой доктрине» (Одесса, 2012 г.), многие вопросы остаются нерешенными, в частности, определение самого понятия уголовного проступка.

Анализируя законодательную деятельность народных депутатов Украины, следует отметить, что за последние несколько лет народными депутатами Украины вносилось несколько проектов Законов Украины «О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины относительно введения института уголовных проступков».

Так, например, весной 2012 года было внесено два проекта Закона Украины «О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины относительно введения института уголовных проступков», подготовленные коллективом народных депутатов В.Н. Стретовичем, С. П. Головатым, Д. Н. Прытыкой, Е. В. Шишкиным (регистр. 28.02.2012 № 10126) и народным депутатом В. Д. Швецом (регистр. 03.03.2012 № 10146). Оба проекта Закона предусматривали введение института уголовных проступков, тем не менее ни один из указанных законопроектов не был принят, а по результатам их обсуждения на научных конференциях специалистами в области уголовного права и процесса высказано многочисленные критические замечания относительно их содержания, законодательной техники, что обусловило необходимость осуществления дальнейших научных разработок института уголовных проступков.

В этот же год, распоряжением Президента Украины № 98/2012-рп от 30.05.2012 г. была создана рабочая группа с целью создания согласованных предложений по реформированию законодательства об административных правонарушениях, введение института уголовных проступков, свидетельствует об актуальности комплексного исследования этого вопроса. Однако, несмотря на предпринятые попытки создания проекта Закона Украины «О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины относительно введения института уголовных проступков» в срок, установленный Президентом Украины, а именно 1 сентября 2012 года, данный проект не был подготовлен.

На протяжении 2013-2014 гг. народными депутатами Украины по-прежнему неоднократно предпринимались попытки внедрения в уголовно-правовую доктрину уголовного проступка.

Так, например, в 2013 году на рассмотрение Верховной Рады Украины был внесен проект Закона Украины «О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины относительно введения института уголовных проступков» (регистр. 08.01.2013 № 1202) [2].

Анализируя данный проект Закона можно выделить лишь некоторые его недостатки, в частности:

- в части 1 статьи 2 «Основания уголовной ответственности» указано: «Основанием уголовной ответственности является совершение лицом общественно опасного деяния, содержащего состав уголовного правонарушения или уголовного проступка, предусмотренного настоящим Кодексом» [3].

Данное положение законопроекта противоречит УПК Украины. В соответствии с п. 7 ч. 1. ст. 3 «Основные понятия Кодекса» УПК Украины, в Украине вводятся 2 законодательные акты, устанавливающие уголовную ответственность – Уголовный кодекс Украины и Закон Украины об уголовных проступках.

- в разделе III «Уголовное правонарушение, его виды и стадии» в статье 11 «Понятие уголовного правонарушения и его виды» определяется понятие уголовного правонарушения, под которым предлагается понимать «предусмотрено настоящим Кодексом общественно опасное виновное деяние (действие или бездействие), совершенное субъектом уголовного правонарушения» [3].

Также в части 3 этой же статьи отмечается, что «преступлением является предусмотренное Книгой 1 (О преступлениях) Особенной части настоящего Кодекса общественно

опасное виновное деяние (действие или бездействие), совершенное субъектом преступления» [3]. В части 4 сформулировано понятие уголовного проступка, под которым следует понимать «предусмотренное Книгой 2 (Об уголовных проступках) Особенной части настоящего Кодекса общественно опасное виновное деяние (действие или бездействие), совершенное субъектом уголовного проступка» [3]. Возникнет логичный вопрос: в чем разница между преступлением и уголовным проступком?

Среди ученых есть разные взгляды на критерии разделения правонарушений на виды. М.П. Карев и С.Ф. Кечекья правонарушения по степени общественной опасности дифференцируют на две основные группы: проступки (административные, дисциплинарные и т.д.) и преступления. По мнению И.С. Самощенко, указанная классификация правонарушений отражает материальную сущность деяния, характер противправних действий и степень их общественной опасности, однако приемлема только в случае, когда речь идет о юридическом факте [4, 161].

Указанная выше классификация предлагается учеными, являются сторонниками разграничения преступления и других видов правонарушений как различных по своей природе общественно опасного и общественно вредного деяний.

М.И. Ковалев разделяет правонарушения по отраслям правового регулирования на преступления, административные, гражданско-правовые, трудовые и другие виды правонарушений. Разница между указанными видами действия, по мнению этого ученого, заключается лишь в видах ответственности, а также в положениях конституционных норм [5, 112-113].

Однако при такой классификации непонятна целесообразность криминализации или декриминализации любых действий, трансформации одного вида девиантного поведения в другой и т.д., в связи с этим такая классификация не может быть использована.

И это лишь некоторые замечания к данному проекту Закона.

В этом же году, в Верховную Раду Украины по представлению народного депутата В. Малышева был подан проекта Закона Украины «О внесении изменений в Уголовный и Уголовный процессуальный кодексы Украины относительно введения института уголовных проступков» (регистр. 17.10.2013 г. № 3438) [6].

Проект Закон предусматривает следующие определения основных понятий в уголовном праве:

«1. Уголовное правонарушение – это общественно опасное виновное деяние (действие или бездействие), совершенное субъектом уголовного правонарушения – проступок или преступление.

2. Уголовный проступок – это деяние, за которое предусмотрено наказание в виде ареста на срок не более шести месяцев, ограничение свободы на срок до двух лет или другое, более мягкое наказание за исключением основного наказания в виде штрафа в размере более тысячи необлагаемых минимумов доходов граждан.

3. Преступление – это предусмотренное настоящим Кодексом общественно опасное виновное деяние (действие или бездействие), совершенное субъектом преступления, за которое предусмотрено наказание более строгое, чем за совершение проступка» [6].

Проведенный поверхностный анализ проектов Законов Украины «О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины относительно введения института уголовных проступков».

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что основным критерием деления уголовного правонарушения на преступление и уголовный проступок является степень общественной опасности. Подобную точку зрения высказывают и Е.В. Рогова и Р.Р. Юлдошев. Анализируя возможность появления уголовного проступка в Уголовном кодексе Республики Таджикистан ученые отмечают, что одним из таких институтов является дифференциация уголовной ответственности за различные по степени тяжести преступления. Дальнейшее совершенствование дифференциации уголовной ответственности возможно в связи с пересмотром ряда положений, касающихся категорий преступлений. В частности, существует необходимость выделения и определения такой категории, как уголовный проступок, на что ранее неоднократно указывалось в научной литературе. Многие передовые государства активно применяют

данный институт, не усугубляя положение своих граждан, которые по тем или иным жизненным обстоятельствам преступили границы дозволенного. Судимость в данном контексте выступает ограничителем ряда прав и свобод человека и гражданина. Стигматизация граждан, которые совершили преступления небольшой и средней тяжести, не имеющие для других членов общества ощутимых последствий, должны быть решены посредством освобождения лица от уголовной ответственности или наказания в целом, но с учетом тех особенностей, которые будут использованы в конкретном законодательном порядке [7, 11].

Если же рассмотреть взгляды ученых на понятие «уголовного проступка», то, например, А. Д. Кос, описывает уголовный проступок как структурный элемент политики в сфере борьбы с преступностью [8, 130-131]. Отмечает неуправленческие проступки также и М. М. Дмитрук [9, 309]. П. Л. Фрис определяет, что «по срокам для определения этого нового института есть несколько вариантов: уголовные проступки, наказуемые проступки, преступления», и предлагает использовать термин «уголовные проступки» [10, 43-44].

Термин «уголовный проступок» использует и В.А. Туляков [11, 24]. Н. Ф Кузнецова предлагая свое определение уголовного проступка, под которым понимает «умышленное или неосторожное незначительное по своему характеру и степени общественной опасности деяния» [12, 115-119]. Ученая выделяет следующие виды наказаний, которые могут применяться к лицам, совершившим уголовный проступок: «максимальное лишение свободы на срок до одного года или другое, более мягкое наказание, или в санкции должна быть предусмотрена альтернативная форма ответственности: уголовное наказание или меры общественного воздействия» [12, 115-119].

Таким образом, проведенный нами анализ некоторых проектов Законов Украины об уголовных проступках, точек зрения ученых на их понятие, показывает, что различия в отнесении тех или иных уголовных преступлений к уголовным проступкам сегодня еще раз, подчеркивает необходимость законодательного урегулирования этого института. На наш взгляд, при разработке проектов Закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Украины относительно введения института уголовных проступков» необходимо привлечение специалистов в области уголовного права и при формулировки того или иного термина учитывать правила квалификации преступлений.

Список использованной литературы:

1. Про хід реформування системи кримінальної юстиції та правоохоронних органів: Указ від 08.04.2008 р. № 311/2008: за станом на 01.09.2011 р. / Президент України. – Офіційний вісник України. – К. : Логос. – 2008. – № 27. – С. 20-23.
2. Проект Закону України «Про внесення змін до Кримінального кодексу України щодо введення інституту кримінальних проступків» (проект вноситься народним депутатом Швецем В. Д.) : [Електронний ресурс]. – Режим доступу : http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=45306.
3. Проект Закону України «Про внесення змін до Кримінального кодексу України щодо введення інституту кримінальних проступків», реєстр. №10146 від 03.03.2012. : [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=42733.
4. Самощенко И. С. Понятие правонарушения по советскому законодательству / Самощенко И. С. – М. : Юрид. лит., 1963. – с.
5. Ковалев М. И. Понятие преступления в советском уголовном праве / Ковалев М. И. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1987. – с.
6. Проект Закону України «Про внесення змін до Кримінального та Кримінального процесуального кодексів України щодо запровадження інституту кримінальних проступків», реєстр. № 3438 від 17.10.2013 р. [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=48706.
7. Рогова Е.В., Юлдошев Р.Р. Уголовный проступок в контексте современных тенденций уголовной политики: монография. – Душанбе: Издательство «ЭР-граф», 2017. – 160 с.
8. Кос О.Д. Кримінальний проступок як структурний елемент політики у сфері боротьби зі злочинністю / О.Д. Кос // Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ імені Дідоренка. – 2011. – Спеціальний випуск №5. – С.130-134.

9. Дмитрук М. Правова природа кримінального проступку / М. Дмитрук // Право України. – 2011. – №9. – С. 309.
10. Фріс П. Злочин і кримінальна провина: проблеми нормативного закріплення / П. Фріс // Право України. – 2011. – С. 43-44.
11. Туляков В.А. Некоторые вопросы современной уголовно-правовой доктрины / В.А. Туляков // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. – 2011. – №1. – С.23-25.
12. Романюк І. Ю. Кримінальний проступок, як різновид правопорушень / І. Ю. Романюк // Вісник Луганського державного університету внутрішніх справ імені Дідоренка. – 2008. – Спеціальний випуск. № 2. – С. 115-119.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С НАРКОПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Пьянников В.И., старший преподаватель кафедры ОРД Костанайской академии МВД РК им. Шракбека Кабылбаева, магистр правоохранительной деятельности, капитан полиции

Одним из ключевых направлений деятельности государства и Министерства внутренних дел является противодействие наркомании и наркобизнесу.

Помимо пресечения незаконного оборота наркотиков основные усилия были сконцентрированы также на профилактике наркомании, укреплении межведомственного взаимодействия и координации, расширении международного сотрудничества. Реализация этих задач осуществлялась в рамках Отраслевой антинаркотической программы[1].

В связи с постановкой программы на утрату проведена работа по интеграции ее индикаторов и показателей в Государственную программу развития здравоохранения «Денсаулық» на 2016-2020 годы, а также стратегические планы заинтересованных государственных органов и в Программы развития территорий[2].

С середины XIX века человек научился получать (путем экстрагирования и химического синтеза) активные ингредиенты растений, оказывающие более сильное действие на организм человека, чем сами растения. Синтезированные вещества в течение всего XIX столетия успешно применялись в медицине как средства для обезболивания. Однако в XX веке подобные медицинские препараты начинают использоваться здоровыми людьми для достижения эйфории. С этого периода популярность наркотиков растет, пугая общественность примерами тяжелого пристрастия, которое возникает у поклонников этих препаратов[3].

Таким образом, в современном мире накопилось большое количество трудноразрешимых и чрезвычайно сложных проблем. Наркомания и наркотизм в последнее столетие занимают, пожалуй, одно из заметных мест в перечне сложных негативных социальных явлений, бросающих вызов как всему мировому сообществу, так и нашему государству. Более того, явления наркомании и наркотизма в настоящее время уже переросли в глобальную транснациональную проблему. Если не принять самые решительные меры к нейтрализации этой угрозы, то в перспективе человечество может прекратить свое существование как биологический вид. Этим и обосновывается чрезвычайная актуальность темы.

Проблема противодействия наркопреступности, наркотизму и наркомании уже многие годы привлекает внимание отечественных и зарубежных ученых: Р.А. Александровым, Т.В. Вдовиным, Ю.В. Гаврилиным, В.А. Кузьминым, С.Д. Кокуновой, Р.В. Нигматуллиным, Т.П. Родичевой, К.В., А. Шаталовым, А.М. Шадриным и др, на трудах которых основана настоящая работа. Однако, несмотря на значительное число исследований и публикаций, посвященных наркопреступности, наркотизму и наркомании, логически безупречного оптимального научного и прикладного решения данной проблемы пока не достигнуто.

Целью исследования является научная оценка нормативно-правовой базы и уровня проведения современных мероприятий, направленных на предупреждение незаконного оборота наркотических средств; разработка отвечающей нынешним требованиям теоретической базы для совершенствования уголовного законодательства по вопросам противодействия незаконному обороту наркотиков и повышения эффективности правоприменительной практики в сфере уголовно-правовой борьбы с наркопреступностью.

---

[1] Отраслевая антинаркотическая программа утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 1 февраля 2010 года № 922 «О Стратегическом плане развития Республики Казахстана до 2020 года»

[2] Постановление Правительства Республики Казахстан от 12 декабря 2014 года № 1315 «Об утверждении Правил ввоза, вывоза, транзита наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров»

[3] Александров Р.А. Становление и развитие уголовно-правового противодействия незаконному обороту наркотиков в СССР в 20 - 30-е годы XX века // История государства и права, 2007, N 6.

В целях предупреждения, выявления и пресечения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в местах произрастания и культивирования растений, включенных в Перечень, ежегодно проводятся оперативно-профилактические мероприятия "Мак". В них задействованы практически все правоохранительные органы[1].

Для предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков сотрудники правоохранительных органов наделены целым рядом полномочий. Так, они вправе, в частности:

-входить в любые помещения и производить осмотр мест, где осуществляется деятельность, связанная с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров;

-выдавать юридическим лицам, имеющим лицензию, обязательные для исполнения предписания, об устранении выявленных нарушений;

-опечатывать помещения в целях воспрепятствования доступа к наркотическим средствам;

-определять территории, в пределах которых осуществляется контроль за хранением, перевозкой или пересылкой наркотических средств;

-предъявлять в суд требование о ликвидации юридического лица, осуществляющего финансовые операции в целях легализации (отмывания) доходов, полученных в результате незаконного оборота наркотических средств;

-проверять соответствие процессов производства и изготовления наркотических средств установленным правилам, при необходимости изымать образцы для сравнительного исследования;

-проводить контролируемую поставку, проверочную закупку и иные оперативно-розыскные мероприятия, предусмотренные законодательством;

-проводить необходимые мероприятия, связанные с осуществлением на территории субъекта РК контроля за хранением, перевозкой или пересылкой наркотических средств;

-производить досмотр граждан, почтовых и багажных отправлений, транспортных средств и перевозимых грузов при наличии достаточных оснований полагать, что осуществляются незаконные хранение, перевозка или пересылка наркотических средств;

-производить осмотр земельных участков, на которых возможно культивирование растений, включенных в Перечень, мест разработки, производства, изготовления, переработки, хранения, отпуска, реализации, распределения, приобретения, использования и уничтожения наркотических средств;

-требовать предоставления необходимых для выполнения контрольных функций объяснений и документов;

-устанавливать по решению суда наблюдение за ходом социальной реабилитации отдельных лиц, освобожденных из мест лишения свободы, предусматривающее запрет посещения определенных мест, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток или ограничение выезда в другие местности без разрешения органа внутренних дел[2].

Предупредительная деятельность в сфере незаконного оборота наркотиков включает две составные части:

а) общее предупреждение, основным содержанием которого являются меры по устранению причин и условий, способствующих как наркотизации населения, так и совершению преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств;

б) индивидуальное предупреждение в отношении конкретных лиц, злоупотребляющих наркотическими средствами и склонных к совершению на этой почве преступлений.

---

[1] Перечень наркотических средств психотропных веществ и прекурсоров утвержден Законом Республики Казахстан от 10.07.1998 N 279-I"О наркотических средствах, психотропных веществах, прекурсорах и мерах противодействия их незаконному обороту и злоупотреблению ими"

[2] Гаврилин Ю.В. Правовые и организационные основы противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ // ИПС "КонсультантПлюс", 2005.

В Казахстане сформирована и функционирует система органов власти, реализующих антинаркотическую государственную политику. Департамент по борьбе с наркобизнесом (ДБН) является органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики, нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также в области противодействия их незаконному обороту. На основании вышемзложенного, можно заключить, что действующая система предупреждения незаконного оборота наркотиков и контроля за оборотом наркотиков недостаточно эффективна.

На наш взгляд, в Казахстане, лиц, совершивших уголовное правонарушение под действием наркотических веществ и наркозависимых, изначально необходимо отправлять на принудительное лечение, только после этого применять к ним меры уголовного воздействия.

На основании вышеизложенного, нами предлагается внести ряд изменений в Уголовный Кодекс РК.

Предлагаемые изменения в действующее уголовное законодательство:

Статья 296. Потребление в немедицинских целях, а также незаконное завладение и владение наркотиками

Потребление наркотиков в немедицинских целях -

наказывается обязательными работами на срок от ста шестидесяти до ста восьмидесяти часов либо исправительными работами на срок до одного года.

Незаконное приобретение и (или) хранение наркотиков без цели сбыта в крупном или особо крупном размере -

наказывается обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов либо исправительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до одного года.

Примечания: 1. Под наркотиками в Особенной части УК РК подразумеваются наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги или прекурсоры, изъятые из гражданского оборота на территории Республики Казахстан либо существенно ограниченные в нем.

Лицо, потребляющее наркотики в немедицинских целях, освобождается от уголовной ответственности в случае добровольного лечения от наркомании, если в его действиях отсутствуют признаки иного состава преступления.

Лицо, потребляющее наркотики в немедицинских целях и содействующее следствию в раскрытии, расследовании или пресечении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, освобождается от уголовной ответственности с обязательным лечением от наркомании.

Статья 297 Незаконное приобретение, хранение, изготовление, переработка, транспортировка в целях сбыта и сбыт наркотиков

Незаконные приобретение, хранение, изготовление, переработка, транспортировка в целях сбыта наркотиков, -

наказываются лишением свободы на срок от двух до трех лет со штрафом в размере от двухсот до пятисот месячных расчетных показателей либо в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период от шести месяцев до одного года.

Сбыт наркотиков -

наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет со штрафом в размере от пятисот до тысячи месячных расчетных показателей либо в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период от одного года до трех лет.

Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) в крупном размере;

в) в отношении заведомо несовершеннолетнего (-них), -

наказываются лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет со штрафом в размере от тысячи до двух тысяч месячных расчетных показателей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период от двух лет до пяти лет.

Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные:

а) организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией);

б) лицом с использованием своего служебного положения;

в) в отношении лица, заведомо малолетнего (-них);

г) в особо крупном размере, -

наказываются лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати пяти лет со штрафом в размере от двух тысяч до пяти тысяч месячных расчетных показателей или в размере заработной платы или иного дохода, осужденного за период от трех до пяти лет либо пожизненное лишение свободы со штрафом в размере полученного или предполагаемого дохода в результате приобретения или сбыта наркотиков.

ТАҲЛИЛИ ҲУҚУҚИ ҶИНОЯТИИ ФАЪОЛИЯТИ ҒАЙРИҚОНУНИИ БОНКӢ ТИБҚИ ҚОНУНГУЗОРИ ҶИНОЯТИИ ДАВЛАТҲОИ АЪЗОИ ИДМ

Раҳмонзода М.Ҷ., ассистенти кафедраи ҳуқуқи ҷиноятии факултаи ҳуқуқшиносии ДМТ

Дар замони ҳозира дар ҷаҳон зиёда аз 200 давлати мустақил арзи ҳастӣ карда истодаааст. Ҳар як давлати мустақил дорои қонунгузории худ буда, дар самтҳои гуногун аз тарафи мақомотҳои болоии онҳо қабул карда шуда, иҷроишашон дар ҳудуди кишварашон ҳатмӣ мебошад. Унсурҳои низоми ҳуқуқии дохилидавлатӣ ё миллӣ дар иртибот бо шароити таърихии кишвар, анъанаҳои миллӣ ва сатҳи инкишофи ҳуқуқӣ ташаккул меёбанд. Шумораи низомҳои ҳуқуқии миллӣ ба шумораи давлатҳои ҷаҳон мувофиқ мебошад. Низоми ҳуқуқии ҳар як давлат ин аз маҷмӯи меъёрҳои ҳуқуқ, институти ҳуқуқ ва соҳаи ҳуқуқ иборат мебошад, ки вобаста аз хусусиятҳои хоси худ аз дигар давлатҳо фарқ мекунад. Ҳеҷ як низоми ҳуқуқии миллӣ дар танҳоӣ инкишоф намеёбад, он дар натиҷаи омезиш бо дигар низомҳои ҳуқуқӣ инкишоф меёбад. Барои ин моро зарур мебошад вобаста аз усули муқоисавӣ-таҳлилӣ хусусиятҳои хоси онҳоро аз якдигар ҷудо намоем. Усули муқоисавӣ барои таҳлили муқоисавии низомҳои ҳуқуқии ҷаҳон, низомҳои қонунгузорӣ, амалияи ҳуқуқэҷодкунии давлатҳо ва ғайра хизмат мерасонад. Усули зикршуда барои такмили таҷрибаи қонунгузории миллии давлатдорӣ ва амалияи ҳуқуқӣ низ хизмат мерасонад, чунончи таҷрибаи хориҷӣ барои такмили қонунэҷодкунӣ, омӯзиши институтҳои нави ҳуқуқӣ, таҳлили онҳо ва татбиқ намудани онҳо дар амалияи ҳуқуқӣ истифода бурда мешавад. Ин методи мазкур аз ҷониби олимони гуногун истифода бурда шудааст. Масалан: Арасту барои дуруст ба роҳ мондани сиёсати мақомотҳои давлатӣ бо истифода аз ин метод конститутсияи 158 давлати Римро бо қонунҳои давлатҳои Варварӣ муқоиса мекунад.

Барои ҳамин моро низ лозим меояд, ки бо истифода аз ин метод фарқият байни ҷавобгарии ҷиноятӣ барои фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ, ки дар моддаи 263 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон пешбинӣ карда шудааст, аз кодекси ҷиноятии дигар давлатҳо муайян намоем. Бояд қайд кард, ки дар замони ҳозира олимон 4 мактаби (равияи) ҳуқуқи ҷиноятиро муайян кардаанд, ки ҳар кадоми онҳо бо ақидаи фалсафии худ, сарчашмаҳои худ ва ғайра аз якдигар фарқ мекунанд ва кодексҳои ҷиноятии давлатҳои ҷаҳон дар асоси он ақидаҳо эҷод шудаанд, ки инҳо: мактаби классики, антропологи, сотсиологи ва назарияи муосири ҳуқуқи ҷинояти мебошанд.

Ҷумҳурии Ӯзбекистон – кодекси ҷиноятии амалкардаистодаи он 22.09.1994 қабул карда шуда, аз 01.04.1995 қувваи амал пайдо кардааст ва ба он охирон маротиба 20.08.2015 сол дар асоси қонун тағйиру иловаҳо ворид карда шудааст. Он аз ду қисм, 15 фасл, 41 боб, 302 модда ва замима (маънои ҳуқуқии ибораҳо) иборат мебошад. Инчунин дар он ду зербоб дар боби 13 ва 20 дида мешавад. Бояд қайд кард, ки кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Ӯзбекистон вобаста ба техникаи қонунгузориаш ба пуррагӣ аз Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон фарқ мекунад. Махсусияти фарқкунандагии Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Ӯзбекистон дар он мебошад, ки рақамгузории фаслу боб дар қисми умумии он аз як оғоз шуда, дар қисми махсус низ аз як оғоз мешавад, аммо рақамгузории моддаҳо бошад бо тартиб идома меёбад. Дар қонунгузории ҷиноятии давлати номбурда ҷавобгарии ҷиноятӣ барои ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ мушаххасан пешбинӣ карда нашудааст. Дар моддаи 190-уми боби 30 «Ҷиноятҳо дар соҳаи фаъолияти хоҷагидорӣ»-и Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Ӯзбекистон ҷавобгарии ҷиноятӣ барои машғул шудан ба фаъолият бе иҷозатнома пешбинӣ карда шудааст, ки дар диспозитсия чунин оварда шудааст: «машғул шудан ба фаъолияте, ки иҷозатнома лозим аст, бе гирифтани иҷозати махсус баъд аз ҷазои маъмурӣ содир шуда бошад, пешбинӣ карда шудааст»[1].

[1]Ниг: Кодекси ҷиноятии Чумхуриии Узбекистон

Аз талаботи ин модда бармеояд, ки машғул шудан ба дилхох фаъолияте, ки дар асоси қонунгузории давлати мазкур барои он гирифтани иҷозатнома пешбинӣ шудааст, бидуни гирифтани чунин иҷозатнома ҷавобгарии ҷиноятӣ бо ҳамин модда ба вуҷуд меояд. Машғул шудан ба фаъолияти бонкӣ низ ба гурӯҳи фаъолиятҳое дохил мешавад, ки барои машғул шудан ба он гирифтани иҷозатнома ҳатмист.

Ҷумҳурии Қирғизистон – кодекси ҷиноятии амалкардаистодаи он 18.09.1997 қабул карда шуда, аз 01.10.1997 қувваи амал пайдо кардааст ва ба он охирон маротиба 02.02.2017 сол дар асоси қонун тағйиру иловаҳо ворид карда шудааст. Он аз ду қисм, 14 фасл, 34 боб ва 376 модда иборат мебошад. Бояд қайд кард, ки кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Қирғизистон вобаста ба техникаи қонунгузориаш, номгузории бобҳо, тартиби пайдарпайи фаслу бобҳояш ба пуррагӣ аз кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон фарқ мекунад. Боз махсусияти кодекси ҷиноятиаш дар он мебошад, ки дар кодекси мазкур алакай муддати қувваи амали он нишон дода шудааст, яъне дар асоси қонунгузории Ҷумҳурии Қирғизистон аз 24.01.2017 сол кодекси ҷиноятии амалкунандаи он то санаи 01.01.2019 сол амал карда, сипас қувваи ҳуқуқиашро гум мекунад. Дар қонунгузории ҷиноятии давлати номбурда ҷавобгарии ҷиноятӣ барои ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ дар моддаи 181-и боби 22 (Ҷиноятҳо дар соҳаи фаъолияти иқтисодӣ)-и Кодекси ҷиноятӣ пешбинӣ карда шудааст[1]. Моддаи мазкур аз ду қисм иборат буда, аз ҷиҳати мазмун ва моҳият ба моддаи 263-и Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон монанд буда, байни онҳо фарқият дида намешавад.

Ҷумҳурии Туркманистон – кодекси ҷиноятии ҳоло амалкардаистодаи он 12.06.1997 қабул карда шуда, аз 01.01.1998 қувваи амал пайдо кардааст. Он аз ду қисм, 14 фасл, 34 боб, 359 модда, инчунин дар охири кодекс номгӯи молу мулке, ки бо хукми суд мусодира карда мешаванд, оварда шудааст, иборат мебошад. Бояд қайд кард, ки Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Туркманистон вобаста ба техникаи қонунгузориаш ба пуррагӣ аз кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон, Ӯзбекистон ва Қирғизистон фарқ мекунад. Боз махсусияти кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Туркманистон дар он мебошад, ки синну соли ҷавобгарии ҷиноятӣ аз 17-солагӣ фаро мерасад. Дар қонунгузории ҷиноятии давлати номбурда ҷавобгарии ҷиноятӣ барои ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ дар боби 27 (Ҷиноятҳо ба муқобили тартиботи амалигардонии иқтисоди) моддаи 240 пешбинӣ карда шудааст[2]. Моддаи мазкур аз ду қисм иборат буда аз ҷиҳати мазмун ва мохият ба моддаи 263 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон монанд буда, лекин фарқият дар аломатҳои банду басткунандаи онҳо дида мешавад. Тибқи қисми 2 моддаи 240 Кодекси Ҷиноятии Ҷумҳурии Туркманистон содир шудани ҷинояти мазкур аз ҷониби гурӯҳи ашхос бо маслиҳати пешакӣ ё гурӯҳи муташаккил, банди дигар бошад бо ба даст овардани даромад бо миқдори махсусан калон пешбинӣ карда шудааст. Агар ба қисми 2 моддаи 263 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон оиди фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ назар намоем, сеюм аломати бандубасткунандаи он аз ҷониби шахсе, ки қаблан барои фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ ё соҳибкории ғайриқонуни судшуда, содир гардида бошад пешбинӣ шудааст.

Ҷумҳурии Озорбойҷон – кодекси ҷиноятии ҳозир амал карда истодаи он 30.12.1999 қабул карда шуда аз 01.09.2000 қувваи амал пайдо кардааст ва ба он охирон маротиба 31.01.2005 сол дар асоси қонун тағйиру иловаҳо ворид карда шудааст. Он аз ду қисм, 12 фасл, 35 боб ва 353 модда иборат мебошад. Бояд қайд кард, ки кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Озорбойчон вобаста ба техникаи қонунгузориаш, номгузории бобҳо, тартиби пайдарпайи фаслу бобҳояш ба пуррагӣ аз кодекси ҷиноятии давлатҳои дар боло номбаршуда фарқ мекунад. Боз махсусияти кодекси ҷиноятиаш дар он мебошад, ки дар кодекси мазкур номи бобҳояш бо ҳарф навишта шудааст, инчунин дар он

[1] Ниг: Кодекси ҷиноятии Чумхурии Киргизистон
[2] Ниг: Кодекси ҷиноятии Чумхурии Туркменистон

қисм дар асоси рақами модда гузошта шудааст. Дар қонунгузории ҷиноятии давлати номбурда ҷавобгарии ҷиноятӣ барои ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ дар моддаи алоҳида пешбинӣ карда нашудааст. Аз нигоҳи қонунгузории давлати мазкур фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ ин соҳибкории ғайриқонунӣ буда, дар сурати содир шудани чунин ҷиноят бо моддаи 192 КҶ Ҷумҳурии Озорбойҷон ҳамчун соҳибкории ғайриқонуни банду баст карда мешавад[1].

Ҷумҳурии Арманистон – кодекси ҷиноятии ҳозир амал карда истодаи он 29.04.2003 қабул карда шуда аз 05.11.2003 қувваи амал пайдо кардааст ва ба он охирон маротиба 30.12.2008 сол дар асоси қонун тағйиру иловаҳо ворид карда шудааст. Он аз ду қисм, 14 фасл, 34 боб ва 398 модда иборат мебошад, ки фасл, боб ва моддаи охирин қисмати хотимавӣ ном дошта дар он тамоми қонунҳое, ки қабул шуда ба кодекси ҷинояти дар асоси онҳо тағйиру илова ворид карда мешавад қайд карда мешаванд. Бояд қайд кард, ки кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Арманистон вобаста ба техникаи қонунгузориаш, тартиби пай дар пайи фаслу бобҳояш ба пуррагӣ аз кодекси ҷиноятии давлатҳои дар боло номбаршуда фарқ мекунад, аммо ба кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Озорбойҷон монанд мебошад. Дар қонунгузории ҷиноятии давлати номбурда ҷавобгарии ҷиноятӣ барои ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ дар моддаи алоҳида пешбинӣ карда нашудааст. Аз нигоҳи қонунгузории давлати мазкур фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ ин соҳибкории ғайриқонуни буда, дар сурати содир шудани чунин ҷиноят бо моддаи 188 КҶ Ҷумҳурии Арманистон ҳамчун соҳибкории ғайриқонуни банду баст карда мешавад[2].

Қазоқистон – кодекси ҷиноятии ҳозир амал карда истодаи он 03.07.2014 сол қабул карда шуда аз 01.01.2015 сол қувваи амал пайдо кардааст ва ба он охирон маротиба 09.04.2016 сол дар асоси қонун тағйиру иловаҳо ворид карда шудааст. Он аз ду қисм, 7 фасл, 18 боб, 467 модда ва қисмати хотимавӣ иборат мебошад, ки махсусияташ дар он аст, ки қисми умумии кодекс боб надорад танҳо дорои фасл мебошад ва қисми махсусаш бошад дорои фасл набуда танҳо боб дорад. Бояд қайд кард, ки кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Қазоқистон вобаста ба техникаи қонунгузориаш, тартиби пай дар пайи фаслу бобҳояш ба пуррагӣ аз кодекси ҷиноятии давлатҳои дар боло номбаршуда фарқ мекунад. Махсусияти кодекси ҷиноятии давлати номбурда дар он мебошад, ки тағйироту иловаҳое, ки ба он дохил карда мешавад боз кадом вақт қувваи амал пайдо мекунад, дар он нишондода мешавад. Дар қонунгузории ҷиноятии давлати номбурда ҷавобгарии ҷиноятӣ барои ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ дар боби 8 (Ҳуқуқвайронкунии ҷиноятӣ дар соҳаи фаъолияти иқтисодӣ) моддаи 214 пешбинӣ шудааст. Махсусияташ дар он мебошад, ки дар Кодекси Ҷиноятии Ҷумҳурии Қазоқистон ҷавобгарии ҷиноятӣ барои фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ дар моддаи алоҳида пешбинӣ карда нашудааст, яъне номи моддаи 214 ин «соҳибкори ғайриқонунӣ, фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ мебошад[3]». Дар моддаи мазкур ба истиснои ҷинояти соҳибкори ғайриқонунӣ ва фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ, инчунин барои истеҳсол, нигаҳдори ҳамлу нақл ё ин ки ба муомилот баровардани молҳои зераксизи бетамға ҷавобгарии ҷиноятӣ пешбинӣ карда шудааст, яъне он се намуди ҷиноятро дар худ муттаҳид сохтааст.

Ҷумҳурии Белорус – кодекси ҷиноятии ҳозир амалкардаистодаи он 24.06.1999 сол қабул карда шуда аз 09.07.1999 сол қувваи амал пайдо кардааст ва ба он охирон маротиба 27.12.2010 сол дар асоси қонун тағйиру иловаҳо ворид карда шудааст. Он аз 2 қисм, 15 фасл, 37 боб, 466 модда ва қисмати хотимавӣ иборат мебошад, ки махсусияташ дар он аст, ки дар қисми хотимавии он ки як фасл ва як модда дорад танҳо дар асоси қонуни махсус қувваи амал пайдо кардани кодекс нишондода шудааст. Бояд қайд кард,

[1] Ниг: Кодекси ҷиноятии Чумхурии Озорбойчон
[2] Ниг: Кодекси ҷиноятии Чумхурии Арманистон
[3] Ниг: Кодекси ҷиноятии Чумхурии Казокистон

ки кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Белорус вобаста ба техникаи қонунгузориаш, тартиби пай дар пайи фаслу бобҳояш ба пуррагӣ аз кодекси ҷиноятии давлатҳои дар боло номбаршуда фарқ мекунад. Махсусияти кодексии ҷиноятии давлати номбурда дар он мебошад, ки тағйироту иловаҳое, ки ба он дохил карда мешавад дар он нишондода мешавад. Аз нигоҳи қонунгузории давлати мазкур фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ ин соҳибкории ғайриқонуни буда, дар сурати содир шудани чунин ҷиноят бо моддаи 233 КҶ Ҷумҳурии Беларус ҳамчун машғул шудан ба фаъолияти ғайриқонунии соҳибкорӣ банду баст карда мешавад.

Федератсияи Русия – кодекси ҷиноятии ҳоло амалкардаистодаи он 24.05.1996 сол қабул карда шуда аз 13.06.1996 сол қувваи амал пайдо кардааст ва ба он охирон маротиба 16.07.2015 сол дар асоси қонун тағйиру иловаҳо ворид карда шудааст. Он аз 2 қисм, 12 фасл, 34 боб ва 360 модда иборат мебошад. Бояд қайд кард, ки кодекси ҷиноятии Федератсияи Русия вобаста ба техникаи қонунгузориаш, тартиби пай дар пайи фаслу бобҳояш ба кодекси ҷиноятии давлати мо монанд мебошад. Дар қонунгузории ҷиноятии давлати номбурда ҷавобгарии ҷиноятӣ барои ҷинояти фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ дар боби 22 (Ҷиноятҳо дар соҳаи фаъолияти иқтисодӣ) моддаи 172 пешбини шудааст[1], ки ин модда аз нигоҳи шаклу мазмун ба моддаи 263 Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон монанд буда, танҳо фарқият дар сеюм аломати банду басткунандаи қисми 2, яъне аз ҷониби шахсе, ки қаблан барои фаъолияти ғайриқонунии бонкӣ ё соҳибкории ғайриқонуни судшуда содир гардида бошад, дида мешавад. Фарқияти мазкур дар қисми 2 банди «в» моддаи 172 Кодекси ҷиноятии Федератсияи Русия аз 08,12,2003 сол дар асоси қонунгузории давлати мазкур қувваи амалашро гум кардааст.

[1] Ниг: Кодекси ҷиноятии Федератсияи Россия

СОВРЕМЕННЫЕ МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СИСТЕМ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Родивилина В.А., старший преподаватель кафедры криминалистики, капитан полиции, кандидат юридических наук, Восточно-Сибирский институт МВД России

Шаевич А.А., доцент кафедры криминалистики, кандидат юридических наук, доцент, подполковник полиции, Восточно-Сибирский институт МВД России

Вопрос о возможности использования органами дознания и предварительного следствия различных технических средств в целях оптимизации собирания и проверки доказательств, и более эффективной реализации установленных УПК РФ правовых гарантий, привлекает повышенное внимание со стороны ученых-процессуалистов и является предметом многочисленных дискуссий. Однако в настоящее время в связи с проводимой судебной реформой, изменением концептуальных подходов законодателя к механизмам уголовного судопроизводства, направленных на обеспечение прав и свобод личности и других важнейших демократических ценностей, а также ввиду стремительного научно-технического прогресса, в том числе, появления принципиально новых технических средств фото-, аудио-, видеофиксации, коммуникации, перевода и т.д. эти проблемы получили новый импульс для своего развития. Так, в настоящее время в судебных заседаниях успешно используется система видеоконференц-связи, а в юридической среде бурно обсуждается практика ее применения.

В уголовно-процессуальном законодательстве таких стран, как Австралия [1], Великобритания [2], Германия [3, с. 246-247] и некоторых других, разработаны нормативно-правовые основы использования видеоконференц-связи и допустимости доказательств, полученных с помощью такой технологии. В законодательстве иностранных государств предусмотрены разные формы видеоконференц-связи. Так, в Уголовном кодексе Канады [4] установлены положения об участии в судебных заседаниях посредством «кабельного телевидения» или любыми другими средствами, которые позволяют лицу «участвовать в одновременной визуальной связи и устном общении» или «виртуально присутствовать». В ст. ст. 69, 287 УПК Эстонии [5] предусмотрена «long-distancehearing» – дистанционная дача свидетельских показаний. В уголовно-процессуальных законах Республики Беларусь [6] (ст. 68) и Республики Казахстан [7] (ст. ст. 213, 345, 370) предусмотрено участие лица «вне зала судебного заседания с использованием видеотехнических средств», «дистанционное участие лица» или использование «видеоконференции», «видеосвязи», «научно-технических средств в режиме видеосвязи (дистанционный допрос)» [8, с. 89-104].

В Российском уголовном судопроизводстве систему видеоконференц-связи используют в стадии судебного производства: при дистанционном допросе свидетеля и потерпевшего (ч. 4 ст. 240 УПК РФ с 2011 г.), в ходе судебного рассмотрения жалоб (п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации») и ходатайств (ч. 6 ст. 35 УПК РФ с 2009 г. [9]) заявителя и обвиняемого, при разрешении вопросов, связанных с исполнением приговора (ч. ч. 2 и 2.1 ст. 399 УПК РФ), при допросе свидетеля (ст. 278 УПК РФ с 2011 г.). Вопрос об использовании видеоконференц-связи в перечисленных случаях решается судом по собственной инициативе, либо при подаче соответствующего ходатайства от участника процесса.

О целесообразности использования систем видеоконференц-связи в ходе уголовного судопроизводства высказывали свое мнение Б.А. Поликарпов, обосновывая его рядом положительных моментов: уменьшение расстояний, сокращение времени и материальных затрат, усиление безопасности, предупреждение противодействия уголовному преследованию [10, с.

92]; Е.А. Архипова, отмечающая мобильность, минимизацию возможности возникновения оснований для приостановления предварительного следствия по ч. 3 и ч. 4 ст. 208 УПК РФ, минимизацию возможности побега осужденного, снижение материальных затрат, эффективность проведения следственного действия за счет контролируемости за ним лица, ведущего производство по делу [8, с. 85, 132-134]. В качестве положительных моментов использования видеоконференц-связи в стадии предварительного расследования С.А. Новиков рассматривает разумный срок уголовного судопроизводства и эффективность расследования; удобство явки для допрашиваемых, а также за счет этого повышение достоверности даваемых показаний; дополнительное использование средства фиксации допроса; запросы о правовой помощи [11, с. 2-3]. Отмечая прогрессивность использования технических средств с целью дистанционного допроса, В.Н. Чаплыгина рассматривает процессуальные проблемы, связанные с определением национального законодательства государства при производстве дистанционного допроса, когда допрашиваемый и допрашивающий находятся в разных государствах; отсутствием системного подхода к обеспечению допустимости проведения дистанционного допроса путем проверки достоверности полученных посредством видеоконференц-связи результатов; участием специалистов, обеспечивающих качество связи; наличием аудио- и видео- помех [12, с. 129].

Анализ практики использования технических средств видеофиксации при производстве следственных и процессуальных действий дает основания для вывода о том, что это является универсальным и наиболее эффективным способом фиксации как процесса таких действий, так и их результата, а соблюдение процессуального порядка при их использовании обеспечит отсутствие сомнений в достоверности отраженной в них информации.

Производство следственных и процессуальных действий и, соответственно, использование технических средств при их производстве должно обеспечить получение доказательств, обладающих в соответствии со ст. 88 УПК РФ свойствами достоверности и допустимости.

Одним из авторов данной работы уже делались предложения по совершенствованию законодательной регламентации использования видеоконференц-связи, в частности о дополнении УПК РФ статьей, содержащей нормы общего характера, регламентирующей использование систем видеоконференц-связи при производстве допроса, очной ставки и предъявления для опознания, которая бы учла особенности проведения таких следственных действий [13, с. 135-136; 14, с. 295-296; 15, с. 10-11; 16, с. 10-11, 133-134, 217-218].

Подобные нововведения будут иметь несомненную практическую пользу, поскольку позволят решить организационные трудности, связанные с необходимостью преодоления значительных расстояний и, следовательно, сократить сроки предварительного расследования, а также снизить соответствующие финансовые затраты государства.

Кроме того, при проведении допроса в подобной форме, целесообразно будет получать видеозапись допроса, которая может быть использована в дальнейшем. В том числе, такая видеозапись допроса, выполненного при соблюдении определенных технических и тактических условий, предоставляет дополнительные возможности по привлечению специальных знаний, либо проведению самостоятельного анализа невербального поведения допрашиваемого, изменений аудиальных характеристик при ответах на те или иные вопросы, с целью определения достоверности показаний, определения тем и вопросов, которые вызывают изменение эмоционального состояния допрашиваемого для последующего анализа и корректировки тактики организации и проведения дальнейших следственных действий.

Список использованной литературы:

1. *J.L.B. Allsop,* Video link hearing arrangements. (Дж Л Б Аллсоп Видеоконференцсвязь). – 2013. // Federal Court of Australia (Официальный сайт Федерального Суда Австралии) [Электронный ресурс]. URL: http://www.fedcourt.gov.au/law-and-practice/practice-documents/practice-notes/cm22 (дата обращения: 25.02.2017).

2. Videoconferencing (Видеоконференц-связь). – 2012 // Justice UK (Правосудие Великобритании) [Электронный ресурс]. URL: https://www.justice.gov.uk /courts/video-conferences (дата обращения: 25.02.2017).

3. *Головенков П.В., Спица Н.* Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия // Научно-практический комментарий и перевод текста закона — Изд-во: Universitatsverlag Potsdam, 2012. – 404 с.

4. Уголовный кодекс Канады (Criminal Code of Canada) 1985. (вред. 06.11.2017).// Published by the Minister of Justice of Canada at the following address (Опубликовано Министерством юстиции Канады на сайте) [Электронный ресурс]. URL: http://laws.justice.gc.ca/eng/acts/C-46 (дата обращения: 16.11.2017)

5. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии от 12.02.2003 г. (с изм. от 06.01.2016) Официальный сайт Правительства Эстонской Республики [Электронный ресурс]. URL: http://www.riigikogu.ee. (дата обращения: 27.02.2017 г.).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295–З (с изм. от 18.07.2017) [Электронный ресурс]. URL:http://etalonline.by/?type=text&regnum=HK9900295# load_text_none_1_ (дата обращения: 27.10.2017 г.).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.06.2014 № 231-V (с изм. и доп. от 11.07.2017 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://online.zakon.kz/Document/? doc_id=31575852#sub_id=6740000(дата обращения: 27.02.2017 г.)/

8. *Архипова Е.А.* Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: дис. … канд. юрид. наук. М.: Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2013 – 134 с.

9. О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 27.12.2009 № 346-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 52 (1 ч.). – Ст. 6422.

10.*Поликарпов Б.А.* Видеоконференцсвязь как мера предупреждения противодействия уголовному преследованию // Вопросы правоведения. – М., 2014. – № 1 (22). – С. 338.

11.*Новиков С.А.* Допрос с использованием систем видеоконференц-связи: завтрашний день российского предварительного расследования. // Российский следователь. – 2014. – № 1. – С. 2–6.

12.*Чаплыгина В.Н.* Проблемы производства дистанционного допроса в досудебном производстве России // Наука и практика. – 2015. – № 3 (64). – С. 128–130.

13.*Родивилина В.А.* Использование видеоконференцсвязи при допросе в досудебном производстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2014. – Вып. 2 (6). – С. 133–137.

14.*Родивилина В.А.* Применение видео-конференц-связи при расследовании преступлений // Криминалистические чтения на Байкале – 2015: мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: Изд-во Вост.-Сиб. филиала ФГБОУВО «РГУП», 2015. – С. 293–295.

15.*Родивилина В.А.* Процессуальные особенности использования технических средств в стадии предварительного расследования: автореферат дис. ... канд. юрид. наук // В.А. Родивилина – Иркутск. – 2016. – 27 с.

16.*Родивилина В.А.* Процессуальные особенности использования технических средств в стадии предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук // В.А. Родивилина – Иркутск. – 2016. – 218 с.

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА

Сайфуллоев У.А., ассистент кафедры уголовного права юридического факультета ТНУ

Обязательным признаком, характеризующим объект преступлений, предусмотренных ст. 319 УК РТ, является *предмет* - взятка[1]. Данный признак, с одной стороны, является системообразующим, он связывает воедино оба элемента причинного механизма подкупа: дачу-получение взятки. С другой стороны, это функциональный признак, поскольку с передачей взятки должностному лицу связана определенная линия его поведения (действия или бездействие) в интересах взяткодателя или представляемых им лиц. Взятка как предмет взяточничества является одним из наиболее сложных и трудно определяемых признаков преступления. Это касается не только содержательной стороны данного понятия, но и форм ее объективизации при совершении преступления. Таким образом, в самом общем виде взятка - это та или иная имущественная выгода, получаемая должностным лицом за выполнение (невыполнение) в интересах взяткодателя определенных действий по службе[2].

Наиболее распространенным предметом взятки являются *деньги*[3] – это законные платежные средства, обязательные к приему по нарицательной стоимости на всей территории Республики Таджикистан (РТ). К ним относят национальную валюту Республики Таджикистан и валюту.

В настоящее время в обращении в РТ находятся следующие денежные знаки: национальная валюта РТ – сомони, одна единица которой равна 100 дирамам.

Валюта - это национальная валюта зарубежных стран (п. 2 ст. 1 Закона РТ от 13 июня 2013 г. «О валютном регулировании и валютном контроле»).

Помимо денег к предмету получения/дачи взятки относятся *ценные бумаги,* находящиеся в обращении на момент совершения преступления. Они могут быть как в национальной, так и в иностранной валюте[4], в документарной или бездокументарной форме. Согласно ст. 157 ГК РТ ценной бумагой является документ, удостоверяющий с соблюдением установленной формы и обязательных реквизитов имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при его предъявлении. В соответствии со ст. 158 ГК РТ к ценным бумагам относятся: облигации, вексель, чек, банковский сертификат, коносамент, акция и другие документы, которые законодательными актами о ценных бумагах или в установленном ими порядке отнесены к числу ценных бумаг.

Понятие *имущество* не является уголовно-правовым. Оно разработано в рамках гражданского права. Л.П. Тумаркина отмечает, что в уголовном праве понятие имущества должно соотноситься с понятием предмета преступления. В данном случае под имуществом необходимо понимать только предметы материального мира, наделенные натуральными физическими свойствами (объемом, весом, массой и т.п.). Предметом преступления могут являться, кроме твердых объектов, также жидкие и газообразные вещества (например, нефть, газ и др.)[5].

Исходя из изложенного, под *«иным имуществом»* в рамках рассматриваемых нами составов преступлений следует понимать любые материальные ценности, обладающие меновой стоимостью, в том числе и валютные ценности в виде долговых обязательств, выра-

---

[1] См.: Козаченко И.Я. Проблемы определения уголовно-правовых признаков предмета взяточничества // Организационно-правовые проблемы профилактики правонарушений органами внутренних дел в современных условиях. – Тюмень, 1992. – С. 3.

[2] См.: Грошев А.В. Ответственность за взяточничество (вопросы теории и практики). – Краснодар: КубГАУ, 2008. – С. 20-21.

[3] Большая юридическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2005. – С. 160.

[4] См.: Закон Республики Таджикистан №964 от 13 июня 2013 г. «О валютном регулировании и валютном контроле»// www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=119499&conttype=4

[5] Тумаркина Л.П. Коммерческий подкуп. - М.: ИД «Камерон», 2005. – С. 42.

женных в иностранной валюте, драгоценные металлы (золото, серебро, платина и металлы платиновой группы) в любом виде и состоянии, включая ювелирные и другие бытовые изделия, а также их лом, природные драгоценные камни в сыром и обработанном виде, а также жемчуг, в том числе ювелирные и другие бытовые изделия из этих камней и лома таких изделий[1].

В качестве взятки могут рассматриваться вещи как движимые, так и недвижимые. Не имеет при этом значения, может ли конкретная вещь находиться в гражданском обороте, изъята из него или ограничена в нем законом. В двух последних ситуациях потребуется дополнительная квалификация по соответствующим статьям УК РТ.

Что касается недвижимого имущества, то далеко не все его виды могут выступать в качестве вознаграждения. Согласно ст. 142 ГК РТ к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся: здания (жилые, нежилые), сооружения и объекты незавершенного строительства, многолетние насаждения и иное имущество, прочно связанное с землей, т.е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно. Если отдельные виды земельных участков, некоторые здания, сооружения, воздушные и морские суда и т.д. могут находиться в частной собственности и, соответственно, могут служить предметом взятки, то космические объекты, леса, многолетние насаждения, участки недр, воды и т.п. исключены из гражданского оборота и поэтому едва ли могут быть переданы в качестве незаконного вознаграждения должностному лицу[2].

Понятие *«выгоды имущественного характера*» как предмет взяточничества в доктрине уголовного права трактуется неоднозначно. Толковый словарь русского языка определяет «выгоду» как прибыль, пользу, извлекаемую из чего-нибудь, преимущество, интерес (чаще материальный)[3].

Пленум Верховного суда РТ рекомендует относить к таковой услуги имущественного характера, оказываемые взяткополучателю безвозмездно, хотя в принципе они подлежат оплате, или явно по заниженной стоимости. Это может быть предоставление санаторных или туристических путевок, проездных билетов, оплата расходов и развлечений должностного лица, производство ремонтных, строительных, реставрационных и других работ и т.д.[4].

В качестве предмета взятки могут выступать и иные выгоды имущественного характера, например, прощение или оплата долга должностного лица, отзыв имущественного иска из суда, предоставление в безвозмездное (или по явно заниженной стоимости) пользование какого-либо имущества, получение кредита на льготных условиях и т.п. Пленум Верховного суда РТ указал, что под выгодами имущественного характера следует понимать, в частности, занижение стоимости передаваемого имущества, уменьшение арендных платежей, процентных ставок за пользование банковскими ссудами. Эти выгоды и услуги имущественного характера должны получить в обвинительных документах денежную оценку. Материалы опубликованной судебной практики содержат многочисленные примеры, когда предметом взяточничества признавались: квартира, предоставленная в пользование должностному лицу[5] и др. По этому вопросу мы солидарны с профессором Б.В. Волженкиным, отмечающим, что материальную выгоду как предмет взятки можно усмотреть и в ситуации,

---

[1] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова). - 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2010. – С. 1109.

[2] См.: Алимпиев С.А. Уголовная ответственность за получение взятки по российскому законодательству (по материалам следственно-судебной практики Уральского федерального округа): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Челябинск, 2007. – С. 8.

[3] См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. - Т. 1. - М.: ОГИЗ, 1935. – С. 442.

[4] См.: Постановление Пленума Верховного суда Республики Таджикистан от 19 декабря 2008 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»// Сборник Постановлений Пленума Верховного суда Республики Таджикистан (1992-2011 гг.). – Душанбе, 2011.

[5] Вопросы уголовного права и процесса в практике прокурорского надзора за соблюдением законности при рассмотрении судами уголовных дел / Под ред. П. И. Кудрявцева; Сост. В. Г. Гаев. - М. : Юрид. лит., 1976. – С. 274.

когда должностному лицу предоставляется во временное пользование по доверенности автомашина[1].

Сказанное выше позволяет констатировать, что предметами взяточничества могут быть различные имущественные ценности, блага, выгоды, но все они должны носить имущественный характер, предоставлять получателю материальную выгоду, так как получение взятки является корыстным преступлением[2]. Поэтому не образуют взяточничества случаи предоставления должностному лицу хотя и дефицитных товаров и услуг, но оплаченных им в полном объеме (путевка на престижный курорт или в санаторий, выделение земельного участка в престижном районе, билет на концерт популярного эстрадного исполнителя, внеочередной ремонт квартиры и пр.)[3].

Оказание должностному лицу услуг нематериального характера, не влекущих получение материальной выгоды, за совершение им по службе тех или иных действий или бездействие (например, «дружеское расположение» начальника, лестная характеристика или отзыв в печати, почетная грамота и т.п.) не может рассматриваться как взяточничество. Нет достаточных оснований для того, чтобы признавать в качестве предмета взятки фиктивные дипломы о якобы полученном образовании, оформленные трудовые книжки, различные удостоверения[8] и т.п.

В качестве выгоды имущественного характера можно рассматривать, на наш взгляд, незаконное зачисление должностного лица или его близких (детей, других родственников) на обучение без оплаты в негосударственное образовательное учреждение или на платное отделение государственных или муниципальных образовательных учреждений.

Вместе с тем, следует согласиться с профессором Б.В. Волженкиным, что обосновать наличие предмета взяточничества в ситуации, когда родственника должностного лица в обход конкурса незаконно зачисляют на бюджетное отделение государственного вуза, теоретически вполне возможно, однако, доказать подобное представляется маловероятным[4].

По мнению некоторых авторов, к выгодам имущественного характера в составе взяточничества следует относить оказание услуг сексуального характера. Так, Г.П. Новоселов пишет, что «… если должностному лицу предоставляют мужчину или женщину, чьи услуги оплачены, о чем субъект осведомлен, то принятие такой услуги, без сомнения, должно квалифицироваться по ст. 319 УК РТ. Аналогично должен решаться вопрос и в случае, если лицо, постоянно занимающееся проституцией, вступает в половой контакт с должностным лицом безвозмездно, пытаясь добиться от него нужных действий по службе»[5]. С этой позицией, в основном, соглашается Б.В. Волженкин, вместе с тем указывая, что взяточничество отсутствует, если в сексуальные отношения с должностным лицом вступает сам заинтересованный в определенном поведении должностного лица субъект, «поскольку подобные услуги не являются имущественными»[6]. Данную точку зрения поддерживают некоторые другие авторы[7].

---

[1] Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – С. 167-168.

[2] См.: Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – С. 196.

[3] См.: Лопашенко Н.А. Взяточничество: проблемы квалификации // Правоведение. - 2001. - № 6. – С. 108.

[4] Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – С. 169.

[5] См.: Уголовное право. Особенная часть/ отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. - М., 1997. – С. 609.

[6] См.: Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. - СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – С.197.

[7] См.: Динека В.И. Должностные преступления по уголовному праву России. – Ставрополь: Кавказский край, 1999. – С. 218-219; Горбунов А.В. Уголовно-правовая характеристика подкупа: автореф. дис…. канд. юрид. наук. - Челябинск, 2000. – С. 50; Горелик А.С. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп // Юридический мир. - 1999. - № 1-2. – С. 16.

Однако с такой позицией согласиться нельзя. По нашему мнению, следует признать верной точку зрения Н.А. Лопашенко, которая отмечает, что «…факт существования в нашем обществе проституции никто не отрицает, но едва ли возможно говорить о ней как о выгоде или услуге имущественного характера»[1].

Полагаем, что Пленум Верховного суда РТ в своем постановлении «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 19 декабря 2008 г., определяя выгоду имущественного характера как услугу, оказываемую безвозмездно, но подлежащую оплате, имел в виду только такие действия, которые носят, или в принципе могут носить, легальный характер[2]. Только такие действия могут быть признаны услугами с точки зрения гражданского законодательства. Ведь именно с позиции гражданского законодательства определяются в уголовно-правовой науке понятия денег, ценных бумаг и иного имущества[3].

Другая позиция приведет к официальному признанию правомерности платы за сексуальные услуги, что, в свою очередь, рождает ряд правовых последствий, например, признание возможности привлечения к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов с деятельности проституток. Точно так же, следуя логике приведенных рассуждений, поскольку никто в нашей стране не сомневается в существовании киллерства, которое представляет собой платное оказание такой услуги, как убийство, следовало бы и на него распространить понятие «выгоды имущественного характера»; аналогично следовало бы оценить и действия детектива, незаконно собирающего сведения о частной жизни какого-либо лица или журналиста, распространившего «компромат» в средствах массовой информации, либо лица, отмывающего «грязные деньги», полученные в результате должностных злоупотреблений и т.п. Однако, разумеется, такого рода «услуги» не могут отождествляться с выгодами имущественного характера[4].

Вместе с тем, это не означает, что в случаях осуществления должностным лицом каких-либо действий или бездействия в пользу лица, предоставляющего ему за это собственные или другого лица сексуальные услуги, данный субъект освобождается от уголовной ответственности. При наличии соответствующих признаков, виновный вполне может быть привлечен к ответственности, например, за понуждение к действиям сексуального характера (ст. 140 УК РТ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 314 УК РТ) и иные преступления[5].

В юридической литературе некоторыми авторами высказывается мнение об отнесении к предмету взяточничества информации[6]. В частности, М.В. Феоктистов отмечает, что хотя сама по себе информация не обладает ни экономической, ни потребительской стоимо-

---

[1] Лопашенко Н.А. Взяточничество: проблемы квалификации // Правоведение. - 2001. - № 6. - С. 109.

[2] Постановление Пленума Верховного суда Республики Таджикистан от 19 декабря 2008 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»/ Сборник Постановлений Пленума Верховного суда Республики Таджикистан (1992-2011 гг.). – Душанбе, 2011.

[3] Уголовное право. Особенная часть/ под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый Юрист, 1998. – С. 627-628; Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная/ Под общ. ред.: Гаухман Л.Д., Колодкин Л.М., Максимов С.В. - М.: Юриспруденция, 1999. – С. 687; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. Т. 2 / Под ред. О. Ф. Шишова. - М.: Новая Волна, 1998. – С. 413.

[4] См.: Лопашенко Н.А. Взяточничество: проблемы квалификации // Правоведение. - 2001. - № 6. – С. 109; Изосимов С.В. Уголовно-правовой анализ служебных преступлений, совершаемых в коммерческих и иных организациях / Под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. Б.В. Волженкина. - Н. Новгород, 2005. – С. 91; Грошев А.В. Ответственность за взяточничество (вопросы теории и практики). – Краснодар: КубГАУ, 2008. – С. 42.

[5] Горелик А.С. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп // Юридический мир. - 1999. - № 1-2. – С. 16; Лопашенко Н.А. Взяточничество: проблемы квалификации // Правоведение. - 2001. - № 6. – С. 109.

[6] См.: Букалерова Л.А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.С. Комиссарова, д-ра юрид. наук, проф. Н.И. Пикурова. - М.: Юрилитинформ, 2006. – С. 47-48; Феоктистов М.В. Теоретические и практические проблемы взяточничества и коммерческого подкупа // Современные проблемы борьбы с транснациональной преступностью. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2000. – С. 216-217.

стью, однако она может быть предметом взятки, но не тогда, когда взяткодатель сообщает сведения, известные ему по службе или работе, а когда он непосредственно собирает такие сведения или оплачивает работу других лиц по сбору, анализу, систематизации информации, либо когда он поручает сбор, анализ, обобщение информации своим подчиненным, выполняющим такую работу безвозмездно, при условии, что она не входит в круг их служебных полномочий[1].

Мы солидарны с мнением А.В. Грошева, полагающего, что фактически в приведенной ситуации речь идет не об информации как таковой, а об информационных услугах, оказываемых безвозмездно. Однако такие услуги по своему содержанию не являются имущественными, поэтому предметом взятки здесь может выступать не информация (и не информационные услуги), а их оплата за счет средств взяткодателя, в результате чего взяткополучатель приобретает имущественную выгоду. Если нет оплаты информационных услуг, соответственно, нет и предмета взятки[2].

Еще одним немаловажным признаком предмета взятки является ее *размер.* Пленум Верховного суда РТ в п. 21 постановления № 11 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 19 декабря 2008 г. обратил особое внимание на то, что размер взятки имеет очень важное значение, поскольку от этого признака зависит квалификация соответствующего преступления. Между тем, закон как ранее, так и сейчас, не устанавливает минимальный размер имущественной выгоды, признаваемой взяткой. В этой связи в юридической науке и на практике нередко возникают проблемы при определении той границы, которая отделяет преступное поведение должностного лица от дисциплинарного проступка. Так, известны курьезные факты, когда подарки должностным лицам в виде коробки конфет, букета цветов, флакона духов и т.п., переданные им исключительно в знак благодарности за внимательное отношение или справедливое решение, расценивались как взятки, что влекло достаточно суровое уголовное наказание[3].

Если в отношении взятки-подкупа мнения ученых и практиков более или менее едины: большинство из них не допускают установления законодательно определенной ее минимальной границы[4], то гораздо сложнее обстоят дела, с так называемой, взяткой-благодарностью, поскольку действующее уголовное законодательство не содержит положений, определяющих размер минимального вознаграждения, отделяющего ее от «обычного подарка».

По мнению С.Г. Келиной, указанная в законе сумма - это та граница, которая во всех случаях разделяет подарок от взятки, которой необходимо руководствоваться правоприменителям при решении вопроса о преступности и наказуемости соответствующих деяний. Ю.И. Ляпунов также считает, что положения закона должны быть положены в основу решения вопроса о верхнем пределе размера материального вознаграждения должностного лица, превышение которого должно признаваться уголовно наказуемой дачей-получением взятки. Вместе с тем, указанный автор отмечает, что если сам, так называемый «подарок», хотя бы и в меньшей стоимости, чем указанный верхний предел материального вознаграж-

---

[1] См.: Феоктистов М.В. Теоретические и практические проблемы взяточничества и коммерческого подкупа // Современные проблемы борьбы с транснациональной преступностью. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2000. – С. 216-217.

[2] Грошев А.В. Ответственность за взяточничество (вопросы теории и практики). – Краснодар: КубГАУ, 2008. – С. 37.

[3] См.: Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. – С. 292.

[4] См.: Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. – СПб.: Альфа, 1997. – С. 210; Клепицкий И.А., Резанов В.И. Получение взятки в уголовном праве России. - М.: Издательский центр АриНА, 2001. – С. 20; Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5 / Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: Зерцало, 2002. – С. 122-123; Яковенко Е.В. Уголовно-правовая борьба с взяточничеством: автореф. дис… . канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. – С. 133; Грошев А.В. Ответственность за взяточничество (вопросы теории и практики). – Краснодар: КубГАУ, 2008. – С. 48.

дения, передан должностному лицу под воздействием с его стороны вымогательства, содеянное должно рассматриваться как получение взятки и квалифицироваться по п. «в» ч. 4 ст. 319 УК РТ[1].

Наиболее верной представляется точка зрения профессора Б.В. Волженкина, который полагает, что в самом уголовном законе должны указать тот стоимостной критерий, который будет служить ориентиром разграничения обычного подарка и взятки-благодарности[2].

Однако законодатель, как нам представляется, вполне обоснованно, не взял за основу эти предложения. Действительно, если законодательно определить минимальный размер вознаграждения, которое чиновник может принять в знак благодарности, для него самого и для его потенциальных «клиентов» это станет «нормой жизни» и вряд ли будет способствовать искоренению коррупционных проявлений[3]. Скорее, даже наоборот. И здесь, думается, вполне уместно вспомнить слова выдающегося немецкого криминалиста Ансельма Фейербаха, написанные им еще в 1807 г.: «...От немногого идет дорога к многому, и дозволенное служит маскою дозволенного. Где спускается малое, там чаще придется наказывать большее»[4]. К тому же определение в законе какого-либо стоимостного критерия, отграничивающего «обычный подарок» от взятки-благодарности, скорее осложнит, нежели будет способствовать процессу правоприменительной практики. Свидетельством тому являются проблемы, указанные выше.

Исходя из вышеизложенного, мы пришли к выводу, что законодательное закрепление стоимостных критериев, отграничивающих подарок от взятки недопустимо, так как это будет способствовать еще большей коррумпированности чиновничьего аппарата и создаст еще большие трудности в правоприменительной деятельности.

Представляется, что в случаях, описанных выше, следует применять положения УК РТ о явной малозначительности деяния, исключающей его оценку как преступного в силу отсутствия достаточной степени общественной опасности деяния. Думается, что правы те авторы, которые полагают, что, несмотря на то, что получение и дача взятки являются как минимум преступлениями средней тяжести, положения ч. 2 ст. 17 УК РТ могут быть применены и к ним[5].

Список использованной литературы:

1. Алимпиев С.А. Уголовная ответственность за получение взятки по российскому законодательству (по материалам следственно-судебной практики Уральского федерального округа): автореф. дис.... канд. юрид. наук. Челябинск, 2007. – 28 с.

2. Большая юридическая энциклопедия. – М.: Эксмо, 2005. – 688 с.

3. Борков В.Н. Получение взятки: вопросы квалификации: автореф. дис.... канд. юрид. наук / Омская академия МВД России. Омск, 2002. - 26 с.

[1] См.: Уголовное право. Особенная часть/ Под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый Юрист, 1998. – С. 630-631.

[2] См.: Малиновский И.Б. Уголовно-правовая борьба с корыстными должностными преступлениями в современных условиях: автореф. дис. ...канд. юрид. наук/Акад. МВД РФ. М., 1993. – С. 149; Борков В.Н. Получение взятки: вопросы квалификации: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук / Омская академия МВД России. Омск, 2002. – С. 124; Кабанов П.А. Коррупция и взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты. – Нижнекамск: ИПЦ " Гузель", 1995. – С. 112.

[3] См.: Гейвандов Э.А. Обычный подарок или взятка? // Актуальные проблемы юридической науки: итоги научных исследований аспирантов и соискателей: сб. науч. тр. - Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2009. – С. 18.

[4] См.: Фейербах А. О подкупе. Перевод с немецкого Е.П. Анциферовой // Журнал гражданского и уголовного права. - СПб., 1884. Кн. 6, июнь. – С. 83.

[5] См.: Изосимов С.В. Когда подарок становится взяткой // Защита прав человека: теория и практика: материалы Всерос.науч.-практ.конф./Пермский филиал Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Перми. - Пермь, 2007. - С. 28; Уголовное право России. Практический курс: учебн.-практ. пособие для студентов, обуч. по спец. «Юриспруденция» / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина; под науч. ред. А.В. Наумова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 665-666.

4. Букалерова Л.А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.С. Комиссарова, д-ра юрид. наук, проф. Н.И. Пикурова. - М.: Юрилитинформ, 2006. - 360 с.

5. Волженкин Б.В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2005. - 558 с.

6. Вопросы уголовного права и процесса в практике прокурорского надзора за соблюдением законности при рассмотрении судами уголовных дел/ Под ред. П. И. Кудрявцева; Сост. В. Г. Гаев. - М.: Юридическая литература, 1976. - 405 с.

7. Гейвандов Э.А. Обычный подарок или взятка?// Актуальные проблемы юридической науки: итоги научных исследований аспирантов и соискателей: сб. науч. тр. - Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2009. - С. 12-15.

8. Горбунов А.В. Уголовно-правовая характеристика подкупа: автореф. дис… канд. юрид. наук. - Челябинск, 2000. - 20 с.

9. Горелик А.С. Уголовная ответственность за коммерческий подкуп // Юридический мир. - 1999. - № 1-2. - С. 15-22.

10.Грошев А.В. Ответственность за взяточничество (вопросы теории и практики). – Краснодар: КубГАУ, 2008. - 331 с.

11.Динека В.И. Должностные преступления по уголовному праву России. – Ставрополь: Кавказский край, 1999. - 356 с.

12. Закон Республики Таджикистан №964 от 13 июня 2013 г. «О валютном регулировании и валютном контроле»// www.adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=119499&conttype=4

13.Изосимов С.В. Когда подарок становится взяткой // Защита прав человека: теория и практика: материалы Всерос.науч.-практ.конф./Пермский филиал Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права в г. Перми. - Пермь, 2007.

14.Изосимов С.В. Уголовно-правовой анализ служебных преступлений, совершаемых в коммерческих и иных организациях / Под науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. Б.В. Волженкина. - Н. Новгород, 2005. – 228 с.

15.Кабанов П.А. Коррупция и взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты. – Нижнекамск: ИПЦ " Гузель", 1995. - 174 с.

16.Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. – СПб.: Альфа, 1997. - 352 с.

17.Клепицкий И.А., Резанов В.И. Получение взятки в уголовном праве России. - М.: Издательский центр АриНА, 2001. - 91 с.

18.Козаченко И.Я. Проблемы определения уголовно-правовых признаков предмета взяточничества // Организационно-правовые проблемы профилактики правонарушений органами внутренних дел в современных условиях. – Тюмень, 1992. -136 с.

19.Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (под ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова). - 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт-Издат, 2010. - 1306 с.

20.Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. Т. 2 / Под ред. О. Ф. Шишова. М.: Новая Волна, 1998. - 448 с.

21.Курс уголовного права. Особенная часть. Т. 5/ Под ред. Г.Н. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: Зерцало, 2002. – 624 с.

22.Лопашенко Н.А. Взяточничество: проблемы квалификации // Правоведение. - 2001. - № 6. С. 105 - 116 .

23.Малиновский И.Б. Уголовно-правовая борьба с корыстными должностными преступлениями в современных условиях: автореф. дис. ...канд. юрид. наук/Акад. МВД РФ. - М., 1993. 24 с.

24.Постановление Пленума Верховного суда Республики Таджикистан от 19 декабря 2008 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе»// Сборник Постановлений Пленума Верховного суда Республики Таджикистан (1992-2011 гг.). – Душанбе, 2011. - 556 с.

25. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. - Т. 1. - М.: ОГИЗ, 1935. – 1562 с.

26.Тумаркина Л.П. Коммерческий подкуп. - М.: ИД «Камерон», 2005. - 176 с.

27.Уголовное право. Особенная часть/ под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. – М.: Новый Юрист, 1998. — 766 с.

28.Уголовное право. Особенная часть/ отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. - М., 1997. - 516 с.

29.Уголовное право. Часть Общая. Часть Особенная/ Под общ. ред.: Гаухман Л.Д., Колодкин Л.М., Максимов С.В. - М.: Юриспруденция, 1999.

30.Уголовное право России. Практический курс: учебн.-практ. пособие для студентов, обуч. по спец. «Юриспруденция» / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина; под науч. ред. А.В. Наумова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2007. — 808 с.

31. Фейербах А. О подкупе. Перевод с немецкого Е.П. Анциферовой // Журнал гражданского и уголовного права. - СПб., 1884. Кн. 6, июнь.

32. Феоктистов М.В. Теоретические и практические проблемы взяточничества и коммерческого подкупа // Современные проблемы борьбы с транснациональной преступностью. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 2000. С. 201-220.

33.Яковенко Е.В. Уголовно-правовая борьба с взяточничеством: автореф. дис... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. - 26 с.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ПО ЗАЩИТЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН: СТАНОВЛЕНИЕ, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Сафарзода А.И., заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета Таджикского национального университета, кандидат юридических наук, доцент

Республика Таджикистан – современное демократическое и правовое государство, экономика которого основана на рыночных принципах. Предпринимательская деятельность является основой, необходимым компонентом, на котором держится и развивается рыночная экономика. Современная нормально функционирующая рыночная экономика невозможна без становления и развития предпринимательства, поскольку именно его легальная реализация служит базовой составляющей современной экономики, что способствует снижению бедности, а также формированию в обществе среднего класса.

Следует отметить, что правовые основы предпринимательской деятельности закреплены в Конституции Республики Таджикистан 1994 года, в соответствии с которой основу экономики Таджикистана составляют различные формы собственности. Согласно статье 12 Конституции Республики Таджикистан, государство гарантирует свободу экономической и предпринимательской деятельности, равноправие и правовую защиту всех форм собственности, в том числе и частной. Следовательно, в указанной статье предусмотрен запрет на недопустимость установления каких-либо привилегий или ограничений для тех или иных форм собственности или субъектов. Закрепляя данное положение, государство подтверждает свое отношение к свободному осуществлению предпринимательской деятельности, ограничение которой может быть произведено только в соответствии с законом в интересах личности, общества и государства.

Мировая практика показывает, что в обществе со свободной рыночной экономикой властные структуры государства должны максимально ограничивать свое вмешательство в экономическую деятельность, но они призваны осуществлять борьбу с новыми, не известными ранее, общественно опасными формами экономического поведения. Данный факт свидетельствует о необходимости правового регулирования отношений, возникающих при осуществлении предпринимательской деятельности, предоставлении правовых средств и условий с целью охраны и защиты данной деятельности, в том числе мерами уголовно-правового характера. При этом, как показывает правоприменительная практика, подобная криминальная деятельность наносит колоссальный вред интересам потребителей, других субъектов хозяйствования, и наконец, интересам общества и государства в целом.

Уголовные гарантии выступают в качестве предотвращения возможных нарушений права на предпринимательскую деятельность. Эти гарантии направлены на действия должностных лиц по недопущению воспрепятствования реализации данной деятельности. В современных условиях, когда экономическая преступность, ее темпы и масштабы распространения во многом связаны с процессом глобализации, все более криминогенной становится именно предпринимательская сфера [2: С. 205]. Исходя из этого, при определении основных направлений уголовной политики в предпринимательской сфере, необходимо учитывать происходящие в экономике отрицательные процессы. Уголовная политика государства должна, с одной стороны, не ущемлять и не подрывать предпринимательскую деятельность и свободную конкуренцию, а с другой, надежно защищать интересы государства, общества, права и свободы человека и гражданина от преступных посягательств посредством присущих уголовному праву средствам экономической безопасности как составной части национальной безопасности государства.

Современная уголовная политика в условиях рыночной экономики не должна стоять перед дилеммой чрезмерного ограничения или, напротив, необоснованного усиления охра-

нительной функции уголовного закона в сфере экономики. Она должна быть адекватна происходящим процессам, учитывать криминогенные тенденции в экономической сфере, способствовать снижению криминальных рисков в области экономических отношений, и наконец, быть оптимальной с точки зрения охраны физического и духовного здоровья народа, равной защиты разных форм собственности, поддержки конкуренции и свободы экономической деятельности [4; С. 22].

Таким образом, назначение уголовной политики видится не в широком применении репрессий, а в создании условий для укрепления и развития новых этических, бытовых, профессиональных и других норм поведения и лишь затем в применении уголовно-правовых санкций для достижения экономических целей. Новая уголовная политика должна быть направлена на изменение сознания граждан о роли уголовного права как исключительно принудительного карательного средства борьбы с преступностью, игнорирующего интересы личности, и вернуть ему роль регулятора общественных отношений. Исходя из этого, задача уголовной политики в сфере предпринимательства заключается в следующем:

1) государство должно максимально ограничить свое вмешательство в хозяйственную деятельность;

2) государственная власть должна гарантировать свободу предпринимательской деятельности как неотъемлемой части конституционных прав человека, а также нейтрализовать причины, мешающие свободной конкуренции на рынке;

3) государство должно осуществлять планомерную борьбу с криминальным бизнесом, причиняющим вред гражданам и экономической безопасности общества.

Определение объекта уголовно-правовой охраны сферы реализации права на предпринимательскую деятельность во многом связано с анализом содержательных характеристик самой преступности в сфере предпринимательства, которая посягает на различные отношения, возникающие при осуществлении предпринимательской деятельности, порядок которой определен различными нормативно-правовыми актами. Одним из таких актов является Уголовный кодекс Республики Таджикистан 1998 года, в который был включен ряд преступлений, посягающих на предпринимательскую деятельность и не предусмотренных предыдущим уголовным законодательством.

Следует отметить, что принятие нового Уголовного кодекса в Республике Таджикистан стало большим достижением науки и практики уголовного права, значительным событием в социально-политической жизни общества. Обладая относительной спецификой, проявившейся в содержании основных институтов, Уголовный кодекс Республики Таджикистан впитал в себя исторические, национальные и культурные традиции страны, особенности её экономики, учел взятые ею на себя международные обязательства [3: С. 143]. Кроме того, новый кодекс обеспечил соответствие положений уголовного законодательства условиям перехода экономики от планово-административной к свободной или рыночной. Так, он устанавливает ответственность по 41 виду преступлений в сфере экономической деятельности, из которых лишь 11 содержались в Уголовном кодексе Таджикской ССР 1961 года.

Подобные новеллы уголовной политики обусловлены желанием законодателя обеспечить защиту прав и законных интересов экономически активной части населения. Полагаем, что при рассмотрении уголовно-правовых норм о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности необходимо исходить из понимания их единства в качестве целостной системы. В этой связи преступления, закрепленные в Уголовном кодексе Республики Таджикистан, можно объединить в следующие группы:

1) преступления, посягающие на государственные правила и требования, предъявляемые к субъектам предпринимательской деятельности;

2) преступления, посягающие на конституционное право каждого на свободную реализацию предпринимательской деятельности.

К первой группе преступлений относятся те деяния, которые направлены на несоблюдение установленных со стороны государства правил и требований для ведения предприни-

мательской деятельности: незаконное предпринимательство, производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт немаркированных товаров и продукции, незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица, незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица, легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем, незаконная банковская деятельность, заведомо ложная реклама, обман потребителей. Особенность данного вида противоправных деяний заключается в том, что они совершаются с элементами тайной маскировки, а сами виновные – это респектабельные люди. Однако последствия таких преступлений (как материальные, так и моральные) не менее значимы, чем при совершении обще уголовных преступлений [1; С. 4].

Вторую группу объединяют преступления, посягающие на конституционное право граждан на свободную реализацию предпринимательской деятельности. По нашему мнению, такие преступления препятствуют осуществлению и участию граждан в законной предпринимательской деятельности и предполагают прежде всего нарушения, допущенные должностными лицами.

С уголовно-правовой точки зрения субъектами вышеперечисленных преступлений могут быть как лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность (индивидуальные предприниматели, сотрудники юридических лиц), так и должностные лица, создающие препятствия законной предпринимательской деятельности.

Необходимо отметить, что свободное волеизъявление в сфере предпринимательской деятельности может быть нарушено не только на первоначальных этапах ее осуществления, когда хозяйствующий субъект лишь только собирается заявить о себе, обращаясь в регистрирующий орган, но и на более поздних стадиях, уже в процессе ее ведения. Исходя из этого, в число рассматриваемых преступлений следует включать и иные общественно-опасные деяния, находящиеся в других главах Уголовного кодекса. По нашему мнению, на свободу предпринимательской деятельности, посягает и преступление, предусмотренное в статье 318 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, устанавливающей ответственность за незаконное участие должностного лица в предпринимательской деятельности, если это было связано с предоставлением организации, учредителем которой или в управлении которой он принимал участие, льгот и преимуществ или с покровительством в иной форме. Следует отметить, что в данном случае должностное лицо дискредитирует органы государственной власти, подрывает их авторитет, используя свои служебные полномочия для оказания покровительства отдельным предпринимательским структурам, или является их соучредителем и непосредственно участвует в управлении такой организацией. Однако наибольший вред причиняется предпринимательской сфере и ее участникам, так как это приводит к ущемлению их прав и свобод, которые гарантированы Конституцией Республики Таджикистан. В силу изложенного, преступление, предусмотренное статьей 318 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, следовало бы поместить в главу 27 Уголовного кодекса Республики Таджикистан. Такое решение представляется вполне правомерным, так как указанная статья называется «Незаконное участие в предпринимательской деятельности», а в ее диспозиции сделан акцент именно на такие слова, как «учреждение ... организации, участие в управлении ...».

Руководствуясь вышеизложенным, а также современными реалиями развития таджикской государственности и потребностями общества, считаем правильным признать предпринимательскую деятельность в качестве самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны в Республике Таджикистан. В таком качестве вступают отношения, включающие в себя правила государственной регистрации хозяйствующих субъектов, лицензирование отдельных видов деятельности, либо получение специального разрешения, иные подобного рода требования к введению того или иного вида деятельности, имеющие организационное значение, правила взаимодействия хозяйствующих субъектов с контролирующими органами, принятие последними управленческих решений и осуществления ими соответствующих полномочий в сфере экономической деятельности, кроме того, общее правило ведения предпринимательской

ской деятельности на законных основаниях. Эти общественные отношения нуждаются в уголовно-правовой охране, так как с одной стороны, субъекты предпринимательской деятельности могут осуществлять ее с нарушениями правил и требований ведения данной деятельности, с другой стороны могут нарушаться и права субъектов предпринимательства, как со стороны государственных органов, так и иных участников предпринимательской деятельности [5; С.86]. Так как, если предпринимательство, с одной стороны, выступает одним из важнейших факторов и источников роста экономики и ее эффективности, то с другой стороны, является также и одной из основных форм прямого внедрения криминальных структур в экономику, и естественно, одним из способов размножения и распространения теневой экономики в каждой стране [6; С. 9].

Предпринимательская деятельность обладает определенной привлекательностью для противоправного поведения, в силу того, что именно здесь оборачиваются значительные объемы денежных средств и иных материальных ценностей. Под прикрытием предпринимательской деятельности возможно осуществление легализации денежных средств, полученных незаконным путем с вероятностью их быстрого приращения. Ограниченный контроль государства за предпринимательской деятельностью оставляет большие возможности для извлечения выгоды незаконными способами. Именно это выступает в качестве обстоятельств, способствующих развитию преступлений в сфере предпринимательства [7; С. 442].

Таким образом, подход законодателя к правовому регулированию предпринимательской деятельности, выражающийся в установлении правил, подкрепленных мерами уголовно-правовыми характера, регулирующих данный вид экономической деятельности на различных этапах ее осуществления, а также широкий подход при определении круга субъектов преступлений совершаемых в сфере предпринимательской деятельности, позволяет наиболее эффективно реализовать охранительную функцию уголовного закона в таком важном для экономики направлении как предпринимательство.

Список использованной литературы:

1. *Васильев П.А.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы преступного поведения предпринимателей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 26 с.
2. *Полянина А.В.* Основные тенденции развития института уголовной ответственности за незаконное предпринимательство // Общество и право. 2009. №.1. С. 205–208.
3. *Рахимов Р.Х.* Тяжкие и особо тяжкие преступления экономической направленности в Республике Таджикистан: удельный вес в структуре учтенных общественно-опасных деяний // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 11. С. 128–146.
4. *Сафаров А.И.* Уголовная ответственность за легализацию (отмывание) денежных средств либо иного имущества, полученных противозаконным путем. Душанбе: ГУП «Душанбинский полиграфкомбинат», 2012. 290 с.
5. *Устинова Т.Д.* Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления, посягающие на предпринимательскую деятельность: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. 494 с.
6. *Шаршеналиев А.Ш.* Проблемы борьбы с экономической преступностью в условиях перехода к рынку: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1999. 70 с.
7. *Щеглова С.А.* Особенности криминальной ситуации в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2013. № 1 (36). С. 442–445.

О ВОЗРАСТНОМ МИНИМУМЕ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ВИНОВНОГО К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Сверчков В.В., профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, доктор юридических наук, доцент

Установленный законом *минимальный возраст* человека для привлечения его к уголовной ответственности влияет на квалификацию содеянного, выбор мер уголовно-правового воздействия, их вид и размер (см. гл. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации; далее – УК РФ).

Одни авторы предлагали применять меры уголовно-правового характера в отношении физических лиц, достигших 16-летнего возраста, поскольку в этот период наступает половая зрелость, завершается развитие телесных и психических особенностей организма, а с ними – и вменяемости, хотя всё же условной и смягчённой, т.е. позволяющей смягчить наказание (до 10-летнего возраста человека следует признавать невменяемым) [1, с. 367; 2, с. 72– 74; 3, с. 122].

Другие специалисты (с учётом теоретико-экспериментальных исследований П.П. Блонского, М.Л. Гомелаури, Т.В. Драгуновой, И.С. Кона, И.А. Кудрявцева, А.В. Петровского, С.Л. Рубинштейна) вносили предложения о возможности привлечения физических лиц к уголовной ответственности за тяжкие насильственные преступные деяния по достижении ими возраста 12– 13 лет, так как в этом возрасте общественная опасность указанных деяний уже осознаётся, имеются достаточные возможности избирательного управления поведением [4, с. IX, 109– 112].

Возникает противоречивая ситуация. С одной стороны, общественную опасность многих деяний дети способны осознавать значительно раньше достижения ими 16-летнего (и даже 14-летнего) возраста, противоправность этих деяний общеизвестна. С другой стороны, понижение возрастного порога для привлечения виновных к уголовной ответственности влечёт расширение криминализации общества [5, с. 129].

Доводы некоторых правоведов о том, что возрастная возможность привлечения лица к уголовной ответственности зависит от телосложения субъекта, его воспитания, от климата, от множества причин посторонних, которые невозможно предвидеть и взвесить, что в жизни одного и того же субъекта нет резкой границы между детством и молодостью, незрелостью совести и зрелостью, что свет разумения озаряет лицо не вдруг, а постепенно, что понятия нравственные выясняются ему гораздо раньше срока гражданского совершеннолетия, заставили задуматься над вопросом: не целесообразно ли отказаться от нормирования возраста и *предоставить суду право решать, достиг подросток разумения о совершённом деянии или не достиг* [3, с. 119– 120]?

В *государствах с развитой правовой системой* задача установления минимального возрастного критерия для привлечения виновного в совершении преступления к уголовной ответственности решалась по-разному:

а) в Испании (см. ст. 20 УК) таким критерием был определён *18-летний* возраст человека (несовершеннолетние подлежат уголовной ответственности по специальному закону);

б) в Дании (см. § 15 УК), Норвегии (см. § 46 Общегражданского УК), Республике Польша (см. ст. 10 УК), Швеции [6, с. 9] – *15-летний* возраст подростка;

в) в Аргентине (УК не содержит прямого указания на возраст правонарушителя для привлечения его к уголовной ответственности; данный возраст установлен исходя из толкования норм Гражданского кодекса и устоявшейся судебной практики) [7, с. 20], Японии (см. ст. 41 УК), Кыргызской (см. ст. 18 УК 1997 г.; ст. 30 УК 2017 г.), Латвийской (см. ст. 11 УК), Литовской (см. ст. 13 УК) республиках, а также республиках Беларусь (см. ст. 27 УК), Болгария (см. ст. 31 УК), Казахстан (см. ст. 15 УК), Таджикистан (см. ст. 23 УК) – *14-летний* возраст физического лица;

г) в Республике Узбекистан (см. ст. 17 УК) – *13-летний*, Израиле (см. ст. 34 вав Закона об уголовном праве Израиля), Республике Сан-Марино (см. ст. 10 УК) – *12-летний*, Турции (см. ст. 53 УК) – *11-летний*, Австралии (см. разд. 7.1, 7.2 УК) – *10-летний,* Швейцарии (см. ст. 82 УК) – *7-летний* возраст ребёнка[1].

Российский законодатель в разные периоды фиксации уголовно-правовых отношений предусматривал различный минимальный возраст для привлечения человека, уличённого в совершении преступления, к уголовной ответственности. Так, Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. таковым назван *7-летний* возраст ребёнка (см. ст. 98, 100); Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, 1864 г. (см. ст. 10– 11), Уголовным уложением 1903 г. (см. ст. 40) – *10-летний*; Руководящими началами по уголовному праву 1919 г. (см. ст. 13), УК РСФСР 1922 г. (см. ст. 18), 1926 г. (см. ст. 12 в ред. до 25.11.1935)[2] и 1960 г. (см. ст. 10) – *14-летний* возраст несовершеннолетнего.

Законодательством Российской Федерации установлен также ***14-летний*** *минимальный возраст субъекта посягательства для привлечения его к уголовной ответственности* (см. ч. 2 ст. 20 УК РФ). Этот возрастной порог распространён на ограниченный круг правонарушителей и находится за рамками общего правила, согласно которому ответственность физического лица за совершение преступления возможна по достижении им ***16-летнего*** возраста (см. ч. 1 ст. 20 УК РФ).

Перечень преступлений, ответственность за совершение которых наступает по достижении 14-летнего возраста злочинца, охватил преимущественно особо тяжкие деяния, а также деяния, отнесённые к иным категориям преступлений, в том числе к категории преступлений небольшой тяжести (почти все преступные деяния умышленные). Эти преступления вошли в указанный перечень потому, что представляют, как правило, повышенную общественную опасность, но главное – в силу своего психического [и психофизиологического] развития и воспитательно-информационного окружения лицо, совершающее какое-либо из этих деяний, по мнению законодателя, *способно в 14-летнем возрасте осознать его общественную опасность*.

За совершение некоторых общественно опасных деяний российским уголовным законом предусмотрена ответственность субъекта по достижении им ***18-летнего*** возраста. Речь идёт о воинских (см. гл. 33 УК РФ), должностных (см. примечания к ст. 285 УК РФ и ст. 60 Конституции России) преступных деяниях, о преступлениях в отношении несовершеннолетних (см. ст. 150, 151 и др. УК РФ). Данным законом предусмотрена ответственность субъекта посягательства и по достижении им ***25-летнего*** возраста, в частности, если совершено преступление судьёй против правосудия (см. ст. 305 УК РФ и ст. 119 Конституции России).

Правда, в случае преступного поведения военнослужащего, должностного лица, в том числе судьи, достижение указанного возраста показывает *не столько способность этих лиц к осознанию общественной опасности противоправного поведения (эта способность приобретена ими раньше), сколько их принадлежность к определённой социальной группе*.

Думается, что установленный законом минимальный возраст для привлечения лица к уголовной ответственности должен свидетельствовать о социально-психологической зрелости правонарушителя, который достиг соответствующего уровня осознания собственного «Я» в окружающем мире в результате психического, психофизиологического, нравственного

[1] Согласно уголовному закону Швейцарии, представленная категория несовершеннолетних — дети (см. гл. 1 разд. IV УК). Подростки — от 15 до 18 лет (см. гл. 2 разд. IV УК). Молодежь — от 18 до 25 лет (см. гл. 5 разд. IV УК).

[2] В статье 12 (ред. от 25.11.1935) УК РСФСР 1926 г., постановлении Совета Народных Комиссаров и Центрального Исполнительного Комитета СССР от 07.04.1935 № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», Указе Президиума Верховного Совета СССР от 10.12.1940 «Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поездов», закреплена возможность привлечения подростков к уголовной ответственности с *12-летнего* возраста.

развития, формирования в его сознании чувства ответственности, представления о правах и обязанностях[1].

Вместе с тем вызывает недоумение *игнорирование законодателем факта осознания несовершеннолетним общественной опасности содеянного и необходимости привлечения его к уголовной ответственности*, если 15-летний подросток осмысленно участвует в банде или совершаемых ею нападениях либо умышленно уничтожает/повреждает чужое имущество [8, с. 31], если 15-летняя беременная девочка до родов вынашивает умысел на убийство новорождённого ребёнка и сразу после родов лишает его жизни (см. ст. 20, 106, ч. 1 ст. 167, ч. 2 ст. 209 УК РФ). Особую остроту этой проблеме придаёт ситуация, когда совершившему общественно опасное деяние исполняется 16 лет вскоре после содеянного.

Более того, 14-15-летний человек, *по мысли законодателя, не подлежит уголовной ответственности за специальные преступления, не предусмотренные частью 2 ст. 20 УК РФ*. Возникает квазиконкуренция между общими и специальными уголовно-правовыми положениями, которую надлежит преодолеть не в пользу специальных положений. Так, при лишении указанным подростком жизни сотрудника правоохранительного органа с целью воспрепятствовать его законной деятельности по охране общественного порядка (обеспечению общественной безопасности) либо по мотиву мести за такую деятельность, следует применять не ст. 317 УК РФ, а ст. 105 (ч. 2 п. «б») УК РФ и привлекать виновного к ответственности за убийство потерпевшего в связи с осуществлением им служебной деятельности[2]. Но действительно ли 14—15-летний не способен к названному целеполаганию, к антисоциальной мотивации и мотивированию преступного поведения?

Наконец, закреплённая в УК РФ дифференциация минимального возраста для привлечения злочинца к уголовной ответственности позволяет *правоприменителю необоснованно изменить квалификацию общественно опасного поведения* 14-летнего или 15-летнего подростка – применить статью УК РФ, предусматривающую ответственность лица по достижении им 16-летнего возраста, и прекратить уголовное дело/преследование вследствие недостижения этим лицом возраста для привлечения к уголовной ответственности (см. п. 2 ч. 1 ст. 24, ч. 3 ст. 27 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Нередко решения правоприменителей связаны с переквалификацией тайного или открытого хищения имущества на самоуправство.

Таким образом, предусмотренный российским законодателем 16-летний возрастной минимум для привлечения лица к уголовной ответственности, как общее правило, а также исключения из этого правила, которые позволяют «изменить социально-психологическую зрелость несовершеннолетнего» посредством уменьшения или увеличения данного возрастного минимума, *создают проблему реализации принципов вины, справедливости, неотвратимости ответственности*.

Однако *без проведения глубокого комплексного исследования вряд ли возможно определить единый возрастной минимум*, по достижении которого индивидуально развивающийся ребёнок способен осознать общественную опасность содеянного в силу достаточного психического, психофизиологического, интеллектуального развития и воспитательно-информационного окружения. До получения и проверки результатов исследования целесообразно в законе *установить правило, согласно которому уголовной ответственности за совершение преступного поведения (в том числе в отношении несовершеннолетнего) подлежит физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту осуществления такого поведения 14-летнего возраста*. При этом законодателем может быть установлен и другой мини-

[1] Нельзя вести речь о такой зрелости в случае, если лицо достигло возраста, установленного уголовным законом для привлечения к ответственности, но не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своего поведения либо руководить им вследствие *отставания в психическом развитии* (см. ч. 3 ст. 20 УК РФ).

[2] Подросток 14—15-летнего возраста, по мысли законодателя, способен осознавать общественную опасность противоправного умышленного лишения жизни другого человека *вне посягательства на установленный законом порядок управления*.

мальный возраст для привлечения к уголовной ответственности лица, принадлежащего к определённой социальной группе (например, военнослужащих, должностных лиц, в том числе судей).

В уголовном законе также следует закрепить положение о том, что подросток, не достигший к моменту преступного поведения 16 лет от рождения, *может подлежать уголовному наказанию,* если им совершено преступление (одно из преступлений) по антисоциальному мотиву (корысть, месть, ненависть, ревность, хулиганские побуждения и т.д.). Возможность применения судом уголовного наказания нужно распространить и на подростка, достигшего 16-летнего возраста к моменту совершения им любого преступления. *В иных случаях совершившего преступное деяние в несовершеннолетнем возрасте надлежит освободить от уголовной ответственности или наказания, применить в отношении его иные меры уголовно-правового характера*.

До проведения указанного исследования и проверки его результатов, статью 20 УК РФ надобно изложить в новой редакции: закрепить в ней единый минимальный возрастной критерий для привлечения физического лица к уголовной ответственности, а также ограничения в наказуемости виновных, не достигших к моменту совершения преступления 16-летнего возраста.

Названную статью возможно представить в следующем виде.

«**Статья 20. Минимальный возраст для привлечения физического лица к уголовной ответственности**

1. Уголовной ответственности подлежит физическое вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения преступления четырнадцатилетнего возраста. Настоящим кодексом может быть установлен и другой минимальный возраст – для привлечения к уголовной ответственности лица, принадлежащего к определённой социальной группе.

2. Суд вправе назначить уголовное наказание лицу, не достигшему шестнадцатилетнего возраста к моменту совершения им преступления по антисоциальному мотиву, а равно достигшему указанного возраста к моменту совершения им любого преступления. В иных случаях совершившего преступление в несовершеннолетнем возрасте надлежит освободить от уголовной ответственности или наказания, применить в отношении его иные меры уголовно-правового характера.

3. Физическое лицо, которое к моменту совершения общественно опасного деяния не достигло четырнадцатилетнего возраста либо достигло его, но вследствие отставания в психическом развитии (вне связи с психическим расстройством) не могло в полной мере осознавать общественную опасность своего поведения или руководить им, не подлежит уголовной ответственности. Материалы совершения общественно опасного деяния правоприменителю надлежит направить на рассмотрение комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.».

Указание на совершеннолетний (18-летний) возраст субъекта преступного посягательства в связи с проектом новой редакции статьи 20 УК РФ из статей Особенной части УК РФ следует *исключить*.

* * *

P.S. Уголовные законы большинства государств, расположенных на постсоветском пространстве, создают *единую правовую семью*. Правовые нормы, образующие эти законы, *выросли из общей научной доктрины*. Поэтому сформулированные автором данной статьи предложения об изменении уголовного законодательства могут быть востребованы в законотворческом процессе любого из указанных государств.

На территории одного из них – Республики Таджикистан – в рамках международной научно-практической конференции «Уголовная политика в контексте современных мировых тенденций» научная общественность получила возможность обсудить *проблемы реформирования уголовного законодательства*. Содержание статьи 20 («Возраст, с которого наступает уголовная ответственность») УК РФ в нынешней редакции близкó содержанию соответст-

вующих статей УК названных государств, в том числе статьи 23 (с одноимённым названием) УК Республики Таджикистан. *Дальнейшее сближение уголовно-правовых норм, институтов России и Таджикистана целесообразно* и вследствие их совместной деятельности в Содружестве Независимых Государств, и в связи с рассмотрением руководством Таджикистана возможности вступления страны в Евразийский экономический союз, и в силу преимущественно положительного отношения населения к возможному вступлению Республики Таджикистан в Таможенный союз стран Евразийского экономического союза.

Список использованной литературы:

1. *Бернер А.Ф.* Учебникъ уголовнаго права: части Общая и Особенная. С примѣчаніями, приложеніями и дополненіями Н. Неклюдова. – СПб.: Переводъ и изданіе Н.А. Неклюдова, 1865. Т. I: Часть Общая. – 917 с.

2. *Лист Ф.* Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2004. — 110 с.

3. *Спасовичъ В.Д.* Учебникъ уголовнаго права. — СПб.: Тип. Іосафата Огризко, 1863. – Т. I. – Вып. 1: Общая часть уголовнаго права матеріальнаго. — 428 с.

4. *Ситковская О.Д.* Психология уголовной ответственности / предисловие *Г.М. Миньковского*. – М.: Норма, 1998. – 285 с.

5. *Кругликов Л.Л., Васильевский А.В.* Дифференциация ответственности в уголовном праве. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 300 с.

6. *Беляев С.С.* Предисловие. Уголовный кодекс Швеции / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, С.С. Беляев. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 5-23 (320 с.).

7. *Голик Ю. А.* Вступительная статья. Уголовный кодекс Аргентины. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 14-25 (240 с.).

8. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2003 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 9. – С. 22-32 (32 с.).

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Ситдикова Г.З., доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

За последние годы увеличилось число внешних и внутренних экстремистских угроз. К внешним угрозам относятся поддержка иностранными государственными органами и организациями экстремистских проявлений в целях дестабилизации общественно-политической обстановки в Российской Федерации, а также деятельность международных экстремистских и террористических организаций, приверженных идеологии экстремизма. К внутренним угрозам - экстремистская деятельность радикальных общественных, религиозных, неформальных объединений, некоммерческих организаций и отдельных лиц[1].

«Не надо доказывать, насколько опасна сама природа экстремизма, насколько разрушительна его идеология, идеология нетерпимости, разжигания ненависти, вражды. Во всех своих проявлениях экстремизм имеет агрессивный, подстрекательский, а нередко насильственный характер. Он посягает на права и свободу граждан, а подчас прямо на их жизнь, несёт угрозу национальной безопасности, способен кардинально разбалансировать политическую, экономическую и социальную системы. Наиболее опасен и для общества, и для государства такой вид экстремизма, как национализм, религиозная нетерпимость, политический экстремизм. Каждое преступление такой направленности (как правило, резонансное, отвратительное само по себе) может спровоцировать массовые нарушения общественного порядка»[2]. В ст. 2 Всеобщей декларации прав человека 1948 года провозглашено, что каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами без какого бы то ни было различия в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения[3].

Указанное положение нашло отражение и в Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 года. В ст. 1 названного документа говорится, что никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу, иметь религию или убеждения по своему выбору[4]. Впервые на международном уровне определение понятия «экстремизм» было закреплено в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 года, ратифицированной Российской Федерацией 10 января 2003 года. Согласно ст. 1 Конвенции под экстремизмом понимается «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон»[5]. Кроме того, в данном международном документе предпринята попытка отграничения понятий «терроризм» и «экстремизм».

---

[1] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года // Сайт «Консультант» URL: http://www.consultant.ru.

[2] Из выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина на заседание Совета Безопасности. URL: http://www.kremlin.ru.

[3] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года) // Российская газета. № 67. 05 апреля 1995 года.

[4] Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений 1981 года // Сайт «Консультант» URL: http://www.consultant.ru.

[5] Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14 июня 2001 г. // Собрание Законодательства РФ. 2003. № 41. Ст. 3947.

Анализ национального законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан свидетельствует о едином направлении активного противодействия возрастающим угрозам экстремизма на национальную безопасность и стабильное развитие указанных государств на пути мирового сообщества. В соответствии с ст.8 Конституции Республики Таджикистан общественная жизнь в государстве развивается на основе политического и идеологического плюрализма. Запрещаются создание и деятельность общественных объединений и политических партий, пропагандирующих расовую, национальную, социальную и религиозную вражду или призывающих к насильственному свержению конституционного строя и организации вооруженных групп. В развитие конституционных положений, 12 ноября 2016 года Президентом Республики Таджикистан был подписан указ №776 «О Национальной стратегии Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы».

Конструктивным является подход в определении положениями Указа причин радикализации общества, в том числе неблагоприятных социально-экономических условий, как одной из причин возрастающей угрозы экстремизма и терроризма. Социально-экономический фактор возрастает в условиях транзитной экономики, где недовольная промежуточными результатами социально-экономических реформ часть населения, может легко поддаваться экстремистским призывам. Как отмечено в п.22 Указа, современное общество республики является транзитным, посткризисным обществом, которой характерно социально-экономическая маргинализация части населения вследствие изменения социальной и культурной идентичности, стандартов жизни и поляризации по уровню доходов.

В соответствии с ст.2 Закона Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом», экстремизм - это проявление юридическими и физическими лицами выражения крайних форм действий, призывающих к дестабилизации, изменению конституционного строя в стране, захвату власти и присвоению ее полномочий, разжиганию расовой, национальной, социальной и религиозной вражды. Вместе с тем, экстремистская деятельность – это деятельность юридических либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на: насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности государства; подрыв его безопасности; в) захват или присвоение властных полномочий; г) создание незаконных вооруженных формирований; д) осуществление террористической деятельности; е) возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, а также социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; ж) унижение национального достоинства; з) осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы; и) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности; к) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности или совершению указанных действий; л) осуществление или совершение указанных действий путем предоставления для осуществления указанной деятельности недвижимости, учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной, факсимильной и иных видов связи, информационных услуг, иных материально-технических средств[1].

Искажение религиозных идеалов в криминальных целях радикальных идей приводят к массовому вовлечению в экстремистскую и террористическую деятельность людей, следующих своим религиозным убеждениям. своем выступлении Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон справедливо отметил, что «совершение террористических актов и радикальных действий от имени священной религии Ислам сегодня превратилось в поро-

[1] Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» от 8 декабря 2003 г. № 69 года [Электронный ресурс] // Антитеррористический центр государств-участников СНГ. URL: http://www.cisatc.org/135/155/285.

чащее явление. Ислам ни в коем случае нельзя смешивать с предвзятыми политическими целями. Те, кто превращают Ислам в средство борьбы за власть и претендуют на так называемое исламское государство, не понимают, что они на этом скользком пути смешивают свою веру и совесть с нечестивыми целями»[1].

В Российской Федерации правовая база, регламентирующая деятельность по противодействию экстремизму, довольна обширна. Основополагающим нормативным актом является Конституция Российской Федерации. В ч. 2 ст. 19 Конституции РФ говорится о том, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. В исключительных случаях право на свободу совести и свободу вероисповедания может быть ограничено в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов человека и гражданина, а также обеспечения обороны страны и безопасности государства. Данное положение отражено в ч. 2 ст. 3 Федерального закона РФ от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях»[2].

Основными законодательными актами, формирующими государственную политику Российской Федерации в сфере противодействия экстремизму, являются:

- Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, утвержденная Президентом РФ В. В. Путиным от 28.11.2014 года № Пр-2753;
- Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013-2018 годы, утвержденный Президентом РФ В.В. Путиным от 26.04.2013 № Пр-1069;
- Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»;
- Федеральный закон от 25.07.2002 № 112-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»;
- Федеральный закон от 24.07.2007 № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму»;
- Федеральный закон от 23 мая 2015 г. № 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»;
- Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности».

---

[1] Выступление Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмон на встрече с представителями общественности страны в связи с наступлением священного месяца Рамазан года [Электронный ресурс] http://www.president.tj/ru/node/17618

[2] О свободе совести и религиозных объединениях: федеральный закон Российской Федерации от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ //Собрание законодательства РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

- Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 602 «Об обеспечении межнационального согласия».

- В п. 11 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года указано, что наиболее опасные виды экстремизма - националистический, религиозный и политический, которые проявляются в возбуждении ненависти либо вражды по признакам пола, расовой, национальной, языковой, религиозной принадлежности или принадлежности к какой-либо социальной группе, в том числе путем распространения призывов к насильственным действиям, прежде всего через информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, в вовлечении отдельных лиц в деятельность экстремистских организаций или групп, в проведении несогласованных акций, организации массовых беспорядков и совершении террористических актов. Основания и порядок привлечения к ответственности за экстремистскую деятельность политических партий, общественных и религиозных объединений, средств массовой информации, иных организаций, а также должностных лиц и граждан определены в законах, регулирующих деятельность политических партий, общественных и религиозных объединений в Федеральном законе от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» и Федеральном законе от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях», а также Уголовном кодекс Российской Федерации, Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовно-процессуальном кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальном кодекс Российской Федерации и других законах. Федеральный закон РФ «О противодействии экстремистской деятельности», принятый 25 июля 2002 г., определяет экстремистскую деятельность (экстремизм) как деятельность общественных и религиозных объединений либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных в частности: 1) на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; 2) публичное оправдание терроризма и иной террористической деятельности; 3) возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; 4) нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; 5) демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо сходных с ними, а также подстрекательство к осуществлению указанных действий или их финансирование либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг[1].

Также 25 июля 2002 года Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и № 112-ФЗ«О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», «О противодействии террористической деятельности» закрепляют основные положения государственной политики противодействия всем формам экстремистской и террористической деятельности, устанавливают меры ответственности за их осуществление, а также предусматривают осуществление комплекса профилактических мер по предупреждению действий экстремистского и террористического характера. В соответствии со ст. 13 ФЗ от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», п. 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 № 1313, на Министерство юстиции Российской Федерации возложены функции по ведению, опубликованию и разме-

[1] О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон РФ от 25 июля 2002 г. № 114–ФЗ // Сайт «Консультант» URL: http://www.consultant.ru.

щению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов. Информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов, на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу.

Федеральный список экстремистских материалов формируется на основании поступающих в Министерство юстиции Российской Федерации копий вступивших в законную силу решений судов о признании информационных материалов экстремистскими. Законодательством Российской Федерации установлена ответственность за массовое распространение экстремистских материалов, включенных в опубликованный федеральный список экстремистских материалов, а равно их производство либо хранение в целях массового распространения. Анализ судебной практики показывает, что ежегодно по уголовным делам, возбужденным по факту совершения преступлений экстремисткой направленности, в результате объективного расследования, производства многочисленных экспертных исследований, устанавливается наличие в отдельных печатных изданиях информации, содержащей пропаганду или агитацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть или вражду, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни. Президент Российской Федерации Путин В. В. в своем выступлении отметил, что силами только правоохранительных органов с решением таких задач не справиться. В этой многоплановой сложной работе должны активно участвовать и другие заинтересованные министерства, все уровни власти, система образования, политические партии, структуры гражданского общества, правозащитные организации и представители традиционных религий России[1]. Необходимо подчеркнуть, что только комплексное взаимодействие институтов гражданского общества, правоохранительных органов, органов власти и местного самоуправления, позволит поддерживать стабильность в сфере межконфессиональных и межнациональных отношений, формирование в обществе высокого уровня правосознания, эффективно проводить профилактику совершения преступлений экстремистской направленности и реализовывать принцип неотвратимости наказания за совершения данного вида преступлений.

[1] Из выступления Президента Российской Федерации В. В. Путина на заседание Совета Безопасности // http://www.kremlin.ru. (дата обращения: 07.05.2018).

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАКОН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ УЧРЕЖДЕНИЯХ И ОРГАНАХ, ИСПОЛНЯЮЩИХ УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ»: НЕКОТОРЫЕ КОЛЛИЗИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Скиба А.П., начальник кафедры уголовно-исполнительного права Федерального казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний», доктор юридических наук, доцент

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации и Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» представляют собой одни из основополагающих нормативно-правовых актов в области исполнения наказаний и деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Теоретически их положения должны соответствовать друг другу. Однако изучение норм этих документов свидетельствует о наличии ряда коллизий законодательства [1]. Это не только может осложнять соответствующую правоприменительную деятельность, но и создавать потенциальную коррупциогенную ситуацию, когда различные субъекты правоотношений по-разному трактуют то или иное нормативное положение, основываясь на положениях действующего нормативно-правового акта.

Так, в ч. 1 ст. 2 УИК РФ предусмотрено, что уголовно-исполнительное законодательство состоит из настоящего Кодекса и других федеральных законов. Вместе с тем к уголовно-исполнительному законодательству относятся и иные нормативно-правовые акты (кроме федеральных законов):

– указы Президента РФ (Положение о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденное Указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1314);

– решения Правительства РФ: Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2010 г. № 1772-р; Постановление Правительства РФ от 6 февраля 2004 г. № 54 «О медицинском освидетельствовании осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью» и др.);

– приказы Минюста России (Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295);

– приказы Минобороны России (Правила отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими, утвержденные приказом Минобороны России от 20 октября 2016 г. № 680);

– приказы ФСИН России (Положение о порядке посещения учреждений уголовно-исполнительной системы членами общественных наблюдательных комиссий, утвержденное приказом ФСИН России от 28 ноября 2008 г. № 652);

– и др.

В ст. 5 УИК РФ подтверждается, что наказания осужденных военнослужащих исполняются в соответствии с иными нормативными правовыми актами, а также правилами отбывания уголовных наказаний осужденными военнослужащими, утверждаемыми федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны, по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации.

Исправить данную коллизию возможно путем утверждения новой редакции ч. 1 ст. 2 УИК РФ о том, что уголовно-исполнительное законодательство состоит из настоящего Кодекса, других федеральных законов и иных нормативно-правовых актов (так оно и воспринимается в юридической литературе [2; 3; 4]).

Отметим также и кратко прокомментируем несколько коллизий между УИК РФ и Законом РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы».

1. В ст. 19 УИК РФ предусмотрено, что федеральные органы государственной власти осуществляют контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания.

Однако в абз. 1 ст. 38 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» этот перечень расширен и за счет законодательных (представительных) органов субъектов Российской Федерации и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Исключить эту коллизию возможно путем добавления в ст. 19 УИК РФ положения о возможности осуществления контроля за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, со стороны органов власти субъектов РФ.

2. В ч. 1 ст. 24 УИК РФ приводится исчерпывающий перечень лиц, имеющих право посещать учреждения и органы, исполняющие наказания, без специального на то разрешения.

В то же время в абз. 4 ст. 38 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» этот перечень увеличен за счет представителей международных (межгосударственных, межправительственных) организаций, уполномоченных осуществлять контроль за соблюдением прав человека.

Устранить эту коллизию возможно путем корректировки ст. 24 УИК РФ.

3. В ч. 1 ст. 86 УИК РФ и ст. 28 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» даны несовпадающие перечни оснований применения к осужденным физической силы, специальных средств и оружия персоналом исправительных учреждений.

Так, в ч. 1 ст. 86 УИК РФ (по сравнению со ст. 28 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы») дополнительно указано основание применения к осужденным физической силы, специальных средств и оружия персоналом исправительных учреждений – проявление буйства осужденным, и наоборот – в указанном Законе имеются такие основания, как: состояние необходимой обороны и в случае крайней необходимости (которых нет в УИК РФ).

В связи с этим представляется необходимым внести изменения в обе рассматриваемых нормы либо предусмотреть основания применения к осужденным физической силы, специальных средств и оружия персоналом исправительных учреждений только в одном нормативно-правовом акте.

4. В ч. 1 ст. 86 УИК РФ и ст. 29 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» указаны противоречивые основания применения к осужденным сугубо физической силы персоналом исправительных учреждений.

В частности, в ч. 1 ст. 86 УИК РФ (по сравнению со ст. 29 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы») также дополнительно указаны проявление буйства и сопротивление персоналу исправительных учреждений как основания применения к осужденным физической силы персоналом исправительных учреждений, и наоборот – в рассматриваемом Законе имеется противодействие законным требованиям сотрудника уголовно-исполнительной системы (которого нет в УИК РФ). Кроме того, в ст. 86 УИК РФ основанием применения к осужденным физической силы персоналом исправительных учреждений является злостное неповиновение законным требованиям персонала, в том время как в Законе – «просто» неповиновение законным требованиям сотрудника уголовно-исполнительной системы.

5. В ч. 1 ст. 86 УИК РФ и ст. 30 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» имею место различные перечни оснований применения к осужденным и специальных средств персоналом исправительных учреждений.

Кроме вышеуказанного, в ст. 30 рассматриваемого Закона имеются следующие основания применения к осужденным и специальных средств: пресечение групповых нарушений, дезорганизующих деятельность учреждения, и др. (которых нет в УИК РФ).

6. В ч. 1 ст. 86 УИК РФ и ст. 31.2 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» даны отличающиеся перечни оснований применения к осужденным оружия персоналом исправительных учреждений.

В частности, в указанном Законе имеется, например, основание в виде защиты себя и (или) иных лиц от посягательства, если это посягательство сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья (которого нет в УИК РФ).

7. В ч. 1 ст. 103 УИК РФ приведены условия, которые учитываются администрациями исправительных учреждений при привлечении осужденных к лишению свободы к труду (активно обсуждаемому специалистами [5, с. 19-22; 6, с. 31-33; 7, с. 127-130; 8, с. 76-78]): пол, возраст, трудоспособность, состояние здоровья осужденного и по возможности его специальность, а также исходя из наличия рабочих мест.

Вместе с тем в ст. 14 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» эти условия приведены в сокращенном варианте: трудоспособность осужденного и по возможности его специальность.

Устранение данной коллизии возможно путем приведения ст. 14 Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» в соответствие со ст. 103 УИК РФ.

С учетом сказанного, актуальна взаимная корректировка положений УИК РФ и Закона РФ «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» с целью устранения двоякого толкования правового положения сотрудников уголовно-исполнительной системы и иных участников уголовно-исполнительных отношений.

Список использованной литературы:

1. Коллизии законодательства России (краткий научный комментарий): монография / А.П. Скиба и др.; под ред. А.А. Крымова. – 2-е изд., испр. и доп. – Рязань: Академия ФСИН России, 2016.

2. Уголовно-исполнительное право России. Теория. Законодательство. Международные стандарты. Отечественная практика XX века : учебник / М. Г. Детков и др. ; под ред. А. И. Зубкова. М., 1997.

3. Маликов Б. З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2004.

4. Тепляшин П. В. Методологические основы гармонизации уголовно-исполнительного законодательства России в условиях интеграции правовых систем : монография. Красноярск, 2010.

5. Емельянова Е. В. Некоторые проблемные вопросы правового регулирования стимулирования труда осужденных // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2010. № 1. С. 19–22.

6. Минязева Т. Ф. Труд как основное средство исправления осужденных в свете Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года // Рос. юстиция. 2013. № 3. С. 31–33.

7. Смирнов Л. Б. Правовые и организационные проблемы привлечения к труду осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2007. № 4. С. 127–130.

8. Уткин В. А. Бесплатный труд осужденных в местах лишения свободы // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2006. № 11. С. 76–78.

ЗАЩИТА В СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Соловьёва Н.А., заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

Перекрестов В.Н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук

Основной стадией уголовного судопроизводства является судебное разбирательство, которое осуществляется на основании соблюдения принципов состязательности и равноправия сторон.[4, С.56-62] Данное обстоятельство предоставляет защитнику возможность с использованием исследованных в суде обстоятельств и материалов уголовного дела окончательно определиться с позицией по делу, согласовать ее со своим подзащитным и выразить в защитной речи.

Рассмотрение уголовного дела в суде первой инстанции складывается из нескольких частей: подготовительная, судебное следствие, прения сторон, последнее слово подсудимого, постановление и провозглашение приговора. На каждой из перечисленных частей деятельность защитника характеризуется определенным своеобразием. На подготовительной стадии судебного разбирательства адвокат выясняет сведения о личности подсудимого, которые могут быть впоследствии использовании в качестве объяснения причин противоправного поведения подсудимого. В рамках судебного следствия наибольшим образом реализуются принципы состязательности и равноправия сторон во всем уголовном судопроизводстве. На этом этапе защитник имеет возможность принимать активное участие в исследовании доказательств: показаний свидетелей, заключений экспертов, документов, вещественных доказательств. Деятельность защитника на стадии судебного разбирательства отличается некоторыми особенностями в связи с наличием института предварительного слушания, особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением, а также институтом присяжных заседателей. Предварительное слушание в соответствии со ст. 234 УПК РФ проводится единолично судьей в закрытом судебном заседании, на которое приглашаются стороны.

Согласно ч. 2 ст. 229 УПК РФ предварительное слушание проводится на основании ходатайства любой стороны или по собственной инициативе суда в следующих случаях:

- при необходимости решения вопроса об исключении доказательств;
- для направления уголовного дела прокурора;
- если есть основания для приостановки или прекращения уголовного дела;
- для решения вопроса об особом порядке судебного разбирательства или с участием присяжных заседателей.

В рамках предварительного слушания адвокат может заявить ходатайство об исключении доказательств, о вызове свидетелей, об истребовании дополнительных доказательств, о допросе определенных лиц в качестве свидетелей. Также на предварительном слушании должны быть рассмотрены и разрешены жалобы адвоката. Результаты рассмотрения данных жалоб должны быть отражены в постановлении судьи, которым завершается предварительное слушание.

В соответствии со ст. 314 УПК РФ для того, чтобы постановить приговор без судебного разбирательства, требуется ходатайство обвиняемого, а также согласие государственного обвинителя и потерпевшего. Если есть возражения со стороны кого-либо из указанных лиц, то производство по уголовному делу осуществляется в общем порядке.

Условиями постановки приговора без проведения судебного разбирательства является удостоверение суда в следующих обстоятельствах:

1. осознание обвиняемым характера и последствий своего ходатайства;

2. ходатайство заявлено обвиняемым добровольно и после консультации с защитником;

3. обвиняемому предъявлено обвинение в совершении преступления, за которое уголовное законодательство предусматривает максимальное наказание не более 10 лет лишения свободы. Указанные условия применения особого порядка должны быть хорошо известны защитнику для надлежащего выполнения им своих профессиональных обязанностей.

Важнейшей частью судебного разбирательства является судебное следствие. В ходе судебного следствия суд с участием сторон исследует представленные стороной обвинения и защиты доказательства. Также исследуются доказательства, которые истребованы самим судом. Именно доказательства имеют решающее значение для формирования внутреннего убеждения судьи по вопросам, которые должны быть обсуждены и выяснены при постановлении приговора в совещательной комнате. В основу приговора могут быть положены только такие материалы, которые были проверены и исследованы в ходе судебного следствия. Согласно ст. 274 УПК РФ сторона обвинения первой представляет свои доказательства, а затем право представить доказательства предоставляется стороне защиты. Сторона, которая представляет суду доказательства, сама определяет очередность их исследования. Суд не вправе указывать стороне очередность исследования доказательств. Для закрепления данного порядка исследования доказательств существует правило «благоприятствования защите». [3, С.43-48] Проявлениями данного правила являются такие элементы судебного разбирательства, как, например, очередность представления доказательств, право подсудимого давать показания в любой момент судебного следствия, право защитника первым допрашивать вызванных им свидетелей и экспертов, очередность выступлений в прениях сторон, наличие у подсудимого права на последнее слово.

Перечисленные выше нормы создают сравнительно благоприятные условия для деятельности защитника. По справедливому замечанию Т.Г. Морщаковой, порядок исследования доказательств в ходе судебного следствия обеспечивает наиболее благоприятные условия для защиты прав и интересов подсудимого [2, С.157]. Возможность защитника принимать участие в производстве отдельных судебных действий означает предоставление в его распоряжение различных средств и способов защиты, которые не запрещены процессуальным законодательством. Иными словами, защитник может использовать тактические приемы для защиты прав и законных интересов подсудимого.

В рамках подготовительной части судебного заседания и в самом судебном заседании защитник вправе заявлять ходатайства о вызове и допросе свидетелей, экспертов, специалистов, об истребовании доказательств, об изменении меры пресечения подсудимому, об исключении недопустимых доказательств, о возвращении уголовного дела прокурору, о назначении судебной экспертизы. Для заявления того или иного ходатайства защитник должен выбрать оптимальное с тактической точки зрения время. Каждое ходатайство должно быть надлежащим образом аргументировано и понятно для всех участников судопроизводства. Используемые защитником тактические приемы должны отвечать следующим требованиям:

1. законность. Это значит, что тот или иной тактический прием не должен быть запрещен законодательством;

2. научная обоснованность. Это означает, что должна быть научность тактического приема по источнику происхождения или по средству проверки; соответствие тактического приема современным научным представлениям; должна быть возможность научного предвидения результатов применения тактического приема; возможность заблаговременно определить самые оптимальные условия для применения приема.

У защитника имеется право самостоятельно получать материалы для защиты, обращаться к специалистам для получения их альтернативных заключений, получать новые доказательства и представлять их суду. На судебном следствии защитнику надлежит принимать активное участие в исследовании уже собранных доказательств, а также предпринимать меры по представлению новых доказательств защиты, собранных им дополнительно к пред-

ставленным стороной обвинения. Защитник должен использовать любую возможность для защиты своего подзащитного на любой стадии судебного рассмотрения уголовного дела. Защитнику надлежит представлять суду свои формулировки решений относительно вопросов доказанности, виновности, смягчающих обстоятельств, виду и размеру наказания и другим обстоятельствам. Подобная деятельность защитника приведет к активизации его роли в уголовном процессе, повысит уровень защиты и положительным образом скажется на ходе судебного заседания. Участие защитника в исследовании доказательств в ходе судебного следствия проявляется в выявлении обстоятельств, которые могут улучшить положение подсудимого, в том числе оправдывающих его, смягчающих ответственность, ставящих под сомнение все обвинение или отдельные его пункты. Это необходимо делать в независимости от отношения подсудимого к предъявленному ему обвинения. Безусловно, при участии защитника в процессе доказывания большое значение придается презумпции невиновности.

После судебного следствия наступает стадия прений сторон. В ходе прений защитник обращает внимание суда на доказательства, подтверждающие позицию стороны защиты, высказывает свои суждения относительно доказательств стороны обвинения. Целью прений сторон является предоставление каждой стороне возможности склонить суд на свою позицию, убедить его в том, что представленные стороной доказательства подтверждают обстоятельства, на которые соответствующая сторона ссылается, а также в том, что обстоятельства, представленные противной стороной, являются недоказанными.

Основным содержанием деятельности защитника на этапе прений сторон является выступление с защитной речью. По мнению Б.Т. Безлепкина, участие защитника в прениях сторон является важнейшей составной частью судебного разбирательства, во время которой защитник получает уникальную возможность подвести итог всему производству по конкретному уголовному делу [1, С.23-28].

В ходе своей защитной речи в прениях сторон защитник должен предельно ясно и четко высказать свою позицию по делу. Данная позиция в идеале должна быть сформулирована задолго до начала процесса. Об этой позиции защитник должен заявить в начале судебного разбирательства и придерживаться ее в ходе доказывания по делу. Допускается некоторое изменение позиции по делу с учетом результатов судебного следствия и позиции подзащитного. Ключевыми составляющими защитной речи в ходе прений сторон являются фактические обстоятельства дела и правовое требование, адресованное суду. Но позиция по делу должна играть во всей речи определяющую роль, именно ее должен в первую очередь отразить защитник в своей речи. Также в прениях сторон защитнику необходимо проанализировать установленные по делу факты. Если защитник в своей речи забудет дать анализ определенному факту, доводу прокурора, то может показаться, что защитник не смог парировать факт или довод стороны обвинения. Защитнику следует опираться на такие факты, делать такие выводы, которые вызывали бы живые эмоции у присутствующих в зале судебного заседания.

Согласно ч. 6 ст. 292 УПК РФ после того, как все участники прений произнесли свои речи, каждой из сторон предоставляется право выступить еще один раз с репликой. Подсудимый имеет исключительное право выступить с последней репликой. По общему правилу реплика должна заключаться в выдвижении возражений другой стороне. В ней могут затрагиваться различные вопросы по существу обвинения, преступления, личности подсудимого, квалификации преступления и т.д. Реплика должна быть обоснована и в ней допустимо ссылаться только на доказательства, которые были исследованы в ходе судебного разбирательства. Участники прений сторон вправе делать реплики. Это не является обязанностью. Отказ от реплики не может рассматриваться как согласие с позицией других участников процесса. Реплика не может быть ограничена по времени, ее нельзя прервать, за исключением случаев, когда участник процесса выходит в своей речи за рамки процесса или ссылается на недопустимые доказательства. Таким образом, в наибольшей степени принципы состязательности и равноправия сторон в ходе уголовного судопроизводства проявляются на судебных стадиях,

в которых сторона защиты действует наравне со стороной обвинения в представлении и исследовании доказательств. У защитника имеются многочисленные возможности по отстаиванию прав и законных интересов своего подзащитного во время предварительного слушания, подготовительной части, судебного следствия, прений сторон.

В современном российском уголовном судопроизводстве отсутствуют реальные условия для обеспечения подлинной реализации принципа состязательности сторон на стадии досудебного производства по делу. Совершенно очевидно, что уголовно-процессуальное законодательство нуждается в совершенствовании в сторону обеспечения более активного участия защитника в производстве следственных и иных процессуальных действий, обеспеченного действенным механизмом по принуждению стороны обвинения к уважению и соблюдению прав стороны защиты. Чтобы разрешить установленные разногласия, необходимо внести, по нашему мнению, следующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство: 1. в п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, ч. 3 ст. 86 УПК РФ необходимо внести положения, касающиеся представления полученных защитником предметов, документов и других сведений дознавателю, следователю или суду и последующего их приобщения к материалам уголовного дела; 2. откорректировать ч. 3 ст. 88 УПК РФ. В частности, необходимо предусмотреть, что вопрос о недопустимости доказательств, которые собраны как стороной обвинения, так и стороной защиты, должен разрешаться только судом. Причем данное полномочие должно носить исключительный характер, то есть сторона обвинения должна сохранить за собой право признавать недопустимыми только обвинительные доказательства, но не доказательства, которые оправдывают обвиняемого или иным образом улучшают его положение; 3. дополнить УПК РФ новой главой, которая была бы посвящена регламентированию формы и содержания фиксации произведенных защитником действий, связанных с получением предметов, документов, иных сведений в рамках его деятельности по собиранию доказательств.

Список использованной литературы:

1. Маслова М.В. Речь защитника в прениях и репликах сторон // Адвокатская практика. – 2016. - №2. – С. 23 – 28.

2. Морщакова Т.Г. Российское правосудие в контексте судебной реформы. – М.: Р. Валент, 2004. – 264 с.

3. Соловьев С.А. Благоприятствование защите (favor defensionis) и сокращенные формы уголовного судопроизводства: отдельные проблемы и способы их решения // Адвокатская практика. – 2016. - №3. – С. 43-48.

4. Соловьева Н.А., Шинкарук В.М. Интерпретация истины в уголовном процессе: компаративный анализ// Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция, - Волгоград: Изд. ВолГУ, 2016. № 3 (33) – С. 56-62

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, НАРУШАЮЩИЕ ПРАВО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ, ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ И ЗАНЯТОСТИ

Сорокун Н.С., старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, кандидат юридических наук, подполковник полиции

В последнее время в уголовно-правовой науке наметился определенный интерес к исследованию посягательств на несовершеннолетних. Это нашло отражение в серии защищенных кандидатских диссертаций, посвященных анализу отдельных преступлений против развития несовершеннолетних [1].

Комплексное изучение норм Особенной части уголовного закона, защищающих права несовершеннолетних основана на анализе обширного исторического опыта законодательного решения проблемы, современного отечественного законодательства, сложившейся практики применения норм УК РФ, официальных статистических данных и достижений уголовно-правовой доктрины. Ввиду того, что практику применения рассматриваемых норм нельзя признать богатой, основной акцент сделан на создание теоретической модели квалификации преступлений против несовершеннолетних.

Цивилизованное сообщество людей уже давно определило в качестве своей первостепенной задачи повышенную защиту детей и подростков от различных негативных явлений современной жизни.

Впервые необходимость особой защиты прав детей на международном уровне было признана в Женевской Декларации прав ребенка 1924 г. В дальнейшем, ни один международный документ о правах человека не обходил вниманием эту проблему.

Принятая в 1948 г. Всеобщая Декларация прав человека закрепила в качестве бесспорных положения о том, что «семья является единственной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства» (ст. 16) и что «материнство и младенчество дают право на особое попечение и помощь», а «все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой» (ст. 25).

Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. подтвердил данные положения и установил в ст. 10, что «особые меры охраны и помощи должны приниматься в отношении всех детей и подростков независимо от какой бы то ни было дискриминации по признаку семейного происхождения или по иному признаку».

В современных условиях становления и развития правового государства и гражданского общества в России особо важное значение приобретают вопросы работы с молодежью, формирование правовой культуры молодежи, защиты ее прав.

Статья 2 Конституции Российской Федерации гласит, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства. На сегодняшний день молодежь составляет значительную часть всего трудоспособного населения страны и принимает активное участие в государственном строительстве.

Права учащейся молодежи являются неотъемлемой часть прав человека в целом. Молодежь всегда являлась основой любого государства. Поэтому проблема прав и свобод молодёжи является весьма актуальной в юридической науке, особенно в условиях правового государства.

В соответствии со ст.11 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», в случае приема на работу детей, достигших возраста 15 лет, им гарантируются вознаграждение за труд, охрана труда, сокращенное рабочее время, отпуск. Работникам моложе 18 лет предоставляются льготы при совмещении работы с обучением, проведении ежегодного обязательного медицинского осмотра, квотиро-

вании рабочих мест для трудоустройства, расторжении трудового договора (контракта) и другие льготы, установленныезаконодательством Российской Федерации.

Особенности регулирования труда работников в возрасте до 18 лет установлены Трудовым законодательством, в частности главой 42 Трудового кодекса РФ.

Так, запрещается применение труда лиц в возрасте до восемнадцати лет на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, на подземных работах, а также на работах, выполнение которых может причинить вред их здоровью и нравственному развитию (игорный бизнес, работа в ночных кабаре иклубах, производство, перевозка и торговля спиртными напитками, табачными изделиями, наркотическими и иными токсическими препаратами).

Лица в возрасте до восемнадцати лет принимаются на работу только после предварительного обязательного медицинского осмотра (обследования) и в дальнейшем, до достижения возраста восемнадцати лет, ежегодно подлежат обязательному медицинскому осмотру (обследованию).

При этом, обязательные медицинские осмотры (обследования) осуществляются за счет средств работодателя.

Ежегодный основной оплачиваемый отпуск работникам в возрасте до восемнадцати лет предоставляется продолжительностью 31 календарный день в удобное для них время.

Расторжение трудового договора с работниками в возрасте до восемнадцати лет по инициативе работодателя (за исключением случая ликвидации организации или прекращения деятельности индивидуальным предпринимателем) помимо соблюденияобщего порядкадопускается только с согласия соответствующей государственной инспекции труда и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Права молодёжи заслуживают особого внимания в юридической науке и практике, так как представители молодого поколения относятся к категории одной из самых не защищенных групп населения и чаще, нежели люди старшего поколения подвергаются негативному воздействию со стороны общества.

Правовой статус молодежи, которые непосредственно закреплены в законодательстве, составляют субъективные права, юридические обязанности и гарантии осуществления предоставленных прав. Правовой статус включает в себя правоспособность (т. е. возможность лица иметь определенные права, обладать ими, быть носителем предоставленных прав), дееспособность (способность лица своими осознанными действиями осуществлять принадлежащие ему права, а также исполнять возложенные на него обязанности), деликтоспособность (способность лица нести юридическую ответственность за совершенные действия).

Субъект молодежь весьма специфичен. Его специфичность выражается в том, что молодежь это социальная группа людей, которая определена возрастными рамками. Молодым считается тот, кто не достиг 30 лет. Специфичность проявляется также и в том, что молодежь подразделяется по возрастному критерию на следующие категории:

несовершеннолетний лицо, не достигшее 18 лет (по общему правилу): ребенок или малолетний (не достигший 14 лет), подросток (в возрасте от 14-18).

совершеннолетний молодой человек лицо в возрасте от 18 до 30 лет.

Лица, не достигшие 18 лет, находятся под особой защитой государства. Это объясняется тем, что несовершеннолетние в силу своего возраста не всегда в полной мере могут осознавать значение своих действий. Таким образом, ограничивается способность несовершеннолетних своими действиями создавать для себя обязанности и нести юридическую ответственность. Так, ничтожной является сделка, совершенная малолетним лицом, т. е. она не влечет за собой никаких юридических последствий, в том числе возникновения каких-либо обязанностей для лица, не достигшего 14 летнего возраста. Также для несовершеннолетних лиц установлен особый порядок осуществления принадлежащих им прав и свобод. Несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет, по общему правилу, вправе совершать сделки лишь с письменного разрешения своих законных представителей.

Особая защита несовершеннолетних проявляется, прежде всего, в том, что государством установлены и гарантированы те права, которые в свою очередь являются для несовершеннолетних лиц в силу их возраста наиболее важными: право ребенка жить и воспитываться в семье, право на общение с родителями и другими родственниками, право на защиту, право молодых граждан на гарантированное получение социальных услуг и т. д. Тем самым государство содействует предотвращению нарушения прав и свобод несовершеннолетнего гражданина. В качестве обстоятельства, отягчающего наказание, УК РФ предусматривает такие факторы, как привлечение к совершению преступления несовершеннолетних, совершение преступления в отношении малолетнего, а также устанавливает уголовную ответственность за ряд деяний, направленных непосредственно на нарушение тех общественных отношений, которые обеспечивают как материальные, так и нематериальные условия нормального физического и нравственного формирования личности несовершеннолетнего. Особая защита несовершеннолетних выражается также предоставлением им ряда льгот. В трудовых правоотношенияхнесовершеннолетним предоставляются льготы в области охраны труда, рабочего времени, отпусков и некоторых других условий труда. А в уголовном праве несовершеннолетие виновного рассматривается как смягчающее обстоятельство.

Конституционно-правовой статус совершеннолетних лиц во многом двойственен. Такое положение определяется, прежде всего, тем, что, с одной стороны, законодатель наделил их полной общей правосубъектностью, а с другой стороны, ограничил ряд политических прав совершеннолетних граждан дополнительным возрастным цензом и установил дополнительные для них обязанности. Так, гражданская дееспособность наступает с 18 лет, уголовной ответственности подлежат лица, достигшие к моменту совершения преступления 16 лет, призыву на военную службу подлежат граждане мужского пола в возрасте от 18 до 27 лет и т. д.

К основным правам и свободам человека и гражданина, закреплённым в Конституции РФ, относятся следующие:

- право на жизнь -это основное, неотъемлемое (принадлежащее от рождения) и неотчуждаемое право, которое гарантирует и защищает одну из основополагающих ценностей личности и общества - человеческую жизнь, недопустимость её произвольного лишения;

- право на охрану достоинства личности. Основным признаком цивилизованного общества является уважение достоинства личности. Ничто не может быть основанием для унижения и умаления достоинства человека. Тем самым в Конституции Российской Федерации определено, что никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Также никто не может быть без добровольного на то согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам и экспериментам;

- право на свободу и личную неприкосновенность. Право на свободу определяет, что человек может свободно располагать собой, своим свободным временем, свободно пользоваться своими правами и выбирать любую меру и вид поведения. Соответственно это должно быть в рамках закона.

Конституция Российской Федерации определяет основные обязанности человека и гражданина. Основные обязанности, закрепленные в Конституции, выражают наиболее важные требования. Это ответственность личности перед обществом, гражданина перед государством, надлежащего отношения гражданина к государственным и общественным интересам, а также активного включения его в охрану этих интересов.

В Российской Федерации существуют достаточно большое число законодательных актов, которые непосредственно касаются прав молодёжи. Но специфика такова, что на федеральном уровне государство ограничивается тем, что проводит различные мероприятия, которые направлены на поддержку молодёжи. При этом прямое законодательное регулирование отсутствует, а если даже и есть, то недостаточно четкое. Так, отсутствует закон «О молодёжи», в котором бы была дана четкая трактовка такого понятия как «молодёжь»; нет за-

конов, касающихся регулирования студенческого самоуправления и участия. Нет нормативных правовых актов, регламентирующих процесс активного вовлечения учащейся молодежи в политическую и общественную жизнь общества и государства.

Конституция РФ провозглашает, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от каких-либо обстоятельств. В то же время в РФ международные договора и общепризнанные принципы и нормы международного права обладают приоритетом над нормами российского права. Наряду с этим Международный Пакт о гражданских и политических правах гласит, что каждый гражданин, без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованного ограничения в правах должен допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственным должностям. Конституция указывает, что к государственной службе имеют равный доступ все граждане. Данные конституционные нормы содержатся в главе 2 Конституции РФ, которая устанавливает основы правового статуса человека и гражданина в РФ. Особый статус этих норм подтверждается и тем, что пересматриваться они могут лишь Конституционным Собранием или всенародным голосованием. На основании всего этого можно сделать вывод: ограничение на занятие государственных должностей ущемляет права молодых граждан, дискриминирует их на недопустимых основаниях, противоречит самой Конституции РФ и тем самым должно быть отменено.

«Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется» (ч. 1 ст. 45 Конституции Российской Федерации). На основании этого можно сформулировать вывод о наличии у молодежи права на создание гарантий по защите ее прав состороны государства, необходимых для ее оптимальной интеграции в общество.

Список использованной литературы:

1. Егошина Г.А. Сексуальные посягательства на малолетних и несовершеннолетних и их предупреждение. Самара, 2003.

2. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс.- 2-е изд., пер. и доп. – В 2 т. Т.2. – М.: Юристъ, 2016.

3. Баглай М.В. Конституционное право РФ: Учебник для вузов / М.В. Баглай.- М.: НОРМА, 2016.

4. Борисова М.М., Дудко И.Г. Конституционно-правовой статус субъекта РФ/ М.М. Борисова, И.Г. Дудко.- М.: Юрлитинформ, 2010.

5. Дамиров Д.Я. Критерии эффективности государственного управления // URL: http:// www.lex-pravo.ru/ru-2740.html.

6. Итоги ежегодного мониторинга развития местного самоуправления в РФ за 2011 год // Вопр. местного самоупр. – 2016. – № 1.

7. Шлычков В.В., Нестулаева Д.Р. Кризис экономической теории как отправная точка ее дальнейшего развития // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4.

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ОСМОТРУ И ФИКСАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ПО ДЕЛАМ ОБ АВИАЦИОННЫХ КАТАСТРОФАХ

Тайшыбаева А.С., старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики Актюбинского юридического института МВД РК имени М.Букенбаева, майор полиции

Сагынтаева А.А., старший преподаватель-методист факультета профессионального и дополнительного образования Актюбинского юридического института МВД РК имени М.Букенбаева, майор полиции

Лицам, производящим дознание, осуществляющим досудебное расследование необходимо четко знать в каких формах применяются специальные познания при досудебном расследовании правонарушений, особо следует концентрировать внимание на форму специальных познаний о видах нарушений безопасности движения при авиационных катастрофах, так как данная категория правонарушений представляет определенную сложность в досудебном расследовании и требует специальных познаний работы авиационного транспорта.

Специфика данного осмотра состоит в следующем:

а) в связи с тем, что обстановка катастрофы изменяется до его осмотра, так как проводится работа по спасению раненых, тушению пожара, извлечения трупов и тому подобное. Поэтому к осмотру необходимо приступить незамедлительно, несмотря на время суток и благоприятность погодных условий;

б) осмотр места происшествия, проводимый следователем совместно с представителями, производящими служебное расследование дает возможность для внепроцессуальной консультации со специалистами в области авиации, что облегчит составление схемы места крушения и т.д.;

в) значительные размеры территории, которые подлежат осмотру;

г) большое количество пострадавших и погибших, обширные разрушения зданий и сооружений;

д) возможную труднодоступность осмотра места происшествия (удаленность от населенных пунктов, расположение в лесу, болоте и т.д.).

Так, рассмотрим некоторые виды:

При крушении воздушного судна при взлете:

В первую очередь, нужно:

а) изучить схему аэродрома и особое внимание обратить на состояние взлетно-посадочной полосы, дорожках, по которым двигалось воздушное судно к месту старта;

б) зарегистрировать ширину отпечатка пневматики всех колес воздушного судна, могущих быть доказательством торможения либо заноса;

в) определить, нет ли на взлетно-посадочной полосе, рулежных дорожках и месте стоянки каких-либо частей воздушного судна, могущих установить о начале разрушения, и совместно со специалиста, закрепить месторасположение и состояние предметов;

г) установить, нет ли на взлетно-посадочной полосе, рулежных дорожках и месте стоянки следов горюче-смазочных материалов, которые могут свидетельствовать на неисправность систем подачи топлива и смазки, в протоколе осмотра зафиксировать место их обнаружения и в установленном порядке отобрать пробы для дальнейшего проведения экспертизы;

д) проверить качество очищения взлетно-посадочной полосы, рулежных дорожек в зимнее время от снега, не оставлены ли переметы и сугробы и имеются ли следы прикосновения о них воздушного судна.

При падении воздушного судна на трассе полета:

При осмотре места падения воздушного судна, необходимо организовать осмотр местности по ходу полета путем прочесывания местности или при помощи вертолета, в связи с тем, что обломки и элементы воздушного судна, трупы, вещи и др. могут быть перемещены воздушным потоком.

При падении воздушного судна при посадке:

— измерить размеры посадочной площади, состояние покрытия взлетно-посадочной полосы и покрытия на месте приземления воздушного судна;

— пометить наличие на взлетно-посадочной полосе и близ её посторонних предметов;

— определить место первичного касания воздушного судна с землей, длину пробега и длину пробега после конкретного приземления;

— в случае, если воздушное судно выкатилось за пределы ВВП, то измерить это расстояние, если имелись какие либо препятствия (строения, ямы, столбы и т.п.), то эти повреждения также необходимо осмотреть, обязательно сфотографировать и зафиксировать в протоколе;

— в диспетчерских пунктах аэродрома осмотреть автоматическую фиксацию, так как безопасность посадки воздушного судна зависит от точности работы этого объекта.

При авиационных происшествиях с вертолетом:

В начале необходимо определить разрушения, которые могли случиться в воздухе, для этого нужно осмотреть расположение обломков на месте крушения.

Расположение выявленных на месте крушения частей и конструкции отразить в протоколе осмотра, составить схему, установить характер повреждений несущей части вертолета.

Внимательно осмотреть несущий и хвостовой винты, которые являются главными источниками вибрации вертолета, которая при назначенных условиях может привести к разрушению разных элементов конструкции.

При осмотре лопастей винта необходимо обратить внимание на следующие повреждения:

— трещины, поломки на лонжероне, которые могут носить изношенный характер и локализуются чаще всего в месте какого-либо дефекта материала;

— деформации, люфты на винтах и других местах вертолета, которые могут указывать на внезапное возникновение в полете резонанса лопастей.

В авиационной практике в первую очередь повреждается рулевой винт вертолета, данное обстоятельство связано с тем, что данный винт находится в конце длинной упругой балки и на него воздействуют существенные усилия практически при любом ударе.

Внимательно осмотреть и запечатлеть в протоколе осмотра состояние органов управления и установить имеются ли дефекты тяг.

При столкновении воздушных судов:

В протоколе осмотра места происшествия необходимо отобразить следующее: царапины, вмятины, которые в последующем при производстве экспертизы могут установить положение воздушных судов друг к другу в момент их столкновения, а также дать оценку действиям экипажей и наземных диспетчеров, до момента столкновения воздушных судов.

В случае если отсутствует запись регистрации параметров полета необходимо также произвести осмотр стабилизатора, крыльев и фюзеляжа.

В необходимых случаях необходимо произвести выкладку частей воздушных судов и их сопоставления, для установления взаимного положения в момент столкновения.

Осмотр документов и предметов, которые не являются частями воздушного судна

Осмотру подлежат все обнаруженные документы, например:

а) документы по техническому осмотру воздушного судна и выполнению полета;

б) перевозимый багаж и почта;

в) предметы пассажиров и членов экипажа, а также их документы.

К документам воздушного судна следует отнести: свидетельство о его регистрации, сертификат годности к полетам, бортовой журнал, санитарный журнал воздушного судна.

Полетные документы, это задание и полетные карты, бортовой журнал радиосвязи, штурманский бортжурнал, документы на перевозимый багаж и почту.

Необходимые документы или их копии, подлежащие приобщению к уголовному делу, следователь решает самостоятельно в зависимости от конкретных обстоятельств.

Ценности, обнаруженные следователем, за исключением тех, которые могут иметь значение для расследования, передаются в комиссию по расследованию.

В случае перегрузки воздушного судна обнаруженный на месте крушения багаж пассажиров необходимо произвести его взвешивание.

По положению вставших стрелок наручных часов членов экипажа и пассажиров можно определить фактический момент крушения.

Особый интерес при осмотре необходимо обратить на обнаружение, фиксацию и изъятие оружия, любого вида взрывчатых веществ, а также следов от выстрелов, взрывов и пожаров.

Обломки и части конструкции воздушного судна на которых имеются следы от выстрелов, взрывов, копоти необходимо изъять.

В протокол осмотра необходимо отразить сведения о месте выявления упомянутых предметов, с описанием внешнего вида, с обязательным фотографированием.

Изъятие контрольной звукозаписи.

Магнитная лента с записью переговоров, ведущихся между диспетчерами, а также между диспетчерами и экипажами самолетов имеет важную доказательную базу. Которое дает возможность установить разговорную речь пилотов, а также сведения о ситуации в полете, установить высоту и скорость полета и других обстоятельств наиболее вероятных оснований авиационного происшествия.

Звукозаписывающая аппаратура находится в командно-диспетчерском пункте. В журнале фиксируются данные о запуске и снятии ленты и ее номера, эта обязанность дежурного радиотехника.

Кроме того, следователю необходимо:

— совместно с комиссией принять участие в прослушивании записи переговоров, экземпляр расшифровки изъять и приобщить к материалам уголовного дела;

— в случае если магнитная лента претерпела серьезные нарушения и расшифровать её невозможно, то данную ленту после согласования с председателем комиссии направить в научно-исследовательскую организацию, для возможной расшифровки;

— с целью недопущения утери или порчи подлинной магнитной ленты перед отправкой ее на исследование необходимо переписать на другую ленту. Перед отправкой необходимо подготовить письмо, где следует указать, что после исследования подлинную магнитную ленту необходимо направить следователю для приобщения к уголовному делу;

— нужно выяснить у руководителя связи аэропорта, в районе которого случилось авиапроисшествие, где еще могли быть зафиксированы переговоры, например, магнитофонами командно-диспетчерских пунктов гражданских или военных ближайших аэродромов и изъять эти записи, организовать их прослушивание, а в случае важности разговоров приобщить их к материалам уголовного дела[1].

Фиксация результатов осмотра

Производится путем составления протокола осмотра места происшествия, фото- и видеосъемки этого места.

В протоколе осмотра места авиационного происшествия должны быть отражены как минимум следующие данные:

— координаты места происшествия относительно наземных и географических ориентиров:

а) координаты относительно сторон света;

б) высота (над уровнем моря);

в) расстояние от места происшествия до ближайшего аэродрома, города либо железной дороги;

— направление движения воздушного судна;

— окружающая местность и разрушения на ней, произведенные воздушным судном, а также повреждения, нанесенные взрывом и пожаром воздушного судна;

— следы соприкосновения воздушного судна с землей, особенно следы первого соприкосновения;

— месторасположение и состояние воздушного судна либо его частей и агрегатов;

— местонахождение трупов пассажиров и членов экипажа или их частей, а также их положение и состояние;

— местонахождение и состояние предметов, не являющихся частью воздушного судна (груза, пассажиров и членов экипажа, документов, оружия и др.);

— метеоусловия во время осмотра, а также метеоусловия в момент летного происшествия и в промежуток времени между ним и осмотром;

— данные судебно-медицинского исследования трупов;

— месторасположение и вид всех предметов и следов, имеющих значение для дела;

— что изъято с места происшествия.

Особый смысл для расследования авиационных происшествий имеют записи средств объективного контроля — бортовых аварийных самописцев и бортовых магнитофонов. Изъятие которых производится вместе с членами комиссии и отмечается в протоколе осмотра места происшествия. Источники информации передают комиссии для расшифровки. По окончании служебного расследования приобщаются к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств.

Особенности фотосъемки

Ориентирующая съемка проводится для фиксации общего вида места происшествия с обхватом окружающей обстановки с разных точек. Они выбираются так, чтобы на снимках можно было проследить траекторию полета воздушного судна и характер полученных им разрушений.

При панорамной съемке необходимо производить фотографирование так, чтобы место крушения находилось в центре снимка, составленного из отдельных фрагментов.

Ориентирующую съемку места крушения разумно производить с воздуха (с вертолета).

Обзорную съемку желательно производить с разных точек, как с земли, так и с воздуха, так как оно фиксирует место авиационного происшествия обособлено от окружающей обстановки.

В необходимых случаях надо выполнить несколько фотоснимков в направлении движения самолета и его обломков на земле, примерно через 20 метров. Это дает возможность увидеть, как судно двигалось, какие части, детали отделялись от него, как изменялась его траектория и где в последующем оно остановилось.

Узловая съемка разрешит зафиксировать крупным планом все участки местности с оставленными в результате происшествия следами, оставленными воздушным судном. Надо внимательно произвести фотографирование участков местности, в каких местах обнаружены части воздушного судна, обнаруженные при осмотре крушения.

При этом уделить особое внимание кабине пилотов и другим частям воздушного судна. Детальная фотосъемка необходима для фиксации крупным планом мелких деталей и следов.

Применение видеозаписи

Видеозапись применяется при ликвидации нездоровых последствий авиационного происшествия (извлечение из-под обломков раненых и трупов, освобождения транспортных магистралей от обломков воздушного судна и т.п.).

Запись разумно вести с одновременным комментированием увиденного.

Примерный комментарий во время видеозаписи: время, когда произошло происшествие, место крушения, тип воздушного судна, видимые повреждения, бортовой номер, маршрут полета, кому принадлежит судно, расстояние от трассы полета, следы первого касания воздушного судна о землю или иные препятствия и т.д.

Следом за ориентирующей производится обзорная, узловая и детальная съемки. Это:

а) местоположение трупов с комментариями судебно-медицинских экспертов.

Примерный комментарий: степень разброса трупов, их позы и характер повреждений;

б) фиксация обломков и элементов конструкции, подлежащих перемещению.

Примерный комментарий: техническое наименование, расположение по отношению к воздушному судну или центру места происшествия, состояние и характер повреждений, положение стрелок, индикаторов, выключателей, тумблеров, кранов и т.д.;

в) местонахождение бортовых самописцев;

г) видеозапись воздушного судна и его систем, выложенных на месте происшествия обломков и элементов конструкции[2].

Примерный комментарий: цель выкладки, кто ее производит, недостающие элементы конструкции, приборы, детали, их техническое наименование и состояние.

Таким образом, осмотр места происшествия по делам об авиационных катастрофах представляет определенную сложность в досудебном расследовании, так как требует специальных познаний работы авиационного транспорта. Для качественного осмотра места происшествия следует привлекать специалистов, имеющих специальные познания в области авиационной техники, а если авиапроисшествие связано с человеческими жертвами, то в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом необходимо привлечь специалиста в области судебной медицины.

Список использованной литературы:

1. А.И. Дворкина. Осмотр места происшествия: Практическое пособие. – М.: Юрист, 2000. – 336 с.
2. Нарикбаев Т.М. Осмотр места происшествия. – Астана: Фолиант, 2013. – 272 с.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Татьянина Л.Г., профессор кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», д.ю.н., профессор

Лукомская А.С., доцент кафедры уголовного процесса и правоохранительной деятельности ИПСУБ ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», к.ю.н.

Двадцать пять лет назад Россия провозглашена демократическим, федеративным, правовым, социальным, светским государством. Конституция Российской Федерации 1993 г. [1] – основной источник уголовно-процессуального права. Внедрение теории демократии и федерализма нашли свое отражение и в уголовном процессе России. Положения семидесяти статей Основного закона регламентируют права и свободы человека и гражданина, гарантии их реализации, с выраженной активной ролью системы правоохранительных органов и органов правосудия.

Конституция РФ предусматривает основные начала уголовного судопроизводства и общий конституционно-правовой статус потерпевшего.

Конституционно-правовые начала уголовного судопроизводства включают себя положения: осуществление правосудия только судом (ст. 118); независимость судей и подчинение их только Конституции РФ и федеральному закону (ст. 120); равноправие сторон и состязательность судопроизводства (ст. 124); принцип уважения достоинства личности и защиту ее государством (ст. 21); право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22); неприкосновенность частной жизни, защиту чести и доброго имени (ст. 23); неприкосновенность жилища (ст. 25); право обвиняемого (подозреваемого) в совершении преступления пользоваться помощью адвоката (ч. 2 ст. 480; презумпция невиновности (ст. 49); недопустимость при осуществлении правосудия использования доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50); право осужденного на пересмотр приговора вышестоящим судом (ч. 3 ст. 50); свидетельский иммунитет (ст. 51).

Общий конституционно-правовой статус (из которого берет начало отраслевой, уголовно-процессуальный статус) потерпевшего, включающий в себя систему прав и обязанностей: признание прав и свобод высшей ценностью (ст. 2); основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения (ч. 2 ст. 17); признание, соблюдение и защита прав и свобод обязанность государства (ст. 2); гарантию судебной защиты прав и свобод (ст. 46); право на охрану от преступлений и злоупотреблений властью (ст. 52); право на обеспечение доступа к правосудию (ст. 52); право на обеспечение компенсации причиненного ущерба (ст. 52).

В основу конституционно-правового, а также уголовно-процессуального статуса потерпевшего легли положения международных договоров и соглашений.

Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. провозглашает право каждого человека «на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом» [2].

В Международном пакте о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 г. в ч. 3 ст. 2 закрепляется обязанность каждого государства, участника Пакта: «a) обеспечить любому лицу, права и свободы которого, признаваемые в настоящем Пакте, нарушены, эффективное средство правовой защиты, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве; b) обеспечить, чтобы право на правовую защиту для любого лица, требующего такой защиты, устанавливалось компетентными судебными,

административными или законодательными властями или любым другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства, и развивать возможности судебной защиты; с) обеспечить применение компетентными властями средств правовой защиты, когда они предоставляются».[3]

Нормы Европейской конвенции о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений от 24 ноября 1983 г. (ETS N 116) посвящены защите жертв умышленных насильственных преступлений, подвергнувшихся покушению на их физическое состояние или здоровье, или лиц, которые находились на попечении лиц, погибших в результате преступления; разработке и внедрению системы возмещения государством ущерба пострадавшим на той территории, где были совершены эти преступления, особенно в тех случаях, когда преступник неизвестен или не имеет средств; разработке элементарных положений в рассматриваемой области [4]

Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью от 29 ноября 1985 г. определяет понятие жертвы, выделяет его признаки и виды.[5] Опираясь на Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 28 июня 1985 г. N R (85) 11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» [6], Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права от 25 июля 2005 г. и др., необходимо отметить, что международные нормы определяют важной функцией уголовного правосудия охрану законных интересов потерпевшего, уважение его достоинства, повышение доверия потерпевшего к уголовному правосудию.

В основе реализации конституционно-правового статуса (общего), а также уголовно-процессуального статуса (отраслевого) потерпевшего лежит принцип правовой защищенности, который предусматривает:

1) взаимную ответственность государства и личности;

2) особый тип правового регулирования и форму правоотношений;

3) устойчивый и стабильный характер конституционно-правового статуса;

4) систему правовых гарантий осуществления конституционно-правового статуса.

Взаимная ответственность государства и личности является одним из принципов идеи «правового государства». И. Кант формулировал эту идею так, что каждый гражданин должен обладать той же возможностью принуждения в отношении властвующего к точному и безусловному исполнению закона, что и властвующий в его отношении к гражданину [7].

В уголовно-процессуальном праве этот принцип находит отражение в возможности реализации права потерпевшего, предусмотренного ч. 2 ст. 46 Конституции РФ, на обжалование в суде действий (бездействий) и решений государственных органов и должностных лиц: прокурора, следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания.

Особый тип (порядок) правового регулирования уголовного процесса представляется как совокупность специфических способов воздействия на уголовно-процессуальные отношения между участниками, путем установления субъективных прав и возложения юридических обязанностей.

С учетом принятых в праве общедозволительного («разрешено все, кроме прямо запрещенного законом») и специальнодозволительного («запрещено все, кроме прямо разрешенного законом») типов правового регулирования, можно утверждать, что они в различной степени характерны и проявляются в обладающих публично-правовым характером уголовно-процессуальных отношениях.

Государственные органы и должностные лица могут осуществлять действия и принимать решения в границах закона и с учетом дискреционных полномочий (от франц. «discretionnaire» зависящий от личного усмотрения). Положения ст. 17 УПК РФ определяют, что судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают до-

казательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью.

Применение в уголовно-процессуальном праве общедозволительного типа правового регулирования можно рассмотреть через призму разграничения принципов верховенства права (Rule of Law) и верховенство закона (Rule by law). Такой подход дискуссионный, но позволяет заключить, что права потерпевшего в уголовном судопроизводстве не ограничиваются прямо предусмотренными уголовно-процессуальным законом.

Форму уголовно-процессуального правоотношения составляют субъективные юридические права и юридические обязанности, принадлежащие его участникам. Содержание уголовно-процессуального правоотношения – это фактическое взаимодействие (уголовно-процессуальная деятельность) его участников, осуществляемое в соответствии с их правовым положением (правами и обязанностями). Особая форма уголовно-процессуальных отношений обусловлена природой уголовно-процессуальной деятельности – регламентированной законом деятельности специально управомоченных судебных и правоохранительных органов государства и должностных лиц, содержанием которой является выявление, раскрытие, расследование и рассмотрение уголовных дел.

Целью такой деятельности является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод как посредством уголовного преследования и назначения виновным справедливого наказания, а также в равной степени через отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Одни из главных свойств конституционного статуса гражданина – *устойчивость и стабильность*, которые напрямую зависят от такого свойства Основного закона как «жесткость». Основы правового статуса личности в Российской Федерации и не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном Конституцией РФ (ст. 64) и др. Основной закон предусматривает сложный порядок пересмотра статей главы 2 «Права и свободы человека и гражданина». Согласно ст. 135 Конституции РФ положения главы 2 не могут быть изменены. Неизменность или необходимость разработки проекта новой Конституции РФ принимается Конституционным Собранием или выносится на всенародное голосование.

Система правовых гарантий осуществления конституционно-правового статуса гражданина включает в том числе и отраслевые уголовно-процессуальные гарантии, которые представляют собой положения, обеспечивающие реальную возможность осуществления участниками своих процессуальных прав.

Потерпевший как ключевой участник уголовно-процессуальных отношений особенно нуждается в системе уголовно-процессуальных гарантий. Несмотря на то, что национальное уголовно-процессуальное законодательство поэтапно приводится в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, и положения ФЗ от 05.06.2007 N 87-ФЗ [8], от 29.12.2010 N 433-ФЗ [9], от 28.12.2013 N 432-ФЗ [10], от 30.03.2015 N 62-ФЗ [11] значительно расширили правовое положение потерпевшего как участника уголовного процесса, все же его основные конституционные права и свободы в уголовном судопроизводстве остаются недостаточно защищенными.

Одной из причин такой незащищенности является невозможность реализации отдельных конституционных прав прямо и непосредственно, без преодоления таких препятствий как:

- отсутствие конкретизации закрепленного конституционного права;
- отсутствие механизма реализации регламентированного конституционного права;
- возможное нанесение ущерба интересам третьих лиц;
- отсутствие экономических условий в государстве;
- отсутствие политической воли государства в лице конкретных органов и должностных лиц;
- неготовность органов правосудия формировать правоприменительную практику обеспечения конституционных прав и др.

Примером такой ситуации может послужить конституционное право потерпевшего на обеспечение государством компенсации причиненного преступлением ущерба.

Еще И.Я. Фойницкий полагал, «В интересах государства не только наказать преступника, но и вознаградить потерпевшего от преступления», и эта «задача нередко даже важнее первой, так как для государства весьма важно, чтобы никто не пользовался плодами преступления», «потерпевший от преступления находится обыкновенно в положении более тяжелом и невыгодном, чем потерпевший от гражданского правонарушения; заставить его вынести на своих плечах последовательно и отдельно сначала уголовный, потом гражданский процессы значило бы еще более затруднить ему защиту перед судом своих прав и интересов» [12, 74-75]

Конституционное право потерпевшего на обеспечение государством компенсации причиненного преступлением ущерба исходит из положений Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью [13], предусматривающей, что лица, которым в результате преступного деяния причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав, имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством (пункт 4).

Согласно ст. 13 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. государства обязаны обеспечить каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, выплату компенсации [14]

Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права [15] гарантируют указанным лицам доступ к правосудию, а также адекватное, реальное и быстрое возмещение понесенного ущерба.

При том, что Россией приняты перечисленные выше международные правовые акты и согласно ч. 4 ст. 15 Конституции признаются частью ее правовой системы, их положения в полной мере не реализуются.

Государство в этом вопросе высказывает свою позицию в Определении Конституционного Суда РФ от 28 июня 2012 г. N 1258-О [16] указывая, что «посредством использования механизмов уголовно-процессуального регулирования, предполагающих обязанность органов предварительного расследования при выявлении признаков преступления возбуждать уголовные дела, осуществлять от имени государства уголовное преследование по делам публичного и частно-публичного обвинения, обеспечивая тем самым неотвратимость ответственности виновных лиц и защиту прав лиц, пострадавших от преступлений».

В отличие от большинства европейских государств, границы обязанности российского государства компенсировать причиненный потерпевшему преступлением вред пролегают через обеспечение надлежащего правосудия и не предполагают возмещение вреда за счет бюджетных или иным образом привлеченных средств, за отдельным исключением [17].

В заключение настоящей статьи авторы приходят к выводу о необходимости скорейшего преодоления препятствий реализации конституционных прав потерпевшего и совершенствования механизма защиты прав потерпевшего от преступления в уголовном судопроизводстве, который как система правовых средств и методов должен включать в себя:

- цели и задачи уголовно-процессуальной деятельности по защите прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве;
- стройную и логически последовательную регламентацию правового положения потерпевшего;
- гарантии, реально обеспечивающие защиту прав потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

Список использованной литературы:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс.

2. «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС КонсультантПлюс.

3. «Международный пакт о гражданских и политических правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс.

4. «Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений» (ETS N 116) [рус., англ.] (Заключена в г. Страсбурге 24.11.1983) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс.

5. «Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью» (Принята 29.11.1985 Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс.

6. Рекомендация N R (85) 11 Комитета министров Совета Европы «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» (Принята 28.06.1985) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс.

7. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Кант И. Критика практического разума. С. 288–290.

8. Федеральный закон от 05.06.2007 N 87-ФЗ (ред. от 22.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс.

9. Федеральный закон от 29.12.2010 N 433-ФЗ (ред. от 31.12.2014) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс.

10. Федеральный закон от 28.12.2013 N 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс.

11. Федеральный закон от 30.03.2015 N 62-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс.

12. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб.: Изд-во «Альфа», 1996. С. 74-75.

13. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью (утверждена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/34 от 29 ноября 1985 года) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс.

14. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [N 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом N 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс.

15. «Основные принципы и руководящие положения, касающиеся права на правовую защиту и возмещение ущерба для жертв грубых нарушений международных норм в области прав человека и серьезных нарушений международного гуманитарного права» (Приняты 25.07.2005 Резолюцией 2005/30 на 36-ом пленарном заседании Экономического и Социального Совета ООН) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс.

16. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 N 1258-О «По жалобе гражданина Тищенко Константина Михайловича на нарушение его конституционных прав положением части 1 статьи 1 Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс.

17. Исключение составляет компенсация вреда, причиненного в результате совершения терроризма. (Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О противодействии терроризму» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: СПС КонсультантПлюс.

ПОСЛЕДСТВИЯ КАК КРИМООБРАЗУЮЩИЙ ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 267 УК РФ

Таюрская Е.А.

Одним из обязательных признаков объективной стороны приведения в негодность транспортных средств и путей сообщения являются преступные последствия. В части 1 ст. 267 УК РФ в качестве таковых определены вред здоровью человека и имущественный ущерб. Действующий уголовный закон отказался от использования традиционного термина «телесные повреждения», которым оперировал до вступления в силу современного УК РФ и предусматривает ответственность именно за причинение вреда здоровью.

Кримообразующим признаком является последствие в виде тяжкого вреда здоровью, признаки которого указаны в диспозиции ст. 111 УК РФ. Для уяснения данных признаков правоприменителю надлежит обратиться к Постановлению Правительства РФ от 17.08.2007 N 522 «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», Приказу Министерства здравоохранения и социального развития РФ (Минздравсоцразвития России) от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».[1]

Согласно данным нормативным актам вред, причиненный здоровью человека, определяется в зависимости от степени его тяжести (тяжкий вред, средней тяжести вред и легкий вред) на основании квалифицирующих признаков, предусмотренных п. 4 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, и в соответствии с медицинскими критериями определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утверждаемыми Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

Для определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, достаточно наличия одного из квалифицирующих признаков. При наличии нескольких квалифицирующих признаков тяжесть вреда, причиненного здоровью человека, определяется по тому признаку, который соответствует большей степени тяжести вреда.

Степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, определяется врачом - судебно-медицинским экспертом медицинского учреждения либо индивидуальным предпринимателем, обладающим специальными знаниями и имеющим лицензию на осуществление медицинской деятельности, включая работы

Объектом судебно-медицинской экспертизы является живое лицо, либо труп (его части), а также материалы дела и медицинские документы, предоставленные в распоряжение эксперта в установленном порядке.

Медицинские документы должны быть подлинными и содержать исчерпывающие данные о характере повреждений и их клиническом течении, а также иные сведения, необходимые для проведения судебно-медицинской экспертизы.

При необходимости эксперт составляет ходатайство о предоставлении ему дополнительных материалов, по получении которых проведение судебно-медицинской экспертизы возобновляется.

В случае возникновения необходимости в специальном медицинском обследовании живого лица к проведению судебно-медицинской экспертизы привлекаются врачи-специалисты организаций, в которых имеются условия, необходимые для проведения таких обследований.

При проведении судебно-медицинской экспертизы в отношении живого лица, имеющего какое-либо предшествующее травме заболевание либо повреждение части тела с полно-

[1] Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ (Минздравсоцразвития России) от 24 апреля 2008 г. № 194н (в ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета. № 4745. 2008. 5 сентября.

стью или частично ранее утраченной функцией, учитывается только вред, причиненный здоровью человека, вызванный травмой и причинно с ней связанный.

Так же преступные последствия могут быть представлены в виде имущественного ущерба. Законодатель определил его термином «крупный ущерб». На сегодняшний день доктриной разработано несколько подходов к определению «крупного ущерба». Первый из них предлагает определять данное преступное последствие в виде фактического уничтожения или полного разрушения транспортного средства, которое делает экономически невыгодным его восстановление, вследствие неоправданно завышенных финансовых, энергетических и иных затрат.

Второй подход позволяет определить крупный ущерб как уничтожение или повреждение транспортных средств, в результате которых оно не может быть использовано по прямому назначению в течение длительного времени и требует восстановления и проведения ремонтных работ, влекущих большие финансовые вложения.

И наконец, третий подход позволяет определить «крупный ущерб» как крупный организационный вред, который выражается в дезорганизации движения транспортных средств на более или менее продолжительный срок, простой вагонов, перерыв в движении судов, поездов, самолётов, загромождение фарватера или взлётно-посадочной полосы, повреждение или уничтожение аэронавигационных, гидрографических или гидротехнических сооружений, загрязнение обширных пространств природной среды, гибель флоры и фауны и т.п. [6].

Однако законодатель не принял позицию теоретиков и установил легальное толкование «крупного ущерба», фактически сузив возможные границы применения данной уголовно-правовой нормы.

Его размер определен в примечании к анализируемой статье, согласно которому крупным признается ущерб, сумма которого превышает один миллион рублей.

Считаем необходимым отметить, что имущественный ущерб выступает критерием дифференциации ответственности, лежащим в основе правовой оценки деяния, совершенного виновным лицом.[1] При совершении действий, образующих объективную сторону, без наступления последствий обозначенных в ст. 267 УК РФ ответственность по нормам уголовного законодательства исключается, но лицо может быть привлечено к гражданской, административной, дисциплинарной ответственности. Так, например, гр. Гизатуллин А.Р. совершил административной правонарушение при следующих обстоятельствах: Гизатуллин А.Р. активно участвовал в блокировании транспортных коммуникаций, а именно воспрепятствовал проезду строительной техники (фронтального погрузчика по временной автомобильной подъездной дороге, примыкающей к автомобильной дороге общего пользования) на эксплуатационном километре слева по ходу километража, путем остановки движущегося транспорта непосредственно из-за расположения Гизатуллин А.Р. на временной автомобильной проездной дороге перед строительной техникой с целью прекращения движения указанной строительной техники к транспортным коммуникациям ООО «Кроношпан-Башкортостан», чем нарушил право пользования ООО «Кроношпан-Башкортостан» указанной временной автомобильной дорогой предназначенной для обеспечения собственных нужд связанных со строительством завода по производству древестностружечных плит. Не смотря на предупреждение сотрудника полиции о необходимости прекращения противоправных действий и об ответственности, в случае если он не прекратит свои действия (с разъяснением статьи 267 УК и 20.18 КоАП РФ), Гизатуллин А.Р. на предупреждения не реагировал. Своими действиями, выразившимися в активном участии блокировании дороги, Гизатуллин А.Р. нарушил право пользования ООО «Кроношпан-Башкортостан» временной автомобильной дорогой предназначенной для обеспечения собственных нужд связанных со строительством завода по производству древестностружечных плит.

[1] Демидова Л.Н. Структура имущественного ущерба в уголовном праве Украины // Актуальные проблемы российского права. 2013. N 11. С. 1448

Судом действия Гизатуллина А.Р. следует квалифицировать по ст . 20.18 КоАП РФ, как активное участие в блокировании транспортных коммуникаций.[1]

На основании сказанного можно заключить, что имущественный ущерб, фактически причиненный в результате преступления может быть выражен лишь прямым ущербом, т.е. стоимостью того имущества, которое было разрушено, приведено в непригодное состояние. Речи об упущенной выгоде в рамках настоящего состава быть не может. Однако данные негативные последствия могут быть возмещены потерпевшим в рамках гражданского судопроизводства.

[1] Постановление № 5-271/2014 от 25 апреля 2014 г. Уфимский районный суд (Республика Башкортостан) // http://sudact.ru/regular/doc/qMTZ15JDcfK/?regular-txt=ст.+267+ук+рф+блокировании&regular-case_doc

О МИРОВОМ ОПЫТЕ ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО МОНИТОРИНГА ПОДКОНТРОЛЬНЫХ ЛИЦ

Тимофеева Е.А., заместитель начальника СЮИ ФСИН России по научной работе, старший научный сотрудник отдела изучения отечественного и зарубежного опыта, истории УИС, сравнительного анализа пенитенциарного законодательства НИИ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент, полковник вн. службы

По оценочным данным экспертов, более 200 тысяч нарушителей закона в мире носят электронные браслеты[1]. Последнее десятилетие около 60 стран мира активно используют систему электронного мониторинга как альтернативную меру исполнения наказания [1].

В *России* условия и правовые основания применения СЭМПЛ появились относительно недавно, хотя домашний арест известен российскому праву еще со времен Устава уголовного судопроизводства 1864 г. Предусмотренная Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР 1923 г. данная мера достаточно широко применялась. После ее исключения из УПК РСФСР 1960 г., ее вновь закрепили в 2002 г. в ст. 107 УПК РФ. В этой же статье, в редакции от 7 декабря 2011 г., содержится указание на возможность использования аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, перечень и порядок применения которых определяются Правительством Российской Федерации [2].

Специалисты ФСИН России с 2001 г. приступили к изучению мировой практики использования электронных видов слежения и контроля над осужденными, взяв за основу опыт США, где система электронного мониторинга применяется с 1983 г., Великобритании (с 1989 г.), Швеции (с 1994 г.), Нидерландов (с 1995 г.), Франции (с 1997 г.) [3, 29] и др.

В данной статье мы предпримем попытку анализа современного опыта применения СЭМПЛ в таких зарубежных странах как: США, Великобритания, Швеция, Эстония, Нидерланды, Германия, Австрия, Франция, Израиль, Таиланд и Китай.

Изобретен электронный браслет был в 1950-х гг. учеными Гарвардского университета. Идея поставить на службу контроля за правонарушителями достижения телекоммуникационных технологий принадлежит Джеку Лаву (американский судья). В 1983 г. он прочитал популярный комикс о Человеке-пауке. В нем главный враг нацепил на руку супергероя громный браслет, чтобы выследить его. Данный способ отслеживания так понравился судье, что он предложил воплотить его в реальность. Через 15 лет было уже известно о более чем 130 тыс. случаях применения браслетов на территории США[5, с. 88-94].

Анализ опыта применения электронного мониторинга в *США* показывает, что он регламентирован различными законодательными актами, при этом случаи и порядок его применения значительно отличаются в разных штатах. Электронный мониторинг устанавливается по решению судьи в качестве меры наказания за незначительные правонарушения – как мера, дополняющая залог до начала суда, а также как мера контроля за условно-досрочно освобожденными преступниками. Максимальный период мониторинга не определен. По закону приговоренные к небольшим срокам лишения свободы американцы имеют право ходатайствовать перед судьей о замене им тюремного заключения на «электронный домашний арест». Их электронные браслеты периодически передают сигналы в полицейский участок, что позволяет контролировать пребывание осужденных по месту жительства в определенные часы суток и при этом предоставляет возможность отлучаться из дома на время работы. По результатам проводимых исследований, более 150 тысяч американцев носят «браслеты» [4, с. 80-88]. В последние годы для контроля за преступниками все чаще используются специальные «GPS-браслеты», которые позволяют полиции с помощью спутников следить за всеми передвижениями их носителя.

Наибольшим опытом использования электронных браслетов среди европейских стран обладает *Великобритания*. Так, только в 2008 году «браслеты» носили около 20 000 несовершеннолетних правонарушителей в возрасте от 15 до 17 лет. По английским законам приговорить к ношению «браслета» можно с 10-летнего возраста [5, с. 89].

В качестве проблемных вопросов применения СЭМПЛ можно отметить тот факт, что подсудимые в Великобритании обязаны не только носить на теле электронный датчик, но и 5 раз в день звонить в компанию, его установившую. При этом им запрещено пользоваться компьютером и мобильным телефоном. Некоторых особо опасных арестантов за пределами домашних стен сопровождают полицейские, имеющие право беспрепятственно входить в их дом.

В качестве перспектив дальнейшего применения СЭМПЛ в Великобритании, Франции, а также в некоторых других странах можно отметить уже разработанные проекты по закреплению электронных браслетов не только у лиц, досрочно (условно) освобожденных, но и у тех, кто отбыл свой срок за преступление, считающееся общественно опасным (например, педофилия, убийство и т.д.).

В *Германии* решение о переводе заключенных под электронный «домашний арест» принимается прокуратурой, преимущественно по просьбе самих заключенных. Причем выбрать браслеты могут не только заключенные на небольшие сроки, но и все, кто может рассчитывать на условно-досрочное освобождение [6].

Опыт *Швеции* в применении электронных браслетов составляет более 8 лет. Там браслеты и тотальный контроль на дому вместо тюрьмы могут выбрать те граждане, которых приговаривают к срокам до 3 месяцев. Это касается, прежде всего, тех, кто совершил мелкую кражу или нарушение правил дорожного движения, а также лиц, замеченных в домашнем насилии [7].

Введение мониторинга показывает, что число заключенных, содержащихся в тюрьмах Швеции, сократилось на 20 %. В настоящее время, в данной стране система электронного мониторинга ежегодно применяется примерно к 6 000 человек. В Швеции (а также в Нидерландах) электронный мониторинг в обязательном порядке сочетается с программой реабилитации и возвращения осужденного в общество после исправления.

В *Австрии* СЭМПЛ стали применять с 2008 г. Электронные браслеты решили надевать на тех условно-досрочно освобожденных, которых приговаривали на сроки до 3 лет [7]. Принцип работы системы электронного слежения за осужденным един, но в зависимости от наложенных судом ограничений используются разные виды контроля.

Электронный браслет в Австрии − обязательная часть устройства для всех видов слежения. По форме браслет не отличается от обычных электронных часов и состоит из прочного ремешка с тепловым датчиком и передатчиком. Тепловой датчик обязывает подконтрольного носить браслет только на теле, а не в кармане брюк или рубашки, а радиопередатчик фиксирует любую попытку снять его. Браслет нельзя снять или перепрограммировать, устройство реагирует на разрыв или прекращение тепла от тела. При попытке его снятия на экране монитора оператора слежения появляется сигнал о нарушении.

В *Эстонии* с 2006 г. заключенные могут досрочно выйти из тюрьмы, надев электронные браслеты. В указанном государстве принят закон, позволяющий использовать систему электронного контроля над заключенными, освобожденными условно-досрочно. В качестве эксперимента подобный вид замены наказания начали использовать также во Франции, Швейцарии, Южной Корее [7].

Анализ зарубежного опыта показывает, что возможности развития системы электронного мониторинга не исчерпываются реализацией меры пресечения в виде домашнего ареста и наказания в виде ограничения свободы: в разных странах электронные браслеты имеют различные сферы применения.

Так опыт *Франции* свидетельствует о том, что электронные браслеты эффективно используются для предупреждения семейного насилия. Правительство предложило использовать электронные браслеты для наблюдения за мужчинами, склонными к насилию. Это позволило наблюдать за неблагонадежным субъектом, чтобы он не приближался к жертве бли-

же, чем, например, на 400 метров. Слежение ведется круглосуточно посредством использования контрольного экрана [3]. Подобная практика также уже применяется и в Испании.

В общем, во Франции считается, что установление электронного контроля позволяет поднадзорным лицам продолжать работать, учиться, повышать профессиональную подготовку, осуществлять стажировку или временную работу, поиск работы, участвовать в семейных делах, получать медицинское лечение, участвовать в разнообразных проектах по ресоциализации с целью уменьшения возможности рецидива.

В соответствии с законом от 15 августа 2014 г. об индивидуализации и усилении эффективности наказания установлен постоянный контроль за лицами, осужденными один или несколько раз к лишению свободы в совокупности менее 5 лет. В случае отбытия 2/3 срока наказания они имеют право по решению суда быть условно освобождены. Такое условное освобождение также может осуществляться при установлении электронного контроля.

Во Французской Республике получила распространение аналогичная применяемой в США система постпенитенциарного надзора с использованием специальных «GPS-браслетов», которые позволяют полиции с помощью спутников следить за всеми передвижениями их носителя. Электронные браслеты носят и условно освобожденные из мест заключения.

Вне зависимости от целей (замена наказания, условное освобождение, предварительное заключение) электронный браслет устанавливается на щиколотке в пенитенциарном учреждении или службе пробации. Сотрудник устанавливает передающее устройство в доме и подключает питание. Если осужденный выходит из дома в неустановленное для него время, то на устройство перестает поступать информация и на пульте управления срабатывает тревога. После поступления тревоги оператор звонит по телефону, а потом извещает судью и службу пробации. Сотрудники службы пробации берут от подконтрольного лица объяснение. В случае необходимости судья может прекратить применение электронного браслета[8].

В *Нидерландах* электронные браслеты используются сотрудниками пенитенциарной системы для обеспечения безопасности внутри тюрем. В экспериментальном пенитенциарном учреждении, расположенном в городе Лелистад (около Амстердама), рассчитанном на 150 заключенных, работают только 6 надзирателей, поскольку все здесь контролируется техникой. Каждому заключенному на запястье надевается электронный браслет, напоминающий большие наручные часы, позволяющий отслеживать на экране все передвижения по тюрьме [7].

Новая Зеландия также широко применяет электронный мониторинг для лиц, не совершивших особо тяжких преступлений. По неофициальным данным, ежегодно к домашнему заключению на срок от нескольких недель до 6 месяцев приговариваются около 5 000 человек. Для заключенного заранее определяются места, которые ему запрещено посещать, и сигнал тревоги срабатывает только в том случае, если он приближается к такой запретной зоне. Во всех остальных случаях заключенный может чувствовать себя совершенно свободно [3, 29].

Опыт *Израиля* демонстрирует эффективную работу СЭМПЛ уже более 11 лет. Наказания с применением систем мониторинга в стране отбывают более 5 тысяч осужденных. Применяемые в Израиле электронные браслеты предоставляются только лицам, поведение которых не вызывает опасений относительно их несанкционированной смены места пребывания. Они проходят ряд психологических и прочих проверок, проводимых в том числе и социальными работниками. В Израиле приблизительно 1800 человек находятся под домашним арестом, что, конечно, сокращает расходы государства на содержание заключенных[9].

Таиланд в настоящее время активно внедряет в стране систему электронного мониторинга, практически ничем не отличающуюся от упрощенной англо-американской системы и рассчитанную исключительно на разгрузку тюрем за счет перевода под домашний арест лиц, которым суд отказал в праве выхода под залог до суда; лиц, впервые совершивших преступления и приговоренных к небольшим срокам тюремного заключения, а также заключенных, содержащихся в тюрьмах с облегченным режимом.

В Китае электронные браслеты являются новшеством. Опыт применения около 3-х лет. Наибольшее распространение они получили в Шанхайском регионе, где в специальных центрах для контроля за осужденными электронные браслеты проходят апробацию и внедрение не более 2 лет.

На учете в вышеуказанных центрах состоят следующие категории: 1) осужденные условно; 2) освобождающиеся из тюрем; 3) осужденные к домашнему аресту; 4) больные игроманией; 5) осужденные за совершение насилия в семье и педофилы; 6) склонные к совершению повторных преступлений; 7) лица, которые не могут отбывать наказание в тюрьме по состоянию здоровья и т.д. [10, 54].

Показательно, что производство браслетов организовано непосредственно в Китае. Браслеты носятся исключительно на руке. Они представляет собой смарт-часы, определенные решением суда для ношения подконтрольным лицам. В случае поломки изделия его стоимость государству возвращает поднадзорное лицо.

Часы отображают время, информацию о местоположении объекта. При разрушении электронного браслета, если объект находится вне обозначенных границ, вне линии наблюдения, оператор, наблюдающий за подконтрольным лицом, получает предупреждение. Электронный браслет работает с использованием возможностей спутниковой связи в режиме реального времени, что позволяет четко отслеживать траекторию движения подконтрольного лица. Электронный браслет издает различные звуковые сигналы в случае низкого заряда батареи или сбоев в работе. Модель электронного браслета основана на ультранизком энергопотреблении программного обеспечения (технология запатентована). Рабочее время браслета – 3–5 дней. Когда заряд смарт-часов становится низким, пользователь узнает об этом через вибрацию и соответствующий сигнал. При разработке данной модели были использованы международные передовые нанотехнологии, благодаря чему электронный браслет является пылезащитным и водонепроницаемым. Однако его использование в сауне, при длительном плавании или дайвинге все же производителем не рекомендуется [10,54].

Подводя итоги, подчеркнем, что популярность вышеуказанной системы надзора в мире выросла настолько, что во многих странах применение электронных браслетов стало единственной мерой ограничения для целого ряда преступников – мелких грабителей, мошенников, хулиганов, угонщиков автомобилей. Это способствует сокращению числа осужденных, содержащихся в тюрьмах, исправительных учреждениях, и снижению рецидива преступлений. Примерно по такому же пути развития идут и некоторые государства на территории постсоветского пространства: Украина, Республика Беларусь и др.

В заключении, отметим, что интеграция зарубежных инноваций в пенитенциарную систему России позволит расширить сферы применения СЭМПЛ, уменьшить количество лиц, отбывающих наказания в исправительных учреждениях, и существенно снизить нагрузку на правоохранительную и судебную системы.

Список использованной литературы:

[1] Бодня Т. Ордер на расправу [Электронный ресурс] // Материалы сайта Международного агентства информационных расследований (МАИР).– URL: http://mair.in.ua/inquest/show/id/12495 (дата обращения: 16.03.2017).

[2] См.: Уголовно-исполнительные инспекции: 95 лет на службе России (история и современность) / Буклет. – М.: ФСИН России, 2014. – С. 20.

[3] Александров Ю. Электронный мониторинг за рубежом // Преступление и наказание. – 2010. – № 3. – С. 29.

[4] Sergevnin V. (2010) The USA county and municipal management of the correctional institutions under budget deficit. In: Modernization of the state and municipal management: history, present day and prospects. International conference proceedings. Russian Academy of Public Administration under the President of Russian Federation, Vladimir, Russian Federation, November 19, 2010. – P. 80–88.

[5] Тимофеева Е. А., Мотин О. А. К вопросу о зарубежной практике применения системы электронного мониторинга подконтрольных лиц // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 4 (28). – С. 88–94.

[6] Гусев Д. Свирепых мужей «закуют» в электронные браслеты («Radio France Internationale», Франция) [Электронной ресурс] // По материалам сайта «Радио «Голос России» 27.02.2010, 00:53. – URL: http://rus.ruvr.ru/2010/02/27/4870176.html (дата обращения: 16.02.2015).

[7] Архипов А. Система электронного слежения и устройство браслетов [Электронный ресурс] // Электронное периодическое издание «Российское агентство правовой и судебной информации (РАПСИ)». – URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20100114/204466422.html#ixzz3GH3iGBHY (дата обращения: 16. 01.2018).

[8] Установление электронного контроля // http://www.justice.gouv.fr/prison-et-reinsertion-10036/la-vie-hors-detention-10040/le-placement-sous-surveillance-electronique-11997.html (дата обращения: 16. 01.2018).

[9] Комментарий заместителя министра внутренних дел Израиля Ф. Киршенбаум в ст.: Прокопенко А. Электронные браслеты: проверка на прочность // Судебно-юридическая газета. – 2013. – № 33 (201). – 23 августа.

[10] Тимофеева Е. А., Вилкова А.В. Деятельность пенитенциарных учреждений и подготовка кадров в пенитенциарной системе Китайской Народной Республики (на примере Шанхайского региона): аналитические материалы Самара, Самарский юридический институт ФСИН России, 2017. – 83 с.

О РЕФОРМИРОВАНИИ ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Титов А.Н., адвокат, кандидат юридических наук, доцент

Статья 3 Конституции Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) определяет человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью Донецкой Народной Республики, ее государственных органов и должностных лиц [1].

Одним из приоритетных условий обеспечения соблюдения основополагающих прав человека является наличие в государстве эффективного механизма регулирования деятельности государственных органов, на которые возложено осуществление досудебного расследования преступлений.

В текущее время законодательное регулирование деятельности органов предварительного следствия, как и всей уголовно-процессуальной сферы в ДНР характеризуется отсутствием системности и противоречивостью. Расследование преступлений осуществляется следственными подразделениями органов прокуратуры, органов внутренних дел, органов государственной безопасности и органов доходов и сборов. Такое положение, в условиях активного становления государственности и состояния длящегося вооруженного конфликта, приводит к отсутствию единого подхода к ведению следствия, подотчетности и подконтрольности различным министерствам и ведомствам, неэффективности использования кадровых и материально-технических ресурсов, что опосредует занижение качества предварительного расследования.

Процессуальная деятельность органов досудебного расследования регулируется рядом подзаконных нормативных правовых актов, в том числе Постановлениями Совета Министров и Указами Главы ДНР, которыми внесены изменения в действующий на территории Республики Уголовно-процессуальный кодекс УССР от 28 декабря 1960 года: разделы 1-8 - по состоянию законодательства на 29 июня 2001 года; раздел 9 (посвященный международному сотрудничеству по уголовным делам) - по состоянию законодательства на 10 июля 2011 года [2]. Такая разрозненность и нарушение иерархии нормативно-правовых актов приводит к многочисленным коллизиям, сложностям в правоприменении.

Четырехлетняя практика деятельности органов предварительного следствия и органов прокуратуры ДНР показала необходимость более четкого разграничения функций прокурорского надзора и предварительного следствия. Функционирование органа, занимающегося предварительным расследованием преступлений, вне системы прокуратуры, органов внутренних дел, органов государственной безопасности и органов доходов и сборов создаст необходимые условия для эффективной реализации полномочий прокуроров по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия, усилению судебного контроля, позволит повысить объективность следствия, обеспечит законность в сфере уголовного судопроизводства и соблюдение конституционных прав граждан.

Впервые идея создания единого следственного аппарата получила реальное развитие в материалах XIX партийной конференции и во многом была обусловлена получившими широкое общественное звучание событиями, связанными с расследованием уголовных дел о хищениях и коррупции в Узбекистане и ряде других республик СССР.

В 1988-1989 гг. МВД СССР проведен эксперимент по самостоятельному функционированию следственных подразделений в ряде краев, областей, однако реальных положительных результатов достигнуто не было.

Идея единого следственного аппарата была наиболее полно реализована в 1995 году в Казахстане, где одномоментно был образован Государственный следственный комитет (далее - ГСК), который обеспечивал расследование всех категорий уголовных дел. Одной из причин его создания явилась невозможность обеспечения на основании действующего в рес-

публике законодательства процессуальной самостоятельности следователей и независимости следственного аппарата от местных органов власти и управления. В ГСК вошли все оперативные и экспертные службы МВД, а также другие обслуживающие его деятельность организации и учреждения [4, 49]. Однако при создании ГСК не был проведен тщательный анализ складывающейся политической ситуации в связи с выделением следствия в обособленную структуру, не был сделан прогноз дальнейшего ее развития. В результате ГСК, противопоставив себя другим правоохранительным ведомствам, остался без их поддержки и породил дополнительную межведомственную разобщенность. Опыт создания и недолгого функционирования в Казахстане самостоятельного следственного аппарата, упраздненного 5 ноября 1997 года, показал, что поспешность в создании ГСК привела к частичному разрушению существовавшей системы расследования преступлений и снижению уровня контроля государства над осуществлением единой уголовной политики [4, 4].

В соответствии с Приказом МВД Украины от 26 марта 2002 года № 295 «О проведении эксперимента по апробации новой системы подчиненности следственных подразделений органов внутренних дел Украины» [5] в Донецкой, Киевской, Одесской областях Украины и в Крыму с апреля 2002 года проводился эксперимент по апробации новой системы подчиненности следственных подразделений в системе МВД, согласно которому они получили большую самостоятельность. Следственные подразделения были выведены из подчинения начальников соответствующих органов внутренних дел, т.е. фактически стали самостоятельными правоохранительными органами. Эксперимент получил в целом позитивные оценки [6, 11-24], однако со сменой Министра внутренних дел Украины продолжения не имел. В настоящее время на Украине в соответствии со ст. 216 УПК предусмотрено шесть органов, на которые возложено расследование уголовных правонарушений: органы Национальной полиции, органы безопасности, органы, осуществляющие контроль за соблюдением налогового законодательства, органы государственного бюро расследований, органы Государственной уголовно-исполнительной службы Украины, а также Национальное антикоррупционное бюро Украины [7].

Вообще вопросы реформирования органов предварительного расследования поднимались неоднократно. Еще в 1991 г. Г.Ф. Гуценко высказывал мнение, что создание Следственного комитета РСФСР приведет к созданию учреждения, которое будет военизировано сверху донизу, будет иметь два негативных и далеких от демократизма свойства – монополизм и милитаризм. Кроме того, это приведет к выводу следствия из-под прокурорского надзора [8, 20]. В Пивненко указывал, что мировой опыт борьбы с преступностью свидетельствует в пользу ведомственной организации построения следственных органов [9, 57].

Дискутируя по этому поводу на страницах журнала «Советская юстиция» в 1993 году, Е.А. Доля положительно высказывается относительно создания следственного комитету, указывая, что «... создание Следственного комитета является вполне необходимой мерой, хотя и вызывающей неоднозначное отношение ... Нахождение следователя в ведомстве, осуществляющем оперативно-розыскную деятельность, объективно ставит его в положение, при котором, с одной стороны, успех проводимого им следствия в значительной мере зависит от оперативно-розыскной работы, а с другой стороны, он вынужден, особенно при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности, так или иначе оценивать работу оперативных подразделений, а следовательно и ведомства, работником которого он является ... Нельзя признать обоснованным и другой аргумент, приводимый в пользу оставления следователей в ведомствах. Он сводится к опасениям, что создание единого Следственного комитета приведет к концентрации следственного монополиста. Такая ссылка не состоятельна, поскольку такой монополист уже существует в лице Следственного комитета МВД, следователи которого расследуют более 90% уголовных дел, направляемых в суды ... Таким образом, идея сосредоточения следователей в Следственном комитете с точки зрения теории, да и развития сегодняшней практики борьбы с преступностью, серьезных возражений не вызывает» [10, 9].

Анализ деятельности органов предварительного расследования в постсоветских государствах, результаты проведенных экспериментов, в том числе и опыт Казахстана, России, позволяют выделить ряд позитивных и негативных моментов, которые могут возникнуть в ходе реформирования органов предварительного расследования в нашей стране.

К позитивным можно отнести: наличие независимой структуры, способной обеспечивать проведение единой уголовной политики на в сфере предварительного следствия [11, с. 191]; исключение вмешательства в процессуальную деятельность не уполномоченных на то законом лиц; укрепление законности в деятельности правоохранительных органов, в том числе органов предварительного следствия [4, 4]; создание единого следственного комитета приведет к преодолению ведомственных интересов, повысится управляемость следственных подразделений, будут исключены попытки отдельных ведомств «монополизировать» расследование дел [12, 37].

Негативными последствиями при принятии такого решения, по мнению противников реформирования, являются: снижение концентрации усилий процессуального и оперативного воздействия в решении задач по борьбе с наиболее опасными преступлениями, в первую очередь экономической и организованной направленности, коррупционными проявлениями; ухудшение взаимодействия с оперативными службами; сокращение на первоначальном этапе уровня материального, финансового и кадрового обеспечения следственного аппарата; уменьшение возможностей защиты, в том числе физической, следственных работников и членов их семей силами всей системы МВД [4, 4]. В качестве главного аргумента против создания единого следственного комитета рассматривается то, что это нарушит взаимодействие оперативно-розыскных служб и следственного аппарата, и следственный комитет окажется изолированным от оперативной информации [12, 38-39].

Как отмечалось выше, в Казахстане ГСК был упразднен. В соответствии со ст. 187 УПК Казахстана, предварительное следствие там осуществляется следователями Комитета национальной безопасности, органов внутренних дел, антикоррупционной службы и службой экономических расследований [13].

Согласно ст. 159 УПК Республики Таджикистан, предварительное расследование по уголовным делам производится следователями органов прокуратуры, внутренних дел, национальной безопасности, по борьбе с коррупцией и по контролю за наркотиками [14].

В Российской Федерации создан Следственный комитет в соответствии с Федеральным Законом от 22 декабря 2010 года. В соответствии со ст. 1 указанного Закона, Следственный комитет Российской Федерации является федеральным государственным органом, осуществляющим в соответствии с законодательством Российской Федерации полномочия в сфере уголовного судопроизводства. Президент Российской Федерации осуществляет руководство деятельностью Следственного комитета, утверждает Положение о Следственном комитете Российской Федерации и устанавливает штатную численность Следственного комитета [15]. Однако исходя из ст. 151 УПК РФ, предварительное следствие в Российской Федерации проводится следователями не только Следственного комитета, а и органов федеральной службы безопасности и внутренних дел [16].

Мы поддерживаем идею создания единого следственного аппарата в Донецкой Народной Республике. Как отмечал бывший начальник Главного Следственного Управления МВД Украины В.И. Фаринник, в последние годы, наоборот, наблюдается тенденция создания следственных аппаратов в органах, ведущих борьбу с преступностью, имеющих оперативные службы для выявления и раскрытия преступлений, неотложного реагирования на них. Следователи органов внутренних дел, государственной безопасности, фискальных органов, прокуратуры находятся в административной зависимости от руководителей названных органов и поэтому зачастую не могут самостоятельно принимать решения в процессе расследования. В органах внутренних дел (а здесь расследуется порядка 90% всех уголовных дел) следствие не просто сращивается, а подавляется оперативными подразделениями. Обусловлено это тем, что для органов внутренних дел главной задачей является раскрытие преступлений, по-

этому основное внимание и поддержку руководители данных органов оказывают оперативным подразделениям. Их сторону они, как правило, занимают и тогда, когда между оперативной службой и следователем в процессе их совместной деятельности возникают конфликтные ситуации. Причем конфликтные ситуации, возникающие периодически между следователями и оперативными работниками, являются «нормальной практикой», поскольку наряду с общими задачами им повседневно приходится решать так называемые «ведомственные» вопросы.

В.И. Фаринник задает вопрос: что первично – следователь (например, МВД), являющийся в первую очередь работником органа внутренних дел, на которого распространяются все основные задачи ведомственного Закона (в том числе охрана общественного порядка, обеспечение личной безопасности граждан и т.п.), или процессуалист, задача которого - качественно расследовать уголовные дела.

Проведенные Следственным управлением Донецкой области при ГСУ МВД Украины в ходе эксперимента в 2012 году исследования в виде анкетирования показали, что в основном начальники горрайорганов внутренних дел крайне отрицательно относятся к любым формам выделения следственного подразделения (в т.ч. и в виде существовавшего на тот момент эксперимента), придания большей самостоятельности и независимости от руководителей ОВД [6, 16-17].

По нашему мнению, существование следственных органов в нескольких ведомствах обусловливает их разобщенность в борьбе с преступностью, препятствует выработке единой следственной практики, затрудняет управление следственными подразделениями, осуществление единой стратегии и соответствующее материально-техническое, финансовое и кадровое обеспечение.

С целью укрепления и развития конституционных стандартов Донецкой Народной Республики, проектом Закона Донецкой Народной Республики «О Следственном комитете Донецкой Народной Республики» (далее – законопроект) предлагается реформирование системы органов предварительного следствия путем создания единого специализированного государственного органа – Следственного комитета. Такой государственный орган, с особым статусом (не входящим в систему органов исполнительной власти), сможет монопольно осуществлять в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики полномочия в сфере уголовного судопроизводства в части ведения предварительного (досудебного) следствия. В соответствии со ст. 1 указанного законопроекта по аналогии с законодательством РФ руководство Следственным комитетом ДНР осуществляется Главой Республики [17].

Однако реформирование уголовно-процессуального законодательства ДНР предлагается осуществить комплексно, одновременно приняв УПК и законы о Следственном комитете и оперативно-розыскной деятельности. При этом в соответствии со ст. 165 проекта УПК ДНР предварительное расследование по всем уголовным делам проводят следователи Следственного комитета, кроме случаев совершения преступлений сотрудниками Следственного комитета. В таких ситуациях расследование будет проводиться следственным прокурором, специально назначаемым в штатах органов прокуратуры Генеральным прокурором ДНР для цели проведения такого расследования [18].

Полагаем, что создание единого органа для расследования всех преступлений – Следственного комитета Донецкой Народной Республики в комплексе с общим реформированием уголовно-процессуального законодательства является позитивным шагом в формировании правовой системы ДНР и позволит поднять качество следствия на новый уровень.

Список использованной литературы:

1. Конституция Донецкой Народной Республики от 14 мая 2014 года // Электронный ресурс: http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/ (дата обращения 08.05.2018).

2. О внесении изменений в постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 02.06.2014 г. № 9-1 «О применении законов на территории ДНР в переходный период»: постанов-

ление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 22 июля 2015 года № 13-13 // Электронный ресурс: http://old.dnr-online.ru/wp-content/uploads/2015/03/PostanovN13_13_22072015.pdf (дата обращения 08.05.2018).

3. Нурмагалиев Б.М. Государственный следственный комитет Республики Казахстан // Государство и право. – 1996. - № 8. – С. 49-52.

4. Соловьев Н. Реформа следственного аппарата: от перераспределения подследственности до модернизации УК // Российская юстиция. - 2000. - № 12. – С. 2-5.

5. Про проведення експерименту щодо апробації нової системи підпорядкування слідчих підрозділів органів внутрішніх справ України: наказ Міністерства внутрішніх справ України від 26 березня 2002 року № 295 // Слідча практика: збірник / уклад. В.І. Захаров. – К.: РВВ МВС України, 2003. – С. 97-101.

6. Фанинник В.И. Концептуальные положения реформирования досудебного следствия в Украине // Організаційно-правові питання реформування досудового слідства в Україні: матеріали всеукраїнської науково-практичної конференції. Донецьк, 13 грудня 2012 року. – Донецьк: ДІВС, 2003. – С. 11-24.

7. Кримінальний процесуальний кодекс України. Прийнятий 13 квітня 2012 року // Голос України. – 2012. – № 90-91. – 19 травня.

8. Гуценко К. Следственный комитет – благо ли? // Государство и право. – 1991. - № 5. – С. 18-20.

9. Півненко В. Слідчий комітет: судове чи відомче слідство // Право України. – 2000. - № 10. – С. 57-58.

10. Доля Е. К вопросу создания Следственного комитета // Советская юстиция. – 1993. - № 20. – С. 9-10.

11. Баулін О.В. До проблеми організаційної побудови органів досудового слідства // Вісник Запорізького юридичного інституту. – 2000. - № 4. – С. 191-203.

12. Александров А. Нужно ли создавать Федеральную службу расследований // Законность. – 2002. - № 11. – С. 37-39.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года // Электронный ресурс: http:///online.zakon.kz (дата обращения 08.05.2018).

14. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года // Электронный ресурс: mmk.tj/ru/library/-upk_rt.doc (дата обращения 08.05.2018).

15. О Следственном комитете Российской Федерации: Федеральный Закон Российской Федерации от 22 декабря 2010 года // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108565/ (дата обращения 08.05.2018).

16. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Электронный ресурс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 08.05.2018).

17. О Следственном комитете Донецкой Народной Республики: проект Закона Донецкой Народной Республики // Электронный ресурс: http://www.odsd.ru/projects/reforma-ugolovno-processualnoi-sfery (дата обращения 08.05.2018).

18. Проект уголовно-процессуального кодекса Донецкой Народной Республики // Электронный ресурс: http://www.odsd.ru/projects/reforma-ugolovno-processualnoi-sfery (дата обращения 08.05.2018).

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА

Третьякова Е.И., доцент кафедры криминалистики ФГКОУ ВО Восточно-Сибирский институт МВД России, майор полиции, кандидат юридических наук

Рогов А.П., заместитель начальника факультета правоохранительной деятельности ФГКОУ ВО Восточно-Сибирский институт МВД России, подполковник полиции

Несмотря на почти вековую историю существования обыска в отечественном законодательстве в качестве самостоятельного следственного действия, до сих пор возникают теоретические и практические проблемы, связанные его проведением. Доказательством этого могут служить неутихающие среди ученых-процессуалистов споры, касающиеся оснований и порядка производства обыска. Нет однозначного мнения по производству обыска и среди практических сотрудников правоохранительных органов.

Если проанализировать содержание ст. 182 и некоторые другие положения Уголовно-процессуального кодекса РФ, то можно то можно сформулировать следующее понятие: обыск – это закрепленное в уголовно-процессуальном законе, обеспечиваемое государственным принуждением действие, заключающееся в обследовании помещений, участков местности и граждан в целях отыскания и изъятия предметов, документов, ценностей и (или) трупа, могущих иметь значение для уголовного дела, свидетельств их принадлежности конкретному лицу, а равно для отыскания разыскиваемого лица – задержания преступника либо освобождения пострадавшего [1].

Как среди теоретиков, так и среди практиков не вызывает сомнения, что обыск является наиболее трудоемким, наряду с некоторыми другими следственными действиями. Тщательно подготовленный, хорошо организованный и спланированный обыск в большинстве случаев помогает следователю получить в свое распоряжение весомые доказательства, служащие для изобличения преступника и раскрытия преступлений. В таком случае обыск выступает как действенное процессуальное средство обнаружения, фиксации и изъятия предметов, имеющих доказательственное значение при расследовании преступлений имущественного характера.

В то же время при производстве обыска, являющегося мерой уголовно-процессуального принуждения, могут быть существенно ограничены провозглашенные Конституцией РФ права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также право на неприкосновенность жилища. Исходя из этого можно предположить, что законодатель при разработке данной нормы должен был уделить большое внимание ее детальной регламентации, в целях недопущения неоднозначного ее толкования и нарушений при ее применении. Но как показывает практика, до настоящего времени у практических сотрудников правоохранительных органов возникает немало трудностей при применении норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих проведение обыска.

Для производства обыска необходимо наличие как юридического или формального основания, так и фактических оснований. Если с юридическим основанием все более или менее ясно, то, что же следует отнести к фактическим основаниям? Ответ на данный вопрос содержится в ч. 1. ст. 182 УПК РФ. Исходя из анализа данной правовой нормы можно сделать вывод, что к фактическим основаниям производства обыска следует отнести наличие у следователя достаточных оснований полагать, «что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудования или иного средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела» [2]. При этом, для проведения такого сложного и серьезного следственного действия законода-

тель не требует наличия достоверной информации о нахождении искомых предметов в определенном месте или у определенного лица.

В связи с этим возникает первая проблема, связанная с применением УПК РФ, регламентирующего основания и порядок производства обыска, а именно определение достаточного количества сведений, на основании которых принимается решение о производстве обыска в помещении при расследовании преступлений имущественного характера.

Использованное законодателем в ч. 1 ст. 182 уголовно-процессуального закона при формулировке фактического основания производства обыска словосочетание «достаточные данные» носит оценочный характер и порождает субъективизм при толковании его норм. Не существует однозначного мнения о том, что же понимать под данным словосочетанием. В юридической литературе высказываются мнения о том, что под «достаточными данными» следует понимать полученные процессуальным путем доказательства [3] («фактические данные» [4], «сведения, информация, данные» [5, С. 427]). Сторонники данного подхода к определению понятия «фактические основания» производства обыска ставят на первое место по значению именно наличие данных, а не их достаточность. Однако это мнение следует считать не совсем правильным.

Не является фактическим основанием для производства обыска наличие у следователя (дознавателя) информации, позволяющей сделать предположение о нахождении искомых предметов в каком-либо месте или у определенного лица. Необходимо именно «достаточное» количество, совокупность таких сведений. Однако законодательная формулировка данной нормы, при построении которой используются слова «полагать» и «достаточные данные», изначально противоречащие друг другу, вносит неясность в ее применение. С одной стороны, законодатель требует наличия достаточных доказательств для принятия решения о производстве данного следственного действия, а с другой, допускает его проведение на основании предположений следователя или дознавателя. Ясность здесь могло бы внести исключение из законодательной конструкции данного положения слова «полагать», однако за более чем десятилетнее существование УПК РФ этого сделано не было.

Не менее серьезной дискуссии на сегодняшний день подвержено и положение УПК РФ, закрепляющее неотложность проведения обыска. Как и в предыдущем случае, непонятно, чем необходимо руководствоваться при определении критериев неотложности. Не существует на сегодняшний день и четких правил по проверке законности и обоснованности производства данного следственного действия прокурором и судом.

Данное положение относится к производству обыска в жилище в случаях, не терпящих отлагательства. Порядок действия в такой ситуации предусмотрен ч. 5 ст. 165 УПК РФ, где говорится о том, что для производства такого обыска следователя либо дознаватель выносит постановление без вынесения постановления суда, принимаемого установленном порядке. В данном случае следователь (дознаватель) обязан в течение 24 часов с момента начала производства данного следственного действия уведомить прокурора и судью о его производстве.

В связи с этим необходимо выяснить, что относится к случаям, не терпящим отлагательства. А.П. Рыжаков рекомендует относить к ним следующие ситуации:

1. внезапно появились фактические основания проведения указанного следственного действия;

2. принимаются меры к уничтожению или сокрытию предметов (документов), имеющих отношение к делу;

3. для пресечения дальнейшей преступной деятельности;

4. иные случаи [5, С. 431].

Однако данные рекомендации не охватывают все основания для производства такого вида обыска, поэтому в каждом конкретном случае принятие данного решения осуществляется следователем исходя из субъективной оценки сложившейся ситуации. Необходимо также сказать, что в ч. 5 ст. 165 УПК РФ законодатель четко определяет данное действие как относящееся к исключительным случаям. Это порождает злоупотребления со стороны со-

трудников правоохранительных органов, которые довольно часто сводят производство любого обыска к не терпящему отлагательств, и только потом уведомляют суд.

Помимо указанных случаев, вызывающих неопределенность и неоднозначность, довольно таки часто в практике происходят случаи нарушения общих правил производства обыска. Таких, например, как, производство обыска до возбуждения уголовного дела, что противоречит ч. 1 ст. 144 УПК РФ, в которой указан исчерпывающий перечень следственных действий, которые можно проводить до возбуждения уголовного дела. В связи с этим, доказательства, полученные при производстве такого обыска в соответствии со ст. 75 УПК РФ признаются недопустимыми и не могут быть использованы в дальнейшем при доказывании по уголовному делу. Проведение обыска до возбуждения уголовного дела Верховный Суд Российской Федерации также расценивает как нарушение уголовно-процессуального закона, вызывающее потерю доказательственного значения полученных данных [6].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что правовая регламентация производства обыска практически отсутствует и полностью пропитана субъективизмом. Фактические основания его производства очень размыты – «наличие достаточных данных полагать, что…». Помимо этого, уголовно-процессуальный закон предусматривает, что «при производстве обыска могут вскрываться любые помещения», что дает абсолютную свободу действия его участникам (следователю и сотрудникам оперативных подразделений).

Список использованной литературы:

[1] Рыжаков, А.П. Обыск и выемка: основания и порядок производства. – М.: Дело и Сервис, 2015. – С.143.

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: от 18 декабря 2001. №174-ФЗ (01.09.2017) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч.1) – С. 4921.

[3] Гуев, А.Н Постатейный комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. [Текст] / А.Н. Гуев. – М.:«ИНФРА-М», 2010. – С.243.

[4] Томин, В.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. [Текст] / В.Т. Томин, М.П. Поляков. - 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт», 2011 г. – С. 319.

[5] Рыжаков, А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) [Текст] / А.П. Рыжаков. (8-е изд., перераб.). – М.:«ИНФРА-М», 2012. – С. 427.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами норм УПК РФ, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» [Текст]: от 22.11.2005. – № 23 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 1. – 2006.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ ОПЬЯНЕНИЯ ВОДИТЕЛЯ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА В СВЕТЕ ЕГО КРИМИНАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫМ УГОЛОВНЫМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

Трофимов В.Е., адъюнкт кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД РФ имени В.В. Лукьянова

Обеспечение безопасности дорожного движения является первостепенной задачей Российской Федерации, и обладает значением общенационального характера. Ситуация в области безопасности дорожного движения демонстрирует неблагоприятные показатели, несмотря на все предпринимаемые меры со стороны государства. Каждый год в нашей стране регистрируется порядка 220 000 дорожно-транспортных происшествий, в результате которых погибает в среднем около 30 000 человек, 270 000 получают различные ранения. Согласно статистическим данным последних пяти лет, в Российской Федерации в дорожно-транспортных происшествиях погибли 172 000 человек, более 1200 000 - получили увечья, что соизмеримо с населением крупного областного центра или последствиями масштабных катастроф и вооруженных конфликтов [1]. Так, в период с января по октябрь 2017 года зарегистрировано 137589 дорожно-транспортных происшествий, в которых погибло – 15390 человек, ранено – 175258 [2]. С экономической точки зрения, материальный ущерб от аварий ежегодно превышает 2 % внутреннего валового продукта, что в абсолютном выражении составляет сотни миллиардов рублей.

Транспортная безопасность напрямую зависит от ряда объективных обстоятельств – недостаточной развитости транспортной инфраструктуры в государстве и роста автомобилизации до неблагоприятных погодных условий эксплуатации транспортных средств. Однако в большинстве случаев главной причиной дорожно-транспортных происшествий является человеческий фактор. В целях борьбы с нетрезвыми водителями путем ужесточения наказания за повторную езду в пьяном виде введена статья 264.1 УК РФ. Данной нормой установлена уголовная ответственность за управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного данной статьей либо частями 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ.

Анализ и изучение уголовных дел, позволяет судить о том, что около 30% дорожно-транспортных происшествий происходит в связи с тем, что водитель управлял транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения. Форма, установленная законодательством в новеллах статьи 264 УК РФ не в полном объёме учитывает отдельные положения Общей части уголовного кодекса Российской Федерации. Однако, как показали результаты проведенных статистических исследований, правоприменительная, судебная и следственная практика в настоящее время сталкивается с многочисленными трудностями при квалификации действий, связанных с нарушением правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, а следовательно и с применением указанной нормы уполномоченными лицами. Так, в соответствии с примечанием 2 к ст. 264 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств» лицом, находящимся в состоянии опьянения признается лицо, управляющее транспортным средством, в случае установления факта употребления этим лицом вызывающих алкогольное опьянение веществ, который определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, или в случае наличия в организме этого лица наркотических средств или психотропных веществ, а также лицо, управляющее транс-

портным средством, не выполнившее законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации [3] Указанные поправки, введенные Федеральным Законом от 31.12.2014 N 528-ФЗ, призваны устранить трудности при определении юридического статуса водителя управлявшего автомобилем в состоянии опьянения.

Стоит отметить, что состояние опьянения определяется по результатам химико-токсикологических исследований при медицинском освидетельствовании на состояние опьянения, проведенных в соответствии с правилами, утвержденными Правительством Российской Федерации, и в порядке, установленном Министерством здравоохранения Российской Федерации, либо по результатам судебной экспертизы, проведенной в порядке, предусмотренном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [4] При этом факт алкогольного опьянения подтверждается наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха (0,32 промилле), в то время как опьянение, вызванное применением наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов либо новых потенциально опасных психоактивных веществ – наличием в крови веществ, установленных Постановлением Правительства РФ от 30 июня 1998 г. N 681 "Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации" (с изменениями от 18 января 2017 г.), а также Реестром новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен.

Ряд вопросов правоприменительной практики, связанных с квалификацией преступлений в области дорожного движения, в т.ч. нарушения правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию, разъяснены также в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 (ред. от 24.05.2016) "О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения". Преступление, предусмотренное статьей 264.1 УК РФ, следует считать оконченным с момента начала движения транспортного средства, управляемого лицом, находящимся в состоянии опьянения. По смыслу уголовного закона, данное преступление совершается умышленно [5]. Ответственность по статье 264.1 УК РФ наступает при условии, если на момент управления транспортным средством в состоянии опьянения водитель является лицом, подвергнутым административному наказанию по части 1 или 3 статьи 12.8 КоАП РФ «Управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством лицу, находящемуся в состоянии опьянения» за управление транспортным средством в состоянии опьянения или по статье 12.26 КоАП РФ «Невыполнение водителем транспортного средства требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения» за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеет судимость за совершение преступления, предусмотренного частями 2, 4 или 6 статьи 264 или статьей 264.1 УК РФ. При этом следует иметь в виду, что лицо, привлекаемое к ответственности, может отвечать как одному из указанных условий, так и их совокупности.

В следственной деятельности существует практика доказывания факта состояния опьянения водителя транспортного средства на основе показаний очевидцев, ставших свидетелями употребления им, например, алкогольных напитков. Однако, в подобных случаях наличие алкоголя в крови (паров этанола в выдыхаемом воздухе) носит вероятностный характер, к тому же имеет существенное значение объем употребленного, время, прошедшее с момента попадания алкоголя в организм, антропометрические данные водителя и т.д.

Представляется, что такая практика, не в полной мере соответствует положениям ч. 2 Примечания к ст. 264 УК РФ, а также Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9

декабря 2008 г. N 25. Как отмечалось ранее, состояние опьянения водителя определяется наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, или в случае наличия в организме этого лица наркотических средств или психотропных веществ. Вообще, объективная необходимость определения алкогольного опьянения с помощью косвенных доказательств возникает зачастую в ситуациях, когда водитель покинул место ДТП или помещен после аварии в медицинское учреждение. В таких случаях отсутствует физическая возможность провести его освидетельствование, а также оформить отказ от него (не установлено место нахождения водителя, врачи не допускают инспекторов ДПС ГИБДД в палату к пациенту, ссылаясь на его состояние). Также не представляется возможным провести химико-токсикологическое исследование крови, забор которой осуществляется с согласия пациента. Таким образом, подобные ситуации требует законодательного разрешения [6]

Не разрешен вопрос и об оценке субъективной стороны состава преступления в отношении водителей, не знавших о наличии в их организме алкоголя или наркотических средств. Такое возможно в результате употребления водителем в пищу продуктов и напитков, содержащих вещества ему не известные. Небольшого количества крепких спиртных напитков, подмешанных в другой напиток в качестве шутки, в некоторых случаях достаточно для определения этанола в выдыхаемом воздухе алкотестером. Подобная ситуация возможна и с наркотикосодержащими веществами. В случае привлечения водителя к административной ответственности за управление транспортным средством в состоянии опьянения субъективная сторона не оценивается. Представляется, такой поход не оправдан, когда алкогольное опьянение водителя транспортного средства является конструктивным (квалифицирующим) признаком состава преступления по УК РФ. С одной стороны в таких случаях оценивается психическое отношение лица к наступившим последствиям в результате ДТП (по ст. 264 УК РФ неосторожная форма вины), т.е. факт попадания алкоголя или наркотиков в организм находится за рамками субъективной стороны. Однако, с другой стороны, при привлечении к уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ уголовно-правовой оценке подвергаются обстоятельства управления автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, в т.ч. должна устанавливаться его вина. При отсутствии вины, отсутствует состав преступления [5]

В силу статьи 4.6 КоАП РФ «Срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию», лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления. В связи с этим суду надлежит выяснить, исполнено ли постановление о назначении лицу административного наказания по части 1 или 3 статьи 12.8 или по статье 12.26 КоАП РФ и дату окончания исполнения указанного постановления, не прекращалось ли его исполнение, не истек ли годичный срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию, не пересматривались ли постановление о назначении лицу административного наказания и последующие постановления, связанные с его исполнением, в порядке, предусмотренном главой 30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях «Пересмотр постановлений и решений по делам об административных правонарушениях».

К имеющим судимость за преступление, предусмотренное статьей 264.1 УК РФ, относятся лица, имеющие со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу непогашенную или не снятую в установленном порядке судимость за любое из указанных преступлений или их совокупность. При этом следует учитывать, что сроки погашения судимости за каждое преступление исчисляются самостоятельно и не прерываются при совершении нового преступления [6].

Таким образом, система дорожно-транспортных преступлений претерпела ряд изменений, связанных как с редактированием их диспозиций, так и с корректировкой санкций, рас-

ширена введением новой статьи, предусматривающей уголовную ответственность за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения [7]. Своевременные меры законодательного характера сформировали устойчивые предпосылки к снижению уровня правонарушений на дорогах страны, совершаемых водителями транспортных средств в состоянии опьянения. В настоящее время дальнейшая их реализация связана с активной деятельностью правоохранительных органов, и в первую очередь полиции, в структуру которой входит специализированное подразделение по обеспечению безопасности дорожного движения. Подразделения ГИБДД характеризуются разнообразием выполняемых задач, непосредственно осуществляют специальные контрольные, надзорные и разрешительные функции в области обеспечения безопасности дорожного движения [8]. В том числе проверку психофизиологического состояния водителей, управляющих транспортным средством с учетом, особенностей целей, задач, полномочий и компетенцией, обеспечивающими безопасность дорожного движения на определенной территории.

Список использованной литературы:

1. Статистические данные Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]//Режим доступа: http://www.gks.ru//

2. Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gibdd.ru/stat/

3. Подчерняев А.Н. Уголовно-правовые средства борьбы с нарушениями правил дорожного движения водителями транспортных средств // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. № 2 (71). С. 75-80.

4. «Правила освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством», утверждены пост. Прав. РФ от 26 июня 2008 года № 475 (в ред. пост. Прав. РФ от 10 февраля 2011 года № 64, от 04 сентября 2012 года № 882, от 18 ноября 2013 года № 1025) // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 N 25 (ред. от 24.05.2016) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. См.: Подчерняев А.Н. Некоторые вопросы законодательного определения состояния опьянения водителя транспортного средства как конструктивного признака состава преступления // Уголовно-правовые аспекты выявления, раскрытия и расследования преступлений [Текст]: материалы Всероссийской научно-практ. конф., посвященной 300-летию российской полиции, 28 апреля 2017 года. – Бел-город : Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2018. С. 103-110.

7. Баранчикова М.В. Принцип справедливости уголовной ответственности в деятельности по противодействию дорожно-транспортной преступности // Наука и практика. 2016. № 1(66). С. 20.

8. Баранчикова М.В. и др. Противодействие коррупции в подразделениях Государственной инспекции безопасности дорожного движения: монография – Орёл : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2015. С. 24.

УГОЛОВНОЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК ЦЕЛИ ПРИМЕНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ

Ужахов А.С., федеральный судья Сунженского районного суда Республики Ингушетия

Наряду с уголовным законодательством Российской Федерации, криминологическое законодательство также активно разрабатывается и изучается в юридической литературе [3, с. 85-91; 4, с. 75-78; 5, с. 179-184; 8, с. 479-488; 9, с. 47-50] и нацелено на предупреждение преступлений. В юридической литературе приводится следующая классификация криминологического законодательства: международные конвенции (например, о борьбе с финансированием терроризма, против транснациональной организованной преступности), нормативные правовые акты, принятые в рамках СНГ (например, Договор государств-участников СНГ о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию терроризма), федеральное законодательство Российской Федерации (Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Федеральный закон «О противодействии терроризму» и т.д.), иные нормативные правовые акты, нацеленные на предупреждение преступлений, организацию борьбы с преступностью, минимизацию и ликвидацию криминальных последствий, а также законы и иные нормативные правовые акты криминологического содержания, принятые органами власти субъектов Российской Федерации и муниципальными органами [6, с. 19-22].

В соответствии с ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации, наказание применяется, помимо прочего, для достижения цели предупреждения совершения новых преступлений.

В гл. 9 Уголовного кодекса Российской Федерации, в которой перечислены и в целом раскрывается содержание всех наказаний, одна из целей – исправление осужденного (но не предупреждение совершения новых преступлений – прим. авт.), также упоминается (кроме ст. 43) только в ч. 2 ст. 53.1 при назначении принудительных работ. В этом случае возникает логичный вопрос: почему же законодатель в данной главе уголовного закона упоминает только одну цель при назначении лишь одного вида наказания? Законодатель ответа на данный вопрос не дает.

Анализ положений гл. гл. 12 и 13 Уголовного кодекса Российской Федерации, посвященных досрочным видам освобождения от наказания, показывает, что применение их подавляющего большинства не увязано законом с достижением предупреждения совершения новых преступлений.

Таким образом, по уголовному закону получается, что применение наказаний недостаточно связано с достижением предупреждения совершения новых преступлений как цели наказания (данный подход представляется ошибочным – прим. авт.).

В этом случае было бы логичным, чтобы вопросы достижения этой цели наказания регламентировались в соответствующих нормативных правовых актах, которые теоретически можно отнести к криминологическому законодательству. В то же время анализ ряда документов свидетельствует о том, что фактически в Российской Федерации отсутствует надлежащая правовая основа предупреждения преступлений как цели применения наказаний (и в целом уголовная политика в изучаемой области критикуется специалистами [1, с. 250-259; 2, с. 151-160; 7, с. 93-100]).

В частности, в Уголовном кодексе Российской Федерации как таковое предупреждение преступлений упоминается лишь несколько раз: в ч. 1 ст. 2 – как задача данного нормативного правового акта, в ч. 2 ст. 43 – как цель применения наказания, в ст. 98 – как цель применения принудительных мер медицинского характера (последнее – в контексте деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ) и пр.

Отсутствие целенаправленной уголовной политики в изучаемой области наглядно видно из анализа положений Федерального закона Российской Федерации «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», который устанавливает правовую и организационную основу системы профилактики правонарушений (преступлений или административных правонарушений), общие правила ее функционирования, основные принципы, направления, виды профилактики правонарушений и формы профилактического воздействия, полномочия, права и обязанности субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в профилактике правонарушений (ч. 2 ст. 1 и ст. 2).

С учетом того, что предупреждение правонарушений представляет собой одно из основных направлений профилактики правонарушений (ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»), а реализация основных направлений профилактики правонарушений осуществляется посредством, в том числе, применения мер профилактики правонарушений административного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного характера в целях предупреждения правонарушений (ч. 2 ст. 6), логично предположить, что в указанном законе отражены разные вопросы предупреждения преступлений при применении уголовных наказаний.

Однако на самом деле это не совсем так, хотя должностные лица учреждений и органов уголовно-исполнительной системы вправе применять специальные меры профилактики правонарушений и профилактическое воздействие (ч. 3 ст. 6 и ч. 2 ст. 17 Федерального закона Российской Федерации «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»). В данном законе лишь указаны основные вопросы в сфере профилактики правонарушений, а сферы применения уголовных наказаний, в основном, касаются институты социальной адаптации и ресоциализации (ст. 17).

В соответствии со ст. 24 Федерального закона Российской Федерации «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», социальная адаптация представляет собой комплекс мероприятий, направленных на оказание лицам, находящимся в трудной жизненной ситуации, содействия в реализации их конституционных прав и свобод, а также помощи в трудовом и бытовом устройстве. Данная мера применяется и к лицам, отбывающим уголовное наказание, не связанное с лишением свободы. Однако раскрытия сути этой деятельности в указанном законе не происходит.

Ресоциализация, согласно ст. 25 Федерального закона Российской Федерации «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», представляет собой комплекс мер социально-экономического, педагогического, правового характера, осуществляемых субъектами профилактики правонарушений в соответствии с их компетенцией и лицами, участвующими в профилактике правонарушений, в целях реинтеграции в общество лиц, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы и (или) подвергшихся иным мерам уголовно-правового характера.

Если указанные меры, закрепленные в Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», применяются в отношении осужденных, то, возможно, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации содержит в себе соответствующие положения относительно их социальной адаптации и ресоциализации? Однако данный документ при отсутствии упоминания ресоциализации осужденных, указывает социальную адаптацию только в качестве задачи уголовно-исполнительного законодательства (ч. 2 ст. 1) и разрешает осужденным, отбывающим наказание в облегченных условиях исправительной колонии общего режима, в целях успешной социальной адаптации за шесть месяцев до окончания срока наказания, проживать и работать за пределами исправительной колонии (ч. 3 ст. 121).

Более того, в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации, несмотря на то, что уголовно-исполнительное законодательство имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами (ч. 1 ст. 1), вопросы предупреждения преступлений также рассматриваются эпизодично:

- при освобождении лица по истечению срока отбывания лишения свободы, для условно-досрочного освобождения от отбывания наказания или замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания в случае его осуждения за совершение в возрасте старше 18 лет преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ч. 4 ст. 18);
- при использовании аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля в ходе осуществления надзора за отбыванием осужденными наказаний в виде ограничения свободы, принудительных работ и лишения свободы (ч. 1 ст. 60, ч. 1 ст. 60.19 и ч. 1 ст. 83);
- как задача оперативно-розыскной деятельности в исправительных учреждениях (ч. 1 ст. 84);
- при освобождении лица по истечению срока отбывания наказания в случае его осуждения за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности и определения мер медицинского характера (ч. 2.1 ст. 180).

Таким образом, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации не содержит целостный подход в сфере достижения предупреждения преступлений как цели применения уголовных наказаний.

С учетом сказанного, наличие только отдельных невзаимосвязанных положений в вышеуказанных и других нормативных правовых актах относительно предупреждения преступлений при применении уголовных наказаний не позволяет говорить о наличии в Российской Федерации целостной правовой основы в изучаемой области.

Список использованной литературы:

1. Баранов В.М., Малько А.В., Мазуренко А.П. О сущности и месте уголовной политики в системе правовой политики современной России (общетеоретический и технико-юридический аспекты) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 250-259.

2. Гаврилов Б.Я. Проблемы современной уголовно-судебной политики назначения наказания как составляющей уголовной политики // В сб. матер. III Межд. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы криминологического исследования региональной преступности». – Баку, 2015. С. 151-160.

3. Гончаров Д.Ю. О соотношении «уголовно-правового» и «криминологического» в законодательстве о противодействии преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 3 (38). С. 85-91.

4. Зикеев В.А. Понятие криминологического законодательства // В сб. науч. тр. по итогам межд. науч.-практ. конф. «Проблемы современной юридической науки: актуальные вопросы». - Красноярск, 2015. С. 75-78.

5. Клейменов М.П. Криминологическое законодательство // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 1 (50). С. 179-184.

6. Клейменов М.П. Криминологическое законодательство и криминологическое право // Вестник Нижегородской правовой академии. 2016. № 9 (9). С. 19-22.

7. Панченко П.Н. Власть как уголовная политика и уголовная политика как власть // Аграрное и земельное право. 2012. № 2. С. 93-100.

8. Петровский А.В. Дискурс о криминологическом законодательстве в России // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 4 (24). С. 479-488.

9. Шестаков Д.А. Криминологическое законодательство и право противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 1 (28). С. 47-50.

ПРОИЗВОДСТВО СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ДО ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Усачев А.А., доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, доцент

Котлярова Л.Н., доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат психологических наук, доцент, магистр права

В конце 50-х годов прошлого века в СССР начинается кодификация советского законодательства. Законом СССР от 11 февраля 1957 года «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов» [1] союзным республикам было предоставлено право принимать собственные кодексы, регулирующие порядок уголовного судопроизводства (при этом в ведении СССР было сохранено установление основ законодательства о судопроизводстве). Так, 27 октября 1960 года был принят Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [2]. Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР был утвержден Законом Таджикской ССР от 17 августа 1961 года [3]. Одной из наиболее характерных черт регулирования этими кодексами деятельности, связанной с принятием решения о возбуждении уголовного дела или отказе в его возбуждении, являлось установление срока проверки заявлений и сообщений о преступлении (не более трех суток со дня получения заявления или сообщения, а в исключительных случаях – в срок не более десяти суток). При этом в качестве способов проверки могли быть использованы истребование необходимых материалов и получение объяснения. Производство следственных действий до возбуждения уголовного дела не допускалось.

Между тем, в уголовно-процессуальной литературе неоднократно отмечалось, что для принятия решения о возбуждении уголовного дела нередко необходимо производство следственных действий [10, 128; 15, 28]. Наибольшая необходимость возникала в производстве экспертизы. Так, при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотических средств и веществ, невозможно обойтись без выемки средства или вещества и без проведения экспертизы по нему, поскольку нередки ситуации, когда после возбуждения дела и проведения экспертизы оказывается, что исследованные средства или вещества не являются наркотическими. Однако производство указанных следственных действий УПК РСФСР было запрещено.

В 1994 году Президент РФ своим Указом от 14 июня 1994 г. № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности» [7] установил, что при наличии достаточных данных о причастности лица к банде или иной организованной преступной группе, подозреваемой в совершении тяжких преступлений, по согласованию с прокурором до возбуждения уголовного дела могут быть проведены экспертизы, результаты которых рассматриваются в качестве доказательств по уголовным делам данной категории. Это норма применялась вплоть до принятия Президентом РФ 14 июня 1997 года Указа № 593 «О признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации», которым Указ от 14 июня 1994 г. № 1226 был признан утратившим силу [8].

Практика при решении проблемы запрета производства следственных действий до возбуждения уголовного дела пошла по двум направлениям:

1) в некоторых случаях стали проводиться не предусмотренные уголовно-процессуальным законом действия, аналогичные следственным: вместо выемки – изъятие,

вместо экспертизы – исследование (нередко тот же специалист, который приводил исследование, после возбуждения уголовного дела выступал в качестве эксперта и просто переписывал в заключение ту же информацию, которая содержалась в его справке), вместо личного обыска – административный досмотр, и т.п. В связи с этим необходимо отметить следующее. Во-первых, как справедливо отмечает Л.Н. Масленникова, «получение в стадии возбуждения уголовного дела способами, лишенными юридических гарантий, вне процессуальной формы практически той же информации из тех же источников, что и в процессе расследования, в урегулированном законом порядке порождает в начальной стадии уголовного процесса не регламентированные законом фактические отношения между источником информации и лицом, осуществляющим проверку» [11, 18]. И, следовательно, существование подобных отношений является значительным нарушением принципа законности в уголовном процессе. Во-вторых, в ходе предварительного расследования приходилось назначать экспертизы, хотя на выносимые вопросы фактически уже был получен ответ; допрашивать потерпевшего и свидетелей по тем же самым обстоятельствам, по которым уже были получены объяснения до возбуждения уголовного дела, и т.д. Это вело к затягиванию сроков производства, напрасной трате материальных и физических ресурсов, неоднократным вызовам лиц, являющихся потерпевшими, либо лиц, которым известны те или иные обстоятельства по делу.

2) нередко одновременно с осмотром места происшествия (либо без такового) проводились следственные действия (обыски, допросы и т.д.), а затем задним числом возбуждались уголовные дела. Наиболее часто до возбуждения уголовного дела проводились такие следственные действия, как экспертиза, допрос, выемка предметов и документов, освидетельствование [9, 20; 10, 124]. В литературе же в обоснование такого подхода указывалось, что в ситуациях, когда следователь принимает решение о возбуждении уголовного дела и производит следственные действия, а затем, после их окончания, оформляет постановление о возбуждении уголовного дела, «обоснованно считается, что следственные действия проводились по уже возбужденному уголовному делу. Ведь следователь, принявший ответственное решение о возбуждении дела и лишь отложивший на непродолжительное время его оформление, не может отказаться от принятого решения» [10, 119]. Если же после производства следственных действий оказывалось, что основания для возбуждения уголовного дела отсутствуют, соответствующие должностные лица отказывали в его возбуждении, одновременно переоформляя протоколы совершенных следственных действий.

По данным проведенного Н.И. Сотниковым исследования, 43,9 % сотрудников ОВД заявляли, что производят следственные действия до возбуждения уголовного дела [12, 78].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации был принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года [5]. В его первоначальной редакции до возбуждения уголовного дела допускалось производство таких следственных действий, как осмотр места происшествия, освидетельствование и назначение судебной экспертизы.

В настоящее время дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа при проверке сообщения о преступлении вправе назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, производить освидетельствование (ст. 144 УПК РФ) [6].

Следует отметить, что до 1963 года российским уголовно-процессуальным законодательством был установлен запрет на производство до возбуждения уголовного дела и такого следственного действия, как осмотр места происшествия. Однако, учитывая потребности практики, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 10 сентября 1963 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» [4] в ст. 178 УПК РСФСР были внесены изменения, состоящие в закреплении такой возможности «в случаях, не терпящих отлагательств».

А.Я. Дубинский предлагал разрешить производство до возбуждения уголовного дела следственных действий в случаях, когда иным образом невозможно принять решение о на-

личии или отсутствии основания для возбуждении дела, если эти действия не грозят существенным ограничением прав лиц, которых затрагивает его производство (к числу действий, грозящих существенным ограничением прав лиц, предлагалось, в частности, относить обыски и выемки) [10, 127]. Однако не совсем понятно, что понимать под «существенным ограничением прав лица».

Другие процессуалисты считают необходимым разрешить до возбуждения уголовного дела производство следственных действий, не связанных с реальным применением мер процессуального принуждения [9, 20; 13, 117]. Между тем, как справедливо отмечал профессор С.А. Шейфер, «каждое следственное действие, как и любое процессуальное действие вообще, не может не опираться на государственное принуждение. … В любом следственном действии принуждение заключается в том, что после принятия следователем решения о проведении следственного действия обязанности его участников, сформулированные в законе в общем виде, персонифицируются, становятся конкретными обязанностями конкретных лиц. Определенные следователем участники следственного действия ограничиваются в праве свободного выбора поведения и ставятся под угрозу ответственности, которая может наступить при отказе выполнить требования соответствующих уголовно-процессуальных норм» [16, 9].

По результатам проведенного одним из авторов статьи исследования из 250 опрошенных сотрудников правоохранительных органов 81,3% высказались за необходимость законодательного расширения перечня следственных действий, производство которых допускается до возбуждения уголовного дела. При этом 41,2% считают, что необходимо разрешить производство допроса, 52% – личный обыск, 27,6% – контроль и запись телефонных переговоров, 18% – наложение ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, 14% – выемку, 5,2% – обыск [14, 124].

Учитывая изложенное, представляется целесообразным предусмотреть в российском уголовно-процессуальном законодательстве возможность проведения до возбуждения уголовного дела любых необходимых следственных действий в случаях, когда иным образом (без их производства) невозможно принять решение о наличии или отсутствии основания для возбуждения дела.

Список использованной литературы:

1. Закон СССР от 11 февраля 1957 года «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1957. – № 4. – Ст. 63.

2. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утвержден Законом РСФСР от 27 октября 1960 года) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Таджикской ССР (утвержден Законом Таджикской ССР от 17 августа 1961 года) // Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР. – 1961. – № 24. – Ст. 126.

4. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 10 сентября 1963 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1963. – № 36. – Ст. 661.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 22 ноября 2001 года № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921.

6. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 9. – Ст. 875.

7. Указ Президента РФ от 14 июня 1994 г. № 1226 «О неотложных мерах по защите населения от бандитизма и иных проявлений организованной преступности» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 8. – Ст. 804.

8. Указ Президента РФ от 14 июня 1997 года № 593 «О признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 24. – Ст. 2743; № 25. – Ст. 2898.

9. Власова Н.А. Пути совершенствования форм досудебного производства в уголовном процессе // Российский следователь. – 2000. – № 5. – С. 19-23.

10. Дубинский А.Я. Исполнение процессуальных решений следователя. Правовые и организационные проблемы. – Киев: Наукова думка, 1984. – 184 с.

11. Масленникова Л.Н. Процессуальное значение результатов проверочных действий в доказывании по уголовному делу. Учеб. пособие. – М.: Академия МВД РФ, 1993. – 58 с.

12. Сотников Н.И. Отказ в возбуждении уголовного дела. – Караганда: Карагандинск. ВШ МВД, 1992. – 101 с.

13. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. – М.: Юрид. лит., 1991. – 240 с.

14. Усачев А.А. Возбуждение уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. – Иркутск: БГУЭП, 2003. – 240 с.

15. Францифоров Ю., Николайченко В., Громов Н. Производство экспертизы до возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. – 1999. – № 3. – С. 28.

16. Шейфер С.А. Принуждение в следственных действиях // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования: Сб. науч. тр. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1987. – С. 7-14.

ОСОБЕНОСТИ ПОЛНОМОЧИЙ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ УКРАИНЫ КАК СУБЪЕКТА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Федченко В.М., профессор кафедры уголовного процесса Днепропетровского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук, доцент

Павлова Н.В., старший преподаватель кафедры криминалистики, судебной медицины и психиатрии Днепропетровского государственного университета внутренних дел, кандидат юридических наук, подполковник полиции

Действующий УПК разделом IX существенно дополнил и в определенной мере урегулировал законодательные пробелы и недостатки процессуальной регламентации международного сотрудничестваорганами Генеральной прокуратуры Украины в сфере уголовного судопроизводства. Данный раздел содержит в себе пять глав, которые регламентируют общие принципы международного сотрудничества, порядок предоставления международной правовой помощи во время проведения процессуальных действий, а также основные направления сотрудничества. Ими есть: выдача лиц, которые совершили уголовное правонарушение (экстрадиция), передача уголовного производства, признание и исполнение приговоров судов иностранных государств и передача осужденных лиц [1].

Сегодня, Генеральная прокуратура на стадии досудебного расследования выступает центральным органом, уполномоченным осуществлять международное правовое сотрудничество в уголовном процессуальном судопроизводстве. Исключением являются лишь вопросы, которые отнесены к компетенции Национального антикоррупционного бюро Украины.

В соответствии со статьей 9 Конституции Украины, действующие международные договора, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины, являются частью международного законодательства Украины [2].

В Украине международная правовая деятельность по вопросам предоставления помощи в уголовных производствах с возможным проведением следственных и процессуальных действий наряду с разделом IX УПК Украины, регламентируется и договорами о правовой помощи, которые были заключены бывшим СССР. И сегодня эти договора сохранили свою юридическую силу для Украины. Кроме того, Украина подписала и ратифицировала ряд международных правовых актов, в частности: Европейскую конвенциюо выдаче правонарушителей; Конвенцию ООН о борьбе против незаконного оборота наркотическихсредстви психотропныхвеществ; Конвенциюо правовойпомощи и правовых отношенияхвгражданских, семейных и уголовных делах от 22.01.1993 г. и Протокол к нейот 29.03.1997 г. (Ратифицированный Законом Украиныот 03.08.1998 г.) и ряд других [3; 4; 5; 6].

Генезис института международной правовой помощи в уголовных производствах свидетельствует, что его нормативное урегулирование в международном праве есть результатом консолидаций усилий разных государств относительно борьбы с преступностью, осознание на международном уровне степени опасности этого социального явления и необходимости применения, адекватных мер по противодействию ему.

В современных условиях международные отношения играют важную роль в укреплении и развитии такого сотрудничества между государствами. Существенным является и влияние возможностей международной помощи относительно охраны законных интересов, прав, свобод граждан, общества и государства, а также укрепление международного правопорядка и борьбы с преступностью.

Анализ содержания основных международных документов, посвященных борьбе с преступностью, свидетельствует, что проблема повышения эффективностисотрудничества в этом направлении есть чрезвычайно актуальной как для отдельных государств, так и для ме-

ждународных организаций, членом которых является Украина, в частности Организации Объединенных Наций и Совета Европы.

Сегодня Украина имеет обширную договорную базу, благодаря которой компетентные органы имеют возможность на основании заключенных международных договоров (для целей уголовного судопроизводства) эффективно сотрудничать с учреждениями многих государств, в сфере получения доказательств.

Вышеуказанные законодательные нововведения, которые регламентированы в действующем УПК, не случайны, поскольку Украина является государством-участником почти всех многосторонних конвенций ООН в сфере прав человека, и участником многих международных договоров, которые регулируют вопросы предоставления правовой помощи [7;8].

Предоставление государствами друг другу правовой помощи в уголовных производствах, занимает важное место относительно международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью. Необходимость предоставления такой правовой помощи в сфере уголовного судопроизводства, как правило, возникает тогда, когда подозреваемый, обвиняемый в уголовном производстве, которое проводится на территории одного государства, прячется на территории другого государства. Или же свидетели, потерпевшие, иные участники уголовного процесса, документы по уголовному производству, что расследуется или рассматривается в суде на территории одного государства, теперь находятся на территории другого государства.

Поэтому, с целью выполнения задач уголовного производства, государства обращаются одно к другому за помощью относительно розыска подозреваемого, обвиняемого, его задержания, взятия под стражу и выдачи с целью дальнейшего расследования и осуществления правосудия. А также, по вопросам относительно производства следственных, процессуальных действий без которых невозможно успешное осуществление правосудия и выполнения судебных решений [9].

Предоставление международной правовой помощи в уголовных производствах затрагивает интересы государства, которое обратилось за данной помощью. Поэтому основным заданием указанного института, есть объединение усилий в борьбе с преступностью, предоставление государствами друг другу благоприятных условий относительно раскрытия и расследования правонарушений, изобличение лиц их совершивших и вынесения относительно их справедливого приговора. А также, выполнения решений суда, и возмещения ущерба потерпевшим независимо от территориальных границ, отличий национального законодательства и право применяющей практики таких государств [10, с.147].

Особенность института правовой помощи в уголовных производствах проявляется в том, что он имеет смешанную отраслевую принадлежность, то есть регулируется как уголовным процессуальным, уголовным так и международным правом. Предоставление правовой помощи в уголовных производствах возможно только относительно преступлений, наказания за которые на момент обращения за правовой помощью, подпадает под юрисдикцию уполномоченных органов государств, которые с таким запросом обратились.

Закон Украины «Про прокуратуру» тоже регламентирует отдельные вопросы международного сотрудничества в сфере уголовного производства. Так, органы прокуратуры, в соответствии с международными договорами Украины, согласие на обязательность которых дано Парламентом и уголовным процессуальным законодательством Украины, осуществляют сотрудничество с компетентными органами других государств по вопросам проведения процессуальных действий по расследуемым уголовным правонарушениям. А также выдачи лиц их совершивших, передачи уголовного производства, и с иных вопросов, предусмотренных такими договорами. А при отсутствии международного договора Украины, сотрудничество в этой сфере осуществляется органами прокуратуры на основании письменных гарантий. В случаях предусмотренных законодательством, Генеральная прокуратура Украины выступает центральным органом, ответственным за исполнение международных договоров Украины (ст. 92).

На Генеральную прокуратуру Украины возложена и обязанность брать участие в подготовке международных договоров в сфере уголовного судопроизводства, и заключать их с

согласия Министерства иностранных дел Украины с соответствующими государственными органами иностранных государств и международными организациями, в компетенции которых находятся вопросы, что регулируются такими договорами (ст. ст. 93, 94)[11].

Такая регламентация относительно международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства не случайная. Механизм реализации международной правовой помощи не может эффективно действовать без активного участия на стадии досудебного расследования, - Генеральной прокуратурой Украины, а на стадии судебного рассмотрения уголовного производства – Министерством юстиции Украины (ст. 545 КПК). В свою очередь, непосредственное международное сотрудничество во время уголовного производства, состоит в проведении необходимых мероприятий с целью предоставления международной правовой помощи путем вручения документов, выполнения отдельных процессуальных действий, выдачи лиц, которые совершили уголовное правонарушение, временной передачи лиц, передачи уголовного преследования, передачи осужденных лиц и выполнения приговоров. Кроме этого, международными договорами Украины могут быть предусмотрены и другие формы сотрудничества во время уголовного производства. Указанные положения прямо отображены в ст. 542 УПК Украины.

Как уже было сказано, решения в рамках оказания и предоставления международной правовой помощи на стадии досудебного расследования могут быть приняты центральным органом. Таким органом в соответствии с нормами УПК выступает Генеральная прокуратура Украины.

В соответствии с положениями действующего УПК, центральный орган Украины в случае его обращения к другому государству с запросом о предоставлении правовой помощи по уголовному производству, обязан письменно гарантировать стороне, к которой обращается с таким запросом, рассмотреть в будущем и ее запрос о предоставлении такого ж самого вида международной правовой помощи.

Аналогичные полномочия имеет и Генеральная прокуратура Украины относительно рассмотрения запроса иностранного государства, которое обращается за такой помощью. А именно, только при наличии письменной правовой гарантии данного государствана принципах взаимодействия, принять и рассмотреть в будущем запрос Украины об оказании правовой помощи.

В случае отсутствия международного договора с соответствующим государством уполномоченный (центральный) орган Украины направляет запрос о предоставлении международной правовой помощи к Министерству иностранных дел Украины с целью дальнейшей передачи его компетентному органу иностранного государства дипломатическим путем (ст. 544 КПК).

В большинстве своем, основаниями обращения к компетентным органам иностранных государств выступает необходимость получения доказательств за границей, в связи с невозможностью их получения вовремя проведения процессуальных действий на территории Украины.

Особенности доказывания в уголовных производствах относительно предоставления международной правовой помощи, тесно связаны с процессом формирования такого свойства доказательств как допустимость, а именно законность источников получения информации, процессуальной формы собирания, проверки информации и субъекта, который собирает, проверяет и оценивает информацию [12, с. 58-59].

Закон дает право суду, прокурору либо следователю по согласованию с прокурором направлять в Генеральную прокуратуру Украины запрос об оказании международной правовой помощи в уголовном производстве, которое он расследует. По окончанию рассмотрения запроса на предмет его обоснованности, соответствия требованиям законов и международным договорам, ратифицированным Украиной, Генеральная прокуратура на протяжении 10 дней направляет его уполномоченному (центральному) органу запрашиваемой стороны напрямую, либо дипломатическим путем. А в случае отказа в направлении запроса, все материалы на протяжении 10 дней возвращаются его инициатору с изложением недостатков, которые необходимо исправить, либо с пояснениями причин невозможности отправления запроса.

При получении запроса (поручения) от иностранного государства о предоставлении международной правовой помощи на территории Украины, Генеральная прокуратура по результатам его рассмотрения имеет право принять четко определенные законом решения.

Запрос компетентного органа иностранного государства об оказании международной правовой помощи исполняется на протяжении одного месяца от даты его поступления к непосредственному исполнителю. В случае необходимости исполнения сложных, больших по объему процессуальных действий, в том числе и таких, которые требуют согласия прокурора, или же проводится с разрешения следственного судьи, срок их исполнения может быть продлен Генеральным Прокурором Украины либо органом, который уполномочен вступать в отношения с компетентными органами иностранных государств (ч.3 ст. 545 УПК).

Выводы. Подводя итог всему сказанному, необходимо отметить, что институт правовой помощи в уголовных производствах, имеет смешанную отраслевую принадлежность, ибо регулируется как уголовным, уголовным процессуальным так и международным правом. Генеральная прокуратура Украины выступает субъектом международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства. Она не только берет участие в подготовке международных договоров Украины по сотрудничеству в этой сфере, но и заключает их (по согласованию с Министерством иностранных дел Украины) с соответствующими государственными органами иностранных государств и международными организациями, к компетенции которых относятся вопросы, которые регулируются этими договорами.

Список использованной литературы:

1. Уголовный процессуальный кодекс Украины. – К.: «Центр учебной литературы», 2013. – 290 с.
2. Конституция Украины : Закон Украины от 28.06.1996 р., № 254к/96-ВР // Ведомости Верховной Рады Украины. – 1996. - № 30. – Ст. 141.
3. Європейская конвенция Про выдачу правонарушителей // Официальный весник Украины. — 2004. — №26. — Ст. 1734.
4. Конвенция Организации Объединенных Наций О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ [Електронный ресурс] : дата подписания Украиной 16 марта 1989 р. : вступил в законную силу 27 ноября 1991 р.: [Електронный ресурс]. — Режим доступа : http://zakon.nau.ua/doc/.
5. Конвенция О правовой помощи и правовых отношениях в гражданских, семейных, уголовных делах : Минск, 22 января 1993 г. // Официйный весник Украины. — 1998. — № 13. — Ст. 324.
6. Конвенция про отмывание, поиск, арест и конфискацию доходов, полученных преступным путем от 08 ноября 1990 року // http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=995_029.
7. Закон Украини «Про ратификацию Конвенции Організации Объединенных Наций против корупции» от 18.10.2006 № 251-V: [Електронный ресурс]. – Режим доступа http://search.ligazakon.ua/.
8. Межнародные договора Украины о правоотношениях и правовой помощи / М-во юстиции Украины; редкол.: Л.М. Горбунова и др. – К.: Концерн "Издательский дом Ин Юре", 2004. – Т. 1: Двосторонние договора. – 368 с.
9. Про порядок застосування окремих положень міжнародних договорів України з питань правової допомоги у кримінальних справах у відносинах з державами-учасницями Конвенцій Ради Європи в галузі кримінального права : вказівка Генеральної прокуратури України від 10 серп. 2000 р. за № 14-3-98-00. — Київ, 2000.
10. Березняк В. С. Екстрадиція як інститут кримінально-процесуального права України : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Березняк Василь Сергійович. — Дніпропетровськ, 2009. — 253 с.
11. Закон України Про прокуратуру від 14 жовтня 2014 року - № 1697-VII // Відомості Верховної Ради, 2015, № 2-3, Ст. 12.
12. Особливості формування доказів та доказування в кримінальному судочинстві України / В.І. Фариник. – Х.: Фактор, 2013. – 96с.

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ МИРОВОГО ТЕРРОРИЗМА И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ БОРЬБЫ С НИМ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Шадрин О.Ю., профессор Российской Академии естествознания, кандидат юридических наук, доцент, полковник полиции в отставке, Член российской секции Международной полицейской Ассоциации (IPA)

На современном этапе развития человечества терроризм является одной из наиболее опасных и непредсказуемых форм преступности. По своей сущности терроризм является частью экстремизма, используя самые жесткие его методы, допускающие физическое устранение как государственных, политических деятелей, так и обычных граждан и даже детей. Террор перестал быть средством борьбы с физическим лицом - носителем неугодной идеи и становится средством устрашения населения, преследуя цель максимально деморализовать общество. При этом нельзя не заметить, что терроризм появляется там, где государство не справляется со своими непосредственными функциями, где ограничены возможности тех или иных массовых движений бороться за достижение своих целей легальными путями.

Терроризм сегодня все больше становится проблемой мирового характера, давно выйдя за пределы исключительно национальных конфликтов. Для многих людей, организаций терроризм стал способом решения политических, религиозных, субъективно-личностных проблем. Нынешним этапом развития терроризма является провоцирование войн, масштабные посягательства на вековые ценности - жизнь, свободу, равенство.

Не меняя своей антигуманной сущности, международных терроризм значительно изменил тактику своих действий:

- Террористические организации стали совершать значительно больше терактов, увеличивать их масштабы и жесткость, чтобы привлечь еще большее внимания мировой общественности и средств массовой информации к своим требованиям и действиям.
- Появились и получают все более распространение новые виды терроризма: так называемые идейный и гуманистический терроризм, вовлекающий в свои ряды воинствующих борцов, например «антиглобалистов», «биотеррористов».
- Расширилась география терактов.
- Усилилось взаимодействие между различными террористическими группировками в международном масштабе.
- Возросла тенденция придания своим преступным акциям религиозной подоплеки - борьба за расширение влияния определённого вероисповедания и т.д.
- Усилятся психологическое воздействие на население посредством СМИ.
- Отсутствие у представителей террористических организаций каких-либо сдерживающих факторов, присущих другим преступникам, в частности желание поскорее завершить преступление и воспользоваться его результатами.

Особой характеристикой современного терроризма является его интернационализация. Потерпев серьезный ущерб в результате антитеррористических операций, крупнейшие террористические организации вынуждены рассредоточивать свои ресурсы.

Расширяется использование нетрадиционных методом и средств осуществления терактов, применение новейших видов вооружения и техники.

Террористические организации преследуют одновременно ряд стратегически важных целей:

- Заявить о своем существовании. Идеологии и задачах, продемонстрировать результативность своих намерений.
- Воздействовать на политических, экономических или военный курс властей той страны, где совершается акция.

• Привлечь внимание морового сообщества к внутригосударственным проблемам страны в целях реализации собственных интересов.

Для достижения этих целей используется различные методы и средства вооруженной, психологической и информационной борьбы:

- диверсии, осуществляемые путем взрывов и минирования транспортных средств, зданий, в том числе и с использованием террористов-смертников. Именно диверсиями достигается наиболее мощный по степени психологический эффект;

- похищение и захват заложников, как правило, осуществляется в отношении лиц, привлекающих внимание общественности и СМИ;

- захват транспортных средств;

- покушение и убийство осуществляются вооруженными группами высокопрофессиональных террористов, отличаются демонстративной адресностью.

Активизации террористической деятельности способствуют различные как внутренние, так и внешние факторы.

К внутренним факторам можно отнести: слабое использование необходимых правовых и иных механизмом эффективного контроля и пресечения преступной деятельности; падение авторитета власти и закона вследствие недостаточно эффективной деятельности правоохранительных органов по защите прав граждан; утрата значительной частью населения жизненных ориентиров и связанное с этим обострение чувства социальной неустроенности и незащищенности.

Внешние факторы: социально-политическая и экономическая нестабильность в ряде стран, наличие в некоторых из них открытых форм вооруженного противостояния; рост числа международных террористических группировок и организаций; недостаточность надежного режима относительная легкость приобретения оружия.

При анализе терроризма как явления современности необходимо учитывать и то, что терроризм, нарушая общественную безопасность, сопутствует совершению опасных, в том числе и государственных преступлений, посягающих на суверенитет, территориальную неприкосновенность, государственную безопасность, политическую и экономическую систему.

Основным мотивом соучастия в терроризме является материальных мотив: соучастие в террористических актах рассматривается как один из способов заработка, т.е. как способ социальной адаптации.

И, на наш взгляд, это сильный удар по социокультурной политике любого государства.

К сожалению, сегодня на особую ступень развития вышел религиозный экстремизм. Экстремизм по сути своей является формой насилия по отношению в свободе и правосудию. Последователи религиозного экстремизма полагают оправданными свои попытки силой принудить к своей вере других.

Наибольшее распространение экстремизм в исламе получил в течение последних трех десятилетий. На начальном этапе побуждало к действиям религиозное рвение, сегодня - политические амбиции. Основными чертами религиозного экстремизма сегодня можно считать: большой географический размах, более высокую степень финансовой и материально-технической обеспеченности, организованность и скоординированность действий.

Радикальный исламизм, являющийся движущейся движущей силой современного международного терроризма, возник из идеологического конфликта традиционного суннитского и шиитского ислама с западной цивилизацией и связан с тем глубоким кризисом, в котором оказался исламский мир к началу XXI в.

На территории России наибольшую террористическую опасность представляют мусульманские организационно-террористические движения и формирования. В Кавказской регионе распространилось относительно новое течение экстремистского толка - ваххабизм, основной идеей которого является объединение исламских государств в священной борьбе против иноверцев. Нынешняя досрочная цель движения ваххабитов - полное отделение от России мусульманских территорий.

Наибольшую роль в том, что именно международном терроризме радикальные исламисты увидели наиболее перспективный метод борьбы, сыграли следующие факторы:

- религиозная неграмотность многих молодых мусульман, которая делает их жертвой исламистских сект, утверждающих, что лишь их трактовка Корана является истинной верной;

- неудачи революционных движений и фронтов в совершении исламских революций в арабских странах;

- трудности, которые испытывает исламских мир под влиянием вестернизации, модернизации, наступления западных ценностей – эти факторы влияют как на мусульманские общины в западных странах, так и на население арабских стран;

- развитие телекоммуникаций, способствующее усилению связей между различными частями мусульманского мира;

- серия конфликтов в Афганистане, Боснии, Албании, Косово, Чечне, Филлипинах, Индонезии и Кашмире, которые были истолкованы как столкновение исламского и христианского миров;

- распад Советского блока, Советского Союза и дискредитация коммунизма, что привело к возобновлению старых этнических и религиозных конфликтов;

- неспособность арабских националистических правительств решить проблемы общества и добиться победы над внешним врагом;

- усиление борьбы с экстремистами в арабских странах и на Ближнем Востоке, что привело в перемещению центра исламистской деятельности в другие регионы мира;

- либеральное отношение европейских правительств к иммигрантам и беженцам из мусульманских стран и терпимое отношение к их религиозной и политической деятельности и территории своей европейской родины.

В ежегодном послании Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию подчеркивается, что рост экстремизма представляет серьезную угрозу общественной безопасности в нашей стране. Поэтому на федеральном и местных уровнях должна осуществляться качественная и эффективная программа по противодействию терроризму.

Главной целью борьбы с терроризмом является создание и обеспечение единой государственной системы борьбы с ним, которая позволит поддерживать высокую степень готовности правоохранительных органов и других заинтересованных министерств и ведомств по выявлению, предупреждению и пресечению фактов терроризма, а также ликвидации их последствий и своевременному раскрытию и расследованию указанных преступлений.

Для успешной борьбы с терроризмом и его проявлениями необходимо, чтобы силовым методы, используемые мировые сообществом в борьбе с ним, сочетались с максимальными сдвигами в следующих четырёх, как минимум, направлениях:

1. Ликвидация или, по меньшей мере, нейтрализация тех социальных факторов, которые и примиренческие настроения.

2. Формирование в обществе объективных представлений о возможностях терроризма и представлений, исключающих панические и примиренческие настроения.

3. Неопровержимая демонстрация неэффективности избранной террористами тактики, подведение их к осознанию ее бессмысленности.

4. Одновременное принятие государством специальных мер, облегчающим приверженцам террористического насилия отказ от него и возвращение в нормальную жизнь.

Вместе с тем, как отметил Президент России В.В. Путин на саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, проходившем в г. Алма-Ата, одним из важнейших условий эффективной борьбы международного сообщества против терроризма должно стать отсутствие двойных стандартов в оценке преступной деятельности террористов в оценке преступной деятельности террористов независимо от того, в какой стране они действуют.

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму» направлен на регулирование процесса противодействия терроризму. Для этого он устанавливает основные

принципы противодействия терроризму, правовые и организованные основы применения Вооруженных Сил Российской Федерации в борьбе с терроризмом.

Законом регулируется порядок возмещения материального и морального вреда, причиненного лицам во время террористических актов, а также условия предоставления социальной поддержи таким лицам. Следует отметить актуальность данной проблемы, вспомнив хотя бы долгие судебные процессы родственников погибших во время террористических актов в Москве и других городах нашей страны, произошедшие ещё в начале 2000-х годов с местными властями.

В заключение хотелось бы отметить, что динамика проявлений и методов современного терроризма ужасает, и чем дольше мировое сообщество будет видеть в нем лишь акт протеста, тем меньше он будет похож на крик о помощи.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Шаймуханов А.Х., Костанайская академия МВД Республики Казахстан, магистр юридических наук

Понятийный аппарат оперативно-розыскной деятельности в последние годы развивается весьма активно, особенно в законотворческой работе. Происходит обновление терминологии, однако это будет оправданно лишь в том случае, если новые понятия обозначают новое содержание, либо существенно дополняют или изменяют термин. В законе Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 года в статье 1 «Основные понятия, используемые в настоящем Законе»,

предусматривает необходимые ключевые термины, большинство из которых

получили конкретизацию и наполнены правовым смыслом. Один из правовых смыслов является проблема риска которая присутствует в каждой статье закона, так как риск – это повседневное явление в различных сферах жизнедеятельности людей. Однако законодатель не дает прямого определения обоснованного риска, поэтому на практике применения данного института возникают проблемы, связанные с оценкой правомерности причиненного вреда[1].

Выполняя свои служебные обязанности, оперативный сотрудник нередко оказывается в сложных условиях, когда ему необходимо принять ответственное решение относительно своих дальнейших действий, от которых может зависеть здоровье и жизнь не только его самого, но и граждан. Риск возникает при проведении оперативно-розыскных мероприятий, при работе с лицами, оказывающими содействие на конфиденциальной основе. Определенный риск здесь не только допустим, но и необходим. Анализ деятельности сотрудников оперативных подразделений по предупреждению, выявлению и пресечению преступлений показывает, что она связана прежде всего с постоянным дефицитом времени; неполнотой и недостаточностью информации об объекте или процессе, по отношению к которому принимается решение; необходимостью выбора из нескольких вариантов и т. д. Правомерность риска, неизбежного в ОРД, определяется наличием такого права на риск, однако оно не абсолютно и может реализовываться лишь при наличии особых условий, предусмотренных действующим законодательством.

В толковом словаре С.И. Ожегова риск трактуется как «возможная опасность чего-либо», «действие наудачу в надежде на благополучный исход». Риск определяется как деятельность, связанная с преодолением неопределенности в ситуациях выбора, когда имеется возможность качественно оценить вероятность достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели.[2]

В научной литературе выделяются следующие условия правомерности риска: вред охраняемым уголовным законом интересам причиняется действиями (бездействием) рискующего, направленными на достижение социально полезной цели; эта цель не может быть достигнута обычными средствами, не связанными с риском; вредные последствия при риске осознаются рискующим лишь как побочный и возможный вариант его действий (бездействия); совершенные действия (бездействие) обеспечиваются соответствующими знаниями и умениями, объективно способными в данной конкретной ситуации предупредить наступление вредных последствий; лицо предприняла достаточные, по его мнению, меры для предотвращения вреда право охраняемым интересам. Уголовное законодательство, непосредственно не регламентируя отношения, складывающиеся в процессе ОРД, создает исходные предпосылки для законодательного и ведомственного регулирования ОРД.

---

[1] Закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 г. №154-X (с изменениями и дополнениями от 21.12.2017 г)

[2] "Словарь русского языка" (1949, 22-е издание, 1990; с 1992 - "Толковый словарь русского языка", С.И. Ожегова совместно с Н. Ю. Шведовой).

При обоснованном риске вред причиняется в результате действий (бездействия) лица, которые направлены на достижение общественно полезной цели, содержание которой состоит в том, что рискующий стремится к успеху, польза от которого будет для многих людей, для общества и государства, хотя рискующий осознает, что его действия могут привести и к отрицательному результату.[1] Рискованные действия не должны нарушать прямых предписаний закона или нормативных правовых актов, регламентирующих ОРД. Содержание этого понятия в законе не уточняется в связи с тем, что оно является оценочным. В данном случае речь идет об объективном и субъективном критериях достаточности: лицо обеспечило все меры безопасности рискованных действий; лицо сознает вероятную возможность и размер наступления последствий, но принимает все необходимые меры к тому, чтобы вред не наступил или, по крайней мере, был минимальным. В процессе принятия решения оперативным сотрудником относительно способа действий, которые позволят достичь желаемого результата с наименьшим риском наступления вредных последствий, следует остановиться на таких важных свойствах решений, как своевременность и гибкость. Необходимо понимать возможность путем реализации данного решения приостановить отрицательное влияние того факта, что ситуация не разрешена, а также устранить тот ущерб, который уже нанесен за период от момента выявления ситуации до момента принятия решения. Гибкость принятия решения – существование алгоритма достижения цели в случае изменения внешних или внутренних условий окружающей среды, при которых выполнение решения должно быть приостановлено и начата разработка нового решения. Особое место в процессе принятия решений, связанных с риском, отводится интуиции, которую можно охарактеризовать как основанное на предшествующем опыте человека чутье, позволяющем непосредственно проникать в сущность явлений, не опираясь на доказательства. В данном случае речь идет о выборе наиболее эффективного решения без аргументированного доказательства его правильности. С точки зрения логики интуиция признается неосознанным и необоснованным, но вместе с тем реальным и необходимым компонентом познавательной деятельности человека. Она особенно уместна в случае возникновения потребности принятия решения при отсутствии возможности вникнуть в суть и достоверно оценить складывающуюся ситуацию. К сожалению, механизм интуиции еще не изучен до конца, что дает повод воспринимать ее несколько настороженно. Однако в условиях динамичного протекания преступной деятельности потребность в принятии решений при недостатке информации возрастает, что в отдельных случаях обуславливает необходимость воспользоваться интуицией. В свою очередь, при этом необходимо максимально использовать предшествующий опыт и здравый смысл. Таким образом, проблема обоснованного риска в ОРД приобретает все большую актуальность и представляет интерес, как в теоретическом, так и практическом плане.

Список использованной литературы:

1. Закон Республики Казахстан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 сентября 1994 г. №154-X (с изменениями и дополнениями от 21.12.2017 г)

2. "Словарь русского языка" (1949, 22-е издание, 1990; с 1992 - "Толковый словарь русского языка", С.И. Ожегова совместно с Н. Ю. Шведовой).

3. Кодекс Республики Казахстан от 16.07.1997 N 167-I "Уголовный кодекс Республики Казахстан"

[1] Кодекс Республики Казахстан от 16.07.1997 N 167-I "Уголовный кодекс Республики Казахстан"

АДАПТАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ К СОВРЕМЕННЫМ УСЛОВИЯМ

Шарифзода Ф.Р., начальник Академии МВД Республики Таджикистан, к.ю.н., доцент, генерал-майор милиции

Солиев К.Х., начальник ОИУ МВД Республики Таджикистан, к.ю.н., доцент, полковник милиции

Работа нашей конференции вновь убедительно свидетельствует о том, что рост преступности в мире достиг такого уровня, когда по своим масштабам, степени воздействия на общественные, государственные институты она превратилась в фактор, реально угрожающий безопасности, стабильности и развитию различных государств.

Нам предстоит еще оценить тот огромный реальный ущерб, который наносит преступность мировому сообществу. Глобализация преступности требует глобализации борьбы с ней. Преступность мобильна, инициативна, у нее особый «рыночный» характер. Она действует вне всяких рамок и правил. И мы пока, к сожалению, отстаем в борьбе с ее новыми проявлениями.

Перед нами стоит задача объединения усилий в противодействии преступности. Только разработка универсальных рекомендаций, принципов и стандартов позволяет унифицировать и глобализировать борьбу с этим злом.

Это мое убеждение основано на твердой уверенности в том, что преступность во всех ее формах и проявлениях, независимо от того, кто, где и с какими целями прибегает к ней, неприемлема и никогда не может быть оправдана.

Единство на основе этой убежденности закладывает фундамент для коллективных и глобальных, как мы надеемся усилий по борьбе с преступностью - усилий, которые будут предприниматься нами, так что каждый при этом будет использовать свои сильные стороны для дополнения усилий других.

Как известно, роль уголовной политики в борьбе с преступностью безусловна, поскольку она, исходя из сложившихся условий, способна направлять законотворческую и судебную практику в нужное русло.

При этом современное формирование уголовной политики должно отражать процесс проникновения социального, и особенно политического элементов в уголовно-правовую догму, их корреляции и взаимодействия.

Организационные основы уголовной политики должны отражать существующие угрозы, с возможностью быстрой адаптации к новым тенденциям преступности.

И здесь на ваше обсуждение представляем ряд идей, может быть и неординарных:

1. В последние десятилетия наблюдается опасная тенденция, заключающаяся в попытке исказить сущность тех или иных явлений, и даже ценностей – культурных, религиозных, исторических, правовых – смысл которых не до конца ясен нам, преподносящим материал широкому кругу аудитории. **Речь в данном случае идёт о формировании идеи нетерпимости и ксенофобии к религии Ислама.**

Исходя из того, что ислам как одна из мировых религий к терроризму и экстремизму отношение не имеет, необходимо чтобы в лексиконе журналистов, политиков, тем более ученых не употреблялись слова, искажающие сущность и истинный смысл религиозных ценностей. Например, очень часто в средствах массовой информации мы встречаем использование журналистами, политиками, тем более учеными таких словосочетаний как «исламист», «джихадист» и т.д., тем самым, придавая негативный оттенок положительным сторонам и качествам этой религии.

Таким образом создаётся эффект ореола – хорошее название для распространенного искажения фактов. А это в свою очередь играет серьезную и опасную роль в нашем видении людей, культур, историй и религий. Это может поспособствовать разжиганию религиозных разногласий.

Все мировые лидеры неоднократно подчеркивали и утверждают, что Ислам содержит очень важное и благородное свойство – это призыв к благому и осуждение порицаемого. Ислам требует от мусульман (будь они мужчинами или женщинами), достигших совершеннолетия и находящихся в здравом уме, призывать к благу и осуждать зло, каждый по мере своих возможностей, своими руками, языком или сердцем.

Исходя из этого, слова «исламист» и «джихадист» исконно имеет положительную окраску и оттенок, нося позитивную смысловую нагрузку. Например, слово «джихад» (от араб. - «усилие») - понятие, которое в исламе означает усердие на пути Аллаха, борьба за веру.

«Джихадом» в исламе, прежде всего, является борьба со своими духовными или социальными пороками (например, с ложью, обманом, развращённостью общества и так далее), устранение социальной несправедливости, постоянное усердие в деле распространения ислама, наказание преступников и правонарушителей.

Кроме того, слово «джихад» означает любое усилие или усердие, в частности в работе, учёбе и так далее.

Вместе с тем, имеет место и **понимание «военного джихада»** (газават), которое согласно канонам ислама приемлемо только в приведении войны с агрессорами. Его необходимость возникает только в том случае, если в какой-либо стране мусульманам запрещают исповедовать свою религию, если их притесняют и т. д.

Таким образом, придание этим словам лишь отрицательный смысл и оттенок может привести к нежелательному смещению понятий и под влиянием пропагандисткой машины может ввести общественность в заблуждение и фальсификации действительности.

И для правильной расстановки акцентов роль науки, ученых здесь неоценима и велика, так как, несведущими людьми для удобства и популизма вместо использования описательных выражений в форме эвфемизма, часто используются выражения в форме дисфемизма, что является не приемлемым.

И мы - люди науки, должны это остановить.

2. Известно, что розыскная деятельность является важнейшим элементом в борьбе с преступностью как внутри страны, так и на международном уровне. Поэтому, хотелось бы сказать несколько слов об эффективности международного розыска в пределах СНГ.

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД Республики Таджикистан по состоянию на начало 2018 года, разыскиваются почти 3 тысяч лиц, причастных к различным преступлениям. Из них объявлены в межгосударственный розыск более 2 тысяч лиц.

Несмотря на предпринимаемые усилия правоохранительных органов республики по задержанию разыскиваемых лиц, одной из основных проблем в данном направлении является, приобретение разыскиваемыми лицами гражданства других государств, в частности гражданства государств-участников СНГ. И это обстоятельство затрудняет их экстрадицию и привлечение к уголовной ответственности. Так, нами выявлено более 200 разыскиваемых граждан Республики Таджикистан, которые в период нахождения в розыске получили гражданство других государств.

Думаем, что приобретение гражданства другого государства, в частности, государств-участников СНГ со стороны лиц с антиобщественными установками, имеет лишь одну цель: создать для себя благоприятные условия, позволяющие лидерам и активным участникам экстремистских сообществ совершать безнаказанно преступления против интересов Республики Таджикистан, находясь на территории другого государства. И это делается с чётким пониманием дела и ясным представлением того, что в такой ситуации их преступные деяния не попадают под юрисдикции страны, против которой они совершаются. И препятствием к этому является наличие гражданства страны пребывания.

Однако, интересы борьбы с преступностью, особенно с новыми угрозами и вызовами, которые неоднократно заявлены во многих международных Конвенциях, Соглашениях, Про-

токолах и Планах, вынуждает нас учесть психологию преступников, откровенно, и даже нагло, пользующимися гуманистическими началами международного права.

Поэтому, есть основание предложить следующее: внести в двусторонние международно-правовые документы изменения и дополнения, согласно которым лица, имеющие двойное гражданство (например, гражданство Республики Таджикистан и Российской Федерации), могут быть выданы запрашиваемой Стороне в случае совершения ими преступления против интересов какой-либо заинтересованной страны.

3. По-видимому, наступает момент, когда следует изложить схему реконструкции или модернизации и политической и правовой мысли в сфере противодействия опасным вызовам и угрозам. Уже накопившийся довольно большой объем нестандартного эмпирического материала нуждается не только в оценке, но и в исследовании и систематизации. Речь идет об одной нестандартной линии поведения, которое хотя и существует, и реализовывается, но почти оно никем не осуждается, даже оно приветствуется абсолютным большинством населения.

Специалисты, исследующие проблему терроризма, выделяют две возможные стратегии борьбы с терроризмом — «прогрессивную» и «консервативную»:

- «Консервативная» стратегия подразумевает частичные уступки требованиям террористов — выплату выкупа, территориальные и моральные уступки (например, признание ценностей, поддерживаемых террористами, признание лидеров террористов равноправными партнёрами по переговорам и т. д.).
- «Прогрессивная» стратегия означающее безоговорочное уничтожение террористов и их сторонников.

Относительно сказанного подхода, муссируется идея о том, что как чрезвычайная, крайняя избирательная мера он имеет право на существование. Отмечается, что только применение таких чрезвычайно «эффективных» мер в нынешних условиях способно реализовать идею спасения вообще общества и возвращению его к цивилизованному пути развития. В противном случае преступность окажет мощное воздействие на образ жизни различных социальных групп и слоев населения.

Реализация на практике указанных проблем позволит государству не только установить преимущества в борьбе с организованной преступностью, но и перейти в решительное наступление против нее.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Шинкарук В.М., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

В связи с участием адвоката на стороне защиты в ходе досудебного производства по уголовному делу в литературе высказываются идеи относительно так называемого защитительного заключения. Как известно, предварительное расследование завершается составлением итогового процессуального документа – обвинительного заключения, в котором излагается и обосновывается решение относительно формулировки обвинения в отношении привлекаемого к уголовной ответственности лица и необходимости направления уголовного дела в суд. В обвинительном заключении устанавливаются пределы судебного разбирательства и формулируется общее направление деятельности государственного обвинителя на судебной стадии уголовного судопроизводства.

Среди правоведов-процессуалистов звучали предложения о необходимости внесения в УПК РФ нормы, предусматривающей обязанность защитников по составлению защитительного заключения и по его представлению в суд. Предлагалось, что данное заключение должно вручаться заинтересованным сторонам и оглашаться в начале судебного следствия. Планировалось, что данное заключение будет иметь, прежде всего, справочное значение для суда наравне с обвинительным заключением. Защитительное заключение призвано систематизировать позицию стороны защиты, обосновывать соответствие выводов фактическим материалам дела, подтвержденным собранными защитником доказательствами в соответствии с требованиями действующего законодательства [3, С.26-31].

Авторы, предлагавшие введение института защитительного заключения в уголовный процесс, наделяли данный документ обязательными правовыми свойствами:

- обоснованность;
- мотивированность;
- четкость;
- последовательность;
- логичность;
- лаконичность;
- конкретный характер;
- определенность [4, С.3-8].

Однако, несмотря на определенный положительный заряд в указанных выше предложениях относительно защитительного заключения, законодатель пока не счел возможным реализовать его в действующем УПК РФ.

В соответствии со ст. 46 и 47 УПК РФ подозреваемому и обвиняемому предоставлен широкий перечень прав, что дает основание для вывода о том, что у стороны защиты имеется достаточно правовых возможностей для реализации права на защиту. В литературе указывается, что недостаточно простого формулирования в УПК РФ тех или иных прав. Должна быть система, которая бы обеспечивала возможность реализации данных прав, что осуществляется возложением на уполномоченные органы государственной власти соответствующих обязанностей [6, С.327].

По мнению А.С. Барабаша, сторона защиты не является субъектом собирания доказательств по делу. Адвокат и его подзащитный могут только предоставлять органам предварительного расследования информацию, которая получает статус доказательства только при условии соответствующего санкционирования следователя или дознавателя [1, С.46-50].

С указанной выше точкой зрения соглашается С.А. Шейфер, который отмечает, что защитник не вправе проводить равноценное по значению деятельности следователя свое соб-

ственное расследование, формировать доказательства в систему доказательственной информации, противостоящей собранным следователями доказательствам [7, С.117].

Вина обвиняемого в совершении преступления в соответствии с УПК РФ должна быть доказана силами следователя и прокурора, которые действуют на различных стадиях уголовного судопроизводства. Обвиняемый не обязан доказывать собственную невиновность. Он имеет право представлять доказательства, которые его оправдывают или смягчают ответственность. Только сторона защиты вправе решать, следует ли пользоваться данным правом или нет.

В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 220 УПК РФ в обвинительном заключении должны быть приведены доказательства, на которые ссылается сторона защиты. В этой норме законодатель предпринял попытку предоставления стороне защиты указанного выше права. Но в приведенной норме соответствующее право реализовано не полностью, так как доказательства стороны защиты приводятся представителем стороны обвинения, а не непосредственно обвиняемым и его адвокатом.

По нашему мнению, существенное значение для практической реализации принципа состязательности сторон в ходе досудебного производства по уголовному делу имеет разделение доказательств на обвинительные и оправдательные [5, С.189-192]. Каждая сторона должна предоставить и систематизировать те доказательства, на которые она ссылается в обоснование своей позиции по делу. Подобная позиция была высказана О.Д. Жуком, который отмечал, что в обвинительном заключении, которое по сути является итоговым процессуальным решением стороны обвинения, не должны представляться доказательства стороны защиты, так как это противоречит принципу состязательности сторон. Подобная практика может привести к злоупотреблениям со стороны недобросовестных следователей, которые могут исказить существо доказательств, представленных стороной защиты [2, С.248].

Реализация принципа состязательности в ходе досудебной стадии уголовного судопроизводства возможно в ходе рассмотрения судом ходатайств органов следствия об избрании определенных мер пресечения, а также в ходе осуществления судебного контроля, проявляющегося при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ.

Для подготовки предпосылок для реального противоборства сторон в ходе судебного заседания сторона защиты ограничена законодательством в части полномочий на собирание доказательств, подтверждающих занятую ею позицию. На практике львиная доля ходатайств и заявлений защитника на стадии предварительного расследования попросту отклоняются, зачастую по надуманным основаниям. Следователи и дознаватели выносят постановления о полном или частичном отказе в удовлетворении поданных ходатайств. Подобное положение вещей нельзя считать неожиданным, так как следователь представляет сторону обвинения и в силу этого он не объективен. В силу сложившихся критериев оценки деятельности органов предварительного следствия следователь должен доказать обвинение и направить уголовное дело в суд. Впоследствии эти же ходатайства сторона защиты вынуждена заявлять на этапе ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела. И даже в этом случае следователи чаще всего отказывают в удовлетворении ходатайств. Но в последнем случае причиной отказа может являться отсутствие процессуальных сроков для проведения следственных и процессуальных действий, о которых ходатайствует сторона защиты. В результате сторона защиты вынуждена все свои ходатайства, которые были отклонены на стадии предварительного следствия, представлять суду. В связи с этим необходим дополнительный контроль за обоснованностью и аргументированностью постановлений следователей и дознавателей об отказе или о частичном отказе в удовлетворении ходатайств стороны защиты. Данный контроль должен осуществляться руководством следственных подразделений и органа дознания, а также прокурором. В результате данных контрольных мероприятий следователи и дознаватели приучатся внимательно и ответственно рассматривать ходатайства стороны защиты.

Таким образом, изложенная в настоящем параграфе информация указывает на то, что в современном российском уголовном судопроизводстве отсутствуют реальные условия для

обеспечения подлинной реализации принципа состязательности сторон на стадии досудебного производства по делу. Совершенно очевидно, что уголовно-процессуальное законодательство нуждается в совершенствовании в сторону обеспечения более активного участия защитника в производстве следственных и иных процессуальных действий, обеспеченного действенным механизмом по принуждению стороны обвинения к уважению и соблюдению прав стороны защиты.

Чтобы разрешить установленные разногласия, необходимо внести, по нашему мнению, следующие изменения в уголовно-процессуальное законодательство:

1. В п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, ч. 3 ст. 86 УПК РФ необходимо внести положения, касающиеся представления полученных защитником предметов, документов и других сведений дознавателю, следователю или суду и последующего их приобщения к материалам уголовного дела;

2. Отредактировать ч. 3 ст. 88 УПК РФ. В частности, необходимо предусмотреть, что вопрос о недопустимости доказательств, которые собраны как стороной обвинения, так и стороной защиты, должен разрешаться только судом. Причем данное полномочие должно носить исключительный характер, то есть сторона обвинения должна сохранить за собой право признавать недопустимыми только обвинительные доказательства, но не доказательства, которые оправдывают обвиняемого или иным образом улучшают его положение;

3. Дополнить УПК РФ новой главой, которая была бы посвящена регламентированию формы и содержания фиксации произведенных защитником действий, связанных с получением предметов, документов, иных сведений в рамках его деятельности по собиранию доказательств.

Список использованной литературы:

1. Барабаш А.С. Обвинение как двигатель уголовного процесса // Адвокатская практика. – 2006. - №5. – С. 46 – 50.

2. Жук О.Д. Оперативно-розыскное преследование по делам об организации преступных сообществ. – М.: Альфа-М, 2010. 480 с.

3. Маслова М.В. Судебное следствие и деятельность защитника по доказыванию // Российский судья. – 2016. - №2. – С. 26 – 31.

4. Мельников В.Ю. Необходимо ли возвращаться к вопросу адвокатского расследования // Адвокатская практика. – 2015. - №4. – С. 3 – 8.

5. Назаров С.Д., Печников Г.А., Шинкарук В.М. Результаты оперативно-разыскной деятельности в свете объективно-истинного и состязательного уголовного процесса// Вестник Волгоградской академии МВД России, Выпуск 1 (28) 2014: научно-методический журнал. Волгоград: ВА МВД России, 2014. С. 188-192.

6. Основы уголовного судопроизводства: учебник для бакалавров. Под ред. В.А. Давыдова, В.В. Ершова. – М.: РГУП, 2017. – 444 с.

7. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М.: Норма, 2009. – 240 с.

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОРГАНИЗАЦИЕЙ ЛИБО СОДЕРЖАНИЕМ ПРИТОНОВ ИЛИ СИСТЕМАТИЧЕСКИМ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕМ ПОМЕЩЕНИЙ ДЛЯ ПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Щербич А.Н., старший оперуполномоченный отдела информационно-аналитической работы Организационно-аналитического управления Главного управления по контролю за оборотом наркотиков МВД России, полковник милиции

В истории отечественного уголовного права институт противодействия незаконному обороту наркотических средств и других одурманивающих веществ введен Уголовным кодексом РСФСР 1926 года, и в дальнейшем подвергался необходимым изменениям [1, 24].

Наряду с нормами о запрещении незаконного оборота наркотиков и одурманивающих веществ в УК РСФСР 1926 г. предусматривалась ответственность за содержание притонов, в которых производился их сбыт или их потребление (ч. 2 ст. 104 УК РСФСР).

Затем в УК РСФСР 1960 г. ответственность за организацию или содержание притонов для потребления наркотических веществ введена Указом Президиума ВС РСФСР от 15 июля 1974 года (ст. 226.1УК РСФСР) [2, 56].

В 1996 году в новом Уголовном кодексе РФ законодателем предусмотрена ответственность за организацию либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ (ст. 232).

В ходе дальнейшего совершенствования институтов уголовного законодательства данная норма неоднократно уточнялась. В настоящее время в ст. 232 под запретом находятся уголовно наказуемые деяния, связанные с организацией наркопритонов, их содержанием, а также систематическим предоставлением помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ, а также их аналогов.

Последнее положение о систематическом предоставлении помещений для потребления наркотиков в диспозицию ст. 232 внесено Федеральным законом от 28 декабря 2013 г.№ 381-ФЗ «О внесении изменений в статью 232 Уголовного кодекса Российской Федерации» [10, 3].

Кроме того, диспозиция статьи указанным Федеральным законом также расширена примечанием, уточняющим содержание «систематического предоставления помещений», под которым понимается предоставление помещений более двух раз. При этом уголовная ответственность за содержание притонов для потребления наркотиков после внесения изменений в ст. 232 сохранена, как это и подтвердил Верховный Суд РФ в определениисуда кассационной инстанции от 16 декабря 2014 г.№ 47-УД14-12 по жалобе Чупахина А.А., осужденного по ч. 2 ст. 228 и ч. 2 ст. 232 [11].

Изменения законодательства последнего времени положительно сказались на характере противоправной деятельности, связанной с притоносодержательством, и динамике выявления таких преступлений.

В современных условиях деятельность правоохранительных органов по пресечению распространения в притонах наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, продолжает оставаться актуальной и оказывает существенное влияние на обеспечение общественной безопасности и защиту здоровья населения России.

В 2016 году после преобразований в системе правоохранительных органов, связанных с совершенствованием государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров [5, 8], фокус внимания органов внутренних дел сосредоточен на повышении эффективности противодействия притоно - содержательству [3, 5].

Успех расследования преступлений этой категории, сроки дознания (ч. 1) и следствия (ч. 2 и ч. 3) напрямую связаны с организацией расследования и пониманием сложившейся судебной практики по таким делам.

Несмотря на достаточно устоявшуюся судебную практику, в настоящее времени имеют место ошибки, допускаемые при квалификации преступлений указанного вида, что автоматически влечет за собой проблемы в доказывании.

Так, разрешая вопросы в ходе возбуждения уголовных дел, производства предварительного расследования и рассмотрения уголовных дел в суде, необходимо исходить из разъяснений данных в Пленуме Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 [4, п. 32], уточняющих основные уголовно-правовые признаки притона. Так, под содержанием притона следует понимать умышленные действия лица по использованию помещения, отведенного и (или) приспособленного для потребления наркотических средств или психотропных веществ, по оплате расходов, связанных с существованием притона после его организации либо эксплуатацией помещения (внесение арендной платы за его использование, регулирование посещаемости, обеспечение охраны и т.п.).

Например, исправляя допущенную судом первой инстанции ошибку, судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда в апелляционном определении от 17 апреля 2017 г. исключила из приговора постановленного Нагатинским районным судом г. Москвы от 18 октября 2016 г. в отношении гражданина Е., ч. 1ст. 232 УК РФ, которым последний признан виновным в содержании притона и систематическом предоставлении помещений для потребления наркотических средств, исключила указание на содержание притона и смягчила назначенное наказание. Свое решение суд апелляционной инстанции мотивировал тем, что гражданин Е. действительно проживал в квартире и систематически предоставлял ее для потребления наркотиков иным лицам. В то же время каких-либо конкретных действий, направленных на содержание помещения для потребления наркотических средств, ему не вменялось, а само по себе содержание квартиры в пригодном состоянии, в которой осужденный зарегистрирован и фактически проживал, а также предоставление наркопотребителям предметов, необходимых для приготовления и потребления наркотического средства, не может расцениваться как содержание притона. Таким образом, действия Е. в данном случае не требовали дополнительной квалификации, как содержание притона [7].

Напротив, несколько иной подход в трактовке понятия содержание наркопритона и оценки объективной стороны состава преступления демонстрирует Московский городской суд в постановлении от 28 декабря 2016 г. об отказе в передаче кассационной жалобы осужденного Л. на приговор Черемушкинского районного суда г. Москвы от 2 июля 2014 г. и апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 8 сентября 2014 г. для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции, в которой излагается просьба изменить состоявшиеся судебные решения, исключив из них указание на его осуждении по ч. 1 ст. 232 и снизив назначенное наказание [8].

Так, в своем решении Мосгорсуд под содержанием притона понимает действия по поддержанию функционирования или использования данного помещения, которые могут заключаться в частности, в регулировании посещаемости, информировании заинтересованных лиц о существовании притона, предоставлении приспособлений для потребления и приготовления наркотических средств (посуды, компонентов, техники, приборов), обеспечении лиц медицинскими шприцами, жгутами и т. п., уборке помещения после приготовления и потребления наркотических средств и т. п.

Федеральным законом N 381-ФЗ в диспозицию ст. 232 УК РФ была включена третья форма совершения данного преступления - систематическое предоставление жилого помещения для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Однако из-за отсутствия стабильной судебно-следственной практики, соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ, а также научных публикаций сформулировать однозначный вы-

вод о ее сущности, а также разграничении со смежными формами (организацией и содержанием) крайне затруднительно [9, 35].

Также необходимо отметить отсутствие в настоящее время правовой позиции, которая бы разъясняла, важные для правильной квалификации вопросы, например установление времени предоставления помещения для потребления наркотиков, которое может предшествовать организации и содержанию притона.

Например, научным коллективом Сибирского юридического института МВД России в методических рекомендациях, посвященных расследованию организации либо содержания притонов или систематического предоставления помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов [11, 37], указывается о том, что предоставление помещения для потребления наркотиков «… по времени предшествует организации и содержанию притона, так как данный состав предполагает, что помещение в основном используется по прямому назначению и лишь временно (несколько раз) предоставлялось для потребления наркотических средств (помещение еще не является собственно притоном»).

Вместе с тем, авторы указанных методических рекомендаций, указывают на исключения, например: «Если на момент предоставления помещения оно уже функционировало в качестве притона (т. е. предоставлению помещения предшествовали действия по организации или содержании притона), то содеянное (предоставление помещения-притона) необходимо рассматривать как организацию и (или) содержание притона в зависимости от фактических обстоятельств».

Обращаясь к вопросу о времени совершения преступления, как определяющем элементе объективной стороны исследуемого состава преступления (содержание притона или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов), следует сказать, что это обусловлено необходимостью установления фактов в их количественном выражении предоставления помещений. В примечании к ст. 232 УК РФ указано, что под систематическим предоставлением помещений понимается предоставление помещений более двух раз, но отсутствует указание на период (в течение недели, месяца, года) в криминалистической и уголовно-правовой литературе предлагается исчислять одним годом. Соответственно, разрыв во времени между двумя деяниями длиной более одного года, на наш взгляд свидетельствует об отсутствии как системы в действиях виновного и как следствие состава преступления.

Таким образом, обозначенные выше не разрешенные проблемы уголовно-правового характера, приводят к серьезным нарушениям процессуальных прав участников уголовного судопроизводства и дополнительного использования ресурса судебного аппарата. Так законодатель должным образом не обеспечивает единого подхода к регулированию вопросов, возникающих в материальном праве, в частности уголовном, что лишает единства судебную практику и приводит к неоправданным нарушениям прав, и законных интересов личности.

Правоприменительная требует нового осмысления уголовно-правовых признаков наркопритонов и последующего законодательного закрепления результатов проделанного труда в Уголовном кодексе РФ.

Список использованной литературы:

1. Постановление ВЦИК от 01.06.1922(ред. от 25.08.1924) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // КонсультантПлюс (дата обращения: 26.02.18).

2. Постановление ВЦИК от 22.11.1926(ред. от 20.08.1930) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»)// КонсультантПлюс (дата обращения: 26.02.18).

3. Осипов Г.Л. Притоносодержательство для потребления наркотических средств или психотропных веществ: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

5. Указ Президента РФ от 05.04.2016 № 156(ред. от 21.12.2016) «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции».

6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации(постатейный).13-е изд., перераб. и доп. / Отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2013. // КонсультантПлюс (дата обращения: 12.04.18).

7. Апелляционное определение Московского городского суда от 17.04.2017 // КонсультантПлюс (дата обращения: 12.04.18).

8. Постановление Московского городского суда от 28.12.2016 № 4у-5964/2016 // КонсультантПлюс (дата обращения: 12.04.18).

9. Земцова С.И., Суров О.А.О некоторых элементах предмета доказывания при расследовании преступлений, связанных с организацией либо содержанием притонов или систематическим предоставлением помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов //Современное право", 2014, N 10 // КонсультантПлюс (дата обращения: 12.04.18).

10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ(ред. от 19.02.2018) // КонсультантПлюс (дата обращения: 12.04.18).

11. Федеральный закон от 28.12.2013 № 381-ФЗ «О внесении изменений в статью 232 Уголовного кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс (дата обращения: 15.04.18).

12. Определение Верховного Суда РФ от 16.12.2014 N 47-УД14-12// КонсультантПлюс (дата обращения: 15.04.18).

13. Методика расследования организации либо содержания притонов или систематического предоставления помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: методические рекомендации / С.И. Земцова [и др.] – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2017. – 50 с.

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

Юлдошев Рифат Рахмаджонович , кандидат юридических наук, доцент, майор милиции, начальник отдела адъюнктуры Академии МВД Республики Таджикистан

Современный этап становления и развития уголовной политики Республики Таджикистан непосредственно связан с принятием действующих УК, УПК и КИУН Республики Таджикистан, которые во многом предопределили попытку кардинальным образом провести реформу в указанных областях. Предпринимаемые шаги инициаторов-реформаторов побудили автора еще раз переосмыслить «движущую силу» – направление планируемых попыток-предложений в контексте формирования отечественной уголовной политики.

Отрадно отметить, что в рамках формирования консистенции уголовной политики сделано многое, приняты необходимые документы, но также присутствует ряд тенденций, которые требуют более детального обсуждения в рамках определения будущих перспектив идей и замыслов инициаторов-разработчиков.

Необходимо отметить, что в Таджикистане продолжается судебно-правовая реформа, приняты три программы. Протяженность их действия исчисляется 2007 и концом 2017 гг.[1]. Работа по разработке четвертой программы уже началась[2], активно обсуждается и согласовывается ее содержание. Указанными документами законодатель не ограничился, а поэтапно стал разрабатывать и принимать другие нормативные правовые акты, которые стали неким «постулатом» в оптимизации государственной уголовной политики республики. Содержание и оптимизация уголовной политики также требует системной правотворческой деятельности, которая будет отвечать последним требованиям современных вызовов и угроз.

В контексте дальнейшего развития правотворческой деятельности в Таджикистане – Основатель мира и Национального единства, Лидер нации, Президент Эмомали Рахмон в своем ежегодном послании парламенту поручил Министерству юстиции, Генеральной прокуратуре и Национальному центру законодательства разработать Концепцию правовой политики Республики Таджикистан и представить Правительству[3]. Документ был разработан и принят на 2018-2028 гг.[4]. Как правильно утверждается в документе основу законодательства и правовой политики страны составляют научные исследования, в которых всесторонне анализируются различные злободневные вопросы, раскрываются их различные аспекты, в том числе закономерности их развития, опыт других стран, исторический и правовой опыт таджикской государственности (пункт 63). С принятием данного документа многие связывали точность и конкретизацию многих направлений или составляющих компонентов правовой политики государства. Нами в конце анализа будет представлен краткий комментарий по со-

[1] Об утверждении и принятии Программы судебно-правовой реформы в Республики Таджикистан на 2007-2011 г.: указ Президента Республики Таджикистан от 23.06.2007 г. за № 271; Об утверждении и принятии Программы судебно-правовой реформы в Республики Таджикистан на 2011-2013 гг.: указ Президента Республики Таджикистан от 03.01.2011 г. за № 976; Об утверждении и принятии Программы судебно-правовой реформы в Республики Таджикистан на 2015-2017 г. : указ Президента Республики Таджикистан от 05.01.2015 г. за № 327 // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL: http://mmk.tj (дата обращения: 13.09.2016 г.).

[2] В соответствии с распоряжением Председателя исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан О. Э. Рахмон от 04 мая 2018 г. рабочая группа по разработке «Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2019-2023 гг.» сформирована. Необходимо отметить, что в состав рабочей группы включены ведущие ученые юридического факультета ТНУ – доцент И. Т. Махмудов и профессор З. Х. Искандаров.

[3] Послание Президента Республики Таджикистан, Лидера нации Эмомали Рахмона Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – Душанбе : Издательство «Шарки Озод», 2016. – С. 32.

[4] Утверждена указом Президента Республики Таджикистан от 6 февраля 2018 г. за № 1005.

держанию элементов уголовной политики в тексте Концепции правовой политики Республики Таджикистан.

Платформа 20-летия Уголовного кодекса Республики Таджикистан позволяет нам сделать некоторые промежуточные выводы относительно истории и современных тенденций развития уголовной политики государства. Постараемся проанализировать ключевые документы, показать взаимосвязь и отсутствие системности в различных направлениях совершенствования отраслевого законодательства. В основном фокус будет сделан на уголовном, уголовно-процессуальном и уголовно-исполнительном законодательстве республики.

Анализ промежуточных и итоговых результатов реформ[1], их реальное воплощение и хаотичное направление в совершенствовании уголовной политики со всеми ее вытекающими достижениями и последствиями, свидетельствуют о слабом прогнозировании взаимообусловленности и взаимосвязанности принимающих документов и их последующей реализации в целом. В этой связи, считаем необходимым еще раз подчеркнуть, что одной из целей реформирования юстиции в целом и судебной реформы в частности должно было стать *обеспечение доступа граждан к правосудию и его эффективное функционирование через создание условий объективности уголовно-статистической информации,* однако ни одна из принятых ключевых документов такой цели перед собой не ставила.

Совершенно по-другому подошли к решению этой проблемы авторы-разработчики Стратегии реформы милиции Таджикистана на 2013-2020 годы, утвержденной Указом Президента Республики Таджикистан № 1438 от 19 марта 2013 года.

Составители отмечают, что «изменения, вносимые в работу судов, и других правоохранительных органов, с неизбежностью повлияют на характер деятельности других частей этой системы, в том числе и на работу органов внутренних дел и, прежде всего, милиции. Но существующая практика работы этих структур может ограничить позитивный эффект от судебно-правовой реформы. По этой причине судебно-правовая реформа должна также сопровождаться реформированием и развитием милиции Таджикистана, а также других элементов правоохранительной системы[2]».

Поэтому, на их взгляд, «реформа милиции должна стать первым шагом, который будет дополнен и усовершенствован соразмерными изменениями в работе других правоохранительных и судебных органов».

По мнению разработчиков Стратегии, фокус профилактической работы по предупреждению преступлений и правонарушений должен быть смещен в сторону повышения уровня защиты и восстановления прав лиц, пострадавших от преступных посягательств. Первоочередность задачи защиты прав лиц, пострадавших от преступлений, предполагает усиление работы по обеспечению безопасности потерпевших и их близких в случае возникновения угроз, создание условий, располагающих потерпевших к сотрудничеству с правоохранительными органами, а также обеспечение реализации процессуальных прав потерпевших и их эффективного участия в юридических процедурах. Как и в случае с профилактикой правонарушений и преступлений, эта цель должна найти адекватное отражение в системе оценки работы милиции, в организационной структуре, а также в методах работы милиции.

Кроме того, Стратегия предполагает повышение уровня процессуальной роли жертв преступлений, гарантий возмещения вреда потерпевшим от преступлений, усиление правовой и социальной защиты участников уголовного процесса. Авторы считают необходимым

[1] Программа судебно-правовой реформы на 2011-2013 годы : предварительные результаты и дальнейшие шаги. – Душанбе, 2013. – 85 с.; Юлдошев Р.Р. Некоторые концептуальные основы судебно-правовой реформы Таджикистана в контексте преодоления юридических препятствий // Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов: вопросы идентификации и преодоления: монография / В.М. Абдрашитов и др.; под ред. В.Ю. Панченко, А.А. Петрова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – С. 120-128.

[2] «О Стратегии реформы милиции на 2013-2020 годы»: указ Президента Республики Таджикистан от 19 марта 2013 года № 1438.

законодательно закрепить права жертвы преступления на возмещение ущерба и на помощь (компенсацию) со стороны государства.

В целом Стратегия подчеркивает взаимозависимость реформирования милиции, уголовной юстиции, административной реформы, реформы органов государственной власти и органов местного самоуправления: реформирование милиции, по мнению авторов, должно происходит в рамках коррекции уголовной политики государства, встроенной в процессе административной и судебно-правовой реформы, а также учитывать особенности текущего состояния экономики, государственного управления, развития гражданского общества и пр.

Другим документом, который будет проанализирован, является Концепция уголовно-правовой политики Таджикистана[1] (далее – Концепция).

Концепция состоит из: 1) Общих положений; 2) Целей и задач уголовно-правовой политики; 3) Основных направлений уголовно-правовой политики; 4) Обеспечения условий эффективности уголовно-правовой политики; 5) Эффективности уголовно-правовой политики Республики Таджикистан; 6) Условий и предпосылок изменения уголовного законодательства и 7) Сроков реализации Концепции.

Если учитывать сроки реализации Концепции, то на первом этапе (2014-2017 гг.) необходимо создание организационных, информационных и научно-методических предпосылок для совершенствования уголовного законодательства Республики Таджикистан и практики его применения, а на втором этапе (2018-2020 гг.) будут продолжаться реализовываться основные направления совершенствования уголовного законодательства.

По утверждению разработчиков Концепции, она является основой для разработки перспективных и ежегодных планов законопроектной деятельности Правительства Республики Таджикистан в области защиты личности, общества и государства от преступных посягательств средствами уголовного законодательства, проектов нормативных правовых актов в области совершенствования уголовного законодательства и практики его применения, а также основой для оценки и последующей корректировки уголовно-правовой политики (Раздел 1.5 Концепции).

Другим положительным моментом является научно-методическое обеспечение эффективности уголовно-правовой политики, которое предполагает ее надлежащее доктринальное сопровождение на всех этапах законотворчества. Далее указывается, что приоритетными направлениями научных исследований в области уголовно-правовой политики являются: мониторинг уголовного законодательства Республики Таджикистан и практики его применения; прогнозирование и уголовно-правовое и криминологическое моделирование; изучение причин и обстоятельств совершения преступления с криминологической обусловленностью и эффективности уголовного законодательства; анализ системы и практики реализации мер уголовно-правового характера и иных правовых последствий совершения преступления; разработка эффективных методик криминологической, антикоррупционной, правовой, лингвистической и иных экспертиз уголовного законодательства; использование сравнительного правоведения в сфере уголовного права (Раздел 4.23 Концепции). Частично изложенные утверждения раскрывают некую своевременность данного документа, что в общем свидетельствует о качественном и количественном уровне ее подготовки авторским коллективом.

К отдельным общим недостаткам анализируемой Концепции следует отнести нелогичное изложение некоторых идей и рекомендаций, частые повторы в тексте, и ошибки и т.д. Например, одной из целей уголовно-правовой политики государства указано достижение «качественного улучшения реального состояния преступности[2]». К сожалению, из этих це-

[1] Концепция уголовно-правовой политики Республики Таджикистан: утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 02 ноября 2013 г., за № 492 // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL: http://mmk.tj (дата обращения: 15.01.2018 г.).

[2] Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL: http://mmk.tj/ru/Government-programs/concept/jinoyat (дата обращения: 15.01.2018 г.).

лей вообще выпала *задача создания условий построения объективной системы выявления, регистрации, учета и оценки преступлений.*

Ядром данного анализа являются следующие компоненты Концепции, а именно: осуществление уголовно-правовой политики государства как политика предупреждения преступности, которая осуществляется совместно с уголовным правом, криминологией, уголовным процессом и исполнением уголовного наказания (Раздел 3.14 Концепции). По нашему мнению, именно в данном положении и закрепляются основы для полного реформирования уголовной политики Таджикистана. Утверждения авторов Концепции наводит на мысль, что они разработали данный документ в целях полного воплощения идей второй Программы судебно-правовых реформ (2011-2013 гг.), которая предусматривала принятие Уголовного кодекса в новой редакции. По завершении данной программы и в указанные сроки, уголовный закон не был подготовлен и поэтому авторы своевременно приняли Концепцию, чтобы продолжить работу по общему реформированию уголовной политики.

Также в Концепции дополнительно утверждается, что развитие уголовно-правовой политики связано с комплексной взаимосвязанностью реформ уголовного права, уголовно-процессуального права и уголовно-исполнительного права, а также и правоприменения, и является основным звеном правовой политики государства. В связи с этим, уголовно-правовая политика предусматривает совместное совершенствование уголовного законодательства, исполнения наказания и уголовного процесса (Раздел 3.15 Концепции). Данные подразделы охватывают почти все основные ветви уголовной политики, но в официальном тексте документа их содержание вообще не определяется. В основном это поверхностное указание на эти сферы. Проанализированный контекст документа свидетельствует о том, что требуется эффективная и равномерная реализация всех направлений уголовной политики. И хотя у нас могут появиться оппоненты, указывающие на целевое содержание критикуемого документа, раскрывающего основы *уголовно-правовой политики*, а не *уголовной политики* государства в целом. Не вдаваясь в содержание различных аспектов уголовной политики, мы констатируем лишь те факты, которые характеризуют отсутствие системности и стабильности в отраслевом законодательстве, приводящее к его неправильному осмыслению и дальнейшему применению.

Со второй Программы судебно-правовой реформы в Таджикистане на 2011-2013 гг. одной из задач было принятие УК Республики Таджикистан в новой редакции. До настоящего времени этот вопрос кардинальным образом не решен. По утверждению У.А. Азизова, принятие Уголовного кодекса в независимом Таджикистане положило начало реформе уголовного законодательства, для реального осуществления которой необходимо решить еще много проблем. Поэтому на основе Распоряжения Председателя Исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан от 13 сентября 2011 г. за № 23.4/97 была создана рабочая группа по разработке проекта нового Уголовного кодекса, поскольку действующий кодекс, несмотря на внесенные многочисленные изменения и дополнения, уже не соответствует современным потребностям противостояния преступности и его современным реалиям. В данное время первый вариант проекта Кодекса членами группы подготовлен и находится на стадии первичной переработки и обсуждения специалистов[1].

В рамках исполнения вышеуказанных пунктов, идей и рекомендаций процитированных документов в сфере уголовной политики, распоряжением Президента Республики Таджикистан от 13 мая 2013 г. была сформирована рабочая группа по разработке новой редакции Уголовного кодекса. По предварительным данным, проект Уголовного кодекса в новой редакции после согласования с министерствами и ведомствами страны находится на завершающей стадии доработки со стороны рабочей группы[2]. Исходя из утверждений авторов мониторинга, следует отметить, что их доводы не оправдались и работа заметно переходит на другой этап своего продолжения.

---

[1] *Азизов, У.А.* Эволюция институтов преступления и наказания на территории исторического и современного Таджикистана : историко-правовое исследование : дис. … д-ра юрид наук. – Душанбе, 2015. – С. 353-354.

[2] Программа судебно-правовой реформы на 2011-2013 годы : предварительные результаты и дальнейшие шаги. – С. 73.

В связи с объективными причинами работа по согласованию и окончательной доработке затянулась и вновь Распоряжением Президента Республики Таджикистан от 26 февраля 2016 г. за № АП-684 была сформирована новая рабочая группа, которая планирует завершить работу над текстом Уголовного кодекса в новой редакции. По неофициальным данным – это был конец 2016 года. В таком положении, дело остается за окончательными итогами процесса согласования, публичного обсуждения и соответствующим решением законодателя.

Принятие в новой редакции уголовного закона, независимо от его структурного и формального содержания, придаст заметный «оттенок» другим направлениям уголовной политики государства. Качественный системный подход и профессионализм разработчиков должны сыграть ключевую роль в оптимизации государственной уголовной политики.

В общем, процесс формирования современной отечественной уголовной политики и исходящих от нее результатов зависит от тех тенденций, которые диктуются преобразованиями социально-экономических процессов в стране. Эти процессы, в свою очередь, активно довлеют над количественной характеристикой преступности в целом.

Также необходимо отметить, что отечественная Концепция уголовно-правовой политики скопировала раздел 20.57 Концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан[1]. В данном разделе документа указывалось, что в целях дальнейшей гуманизации уголовного законодательства республики целесообразно принять уголовный кодекс в новой редакции с учетом в ней следующих задач: приведение в соответствии с требованиями международных актов признанных Таджикистаном Уголовный кодекс, в частности с Конвенцией ООН по борьбе с транснациональной организованной преступностью и борьбы с коррупцией; исключить с Уголовного кодекса вопросы повторности преступлений; усилить уголовную ответственность за совершение коррупционных преступлений; декриминализация отдельных преступлений и установление штрафов для экономических преступлений; проанализировать рецидив преступлений как связующий признак; смягчение наказания для некоторых категорий граждан, в частности для несовершеннолетних; исключение ограничения свободы как вид наказания из Уголовного кодекса и внести вместо нее другой вид наказания, не связанный с лишением свободы.

Изложенное также свидетельствует о том факте, что данные идеи нашли свое закрепление чуть в другом обличии в п. 26 Концепции правовой политики Республики Таджикистан. Вопросам совершенствования уголовного законодательства отнесены п.п. 26 и 27. Цитируемые тенденции, по-видимому, и будут превалировать при окончательном определении основных векторов формирования современной отечественной уголовной политики в контексте тенденций регионального и республиканского уровней.

Новый этап становления и развития уголовно-процессуальной политики Таджикистана, непосредственно связан с принятием действующего УПК Республики Таджикистан, который во многом предопределил состязательный уголовный процесс взамен постсоветского гибридного закона. Разработка, принятие и введение в действие масштабного уголовно-процессуального законодательства вызвало шквал бурных эмоций, как отечественных, так и международных экспертов[2].

---

[1] Документ в настоящее время не действует, был принят на определенный этап – 2012-2015 гг. // Концепция прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан : утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 19.02.2011 г. № 1021 ч. 44; Государственная программа по реализации Концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан в сфере государственного устройства, правозащиты, обороны и безопасности на 2012-2015 гг. : утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 01.03.2012 г., № 97 // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан [Электронный ресурс]: URL: http://mmk.tj (дата обращения: 15.06.2018 г.).

[2] *Азизов, Ш.* В Таджикистане принимают новый уголовно-процессуальный кодекс // Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: http://news.tj (дата обращения: 19.10.2009 г.); В Душанбе обсудят вопросы по усовершенствованию УПК Республики Таджикистан // Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: http://news.tj (дата обращения: 28.02.2012 г.); *Ковалёв, Н.* Предварительные комментарии к проекту Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан // Общественный Фонд «Nota Bene» Центр мониторинга и аналитики в области прав и свобод человека [Электронный ресурс]: URL: http://www.notabene.tj (дата обращения: 15.05.2015 г.); *Хамрабаева, Н.* Исследование: 85% респондентов не имели доступа к обсуждению проекта УПК // Азия Плюс [Электронный ресурс]: URL: http://news.tj (дата обращения: 30.03.2012 г.).

Основой для принятия нового УПК Республики Таджикистан послужило принятие Программы судебно-правовой реформы в Таджикистане на 2007-2011 гг. В соответствии с этим документом в тексте УПК Республики Таджикистан должны были предусмотреть: а) обеспечение равенства прав участников судебного разбирательства на всех судебных инстанциях; в) предоставить сторонам право ознакомления с материалами прекращенного дела либо отказного материала; г) не считать признание вины в ходе следствия либо суда в качестве доказательства, подтверждающего виновность; д) расширить права сторон в части собирания и приобщения доказательств; е) возложить на органы дознания только проведение на начальном этапе безотлагательных действий, ограниченные временем; ё) принять эффективные меры защиты в отношении лиц содействующих органам предварительного следствия и суда.

С такими требованиями и с их минимальным учетом при дальнейшей разработке был принят новый УПК Республики Таджикистан, а достижения и недостатки частично подвергаются анализу со стороны отечественных ученых и практиков[1]. Следует указать, что вышеуказанные цели (идеи) частично нашли свое реальное воплощение в тексте закона. Безусловно, это прогресс отечественного уголовно-процессуального законодательства, направленный на поддержание идеи об истинном состязательном уголовном процессе. Но, от неслаженной разработки и дальнейшей доработки уголовно-процессуального закона со стороны рабочей группы, официальный текст УПК Республики Таджикистан превратился в документ, у которого отсутствует *«системность»* и *«стабильность»*. Расхождения и противоречия поэтапно по мере их выявления устраняются законодателем в соответствующем порядке. Необходимо также отметить, что не всегда «ремонт» текста УПК Республики Таджикистан приводит к реальным достижениям. Иногда законопроекты готовятся без соответствующих согласований с внутренними нормами-положениями, регламентирующими основную уголовно-процессуальную деятельность органов и должностных лиц, вовлеченных в уголовный процесс.

В очередной Программе судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2011-2013 гг. как говорится «забыли» о совершенствовании тех или иных институтов уголовного судопроизводства. Традиционно основная цель программ заключалась в совершенствовании судебной системы и вытекающих из нее полномочий. С окончанием первой и второй программы судебно-правовых реформ некоторые актуальные направления уголовно-процессуальной политики все еще требуют переосмысления в научном, теоретико-правовом и практическом аспектах, что необходимо учитывать законодателю (в основном разработчикам или авторам) и имеют первостепенное значение. Следует оговориться, что с принятием новых законов в виде поправок или кодексов не решаются наиболее острые проблемы правоприменения правоохранительных органов.

Свидетельством вышеизложенных авторских позиций могут выступить 18 поправок действующего уголовно-процессуального законодательства. Системный анализ поправок и их количество характеризуют о рассогласованности ряда норм УПК Республики Таджикистан. Абсолютное большинство указанных поправок нами критично проанализированы в соответствующих научных исследованиях[2]. Новые задачи по реформированию уголовно-процессуального законодательства предлагает Концепция правовой политики Республики Таджикистан. Вопросы уголовно-процессуального законодательства, требующие своего решения, закреплены в п.п. 55-57 указанной Концепции.

Между двумя программами судебно-правовых реформ была принята Концепция прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан, которая в свою очередь кос-

[1] Практика применения Уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан и рекомендации по его совершенствованию // под ред. Маджитова А. М., Камоловой Е. Д. – Душанбе, 2012. – 228 с.; Достижения, проблемы и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан : материалы международной научно-практической конференции. – Душанбе : «Ирфон», 2014. – 283 с. и ряд других изданий.

[2] *Юлдошев, Р. Р.* Научно-практический комментарий к отдельным главам Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. – М. : ЮСТИЦИЯ, 2016. – 226 с. и другие научные работы.

венно напомнила о консистенции уголовно-процессуальной политики Таджикистана. Как указывается по тексту Концепции, дальнейшая систематизация процессуального законодательства должна осуществляться по следующим направлениям: совершенствовать принцип состязательности и равенства сторон в процессе, которое предусматривает *совершенствование уголовно-процессуального законодательства путем пересмотра отдельных его институтов, не изменяя общей концепции Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. При этом представляется целесообразным: а) перерассмотреть сумму залога в сторону уменьшения его минимального размера в целях расширения круга лиц, к которым он мог бы быть применен; б) обеспечение механизмов обжалования действий и решений судов в срок и в порядке предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством* (Ч. 14, п. 48).

Здесь же следует процитировать и утверждение разработчиков, что в историческом периоде развития всех отраслей общественной жизни Таджикистана обеспечиваются условия по переходу от одного социального устройства к другому устройству. В этой связи новые общественные отношения в первую очередь нуждаются в законодательном регулировании и гарантии судебной защиты. Укрепления гарантии судебной защиты обеспечит развитие общественных отношений и необходимо и значимо для развития и перемены общества. Эти объективные факторы требуют, чтобы судебно-правовая реформа в стране продолжилась (Ч. 19, п. 54). Данная цель находить свое дополнительное подтверждение в другом пункте, который указывает, что в целях дальнейшего укрепления судебной власти и повышения их роли по защите прав и свобод человека и гражданина, охраны государственных интересов предусмотреть разработку нового продолжения программы судебной реформы (Ч. 20, п. 54).

На наш взгляд, современная, направленная на защиту жертв преступлений и других участников процесса, концепция уголовно-процессуального законодательства должна содержать следующие направления:

- повышение процессуальной роли жертв преступлений: возможность альтернативных способов разрешения криминальных событий путем расширения сферы декриминализации преступлений, не предоставляющих большой общественной опасности, развитие согласительных процедур; расширение перечня нетяжких правонарушений, по которым возбуждение уголовных дел, их прекращение в любой стадии зависело бы от добровольного волеизъявления потерпевшей стороны;
- повышение гарантий возмещения вреда потерпевшим от преступлений, в том числе создание специализированных федерального и регионального фондов возмещения ущерба жертвам преступлений в тех случаях, когда преступники, страховые общества и иные организации не в состоянии обеспечить возмещение ущерба;
- усиление правовой и социальной защиты участников уголовного процесса.

Выглядит неординарным следующая идея разработчиков: в перспективе в целях укрепления судебной власти, защиты прав и свобод человека и граждан, эффективности проведения следствия в будущем *исключить ведение предварительного следствия (предварительное дознание и следствие) путем введения судебного следствия по уголовным делам* (Ч. 19, п. 55).

Мы считаем, такое решение может привести в тупик и без того смешанную уголовно-процессуальную модель Таджикистана, которая стремится стать истинно состязательной при которой стороны станут равноправными. Ведь если в гражданском процессе предварительная подготовка по делу имеет относительно несложный характер и ведется сторонами и судом, который будет его рассматривать по существу (гл. 6 ГПК Республики Таджикистан), то в уголовном судопроизводстве (по крайней мере, по делам публичного и частно-публичного обвинения) этому препятствует ряд факторов. По уголовным делам установление фактической истины часто осложнено ввиду неочевидного характера многих преступлений, запирательства и противодействия со стороны обвиняемых и т. п. Поэтому, в отличие от истца в гражданском процессе, обвинитель не может сразу окончательно сформулировать свои тре-

бования и обратиться с ними к суду. Он вынужден делать первый шаг, порой не имея достаточных доказательств. Прежде ему необходимо безотлагательно обнаружить и закрепить следы преступления, установить и разыскать подозреваемого, собрать и проверить необходимые доказательства, определить предмет уголовно-правового спора и предъявить первоначальное обвинение, проверить доводы, выдвинутые против него защитой, и наконец, обеспечить личное участие обвиняемого в процессе. Только после этого возможно представить в суд окончательное обвинение. Все это обычно требует значительного времени и усилий. Словом, необходимо официальное предварительное расследование, которое в современном уголовном процессе не может осуществляться самим судом. Для этого существуют особые государственные органы уголовного преследования (предварительного расследования), наделенные специальными ресурсами и полномочиями.

Дискуссионность анализа должна поспособствовать дальнейшей оптимизации уголовной политики, оживлению научной полемики и выработке конкретных перспективных направлений с учетом всех обстоятельств, которые в совокупности могут оказать равномерное влияние на дальнейшее формирование и развитие уголовной политики Таджикистана, которая в свою очередь находится в поиске оптимальных векторов развития и дальнейшего совершенствования. Не является в этом плане исключением и уголовно-процессуальная политика Таджикистана.

Следует отметить, что продолжающаяся судебно-правовая реформа в Республике по своей сути является неотъемлемой составной частью общих реформ органов государственной власти. Введенная в действие очередная Программа судебно-правовых реформ на 2015-2017 гг. в Таджикистане, свидетельствует о кардинальном и продолжающемся реформировании органов уголовной юстиции.

В Программе судебно-правовых реформ на 2015-2017 гг. во вводной ее части опять констатируется, что ведётся работа по разработке Уголовного кодекса Республики Таджикистан[1]. О новой редакции или о новом варианте идет речь, нам пока неизвестно. Утверждение о работе над УК Республики Таджикистан уже говорить о многом. Главное в этих стремлениях законодателей не забыть о других родственных отраслях, которые могут пострадать в результате одностороннего совершенствования / реформирования без учета положений других отраслей права, координирующих друг друга в регламентации смежных общественных правоотношений.

Как традиционно утверждают авторы Программы судебно-правовых реформ на 2015-2017 гг., главной целью судебно-правовой реформы является укрепление судебной власти, демократизация судебного процесса, повышение роли суда в защите прав и свобод человека и гражданина, интересов государства, организаций и учреждений, обеспечение законности и справедливости и на их основе совершенствование структуры и деятельности правоохранительных органов Республики Таджикистан.

В свою очередь уголовная политика нуждается в тщательном и системном подходе при реформировании уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Разобщенность при принятии ключевых законодательств и не учитывание особенностей различных отраслей права и их взаимообусловленность приводят к разночтению и недопониманию в правоприменительной практике. В итоге получается полный парадокс, сводящий все старания реформаторов к нескончаемым поправкам законодательной базы, вместо концентрированной деятельности в законотворческом процессе и использовании принятых ключевых документов.

В рамках выделения и обоснования векторов развития и совершенствования основ современной уголовной политики Таджикистана, считаем необходимым указать на отсутствие особого желания ученых участвовать в дальнейшем становлении, развитии и анализе пер-

[1] Этот вопрос в утвердительной форме указан в главе 2 проекта Программы судебно-правовой реформы в Республике Таджикистан на 2019-2023 гг.

спектив исследуемой проблематики. Как нам представляется, отсутствие цельного комментария к нормам уголовного[1] уголовно-процессуального закона[2] также свидетельствует о безыинтересности изложенной позиции, не говоря о систематизации потенциала определенных научных школ и направлений. Исключением является комментарий к кодексу исполнения уголовных наказаний[3].

Следует также отметить, что многие отечественные научные школы и отдельные ученые давно уже не занимаются конкретными исследованиями, не говоря об отсутствии коллективных и межкафедральных исследований.

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что государство в рамках реформирования уголовной политики в целях всесторонней защиты конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, поэтапно делает все возможное, чтобы доработать выявленные слабые аспекты уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов и судов. Механизм проработки соответствующих вопросов решается на среднем уровне, а после принимаются соответствующие решения государственных органов. На этой основе и зиждутся демократические и нравственные основы современного уголовного судопроизводства в контексте реализации уголовно-процессуальной политики. В указанных направлениях немаловажную роль должны сыграть научные и практические сотрудники, от профессионализма и мастерства которых многое зависит. И как нам кажется, таким представляются основные векторы развития и совершенствования отечественной уголовно-процессуальной политики, как составной части уголовной политики.

И вкратце об уголовно-исполнительном законодательстве. В настоящее время принимаются соответствующие меры в целях выполнения задач по гуманизации исполнения наказания, улучшения условий содержания лиц, лишенных свободы и приближения их к требованиям международных стандартов.

В соответствии с Национальным планом реализации рекомендаций государств-членов Совета ООН по правам человека в связи с Универсальным периодическим обзором Республики Таджикистан по правам человека[4] осуществляются мероприятия в целях принятия последующих мер по реформе системы исполнения уголовных наказаний, усиление потенциала учреждений системы исполнения уголовных наказаний и улучшения защиты прав осужденных, в том числе их права на питание, безопасную питьевую воду и санитарные условия. Выполнение и приведение в соответствие с требованиями и стандартами в области соблюдения прав и свобод человека и гражданина прав обсуждалось в рамках нескольких анализов независимых экспертов и организаций[5].

Начиная с 2002 года[6], и далее в Таджикистане были приняты несколько важных отраслевых документов. Последующий документ был принят в 2003 г. Программа реформирова-

---

[1] Комментарии к Уголовному кодексу Республики Таджикистан / Ответственный редактор Х. Х. Шарипов. – Душанбе : “Глобус”, 2006. – 880 с.; Комментарии к отдельным статьям особенной части Уголовного кодекса Республики Таджикистан / под ред. Кахарова А. А. – Душанбе, 2011. – 695 с.

[2] Ковалев, Н. Предварительные комментарии к проекту Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан. – Душанбе, 2009. – 16 с.; Юлдошев, Р. Р. Научно-практический комментарий к отдельным главам уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан : монография. – М. : ЮСТИЦИЯ, 2016. – 226 с.

[3] Комментарий к Кодексу исполнения уголовных наказаний (на тадж. яз) / З. А. Камолов, А. И. Сафарзода, Ш. Л. Халиков, Т. Ш. Шарипов, Ф. И. Ганиев, П. Н. Наврузова. – Душанбе, 2018. – 636 с.

[4] Утвержден Распоряжением Президента Республики Таджикистан от 3 апреля 2013 года, № РП-2200.

[5] Программа судебно-правовой реформы на 2011-2013 годы : предварительные результаты и дальнейшие шаги. – Душанбе, 2013. – 85 с.; Анализ выполнения рекомендаций государств-членов Совета ООН по правам человека Правительством Республики Таджикистан в рамках Универсального периодического обзора с 2012-2015 годы. – Душанбе : Бюро по правам человека и соблюдению законности, 2015. – 304 с.; Универсальный периодический обзор по правам человека, подготовленный общественными организациями Республики Таджикистан. Отчет № 1 «Гражданские и политические права». – Душанбе, 2015. – 32 с.

[6] Постановление Правительства Республики Таджикистан от 12.09.2002 года № 367 "О реализации Указа Президента Республики Таджикистан от 26 июля 2002 года" № 855 "О реформировании уголовно-исполнительной системы Республики Таджикистан" и другие нормативно-правовые акты.

ния уголовно-исполнительной системы Республики Таджикистан на 2004-2008 гг.[1], где приоритетами Программы выступали: гуманизация системы исполнения наказаний; усиление гарантий соблюдения прав и законных интересов осужденных в процессе исполнения наказаний; улучшение условий содержания лиц, в следственных изоляторах, осужденных к отбыванию наказания в виде лишения свободы в исправительных учреждениях и обеспечение социальной защищённости сотрудников уголовно исполнительной системы.

Результаты от реализации программы были следующие: максимальное приближение условий отбывания наказания к требованиям международных норм и стандартов в сфере исполнения наказаний, создание условий для социальной реабилитации и адаптации осужденных, подготовка их к жизни в обществе после освобождения, повышения уровня безопасности в органах исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Республики Таджикистан, улучшение системы исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества путём расширения их функций, увеличение количества осужденных, занятых трудом, существенное повышение профессиональной подготовки сотрудников. О полной или частичной реализации цитируемого документа соответствующих публикаций не было издано.

Принятые в данном направлении программы, в частности, Программа «Развития системы исполнения уголовных наказаний на 2015-2020 годы»[2] и «Программа организации труда и промышленного производства в исправительных учреждениях Республики Таджикистан на 2015-2020 годы» являются всему изложенному свидетельством комплексного реформирования анализируемой сферы.

Следовательно, Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 28 февраля 2015 года за № 101 «О Программе развития системы юстиции на 2015-2020 годы» был принят указанный документ, характеризующий и планирующий перспективный пересмотр действующей системы юстиции. В целях реализации пункта 2 Постановления Правительства Республики Таджикистан от 28 февраля 2015 года за № 101 «О Программе развития системы юстиции на 2015-2020 годы» Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 28 ноября 2015 года №729 был утвержден другой документ «О Плане мероприятий по реализации Программы развития системы юстиции на 2015-2020 годы».

Разработанный проект Стратегии реформирования системы исполнения уголовных наказаний в Таджикистане до 2025 года, свидетельствует также о комплексном подходе законодателя и разработчиков-исполнителей в контексте реализации проанализированных документов. Как правильно указывается во введении данного документа, с передачей уголовно-исполнительной системы из Министерства внутренних дел в ведение Министерства юстиции были определены новые приоритеты дальнейшего развития уголовно-исполнительной системы Республики Таджикистан в новых условиях, главными из которых является гуманизация системы исполнения наказаний, необходимость приближения условий содержания осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, к международным нормам и стандартам и их правового положения к требованиям Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Реализация названных приоритетов требует выработки системного и комплексного подхода к исполнению уголовных наказаний, поиска и внедрения новых форм и методов воздействия на лиц, осужденных судами к отбыванию уголовных наказаний. Во всех учреждениях и следственных изоляторах идёт интенсивная работа по изменению морально-психологического климата, приведению условий содержания осужденных и подследственных к требованиям международных норм и стандартного содержания.

Вышеизложенные позиции по наиболее принципиальным вопросам совершенствования уголовно-исполнительной системы указаны отдельным пунктом в Национальном плане дей-

[1] Утверждено постановлением Правительства Республики Таджикистан от 5 декабря 2003 года № 533.

[2] Доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Таджикистан за 2015 годы. – Душанбе, 2016. – С. 149.

ствий по выполнению рекомендаций государств-членов Совета Организации Объединенных Наций по правам человека согласно процедуре Универсального периодического обзора (второй период) на 2017-2020 гг.[1]. Отдельные приоритетные положения уголовно-исполнительной политики зафиксированы в п.п. 27 и 29 Концепции правовой политики Республики Таджикистан.

На данном этапе внесены изменения и дополнения в соответствующие ведомственные нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность исправительных учреждений по усилению гарантий соблюдения законности при исполнении наказаний, более эффективной социальной и правовой защищённости осужденных, снижению количества ограничений и запретов, расширению оснований для досрочного освобождения.

Следует отметить, что по решению руководителя Исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан Рахмон О.Э. от 10 июля 2017 г. был утвержден состав рабочей группы по разработке проекта Кодекса исполнения уголовных наказаний Республики Таджикистан. Срок разработки и представления в целях обсуждения и согласования указано первое полугодие 2018 г.

Консолидация усилий и точечный подход, по нашему мнению, придадут политике уголовной, уголовно-процессуальной и уголовно-исполнительной поистине демократический характер, где будут превалировать общие интересы взамен необоснованных и ненужных компонентов реформирования законодательства. Главное в анализируемой сфере совместить все аспекты правоохранительной и правоприменительной деятельности различных государственных органов и их должностных лиц с целью сведения в единое русло взаимообусловленность и их взаимодействие в контексте достижения общих целей.

И как указывается в Концепции правовой политики государства, для полного исполнения указанных программ, в этих условиях должна реализовываться стратегия соответствующая целям правотворчества и его применения с учетом решения долгосрочных задач в экономических, социальных, культурных и других сферах законодательства. В связи с этим, последующее развитие законодательства страны, должно проходить в соответствии с единой концепцией правовой политики, перспективу развития которой определяет Конституция Республики Таджикистан.

[1] Утвержден Распоряжением Президента Республики Таджикистан от 7 июня 2017 г. № РП-901.

РЕЗОЛЮЦИЯ

международной научно-практической конференции
«Уголовная политика в контексте современных мировых тенденций»

25 мая 2018 г. **г. Душанбе**

25 мая 2018 года в зале заседаний Академии МВД Республики Таджикистан состоялась международная научно-практическая конференция «Уголовная политика в контексте современных мировых тенденций».

По результатам обсуждений,

УЧАСТНИКИ КОНФЕРЕНЦИИ РЕШИЛИ:

1. Признать, что для усовершенствования, оптимизации и унификации уголовной политики государств-участников СНГ необходимо объединение деятельности ученых и практиков, а также консолидация всех усилий государственных и общественных структур, имеющих непосредственное отношение к решению проблем уголовной политики.

2. В контексте глобализации вызовов и угроз современности общими усилиями адаптировать и максимально сблизить / унифицировать уголовную политику государств-участников СНГ.

3. Организовать проведение конкретных научных исследований по смежным проблемам уголовной политики государств-участников СНГ в контексте изучения передового опыта развитых стран и их реального применения с учетом особенностей отдельных государств.

4. Необходимо разработать соответствующую платформу для реализации конкретных положений Концепции правовой политики Республики Таджикистан на 2018-2028 гг. относящихся к уголовной политике в соответствии с основополагающими аспектами Концепции уголовно-правовой политики Республики Таджикистан.

5. В рамках проводимых правовых реформ осуществлять комплексные мониторинги целей и задач конкретных стратегий и программ реформирования отдельных компонентов уголовной политики во избежания дублирования действий.

6. Внести рекомендацию в соответствующие государственные органы о проведении редакционной, технической и лингвистической экспертиз текстов УК, УПК и КИУН Республики Таджикистан.

7. Рекомендовать подготовить рабочую группу независимых экспертов из числа ученых различных ВУЗов, международных организаций, аккредитованных в Таджикистане и сотрудников правоохранительных органов для подготовки предложений по унификации уголовной политики Таджикистана.

8. Предложить разработчикам и законодателю по мере возможности в процессе внесения изменений и дополнений в текст УК, УПК и КИУН Республики Таджикистан привлекать в качестве независимых экспертов из числа ученых различных ВУЗов, международных организаций, аккредитованных в Таджикистане и сотрудников правоохранительных органов.

9. Предложить законодательным органам публично обсуждать законопроекты в сфере уголовной политики для уточнения позиции отдельных экспертов и специалистов-ученых по различным правовым вопросам, затрагивающим наиболее уникальные институты отраслевого законодательства.

10. Опубликовать сборник материалов Международной научно-практической конференции «Уголовная политика в контексте современных мировых тенденций» для использования в практической деятельности, а также в научно-исследовательской деятельности и учебном процессе.

БАРОИ ҚАЙДҲО

Д Л Я З А М Е Т О К

СИЁСАТИ ҶИНОЯТӢ ДАР ҶОДАИ ТАМОЮЛҲОИ МУОСИРИ ҶАҲОНӢ

Конференсияи байналмилалии илмӣ-амалӣ бахшида ба 20-солагии Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон (ш. Душанбе, 25 майи соли 2018)

«УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ МИРОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ»

Международная научно-практическая конференция в честь 20-летия Уголовного кодекса Республики Таджикистан (г. Душанбе, 25 мая 2018 года)

Ба матбаа 30.07.2018 таҳвил гардид. Чопаш 08.09.2018
ба имзо расид. Коғази офсет. Андозаи 60х84 1/8.
Ҷузъи чопии шартӣ 41,5. Адади нашр 100 нусха.
Супориши № 295. Нархаш шартномавӣ.

Дар матбааи ҶДММ «ЭР-граф» ба табъ расидааст.
734036, ш. Душанбе, кӯчаи Р. Набиев 218.
Тел.: (+992 37) 227-39-92. E-mail: r-graph@mail.ru